APULEII

METAMORPHOSEON
SIVE
ASINUS AUREUS

LIBER PRIMUS

1. At ego tibi sermone isto Milesio varias fabulas conseram auresque tuas benivolas lepido susurro permulceam -- modo si papyrum Aegyptiam argutia Nilotici calami inscriptam non spreveris inspicere --, figuras fortunasque hominum in alias imagines conversas et in se rursus mutuo nexu refectas ut mireris. Exordior. "Quis ille?" Paucis accipe.	1. Вот я сплету тебе на милетский манер[1] разные басни, слух благосклонный твой порадую лепетом милым, если только соблаговолишь ты взглянуть на египетский папирус, исписанный острием нильского тростника[2]; ты подивишься на превращения судеб и самых форм человеческих и на их возвращение вспять тем же путем, в прежнее состояние. Я начинаю. "Но кто он такой?" - спросишь ты. Выслушай в двух словах.
Hymettos Attica et Isthmos Ephyrea et Taenaros Spartiatica, glebae felices aeternum libris felicioribus conditae, mea vetus prosapia est; ibi linguam Atthidem primis pueritiae stipendiis merui. Mox in urbe Latia advena studiorum Quiritium indigenam sermonem aerumnabili labore nullo magistro praeeunte aggressus excolui.	Аттическая Гиметта[3], Эфирейский перешеек и Тенара Спартанская, земли счастливые, навеки бессмертие стяжавшие еще более счастливыми книгами, - вот древняя колыбель нашего рода. Здесь овладел я аттическим наречием[4], и оно было первым завоеванием моего детства. Вслед за тем прибыл я, новичок в науках, в столицу Лациума[5] и с огромным трудом, не имея никакого руководителя, одолел родной язык квиритов[6].
En ecce praefamur veniam, siquid exotici ac forensis sermonis rudis locutor offendero. Iam haec equidem ipsa vocis immutatio desultoriae scientiae stilo quem accessimus respondet. Fabulam Graecanicam incipimus. Lector intende: laetaberis.	Вот почему прежде всего я умоляю не оскорбляться, если встретятся в моем грубом стиле чужеземные и простонародные выражения. Но ведь само это чередование наречий соответствует искусству мгновенных превращений, а о нем-то я и собирался написать. Начинаем греческую басню[7]. Внимай, читатель, будешь доволен.
2. Thessaliam -- nam et illic originis maternae nostrae fundamenta a Plutarcho illo inclito ac mox Sexto philosopho nepote eius prodita gloriam nobis faciunt -- eam Thessaliam ex negotio petebam. Postquam ardua montium ac lubrica vallium et roscida cespitum et glebosa camporum emersi, in equo indigena peralbo vehens iam eo quoque admodum fesso, ut ipse etiam fatigationem sedentariam incessus vegetatione discuterem in pedes desilio, equi sudorem, frontem curiose exfrico, auris remulceo, frenos detraho, in gradum lenem sensim proveho, quoad lassitudinis incommodum alvi solitum ac naturale praesidium eliquaret. Ac dum is ientaculum ambulatorium prata quae praeterit ore in latus detorto pronus adfectat, duobus comitum qui forte paululum processerant tertium me facio. Ac dum ausculto quid sermonibus agitarent, alter	2. Я ехал по делам в Фессалию, так как мать моя родом оттуда, и семейство наше гордится происхождением от знаменитого Плутарха[8] через племянника его Секста-философа. Ехал я на местной ослепительно-белой лошади, и когда, миновав горные кручи, спуски в долины, луга росистые, поля возделанные, она уже притомилась и я, от сиденья уставший, не прочь был размять ноги, - я спешился. Я тщательно листьями отираю пот с лошади, по ушам ее поглаживаю, отпускаю узду и шажком ее провожаю, пока она усталый желудок обыкновенным и естественным образом не облегчит. И покуда она, наклонив голову набок, искала пищи по лугу, вдоль которого шла, я присоединяюсь к двум путникам, которые шли впереди меня на близком расстоянии, и покуда я слушаю, о чем идет

exserto cachinno: "Parce" inquit "in verba ista haec tam absurda tamque immania mentiendo." Isto accepto sitior alioquin novitatis: "Immo vero" inquam "impertite sermonem non quidem curiosum sed qui velim scire vel cuncta vel certe plurima; simul iugi quod insurgimus aspritudinem fabularum lepida iucunditas levigabit."	разговор, один из них, расхохотавшись, говорит: - Уволь от этих басен, таких же нелепых, как и пустых. Услышав это, я, жадный до всяких новостей, говорю: - Напротив, продолжай! Разрешите и мне принять участие в вашем разговоре: я не любопытен, но хочу знать если не все, то как можно больше, к тому же приятный и забавный рассказ облегчит нам этот крутой подъем.
3. At ille qui coeperat: "Ne" inquit "istud mendacium tam verum est quam siqui velit dicere magico susurramine amnes agiles reverti, mare pigrum conligari, ventos inanimes exspirare, solem inhiberi, lunam despumari, stellas evelli, diem tolli, noctem teneri."	3. Тот, кто начал, отвечает: - Э! Все эти выдумки так же похожи на правду, как если бы кто стал уверять, будто магическое нашептывание заставляет быстрые реки бежать вспять, море - лениво застыть, ветер - лишиться дыханья, солнце - остановиться, луну - покрыться пеной, звезды - сорваться, день - исчезнуть, ночь - продлиться!
Tunc ego in verba fidentior: "Heus tu" inquam "qui sermonem ieceras priorem, ne pigeat te vel taedeat reliqua pertexere", et ad alium: "Tu vero crassus et obstinato corde respuis quae forsitan vere perhibeantur. Minus hercule calles pravissimis opinionibus ea putari mendacia quae vel auditu nova vel visu rudia vel certe supra captum cogitationis ardua videantur; quae si paulo accuratius exploraris, non modo compertu evidentia verum etiam factu facilia senties.	Тогда я говорю увереннее: - Пожалуйста, ты, который начал рассказ, доканчивай его, если тебе не лень и не надоело. - Потом к другому: - Ты же, заткнув уши и заупрямившись, отвергаешь то, что может быть истинной правдой. Клянусь Геркулесом, ты даже понятия не имеешь, что только предвзятые мнения заставляют нас считать ложным то, что ново слуху, или зрению непривычно, или кажется превышающим наше понимание; если же посмотреть повнимательнее, то обнаружишь, что это все не только для соображения очевидно, но и для исполнения легко.
4. Ego denique vespera, dum polentae caseatae modico secus offulam grandiorem in convivas aemulus contruncare gestio, mollitie cibi glutinosi faucibus inhaerentis et meacula spiritus distinentis minimo minus interii. Et tamen Athenis proxime et ante Poecilen porticum isto gemino obtutu circulatorem aspexi equestrem spatham praeacutam mucrone infesto devorasse, ac mox eundem, invitamento exiguae stipis venatoriam lanceam, qua parte minatur exitium, in ima viscera condidisse. Et ecce pone lanceae ferrum, qua bacillum inversi teli ad occipitium per ingluviem subit, puer in mollitiem decorus insurgit inque flexibus tortuosis enervam et exossam saltationem explicat cum omnium qui aderamus admiratione: diceres dei medici baculo, quod ramis semiamputatis nodosum gerit, serpentem generosum lubricis amplexibus inhaerere. Sed iam cedo tu sodes, qui coeperas, fabulam remetire. Ego tibi solus haec pro isto credam, et quod ingressui primum fuerit stabulum prandio	4. Вот вчера вечером едим мы с товарищами пирог с сыром наперегонки, и хочу я проглотить кусок чуть побольше обычного, как вдруг кушанье, мягкое и липкое, застревает в горле: до того у меня в глотке дыханье сперло - чуть не умер. А между тем недавно в Афинах, у Пестрого портика[9], я собственными глазами видел, как фокусник глотал острием вниз преострейший меч всадника. Вслед за тем он же за несколько грошей охотничье копье смертоносным концом воткнул себе в кишки. И вот на окованное железом древко перевернутого копья, из горла фокусника торчавшего, на самый конец его, вскочил миловидный отрок и, к удивлению нас всех присутствовавших, стал извиваться в пляске, словно был без костей и без жил. Можно было принять все это за узловатый жезл бога врачевания[10] с полуотрубленными сучками, который обвила любовными извивами змея плодородия. Но полно! Доконч, прошу тебя,

participabo. Haec tibi merces posita est."	товарищ, историю, что начал. Я тебе один за двоих поверю и в первой же гостинице угощу завтраком; вот какая награда тебя ожидает.
5. At ille: "Istud quidem quod polliceris aequi bonique facio, verum quod inchoaveram porro exordiar. Sed tibi prius deierabo solem istum omnividentem deum me vera comperta memorare, nec vos ulterius dubitabitis si Thessaliae proximam civitatem perveneritis, quod ibidem passim per ora populi sermo iactetur quae palam gesta sunt. Sed ut prius noritis cuiatis sim, qui sim: Aegiensis; audite et quo quaestu me teneam: melle vel caseo et huiusce modi cauponarum mercibus per Thessaliam Aetoliam Boeotiam ultro citro discurrens. Comperto itaque Hypatae, quae civitas cunctae Thessaliae antepollet, caseum recens et sciti saporis admodum commodo pretio distrahi, festinus adcucurri id omne praestinaturus. Sed ut fieri adsolet, sinistro pede profectum me spes compendii frustrata est: omne enim pridie Lupus negotiator magnarius coׄmerat. Ergo igitur inefficaci celeritate fatigatus commodum vespera oriente ad balneas processeram.	5. А он ко мне: - Что предлагаешь, считаю справедливым и хорошим, но мне придется начать свой рассказ сызнова. Прежде же поклянусь тебе Солнцем, этим всевидящим божеством, что рассказ мой правдив и достоверен. Да у вас обоих всякое сомнение пропадет, как только вы достигнете ближайшего фессалийского города: там об этой истории только и разговору, ведь события происходили у всех на глазах. Но наперед узнайте, откуда я и кто таков. Меня зовут Аристомен, и родом я с Эгины[11]. Послушайте также, чем я себе хлеб добываю: Фессалию, Этолию и Беотию в разных направлениях объезжаю с медом, сыром или другим каким товаром для трактирщиков. Узнав, что в Гипате, крупнейшем из городов Фессалии, продается по очень сходной цене отличный на вкус, свежий сыр, я поспешил туда, собираясь закупить его весь оптом. Но, как часто бывает, в недобрый час я отправился, и надежды на барыш меня обманули: накануне все скупил оптовый торговец Луп. Утомленный напрасной поспешностью, направился я было с наступлением вечера в бани.
6. Ecce Socraten contubernalem meum conspicio. Humi sedebat scissili palliastro semiamictus, paene alius lurore ad miseram maciem deformatus, qualia solent fortunae decermina stipes in triviis erogare. Hunc talem, quamquam necessarium et summe cognitum, tamen dubia mente propius accessi.	6. Вдруг вижу я товарища моего, Сократа! Сидит на земле, дрянной, изорванный плащ только наполовину прикрывает его тело; почти другим человеком стал: бледность и жалкая худоба до неузнаваемости его изменили, и сделался он похож на тех пасынков судьбы, что на перекрестках просят милостыню. Хотя я его отлично знал и был с ним очень дружен, но, видя его в таком состоянии, я усомнился и подошел поближе.
"Hem," inquam "mi Socrates, quid istud? Quae facies? Quod flagitium? At vero domi tuae iam defletus et conclamatus es, liberis tuis tutores iuridici provincialis decreto dati, uxor persolutis feralibus officiis luctu et maerore diuturno deformata, diffletis paene ad extremam captivitatem oculis suis, domus infortunium novarum nuptiarum gaudiis a suis sibi parentibus hilarare compellitur. At tu hic larvale simulacrum cum summo dedecore nostro viseris."	- Сократ! - говорю. - Что с тобой? Что за вид? Что за плачевное состояние? А дома тебя давно уже оплакали и по имени окликали[12], как покойника! Детям твоим, по приказу верховного судьи провинции, назначены опекуны; жена, помянув тебя как следует, подурневши от непрестанной скорби и горя, чуть не выплакавши глаз своих, уже слышит от родителей побуждения увеселить несчастный дом радостью нового брака. И вдруг ты оказываешься здесь, к нашему крайнему позору, загробным выходцем!
"Aristomene", inquit "ne tu fortunarum lubricas ambages et instabiles incursiones et reciprocas vicissitudines ignoras", et cum dicto sutili centunculo faciem suam iam dudum punicantem	- Аристомен, - ответил он, - право же, не знаешь ты коварных уловок судьбы, непрочных ее милостей и все отбирающих превратностей. - С этими словами лицо свое, давно уже от

prae pudore obtexit ita ut ab umbilico pube tenus cetera corporis renudaret. Nec denique perpessus ego tam miserum aerumnae spectaculum iniecta manu ut adsurgat enitor.	стыда красневшее, заплатанным и рваным плащом прикрыл, так что оставшуюся часть тела обнажил от пупа до признака мужественности. Я не мог дольше видеть такого жалкого зрелища нищеты и, протянув руку, помог ему подняться.
7. At ille, ut erat, capite velato: "Sine, sine" inquit "fruatur diutius tropaeo Fortuna quod fixit ipsa." Effeci sequatur, et simul unam e duabus laciniis meis exuo eumque propere vestio dicam an contego et ilico lavacro trado, quod unctui, quod tersui, ipse praeministro, sordium enormem eluviem operose effrico, probe curato ad hospitium lassus ipse fatigatum aegerrime sustinens perduco, lectulo refoveo, cibo satio, poculo mitigo, fabulis permulceo. Iam adlubentia proclivis est sermonis et ioci et scitum etiam cavillum, iam dicacitas timida, cum ille imo de pectore cruciabilem suspiritum ducens dextra saevientem frontem replaudens:	7. Но тот, как был с покрытой головой: - Оставь, - говорит, - оставь судьбу насладиться досыта трофеем, который сама себе воздвигла. Я заставляю его идти со мною, немедленно одеваю или, вернее сказать, прикрываю наготу его одной из двух своих одежд, которую тут же снял с себя, и веду в баню; там мази и притиранья сам готовлю, старательно соскребаю огромный слой грязи и, вымыв как следует, сам усталый, с большим трудом его, утомленного, поддерживая, веду к себе, постелью грею, пищей ублажаю, чашей подкрепляю, рассказами забавляю. Уж он склонился к разговору и шуткам, уж раздавались остроты и злословие, пока еще робкие, как вдруг, испустив из глубины груди мучительный вздох и хлопнув яростно правой рукою по лбу:
"Me miserum" infit "qui dum voluptatem gladiatorii spectaculi satis famigerabilis consector in has aerumnas incidi. Nam, ut scis optime, secundum quaestum Macedoniam profectus, dum mense decimo ibidem attentus nummatior revortor, modico prius quam Larissam accederem, per transitum spectaculum obiturus in quadam avia et lacunosa convalli a vastissimis latronibus obsessus atque omnibus privatus tandem evado, et utpote ultime adfectus ad quandam cauponam Meroln, anum sed admodum scitulam, devorto, eique causas et peregrinationis diuturnae et domuitionis anxiae et spoliationis [diuturnae et dum] miserae refero; quae me nimis quam humane tractare adorta cenae gratae atque gratuitae ac mox urigine percita cubili suo adplicat. Et statim miser, ut cum illa adquievi, ab unico congressu annosam ac pestilentem con contraho et ipsas etiam lacinias quas boni latrones contegendo mihi concesserant in eam contuli, operulas etiam quas adhuc vegetus saccariam faciens merebam, quoad me ad istam faciem quam paulo ante vidisti bona uxor et mala fortuna perduxit."	- О, я несчастный! - воскликнул он. - Предавшись страсти к гладиаторским зрелищам, уже достаточно прославленным, в какие бедствия впал я! Ведь, как ты сам отлично знаешь, приехав в Македонию по прибыльному делу, которое задержало меня там месяцев на девять, я отправился обратно с хорошим барышом. Я был уже недалеко от Лариссы[13] (по пути хотел я на зрелищах побывать), когда в уединенном глубоком ущелье напали на меня лихие разбойники. Хоть дочиста обобрали - однако спасся. В таком отчаянном положении заворачиваю я к старой, но до сих пор еще видной собою кабатчице Мерое. Ей я рассказываю о причинах и долгой отлучки из дому, и страхов на обратном пути, и злосчастного ограбления. Она приняла меня более чем любезно, даром накормила хорошим ужином и вскоре, побуждаемая похотью, пригласила к себе на кровать. Тотчас делаюсь я несчастным, так как, переспав с ней только разочек, уже не могу отделаться от этой чумы. Все в нее всадил: и лохмотья, что добрые разбойники на плечах у меня оставили, и гроши, что я зарабатывал, как грузчик, когда еще сила была,- пока эта добрая женщина и злая судьба не довели меня до такого состояния, в каком ты меня только что видел.
8. "Pol quidem tu dignus" inquam "es extrema sustinere, si quid est tamen novissimo extremius,	8. - Ну, - говорю я, - вполне ты этого заслуживаешь и еще большего, если может

qui voluptatem Veneriam et scortum scorteum Lari et liberis praetulisti." At ille digitum a pollice proximum ori suo admovens et in stuporem attonitus "Tace, tace" inquit et circumspiciens tutamenta sermonis: "Parce" inquit "in feminam divinam, nequam tibi lingua intemperante noxam contrahas." "Ain tandem?" inquam. "Potens illa et regina caupona quid mulieris est?" "Saga" inquit "et divina, potens caelum deponere, terram suspendere, fontes durare, montes diluere, manes sublimare, deos infimare, sidera exstinguere, Tartarum ipsum inluminare." "Oro te" inquam "aulaeum tragicum dimoveto et siparium scaenicum complicato et cedo verbis communibus." "Vis" inquit "unum vel alterum, immo plurima eius audire facta? Nam ut se ament afflictim non modo incolae verum etiam Indi vel Aethiopes utrique vel ipsi Anticthones, folia sunt artis et nugae merae. Sed quod in conspectu plurium perpetravit, audi.

быть большее несчастье, раз любострастные ласки и потаскуху потасканную детям и дому предпочел!
Но он, следующий за большим палец ко рту приложив, ужасом пораженный:
- Молчи, молчи! - говорит. И озирается, не слышал ли кто. - Берегись, - говорит, - вещей жены! Как бы невоздержанный язык беды на тебя не накликал!
- Еще что! - говорю. - Что же за женщина эта владычица и кабацкая царица?
- Ведьма, - говорит, - и колдунья: власть имеет небо спустить, землю подвесить, ручьи твердыми сделать, горы расплавить, покойников вывести, богов низвести, звезды загасить, самый Тартар осветить!
- Ну тебя, - отвечаю, - опусти трагический занавес и сложи эту театральную ширму, говори-ка попросту.
- Хочешь, - спрашивает, - об одной, о другой, - да что там! - о тьме ее проделок послушать? Воспламенить к себе любовью жителей не только этой страны, но Индии, обеих Эфиопии, даже самых антихтонов - для нее пустяки, детские игрушки! Послушай, однако, что она сделала на глазах у многих.

9. Amatorem suum, quod in aliam temerasset, unico verbo mutavit in feram castorem, quod ea bestia captivitatis metuens ab insequentibus se praecisione genitalium liberat, ut illi quoque simile [quod venerem habuit in aliam] proveniret. Cauponem quoque vicinum atque ob id aemulum deformavit in ranam, et nunc senex ille dolium innatans vini sui adventores pristinos in faece submissus officiosis roncis raucus appellat. Alium de foro, quod adversus eam locutus esset, in arietem deformavit, et nunc aries ille causas agit. Eadem amatoris sui uxorem, quod in eam dicacule probrum dixerat iam in sarcina praegnationis obsaepto utero et repigrato fetu perpetua praegnatione damnavit, et ut cuncti numerant, iam octo annorum onere misella illa velut elephantum paritura distenditur.

9. Любовника своего, посмевшего полюбить другую женщину, единым словом она обратила в бобра, так как зверь этот, когда ему грозит опасность быть захваченным, спасается от погони, лишая себя детородных органов; она надеялась, что и с тем случится нечто подобное, за то что на сторону понес свою любовь. Кабатчика одного соседнего и, значит, конкурента, обратила она в лягушку. И теперь этот старик, плавая в своей винной бочке, прежних посетителей своих из гущи хриплым и любезным кваканьем приглашает. Судейского одного, который против нее высказался, в барана она обратила, и теперь тот так бараном и ведет дела. А вот еще: жена одного из ее любовников позлословила как-то о ней, а сама была беременна - на вечную беременность осудила она ее, заключив чрево и остановив зародыш. По общему счету, вот уже восемь лет, как бедняжечка эта, животом отягощенная, точно слоном собирается разрешиться.

10. Quae cum subinde ac multi nocerentur, publicitus indignatio percrebuit statutumque ut ia eam die altera severissime saxorum iaculationibus vindicaretur. Quod consilium virtutibus cantionum antevortit et ut illa Medea unius dieculae a Creone impetratis indutiis totam eius domum filiamque cum ipso sene flammis coronalibus deusserat, sic

10. Это последнее злодеяние и зло, которое она многим продолжала причинять, наконец возбудили всеобщее негодование, и было постановлено в один прекрасный день назавтра жестоко отомстить ей, побив камнями, но этот план она заранее расстроила силою заклинаний. Как пресловутая Медея[13],

haec devotionibus sepulchralibus in scrobem procuratis, ut mihi temulenta narravit proxime, cunctos in suis sibi domibus tacita numinum violentia clausit, ut toto biduo non claustra perfringi, non fores evelli, non denique parietes ipsi quiverint perforari, quoad mutua hortatione consone clamitarent quam sanctissime deierantes sese neque ei manus admolituros, et si quis aliud cogitarit salutare laturos subsidium. Et sic illa propitiata totam civitatem absolvit. At vero coetus illius auctorem nocte intempesta cum tota domo, id est parietibus et ipso solo et omni fundamento, ut erat, clausa ad centesimum lapidem in aliam civitatem summo vertice montis exasperati sitam et ob id ad aquas sterilem transtulit. Et quoniam densa inhabitantium aedificia locum novo hospiti non dabant, ante portam proiecta domo discessit."	выпросив у Креонта только денечек отсрочки, все его семейство, и дочь, и самого старца пламенем, вышедшим из венца, сожгла, - так и эта, совершив над ямой погребальные моления (как мне сама недавно в пьяном виде сказывала), с помощью тайного насилия над божествами, всех жителей в их же собственных домах заперла, так что целых два дня не могли они ни замков сбить, ни выломать дверей, ни даже стен пробуравить, пока наконец, по общему уговору, в один голос не возопили, клянясь священнейшей клятвой, что не только не подымут на нее руки, но придут к ней на помощь, если кто замыслит иное. На этих условиях она смилостивилась и освободила весь город. Что же касается зачинщика всей этой выдумки, то его она в глухую ночь, запертым, как он был, со всем домом - со стенами, самой почвой, с фундаментом - перенесла за сто верст в другой город, расположенный на самой вершине крутой горы и лишенный поэтому воды. А так как тесно стоявшие жилища не давали места новому пришельцу, то, бросив дом перед городскими воротами, она удалилась.
11. "Mira" inquam "set nec minus saeva, mi Socrates, memoras. Denique mihi quoque non parvam incussisti sollicitudinem, immo vero formidinem, iniecto non scrupulo sed lancea, ne quo numinis ministerio similiter usa sermones istos nostros anus illa cognoscat. Itaque maturius quieti nos reponamus et somno levata lassitudine noctis antelucio aufugiamus istinc quam pote longissime." Haec adhuc me suadente insolita vinolentia ac diuturna fatigatione pertentatus bonus Socrates iam sopitus stertebat altius. Ego vero adducta fore pessulisque firmatis grabatulo etiam pone cardinem supposito et probe adgesto super eum me recipio. Ac primum prae metu aliquantisper vigilo, dein circa tertiam ferme vigiliam paululum coniveo. Commodum quieveram, et repente impulsu maiore quam ut latrones crederes ianuae reserantur immo vero fractis et evolsis funditus cardinibus prosternuntur. Grabatus alioquin breviculus et uno pede mutilus ac putris impetus tanti violentia prosternitur, me quoque evolutum atque excussum humi recidens in inversum cooperit ac tegit.	11. - Странные, - говорю, - вещи и не менее ужасные, мой Сократ, ты рассказываешь. В конце концов ты меня вогнал в немалое беспокойство, даже в страх, я уже не сомнения ощущаю, а словно удары ножа, как бы та старушонка, воспользовавшись услугами какого-нибудь божества, нашего не узнала разговора. Ляжем-ка поскорее спать и, отдохнув, до света еще уберемся отсюда как можно дальше! Я еще продолжал свои убеждения, а мой добрый Сократ уже спал и храпел вовсю, устав за день и выпив вина, от которого отвык. Я же запираю комнату, проверяю засовы, потом приставляю кровать плотно к дверям, чтобы загородить вход, и ложусь на нее. Сначала от страха я довольно Долго не сплю, потом, к третьей страже, слегка глаза смыкаться начинают. Только что заснул, как вдруг с таким шумом, что и разбойников не заподозришь, двери распахнулись, скорее, были взломаны и сорваны с петель. Кроватишка, и без того-то коротенькая, хромая на одну ногу и гнилая, от такого напора опрокидывается и меня, вывалившегося и лежащего на полу, всего собою прикрывает.
12. Tunc ego sensi naturalitus quosdam affectus in contrarium provenire. Nam ut lacrimae	12. Тут я понял, что некоторым переживаниям от природы свойственно

saepicule de gaudio prodeunt, ita et in illo nimio pavore risum nequivi continere de Aristomene testudo factus. Ac dum in fimum deiectus obliquo aspectu quid rei sit grabatuli sollertia munitus opperior, video mulieres duas altioris aetatis; lucernam lucidam gerebat una, spongiam et nudum gladium altera: Hoc habitu Socratem bene quietum circumstetere. Infit illa cum gladio:	приводить к противоречащим им последствиям. Как частенько слезы от радости бывают, так и я, превратившись из Аристомена в черепаху, в таком вот ужасе не мог удержаться от смеха. Пока, валяясь в грязи под прикрытием кровати, смотрю украдкой, что будет дальше, вижу двух женщин пожилых лет. Зажженную лампу несет одна, губку и обнаженный меч - другая, и вот они уже останавливаются около мирно спящего Сократа. Начала та, что с мечом:
"Hic est, soror Panthia, carus Endymion, hic Catamitus meus, qui diebus ac noctibus inlusit aetatulam meam, hic qui meis amoribus subterhabitis non solum me diffamat probris verum etiam fugam instruit. At ego scilicet Ulixi astu deserta vice Calypsonis aeternam solitudinem flebo." Et porrecta dextera meque Panthiae suae demonstrato: "At hic bonus" inquit "consiliator Aristomenes, qui fugae huius auctor fuit et nunc morti proximus iam humi prostratus grabattulo subcubans iacet et haec omnia conspicit, impune se laturum meas contumelias putat. Faxo eum sero, immo statim, immo vero iam nunc, ut et praecedentis dicacitatis et instantis curiositatis paeniteat."	- Вот, сестра Пантия, дорогой Эндимион; вот котик мой, что ночи и дни моими молодыми годочками наслаждался, вот тот, кто любовь мою презирал и не только клеветой меня пятнал, но замыслил прямое бегство. А я, значит, как хитрым Улиссом брошенная, вроде Калипсо, буду оплакивать вечное одиночество! - А потом, протянув руку и показывая на меня своей Пантии, продолжала: - А вот добрый советчик Аристомен, зачинщик бегства, что ни жив ни мертв теперь на полу лежит, из-под кровати смотрит на все это и думает безнаказанным за оскорбления, мне нанесенные, остаться! Но я позабочусь, чтобы он скоро - да нет! - сейчас и даже сию минуту понес наказание за вчерашнюю болтовню и за сегодняшнее любопытство!
13. Haec ego ut accepi, sudore frigido miser perfluo, tremore viscera quatior, ut grabattulus etiam succussu meo inquietus super dorsum meum palpitando saltaret. At bona Panthia: "Quin igitur", inquit "soror, hunc primum bacchatim discerpimus vel membris eius destinatis virilia desecamus? " Ad haec Meroл - sic enim reapse nomen eius tunc fabulis Socratis convenire sentiebam -: "Immo" ait "supersit hic saltem qui miselli huius corpus parvo contumulet humo," et capite Socratis in alterum dimoto latus per iugulum sinistrum capulo tenus gladium totum ei demergit et sanguinis eruptionem utriculo admoto excipit diligenter, ut nulla stilla compareret usquam. Haec ego meis oculis aspexi. Nam etiam, ne quid demutaret, credo, a victimae religione, immissa dextera per vulnus illud ad viscera penitus cor miseri contubernalis mei Meroл bona scrutata protulit, cum ille impetu teli praesecata gula vocem immo stridorem incertum per vulnus effunderet et spiritum rebulliret. Quod vulnus, qua maxime patebat, spongia offulciens Panthia:	13. Как я это услышал, холодным потом, несчастный, покрылся, все внутренности затряслись, так что сама кровать от беспокойных толчков на спине моей, дрожа, затанцевала. А добрая Пантия говорит: - Отчего бы нам, сестра, прежде всего не растерзать его, как вакханкам, или, связав по рукам и по ногам, не оскопить? На это Мероя (теперь я отгадал ее имя, так как описания Сократа и в самом деле к ней подходили) отвечает: - Нет, его оставим в живых, чтобы было кому горстью земли покрыть тело этого несчастного. И, повернув направо Сократову голову, она в левую сторону шеи ему до рукоятки погрузила меч и излившуюся кровь старательно приняла в поднесенный к ране маленький мех, так, чтобы нигде ни одной капли не упало. Своими глазами я это видел. К тому же (для того, думаю, чтобы ничего не опустить в обряде жертвоприношения) добрая Мероя, запустив правую руку глубоко, до самых внутренностей, в рану и покопавшись там, вынула сердце моего несчастного товарища. Горло его ударом меча было рассечено, и какой-то звук, вернее, хрип неопределенный, из раны вырвался, и он испустил дух. Затыкая эту разверстую рану в

"Heus tu" inquit "spongia, cave in mari nata per fluvium transeas." His editis abeunt remoto grabattulo varicus super faciem meam residentes vesicam exonerant, quoad me urinae spurcissimae madore perluerent.	самом широком ее месте губкой, Пантия сказала: - Ну, ты, губка, бойся, в море рожденная, через реку переправляться! - После этого, отодвинув кровать и расставя над моим лицом ноги, они принялись мочиться, пока зловоннейшей жидкостью меня всего не залили.
14. Commodum limen evaserant, et fores ad pristinum statum integrae resurgunt: cardines ad foramina residunt, postes [ad] repagula redeunt, ad claustra pessuli recurrunt. At ego, ut eram, etiam nunc humi proiectus inanimis nudus et frigidus et lotio perlutus, quasi recens utero matris editus, immo vero semimortuus, verum etiam ipse mihi supervivens et postumus vel certe destinatae iam cruci candidatus:	14. Лишь только они переступили порог, и вот уже двери встают в прежнее положение как ни в чем не бывало, петли опять заходили, брусья запоров снова вошли в косяки, задвижки вернулись на свои места. Я же как был, так и остался на полу простертый, бездыханный, голый, иззябший, залитый мочой, словно только что появившийся из материнского чрева или, вернее, полумертвый, переживший самого себя, как последыш или по крайней мере преступник, для которого уже готов крест.
"Quid" inquam "me fiet, ubi iste iugulatus mane paruerit? Cui videbor veri similia dicere proferens vera? "Proclamares saltem suppetiatum, si resistere vir tantus mulieri nequibas. Sub oculis tuis homo iugulatur, et siles? Cur autem te simile latrocinium non peremit? Cur saeva crudelitas vel propter indicium sceleris arbitro pepercit? Ergo, quoniam evasisti mortem, nunc illo redi." Haec identidem mecum replicabam, et nox ibat in diem. Optimum itaque factu visum est anteluculo furtim evadere et viam licet trepido vestigio capessere. Sumo sarcinulam meam, subdita clavi pessulos reduco; at illae probae et fideles ianuae, quae sua sponte reseratae nocte fuerant, vix tandem et aegerrime tunc clavis suae crebra immissione patefiunt.	- Что будет со мною, - произнес я, - когда утром обнаружится этот зарезанный? Кто найдет мои слова правдоподобными, хоть я и буду говорить правду? "Звал бы, скажут, на помощь, по крайней мере, если ты, такой здоровенный малый, не мог справиться с женщиной! На твоих глазах режут человека, а ты молчишь! Почему же сам ты не погиб при таком разбое? Почему свирепая жестокость пощадила свидетеля преступления и доносчика? Но хотя ты и избег смерти, теперь к товарищу присоединишься". Подобные мысли снова и снова приходили мне в голову; а ночь близилась к утру. Наилучшим мне показалось до свету выбраться тайком и пуститься в путь, хотя бы ощупью. Беру свою сумку и, вставив в скважину ключ, стараюсь отодвинуть задвижку. Но эти добрые и верные двери, что ночью сами собою раскрывались, только после долгой возни с ключом насилу под конец дали мне дорогу.
15. Et "Heus tu, ubi es?" inquam; "valvas stabuli absolve, antelucio volo ire."	15. Я закричал: - Эй, есть тут кто? Откройте мне калитку; до свету хочу выйти!
Ianitor pone stabuli ostium humi cubitans etiam nunc semisomnus: "Quid? Tu" inquit "ignoras latronibus infestari vias, qui hoc noctis iter incipis? Nam etsi tu alicuius facinoris tibi conscius scilicet mori cupis, nos cucurbitae caput non habemus ut pro te moriamur."	Привратник, позади калитки на земле спавший, говорит спросонья: - Разве ты не знаешь, что на дорогах неспокойно - разбойники попадаются! Как же ты так ночью в путь пускаешься? Если у тебя такое преступление на совести, что ты умереть хочешь, так у нас-то головы не тыквы, чтобы из-за тебя умирать!
"Non longe" inquam "lux abest. Et praeterea quid viatori de summa pauperie latrones auferre possunt? An ignoras, inepte, nudum nec a decem	- Недолго, - говорю, - до света. К тому же что могут отнять разбойники у такого нищего путника? Разве ты, дурак, не знаешь, что

palaestritis despoliari posse?" Ad haec ille marcidus et semisopitus in laterum latus revolutus: "Unde autem" inquit "scio an convectore illo tuo, cum quo sero devorteras, iugulato fugae mandes praesidium?" Illud horae memini me terra dehiscente ima Tartara inque his canem Cerberum prorsus esurientem mei prospexisse. Ac recordabar profecto bonam Meroln non misericordia iugulo meo pepercisse, sed saevitia cruci me reservasse.	голого раздеть десяти силачами не удастся? На это он, засыпая и повернувшись на другой бок, еле языком ворочая, отвечает: - Почем я знаю, может быть, ты зарезал своего товарища, с которым вчера вечером пришел на ночлег, и думаешь спастись бегством? При этих словах (до сих пор помню) показалось мне, что земля до самого Тартара разверзлась и голодный пес Цербер готов растерзать меня. Тогда я понял, что добрая Мероя не из жалости меня пощадила и не зарезала, а от жестокости для креста сохранила.
16. In cubiculum itaque reversus de genere tumultuario mortis mecum deliberabam. Sed cum nullum alium telum mortiferum Fortuna quam solum mihi grabattulum subministraret, "Iam iam grabattule" inquam "animo meo carissime, qui mecum tot aerumnas exantlasti conscius et arbiter quae nocte gesta sunt, quem solum in meo reatu testem innocentiae citare possum, tu mihi ad inferos festinanti sumministra telum salutare," et cum dicto restim, qua erat intextus, adgredior expedire ac tigillo, quod fenestrae subditum altrinsecus prominebat, iniecta atque obdita parte funiculi et altera firmiter in nodum coacta ascenso grabattulo ad exitium sublimatus et immisso capite laqueum induo. Sed dum pede altero fulcimentum quo sustinebar repello, ut ponderis deductu restis ad ingluviem adstricta spiritus officia discluderet, repente putris alioquin et vetus funis dirumpitur, atque ego de alto recidens Socraten - nam iuxta me iacebat - superruo cumque eo in terram devolvor.	16. И вот, вернувшись в комнату, стал я раздумывать, каким способом лишить себя жизни. Но так как судьба никакого другого смертоносного орудия, кроме одной только моей кровати, не предоставила, то начал я: - Кроватка моя, кроватка, дорогая сердцу моему, ты со мной столько несчастий претерпела, ты по совести знаешь, что ночью свершилось, тебя одну могу на суде я назвать свидетельницей моей невиновности. Мне, в преисподнюю стремящемуся, облегчи туда дорогу! - И с этими словами я отдираю от нее веревку, которая на ней была натянута; закинув и прикрепив ее за край стропила, который выступал под окном, на другом конце делаю крепкую петлю, влезаю на кровать и, на погибель себе так высоко забравшись, петлю надеваю, всунув в нее голову. Но когда я ногой оттолкнул опору, чтобы под тяжестью тела петля сама затянулась у горла и прекратила мое дыхание, внезапно веревка, и без того уже гнилая и старая, обрывается, и я лечу с самого верха, обрушиваюсь на Сократа, что около меня лежал, и, падая, вместе с ним качусь на землю.
17. Et ecce in ipso momento ianitor introrumpit exserte clamitans: "Ubi es tu qui alta nocte festinabas et nunc stertis involutus?" Ad haec nescio an casu nostro an illius absono clamore experrectus Socrates exsurgit prior et "Non" inquit "inmerito stabularios hos omnes hospites detestantur. Nam iste curiosus dum inportune irrumpit -- credo studio rapiendi aliquid -- clamore vasto marcidum alioquin me altissimo somno excussit." Emergo laetus atque alacer insperato gaudio perfusus et: "Ecce, ianitor fidelissime, comes [et pater meus] et frater meus, quem nocte ebrius occisum a me calumniabaris", et cum dicto Socraten	17. Как раз в эту минуту врывается привратник, крича во все горло: - Где же ты? Среди ночи приспичило тебе уходить, а теперь храпишь, закутавшись? Тут Сократ, разбуженный, не знаю уж, падением ли нашим или его неистовым криком, первым вскочил и говорит: - Недаром все постояльцы терпеть не могут трактирщиков! Этот нахал вламывается сюда, наверное, чтобы стащить что-нибудь и меня, усталого, будит от глубокого сна своим ораньем. Я весело и бодро поднимаюсь, неожиданным счастьем переполненный. - Вот, надежный привратник, мой товарищ, отец мой и брат. А ты с пьяных глаз болтал ночью, будто я его убил! - С этими словами я,

deosculabar amplexus. At ille, odore alioquin spurcissimi humoris percussus quo me Lamiae illae infecerant, vehementer aspernatur: "Apage te" inquit "fetorem extremae latrinae", et causas coepit huius odoris comiter inquirere. At ego miser adficto ex tempore absurdo ioco in alium sermonem intentionem eius denuo derivo et iniecta dextra: "Quin imus" inquam "et itineris matutini gratiam capimus?" Sumo sarcinulam et pretio mansionis stabulario persoluto capessimus viam.	обняв Сократа, принялся его целовать. Но отвратительная вонь от жидкости, которою меня те ламии залили, ударила ему в нос, и он с силой оттолкнул меня. - Прочь, - говорит он, - несет, как из отхожего места! И начал меня участливо расспрашивать о причинах этого запаха. А я, несчастный, отделавшись кое-как наспех придуманной шуткой, стараюсь перевести его внимание на другой предмет и, обняв его, говорю: - Пойдем-ка! Почему бы нам не воспользоваться утренней свежестью для пути? - Я беру свою котомку, и, расплатившись с трактирщиком за постой, мы пускаемся в путь.
18. Aliquantum processeramus, et iam iubaris exortu cuncta conlustrantur. Et ego curiose sedulo arbitrabar iugulum comitis, qua parte gladium delapsum videram, et medum: "Vesane," aio "qui poculis et vino sepultus extrema somniasti. Ecce Socrates integer sanus incolumis. Ubi vulnus? Spongia ? Ubi postremo cicatrix tam alta, tam recens?" Et ad illum:	18. Мы шли уже довольно долго и восходящее солнце все освещало. Я внимательно и с любопытством рассматривал шею своего товарища, то место, куда вонзили, как я сам видел, меч. И подумал про себя: "Безумец, до чего же ты напился, если тебе привиделись такие странности! Вот Сократ: жив, цел и невредим. Где рана? Где губка? И где наконец шрам, такой глубокий, такой свежий?" Потом, обращаясь к нему, говорю:
"Non" inquam "immerito medici fidi cibo et crapula distentos saeva et gravia somniare autumant: mihi denique, quod poculis vesperi minus temperavi, nox acerba diras et truces imagines optulit, ut adhuc me credam cruore humano aspersum atque impiatum." Ad haec ille subridens: "At tu" inquit "non sanguine sed loto perfusus es. Verum tamen et ipse per somnium iugulari visus sum mihi, nam et iugulum istum dolui et cor ipsum mihi avelli putavi, et nunc etiam spiritu deficior et genua quatior et gradu titubo et aliquid cibatus refovendo spiritu desidero." "En" inquam "paratum tibi adest ientaculum", et cum dicto manticam meam humero exuo, caseum cum pane propere ei porrigo, et "Iuxta platanum istam residamus" aio.	- Недаром опытные врачи тяжелые и страшные сны приписывают обжорству и пьянству! Вчера, к примеру, не считал я кубков, вот и была у меня жуткая ночь с ужасными и жестокими сновидениями - до сих пор мне кажется, будто я весь залит и осквернен человеческой кровью! На это он, улыбнувшись, заметил: - Не кровью, а мочой! А впрочем, мне и самому приснилось, будто меня зарезали. И горло болело, и казалось, Само сердце у меня вырывают: даже теперь дух замирает, колени трясутся, шаг нетверд, и хочется для подкрепления съесть чего-нибудь. - Вот тебе, - отвечаю, - и завтрак! - С этими словами я снимаю с плеч свою сумку и поспешно протягиваю ему хлеб с сыром. - Сядем, - говорю,- у этого платана.
19. Quo facto et ipse aliquid indidem sumo eumque avide essitantem aspiciens aliquanto intentiore macie atque pallore buxeo deficientem video. Sic denique eum vitalis color turbaverat ut mihi prae metu, nocturnas etiam Furias illas imaginanti, frustulum panis quod primum sumpseram quamvis admodum modicum mediis faucibus inhaereret ac neque deorsum demeare neque sursum remeare posset. Nam et brevitas ipsa commeantium metum mihi cumulabat. Quis enim de duobus comitum alterum sine alterius noxa peremptum crederet? Verum ille, ut satis detruncaverat cibum, sitire inpatienter coeperat;	19. Мы уселись, и я тоже принимаюсь за еду вместе с ним. Смотрю я на него, как он с жадностью ест, и замечаю, что все черты его заостряются, лицо смертельно бледнеет и силы покидают его. Живые краски в его лице так изменились, что мне показалось, будто снова приближаются к нам ночные фурии, и от страха кусочек хлеба, который я откусил, как ни мал он был, застрял у меня в горле и не мог ни вверх подняться, ни вниз опуститься. Видя, как мало на дороге прохожих, я все больше и больше приходил в ужас. Кто же поверит, что убийство одного из двух путников произошло

nam et optimi casei bonam partem avide devoraverat, et haud ita longe radices platani lenis fluvius in speciem placidae paludis ignavus ibat argento vel vitro aemulus in colorem. "En" inquam "explere latice fontis lacteo." Adsurgit et oppertus paululum pleniorem ripae marginem complicitus in genua adpronat se avidus adfectans poculum. Necdum satis extremis labiis summum aquae rorem attigerat, et iugulo eius vulnus dehiscit in profundum patorem et illa spongia de eo repente devolvitur eamque parvus admodum comitatur cruor. Denique corpus exanimatum in flumen paene cernuat, nisi ego altero eius pede retento vix et aegre ad ripam superiorem adtraxi, ubi defletum pro tempore comitem misellum arenosa humo in amnis vicinia sempiterna contexi. Ipse trepidus et eximie metuens mihi per diversas et avias solitudines aufugi et quasi conscius mihi caedis humanae relicta patria et lare ultroneum exilium amplexus nunc Aetoliam novo contracto matrimonio colo."

без участия другого? Между тем Сократ, наевшись до отвала, стал томиться нестерпимой жаждой. Ведь он сожрал добрую половину превосходного сыра. Невдалеке от платана протекала медленная речка, вроде тихого пруда, цветом и блеском похожая на серебро или стекло.
- Вот, - говорю, - утоли жажду молочной влагой этого источника.
Он поднимается, быстро находит удобное местечко, на берегу становится на колени и, наклонившись, жадно тянется к воде. Но едва только краями губ коснулся он поверхности воды, как рана на шее его широко открывается, губка внезапно из нее выпадает, и вместе с нею несколько капель крови. Бездыханное тело полетело бы в воду, если бы я его, удержав за ногу, не вытянул с трудом на высокий берег, где, наскоро оплакав нечастного спутника, песчаной землею около реки навеки его и засыпал. Сам же в ужасе, трепеща за свою безопасность, разными окольными и пустынными путями я убегаю и, словно действительно у меня на совести убийство человека, отказываюсь от родины и родимого дома, приняв добровольное изгнание. Теперь, снова женившись, я живу в Этолии [27].

20. Haec Aristomenes. At ille comes eius, qui statim initio obstinata incredulitate sermonem eius respuebat: "Nihil" inquit "hac fabula fabulosius, nihil isto mendacio absurdius", et ad me conversus: "Tu autem" inquit "vir ut habitus et habitudo demonstrat ornatus accedis huic fabulae?" "Ego vero" inquam "nihil impossibile arbitror, sed utcumque fata decreverint ita cuncta mortalibus provenire: nam et mihi et tibi et cunctis hominibus multa usu venire mira et paene infecta, quae tamen ignaro relata fidem perdant. Sed ego huic et credo hercules et gratas gratias memini, quod lepidae fabulae festivitate nos avocavit, asperam denique ac prolixam viam sine labore ac taedio evasi. Quod beneficium etiam illum vectorem meum credo laetari, sine fatigatione sui me usque ad istam civitatis portam non dorso illius sed meis auribus pervecto."

20. Вот что рассказал Аристомен. Но спутник его, который с самого начала с упорной недоверчивостью относился к рассказу и не хотел его слушать, промолвил:
- Нет ничего баснословнее этих басен, нелепее этого вранья! - Потом, обратившись ко мне: - И ты, по внешности и манерам образованный человек, веришь таким басням?
- Я по крайней мере, - отвечаю, - ничего не считаю невозможным, и, по-моему, все, что решено судьбою, со смертными и совершается. И со мною ведь, и с тобою, и со всяким часто случаются странные и почти невероятные вещи, которым никто не поверит, если рассказать их не испытавшему. Но я этому человеку и верю, клянусь Геркулесом, и большой благодарностью благодарен за то, что он доставил нам удовольствие, позабавив интересной историей; я без труда и скуки скоротал тяжелую и длинную дорогу. Кажется, даже лошадь моя радуется такому благодеянию: ведь до самых городских ворот я доехал, не утруждая ее, скорее на своих ушах, чем на ее спине.

21. Is finis nobis et sermonis et itineris communis fuit. Nam comites uterque ad villulam proximam laevorsum abierunt. Ego vero quod

21. Тут пришел конец нашему пути и вместе с тем разговорам, потому что оба моих спутника свернули налево, к ближайшей

primum ingressui stabulum conspicatus sum accessi et de quadam anu caupona ilico percontor:	усадебке, а я, войдя в город, подошел к первой попавшейся мне на глаза гостинице и тут же начал расспрашивать старуху хозяйку.
"Estne" inquam "Hypata haec civitas?". Adnuit.	- Не Гипата ли, - говорю, - этот город? Подтвердила.
"Nostine Milonem quendam e primoribus?" Adrisit et:	- Не знаешь ли Милона, одного из первых здесь людей? Рассмеялась.
"Vere" inquit "primus istic perhibetur Milo, qui extra pomerium et urbem totam colit.". "Remoto" inquam "ioco, parens optima, dic oro et cuiatis sit et quibus deversetur aedibus".	- И вправду, - говорит, - первейшим гражданином считается здесь Милон: ведь дом его первый из всех по ту сторону городских стен стоит. - Шутки в сторону, добрая тетушка, скажи, прошу тебя, что он за человек и где обитает?
"Videsne" inquit "extremas fenestras, quae foris urbem prospiciunt, et altrinsecus fores proxumum respicientes angiportum? Inibi iste Milo deversatur ampliter nummatus et longe opulentus verum extremae avaritiae et sordis infimae infamis homo, foenus denique copiosum sub arrabone auri et argenti crebriter exercens, exiguo Lare inclusus et aerugini semper intentus, cum uxorem etiam calamitatis suae comitem habeat. Neque praeter unicam pascit ancillulam et habitu mendicantis semper incedit."	- Видишь, - говорит, - крайние окна, что на город смотрят, а с другой стороны, рядом, ворота в переулок выходят? Тут этот Милон и обитает, набит деньгами, страшный богатей, но скуп донельзя и всем известен как человек преподлый и прегрязный; больше всего ростовщичеством занимается, под залог золота и серебра проценты большие дерет; одной наживе преданный, заперся он в своем домишке и живет там с женой, разделяющей с ним его несчастную страсть. Только одну служаночку держит и ходит всегда что нищий. На это я, рассмеявшись, подумал: вот так славную и предусмотрительную мой Демея дал мне в дорогу рекомендацию. К такому человеку послал, в гостеприимном доме которого нечего бояться ни чада, ни кухонной вони.
22. Ad haec ego risum subicio: "Benigne" inquam "et prospicue Demeas meus in me consuluit, qui peregrinaturum tali viro conciliavit, in cuius hospitio nec fumi nec nidoris nebulam vererer"; et cum dicto modico secus progressus ostium accedo et ianuam firmiter oppessulatam pulsare vocaliter incipio. Tandem adulescentula quaedam procedens:	22. Дом был рядом, приближаюсь ко входу и с криком начинаю стучать в накрепко закрытую дверь. Наконец является какая-то девушка.
"Heus tu" inquit "qui tam fortiter fores verberasti, sub qua specie mutari cupis? An tu solus ignoras praeter aurum argentumque nullum nos pignus admittere?"	- Эй, ты, - говорит, - что в двери барабанишь? Под какой залог взаймы брать хочешь? Один ты, что ли, не знаешь, что, кроме золота и серебра, у нас ничего не принимают?
"Meliora" inquam "ominare et potius responde an intra aedes erum tuum offenderim."	- Взаймы? Ну, нет, пожелай мне, - говорю, - чего-нибудь получше и скорее скажи, застану ли дома твоего хозяина?
"Plane," inquit "sed quae causa quaestionis huius?" "Litteras ei a Corinthio Demea scriptas ad eum reddo." "Dum annuntio," inquit "hic ibidem me opperimino", et cum dicto rursum foribus oppessulatis intro capessit. Modico deinde regressa patefactis aedibus: "Rogat te" inquit.	- Конечно, - отвечает, - а зачем он тебе нужен? - Письмо я принес ему от Демеи из Коринфа. - Сейчас доложу, - отвечает, - подожди меня здесь. - С этими словами заперла она снова двери и ушла внутрь. Через несколько минут вернулась и, открыв двери, говорит: - Просят.
Intuli me eumque accumbentem exiguo	Вхожу, вижу, что хозяин лежит на диванчике и собирается обедать. В ногах сидит жена и,

admodum grabattulo et commodum cenare incipientem invenio. Assidebat pedes uxor et mensa vacua posita, cuius monstratu: "En" inquit "hospitium." "Bene" ego, et ilico ei litteras Demeae trado. Quibus properiter lectis: "Amo" inquit "meum Demeam qui mihi tantum conciliavit hospitem".	указав на пустой стол: - Вот, - говорит, - милости просим. - Прекрасно, - отвечаю я и тут же передаю хозяину письмо Демеи. Пробежав его, он говорит: - Спасибо моему Демее, какого гостя он мне прислал!
23. Et cum dicto iubet uxorem decedere utque in eius locum adsistam iubet meque etiam nunc verecundia cunctantem adrepta lacinia detrahens: "Adside" inquit "istic. Nam prae metu latronum nulla sessibula ac ne sufficientem supellectilem parare nobis licet." Feci. Et sic: "Ego te" inquit "etiam de ista corporis speciosa habitudine deque hac virginali prorsus verecundia generosa stirpe proditum et recte conicerem. Sed et meus Demeas eadem litteris pronuntiat. Ergo brevitatem gurgustioli nostri ne spernas peto. Erit tibi adiacens en ecce illud cubiculum honestum receptaculum. Fac libenter deverseris in nostro. Nam et maiorem domum dignatione tua feceris et tibi specimen gloriosum adrogaris, si contentus lare parvulo Thesei illius cognominis patris tui virtutes aemulaveris, qui non est aspernatus Hecales anus hospitium tenue", et vocata ancillula: "Photis" inquit "sarcinulas hospitis susceptas cum fide conde in illud cubiculum ac simul ex promptuario oleum unctui et lintea tersui et cetera hoc eidem usui profer ociter et hospitem meum produc ad proximas balneas; satis arduo itinere atque prolixo fatigatus est."	23. С этими словами он велит жене уступить мне свое место. Когда же я отказываюсь из скромности, он, схватив меня за полу: - Садись, - говорит, - здесь; других стульев у меня нет, боязнь воров не позволяет нам приобретать утварь в достаточном количестве. Я исполнил его желание. Тут он: - По изящной манере держаться и по этой почти девической скромности заключил бы я, что ты благородного корня отпрыск, и, наверное, не ошибся. Итак, прошу, не презирай скудость нашей лачужки. Вот эта комната рядом будет для тебя вполне приличным помещением. Сделай милость - остановись у нас. Честь, которую ты окажешь моему дому, возвеличит его, и тебе будет случай последовать славному примеру: у довольствуясь скромным очагом, ты в добродетели будешь подражать Тезею (прославленному тезке твоего отца), который не пренебрег простым гостеприимством старой Гекалы. - И, позвавши служаночку, говорит: - Фотида, прими вещи гостя и сложи их бережно в ту комнату. Потом принеси из кладовой масла для натирания, полотенце утереться и все прочее и своди моего гостя в ближайшие бани - устал он после такого дальнего и трудного пути.
24. His ego auditis mores atque parsimoniam ratiocinans Milonis volensque me artius ei conciliare: "Nihil" inquam "rerum istarum, quae itineris ubique nos comitantur, indigemus. Sed et balneas facile percontabimur. Plane, quod est mihi summe praecipuum, equo, qui me strenue pervexit, faenum atque ordeum acceptis istis nummulis tu, Photis, emito." His actis et rebus meis in illo cubiculo conditis pergens ipse ad balneas, ut prius aliquid nobis cibatui prospicerem, forum cupidinis peto, inque eo piscatum opiparem expositum video et percontato pretio, quod centum nummis indicaret, aspernatus viginti denariis praestinavi. Inde me commodum egredientem continatur Pythias condiscipulus apud Athenas Atticas meus, qui me post aliquantum multum temporis amanter agnitum invadit, amplexusque ac comiter deosculatus:	24. Слушая эти распоряжения, я подумал о характере и скупости Милона и, желая теснее с ним сблизиться, говорю: - У меня все есть, что нужно в пути. И бани я легко сам найду. Всего важнее, чтобы лошадь моя, что так старалась всю дорогу, не осталась голодной. Вот, Фотида, возьми эти деньжонки и купи овса и сена. После этого, когда вещи уже были сложены в моей комнате, сам я отправляюсь в бани, но прежде надо о еде позаботиться, и я иду на рынок за продуктами. Вижу, выставлена масса прекрасной рыбы. Стал торговаться - вместо ста нуммов уступили за двадцать денариев. Я уже собирался уходить, как встречаю своего товарища Пифия, с которым вместе учился в аттических Афинах. Сначала он довольно долго не узнает меня, потом бросается ко мне, обнимает и осыпает поцелуями.

"Mi Luci," ait "sat pol diu est quod intervisimus te, at hercules exinde cum a Clytio magistro digressi sumus. Quae autem tibi causa peregrinationis huius?"	- Луций мой! - говорит. - Как долго мы не видались, право, с самого того времени, как расстались с Клитием, учителем нашим. Что занесло тебя сюда?
"Crastino die scies," inquam. "Sed quid istud? Voti gaudeo. Nam et lixas et virgas et habitum prorsus magistratui congruentem in te video."	- Завтра узнаешь, - говорю, - но что это? Тебя можно поздравить? Вот и ликторы и розги - ну, словом, весь чиновный прибор!
"Annonam curamus" ait "et aedilem gerimus et siquid obsonare cupis utique commodabimus."	- Продовольствием занимаемся, - отвечает, - исполняем обязанности эдила. Если хочешь закупить что, могу быть полезен.
Abnuebam, quippe qui iam cenae affatim piscatum prospexeramus. Sed enim Pythias visa sportula succussisque in aspectum planiorem piscibus:	Я отказался, так как уже достаточно запасся рыбой на ужин. Тем не менее Пифий, заметив корзинку, стал перетряхивать рыбу, чтобы лучше рассмотреть ее, и спрашивает:
"At has quisquilias quanti parasti?"	- А это дрянцо почем брал?
"Vix" inquam "piscatori extorsimus accipere viginti denarium."	- Насилу, - говорю, - уломал рыбака уступить мне за двадцать денариев.
25. Quo audito statim adrepta dextera postliminio me in forum cupidinis reducens: "Et a quo" inquit "istorum nugamenta haec comparasti?" Demonstro seniculum: in angulo sedebat.	25. Услышав это, он тотчас схватил меня за правую руку и снова ведет на рынок. - А у кого, - спрашивает, - купил ты эти отбросы? Я указываю на старикашку, что в углу сидел.
Quem confestim pro aedilitatis imperio voce asperrima increpans:	Тут же он на того набросился и стал грубейшим образом распекать его по-эдильски:
"Iam iam" inquit "nec amicis quidem nostris vel omnino ullis hospitibus parcitis, quod tam magnis pretiis pisces frivolos indicatis et florem Thessalicae regionis ad instar solitudinis et scopuli edulium caritate deducitis? Sed non impune. Iam enim faxo scias quem ad modum sub meo magisterio mali debeant colrceri", et profusa in medium sportula iubet officialem suum insuper pisces inscendere ac pedibus suis totos obterere.	- Так-то обращаетесь вы с нашими друзьями, да и вообще со всеми приезжими! Продаете паршивых рыб по такой цене! До того этот город, цвет Фессалийской области, доведете, что опустеет он, как скала! Но даром вам это не пройдет! Узнаешь ты, как под моим началом расправляются с мошенниками! - И, высыпав из корзинки рыбу на землю, велел он своему помощнику стать на нее и всю растоптать ногами.
Qua contentus morum severitudine meus Pythias ac mihi ut abirem suadens: "Sufficit mihi, o Luci," inquit "seniculi tanta haec contumelia." His actis consternatus ac prorsus obstupidus ad balneas me refero prudentis prudentis condiscipuli valido consilio et nummis simul privatus et cena, lautusque ad hospitium Milonis ac dehinc cubiculum me reporto.	Удовлетворившись такою строгостью, мои Пифий разрешает мне уйти и говорит: - Мне кажется, мой Луций, для старикашки достаточное наказание такой позор! Изумленный и прямо-таки ошеломленный этим происшествием, направляюсь я к баням, лишившись благодаря остроумной выдумке моего энергичного товарища и денег, и ужина. Вымывшись, возвращаюсь я в дом Милона и прямо прохожу в свою комнату.
26. Et ecce Photis ancilla: "Rogat te" inquit "hospes." At ego iam inde Milonis abstinentiae cognitor excusavi comiter, quod viae vexationem non cibo sed somno censerem diluendam. Isto accepto pergit ipse et iniecta dextera clementer me trahere adoritur. Ac dum cunctor, dum moleste renitor: "Non prius" inquit "discedam quam me sequaris", et dictum iure iurando secutus iam obstinationi suae me ingratiis oboedientem perducit ad illum suum grabattulum et residenti: "Quam salve agit" inquit	26. Тут Фотида, служанка, говорит: - Зовет тебя хозяин. Зная уже Милонову умеренность, я вежливо извиняюсь, что, мол, дорожная усталость скорее сна, чем пищи, требует. Получив такой ответ, он сам является и, обняв меня, тихонько увлекает. Я то отговариваюсь, то скромно упираюсь. - Без тебя, - говорит, - не выйду. - И клятвой подтвердил эти слова. Я нехотя повинуюсь его упрямству, и он снова ведет меня к своему диванчику и, усадив, начинает: - Ну, как

"Demeas noster? Quid uxor? Quid liberi? Quid vernaculi? "
Narro singula. Percontatur accuratius causas etiam peregrinationis meae. Quas ubi probe protuli, iam et de patria nostra et eius primoribus ac denique de ipso praeside scrupulosissime explorans, ubi me post itineris tam saevi vexationem sensit fabularum quoque serie fatigatum in verba media somnolentum desinere ac nequicquam, defectum iam, incerta verborum salebra balbuttire, tandem patitur cubitum concederem. Evasi aliquando rancidi senis loquax et famelicum convivium somno non cibo gravatus, cenatus solis fabulis, et in cubiculum reversus optatae me quieti reddidi.

поживает наш Демея? Что жена его, что дети, домочадцы?
Рассказываю по отдельности о всех. Расспрашивает подробно о целях моего путешествия. Все обстоятельно ему сообщаю. Тщательнейшим образом тогда разузнает он о моем родном городе, о самых знатных его гражданах, а под конец даже о нашем правителе[33], пока не заметил, что, сильно измученный трудной дорогой, я утомился долгим разговором и засыпаю посреди фразы, бормоча что-то невнятное, и не отпустил меня в спальню. Так избавился я от мерзкого старика с его болтливым и голодным угощением, отягченный сном, не пищею, поужинав одними баснями. И, вернувшись в комнату, я предался желанному покою.

LIBER SECUNDUS

1. Ut primum nocte discussa sol novus diem fecit, et somno simul emersus et lectulo, anxius alioquin et nimis cupidus cognoscendi quae rara miraque sunt, reputansque me media Thessaliae loca tenere qua artis magicae nativa cantamina totius orbis consono orbe celebrentur fabulamque illam optimi comitis Aristomenis de situ civitatis huius exortam, suspensus alioquin et voto simul et studio, curiose singula considerabam. Nec fuit in illa civitate quod aspiciens id esse crederem quod esset, sed omnia prorsus ferali murmure in aliam effigiem translata, ut et lapides quos offenderem de homine duratos et aves quas audirem indidem plumatas et arbores quae pomerium ambirent similiter foliatas et fontanos latices de corporibus humanis fluxos crederem; iam statuas et imagines incessuras, parietes locuturos, boves et id genus pecua dicturas praesagium, de ipso vero caelo et iubaris orbe subito venturum oraculum.

КНИГА ВТОРАЯ

1. Как только ночь рассеялась и солнце новый день привело, расстался я одновременно со сном и с постелью. И вообще-то я человек беспокойный и неумеренно жадный до всего редкостного и чудесного. А теперь при мысли, что я нахожусь в сердце Фессалии, единогласно прославленной во всем мире как родина магического искусства, держа в памяти, что история, рассказанная добрым спутником Аристоменом, начинается с упоминания об этом городе, я с любопытством оглядывал все вокруг, возбужденный желанием, смешанным с нетерпением. Вид любой вещи в городе вызывал у меня подозрения, и не было ни одной, которую я считал бы за то, что она есть. Все мне казалось обращенным в другой вид губительными нашептываниями. Так что и камни, по которым я ступал, представлялись мне окаменевшими людьми; и птицы, которым внимал, - тоже людьми, но оперенными; деревья вокруг городских стен - подобными же людьми, но покрытыми листьями; и ключевая вода текла, казалось, из человеческих тел. Я уже ждал, что статуи и картины начнут ходить, стены говорить, быки и прочий скот прорицать и с самого неба, со светила дневного, внезапно раздастся предсказание.

2. Sic attonitus, immo vero cruciabili desiderio stupidus, nullo quidem initio vel omnino vestigio cupidinis meae reperto cuncta circumibam tamen. Dum in luxum nepotalem similis ostiatim singula pererro, repente me nescius forum cupidinis intuli, et ecce mulierem quampiam frequenti stipatam famulitione ibidem gradientem adcelerato vestigio comprehendo; aurum in gemmis et in tunicis, ibi

2. Так все обозреваю я, пораженный, и только что чувств не лишаюсь от мучительного любопытства, но не вижу никакого признака близкого осуществления моих ожиданий. Брожу я, как праздный бездельник, от двери к двери и незаметно для себя прихожу на рынок. Тут, ускорив шаг, догоняю какую-то женщину, окруженную многочисленными слугами. Золото,

inflexum, hic intextum, matronam profecto confitebatur. Huius adhaerebat lateri senex iam gravis in annis, qui ut primum me conspexit:	которым были оправлены ее драгоценности и заткана одежда, без сомнения, выдавало знатную матрону. Бок о бок с ней шел старик, обремененный годами, который, как только увидел меня, воскликнул:
"Est," inquit "hercules, est Lucius", et offert osculum et statim incertum quidnam in aurem mulieris obganniit; "Quin" inquit "etiam ipse parentem tuam accedis et salutas?" "Vereor" inquam "ignotae mihi feminae" et statim rubore suffusus deiecto capite restiti. At illa optutum in me conversa: "En" inquit "sanctissimae Salvae matris generosa probitas, sed et cetera corporis exsecrabiliter ad [regulam qua diligenter aliquid adfingunt] <amus>sim congruentia: inenormis proceritas, suculenta gracilitas, rubor temperatus, flavum et inadfectatum capillitium, oculi caesii quidem, sed vigiles et in aspectu micantes, prorsus aquilini, os quoquoversum floridum, speciosus et immeditatus incessus."	- Клянусь Геркулесом, это Луций! - поцеловал меня и тотчас зашептал что-то, не знаю что, на ухо матроне. - Что же, - говорит он мне, - ты сам не подойдешь и не поздороваешься со своей родственницей? - Я не смею, - говорю, - здороваться с женщинами, которых не знаю. - И тотчас, покраснев, опустил голову и отступил. Но та, остановив на мне свой взор, начала: - Вот она, благородная скромность добродетельной Сальвии, его матери, да и во всем его облике поразительное, точнейшее с нею сходство: соразмерный рост, стройность без худобы, румянец не слишком яркий, светлые, от природы вьющиеся волосы, глаза голубые, но зоркие и блестящие - ну прямо как у орла, лицо, откуда ни посмотри, - цветник юности, чарующая и свободная поступь!
3. Et adiecit: "Ego te, o Luci, meis istis manibus educavi, quidni? parentis tuae non modo sanguinis, verum alimoniarum etiam socia. Nam et familia Plutarchi ambae prognatae sumus et eandem nutricem simul bibimus et in nexu germanitatis una coalvimus. Nec aliud nos quam dignitas discernit, quod illa clarissimas ego privatas nuptias fecerimus. Ego sum Byrrhena illa, cuius forte saepicule nomen inter tuos educatores frequentatum retines. Accede itaque hospitium fiducia, immo vero iam tuum proprium larem." Ad haec ego, iam sermonis ipsius mora rubore digesto: "Absit," inquam parens, ut Milonem hospitem sine ulla querela deseram; sed plane, quod officiis integris potest effici, curabo sedulo. Quotiens itineris huius ratio nascetur, numquam erit ut non apud te devertar." Dum hunc et huius modi sermonem altercamur, paucis admodum confectis passibus ad domum Byrrhenae pervenimus.	3. - Я, мой Луций, - продолжала она, - тебя воспитала вот этими самыми руками. Да как же иначе? Я не только родственница, я - молочная сестра твоей матери. Обе мы из рода Плутарха, одна у нас была кормилица, и выросли мы вместе, как две сестры; разница между нами только в положении: она вышла замуж за очень знатного человека, я - за скромного. Я - та Биррена, имя которой, частенько повторяемое твоими воспитателями, наверное, ты запомнил. Прими же доверчиво мое гостеприимство или, вернее, считай мой дом своим. Я, перестав краснеть во время этой речи, отвечаю: - Не годится, тетушка, отказываться от гостеприимства Милона без всякого повода. Но я буду посещать тебя так часто, как позволят дела. В другой раз, сколько бы сюда ни приезжал, кроме тебя, ни у кого не остановлюсь.- Обмениваясь такими речами, через несколько шагов мы оказались у дома Биррены.
4. Atria longe pulcherrima columnis quadrifariam per singulos angulos stantibus attolerabant statuas, palmaris deae facies, quae pinnis explicitis sine gressu pilae volubilis instabile vestigium plantis roscidis delibantes nec ut maneant inhaerent et iam volare creduntur. Ecce lapis Parius in Dianam factus tenet libratam totius loci medietatem, signum perfecte luculentum,	4. В прекраснейшем атриуме - в каждом из четырех его углов - поднималось по колонне, украшенной изображением богини с пальмовой ветвью.[2] Распустив крылья, богини оставались неподвижны; чудилось, что, едва касаясь нежной стопой шаткой опоры - катящегося шара,- они лишь на мгновение застыли на нем и готовы уже вновь подняться в воздух. Самую

veste reflatum, procursu vegetum, introeuntibus obvium et maiestate numinis venerabile; canes utrimquesecus deae latera muniunt, qui canes et ipsi lapis erant; his oculi minantur, aures rigent, nares hiant, ora saeviunt, et sicunde de proximo latratus ingruerit, eum putabis de faucibus lapidis exire, et in quo summum specimen operae fabrilis egregius ille signifex prodidit, sublatis canibus in pectus arduis pedes imi resistunt, currunt priores. Pone tergum deae saxum insurgit in speluncae modum muscis et herbis et foliis et virgultis et sicubi pampinis et arbusculis alibi de lapide florentibus. Splendet intus umbra signi de nitore lapidis. Sub extrema saxi margine poma et uvae faberrime politae dependent, quas ars aemula naturae veritati similes explicuit. Putes ad cibum inde quaedam, cum mustulentus autumnus maturum colorem adflaverit, posse decerpi, et si fontem, qui deae vestigio discurrens in lenem vibratur undam, pronus aspexeris, credes illos ut rure pendentes racemos inter cetera veritatis nec agitationis officio carere. Inter medias frondes lapidis Actaeon simulacrum curioso optutu in deam [sum] proiectus iam in cervum ferinus et in saxo simul et in fronte loturam Dianam opperiens visitur.	середину комнаты занимала Диана из паросского камня превосходной работы, с развевающимися одеждами, в стремительном движении навстречу входящим, внушая почтение своим божественным величием. С обеих сторон сопровождают ее собаки, тоже из камня. Глаза грозят, уши насторожены, раздуты ноздри, зубы оскалены. Если где-нибудь поблизости раздастся лай, подумаешь, он из каменных глоток исходит. Мастерство превосходного скульптора выразилось больше всего в том, что передние лапы у собаки взметнулись в воздух вместе с высоко поднятой грудью и как будто бегут, меж тем как задние опираются на землю. За спиной богини высилась скала в виде грота, украшенная мхом, травой, листьями, ветками, тут - виноградом, там - растущим по камням кустарником. Тень, которую бросает статуя внутрь грота, рассеивается от блеска мрамора. По краю скалы яблоки и виноград висели, превосходно сделанные, в правдивом изображении которых искусство соперничало с природой. Подумаешь, их можно будет сорвать для пищи, когда зрелым цветом ожелтит их осень в пору сбора винограда. Если наклонишься к ручейку, который, выбегая из-под ног богини, журчал звонкой струей, поверишь, что этим гроздьям, кроме прочей правдоподобности, придана и трепещущая живость движения, как будто они свисают с настоящей лозы. Среди ветвей - Актеон, высеченный из камня: наполовину уже превращенный в оленя, смотрит он внимательно на богиню, подстерегая, когда Диана начнет купаться,[3] и его отражение видно и в мраморе грота, и в бассейне.
5. Dum haec identidem rimabundus eximie delector,	5. Пока я не отрываясь гляжу на это, получая огромное наслаждение, Биррена говорит:
"Tua sunt" ait Byrrhena "cuncta quae vides", et cum dicto ceteros omnes sermone secreto decedere praecipit. Quibus dispulsis omnibus: "Per hanc" inquit, "deam, o Luci carissime, ut anxie tibi metuo et ut pote pignori meo longe provisum cupio, cave tibi, sed cave fortiter a malis artibus et facinorosis illecebris Pamphiles illius, quae cum Milone isto, quem dicis hospitem, nupta est. Maga primi nominis et omnis carminis sepulcralis magistra creditur, quae surculis et lapillis et id genus frivolis inhalatis omnem istam lucem mundi sideralis imis Tartari et in vetustum chaos submergere novit. Nam simul quemque conspexerit speciosae formae iuvenem, venustate eius sumitur et ilico in eum et oculum et animum	- Все, что видишь, - твое. - С этими словами она всех высылает, желая поговорить со мной наедине. Когда все ушли, она начинает: - Эта богиня - порука, Луций дражайший, как я тревожусь и боюсь за тебя и как хочу, словно родного сына, избавить тебя от опасности. Берегись, ой, берегись злого искусства и преступных чар этой Памфилы, жены Милона, который, говоришь, твой хозяин. Первой ведьмой она считается и мастерицей заклинать души умерших. Нашепчет на палочку, на камешек, на какой другой пустяк - и весь звездный свод в Тартар низринет и мир погрузит в древний хаос. Как только увидит юношу красивой наружности, тотчас пленяется

detorquet. Serit blanditias, invadit spiritum, amoris profundi pedicis aeternis alligat. Tunc minus morigeros et vilis fastidio in saxa et in pecua et quodvis animal puncto reformat, alios vero prorsus extinguit. Haec tibi trepido et cavenda censeo. Nam et illa uritur perpetuum et tu per aetatem et pulchritudinem capax eius es." Haec mecum Byrrhena satis anxia.	его прелестью и приковывается к нему душой и взором. Обольщает его, овладевает его сердцем, навеки связывает узами ненасытной любви. Если же кто воспротивится и пренебрежет ею, тотчас обращает в камень, в скотину, в любого зверя или же совсем уничтожает. Вот почему я трепещу от страха за тебя и советую тебе остерегаться. Она непрестанно томится похотью, а ты по возрасту и красоте ей подходишь. - Так Биррена со мной взволнованно беседовала.
6. At ego curiosus alioquin, ut primum artis magicae semper optatum nomen audivi, tantum a cautela Pamphiles afui ut etiam ultro gestirem tali magisterio me volens ampla cum mercede tradere et prorsus in ipsum barathrum saltu concito praecipitare. Festinus denique et vecors animi manu eius velut catena quadam memet expedio et "Salve" propere addito ad Milonis hospitium perniciter evolo. Ac dum amenti similis celero vestigium, "Age," inquam, "o Luci, evigila et tecum esto. Habes exoptatam occasionem, et voto diutino poteris fabulis miris explere pectus. Aufer formidines pueriles, comminus cum re ipsa naviter congredere, et a nexu quidem venerio hospitis tuae tempera et probi Milonis genialem torum religiosus suspice, verum enimvero Photis famula petatur enixe. Nam et forma scitula et moribus ludicra et prorsus argutula est. Vesperi quoque cum somno concederes, et in cubiculo te deduxit comiter et blande lectulo collocavit et satis amanter cooperuit et osculato tuo capite quam invita discederet vultu prodidit, denique saepe retrorsa respiciens substitit. Quod bonum felix et faustum itaque, licet salutare non erit, Photis illa temptetur."	6. А я, и так полный любопытства, лишь только услышал давно желанные слова "магическое искусство", как, вместо того чтобы избегать козней Памфилы, всею душой стал стремиться за любую цену отдать себя ей под начало, готовый стремглав броситься в бездну. Вне себя от нетерпения, я вырываюсь из рук Биррены, как из оков, и, наскоро сказав: "Прости" - лечу с быстротой к Милонову дому. Ускоряя шаги, как безумный: "Действуй, Луций, - говорю сам себе, - не зевай и держись! Вот тебе желанный случай, теперь можешь насытиться давно ожидаемыми чудесными сказками! Отбрось детские страхи, смело и горячо берись за дело, но от объятий твоей хозяйки воздержись и считай священным ложе честного Милона! Однако надо усиленно постараться насчет служанки Фотиды. Она ведь и лицом привлекательна, и нравом резва, и на язык очень остра. Вчера вечером, когда ты падал от сна, как заботливо проводила она тебя в спальню, уложила ласково на постель, хорошо и так любовно укрыла, поцеловала тебя в лоб и, всем видом своим показав, с какой неохотой уходит, наконец удалилась, столько раз оборачиваясь и оглядываясь! Что ж, в добрый час, будь что будет, попытаю счастья с Фотидой!"
7. Haec mecum ipse disputans fores Milonis accedo et, quod aiunt, pedibus in sententiam meam vado. Nec tamen domi Milonem vel uxorem eius offendo, sed tantum caram meam Photidem: suis parabat isicium fartim concisum et pulpam frustatim consectam ambacupascuae iurulenta et quod naribus iam inde ariolabar, tuccetum perquam sapidissimum. Ipsa linea tunica mundule amicta et russea fasceola praenitente altiuscule sub ipsas papillas succinctula illud cibarium vasculum floridis palmulis rotabat in circulum, et in orbis flexibus crebra succutiens et simul membra sua leniter inlubricans, lumbis sensim vibrantibus, spinam mobilem quatiens placide decenter undabat. Isto aspectu defixus obstupui	7. Так рассуждая, достиг я дверей Милона, голосуя, как говорится, за свое предложение. Но не застаю ни Милона, ни его жены, только дорогую мою Фотиду. Она готовила хозяевам колбасу, набивая ее мелко накрошенной начинкой, и мясо мелкими кусочками...*[* Текст в рукописях испорчен.] Даже издали носом слышу я вкуснейший запах этого кушанья. Сама она, опрятно одетая в полотняную тунику, высоко, под самые груди ярким красным поясом опоясанная, цветущими ручками размешивала стряпню в горшке, круговое движение это частыми вздрагиваниями сопровождая; всем членам передавалось плавное движение - едва

et mirabundus steti, steterunt et membra quae iacebant ante. Et tandem ad illam:	заметно бедра трепетали, гибкая спина слегка сотрясалась и волновалась прелестно. Пораженный этим зрелищем, я остолбенел и стою удивляясь; восстали и члены мои, пребывавшие прежде в покое. Наконец обращаюсь к ней:
"Quam pulchre quamque festive," inquam "Photis mea, ollulam istam cum natibus intorques! Quam mellitum pulmentum apparas! Felix et <certo> certius beatus cui permiseris illuc digitum intingere."	- Как прекрасно, как мило, моя Фотида, трясешь ты этой кастрюлькой и ягодицами! Какой медвяный соус готовишь! Счастлив и трижды блажен, кому ты позволишь хоть пальцем к нему прикоснуться?
Tunc illa lepida alioquin et dicacula puella: "Discede," inquit "miselle, quam procul a meo foculo, discede. Nam si te vel modice meus igniculus afflaverit, ureris intime nec ullus extinguet ardorem tuum nisi ego, quae dulce condiens et ollam et lectulum suave quatere novi."	Тогда девушка, столь же развязная, сколь прекрасная: - Уходи,- отвечает, - уходи, бедняжка, подальше от моего огня! Ведь если малейшая искра моя тебя зажжет, сгоришь дотла. Тогда, кроме меня, никто твоего огня не угасит, я ведь не только кастрюли, но и ложе сладко трясти умею!
8. Haec dicens in me respexit et risit. Nec tamen ego prius inde discessi quam diligenter omnem eius explorassem habitudinem. Vel quid ego de ceteris aio, cum semper mihi unica cura fuerit caput capillumque sedulo et puplice prius intueri et domi postea perfrui sitque iudicii huius apud me certa et statuta ratio, vel <quod..> vel quod praecipua pars ista corporis in aperto et in perspicuo posita prima nostris luminibus occurrit et quod in ceteris membris floridae vestis hilaris color, hoc in capite nitor nativus operatur; denique pleraeque indolem gratiamque suam probaturae lacinias omnes exuunt, amicula dimovent, nudam pulchritudinem suam praebere se gestiunt magis de cutis roseo rubore quam de vestis aureo colore placiturae. At vero ДД quod nefas dicere, nec quod sit ullum huius rei tam dirum exemplum! ДД si cuiuslibet eximiae pulcherrimaeque feminae caput capillo spoliaveris et faciem nativa specie nudaveris, licet illa caelo deiecta, mari edita, fluctibus educata, licet inquam ipsa Venus fuerit, licet omni Gratiarum choro stipata et toto Cupidinum populo comitata et balteo suo cincta, cinnama flagrans et balsama rorans, calva processerit, placere non poterit nec Vulcano suo.	8. Сказав это, она на меня посмотрела и рассмеялась. Но я не раньше ушел, чем осмотрев ее всю. Впрочем, что говорить об остальном, когда все время интересовали меня только лицо и волосы: на них смотрел я сначала во все глаза при людях, ими наслаждался потом у себя в комнате. Причина такого моего предпочтения ясна и понятна, ведь они всегда открыты и первыми предстают нашим взорам; и чем для остального тела служат расцвеченные веселым узором одежды, тем же для лица волосы - природным его украшением. Наконец, многие женщины, чтобы доказать прелесть своего сложения, всю одежду сбрасывают или платье приподымают, являя нагую красоту, предпочитая розовый цвет кожи золотому блеску одежды. Но если бы (ужасное предположение, да сохранят нас боги от малейшего намека на его осуществление!), если бы у самых прекраснейших женщин снять с головы волосы и лицо лишить природной прелести, то пусть будет с неба сошедшая, морем рожденная, волнами воспитанная, пусть, говорю, будет самой Венерой, хором, грацией сопровождаемой, толпой купидонов сопутствуемой, поясом своим опоясанной, киннамоном благоухающей, бальзам источающей,- если плешива будет, даже Вулкану своему понравиться не сможет.[5]
9. Quid cum capillis color gratus et nitor splendidus inlucet et contra solis aciem vegetus fulgurat vel placidus renitet aut in contrariam gratiam variat aspectum et nunc aurum coruscans in lenem mellis deprimitur umbram, nunc corvina	9. Что же скажешь, когда у волос цвет приятный, и блестящая гладкость сияет, и под солнечными лучами мощное они испускают сверканье или спокойный отблеск и меняют свой вид с разнообразным очарованием: то златом пламенея, погружаются в нежную

nigredine caerulus columbarum colli flosculos aemulatur, vel cum guttis Arabicis obunctus et pectinis arguti dente tenui discriminatus et pone versum coactus amatoris oculis occurrens ad instar speculi reddit imaginem gratiorem? Quid cum frequenti subole spissus cumulat verticem vel prolixa serie porrectus dorsa permanat? Tanta denique est capillamenti dignitas ut quamvis auro veste gemmis omnique cetero mundo exornata mulier incedat, tamen, nisi capillum distinxerit, ornata non possit audire. Sed in mea Photide non operosus sed inordinatus ornatus addebat gratiam. Uberes enim crines leniter remissos et cervice dependulos ac dein per colla dispositos sensimque sinuatos patagio residentes paulisper ad finem conglobatos in summum verticem nodus adstrinxerat.	медвяную тень, то вороньей чернотою соперничают с темно-синим оперением голубиных горлышек? Что скажешь, когда, аравийскими смолами умащенные, тонкими зубьями острого гребня на мелкие пряди разделенные и собранные назад, они привлекают взоры любовника, отражая его изображение наподобие зеркала, но гораздо милее? Что скажешь, когда, заплетенные во множество кос, они громоздятся на макушке или, широкой волною откинутые, спадают по спине? Одним словом, прическа имеет такое большое значение, что в какое бы золотое с драгоценностями платье женщина ни оделась, чем бы на свете ни разукрасилась, если не привела она в порядок свои волосы, убранной назваться не может. Но Фотиде моей не замысловатый убор, а естественный беспорядок волос придавал прелесть, так как пышные локоны ее, слегка распущенные и свисающие с затылка, рассыпались вдоль шеи и, чуть-чуть завиваясь, лежали на обшивке туники; на концах они были собраны, а на макушке стянуты узлом.
10. Nec diutius quivi tantum cruciatum voluptatis eximiae sustinere, sed pronus in eam, qua fine summum cacumen capillus ascendit, mellitissimum illum savium impressi. Tum illa cervicem intorsit et ad me conversa limis et morsicantibus oculis: "Heus ut, scolastice," ait "dulce et amarum gustulum carpis. Cave ne nimia mellis dulcedinem diutinam bilis amaritudinem contrahas." "Quid istic" inquam "est, mea festivitas, cum sim paratus vel uno saviolo interim recreatus super istum ignem porrectus assari" et cum dicto artius eam complexus coepi saviari. Iamque aemula libidine in amoris parilitatem congermanescenti mecum, iam patentis oris inhalatu cinnameo et occursantis linguae inlisu nectareo prona cupidine adlibescenti:	10. Дальше не смог я выдержать такой муки жгучего вожделения: приникнув к ней в том месте, откуда волосы у нее зачесаны были на самую макушку, сладчайший поцелуй запечатлел. Тут она, отстранившись немного, обернулась ко мне и, искоса взглянув на меня лукавым взором, говорит: - Эй ты, школьник! За кисло-сладкую закуску хватаешься. Смотри, как бы, объевшись медом, надолго желчной горечи не нажить! - Что за беда, - говорю, - моя радость, когда я до того дошел, что за один твой живительный поцелуйчик готов изжариться, растянувшись на этом огне! И с этими словами, еще крепче ее обняв, принялся целовать. И вот она уже соревнуется со мною в страсти и равную степень любви по-братски разделяет; вот уже, судя по благовонному дыханию полуоткрытого рта, по ответным ударам сладостного языка, упоенная вожделением, готова уже уступить ему.
"Pereo", inquam "immo iam dudum perii, nisi tu propitiaris". Ad haec illa rursum me deosculato: "Bono animo esto," inquit "nam ego tibi mutua voluntate mancipata sum, nec voluptas nostra differetur ulterius, sed prima face cubiculum tuum adero. Abi ergo ac te compara, tota enim nocte tecum fortiter et ex animo proeliabor."	- Погибаю, - воскликнул я, - и погиб уже совершенно, если ты не сжалишься надо мной. На это она, опять меня поцеловав, говорит: - Успокойся. Меня сделало твоею взаимное желание, и утехи наши откладываются ненадолго. Чуть стемнеет, я приду к тебе в спальню. Теперь уходи и соберись с силами, ведь я всю ночь напролет буду с тобой сражаться крепко и от души.

11. His et talibus obgannitis sermonibus inter nos discessum est. Commodum meridies accesserat et mittit mihi Byrrhena xeniola porcum opimum et quinque gallinulas et vini cadum in aetate pretiosi. Tunc ego vocata Photide: "Ecce" inquam "Veneris hortator et armiger Liber advenit ultro. Vinum istud hodie sorbamus omne, quod nobis restinguat pudoris ignaviam et alacrem vigorem libidinis incutiat. Hac enim sitarchia navigium Veneris indiget sola, ut in nocte pervigili et oleo lucerna et vino calix abundet." Diem ceterum lavacro ac dein cenae dedimus. Nam Milonis boni concinnaticiam mensulam rogatus adcubueram, quam pote tutus ab uxoris eius aspectu, Byrrhenae monitorum memor, et perinde in eius faciem oculos meos ac si in Avernum lacum formidans deieceram. Sed adsidue respiciens praeministrantem Photidem inibi recreabar animi, cum ecce iam vesperam lucernam intuens Pamphile: "Quam largus" inquit "imber aderit crastino" et percontanti marito qui comperisset istud respondit sibi lucernam praedicere. Quod dictum ipsius Milo risu secutus: "Grandem" inquit "istam lucernam Sibyllam pascimus, quae cuncta caeli negotia et solem ipsum de specula candelabri contuetur."

11. Долго еще обменивались мы такими и тому подобными словами и наконец разошлись. Только что наступил полдень, как Биррена в гостинец мне прислала жирную свинку, пяток курочек и большой кувшин превосходного старого вина. Я кликнул тогда Фотиду и говорю:
- Вот к тому же и Либер[6] прибыл, оруженосец и побудитель Венерин. Сегодня же высосем до дна это вино, чтобы оно заставило исчезнуть стыдливую немочь и силу веселую придало страсти. Ведь на Венерином корабле такие только припасы требуются, чтобы на бессонную ночь в лампе достало было масла, в чаше - вина. Остаток дня посвящен был бане и, наконец, ужину. По приглашению доброго Милона я разделил с ним вполне приличную трапезу и старался, памятуя наставления Биррены, как можно реже попадаться на глаза его супруге, отвращая свои взгляды от ее лица, будто от страшного Авернского озера[7]. Но, наблюдая без устали за прислуживающей Фотидой, я несколько приободрился, как вдруг Памфила, взглянув на зажженную лампу, говорит:
- Какой сильный ливень будет завтра! И на вопрос мужа, откуда это ей известно, отвечает, что лампа ей предсказала. На эти слова Милон, расхохотавшись, говорит:
- Великую Сивиллу[8] мы держим в этой лампе, что с высоты своей подставки наблюдает за всеми небесными делами и за самим солнцем.

12. Ad haec ego subiciens: "Sunt" aio "prima huiusce divinationis experimenta; nec mirum, licet modicum igniculum et manibus humanis laboratum, memorem tamen illius maioris et caelestis ignis velut sui parentis, quid is sit editurus in aetheris vertice divino praesagio et ipsum scire et nobis enuntiare. Nam et Corinthi nunc apud nos passim Chaldaeus quidam hospes miris totam civitatem responsis turbulentat et arcana fatorum stipibus emerendis edicit in vulgum, qui dies copulas nuptiarum adfirmet, qui fundamenta moenium perpetuet, qui negotiatori commodus, qui viatori celebris, qui navigiis opportunus. Mihi denique proventum huius peregrinationis inquirenti multa respondit et oppido mira et satis varia; nunc enim gloriam satis floridam, nunc historiam magnam et incredundam fabulam et libros me futurum."

12. Тут я вступил в разговор и заявляю:
- Это только первые шаги в подобного рода прорицаниях, и нет ничего удивительного, что огонечек этот, хоть и скромен, и человеческими руками зажжен, помнит все же о том великом небесном огне как о своем родителе[9]; божественный ясновидец, он и сам знает, и нам возвещает, что собирается свершить этот великий огонь. Да вот и теперь у нас в Коринфе гостит проездом некий халдей [10], который своими удивительными ответами весь город сводит с ума и деньги зарабатывает, открывая кому угодно тайну судьбы: в какой день вернее всего заключать браки, в какой крепче всего постройки закладывать, какой для торговых сделок сподручнее, какой для путешествия посуху удобнее, какой для плаванья благоприятнее. Вот и мне, когда я задал ему вопрос, чем окончится мое путешествие, он насказал много удивительнейших и разнообразных вещей; сказал, что и слава цветущая меня ожидает, и

	великие приключения невероятные, которые и в книги попадут.
13. Ad haec renidens Milo: "Qua" inquit "corporis habitudine praeditus quove nomine nuncupatus hic iste Chaldaeus est?" "Procerus" inquam "et suffusculus, Diophanes nomine." "Ipse est" ait "nec ullus alius. Nam et hic apud nos multa multis similiter effatus non parvas stipes, immo vero mercedes opimas iam consecutus fortunae scaevam an saevam verius dixerim miser incidit. Nam die quadam cum frequentis populi circulo conseptus coronae circumstantium fata donaret, Cerdo quidam nomine negotiator accessit eum, diem commodum peregrinationi cupiens. Quem cum electum destinasset ille, iam deposita crumina, iam profusis nummulis, iam dinumeratis centum denarium quos mercedem divinationis auferret, ecce quidam de nobilibus adulescentulus a tergo adrepens eum lacinia prehendit et conversum amplexus exosculatur artissime. At ille ubi primum consaviatus eum iuxtim se ut adsidat effecit, [attonitus] et repentinae visionis stupore <attonitus> et praesentis negotii quod gerebat oblitus infit ad eum: "Quam olim equidem exoptatus nobis advenis?". Respondit ad haec ille alius: "Commodum vespera oriente. Sed vicissim tu quoque, frater, mihi memora quem ad modum exinde ut de Euboea insula festinus enavigasti et maris et viae confeceris iter."	13. Ухмыльнувшись на это, Милон говорит: - А каков с виду тот халдей и как его звать? - Длинный, - отвечаю, - и черноватенький. Диофан по имени. - Он самый! - воскликнул. - Никто, как он! Он и у нас подобным же образом многим предсказывал за немалые деньги и, больше того, добившись уже отличных доходов, впал, несчастный, в убожество, даже можно сказать - в ничтожество. В один прекрасный день, когда народ тесным кольцом обступал его и он давал предсказания вокруг стоявшим, подошел к нему некий купец, по имени Кердон, желая узнать день, благоприятный для отплытия. Тот ему уже день указал, уже кошелек появился на сцену, уже денежки высыпали, уже отсчитали сотню динариев - условленную плату за предсказание, как вдруг сзади протискивается какой-то молодой человек знатного рода, хватает его за полу, а когда тот обернулся, обнимает и крепко-крепко целует. А халдей, ответив на его поцелуй, усадил рядом с собою и, ошеломленный неожиданностью встречи, забыв о деле, которым был занят в тот момент, говорит ему: "Когда же прибыл ты сюда, долгожданный?" А тот, другой, отвечает на это: "Как раз с наступлением вечера. А теперь расскажи-ка ты, братец, каким образом держал ты путь морем и сушей с тех пор, как поспешно отплыл с острова Эвбеи?"
14. Ad haec Diophanes ille Chaldaeus egregius mente viduus necdum suus: "Hostes" inquit "et omnes inimici nostri tam diram, immo vero Ulixeam peregrinationem incidant. Nam et navis ipsa <qua> vehebamur variis turbinibus procellarum quassata utroque regimine amisso aegre ad ulterioris ripae marginem detrusa praeceps demersa est et nos omnibus amissis vix enatavimus. Quodcumque vel ignotorum miseratione vel amicorum benivolentia contraximus, id omne latrocinalis invasit manus, quorum audaciae repugnans etiam Arignotus unicus frater meus sub istis oculis miser iugulatus est." Haec eo adhuc narrante maesto Cerdo ille negotiator correptis nummulis suis, quod divinationis mercedi destinaverat, protinus aufugit. Ac dehinc tunc demum Diophanes expergitus sensit imprudentiae suae labem, cum etiam nos omnis circumsecus adstantes in clarum cachinnum videret effusos. Sed tibi plane, Luci domine, soli omnium Chaldaeus ille vera dixerit,	14. На это Диофан, наш замечательный халдей, не совсем еще придя в себя от изумления, говорит: "Врагам и неприятелям всем нашим пожелал бы я такого сурового, поистине Улиссова странствия! Ведь корабль наш, на котором мы плыли, потрепанный разными вихрями и бурями, потерял оба кормила[11], был прибит к противоположному берегу и, натолкнувшись на скалу, быстро пошел ко дну, так что мы, потеряв все, едва выплыли. Что удалось нам сберечь благодаря ли состраданию незнакомых людей или благосклонности друзей, все это попало в руки разбойников, а брат мой единственный, Аригнот, вздумавший противостоять их наглости, на глазах у меня, бедняга, был зарезан". Пока он вел этот плачевный рассказ, купец тот, Кердон, забрав свои деньги, предназначавшиеся в уплату за предсказание, немедленно убежал. И только тогда Диофан,

sisque felix et iter dexterum porrigas."	опомнившись, понял, какой промах своим неблагоразумием дал он, когда, наконец, увидел, что все мы, кругом стоявшие, разразились громким хохотом. - Но, конечно, тебе, Луций, господин мой, одному из всех халдей этот сказал правду. Да будешь ты счастлив, и путь твой да будет благополучен!
15. Haec Milone diutine sermocinante tacitus ingemescebam mihique non mediocriter suscensebam quod ultro inducta serie inopportunarum fabularum partem bonam vesperae eiusque gratissimum fructum amitterem. Et tandem denique devorato pudore ad Milonem aio: "Ferat suam Diophanes ille fortunam et spolia populorum rursum conferat mari pariter ac terrae; mihi vero fatigationis hesternae etiam nunc saucio da veniam maturius concedam cubitum"; et cum dicto facesso et cubiculum meum contendo atque illic deprehendo epularum dispositiones satis concinnas. Nam et pueris extra limen, credo ut arbitrio nocturni gannitus ablegarentur, humi quam procul distratum fuerat et grabattulum meum adstitit mensula cenae totius honestas reliquias tolerans et calices boni iam infuso latice semipleni solam temperiem sustinentes et lagoena iuxta orificio caesim deasceato patescens facilis hauritu, prorsus gladiatoriae Veneris antecenia.	15. Пока Милон таким образом пространно разглагольствовал, я молча томился и порядочно злился, что из-за болтовни, по моей вине так некстати затянувшейся, лишусь я доброй части вечера и лучших его плодов. Наконец, отложив в сторону робость, говорю я Милону: - Предоставим этого Диофана его судьбе, и пусть он снова дерет с людей шкуру, где ему угодно, на море или на суше; я же, по правде сказать, до сих пор еще не оправился от вчерашней усталости, так что ты разреши мне пораньше лечь спать. Сказано - сделано, я добираюсь до своей комнаты и нахожу там все приготовленным для весьма приятной пирушки. И слугам[12] были постланы постели как можно дальше от дверей, для того, я полагаю, чтобы удалить на ночь свидетелей нашей возни, и к кровати моей был пододвинут столик, весь уставленный лучшими остатками от ужина, и большие чаши, уже наполовину наполненные вином, только ждали, чтобы в них долили воды[13], и рядом бутылка с отверстием, прорубленным пошире[14], чтобы удобнее было зачерпывать, - словом, полная закуска перед любовной схваткой.
16. Commodum cubueram, et ecce Photis mea, iam domina cubitum reddita, laeta proximat rosa serta et rosa soluta in sinu tuberante. Ac me pressim deosculato et corollis revincto ac flore persperso adripit poculum ac desuper aqua calida iniecta porrigit bibam, idque modico prius quam totum exsorberem clementer invadit ac relictum paullulatim labellis minuens meque respiciens sorbillat dulciter. Sequens et tertium inter nos vicissim et frequens alternat poculum, cum ego iam vino madens nec animo tantum verum etiam corpore ipso ad libidinem inquies alioquin et petulans et iam saucius, paulisper inguinum fine lacinia remota inpatientiam veneris Photidi meae monstrans: "Miserere" inquam "et subveni maturius. Nam, ut vides, proelio quod nobis sine fetiali officio indixeras iam proximante vehementer intentus, ubi primam sagittam saevi Cupidinis in ima praecordia mea delapsam excepi, arcum meum et ipse vigorate tetendi et oppido	16. Не успел я лечь, как вот и Фотида моя, отведя уже хозяйку на покой, весело приближается, неся в подоле ворох роз и розовых гирлянд. Крепко расцеловав меня, опутав веночками и осыпав цветами, она схватила чашу и, подлив туда теплой воды, протянула мне, чтобы я пил, но раньше, чем я осушил ее всю, нежно взяла обратно и, понемногу потягивая губками, не сводя с меня глаз, маленькими глоточками сладостно докончила. За первым бокалом последовал другой и третий, и чаша то и дело переходила из рук в руки: тут я, вином разгоряченный и не только душой, но и телом, к сладострастию готовым, чувствуя беспокойство, весь во власти необузданного и уже мучительного желания, наконец приоткрыл одежду и, показывая своей Фотиде, с каким нетерпением жажду я любви, говорю: - Сжалься, скорей приди мне на помощь! Ведь

formido ne nervus rigoris nimietate rumpatur. Sed ut mihi morem plenius gesseris, in effusum laxa crinem et capillo fluente undanter ede complexus amabiles."	ты видишь, что, пылко готовый к близкой уже войне, которую ты объявила мне без законного предупреждения, едва получил я удар стрелы в самую грудь от жестокого Купидона, как тоже сильно натянул свой лук и теперь страшно боюсь, как бы от чрезмерного напряжения не лопнула тетива. Но если ты хочешь совсем угодить мне - распусти косы и подари мне свои желанные объятия под покровом струящихся волною волос.
17. Nec mora, cum omnibus illis cibariis vasculis raptim remotis laciniis cunctis suis renudata crinibusque dissolutis ad hilarem lasciviam in speciem Veneris quae marinos fluctus subit pulchre reformata, paulisper etiam glabellum feminal rosea palmula potius obumbrans de industria quam tegens verecundia: "Proeliare" inquit "et fortiter proeliare, nec enim tibi cedam nec terga vortam; comminus in aspectum, si vir es, derige et grassare naviter et occide moriturus. Hodierna pugna non habet missionem." Haec simul dicens inscenso grabattulo super me sensim residens ac crebra subsiliens lubricisque gestibus mobilem spinam quatiens pendulae Veneris fructu me satiavit, usque dum lassis animis et marcidis artibus defetigati simul ambo corruimus inter mutuos amplexus animas anhelantes. His et huius modi conluctationibus ad confinia lucis usque pervigiles egimus poculis interdum lassitudinem refoventes et libidinem incitantes et voluptatem integrantes. Ad cuius noctis exemplar similes adstruximus alias plusculas.	17. Без промедления, быстро убрав посуду, сняв с себя все одежды, распустив волосы, преобразилась она прекрасно для радостного наслаждения, наподобие Венеры, входящей в волны морские[15], и, к гладенько выбритому женскому месту приложив розовую ручку, скорее для того, чтобы искусно оттенить его, чем для того, чтобы прикрыть стыдливо: - На бой, - говорит, - на сильный бой! Я ведь тебе не уступлю и спины не покажу. Если ты - муж, с фронта атакуй и нападай с жаром и, нанося удары, готов будь к смерти. Сегодняшняя битва ведется без пощады! - И с этими словами она поднимается на кровать и медленно опускается надо мною на корточки; часто приседая и волнуя гибкую спину свою сладострастными движениями, она досыта накормила меня плодами Венеры Раскачивающейся; наконец, утомившись телом и обессилевши духом, упали мы в объятия друг другу, запыхавшиеся оба и изнуренные. В таких и похожих на эту схватках провели мы ночь до рассвета, время от времени чашами прогоняя утомление, возбуждая вожделение и снова предаваясь сладострастью. По примеру этой ночи прибавили мы к ней других подобных немалое количество.
18. Forte quadam die de me magno opere Byrrhena contendit, apud eam cenulae interessem, et cum impendio excusarem, negavit veniam. Ergo igitur Photis erat adeunda deque nutu eius consilium velut auspicium petendum. Quae quamquam invita quod a se ungue latius digrederer, tamen comiter amatoriae militiae breve commeatum indulsit. Sed "Heus tu," inquit "cave regrediare cena maturius. Nam vesana factio nobilissimorum iuvenum pacem publicam infestat; passim trucidatos per medias plateas videbis iacere, nec praesidis auxilia longinqua levare civitatem tanta clade possunt. Tibi vero fortunae splendor insidias, contemptus etiam peregrinationis poterit adferre." "Fac sine cura" inquam "sis, Photis mea. Nam praeter quod epulis alienis voluptates meas anteferrem, metum etiam	18. Случилось как-то, что Биррена весьма настойчиво попросила меня прийти к ней на небольшой дружеский ужин; я долго отказывался, но отговорки мои не были уважены. Пришлось, стало быть, обратиться к Фотиде и спросить у нее совета, как у оракула[16]. Хотя ей трудно было переносить, чтобы я хоть на шаг от нее удалился, тем не менее она любезно соблаговолила объявить краткое перемирие в военных действиях любви. Но говорит мне: - Послушай, постарайся пораньше уйти с ужина. Есть у нас отчаянная шайка из знатнейших молодых людей, которая нарушает общественное спокойствие; то и дело прямо посреди улицы находят трупы убитых, а войска наместника[17] далеко и не могут очистить город

istum tibi demam maturata regressione. Nec tamen incomitatus ibo. Nam gladiolo solito cinctus altrinsecus ipse salutis meae praesidia gestabo." Sic paratus cenae me committo.

от такой заразы. Судьба щедро наделила тебя своими дарами, а как с человеком дорожным, церемониться с тобой не станут, как раз и попадешь в ловушку.
- Отбрось тревогу, моя Фотида, - отвечаю, - ведь, кроме того что наши утехи мне дороже чужих ужинов, я и страх твой этот успокою, вернувшись пораньше. Да и пойду я не без провожатых. Опоясавшись испытанным мечом своим, сам понесу залог своей безопасности. Приготовившись таким образом, отправляюсь на ужин.

19. Frequens ibi numerus epulonum et utpote apud primatem feminam flos ipse civitatis. <Mens>ae opipares citro et ebore nitentes, lecti aureis vestibus intecti, ampli calices variae quidem gratiae sed pretiositatis unius. Hic vitrum fabre sigillatum, ibi crustallum inpunctum, argentum alibi clarum et aurum fulgurans et sucinum mire cavatum et lapides ut binas et quicquid fieri non potest ibi est. Diribitores plusculi splendide amicti fercula copiosa scitule subministrare, pueri calamistrati pulchre indusiati gemmas formatas in pocula vini vetusti frequenter offerre. Iam inlatis luminibus epularis sermo percrebuit, iam risus adfluens et ioci liberales et cavillus hinc inde. Tum infit ad me Byrrhena: "Quam commode versaris in nostra patria? Quod sciam, templis et lavacris et ceteris operibus longe cunctas civitates antecellimus, utensilium praeterea pollemus adfatim. Certe libertas otiosa, et negotioso quidem advenae Romana frequentia, modesto vero hospiti quies villatica: omni denique provinciae voluptati secessus sumus."

19. Здесь застаю множество приглашенных, как и полагается для знатной женщины, - цвет города. Великолепные столы блестят туей[18] и слоновой костью, ложа покрыты золотыми тканями, большие чаши, разнообразные в своей красоте, но все одинаково драгоценные. Здесь стекло, искусно граненное, там чистейший хрусталь, в одном месте светлое серебро, в другом сияющее золото и янтарь, дивно выдолбленный, и драгоценные камни, приспособленные для питья, и даже то, чего быть не может, - все здесь было. Многочисленные разрезальщики[19], роскошно одетые, проворно подносят полные до краев блюда, завитые мальчики в красивых туниках то и дело подают старые вина в бокалах, украшенных самоцветами. Вот уже принесли светильники, застольная беседа оживилась, уже и смех раздается, и вольные словечки, и шутки то там, то сям.
Тут Биррена ко мне обращается с речью:
- Хорошо ли живется тебе в наших родных местах? Насколько я знаю, своими храмами, банями и другими постройками мы далеко превосходим все города; к тому же нет у нас недостатка ни в чем необходимом. Кто бы ни приехал к нам, праздный ли человек или деловой, всякий найдет, что ему нужно, не хуже, чем в Риме; скромный же гость обретет сельский покой, - одним словом, все удовольствия и удобства провинции нашли себе у нас место.

20. Ad haec ego subiciens: "Vera memoras nec usquam gentium magis me liberum quam hic fuisse credidi. Sed oppido formido caecas et inevitabiles latebras magicae disciplinae. Nam me mortuorum quidem sepulchra tuta dicuntur sed ex bustis et rogis reliquiae quaedam et cadaverum praesegmina ad exitiabiles viventium fortunas petuntur, et cantatrices anus in ipso momento choragi funebris praepeti celeritate alienam sepulturam antevortunt." His meis addidit alius:

20. На это я отвечаю:
- Правильно ты говоришь; ни в какой другой стране я не чувствовал себя так свободно, как здесь. Но до крайности опасаюсь я тайных козней магической науки, которых невозможно избежать. Говорят, что даже в могилах покойники не могут оставаться неприкосновенными, и из костров, из склепов добываются какие-то остатки и клочки трупов на[20] гибель живущим. И старые чародейки в

"Immo vero istic nec viventibus quidem ullis parcitur. Et nescio qui simile passus ore undique omnifariam deformato truncatus est." Inter haec convivium totum in licentiosos cachinnos effunditur omniumque ora et optutus in unum quempiam angulo secubantem conferuntur. Qui cunctorum obstinatione confusus indigna murmurabundus cum vellet exsurgere, "Immo mi Thelyphron," Byrrhena inquit "et subsiste paulisper et more tuae urbanitatis fabulam illam tuam remetire, ut et filius meus iste Lucius lepidi sermonis tui perfruatur comitate." At ille: "Tu quidem, domina," ait "in officio manes sanctae tuae bonitatis, sed ferenda non est quorundam insolentia." Sic ille commotus. Sed instantia Byrrhenae, quae eum adiuratione suae salutis ingratis cogebant effari, perfecit ut vellet.	самые минуты погребальных обрядов успевают с быстротою хищных птиц предвосхитить новые похороны. При этих моих словах вступил в разговор кто-то из присутствующих: - Да тут и живым людям спуска не дают. Есть у нас один человек, с которым случилась подобная история, - так ему все лицо изуродовали, что и не узнать. Тут все общество разразилось неудержимым хохотом, причем взоры всех обратились к гостю, возлежавшему в углу. Когда тот, смущенный таким упорным и продолжительным вниманием окружающих, хотел, проворчав что-то в негодовании, подняться с места, Биррена говорит ему: - Ну полно, мой Телефрон, останься немного и, будь любезен, расскажи еще раз свою историю, чтобы и сынок мой, вот этот Луций, мог насладиться прелестью твоей складной речи! А он в ответ: - Ты-то, госпожа, как всегда, проявляешь свою святую доброту. Но есть некоторые люди, наглость которых невозможно переносить! Так он был возмущен. Но настойчивость Биррены, которая, заклиная его своей жизнью, заставляла рассказывать против воли, достигла своей цели.
21. Ac sic aggeratis in cumulum stragulis et effultus in cubitum suberectusque [in torum] porrigit dexteram et ad instar oratorum conformat articulum duobusque infimis conclusis digitis ceteros eminens [porrigens] et infesto pollice clementer subrigens infit Thelyphron: "Pupillus ego Mileto profectus ad spectaculum Olympicum, cum haec etiam loca provinciae famigerabilis adire cuperem, peragrata cuncta Thessalia fuscis avibus Larissam accessi. Ac dum singula pererrans tenuato admodum viatico paupertati meae fomenta conquiro, conspicor medio foro procerum quendam senem. Insistebat lapidem claraque voce praedicabat, siqui mortuum servare vellet, de pretio liceretur. Et ad quempiam praetereuntium "Quid hoc" inquam "comperior? Hicine mortui solent aufugere?" "Tace," respondit ille "nam oppido puer et satis peregrinus es meritoque ignoras Thessaliae te consistere, ubi sagae mulieres ora mortuorum passim demorsicant, eaque sunt illis artis magicae supplementa."	21. Тогда, образовав из покрывал возвышение, приподнявшись на ложе и опершись на локоть, Телефрон простирает правую руку и, наподобие ораторов[21], пригнув мизинец и безымянный палец, два других вытянув вперед, а большой угрожающе опустив, начинает благодушно таким образом: - Будучи еще несовершеннолетним, отправился я из Милета на Олимпийские игры, и так как мне хотелось побывать и в этой части знаменитой провинции, в ваших краях, то, проехавши через всю Фракию, в недобрый час прибыл я в Лариссу[22]. Мои дорожные средства истощились, и я бродил по городу, стараясь придумать, как бы помочь своей бедности. Вдруг вижу посреди площади какого-то высокого старика. Он стоял на камне и громким голосом предлагал тем, кто желал бы наняться караульщиком к покойникам, условиться с ним о цене. Тогда я обращаюсь к одному прохожему и говорю: "Что я слышу? Разве здесь покойники имеют обыкновение убегать?" - "Помолчи, - отвечает тот, - ты еще слишком молод и человек приезжий и, понятное дело, плохо себе представляешь, что находишься в Фессалии, где колдуньи нередко отгрызают у

	покойников части лица - это им для магических действий нужно".
22. Contra ego: "Et quae, tu" inquam "dic sodes, custodela ista feralis?" "Iam primum" respondit ille "perpetem noctem eximie vigilandum est exsertis et inconivis oculis semper in cadaver intentis nec acies usquam devertenda, immo ne obliquanda quidem, quippe cum deterrimae versipelles in quodvis animal ore converso latenter adrepant, ut ipsos etiam oculos Solis et Iustitiae facile frustrentur; nam et aves et rursum canes et mures immo vero etiam muscas induunt. Tunc diris cantaminibus somno custodes obruunt. Nec satis quisquam definire poterit quantas latebras nequissimae mulieres pro libidine sua comminiscuntur. Nec tamen huius tam exitiabilis operae merces amplior quam quaterni vel seni ferme offeruntur aurei. Ehem, et quod paene praeterieram, siqui non integrum corpus mane restituerit, quidquid inde decerptum deminutumque fuerit, id omne de facie sua desecto sarcire compellitur."	22. Я продолжаю: "А в чем состоит, скажи на милость, обязанность этого могильного караульщика?" - "Прежде всего, - отвечает тот, - всю ночь напролет нужно бодрствовать и открытыми, не знающими сна глазами смотреть на труп, не отвращая взора и даже на единый миг не отворачиваясь; ведь негоднейшие эти оборотни, приняв вид любого животного, тайком стараются проникнуть, так что очи самого Солнца, самой Справедливости[23] могут легко обмануться; то они обращаются в птиц, то в собак, то в мышей, иногда даже в мух. Тут от зловещих чар на караульщиков нападает сон. Никто не может даже перечислить, к каким уловкам прибегают эти зловреднейшие женщины ради своей похоти. И за эту работу, такую опасную, обыкновенно полагается плата не больше, чем в четыре, шесть золотых. Да, вот еще, чуть не забыл! В случае если наутро тело будет сдано не в целости, все, что пропадет, полностью или частью, караульщик обязан возместить, отрезав от собственного лица".
23. His cognitis animum meum conmasculo et ilico accedens praeconem: "Clamare" inquam "iam deisne. Adest custos paratus, cedo praemium." "Mille" inquit "nummum deponentur tibi. Sed heus iuvenis, cave diligenter principum civitatis filii cadaver a malis Harpyiis probe custodias." "Ineptias" inquam "mihi narras et nugas meras. Vides hominem ferreum et insomnem, certe perspicaciorem ipso Lynceo vel Argo et oculeum totum." Vix finieram, et ilico me perducit ad domum quampiam, cuius ipsis foribus obseptis per quandam brevem posticulam intro vocat me et conclave quoddam obseratis luminibus umbrosum <intrans> demonstrat matronam flebilem fusca veste contectam, quam propter adsistens: "Hic" inquit "auctoratus ad custodiam mariti tui fidenter accessit." At illa crinibus antependulis hinc inde dimotis etiam in maerore luculentam proferens faciem meque respectans: "Vide oro" inquit "quam expergite munus obeas." "Sine cura sis", inquam "modo corollarium idoneum compara."	23. Узнав все это, я собираюсь с духом и тут же, подойдя к глашатаю, говорю: "Полно уж кричать! Вот тебе и караульщик, посмотрим, что за цена". - "Тысяча нуммов, отвечает, тебе полагается. Но послушай, малый, хорошенько постарайся - это тело сына одного из важнейших граждан, от злых гарпий труп на совесть береги!" - "Глупости, говорю, ты мне толкуешь и чистейшие пустяки. Перед тобой человек железный, которого сон не берет, более бдительный, без сомнения, чем Линцей или Аргус[24], словом - один сплошной глаз!" Не поспел я еще кончить, как он сейчас же ведет меня к какому-то дому, ворота которого были заперты, так что он пригласил меня войти через какую-то маленькую калитку, и, отворив дверь в какую-то темную комнату с закрытыми окнами, указывает на горестную матрону, закутанную в темные одежды. Подойдя к ней, он говорит: "Вот пришел человек, который не побоялся наняться в караульщики к твоему мужу". Тут она откинула волосы, спадавшие с обеих сторон наперед, и, показав прекрасное, несмотря на скорбь, лицо, говорит, глядя мне в глаза: "Смотри, прошу тебя, как можно бдительнее исполни свое дело". - "Не беспокойся, говорю, только награду соответственную приготовь".
24. Sic placito consurrexit et ad alium me	24. Удовлетворившись ответом, она

cubiculum inducit. Ibi corpus splendentibus linteis coopertum introductis quibusdam septem testibus manu revelat et diutine insuper fleto obtestata fidem praesentium singula demonstrat anxie, verba concepta de industria quodam tabulis praenotante. "Ecce" inquit "nasus integer, incolumes oculi, salvae aures, inlibatae labiae, mentum solidum. Vos in hanc rem, boni Quirites, testimonium perhibetote", et cum dicto consignatis illis tabulis facessit. At ego: "Iube," inquam "domina, cuncta quae sunt usui necessaria nobis exhiberi." "At quae" inquit "ista sunt?" "Lucerna" aio "praegrandis et oleum ad lucem luci sufficiens et calida cum oenophoris et calice cenarumque reliquis discus ornatus." Tunc illa capite quassanti: "Abi," inquit "fatue, qui in domo funesta cenas et partes requiris, in qua totiugis iam diebus ne fumus quidem visus est ullus. An istic comissatum te venisse credis? Quin sumis potius loco congruentes luctus et lacrimas?" Haec simul dicens respexit ancillulam et: "Myrrhine," inquit "lucernam et oleum trade confestim et incluso custode cubiculo protinus facesse."	поднялась и ведет меня в другую комнату. Там, введя семерых неких свидетелей, она подымает рукою блестящие покровы с тела покойного, долго плачет над ним и. взывая к совести присутствующих, начинает тщательно перечислять части лица, показывая на каждую в отдельности, а кто-то умышленно заносил ее слова на таблички[25]. "Вот, говорит, нос в целости, не тронуты глаза, целы уши, неприкосновенны губы, подбородок в сохранности; во всем этом вы, честные квириты, будьте свидетелями". После этих слов к табличкам были приложены печати, и она направилась к выходу. А я говорю: "Прикажи, госпожа, чтобы все, что для моего дела требуется, мне приготовили".- "А что именно?" - спрашивает. "Лампу, говорю, побольше масла, чтобы до свету света хватило, теплой воды, пару кувшинчиков винца, чашу да поднос с остатками ужина". Тут она покачала головой и говорит: "Да ты в своем ли уме? В доме, где траур, ищешь остатков от ужина, когда у нас который день и кухня не топится! Ты что ж думаешь, пировать сюда пришел? Лучше бы предавался ты скорби и слезам под стать окружающему!" С этими словами она взглянула на служанку и говорит: "Миррина, принеси сейчас же лампу и масло, потом запрешь караульщика в спальне и немедленно уходи обратно".
25. Sic desolatus ad cadaveris solacium perfrictis oculis et obarmatis ad vigilias animum meum permulcebam cantationibus, cum ecce crepusculum et nox provecta et nox altior et dein concubia altiora et iam nox intempesta. Mihique oppido formido cumulatior quidem cum repente introrepens mustela contra me constitit optutumque acerrimum in me destituit, ut tantillula animalis prae nimia sui fiducia mihi turbarit animum. Denique sic ad illam: "Quin abis," inquam "inpurata bestia, teque ad tui similes musculos recondis, antequam nostri vim praesentariam experiaris? Quin abis?" Terga vortit et cubiculo protinus exterminatur. Nec mora, cum me somnus profundus in imum barathrum repente demergit, ut ne deus quidem Delphicus ipse facile discerneret duobus nobis iacentibus quis esset magis mortuus. Sic inanimis et indigens alio custode paene ibi non eram.	25. Оставленный, таким образом, наедине с трупом, я тру глаза, чтобы вооружить их против сна, и для храбрости песенку напеваю, а тем временем смеркается, сумерки наступают, сумерки сгущаются, потом глубокая ночь, наконец глубочайший мрак. А у меня страх все увеличивался, как вдруг внезапно вползает ласочка, останавливается передо мной и так пристально на меня смотрит, что я смутился от такой наглости в столь ничтожном зверьке. Наконец говорю ей: "Пошла прочь, подлая тварь! Убирайся к мышам - они тебе компания[26], - покуда не испытала на себе моей силы! Пошла прочь!" Повернулась и сейчас же исчезла из комнаты. Но в ту же минуту глубокий сон вдруг погрузил меня на самое дно какой-то бездны, так что сам Дельфиец[27] с трудом угадал бы, какое из нас, двух лежащих тел, более мертво. Так, ничего не чувствуя и сам нуждаясь в караульщике, я будто бы и не был в той комнате.
26. Commodum noctis indutias cantus perstrepebat cristatae cohortis. Tandem	26. Тут как раз оглушительное пение хохлатой команды возвестило, что ночь на

expergitus et nimio pavore perterritus cadaver accurro et admoto lumine revelataque eius facie rimabar singula, quae cuncta convenerant; ecce uxor misella flens cum hesternis testibus introrumpit anxia et statim corpori superruens multumque ac diu deosculata sub arbitrio luminis recognoscit omnia, et conversa Philodespotum requirit actorem. Ei praecipit bono custodi redderet sine mora praemium, et oblato statim: "Summas" inquit "tibi, iuvenis, gratias agimus et hercules ob sedulum istud ministerium inter ceteros familiares dehinc numerabimus." Ad haec ego insperato lucro diffusus in gaudium et in aureos refulgentes, quos identidem in manu mea ventilabam, attonitus: "Immo," inquam "domina, de famulis tuis unum putato, et quotiens operam nostram desiderabis, fidenter impera." Vix effatum me statim familiares omen nefarium exsecrati raptis cuiusque modi telis insecuntur; pugnis ille malas offendere, scapulas alius cubitis inpingere, palmis infestis hic latera suffodere, calcibus insultare, capillos distrahere, vestem discindere. Sic in modum superbi iuvenis Aoni vel Musici vatis Piplei laceratus atque discerptus domo proturbor.	исходе, и я наконец проснулся. Охваченный немалым страхом, бегу к трупу; поднеся светильник и откинув покров с лица, я стал рассматривать каждую черточку - все было на месте, как прежде. Вот и бедная супруга в слезах и в тревоге вместе со вчерашними свидетелями быстро входит и сейчас же бросается на тело мужа, долго осыпает его поцелуями, потом при свете лампы убеждается, что все в порядке. Тогда, обернувшись, подзывает она своего управляющего Филодеспота и дает ему распоряжение немедленно выдать вознаграждение доброму караульщику. Деньги сейчас же принесли, и она прибавляет: "Мы тебе крайне признательны, юноша, и, клянусь Геркулесом, за такую хорошую службу мы с этой минуты будем считать тебя нашим домочадцем". На что я, обрадованный неожиданной поживой и ошалевший от блестящих золотых, которыми все время побрякивал в руке, говорю: "Больше того, госпожа! Считай меня своим слугою, и сколько бы раз тебе ни потребовалась наша служба, смело приказывай". Едва я это произнес, как тотчас все домочадцы, проклиная зловещее предзнаменование[29] и схватив что под руку попало, на меня набросились, кто кулаком в зубы заехал, кто локтями в спину тычет, кто руками злобно под бока поддает, пятками топчут, за волосы таскают, платье рвут. Так, разодранный и растерзанный, наподобие гордого Аонийского юноши[30] или вещего Пиплейского певца, был я выгнан из дома.
27. Ac dum in proxima platea refovens animum infausti atque inprovidi sermonis mei sero reminiscor dignumque me pluribus etiam verberibus fuisse merito consentio, ecce iam ultimum defletus atque conclamatus processerat mortuus rituque patrio, utpote unus de optimatibus, pompa funeris publici ductabatur per forum. Occurrit atratus quidam maestus in lacrimis genialem canitiem revellens senex et manibus ambabus invadens torum voce contenta quidem sed adsiduis singultibus impedita: "Per fidem vestram," inquit "Quirites, per pietatem publicam perempto civi subsistite et extremum facinus in nefariam scelestamque istam feminam severiter vindicate. Haec enim nec ullus alius miserum adulescentem, sororis meae filium, in adulteri gratiam et ob praedam hereditariam extinxit veneno." Sic ille senior lamentabiles questus singultim instrepebat. Saevire vulgus interdum et facti verisimilitudinem ad criminis	27. И покуда на соседней улице я прихожу в себя и, слишком поздно вспоминая всю неосмотрительность и зловещий смысл моих слов, сознаюсь, что заслуживаю по справедливости еще больших побоев, вот уже покойника, в последний раз оплакав и окликнув, вынесли из дому, и так как хоронили аристократа, то, по исконным обрядам, устроенная на общественный счет погребальная процессия проходила через форум. Подбегает тут какой-то старик в темной одежде, скорбный, весь в слезах, рвет свои благородные седины и, обеими руками обняв погребальное ложе, громким, хотя и прерываемым поминутно рыданиями голосом восклицает: "Вашим добрым именем заклинаю вас, квириты, и всем, что для вас свято: заступитесь за убитого гражданина и невероятное преступление зловредной этой и нечестивой женщины сурово покарайте. Это

credulitatem impelli. Conclamant ignem, requirunt saxa, famulos ad exitium mulieris hortantur. Emeditatis ad haec illa fletibus quamque sanctissime poterat adiurans cuncta numina tantum scelus abnuebat.

она, и никто другой, несчастного юношу, сына моей сестры, извела отравой, чтобы угодить любовнику и грабительски захватить наследство".

Так старец этот, то к одному, то к другому обращаясь, разливался в громких жалобах. Толпа между тем начала грозно волноваться и правдоподобность случая заставляла верить в преступление. Одни кричат, что надо сжечь ее, другие хватаются за камни, мальчишек подговаривают прикончить женщину. А та, обливаясь притворными слезами и самыми страшными клятвами клянясь, призывая всех небожителей в свидетели, отпиралась от такого злодейства.

28. Ergo igitur senex ille: "Veritatis arbitrium in divinam providentiam reponamus. Zatchlas adest Aegyptius propheta primarius, qui mecum iam dudum grandi praemio pepigit reducere paulisper ab inferis spiritum corpusque istud postliminio mortis animare", et cum dicto iuvenem quempiam linteis amiculis iniectum pedesque palmeis baxeis inductum et adusque deraso capite producit in medium. Huius diu manus deosculatus et ipsa genua contingens: "Miserere," ait "sacerdos, miserere per caelestia sidera per inferna numina per naturalia elementa per nocturna silentia et adyta Coptica et per incrementa Nilotica et arcana Memphitica et sistra Phariaca. Da brevem solis usuram et in aeternum conditis oculis modicam lucem infunde. Non obnitimur <necessitati> nec terrae rem suam denegamus, sed ad ultionis solacium exiguum vitae spatium deprecamur." Propheta sic propitiatus herbulam quampiam ob os corporis et aliam pectori eius imponit. Tunc orientem obversus incrementa solis augusti tacitus imprecatus venerabilis scaenae facie studia praesentium ad miraculum tantum certatim adrexit.

28. Наконец старец молвит: "Предоставим божественному провидению решить, где правда. Тут находится Затхлас, один из первых египетских пророков, который уже давно за большую цену условился со мною на время вызвать душу из преисподней, а тело это вернуть к жизни.- И с этими словами выводит он на середину какого-то юношу в льняной одежде, в пальмовых сандалиях, с гладко выбритой головой. Долго целуя ему руки и даже колен касаясь, говорит он: - Сжалься, служитель богов, сжалься ради светил небесных, ради подземных божеств, ради стихий природных, ради ночного безмолвия, ради святилищ коптских, и половодий нильских, и тайн мемфисских, и систров фаросских. Дай на краткий миг воспользоваться сиянием солнца и в сомкнутые навеки очи влей частицу света. Не ропщем мы и не оспариваем у земли ей принадлежащего, но, для того чтобы утешиться возмездием, просим о кратком возвращении к жизни". Пророк, которого тронули эти мольбы, положил какую-то травку на уста покойнику, другую - ему на грудь. Затем, повернувшись к востоку, начал он молча молиться священному Солнцу, поднимавшемуся над горизонтом, всем видом своим во время этой сцены, достойной глубокого уважения, как нельзя лучше подготовив внимание присутствующих к чуду.

29. Immitto me turbae socium et pone ipsum lectulum editiorem quendam lapidem insistens cuncta curiosis oculis arbitrabar. Iam tumore pectus extolli, iam salebris vena pulsari, iam spiritu corpus impleri; et adsurgit cadaver et profatur adulescens: "Quid, oro, me post Lethea pocula iam Stygiis paludibus innatantem ad momentariae vitae reducitis officia? Desine iam,

29. Я вмешиваюсь в толпу и, став на высоком камне позади самого погребального ложа, любопытным взором за всем слежу. И вот уже начинает вздыматься грудь, вены спасительно биться, уже духом наполняется тело; и поднялся мертвец, и заговорил юноша: "Скажите мне, зачем, вкусившего уже от летейских чаш, уже по стигийским болотам плывшего к делам мимолетной жизни

precor, desine ac me in meam quietem permitte." Haec audita vox de corpore, sed aliquanto propheta commotior: "Quin refers" ait "populo singula tuaeque mortis illuminas arcana? An non putas devotionibus meis posse Diras invocari, posse tibi membra lassa torqueri?" Suscipit ille de lectulo et imo cum gemitu populum sic adorat: "Malis novae nuptae peremptus artibus et addictus noxio poculo torum tepentem adultero mancipavi."	возвращаете? Перестань же, молю, перестань, и меня к покою моему отпусти!" Вот что сказал голос, исходивший из тела. Но пророк, уже с большим жаром, говорит: "Что же ты не расскажешь народу все по порядку, отчего не объяснишь тайну твоей смерти? Разве ты не знаешь, что я могу заклинаньями моими призвать фурий и усталые члены твои предать мученью?"Тот слушает это с ложа и с глубоким вздохом так вещает народу: "Злыми чарами жены молодой изведенный и обреченный на гибельную чашу, брачное ложе не остывшим еще уступил я прелюбодею".
Tunc uxor egregia capit praesentem audaciam et mente sacrilega coarguenti marito resistens altercat. Populus aestuat diversa tendentes, hi pessimam feminam viventem statim cum corpore mariti sepeliendam, alii mendacio cadaveris fidem non habendam.	Тут замечательная эта жена, явно обнаглев, задалась кощунственной мыслью упрямо опровергать неоспоримые доводы мужа. Народ бушует, мнения разделяются; одни требовали, чтобы негоднейшая женщина сейчас же погребена была заживо с телом покойного мужа, другие говорили, что не следует верить лживым словам трупа.
30. Sed hanc cunctationem sequens adulescentis sermo distinxit; nam rursus altius ingemescens: "Dabo," inquit "dabo vobis intemeratae veritatis documenta perlucida et quod prorsus alius nemo cognoverit indicabo." Tunc digito me demonstrans: "Nam cum corporis mei custos hic sagacissimus exsertam mihi teneret vigiliam, cantatrices anus exuviis meis inminentes atque ob id reformatae frustra saepius cum industriam eius fallere nequivissent, postremum iniecta somni nebula eoque in profundam quietem sepulto me nomine ciere non prius desierunt quam dum hebetes artus et membra frigida pigris conatibus ad artis magicae nituntur obsequia. <At> hic utpote vivus quidem sed tantum sopore mortuus, quod eodem mecum vocabulo nuncupatur, ad suum nomen ignarus exsurgit, et in inanimis umbrae modum ultroneus gradiens, quamquam foribus cubiculi diligenter obclusis, per quoddam foramen prosectis naso prius ac mox auribus vicariam pro me lanienam sustinuit. Utque fallaciae reliqua convenirent, ceram in modum prosectarum formatam aurium ei adplicant examussim nasoque ipsius similem comparant. Et nunc adsistit miser hic praemium non industriae sed debilitationis consecutus." His dictis perterritus temptare formam adgredior. Iniecta manu nasum prehendo: sequitur; aures pertracto: deruunt. Ac dum directis digitis et detortis nutibus praesentium denotor, dum risus ebullit, inter pedes circumstantium frigido sudore defluens evado. Nec postea debilis ac sic ridiculus	30. Но эти пререкания были прерваны новою речью юноши, так как, испустив еще более глубокий вздох, он заговорил: "Дам, дам вам ясные доказательства своей безукоризненной правоты и открою то, о чем никто, кроме меня, не знает и не догадывается. - И тут, указывая на меня пальцем: - Да ведь, когда у тела моего бдительнейший этот караульщик твердо стоял на страже, старые колдуньи, охочие до бренной моей оболочки и принимавшие по этой причине разные образы, многократно пытались обмануть его ревностное усердие и наконец, напустив сонного тумана, погрузили его в глубокое забытье; а потом они не переставая звали меня по имени, и вот уже мои застывшие связки и похолодевшие члены силятся медленными движениями ответить на приказания магического искусства. Тут этот человек, на самом-то деле живой, да только мертвецки сонный, ничего не подозревая, встает, откликаясь на свое имя, так как мы с ним называемся одинаково, и добровольно идет вперед наподобие безжизненной тени; хотя двери в комнату были тщательно закрыты, однако там нашлось отверстие, через которое ему сначала отрезали нос, потом оба уха, так что он оказался изувеченным вместо меня. И чтобы замести следы, обманщицы приставляют ему сделанные из воска уши - точное подобие отрезанных - и нос, похожий на его собственный. Вот он пред вами, этот несчастный, получивший плату не за труд свой, а за увечье".

Lari me patrio reddere potui, sed capillis hinc inde laterum deiectis aurium vulnera celavi, nasi vero dedecus linteolo isto pressim adglutinato decenter obtexi."	Перепуганный такими словами, я начинаю ощупывать свое лицо: схватываюсь за нос - остается у меня в руке: провожу по ушам - отваливаются. Когда все присутствующие стали указывать на меня пальцами и кивать головою, когда поднялся смех, я, обливаясь холодным потом, ныряю между ног окружавших меня людей и бегу прочь. Но после того как я стал калекой и всеобщим посмешищем, я не мог уже вернуться к домашнему очагу; так, расчесав волосы, чтобы они спадали с обеих сторон, я скрыл шрамы от отрезанных ушей, а постыдный недостаток носа стараюсь из приличия спрятать под этим полотняным платочком, который плотно прижимаю к лицу.
31. Cum primum Thelyphron hanc fabulam posuit, conpotores vino madidi rursum cachinnum integrant. Dumque bibere solita Risui postulant, sic ad me Byrrhena: "Sollemnis" inquit "dies a primis cunabulis huius urbis conditus crastinus advenit, quo die soli mortalium sanctissimum deum Risum hilaro atque gaudiali ritu propitiamus. Hunc tua praesentia nobis efficies gratiorem. Atque utinam aliquid de proprio lepore laetificum honorando deo comminiscaris, quo magis pleniusque tanto numini litemus." "Bene" inquam "et fiet ut iubes. Et vellem hercules materiam reperire aliquam quam deus tantus affluenter indueret." Post haec monitu famuli mei, qui noctis admonebat, iam et ipse crapula distentus protinus exsurgo et appellata propere Byrrhena titubante vestigio domuitionem capesso.	31. Когда Телефрон окончил эту историю, собутыльники, разгоряченные вином, вновь разразились хохотом. Пока они требовали, чтобы совершено было обычное возлияние богу Смеха[36], Биррена обращается ко мне со следующими словами: - Завтра наступает день, считающийся с самого основания нашего города торжественным, потому что в этот день единственные во всем свете мы чтим веселыми и радостными обрядами святейшее божество - Смех. Своим присутствием ты сделаешь нам этот праздник еще приятнее. Как хорошо было бы, если бы и ты придумал в честь бога что-нибудь остроумное и забавное, чтобы мы поклонялись столь великому божеству еще более преданно и верно. - Отлично, - говорю, - как приказываешь, так и будет. И клянусь Геркулесом, хотелось бы мне найти что-нибудь такое, что по достоинству и в избытке удовлетворило бы великого бога. После этого, так как мой слуга доложил мне, что наступает ночь, да и сам я уже вдоволь нагрузился вином, я быстро подымаюсь с места и, наскоро пожелав Биррене всего хорошего, нетвердой походкой пускаюсь в обратный путь.
32. Sed cum primam plateam vadimus, vento repentino lumen quo nitebamur extinguitur, ut vix inprovidae noctis caligine liberati digitis pedum detunsis ob lapides hospitium defessi rediremus. Dumque iam iunctim proximamus, ecce tres quidam vegetes et vastulis corporibus fores nostras ex summis viribus inruentes ac ne praesentia quidem nostra tantillum conterriti sed magis cum aemulatione virium crebrius	32. Но едва лишь вышли мы на улицу, как внезапный ветер гасит факел, который освещал нам дорогу, и мы, с трудом пробираясь в полном мраке неожиданно наступившей ночи, исколов о камни все ноги, насилу добрались до дому. Когда мы, крепко держась друг за друга, подходили к дому, вдруг видим: трое каких-то здоровых и дюжих людей изо всех сил ломятся в нашу дверь, не только нимало не смутившись нашим появлением, но наперебой стараясь ударить посильнее и почаще, так что нам, а мне в особенности, не без основания показались они разбойниками, и

insultantes, ut nobis ac mihi potissimum non immerito latrones esse et quidem saevissimi viderentur. Statim denique gladium, quem veste mea contectum ad hos usus extuleram, sinu liberatum adripio. Nec cunctatus medios latrones involo ac singulis, ut quemque conluctantem offenderam, altissime demergo, quoad tandem ante ipsa vestigia mea vastis et crebris perforati vulneribus spiritus efflaverint. Sic proeliatus, iam tumultu eo Photide suscitata, patefactis aedibus anhelans et sudore perlutus inrepo meque statim utpote pugna trium latronum in vicem Geryoneae caedis fatigatum lecto simul et somno tradidi.	притом самыми свирепыми. Сейчас же вытаскиваю меч, который я взял с собой и нес под одеждой на подобный случай. Без промедления бросаюсь прямо на разбойников и одного за другим, с кем ни схвачусь, поражаю, всаживая глубоко меч, покуда наконец, покрытые множеством зияющих ран, у самых ног моих духа они не испускают. Окончив битву, между тем как и Фотида от шума проснулась, вбегаю я, едва переводя дыхание и обливаясь потом, в открытые двери и сейчас же, усталый, словно не с тремя разбойниками сражался, а Гериона 37 убил, бросаюсь на кровать и в тот же миг засыпаю.
LIBER TERTIUS	**КНИГА ТРЕТЬЯ**
1. Commodum poenicantibus phaleris Aurora roseum quatiens lacertum caelum inequitabat, et me securae quieti revulsum nox diei reddidit. Aestus invadit animum vespertini recordatione facinoris; complicitis denique pedibus ac palmulis in alternas digitorum vicissitudines super genua conexis sic grabattum cossim insidens ubertim flebam, iam forum et iudicia, iam sententiam, ipsum denique carnificem imaginabundus. "An mihi quisquam tam mitis tamque benivolus iudex obtinget, qui me trinae caedis cruore perlitum et tot civium sanguine delibutum innocentem pronuntiare poterit? Hanc illam mihi gloriosam peregrinationem fore Chaldaeus Diophanes obstinate praedicabat." Haec identidem mecum replicans fortunas meas heiulabam. Quati fores interdum et frequenti clamore ianuae nostrae perstrepi.	1. Едва Аврора, розовою рукою помавая, пустилась по небу на своих конях, украшенных алыми фалерами[1], как меня, у сладкого покоя похищенного, ночь передала дню. При воспоминании о вчерашнем преступлении на душу мне пало лихорадочное беспокойство; скрестив ноги и обвив колени переплетенными пальцами, сидел я, скорчившись, на кровати и горько плакал, рисуя в своем воображении и городскую площадь, и суд, и приговор, и самого палача. Разве может мне попасться такой мягкий, такой благорасположенный судья, который меня, запятнанного жестокостью тройного убийства, забрызганного кровью стольких граждан, признает невиновным? Так вот какое славное странствование халдей Диофан так упорно мне предсказывал! Снова и снова приходили мне в голову эти мысли, и я оплакивал свою судьбу, а между тем раздались удары в двери, и перед входом поднялся крик.
2. Nec mora, cum magna inruptione patefactis aedibus magistratibus eorumque ministris et turbae miscellaneae cuncta completa statimque lictores duo de iussu magistratuum immissa manu trahere me sane non renitentem occipiunt. Ac dum primum angiportum insistimus, statim civitas omnis in publicum effusa mira densitate nos insequitur. Et quamquam capite in terram immo ad ipsos inferos iam deiecto maestus incederem, obliquato tamen aspectu rem admirationis maximae conspicio: nam inter tot milia populi circum fluentis nemo prorsum qui non risu dirumperetur aderat. Tandem pererratis plateis omnibus et in modum eorum quibus lustralibus piamentis minas portentorum hostiis circumforaneis expiant circumductus angulatim	2. Тотчас же от сильного натиска распахиваются настежь двери, и весь дом наполняется чиновниками, их прислужниками и разношерстной толпой; и сейчас же двое ликторов по приказанию чиновников наложили на меня руки и повели без всякого, разумеется, с моей стороны сопротивления. И едва мы вступили в ближайший переулок, как все жители, высыпав на улицу, необыкновенно тесной толпой двинулись за нами следом. И хотя шел я, печально опустив голову, а вернее сказать, желая даже сквозь землю провалиться, однако бросая украдкой взоры по сторонам, замечаю нечто достойное величайшего удивления: ибо из стольких тысяч людей, что нас окружали, не было ни одного,

forum eiusque tribunal adstituo. Iamque sublimo suggestu magistratibus residentibus, iam praecone publico silentium clamante, repente cuncti consona voce flagitant propter coetus multitudinem, quae pressurae nimia densitate periclitaretur, iudicium tantum theatro redderetur. Nec mora, cum passim populus procurrens caveae conseptum mira celeritate complevit; aditus etiam et tectum omne fartim stipaverant, plerique columnis implexi, alii statuis dependuli, nonnulli per fenestras et lacunaria semiconspicui, miro tamen omnes studio visendi pericula salutis neclegebant. Tunc me per proscaenium medium velut quandam victimam publica ministeria producunt et orchestrae mediae sistunt.	который не покатывался бы со смеху. Тем временем, обойдя все улицы, проводят меня по всем закоулкам, как водят обычно животных, предназначенных для искупительных жертв[2], когда грозит какая-либо опасность, предсказанная божественными знамениями, и, наконец, ставят меня перед трибуналом на форуме[3]. Уже на возвышенном месте восседали судьи, уже общественный глашатай призывал к молчанию, как вдруг все в один голос требуют, чтобы, приняв во внимание необычайную многочисленность сборища, которое грозит опасностью страшной давки, разбирательство столь важного дела было перенесено в театр. Народ хлынул беспорядочной толпой; не прошло и минуты, как все места, отведенные для зрителей, были заняты; даже проходы и вся крыша заполнены до отказа, многие ухватились за колонны, другие на статуях повисли, некоторые по пояс высунулись из окон и отверстий в потолке - нестерпимое желание увидеть все своими глазами заставляло пренебрегать опасностью для жизни. Тут меня стража, как жертву какую-нибудь, проводит через просцениум и ставит посреди орхестры[4].
3. Sic rursum praeconis amplo boatu citatus accusator quidam senior exsurgit et ad dicendi spatium vasculo quoidam in vicem coli graciliter fistulato ac per hoc guttatim defluo infusa aqua populum sic adorat: "Neque parva res ac praecipue pacem civitatis cunctae respiciens et exemplo serio profutura tractatur, Quirites sanctissimi. Quare magis congruit sedulo singulos atque universos vos pro dignitate publica providere ne nefarius homicida tot caedium lanienam, quam cruenter exercuit, inpune commiserit. Nec me putetis privatis simultatibus instinctum odio proprio saevire. Sum namque custodiae nocturnae praefectus nec in hodiernum credo quemquam pervigilem diligentiam meam culpare posse. Rem denique ipsam et quae nocte gesta sunt cum fide proferam. Nam cum fere iam tertia vigilia scrupulosa diligentia cunctae civitatis ostiatim singula considerans circumirem, conspicio istum crudelissimum iuvenem mucrone destricto passim caedibus operantem iamque tris numero saevitia eius interemptos ante pedes ipsius spirantibus adhuc corporibus in multo sanguine palpitantes. Et ipse quidem conscientia tanti facinoris merito permotus statim profugit et in domum quandam praesidio tenebrarum elapsus perpetem noctem delituit. Sed providentia deum, quae nihil impunitum nocentibus permittit,	3. Вот снова раздается зычный голос глашатая, вызывающего обвинителя. Поднимается один старик, и, после того как для исчисления продолжительности речи в какой-то сосудец 5 с узеньким, как в решете, отверстием была налита вода, вытекавшая оттуда капля за каплей, он обращается к народу с такими словами: - Почтеннейшие квириты, дело идет не о пустяках, но о событии, непосредственно касающемся спокойствия всего города и которое послужит на будущее серьезным примером. Тем более надлежит вам, ради общественного достоинства, каждому в отдельности и всем вместе позаботиться, чтобы учинение гнусным убийцей кровавой бойни, которую он устроил, погубив так много граждан, не прошло безнаказанным. И не думайте, что я, побуждаемый личной враждой, по своей ненависти проявляю строгость. Я - начальник ночной стражи и полагаю, что до сегодняшнего дня никто не мог упрекнуть в чем бы то ни было мое неусыпное усердие. Я в точности вам доложу, в чем суть дела и что произошло в эту ночь. Итак, когда, уже около третьей стражи[6], я с чрезвычайною бдительностью обхожу весь город, осматривая каждый дом в отдельности, замечаю я этого

priusquam iste clandestinis itineribus elaberetur, mane praestolatus ad gravissimum iudicii vestri sacramentum eum curavi perducere. Constanter itaque in hominem alienum ferte sententias de eo crimine quod etiam in vestrum civem severiter vindicaretis."

жесточайшего юношу; обнажив меч, он сеет вокруг себя убийство, и уже три жертвы его ярости испускают дух у самых его ног, содрогаясь в лужах крови. Сам же он, не без причины встревоженный сознанием такого преступления, тотчас пустился бежать и, воспользовавшись темнотою, скрылся в каком-то доме, где и прятался целую ночь. Но благодаря божественному провидению, которое не оставляет ни одного злодейства ненаказанным, прождав его до утра, прежде чем он успел улизнуть тайными путями, я приложил все усилия, чтобы привести его сюда и предоставить решение дела вашему почтеннейшему судилищу. Итак, перед вами стоит подсудимый, запятнанный столькими убийствами, подсудимый, захваченный на месте преступления, подсудимый - чужестранец. Вынесите же, не колеблясь, приговор этому чужестранцу, совершившему такое злодеяние, за которое вы и своего согражданина строго бы покарали.

4. Sic profatus accusatos acerrimus immanem vocem repressit. Ac me statim praeco, si quid ad ea respondere vellem, iubebat incipere. At ego nihil tunc temporis amplius quam flere poteram, non tam hercules truculentam accusationem intuens quam meam miseram conscientiam. Sed tandem oborta divinitus audacia sic ad illa: "Nec ipse ignoro quam sit arduum trinis civium corporibus expositis eum qui caedis arguatur, quamvis vera dicat et de facto confiteatur ultro, tamen tantae multitudini quod sit innocens persuadere. Sed si paulisper audientiam publica mihi tribuerit humanitas, facile vos edocebo me discrimen capitis non meo merito sed rationabilis indignationis eventu fortuito tantam criminis frustra sustinere.

4. После этих слов смолк ужасный голос моего сурового обвинителя. Сейчас же глашатай обратился ко мне с предложением начать говорить, если я хочу что-нибудь ответить на обвинительную речь. А я в ту минуту мог только плакать, думая, клянусь Геркулесом, не столько об этой грозной речи, сколько о злосчастной моей совести. Наконец свыше послано было мне мужество, и я начал так:

- Небезызвестно и самому мне, как трудно человеку, которого обвиняют в убийстве, стоя перед трупами трех граждан, убедить такое множество народа в своей невиновности, хотя бы он и говорил правду или добровольно сознавался в содеянном. Но если ваша снисходительность уделит мне немного внимания, я легко докажу вам, что не по собственной вине рискую я сейчас головою, а негодование, вполне объяснимое и возникшее по поводу чисто случайному, навлекло на меня такую страшную ненависть за преступление, которого не совершал.

5. Nam cum a cena me serius aliquanto reciperem, potulentus alioquin, quod plane verum crimen meum non diffitebor, ante ipsas fores hospitii ad bonum autem Milonem civem vestrum devorto video quosdam saevissimos latrones aditum temptantes et domus ianuas cardinibus obtortis evellere gestientes claustrisque omnibus, quae accuratissime adfixa fuerant, violenter evulsis secum iam de inhabitantium exitio

5. Итак, когда я несколько позже обычного возвращался с ужина и был пьян - да, это и есть мое настоящее преступление, которого я не стану отрицать, - у самых дверей дома, где я остановился у почтенного вашего согражданина Милона, вижу каких-то свирепых разбойников, которые пытаются войти, сбивая двери с петель, яростно вытаскивая тщательно прилаженные засовы и уже сговариваясь

deliberantes. Unus denique et manu promptior et corpore vastior his adfatibus et ceteros incitabat: "Heus pueri, quam maribus animis et viribus alacribus dormientes adgrediamur. Omnis cunctatio ignavia omnis facessat e pectore; stricto mucrone per totam domum caedes ambulet. Qui sopitus iacebit, trucidetur; qui repugnare temptaverit, feriatur. Sic salvi recedemus, si salvum in domo neminem reliquerimus." Fateor, Quirites, extremos latrones boni civis officium arbitratus, simul et eximie metuens et hospitibus meis et mihi gladiolo, qui me propter huius modi pericula comitabatur, armatus fugare atque proterrere eos adgressus sum. At illi barbari prorsus et immanes homines neque fugam capessunt et, cum me vident in ferro, tamen audaciter resistunt.	между собою, как прикончить жителей этого дома. Один из них, к тому же и на руку особенно проворный, и самый коренастый, других такими словами подзадоривает: "Эй, ребята, нападем на спящих, как подобает мужам, быстро и сильно. Прочь из груди всякая медлительность, всякая вялость! Мечи наголо, и пусть гуляет по всему дому убийство! Кто лежит объятый сном - да погибнет; кто противиться посмеет - да будет убит. Целыми уйдем, если в доме никто цел не останется". Признаться, квириты, при виде таких отпетых разбойников, сознавая долг честного гражданина, да и немалый страх испытывая за своих хозяев и за себя самого, вооруженный коротким мечом, который был у меня с собой на случай подобного рода опасностей, я решил испугать их и обратить в бегство. Но эти лютые злодеи, сущие варвары, и не подумали удирать. Наоборот! Они стали дерзко сопротивляться, хотя и видели оружие у меня в руках.
6. Dirigitur proeliaris acies. Ipse denique dux et signifer ceterorum validis me viribus adgressus ilico manibus ambabus capillo adreptum ac retro reflexum effligere lapide gestit. Quem dum sibi porrigi flagitat, certa manu percussum feliciter prosterno. Ac mox alium pedibus meis mordicus inhaerentem per scapulas ictu temperato tertiumque inprovide occurrentem pectore offenso peremo. Sic pace vindicata domoque hospitum ac salute communi protecta non tam impunem me verun etiam laudabilem publice credebam fore, qui ne tantillo quidem umquam crimine postulatus sed probe spectatus apud meos semper innocentiam commodis cunctis antetuleram. Nec possum reperire cur iustae ultionis qua contra latrones deterrimos commotus sum nunc istum reatum sustineam, cum nemo possit monstrare vel proprias inter nos inimicitias praecessisse ac ne omnino mihi notos illos latrones usquam fuisse, vel certe ulla praeda monstretur cuius cupidine tantum flagitium credatur admissum."	6. Начинается настоящее сражение. Тут сам главарь и вожак шайки набросился на меня изо всех сил и, сразу схватив обеими руками за волосы и закинув мне голову назад, хочет размозжить ее камнем. Покуда он кричал, чтобы ему дали камень, я твердой рукою пронзаю его, и он падает навзничь. Вскоре и второго, который кусался, уцепившись мне за ноги, метким ударом между лопаток приканчиваю, да и третьему, что очертя голову ринулся на меня, грудь насквозь пронзаю. Таким образом, восстановив спокойствие, защитив дом своих хозяев и общественную безопасность, я не только считал себя ни в чем не виноватым, но даже полагал, что заслуживаю похвалы со стороны граждан, тем более что меня никогда не касалась даже тень обвинения в каком-либо преступлении, и у себя на родине я всегда считался человеком честным, ставя чистую совесть выше всякой выгоды. Не могу себе представить, почему справедливая расправа, учиненная мною над гнусными разбойниками, теперь навлекает на меня это обвинение, хотя никто не может доказать, что между нами до этого была личная вражда или что вообще я когда-нибудь был знаком с этими разбойниками; нет речи также о какой-либо поживе, страстью к которой могло бы объясняться подобное злодеяние.
7. Haec profatus rursum lacrimis obortis porrectisque in preces manibus per publicam misericordiam per pignorum caritate maestus tunc	7. Произнеся это, я снова залился слезами и, с мольбою простирая руки, в горести упрашиваю то тех, то других во имя

hos tunc illos deprecabar. Cumque iam humanitate commotos misericordia fletuum adfectos omnis satis crederem, Solis et Iustitiae testatus oculos casumque praesentem meum commendans deum providentiae paulo altius aspectu relato conspicio prorsum totum populum risu cachinnabili diffluebant nec secus illum bonum hospitem parentemque meum Milonem risu maximo dissolutum. At tunc sic tacitus mecum: "En fides," inquam "en conscientia! Ego quidem pro hospitis salute et homicida sum et reus capitis inducor, at ille, non contentus quod mihi nec adsistendi solacium perhibuit, insuper exitium meum cachinnat."	общественного милосердия, во имя их самых дорогих привязанностей. Мне уже начало казаться, что во всех пробудилось сострадание, что все тронуты жалостным видом слез, я уже призвал в свидетели всевидящие очи Солнца и Справедливости и течение моего дела собирался предоставить божественному промыслу; как вдруг, чуть приподняв голову, я вижу, что вся толпа надрывается от хохота, и даже добрый хозяин, родной мой Милон, хохочет во всю глотку. Тут я про себя подумал: "Вот она, верность! Вот она, совесть! Я стал ради спасения хозяина убийцею, и мне угрожает смертная казнь, а он не только никакого утешения мне не доставляет своим присутствием, но вдобавок над бедою моею хохочет!"
8. Inter haec quaedam mulier per medium theatrum lacrimosa et flebilis atra veste contecta parvulum quendam sinu tolerans decurrit ac pone eam anus alia pannis horridis obsita paribusque maesta fletibus, ramos oleagineos utraeque quatientes, quae circumfusae lectulum, quo peremptorum cadavera contecta fuerant, plangore sublato se lugubriter eiulantes: "Per publicam misericordiam per commune ius humanitatis" aiunt "misereмini indigne caesorum iuvenum nostraeque viduitati ac solitudini de vindicta solacium date. Certe parvuli huius in primis annis destituti fortunis succurrite et de latronis huius sanguine legibus vestris et disciplinae publicae litate." Post haec magistratus qui nutu maior adsurgit et ad populum talia: "De scelere quidem, quod serio vindicandum est, nec ipse qui commisit potest diffiteri; sed una tantum subsiciva sollicitudo nobis relicta est, ut ceteros socios tanti facinoris requiramus. Nec enim veri simile est hominem solitarium tres tam validos evitasse iuvenes. Prohinc tormentis veritas eruenda. Nam et qui comitabatur eum puer clanculo profugit et res ad hoc deducta est ut per quaestionem sceleris sui participes indicet, ut tam dirae factionis funditus formido peremtur."	8. В эту минуту через середину театра пробегает какая-то скорбная, заплаканная женщина, закутанная в черные одежды, с каким-то малюткой на груди, а за ней другая, старая, в ужасных лохмотьях, такая же печальная, в слезах, обе потрясают оливковыми[7] ветвями; встав по обе стороны ложа, где покоятся прикрытые тела убитых, они подымают плач, заунывно причитая. - Общественным милосердием заклинаем, - вопят они, - и общим для всех правом на сострадание! Сжальтесь над позорно зарезанными юношами и нашему вдовству, нашему одиночеству дайте утешение в возмездии. Придите по крайней мере на помощь этому малютке, с младенческих лет уже обездоленному, и кровь этого разбойника пусть будет искупительной жертвой законам вашим и устоям общественной нравственности! После этого старейший судья поднялся и обратился к народу так: - Настоящего преступления, заслуживающего серьезного наказания, даже сам тот, кто его совершил, отрицать не может; но нам осталась еще одна, второстепенная забота - отыскать остальных участников такого страшного злодеяния. Ведь совершенно невероятно, чтобы человек один-одинешенек мог справиться с тройкой столь крепких молодых людей. Поэтому придется вырвать истину пыткой. Слуга, сопровождавший его, тайно скрылся, и обстоятельства так сложились, что только сам виновный, подвергшись допросу, может указать соучастников своего преступления, дабы с корнем был уничтожен страх перед этой свирепой шайкой.
9. Nec mora, cum ritu Graeciensi ignis et rota,	9. Не прошло и минуты, как приносят, по

tum omne flagrorum genus inferuntur. Augetur oppido immo duplicatur mihi maestitia, quod integro saltim mori non licuerit. Sed anus illa quae fletibus cuncta turbaverat: "Prius," inquit "optimi cives, quam latronem istum miserorum pignorum meorum peremptorem cruci affigatis, permittite corpora necatorum revelari, ut et formae simul et aetatis contemplatione magis magisque ad iustam indignationem arrecti pro modo facinoris saeviatis." His dictis adplauditur et ilico me magistratus ipsum iubet corpora, quae lectulo fuerant posita, mea manu detegere. Reluctantem me ac diu rennuentem praecedens facinus instaurare nova ostensione lictores iussu magistratuum quam instantissime compellunt, manum denique ipsam de regione lateris trudentes in exitium suum super ipsa cadavera porrigunt. Evictus tandem necessitate succumbo, et ingratis licet abrepto pallio retexi corpora. Dii boni, quae facies rei? Quod monstrum? Quae fortunarum mearum repentina mutatio? Quamquam enim iam in peculio Proserpinae et Orci familia numeratus, subito in contrariam faciem obstupefactus haesi, nec possum novae illius imaginis rationem idoneis verbis expedire. Nam cadavera illa iugulatorum hominum erant tres utres inflati variisque secti foraminibus et, ut vespertinum proelium meum recordabar, his locis hiantes quibus latrones illos vulneraveram.	греческому обычаю, огонь, колесо и всякого рода плети[8]. Уныние мое растет или, скорее, даже удваивается: и умереть-то в неприкосновенности не будет мне дано. А старуха, та, что всем собравшимся слезами своими душу перевернула, говорит: - Добрые граждане, прежде чем разбойника этого, несчастных деток моих погубителя, к кресту пригвоздите, разрешите открыть тела убитых, чтобы, видя красоту их и молодость, вы, еще больше проникшись справедливым негодованием, проявили бы беспощадность, которой заслуживает это злодеяние. Слова эти встречены были рукоплесканиями, и судья тотчас приказывает мне самому собственноручно открыть тела, покоившиеся на ложе. Так как я долго сопротивляюсь и не соглашаюсь снова выставлять мертвецов напоказ, чтобы не обновлять этим в памяти вчерашнее событие, за меня сейчас же, по приказанию суда, с особой настойчивостью берутся ликторы и в конце концов, оторвав руку мою от бока, заставляют протянуть ее к самым трупам - ей же самой на погибель. Наконец, побежденный необходимостью, я покоряюсь и, против воли, разумеется, сняв покрывало, открываю тела. Благие боги, что за вид? Что за чудо? Что за внезапная перемена в моей судьбе? Ведь я уже считал себя собственностью Прозерпины и домочадцем Орка[9] - и вдруг дело принимает совсем другой оборот, и я застываю пораженный. Не могу подыскать подходящих слов, чтобы описать это неожиданное зрелище, - трупы убитых людей оказались тремя надутыми бурдюками, просеченными по всем направлениям, с отверстиями, зиявшими как раз на тех местах, куда, насколько я помню вчерашнюю мою битву, я наносил тем разбойникам раны.
10. Tunc ille quorundam astu paulisper cohibitus risus libere iam exarsit in plebem. Hi gaudii nimietate graculari, illi dolorem ventris manuum compressione sedare. Et certe laetitia delibuti meque respectantes cuncti theatro facessunt. At ego, ut primum illam laciniam prenderam, fixus in lapidem steti gelidus nihil secus quam una de ceteris theatri statuis vel columnis. Nec prius ab inferis demersi quam Milon hospes accessit et iniecta manu me renitentem lacrimisque rursum promicantibus crebra singultientem clementi violentia secum adtraxit, et observatis viae solitudinibus per quosdam amfractus domum suam perduxit, maestumque me atque etiam tunc trepidum variis solatur	10. Тут уж и те, кто прежде с хитрым умыслом хоть как-то сдерживался, дали полную волю хохоту. Одни, вне себя от радости, поздравляли друг друга, другие, схватившись руками за живот, старались унять боль в желудке. И, досыта навеселившись, все уходят из театра, оглядываясь на меня. А я как взял в руки то покрывало, так, закоченев, и продолжал стоять неподвижно, как камень, ничем не отличаясь от любой статуи или колонны в театре. И не раньше восстал я из мертвых, чем хозяин мой Милон подошел ко мне и взял меня за руку; невзирая на мое сопротивление, на слезы, вновь хлынувшие, на частые всхлипыванья, он повлек меня за

affatibus. Nec tamen indignationem iniuriae, quae inhaeserat altius meo pectori, ullo modo permulcere quivit.	собою, употребив дружеское насилие, и, выбрав улицы попустыннее, каким-то окольным путем довел меня до своего дома, стараясь всевозможными разговорами разогнать свою мрачность и успокоить меня, все еще дрожавшего. Однако возмущения от обиды, глубоко засевшей в моем сердце, ему никакими способами смягчить не удалось.
11. Ecce ilico etiam ipsi magistratus cum suis insignibus domum nostram ingressi talibus me monitis delenire gestiunt: "Neque tuae dignitatis vel etiam prosapiae tuorum ignari sumus, Luci domine; nam et provinciam totam inclitae vestrae familiae nobilitas conplectitur. Ac ne istud quod vehementer ingemescis contumeliae causa perpessus es. Omnem itaque de tuo pectore praesentem tristitudinem mitte et angorem animi depelle. Nam lusus iste, quem publice gratissimo deo Risui per annua reverticula sollemniter celebramus, semper commenti novitate florescit. Iste deus auctorem et actorem suum propitius ubique comitabitur amanter nec umquam patietur ut ex animo doleas sed frontem tuam serena venustate laetabit adsidue. At tibi civitas omnis pro ista gratia honores egregios obtulit; nam et patronum scripsit et ut in aere staret imago tua decrevit." Ad haec dicta sermonis refero: "Tibi quidem," inquam "splendidissima et unica Thessaliae civitas, honorum talium parem gratiam memini, verum statuas et imagines dignioribus meique maioribus reservare suadeo."	11. Сейчас же приходят в наш дом сами судьи со своими знаками отличия и пытаются умилостивить меня следующими рассуждениями: - Были нам хорошо известны, господин наш Луций, твое высокое положение и древность твоего рода, ибо по всей провинции разносится слава о благородстве вашей знаменитой семьи. И то, что пришлось тебе перенести и что так сильно огорчает тебя теперь, сделано совсем не для того, чтобы оскорбить тебя. Итак, выбрось из головы это огорчение и гони печаль от своей души. Ведь игры эти, которые мы торжественно и публично справляем ежегодно в честь всемилостивейшего бога Смеха, всегда украшаются какой-нибудь новой выдумкой. Бог этот, благосклонный и к автору, и к исполнителю представления в его честь, везде любовно будет тебе сопутствовать и не допустит, чтобы ты скорбел душою, но постоянно чело твое безмятежною прелестью радовать станет. А весь город за услугу эту присудил тебе высокие почести: ты записан в число его патронов[10], и постановлено воздвигнуть бронзовое твое изображение. На эту речь ответствую я: - Моя благодарность тебе, о самый блистательный и несравненный среди городов Фессалии, равна этим великим почестям, но статуи и изображения советую сохранять для людей более достойных и значительных, чем я.
12. Sic pudenter allocutus et paulisper hilaro vultu renidens quantumque poteram laetiorem me refingens comiter abeuntes magistratus appello. Et ecce quidam intro currens famulus: "Rogat te" ait "tua parens Byrrhena et convivii, cui te sero desponderas, iam adpropinquantis admonet." Ad haec ego formidans et procul perhorrescens etiam ipsam domum eius: "Quam vellem" inquam "parens, iussis tuis obsequium commodare, si per fidem liceret id facere. Hospes enim meus Milon per hodierni diei praesentissimum numen adiurans effecit ut eius hodiernae cenae pignerarer, nec ipse discedit nec me digredi patitur. Prohinc epulare vadimonium differamus." Haec adhuc me loquente manu firmiter iniecta	12. После этого скромного ответа я слегка улыбаюсь и, постаравшись принять как можно более веселый вид, вежливо прощаюсь с уходящими судьями. Но вот вбегает какой-то слуга и говорит: - Зовет тебя родственница твоя Биррена и напоминает, что уже наступает время пира, на который ты вчера обещал прийти. Испугавшись и с ужасом думая о самом ее доме, я отвечал: - Охотно исполнил бы я желание тетушки, если бы не был связан словом. Хозяин мой Милон заклинал меня божеством - покровителем сегодняшнего дня 11 и заставил дать обещание отобедать сегодня у него; он и сам никуда не

Milon iussis balnearibus adsequi producit ad lavacrum proximum. At ego vitans oculos omnium et quem ipse fabricaveram risum obviorum declinans lateri eius adambulabam obtectus. Nec qui laverim, qui terserim, qui domum rursum reverterim, prae rubore memini; sic omnium oculis nutibus ac denique manibus denotatus inpos animi stupebam.

идет, и мне уходить не разрешает. Так что давайте-ка отложим срок явки[12] на пирушку. Не успел я еще выговорить это, как Милон, взяв меня под свою крепкую опеку, повел в ближайшие бани, приказав принести туда все необходимое для мытья. Я шел, прижавшись к нему, чтобы не быть замеченным, избегая всех взглядов и опасаясь смеха встречных, причиной которого был я сам. От стыда не помню уж, как мылся, как натирался, как обратно домой вернулся - до такой степени я терялся и впадал в столбняк, когда все указывали на меня глазами, кивками и даже руками.

13. Raptim denique paupertina Milonis cenula perfunctus, causatusque capitis acrem dolorem quem mihi lacrimarum adsiduitas incusserat, concedo venia facile tributa cubitum et abiectus in lectulo meo quae gesta fuerant singula maestus recordabar, quoad tandem Photis mea dominae meae cubito procurato sui longe dissimilis advenit; non enim laeta facie nec sermone dicaculo, sed vultuosam frontem rugis insurgentibus adseverabat. Cunctanter ac timide denique sermone prolato: "Ego" inquit "ipsa, confiteor ultro, ego <origo> tibi huius molestiae fui", et cum dicto lorum quempiam sinu suo depromit mihique porrigens: "Cape," inquit "oro te, et <de> perfidia mulieri vindictam immo vero licet maius quodvis supplicium sume. Nec tamen me putes, oro, sponte angorem istum tibi concinnasse. Dii mihi melius, quam ut mei causa vel tantillum scrupulum patiare. Ac si quid adversi tuum caput respicit, id omne protinus meo luatur sanguine. Sed quod alterius rei causa facere iussa sum mala quadam mea sorte in tuam reccidit iniuriam."

13. Наконец, наскоро проглотив скудную Милонову закуску и сославшись на сильную головную боль, которая была вызвана непрерывным плачем, удаляюсь, чтобы лечь спать, на что без труда получаю разрешение, и, бросившись на свою кровать, в горести подробно вспоминаю все, что случилось, пока наконец, уложивши спать свою госпожу, не является моя Фотида, сама на себя не похожая: ни веселого лица, ни бойкой речи, но хмурая, с глубокими морщинами на лбу. И вот, робко и с трудом произнося слова, начинает: - Я, - говорит, - именно я сама, признаюсь, была причиной твоих неприятностей, - и тут же вытаскивает из-за пазухи какой-то ремень и, протягивая его мне, продолжает: - Возьми его, молю тебя, и отомсти неверной женщине, больше того - наложи на меня любую, еще более строгую кару. Но только не думай, прошу тебя, что я умышленно причинила тебе эту досаду. Боги да не допустят, чтобы из-за меня тебе хоть чуточку пришлось пострадать! И если что-нибудь будет угрожать тебе, ценою моей крови пусть будешь ты избавлен от всякой опасности! Но, по горькой моей судьбе, то, что я делала, повинуясь чужому приказанию и с иными намерениями, обернулось тебе во вред.

14. Tunc ego familiaris curiositatis admonitus factique causam delitiscentem nudari gestiens suscipio: "Omnium quidem nequissimus audacissimusque lorus iste, quem tibi verberandae destinasti, prius a me concisus atque laceratus interibit ipse quam tuam plumeam lacteamque contingat cutem. Sed mihi cum fide memora: quod tuum fatum <fortunae> scaevitas consecuta in meum convertit exitium? Adiuro enim tuum mihi carissimum caput nulli me prorsus ac ne tibi quidem ipsi adseveranti posse credere quod tu quicquam in meam cogitaveris perniciem. Porro meditatus innoxios casus

14. Тогда я, побуждаемый прирожденным своим любопытством и желая обнаружить скрытую причину совершавшегося, начинаю: - Ремень этот, предназначавшийся тобою для бичевания, из всех ремней нечестивейший и самый дерзкий, я скорей изрежу и разорву в клочки, чем прикоснусь им к твоей пуховой молочной коже. Но расскажи мне по совести: что за поступок твой превратность судьбы обратила затем мне на гибель? Клянусь тебе твоею драгоценнейшей для меня головою, не могу я поверить решительно никому и даже тебе самой, - если бы ты стала это

incertus vel etiam adversus culpae non potest addicere." Cum isto fine sermonis oculos Photidis meae udos ac tremulos et prona libidine marcidos iamiamque semiadopertulos adnixis et sorbillantibus saviis sitienter hauriebam.	утверждать,- будто ты задумала что бы то ни было мне во вред. К тому же ненадежная случайность, даже если она оказалась враждебной, не может невинному замыслу придать вины. Окончив эту речь, глаза моей Фотиды. увлажненные и трепетные, томные от близкого вожделения и готовые уже вот-вот закрыться, я стал жадно осушать страстными, звучными поцелуями.
15. Sic illa laetitia recreata: "Patere," inquit "oro, prius fores cubiculi diligenter obcludam, ne sermonis elapsi profana petulantia committam grande flagitium", et cum dicto pessulis iniectis et uncino firmiter immisso sic ad me reversa colloque meo manibus ambabus inplexa voce tenui et admodum minuta: "Paveo" inquit "et formido solide domus huius operta detegere et arcana dominae meae revelare secreta. Sed melius de te doctrinaque tua praesumo, qui praeter generosam natalium dignitatem praeter sublime ingenium sacris pluribus initiatus profecto nosti sanctam silentii fidem. Quaecumque itaque commisero huius religiosi pectoris tui penetralibus, semper haec intra conseptum clausa custodias oro, et simplicitatem relationis meae tenacitate taciturnitatis tuae remunerare. Nam me, quae sola mortalium novi, amor is quo tibi teneor indicare compellit. Iam scies omnem domus nostrae statum, iam scies erae meae miranda secreta, quibus obaudiunt manes, turbantur sidera, coguntur numina, serviunt elementa. Nec umquam magis artis huius violentia nititur quam cum scitulae formulae iuvenem quempiam libenter aspexit, quod quidem ei solet crebriter evenire.	15. Тут она, от радости приободрившись, говорит: - Позволь, прошу тебя, сначала тщательно замкнуть двери в комнату, чтобы не совершить мне большого преступления, если по суетной болтливости какое-нибудь слово вылетит. - Сказав это, она задвинула засовы, наложила крепкие крюки, затем, вернувшись ко мне и обеими руками обвив мою шею, начала тихим, едва слышным голосом: - Боюсь и очень страшусь я открыть секреты этого дома и выдать тайны моей хозяйки. Но я надеюсь на тебя и на твою образованность и верю, что ты, как человек не только достойный по благородному своему происхождению, не только обладающий возвышенным разумом, но и посвященный во многие таинства, в совершенстве умеешь хранить святой обет молчания. Итак, то, что я доверю глубине твоего богобоязненного сердца, навеки запертым, за крепкой оградой береги и за искренность моего признания награди меня крепостью твоего безмолвия, потому что любовь, которую я к тебе испытываю, побуждает меня рассказать тебе то, что одной мне на свете известно. Сейчас узнаешь все, что делается у нас в доме, сейчас узнаешь удивительные тайны моей хозяйки - из-за них-то ей повинуются маны[13], меняют свое течение светила, покоряются волей-неволей боги, несут рабскую службу стихии. Но никогда она не прибегает к этому искусству с большим рвением, чем заглядевшись на хорошенького юношу, что с ней случается довольно часто.
16. Nunc etiam adulescentem quendam Boeotium summe decorum efflictim deperit totasque artis manus machinas omnes ardenter exercet. Audivi vesperi, meis his, inquam, auribus audivi, quod non celerius sol caelo ruisset noctique ad exercendas inlecebras magiae maturius cessisset, ipsi soli nubilam caliginem et perpetuas tenebras comminantem. Hunc iuvenem, cum e balneis rediret ipsa, tonstrinae residentem hesterna die forte conspexit ac me	16. Вот и теперь она без памяти влюблена в какого-то молодого беотийца, юношу замечательной красоты, и с жаром пускает в ход всю силу своего искусства, все ухищрения. Слышала я вечером своими собственными ушами, своими, говорю, ушами слышала, как она самому солнцу грозила ввергнуть его в облачный мрак и вечную темноту за то, что солнце, по ее мнению, недостаточно быстро спустилось с неба и не поспешило уступить

capillos eius, qui iam caede cultorum desecti humi iacebant, clanculo praecipit auferre. Quos me sedulo furtimque colligentem tonsor invenit, et quod alioquin publicitus maleficae disciplinae perinfames sumus, adreptam inclementer increpat: "Tune, ultima, non cessas subinde lectorum iuvenum capillamenta surripere? Quod scelus nisi tandem desines, magistratibus te constanter obiciam." Et verbum facto secutus immissa manu scrutatus e mediis papillis meis iam capillos absconditos iratus abripit. Quo gesto graviter adfecta mecumque reputans dominae meae mores, quod huius modi repulsa satis acriter commoveri meque verberare saevissime consuevit, iam de fuga consilium tenebam, sed istud quidem tui contemplatione abieci statim.	место ночи для исполнения магических обрядов. Вчера, возвращаясь из бани, увидела она случайно, что этот юноша сидит в цирюльне, и велела мне потихонечку унести волосы его, которые после стрижки валялись на полу. Покуда я старалась украдкой подобрать их, поймал меня цирюльник, а так как о нас и без того ходит дурная слава, будто мы занимаемся злым чародейством, то, схватив меня, он безжалостно закричал: "Бросишь ты когда-нибудь, дрянь ты этакая, волосы порядочных молодых людей таскать! Если не перестанешь раз навсегда эти пакости делать, без разговоров отправлю тебя к властям!" За этим словом последовало и дело: запустив руку мне за пазуху и пошарив там, он с гневом вытаскивает волосы, уже спрятанные у меня между грудей. Глубоко огорченная этим и зная нрав своей госпожи, которая при подобного рода неудачах особенно сильно расстраивается и свирепейшим образом бьет меня, я подумывала о бегстве, но мысль о тебе сейчас же заставила меня оставить это намерение.
17. Verum cum tristis inde discederem ne prorsus vacuis manibus redirem, conspicor quendam forficulis attondentem caprinos utres; quos cum probe constrictos inflatosque et iam pendentis cernerem, capillos eorum humi iacentes flavos ac per hoc illi Boeotio iuveni consimiles plusculos aufero eosque dominae meae dissimulata veritate trado. Sic noctis initio, priusquam cena te reciperes, Pamphile mea iam vecors animi tectum scandulare conscendit, quod altrinsecus aedium patore perflabili nudatum, ad omnes orientales ceterosque <plerosque> aspectus pervium, maxime his artibus suis commodatum secreto colit. Priusque apparatu solito instruit feralem officinam, omne genus aromatis et ignorabiliter lamminis litteratis et infelicium navium durantibus damnis <repletam>, defletorum, sepultorum etiam, cadaverum expositis multis admodum membris; hic nares et digiti, illic carnosi clavi pendentium, alibi trucidatorum servatus cruor et extorta dentibus ferarum trunca calvaria.	17. Но когда я возвращалась, печально раздумывая, как бы мне прийти домой не совсем с пустыми руками, замечаю, что какой-то человек стрижет маленькими ножницами шерсть на козьих мехах. Видя, что он крепко завязал их, надул и уже развешивает, я уношу с собой изрядное количество рыжеватой козьей шерсти, которая валялась на земле и цветом очень напоминала волосы того молодого беотийца; скрыв правду, передаю госпоже свою находку. Итак, с наступлением ночи, перед тем как тебе вернуться с ужина, моя Памфила, вне себя от нетерпения, поднимается на плоскую драночную крышу, которая по ту сторону здания ничем не защищена от ветров и открыта на восток и на все остальные стороны света. Это местечко, столь удобное для се магических занятий, Памфила облюбовала и посещает тайком. Прежде всего она готовит в заведенном порядке все принадлежности зловещего своего дела: всякого рода ароматы, таблички с непонятными надписями и уцелевшие обломки погибших кораблей, разложенные в большом количестве части оплаканных и даже погребенных покойников; там ноздри и пальцы, там гвозди от крестов с приставшим мясом, в другом месте кровь, собранная после убийства, и пробитые черепа, вырванные из пасти диких зверей.
18. Tunc decantatis spirantibus fibris libat vario	18. Тут произнеся заклинания над еще

latice, nunc rore fontano, nunc lacte vaccino, nunc melle montano, libat et mulsa. Sic illos capillos in mutuos nexus obditos atque nodatos cum multis odoribus dat vivis carbonibus adolendos. Tunc protinus inexpugnabili magicae disciplinae potestate et caeca numinum coactorum violentia illa corpora, quorum fumabant stridentes capilli, spiritum mutuantur humanum et sentiunt et audiunt et ambulant et, qua nidor suarum ducebat exuviarum, veniunt et pro illo iuvene Boeotio aditum gestientes fores insiliunt: cum ecce crapula madens et improvidae noctis deceptus caligine audacter mucrone destricto in insani modum Aiacis armatus, non ut ille vivis pecoribus infestus tota laniavit armenta, sed longe <tu> fortius qui tres inflatos caprinos utres exanimasti, ut ego te prostratis hostibus sine macula sanguinis non homicidam nunc sed utricidam amplecterer."	трепещущими внутренностями, она возливает различные жидкости: то воду ключевую, то молоко коровье, то горный мед, возливает и вино медовое. Затем волосы эти, сплетя их между собою и узлами завязав[16], она кладет вместе со множеством ароматов на горячие угли, чтобы сжечь. Тотчас же, по необоримой силе магического искусства и по таинственной власти покорных заклятиям божеств, тела тех, чьи волосы трепеща дымились, обретают на время человеческую душу, и чувствуют, и слышат, и двигаются, и, привлеченные запахом паленых своих останков, приходят сюда, и, вместо того беотийского юноши, желая войти, ломятся в двери; вдруг являешься ты, полный винных паров, сбитый с толку неожиданным ночным мраком, и, вооруженный наподобие бесноватого Аякса[17], храбро обнажаешь свой меч; да только Аякс, напав на живой скот, перерезал целое стадо, а ты куда храбрее - ведь под твоими ударами испустили дух три надутых козьих бурдюка, так что в объятиях у меня находится сразивший врагов без единой капли крови не человекоубийца, а бурдюкоубийца.
19. Adrisi lepido sermoni Photidis et in vicem cavillatus: "Ergo igitur iam et ipse possum" inquam "mihi primam virtutis adoriam ad exemplum duodeni laboris Herculei numerare vel trigemino corpori Geryonis vel triplici formae Cerberi totidem peremptos utres coaequando. Sed ut ex animo tibi volens omne delictum quo me tantis angoribus inplicasti remittam, praesta quod summis votis expostulo, et dominam tuam, cum aliquid huius divinae disciplinae molitur, ostende. Cum deos invocat, <vel> certe cum reformatur, videam; sum namque coram magicae noscendae ardentissimus cupitor. Quamquam mihi nec ipsa tu videare rerum <istarum> rudis vel expers. Scio istud et plane sentio, cum semper alioquin spretorem matronalium amplexuum sic tuis istis micantibus oculis et rubentibus bucculis et renidentibus crinibus et hiantibus osculis et flagrantibus papillis in servilem modum addictum atque mancipatum teneas volentem. Iam denique nec larem requiro nec domuitionem paro et nocte ista nihil antepono."	19. Милая речь Фотиды развеселила меня, и я отвечаю шутливо: - Так, значит, и сам я могу первое это проявление доблести, покрывшее меня славой, считать за один из двенадцати подвигов Геркулеса, сравнивая с трехтелым Герионом или трехглавым Герионом или с трехглавым Цербером[18] такое же точно число погубленных бурдюков! Но, для того чтобы я искренне и от всей души простил тебе весь твой проступок, навлекший на меня столько неприятностей, исполни заветнейшее мое желание и покажи мне, как твоя хозяйка занимается этой божественной наукой. Я хочу увидеть хоть что-нибудь: как она призывает богов, как по крайней мере приготовления делает - до всего, что касается магии, я страстный охотник. Впрочем, ты и сама мне кажешься в этих делах не новичком, а человеком опытным. Знаю это и отлично чувствую, ведь прежде я всегда презирал женские объятия, а ты меня этими сверкающими глазками, румяными щечками, блестящими кудрями, сочными поцелуйчиками и душистыми грудками забрала в неволю и держишь в рабстве, хотя и желанном. Я уже к домашнему очагу не стремлюсь, и к отъезду не делаю приготовлений, и такой вот ночи ни на что не променяю.
20. "Quam vellem" [inquit] respondit illa	20. - Как бы я хотела, Луций, - отвечает она,

"praestare tibi, Luci, quod cupis, sed praeter invidos mores in solitudinem semper abstrusa et omnium praesentia viduata solet huius modi secreta perficere. Sed tuum postulatum praeponam periculo meo idque observatis opportunis temporibus sedulo perficiam, modo, ut initio praefata sum, rei tantae fidem silentiumque tribue." Sic nobis garrientibus libido mutua et animos simul et membra suscitat. Omnibus abiectis amiculis hactenus denique intecti atque nudati bacchamur in Venerem, cum quidem mihi iam fatigato de propria liberalitate Photis puerile obtulit corollarium; iamque luminibus nostris vigilia marcidis infusus sopor etiam in altum diem nos attinuit.	- сделать для тебя то, чего ты желаешь, но, не говоря уже о подозрительном ее характере, такого рода тайными вещами занимается она обыкновенно в полном уединении, недоступная ничьим взорам. Но твоя просьба дороже мне собственной безопасности, и при первом же удобном случае я постараюсь исполнить ее; однако, как я сказала вначале, ты должен хранить нерушимое молчание об этом столь важном деле. Пока мы так щебетали, у обоих в душе и теле проснулось желание. Сбросив все одежды, раздевшись догола, совсем нагие, мы предались неистовствам Венеры; при этом, когда я уже утомился, Фотида по собственной щедрости наградила меня отроческой надбавкой; глаза наши от бдения сделались томными и напавшее забытье продержало нас до белого дня.
21. Ad hunc modum transactis voluptarie paucis noctibus quadam die percita Photis ac satis trepida me accurrit indicatque dominam suam, quod nihil etiam tunc in suos amores ceteris artibus promoveret, nocte proxima in avem sese plumaturam atque ad suum cupitum sic devolaturam; proin memet ad rei tantae speculam caute praepararem. Iamque circa primam noctis vigiliam ad illud superius cubiculum suspenso et insono vestigio me perducit ipsa perque rimam ostiorum quampiam iubet arbitrari, quae sic gesta sunt. Iam primum omnibus laciniis se devestit Pamphile et arcula quadam reclusa pyxides plusculas inde depromit, de quis unius operculo remoto atque indidem egesta unguedine diuque palmulis suis adfricta ab imis unguibus sese totam adusque summos capillos perlinit multumque cum lucerna secreto conlocuta membra tremulo succussu quatit. Quis leniter fluctuantibus promicant molles plumulae, crescunt et fortes pinnulae, duratur nasus incurvus, coguntur ungues adunci. Fit bubo Pamphile. Sic edito stridore querulo iam sui periclitabunda paulatim terra resultat, mox in altum sublimata forinsecus totis alis evolat.	21. Не много провели мы сладостных ночей в таком же роде, как вдруг в один прекрасный день прибегает ко мне взволнованная, вся в трепете Фотида и докладывает, что госпожа ее, которой никакие чары до сих пор не оказали помощи в ее любовных делах, сегодня ночью будет обращаться в птицу и в таком виде полетит к своему желанному. Итак, мне самому надлежит как следует приготовиться к наблюдению за столь редким делом. И вот около первой стражи ночи она на цыпочках, неслышными шагами ведет меня к тому чердаку и велит смотреть через какую-то щелку в двери. А происходило все так. Перво-наперво Памфила сбрасывает с себя все одежды и, открыв какую-то шкатулку, достает оттуда множество ящичков, снимает крышку с одного из них и, набрав из него мази, сначала долго растирает ее между ладонями, потом смазывает себе все тело от кончиков ногтей до макушки[19], долгое время шепчется со своей лампой и начинает сильно дрожать всеми членами. И пока они слегка содрогаются, их покрывает нежный пушок, вырастают и крепкие перья, нос загибается и твердеет, появляются кривые когти. Памфила обращается в сову. Испустив жалобный крик, вот она уже пробует свои силы, слегка подпрыгивая над землей, а вскоре, поднявшись вверх, распустив оба крыла, улетает.
22. Et illa quidem magicis suis artibus volens reformatur, at ego nullo decantatus carmine praesentis tantum facti stupore defixus quidvis aliud magis videbar esse quam Lucius: sic exterminatus animi attonitus in amentiam vigilans	22. Но она-то силою магического своего искусства, по собственному желанию переменила свой образ, а я, никаким заклятием не зачарованный и лишь окаменев от удивления перед только что происшедшим,

somniabar; defrictis adeo diu pupulis an vigilarem scire quaerebam. Tandem denique reversus ad sensum praesentium adrepta manu Photidis et admota meis luminibus: "Patere, oro te," inquam "dum dictat occasio, magno et singulari me adfectionis tuae fructu perfrui et impertire nobis unctulum indidem per istas tuas pupillas, mea mellitula, tuumque mancipium inremunerabili beneficio sic tibi perpetuo pignera ac iam perfice ut meae Veneri Cupido pinnatus adsistam tibi." "Ain?" inquit "Vulpinaris, amasio, meque sponte asceam cruribus meis inlidere compellis? Sic inermem vix a lupulis conservo Thessalis; hunc alitem factum ubi quaeram, videbo quando?"	казался самому себе кем угодно, но не Луцием; почти лишившись чувств, ошеломленный до потери рассудка, грезя наяву, я долго протирал глаза, стараясь убедиться, что не сплю. Наконец, придя в себя и вернувшись к действительности, схватываю руку Фотиды и, поднося ее к своим глазам, говорю: - Не откажи, умоляю тебя, пока случай нам благоприятствует, дать мне великое доказательство исключительного твоего расположения и удели мне капельку этой мази. Заклинаю тебя твоими грудками, медовенькая моя, неоплатным этим благодеянием навеки рабом своим меня сделай и так устрой, чтобы стал я при тебе, Венере моей, Купидоном крылатым! - Скажите пожалуйста, - говорит, - какой хитрец у меня любовничек, хочет, чтобы я сама себе ноги топором рубила! И так-то я тебя, беззащитного, с трудом оберегаю от фессалийских девок, а тут станешь птицей, где я тебя найду? Поминай как звали!
23. "At mihi scelus istud depellant caelites" inquam "ut ego, quamvis ipsius aquilae sublimis volatibus toto caelo pervius et supremi Iovis nuntius vel laetus armiger, tamen non ad meum nidulum post illam pinnarum dignitatem subinde devolem. Adiuro per dulcem istum capilli tui nodulum, quo meum vinxisti spiritum, me nullam aliam meae Photidi malle. Tunc etiam istud meis cogitationibus occurrit, cum semel avem talem perunctus induero, domus omnis procul me vitare debere. Quam pulchro enim quamque festivo matronae perfruentur amatore bubone. Quid quod istas nocturnas aves, cum penetraverint larem quempiam, solliciter prehensas foribus videmus adfigi, ut, quod infaustis volatibus familiae minantur exitium, suis luant cruciatibus? Sed, quod sciscitari praene praeterivi, quo dicto factove rursum exutis pinnulis illis ad meum redibo Lucium?" "Bono animo es, quod ad huius rei curam pertinet" ait. "Nam mihi domina singula monstravit, quae possunt rursus in facies hominum tales figuras reformare. Nec istud factum putes ulla benivolentia, sed ut ei redeunti medela salubri possem subsistere. Specta denique quam parvis quamque futtilibus tanta res procuretur herbusculis; anethi modicum cum lauri foliis immissum rori fontano datur lavacrum et poculum."	23.- Да спасут меня небожители от такого преступления, - говорю, - чтобы я, будь я самим орлом и облетай высокими полетами все небо, как испытанный вестник или гордый оруженосец вышнего Юпитера, все-таки не прилетел сразу же обратно в свое гнездышко, удостоившись таких крылатых почестей. Клянусь этим сладким завиточком твоих локонов, которым душу мою ты опутала, что нет никого на свете, кого бы я предпочел моей Фотиде. Вот еще что мне сейчас пришло в голову: как только от этой мази я обращусь в подобную птицу, придется мне держаться подальше от всяких домов. Что за радость, в самом деле, матронам от такого красивого, такого веселого любовника, как сова? Разве не видим мы, как ночных этих птиц, если они залетят в чей-нибудь дом, усердно ловят и пригвождают к дверям, чтобы несчастие, которым грозит семье их зловещий полет, искупали они своими мучениями. Но вот о чем я совсем позабыл спросить: что надо произнести или сделать, чтобы, сбросив это оперение, я снова мог сделаться самим собою, Луцием? - Насчет этого не беспокойся, - отвечает, - мне госпожа показала все средства, которые способны каждое из таких животных снова обратить в человеческий вид. Не думай, что она сделала это из какого-нибудь расположения ко мне, нет, - для того только, чтобы, когда она возвращается домой, я могла

	оказывать ей необходимую помощь. В конце концов, смотри, какими простыми и ничтожными травками достигается такая важная вещь: кладут в ключевую воду немного укропа с лавровыми листьями и дают для омовения и для питья.
24. Haec identidem adseverans summa cum trepidatione inrepit cubiculum et pyxidem depromit arcula. Quam ego amplexus ac deosculatus prius utque mihi prosperis faveret volatibus deprecatus abiectis propere laciniis totis avide manus immersi et haurito plusculo uncto corporis mei membra perfricui. Iamque alternis conatibus libratis brachiis in avem similis gestiebam; nec ullae plumulae nec usquam pinnulae, sed plane pili mei crassantur in setas et cutis tenella duratur in corium et in extimis palmulis perdito numero toti digiti coguntur in singulas ungulas et de spinae meae termino grandis cauda procedit. Iam facies enormis et os prolixum et nares hiantes et labiae pendulae; sic et aures inmodicis horripilant auctibus. Nec ullum miserae reformationis video solacium, nisi quod mihi iam nequeunti tenere Photidem natura crescebat.	24. Повторив это наставление много раз, она, вся в трепете, бросилась в комнату и вынула из шкатулки ящичек. Схватив его и облобызав, я сначала умолял его даровать мне счастливые полеты, а потом поспешно сбросил с себя все одежды и, жадно запустив руку, набрал порядочно мази и натер ею члены своего тела. И, уже помахивая то одной, то другой рукой, я старался подражать движениям птицы, но ни малейшего пушка, нигде ни перышка, только волосы мои утолщаются до шерсти, нежная кожа моя грубеет до шкуры, да на конечностях моих все пальцы, потеряв разделение, соединяются в одно копыто, да из конца спинного хребта вырастает большой хвост. Уж лицо огромно, рот растягивается, и ноздри расширяются, и губы висят, к тому же и уши непомерно увеличиваются и покрываются шерстью. И ничего утешительного в злосчастном превращении моем я не видел, если не считать того, что мужское естество мое увеличилось, хотя я и был лишен возможности обладать Фотидой.
25. Ac dum salutis inopia cuncta corporis mei considerans non avem me sed asinum video, querens de facto Photidis sed iam humano gestu simul et voce privatus, quod solum poteram, postrema deiecta labia umidis tamen oculis oblicum respiciens ad illam tacitus expostulabam. Quae ubi primum me talem aspexit, percussit faciem suam manibus infestis et: "Occisa sum misera:" clamavit "me trepidatio simul et festinatio fefellit et pyxidum similitudo decepit. Sed bene, quod facilior reformationis huius medela suppeditat. Nam rosis tantum demorsicatis exibis asinum statimque in meum Lucium postliminio redibis. Atque utinam vesperi de more nobis parassem corollas aliquas, ne moram talem patereris vel noctis unius. Sed primo diluculo remedium festinabitur tibi."	25. И пока без всякой надежды на спасение я осматриваю все части моего тела и вижу себя не птицей, а ослом, хочется мне пожаловаться на поступок Фотиды, но, уже лишенный человеческих движений, как и голоса, делаю я единственное, что могу: свесив нижнюю губу и искоса посматривая глазами, все еще по-человечески увлажненными, молча взываю к ней. А та, как только увидела меня в таком образе, безжалостно ударила себя руками по щекам и воскликнула: - Погибла я, несчастная! Волнение мое и торопливость меня обманули, ввело в заблуждение и сходство коробочек. Хорошо еще, что средство против такого превращения легко раздобыть. Ведь стоит только пожевать тебе розы - и сбросишь вид осла, и тотчас снова обратишься в моего Луция. Почему я с вечера, по своему обыкновению, не припасла для нас каких-нибудь веночков, - тебе бы и ночи одной не пришлось ждать! Но чуть начнет светать - тут же будет тебе лекарство.
26. Sic illa maerebat, ego vero quamquam perfectus asinus et pro Lucio iumentum sensum tamen retinebam humanum. Diu denique ac	26. Так она горевала, я же, хотя и сделался заправским ослом и из Луция обратился во вьючное животное, тем не менее сохранял

multum mecum ipse deliberavi, an nequissimam facinerosissimamque illam feminam spissis calcibus feriens et mordicus adpetens necare deberem. Sed ab incepto temerario melior me sententia revocavit, ne morte multata Photide salutares mihi suppetias rursus extinguerem. Deiecto itaque et quassanti capite ac demussata temporali contumelia durissimo casui meo serviens ad equum illum vectorem meum probissimum in stabulum concedo, ubi alium etiam Milonis quondam hospitis mei asinum stabulantem inveni. Atque ego rebar, si quod inesset mutis animalibus tacitum ac naturale sacramentum, agnitione ac miseratione quadam inductum equum illum meum hospitium ac loca lautia mihi praebiturum. Sed pro Iuppiter hospitalis et Fidei secreta numina! Praeclarus ille vector meus cum asino capita conferunt in meamque perniciem ilico consentiunt et verentes scilicet cibariis suis vix me praesepio videre proximantem: deiectis auribus iam furentes infestis calcibus insecuntur. Et abigor quam procul ab <h>ordeo, quod adposueram vesperi meis manibus illi gratissimo famulo.

человеческое соображение. Итак, я долго и основательно раздумывал, не следует ли мне забить твердыми копытами и закусать до смерти эту негоднейшую и преступнейшую женщину. Но от безрассудного этого замысла удержало меня более здравое рассуждение: ведь, покарав Фотиду смертью, я тем самым лишил бы себя всякой надежды на спасительную помощь. И вот встряхиваю я низко понуренной головою и, молча перенося свое временное унижение, покорствуя жестокой моей беде, отправляюсь к своему коню, верному моему слуге, в конюшню, где нахожу еще другого осла, принадлежащего Милону, бывшему моему хозяину. И я полагал, что если существуют между бессловесными животными какие-нибудь тайные и природные обязательства чести, то мой конь, узнав меня и пожалев, должен будет оказать мне гостеприимство и принять как знатного чужестранца. Но, о Юпитер страннолриимный и ты, о сокровенное божество Верности![21] Славный носитель мой вместе с ослом сдвигают морды, сговариваясь погубить меня, и в страхе, конечно, за свой корм, едва только видят, что я приближаюсь к яслям, прижав уши от ярости, принимаются лягать меня. И отогнан я был прочь от ячменя, который вчера собственными руками насыпал этому благодарнейшему из слуг.

27. Sic adfectus atque in solitudinem relegatus angulo stabuli concesseram. Dumque de insolentia collegarum meorum mecum cogito atque in alterum diem auxilio rosario Lucius denuo futurus equi perfidi vindictam meditor, respicio pilae mediae, quae stabuli trabes sustinebat, in ipso fere meditullio Eponae deae simulacrum residens aediculae, quod accurate corollis roseis equidem recentibus fuerat ornatum. Denique adgnito salutari praesidio pronus spei, quantum extensis prioribus pedibus adniti poteram, insurgo valide et cervice prolixa nimiumque porrectis labiis, quanto maxime nisu poteram, corollas adpetebam. Quod me pessima scilicet sorte conantem servulus meus, cui semper equi cura mandata fuerat, repente conspiciens indignatus exsurgit et: "Quo usque tandem" inquit "cantherium patiemur istum paulo ante cibariis iumentorum,nunc etiam simulacris deorum infestum? Quin iam ego istum sacrilegum debilem claudumque reddam"; et statim telum aliquod quaeritans temere fascem lignorum positum offendit, rimatusque frondosum fustem cunctis vastiorem non prius miserum me tundere desiit

27. Так-то встреченный и отвергнутый, остался я в одиночестве и отошел в угол конюшни. Покуда я размышляю о наглости моих товарищей и придумываю, как на следующий день, превратившись с помощью роз снова в Луция, отомщу неверному своему коню, вдруг вижу на среднем столбе, который поддерживал балкон конюшни, на самой почти середине, изображение богини Эпоны[22], поставленное в нише и заботливо украшенное совсем свежими гирляндами из роз. Увидав средство к спасению, окрыленный надеждой, оперся я, как только мог, вытянутыми передними ногами, твердо встал на задние и, задрав голову, выпятив сверх всякой меры губы, изо всех сил старался добраться до гирлянд. Но, на мое несчастье, слуга мой, которому поручен был постоянный уход за лошадью, неожиданно заметив мою затею, вскочил возмущенный.
- Долго еще, - говорит, - будем мы терпеть эту клячу? Только что корм у скота отнимал, а теперь уже за изображение богов принялся. Я тебя, святотатец, так отделаю, что захромаешь

quam sonitu vehementi et largo strepitu percussis ianuis trepido etiam rumore viciniae conclamatis latronibus profugit territus.	у меня, калекой станешь! И сейчас же принялся искать, чем бы меня отколотить; под руку попалась ему связка поленьев, случайно лежавшая здесь: выбрав дубину покрупнее, покрытую листьями, он до тех пор не переставая лупил меня, несчастного, пока снаружи не поднялся страшный шум, в двери начали громко стучаться, по соседству раздался испуганный крик: "Разбойники!" - и он со страху убежал.
28. Nec mora, cum vi patefactis aedibus globus latronum invadit omnia et singula domus membra cingit armata factio et auxiliis hinc inde convolantibus obsistit discursus hostilis. Cuncti gladiis et facibus instructi noctem illuminant, coruscat in modum ortivi solis ignis et mucro. Tunc horreum quoddam satis validis claustris obsaeptum obseratumque, quod mediis aedibus constitutum gazis Milonis fuerat refertus, securibus validis adgressi diffindunt. Quo passim recluso totas opes vehunt raptimque constrictis sarcinis singuli partiuntur. Tunc opulentiae nimiae nimio ad extremas incitas deducti nos duos asinos et equum meum productos e stabulo, quantum potest, gravioribus sarcinis onerant et domo iam vacua minantes baculis exigunt unoque de sociis ad spectaculum, qui de facinoris inquisitione nuntiaret, relicto nos crebra tundentes per avia montium ducunt concitos.	28. Не прошло и минуты, как шайка разбойников, выломав ворота, все собой наполняет, все помещение окружено вооруженными людьми, и прибегающие с разных сторон на помощь везде наталкиваются на врага. У всех в руках мечи и факелы, разгоняющие ночной мрак; оружие и пламя сверкают, как восходящее солнце. Тут какую-то кладовую, на крепкие запоры закрытую и замкнутую, устроенную в самой середине дома и наполненную сокровищами Милона, ударами крепких топоров взламывают. Ворвавшись в нее с разных сторон, они второпях вытаскивают все добро и, завязав узлы, делят между собою поклажу, но количество ее превышает число носильщиков. Тут, доведенные до крайности крайним обилием богатства, они выводят из конюшни нас, двух ослов и моего коня, навьючивают на нас как можно больше узлов потяжелее и палками гонят нас из дома, уже обобранного дочиста; и, оставя одного из своих товарищей соглядатаем, чтобы он сообщил им о расследовании этого преступления, они, осыпая нас ударами, быстро гонят в горы по непроходимым дорогам.
29. Iamque rerum tantarum pondere et montis ardui vertice et prolixo satis itinere nihil a mortuo differebam. Sed mihi sero quidem serio tamen subvenit ad auxilium civile decurrere et interposito venerabili principis nomine tot aerumnis me liberare. Cum denique iam luce clarissima vicum quempiam frequentem et nundinis celebrem praeteriremus, inter ipsas turbelas Graecorum [Romanorum] genuino sermone nomen augustum Caesaris invocare temptavi; et "O" quidem tantum disertum ac validum clamitavi, reliquum autem Caesaris nomen enuntiare non potui. Aspernati latrones clamorem absonum meum caedentes hinc inde miserum corium nec cribris iam idoneum relinquunt. Sed tandem mihi inopinatam salutem Iuppiter ille tribuit. Nam cum multas villulas et casas amplas praeterimus, hortulum quendam	29. Я был скорее мертв, чем жив, от тяжести такой поклажи, от крутизны высокой горы и продолжительности пути. Тут мне хоть и поздно, да зато всерьез пришло в голову обратиться к помощи гражданских властей и, воспользовавшись почитаемым именем императора[23], освободиться от стольких невзгод. Наконец, когда уже при ярком свете солнца мы шли через какое-то многолюдное село, где по случаю базарного дня было большое скопление народа, я в самой гуще толпы на родном языке греков попытался воззвать к имени божественного Цезаря, но возгласил громко и отчетливо только "о"[24], а остальных букв из имени Цезаря не мог произнести. Разбойникам пришелся не по душе мой дикий крик, и они так отделали мою несчастную шкуру, что она больше не годилась

prospexi satis amoenum, in quo praeter ceteras gratas herbulas rosae virgines matutino rore florebant. His inhians et spe salutis alacer ac laetus propius accessi, dumque iam labiis undantibus adfecto, consilium me subit longe salubrius, ne, si rursum asino remoto prodirem in Lucium, evidens exitium inter manus latronum offenderem vel artis magicae suspectione vel indicii futuri criminatione. Tunc igitur a rosis et quidem necessario temperavi et casum praesentem tolerans in asini faciem faena rodebam.	даже на решето. Тем не менее сам Юпитер послал мне неожиданное спасение. Пока мы проезжали мимо, во множестве встречавшихся деревенских домишек и больших поместий заметил я какой-то славный садик, где меж других приятных растений цвели девственные розы, влажные от утренней росы. Жадно разинув рот и окрыленный радостной надеждой на избавление, я подошел поближе и уже тянусь к ним трясущимися губами, как вдруг меня остановила гораздо более здравая мысль: если я вдруг сейчас из осла превращусь в Луция, гибель моя от рук разбойников неизбежна, так как они или заподозрят во мне колдуна, или обвинят в намерении донести на них. Итак, в силу одной только необходимости я покуда воздержался от роз и, смиряясь с настоящим положением вещей, пощипал, как подобало ослу, сухой травки.
LIBER QUARTUS 1. Diem ferme circa medium, cum iam flagrantia solis caleretur, in pago quodam apud notos ac familiares latronibus senes devertimus. Sic enim primus aditus et sermo prolixus et oscula mutua quamvis asino sentire praestabant. Nam et rebus eos quibusdam dorso meo depromptis munerabantur et secretis gannitibus quod essent latrocinio partae videbantur indicare. Iamque nos omni sarcina levatos in pratum proximum passim libero pastui tradidere. Nec me cum asino vel equo meo conpascuus coetus attinere potuit adhuc insolitum alioquin prandere faenum, sed plane pone stabulum prospectum hortulum iam fame perditus fidenter invado, et quamvis crudis holeribus adfatim tamen ventrem sagino, deosque comprecatus omnes cuncta prospectabam loca, sicubi forte conterminis in hortulis candens reperirem rosarium. Nam et ipsa solitudo iam mihi bonam fiduciam tribuebat, si devius et frutectis absconditus sumpto remedio de iumenti quadripedis incurvo gradu rursum erectus in hominem inspectante nullo resurgerem.	**КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ** 1. Время приближалось к полудню, и солнце пекло уже неистово, когда мы завернули в одной деревне к каким-то старым людям, водившим с разбойниками знакомство и дружбу. Хотя и был я ослом, мне это сделалось ясным из того, как их встретили, из бесконечных разговоров и взаимных лобзаний. И в самом деле, сняв с моей спины кое-какую поклажу, они подарили им ее и таинственным перешептыванием, по-видимому, объяснили, что это их часть в разбойничьей добыче. Вскоре нас освободили от всех навьюченных мешков и отпустили пастись на соседний луг. Делить пастбище с ослом или моею лошадью не представлялось привлекательным мне, не привыкшему еще к тому же завтракать высохшей травой. Но, погибая от голода, я смело отправляюсь в замеченный мною тут же за хлевом огородик, там досыта, хотя и сырыми овощами, набиваю желудок и, призвав на помощь всех богов, начинаю внимательно осматриваться и оглядываться по сторонам, не увижу ли где-нибудь в соседнем саду прекрасного куста роз. Сама уединенность места внушила мне благую уверенность, что в одиночестве, скрытый кустарником, приняв лекарство, из согбенного положения четвероногого вьючного животного, никем не наблюдаемый, восстану я снова, выпрямившись, человеком[1].
2. Ergo igitur cum in isto cogitationis salo fluctuarem aliquanto longius frondosi nemoris convallem umbrosam, cuius inter varias herbulas	2. Итак, пока я плавал в море этих соображений, вижу немного поодаль тенистую долинку с густою рощей, где среди разных

et laetissima virecta fungentium rosarum mineus color renidebat. Iamque apud mea usquequaque ferina praecordia Veneris et Gratiarum lucum illum arbitrabar, cuius inter opaca secreta floris genialis regius nitor relucebat. Tunc invocato hilaro atque prospero Eventu cursu me concito proripio, ut hercule ipse sentirem non asinum me verum etiam equum currulem nimio velocitatis effectum. Sed agilis atque praeclarus ille conatus fortunae meae scaevitatem anteire non potuit. Iam enim loco proximus non illas rosas teneras et amoenas, madidas divini roris et nectaris, quas rubi felices beatae spinae generant, ac ne convallem quidem usquam nisi tantum ripae fluvialis marginem densis arboribus septam video. Hae arbores in lauri faciem prolixe foliatae pariunt in odor) modum floris [inodori] porrectos caliculos modice punicantes, quos equidem flagrantis minime rurestri vocabulo vulgus indoctum rosas laureas appellant quarumque cuncto pecori cibus letalis est.

растений и веселой зелени выделялся алый цвет сверкающих роз. Уже считал я в своем не совсем еще озверевшем сердце, что Венере и Грациям посвящена эта чаща, под таинственной тенью которой сияет царственный блеск праздничного цветка. Тут, воззвав к радостной и благоприятной Удаче[2], пускаюсь я полным галопом, так что, клянусь Геркулесом, почувствовал себя не ослом, а беговым скакуном необыкновенной резвости. Но проворная и славная эта попытка не смогла переспорить жестокую мою судьбу. Приблизившись уже к месту, не нахожу тех нежных и прелестных роз, от божественной росы и нектара влажных, счастливыми, благословенными колючими кустами порождаемых, да и вообще никакой долинки, а вижу только край речного берега, поросшего частыми деревьями. Деревья эти, густо покрытые листьями вроде лавров, украшены будто душистыми цветами, удлиненными чашечками умеренно алого цвета, совсем лишенными запаха, которые простые крестьяне по-своему называют лавровыми розами и вкушение которых смертельно для всякого животного.[3]

3. Talibus fatis implicitus etiam ipsam salutem recusans sponte illud venenum rosarium sumere gestiebam. Sed dum cunctanter accedo decerpere, iuvenis quidam, ut mihi videbatur, hortulanus, cuius omni prorsus holera vastaveram, tanto damno cognito cum grandi baculo furens decurrit adreptumque me totum plagis obtundit adusque vitae ipsius periculum, nisi tandem sapienter alioquin ipse mihi tulissem auxilium. Nam lumbis elevatis in altum, pedum posteriorum calcibus iactatis in eum crebriter, iam mulcato graviter atque iacente contra proclive montis attigui fuga me liberavi. Sed ilico mulier quaepiam, uxor eius scilicet, simul eum prostratum et semianimem ex edito despexit, ululabili cum plangore ad eum statim prosilit, ut sui videlicet miseratione mihi praesens crearet exitium. Cuncti enim pagani fletibus eius exciti statim conclamant canes atque ad me laniandum rabie perciti ferrent impetum passim cohortatur. Tunc igitur procul dubio iam morti proximus, cum viderem canes et modo magnos et numero multos et ursis ac leonibus ad compugnandum idoneos in me convocatos exasperari, e re nata capto consilio fugam desino ac me retrorsus celeri gradu rursum in stabulum quo deverteramus recipio. At illi canibus iam aegre cohibitis adreptum me loro quam valido ad ansulam quandam destinatum

3. Измученный такой неудачей, отказавшись от всякой надежды на спасение, я добровольно потяну лея отведать этих ядовитых роз. Но покуда я не спеша готовлюсь сорвать их, какой-то юноша, как мне казалось, огородник, чьи овощи я все начисто уничтожил, узнав о такой потраве, прибежал в ярости с большой палкой и, набросившись на меня, начал дубасить так, что, наверное, заколотил бы до смерти, если бы я благоразумно не оказал сам себе помощи. Задрав круп вверх, я стал быстро лягать его задними ногами, и, когда тот, сильно избитый, повалился на косогор, я спасся бегством. Но тут какая-то женщина, по-видимому жена его, едва завидела сверху, что он повержен на землю и еле жив, сейчас же бросилась к нему с жалобными причитаниями, очевидно желая возбудить к себе сострадание для того, чтобы немедленно погубить меня. Действительно, все деревенские жители, встревоженные ее воплями, тут же сзывают собак и всячески науськивают их, чтобы те, разъярившись, бросились на меня и разорвали бы в клочья. Теперь уж я был уверен, что смерть недалека, когда увидел выпущенных на меня псов, таких огромных и в таком количестве, что с ними можно было бы на медведей и львов выходить; ввиду таких

rursum caedendo confecissent profecto, nisi dolore plagarum alvus artata crudisque illis oleribus abundans et lubrico fluxu saucia fimo fistulatim excusso quosdam extremi liquoris aspergine alios putore nidoris faetidi a meis iam quassis scapulis abegisset.

обстоятельств я, отбросивши мысль о бегстве, скорой рысью возвращаюсь назад в конюшню, куда нас поставили. Тут они, с трудом удерживая собак, поймали меня и, привязав крепким ремнем к какому-то кольцу, без сомнения, снова избили бы до смерти, если бы желудок мой, сузившийся от болезненных ударов, переполненный теми грубыми овощами и страдающий быстрым истечением, не выпустил навоза целой струей и не отогнал их от моих уже пострадавших лопаток, одних - обрызгав отвратительной жидкостью, других - обдав омерзительным запахом гнили.

4. Nec mora, cum iam in meridiem prono iubare rursum nos ac praecipue me longe gravius onustum producunt illi latrones stabulo. Iamque confecta bona parte itineris et viae spatio defectus et sarcinae pondere depressus ictibusque fustium fatigatus atque etiam ungulis extritis iam claudus et titubans rivulum quendam serpentis leniter aquae propter insistens subtilem occasionem feliciter nactus cogitabam totum memet flexis scite cruribus pronum abicere, certus atque obstinatus nullis verberibus ad ingrediundum exsurgere, immo etiam paratus non fusti tantum (percussus) sed machaera perfossus occumbere. Rebar enim iam me prorsus exanimatum ac debilem mereri causariam missionem, certe latrones partim inpatientia morae partim studio festinatae fugae dorsi mei sarcinam duobus ceteris iumentis distributuros meque in altioris vindictae vicem lupis et vulturiis praedam relicturos.

4. Немного погодя, когда солнце после полудня уже стало склоняться к закату, наши разбойники, снова навьючив на нас, особенно на меня, еще более тяжелую поклажу, выводят нас из конюшни. Когда была уже пройдена добрая часть пути и, утомленный продолжительностью перехода, изнемогая под тяжестью груза, усталый от палочных ударов, сбив себе все копыта, хромая, шатаясь, дошел я до какой-то медленно змеившейся речки, как вдруг пришла мне в голову счастливая мысль воспользоваться удобным случаем, осторожно подогнуть колени и опуститься на землю с упорным намерением не вставать и не идти дальше, несмотря ни на какие удары; более того, я даже готов был умереть не только под палками, но и под ударами ножа. Полуживой и слабый, я, конечно, получу заслуженную отставку как инвалид, и разбойники, отчасти чтобы не задерживаться, отчасти чтобы ускорить свое бегство, переложат поклажу с моей спины на двух других вьючников, а меня, в виде высшего наказания, оставят в добычу волкам и коршунам.

5. Sed tam bellum consilium meum praevertit sors deterrima. Namque ille alius asinus divinato et antecapto meo cogitatu statim se mentita lassitudine cum rebus totis offudit, iacensque in modum mortui non fustibus non stimulis ac ne cauda et auribus cruribusque undique versum elevatis temptavit exurgere, quoad tandem postumae spei fatigati secumque conlocuti, ne tam diu mortuo immo vero lapideo asino servientes fugam morarentur, sarcinis eius mihi equoque distributis destricto gladio poplites eius totos amputant, ac paululum a via retractum per altissimum praeceps in vallem proximam etiam nunc spirantem praecipitant. Tunc ego miseri commilitonis fortunam cogitans statui iam dolis abiectis et fraudibus asinum me bonae frugi dominis exhibere. Nam et secum eos

5. Но столь прекрасному плану моему противостала злосчастная судьба. Другой осел, угадав и предвосхитив мою мысль, вдруг от притворной усталости со всеми пожитками рухнул наземь и остался лежать как мертвый, так что чем его ни толкали, палками, погонялками, как ни таскали во все стороны, за хвост, за уши, за ноги, поднять его никак не могли; тогда, утомившись и потеряв последнюю надежду, они поговорили между собою, что не стоит, возясь с мертвым, точно окаменелым, ослом, терять время, необходимое для бегства, распределяют мешки его между мною и лошадью, а его самого, надрезав ему все поджилки обнаженным мечом и стащив немного с дороги, с высочайшего обрыва в соседнюю долину, еще не потерявшего

animadverteram conloquentes quod in proximo nobis esset habenda mansio et totius viae finis quieta eorumque esset sedes illa et habitatio. Clementi denique transmisso clivulo pervenimus ad locum destinatum, ubi rebus totis exsolutis atque intus conditis iam pondere liberatus lassitudinem vice lavacri pulvereis volutatibus digerebam.	дыхания, низвергают. Пораздумав над участью несчастного моего товарища, решил я, отбросив всякие хитрости и обманы, служить хозяевам, как добронравный осел. Тем более что из их разговоров между собою я понял, что скоро будет нам стоянка и всему пути спокойный конец, так как там находится их постоянное местопребывание. Миновав некрутой подъем, прибыли мы наконец к месту назначения; там сняли с нас всю поклажу и спрятали внутрь пещеры, я же, освобожденный от тяжести, вместо купанья принялся кататься по пыли, чтобы отдохнуть от усталости.
6. Res ac tempus ipsum locorum speluncaeque quam illi latrones inhabitabant descriptionem exponere flagitat. Nam et meum simul periclitabor ingenium, et faxo vos quoque an mente etiam sensuque fuerim asinus sedulo sentiatis. Mons horridus silvestribusque frondibus umbrosus et in primis altus fuit. Huius per obliqua devexa, qua saxis asperrimis et ob id inaccessis cingitur, convalles lacunosae cavaeque nimium spinetis aggeratae et quaquaversus repositae naturalem tutelam praebentes ambiebant. De summo vertice fons affluens bullis ingentibus scaturribat perque prona delapsus evomebat undas argenteas iamque rivulis pluribus dispersus ac valles illas agminibus stagnantibus inrigans in mondum stipati maris vel ignavi fluminis cuncta cohibebat. Insurgit speluncae, qua margines montanae desinunt, turris ardua; caulae firmae solidis cratibus, ovili stabulationi commodae, porrectis undique lateribus ante fores exigui tramitis vice structis parietis attenduntur. Ea tu bono certe meo periculo latronum dixeris atria. Nec iuxta quicquam quam parva casula cannulis temere contecta, qua speculatores e numero latronum, ut postea comperi, sorte ducti noctibus excubabant.	6. Подходящее время и обстоятельства побуждают меня описать местность и пещеры, где обитали разбойники. Одновременно подвергну испытанию свое уменье и вас заставлю ясно почувствовать, был ли я ослом по уму и чувствам. Перед нами находилась ужасная гора, одна из самых высоких, поросшая тенистыми лесными чащобами. Извилистые склоны ее, окруженные острыми и поэтому неприступными скалами, обвиты со всех сторон в виде естественного укрепления глубокими ущельями с провалами, сплошь заросшие кустарником. Берущий свое начало на самой вершине источник низвергался вниз пенистым потоком и, стекая по склону, вздымал серебристые волны; уже разделенный на множество ручейков, он орошал ущелья эти заболоченными водами и снова соединял их в некое подобие ограниченного берегами моря или медленной реки. Над пещерой, там, где был пролет между горами, высилась огромная башня; по обе стороны ее тянулся прочный палисад из крепкого плетня, удобный для загона овец; стены против входа тесно примыкали одна к другой, образуя узкий проход. Вот, скажешь, бьюсь об заклад, настоящий разбойничий атриум. И кругом никакого жилья, кроме маленькой хижины, как попало покрытой тростником, где, как потом я узнал, дозорные из числа разбойников, выбираемые по жребию, караулили по ночам.
7. Ibi cum singuli derepsissent stipatis artubus, nobis ante ipsas fores loro valido destinatis anum quandam curvatam gravi senio, cui soli salus atque tutela tot numero iuvenum commissa videbatur, sic infesti compellant: "Etiamne tu, busti cadaver extremum et vitae dedecus primum et Orci fastidium solum, sic nobis otiosa domi residens lusitabis nec nostris tam magnis tamque periculosis laboribus solacium de tam sera refectione tribues? Quae diebus ac noctibus nil	7. Скорчившись, разбойники пролезли в проход по одному, привязали нас у самых дверей крепким ремнем и с бранью набросились на какую-то скрюченную под бременем лет старуху, на которой одной лежали, по-видимому, заботы об уходе за такой оравой парней: - Ну ты, мертвец непогребенный, которого земля и не носит, и в себя не берет, так-то ты нас ублажаешь, сидя дома без дела? После

quicquam rei quam merum saevienti ventri tuo soles aviditer ingurgitare." Tremens ad haec et stridenti vocula pavida sic anus: "At vobis, fortissimi fidelissimeque mei sospitatores iuvenes, adfatim cuncta suavi sapore percocta pulmenta praesto sunt, panis numerosus vinum probe calicibus ecfricatis affluenter immissum et ex more calida tumultuario lavacro vestro praeparata." In fine sermonis huius statim sese devestiunt nudatique et flammae largissimae vapore recreati calidaque perfusi et oleo peruncti mensas dapibus largiter instructas accumbunt.	столь великих и опасных трудов, в такой поздний час ты не можешь порадовать нас отдыхом? Только тебе и занятия, что денно и нощно ненасытную свою утробу неразбавленным вином с жадностью наливать? Дрожа от страха, пронзительным голосишком старуха отвечает: - Да для вас, молодчики мои верные, кормильцы мои молоденькие, вдоволь наварено всякой вкусной снеди, все готово: хлеба вволю, вино до краев в перетертые чаши налито и горячая вода, как всегда, для мытья на скорую руку приготовлена. После таких слов они сейчас же раздеваются и, пропотев голые перед большим огнем, обмывшись горячей водой и натершись маслом, садятся за стол, в изобилии приготовленный для пиршества.
8. Commodum cubuerant et ecce quidam longe plures numero iuvenes adveniunt alii, quos incunctanter adaeque latrones arbitrarere. Nam et ipsi praedas aureorum argentariorumque nummorum ac vasculorum vestisque sericae et intextae filis aureis invehebant. Hi simili lavacro refoti inter toros sociorum sese reponunt, tunc sorte ducti ministerium faciunt. Estur ac potatur incondite, pulmentis acervatim, panibus aggeratim, poculis agminatim ingestis. Clamore ludunt, strepitu cantilant, conviciis iocantur, ac iam cetera semiferis Lapithis [tebcinibus] Centaurisque semihominibus similia. Tunc inter eos unus, qui robore ceteros antistabat: "Nos quidem," inquit "qui Milonis Hypatini domum fortiter expugnavimus, praeter tantam fortunae copiam, quam nostra virtute nacti sumus, et incolumi numero castra nostra petivimus et, si quid ad rem facit, octo pedibus auctiores remeavimus. At vos, qui Boeotias urbes adpetistis, ipso duce vestro fortissimo Lamacho deminuti debilem numerum reduxistis, cuius salutem merito sarcinis istis quas advexistis omnibus antetulerim. Sed illum quidem utcumque nimia virtus sua peremit; inter inclitos reges ac duces proeliorum tanti viri memoria celebrabitur. Enim vos bonae frugi latrones inter furta parva atque servilia timidule per balneas et aniles cellulas reptantes scrutariam facitis."	8. Только что они расположились, как вдруг приходит другая, еще более многочисленная орава парней, в которых мигом можно было узнать таких же разбойников. И эти тоже приволокли добычу из золотых и серебряных монет, посуды и шелковых одежд, затканных золотом. И эти, освежившись купаньем, занимают места на ложах среди товарищей, а прислуживанье за столом распределяется по жребию. Едят и пьют без всякого толка: кушанье целыми кусками, хлеб краюхами, вино ведрами. Не забава - крик, не пенье - оранье, не шутки - сквернословье, и вообще все похожи на фиванских лапифов полузверских и кентавров получеловеческих[4]. Тут один из них, превосходивший остальных крепостью телосложения, сказал: - Здорово мы разнесли дом Милона Гипатского. Не только множество добра доблестью нашей добыли, но и из строя у нас никто не выбыл, а лучше того - даже четырьмя парами ног больше нас стало, как мы домой пришли. А вы, что в беотийские города на промысел ходили, вернулись пощипанными, потеряв храбрейшего атамана нашего, самого Ламаха[5], за жизнь которого смело я отдал бы все тюки, что вы приволокли. Как-никак собственная отвага его погубила: среди знаменитых царей и полководцев будет прославлено имя такого мужа. А вам, добропорядочным воришкам, годным на жалкие рабские кражи, только бы трусливо по баням да старушечьим каморкам шарить, как тряпичникам.
9. Suscipit unus ex illo posteriore numero: "Tune solus ignoras longe faciliores ad expugnandum domus esse maiores? Quippe	9. Один из тех, что пришли позднее, возражает: - Что ж, ты один только не знаешь, что чем

quod, licet numerosa familia latis deversetur aedibus, tamen quisque magis suae saluti quam domini consulat opibus. Frugi autem et solitarii homines fortunam parvam vel certe satis amplam dissimulanter obtectam protegunt acrius et sanguinis sui periculo muniunt. Res ipsa denique fidem sermoni meo dabit. Vix enim Thebas heptapylos accessimus: quod est huic disciplinae primarium studium, [sed dum] sedulo fortunas inquirebamus popularium; nec nos denique latuit Chryseros quidam nummularius copiosae pecuniae dominus, qui metu officiorum ac munerum publicorum magnis artibus magnam dissimulabat opulentiam. Denique solus ac solitarius parva sed satis munita domuncula contentus, pannosus alioquin ac sordidus, aureos folles incubabat. Ergo placuit ad hunc primum ferremus aditum, ut contempta pugna manus unicae nullo negotio cunctis opibus otione potiremur.	богаче дом, тем легче его разграбить? Хоть и много там челяди в просторных покоях, но каждый больше о своем спасенье, чем о хозяйском добре, думает. Экономные же и одинокие люди маленькое, а иногда и вовсе не маленькое свое имущество запрятывают далеко, стерегут крепко и с опасностью для жизни защищают. Слова мои могу подтвердить примером. Как только пришли мы в Семивратные Фивы, сейчас же, как по нашему ремеслу полагается, стали усердно разузнавать, есть ли среди жителей богатые люди; не укрылся от нас некий меняла Хризерос[6], обладатель большого богатства, который во избежание налогов и повинностей общественных великими хитростями великое имущество свое скрывал. Запершись один-одинешенек в маленьком, но с крепкими запорами домишке, оборванный, грязный, сидел он на своих мешках с золотом. Вот и решили мы на него первого сделать налет, так как, ни во что не ставя сопротивление одного человека, полагали, что без всяких хлопот, просто, завладеем всем его богатством.
10. Nec mora, cum noctis initio foribus eius praestolamur, quas neque sublevare neque dimovere ac ne perfringere quidem nobis videbatur, ne valvarum sonus cunctam viciniam nostro suscitaret exitio. Tunc itaque sublimis ille vexillarius noster Lamachus spectatae virtutis suae fiducia, qua clavis immittendae foramen patebat, sensim inmissa manu claustrum evellere gestiebat. Sed dudum scilicet omnium bipedum nequissimus Chryseros vigilans et singula rerum sentiens lenem gradum et obnixum silentium tolerans paulatim adrepit, grandique clavo manum ducis nostri repente nisu fortissimo ad ostii tabulam officit et exitiabili nexu patibulatum relinquens gurgustioli sui tectum ascendit, atque inde contentissima voce clamitans rogansque vicinos et unum quemque proprio nomine ciens et salutis communis admonens diffamat incendio repentino domum suam possideri. Sic unus quisque proximi periculi confinio territus suppetiatum decurrunt anxii.	10. Без промедления, как только стемнело, стали мы караулить у его дверей; снимать их с петель, сдвигать, взламывать было нам не с руки, так как двери были створчатые и стук перебудил бы всех соседей нам на беду. Итак, главарь наш, бесподобный Ламах, полагаясь на испытанную свою доблесть, осторожно просовывает руку в отверстие, куда вкладывают ключ, и старается отодвинуть засов. Но Хризерос, негоднейший из двуногих, давно уже не спал и слышал все, что происходит; упорное храня молчание, неслышными шагами потихоньку подкрался он и руку вожака нашего, неожиданно нанеся удар, большим гвоздем накрепко приколотил к дверной доске, потом, оставив его как бы в гибельных объятиях креста, сам вылез на крышу своей лачуги, а оттуда не своим голосом начал кликать на помощь всех соседей, называя каждого по имени, и призывать к защите от общей опасности, распуская слух, что внезапный пожар охватил его дом. Тут каждый, испугавшись близкой беды, в тревоге бежит на подмогу.
11. Tunc nos in ancipiti periculo constituti vel opprimendi nostri vel deserendi socii remedium e re nata validum eo volente comminiscimus. Antesignani nostri partem, qua manus umerum subit, ictu per articulum medium temperato prorsus abscidimus, atque ibi brachio relicto,	11. Очутившись тут в двойной опасности - или всем погибнуть, или кинуть товарища, мы с его согласия прибегаем к решительному средству, вызванному обстоятельствами. Уверенным ударом посредине связок отрубив напрочь руку нашему главарю в том месте, где

multis laciniis offulto vulnere ne stillae sanguinis vestigium proderent, ceterum Lamachum raptim reportamus. Ac dum trepidi religionis urguemur gravi tumultu et instantis periculi metu terremur ad fugam nec vel sequi propere vel remanere tuto potest vir sublimis animi virtutisque praecipuus, multis nos adfantibus multique precibus querens adhortatur per dexteram Martis per fidem sacramenti bonum commilitonem cruciatu simul et captivitate liberaremus. Cur enim manui, quae rapere et iugulare sola posset, fortem latronem supervivere? Sat se beatum qui manu socia volens occumberet. Cumque nulli nostrum spontale parricidium suadens persuadere posset, manu reliqua sumptum gladium suum diuque deosculatum per medium pectus ictu fortissimo transadigit. Tunc nos magnanimi ducis vigore venerato corpus reliquum veste lintea diligenter convolutum mari celandum commisimus. Et nunc iacet noster Lamachus elemento toto sepultus.	предплечье соединяется с плечом, и заткнув рану комком тряпок, чтобы капли крови не выдали наших следов, мы бросаем обрубок, где он был, а то, что осталось от Ламаха, проворно увлекаем за собою. Пока все кругом трепетало, а мы сильного шума и нависшей опасности страшились, муж этот возвышенный, исполненный духа и доблести, видя, что и следовать в бегстве за нами не может, и оставаться ему небезопасно, усердно нас убеждает, усердно молит, заклиная Марсовой десницей и верностью слову, освободить доброго товарища по оружию от мук и от плена. Да и как может жить порядочный разбойник, лишившись руки, что одна и режет, и грабит? За счастье почел бы он пасть добровольно от товарищеской руки. Не будучи в состоянии никого из наших уговорами своими побудить к добровольному отцеубийству, обнажил он оставшейся рукою свой меч, долго его целовал и сильным ударом вонзил себе в самую середину груди. Тут мы, почтив мужество великодушного вождя нашего, закутали старательно останки его тела полотняным плащом и предали на сокрытие морю. Ныне покоится Ламах наш, погребенный всею стихиею.
12. Et ille quidem dignum virtutibus suis vitae terminum posuit. Enim vero Alcimus sollertibus coeptis eo saevum Fortunae nutum non potuit adducere. Qui cum dormientis anus perfracto tuguriolo conscendisset cubiculum superius iamque protinus oblisis faucibus interstinguere eam debuisset, prius maluit rerum singula per latiorem fenestram forinsecus nobis scilicet rapienda dispergere. Cumque iam cuncta rerum naviter emolitus nec toro quidem aniculae quiescentis parcere vellet eaque lectulo suo devoluta vestem stragulam subductam scilicet iactare similiter destinaret, genibus eius profusa sic nequissima illa deprecatur: "Quid, oro, fili, paupertinas pannosasque resculas miserrimae anus donas vicinis divitibus, quorum haec fenestra domum prospicit?" Quo sermone callido deceptus astu et vera quae dicta sunt credens Alcimus, verens scilicet ne et ea quae prius miserat quaeque postea missurus foret non sociis suis sed in alienos lares iam certus erroris abiceret, suspendit se fenestra sagaciter perspecturus omnia, praesertim domus attiguae, quam dixerat illa, fortunas arbitraturus. Quod eum strenue quidem set satis inprovide conantem senile illud facinus quamquam invalido repentino tamen et inopinato pulsu nutantem ac pendulum et in	12. Так он обрел кончину, достойную своей доблестной жизни. И Алцим вот не мог ничего поделать, несмотря на изобретательность, с жестокой волей судьбы. Взломав дверь в какую-то лачужку, забрался он на верхний этаж, в спальню к спящей старухе, и, вместо того, чтобы первым делом укокошить ее, свернув шею, начал из широкого окна наружу выбрасывать нам ее пожитки, одну вещь за другой, чтобы мы подбирали. Побросав лихо все пожитки, он не захотел дать спуску и постели, на которой лежала старушонка; итак, вытряхнув ее из кровати и вытащив из-под нее простыни, тем же путем намеревался их отправить, как негодница эта, упав ему в ноги, взмолилась: "Что ты, сынок, молю тебя, зачем ты жалкое тряпье и хлам несчастной старухи отдаешь богачам соседям, на чей двор это окно выходит?" Обманутый хитрою и притворною речью, Алцим поверил сказанному и, боясь, как бы, уже предупрежденный об ошибке, он не отдал чужим ларам[7], вместо своих товарищей, выброшенное им прежде, а также и то, что он собирался выбросить, высунулся из окна и стал внимательно осматриваться, прежде всего стараясь распознать, насколько зажиточны

prospectu alioquin attonitum praeceps inegit. Qui praeter altitudinem miniam super quendam etiam vastissimum lapidem propter iacentem decidens perfracta diffisaque crate costarum rivos sanguinis vomens imitus narratisque nobis quae gesta sunt non diu cruciatus vitam evasit. Quem prioris exemplo sepulturae traditum bonum secutorem Lamacho dedimus.	соседи, о которых говорила старуха. Пока он так усердно высматривал, не подозревая никакой беды, старуха эта пакостная, хоть и увечная была, быстрым и неожиданным толчком его, не соблюдавшего равновесия, свесившегося из окна и погруженного в осмотр, спихнула вниз головою. Кроме того, что высота была значительная, падая, угодил он на лежавший подле большущий камень, так что вдребезги переломал себе ребра, и. выблевывая из груди потоки крови, рассказал нам, что произошло, а потом, недолго промучившись, расстался с жизнью. По примеру первого погребения мы послали и его верным спутником вслед за Ламахом.
13. Tunc orbitatis duplici plaga petiti iamque Thebanis conatibus abnuentes Plataeas proximan conscendimus civitatem. Ibi famam celebrem super quodam Demochare munus edituro gladiatorium deprehendimus. Nam vir et genere primarius et opibus plurimus et liberalitate praecipuus digno fortunae suae splendore publicas voluptates instruebat. Quis tantus ingenii, quis facundiae, qui singulas species apparatus multiiugi verbis idoneis posset explicare? Gladiatores isti famosae manus, venatores illi probatae pernicitatis, alibi noxii perdita securitate suis epulis bestiarum saginas instruentes; confixilis machinae sublicae, turres structae tabularum nexibus ad instar circumforaneae domus, florida pictura decora futurae venationis receptacula. Qui praeterea numerus, quae facies ferarum! Nam praecipuo studio foris etiam advexerat generosa illa damnatorum capitum funera. Sed praeter ceteram speciosi muneris supellectilem totis utcumque patrimonii viribus immanis ursae comparabat numerum copiosum. Nam praeter domesticis venationibus captas, praeter largis emptionibus partas, amicorum etiam donationibus variis certatim oblatas tutela sumptuosa sollicite nutriebat.	13. Осиротев от двух этих ударов и не решаясь долее пытать счастия в Фивах, мы направились в соседний город Платею. Там мы услышали много толков о некоем Демохаре, собиравшемся устроить бой гладиаторов. Он был мужем, знатнейшим по происхождению, богатейшим по состоянию, непревзойденным по щедрости, и старался, чтобы народное развлечение достойно было по блеску своему его богатства. У кого найдется столько изобретательности, столько красноречия, чтобы в подобающих выражениях описать различные стороны сложных приготовлений? Вот знаменитые по силе гладиаторы, вот и испытанного проворства охотники, а там преступники, осужденные на смерть, уготованные для откармливания диких зверей[8]; сколоченные машины на высоких сваях, башни, построенные из соединенных одна с другой досок наподобие подвижного дома, украшенные яркою живописью, - прекрасные вместилища для участников предстоящей охоты[9]. К тому же какое множество, какое разнообразие зверей! Он специально позаботился издалека привезти эти ходячие породистые гробницы для осужденных преступников. Но из всех приготовлений к роскошному зрелищу больше всего поражало необыкновенное количество огромных медведей, которых он собирал, не жалея затрат, откуда мог. Не считая тех, что захвачены были на его собственных охотах, не считая тех, что он покупал за хорошую цену, еще и друзья наперерыв дарили ему медведей различных мастей, и всех он тщательно кормил при великолепном уходе.
14. Nec ille tam clarus tamque splendidus publicae voluptatis apparatus Invidiae noxios effugit oculos. Nam diutina captivitate fatigatae	14. Но столь славное, столь блестящее приготовление к общественному развлечению не укрылось от пагубного ока Зависти.

simul et aestiva flagrantia maceratae, pigra etiam sessione languidae, repentina correptae pestilentia paene ad nullum redivere numerum. Passim per plateas plurimas cerneres iacere semivivorum corporum ferina naufragia. Tunc vulgus ignobile, quos inculta pauperies sine dilectu ciborum tenuato ventri cogit sordentia supplementa et dapes gratuitas conquirere, passim iacentes epulas accurrunt. Tunc e re nata suptile consilium ego et iste Eubulus tale comminiscimur. Unam, quae ceteris sarcina corporis praevalebat, quasi cibo parandam portamus ad nostrum receptaculum, eiusque probe nudatum carnibus corium servatis sollerter totis unguibus, ipso etiam bestiae capite adusque confinium cervicis solido relicto, tergus omne rasura studiosa tenuamus et minuto cinere perspersum soli siccandum tradimus. Ac dum caelestis vaporis flammis examurgatur, nos interdum pulpis eius valenter sanguinantes sic instanti militiae disponimus sacramentum, ut unus e numero nostro, non qui corporis adeo sed animi robore ceteris antistaret, atque si in primis voluntarius, pelle illa contectus ursae subiret effigiem domumque Democharis inlatus per opportuna noctis silentia nobis ianuae faciles praestaret aditus.	Утомленные долгим заточением, к тому же измученные летним зноем, вялые от продолжительной неподвижности и неожиданно пораженные заразной болезнью, медведи пали без малого все до одного, так что почти ни один из них не уцелел. Чуть ли не на каждой площади можно было увидеть полуживые туши, следы этого звериного кораблекрушения. Тогда простой народ, темная нищета которого побуждает его, не привередничая в выборе пищи, искать даровых блюд и не брезгать никакою гадостью для подкрепления своего отощавшего желудка, сбегается к появляющемуся повсюду провианту. Ввиду таких обстоятельств у меня и славного нашего Эвбула явился вот какой тонкий план. Мы уносим к себе в убежище, как будто для приготовления пищи, одну из самых больших туш; очистив аккуратно шкуру от мяса, искусно сохранив все когти и самую голову зверя оставив совсем нетронутой до начала шеи, кожу всю выскребаем старательно, чтобы сделать тонкой, и, посыпав мелкой золою, вытаскиваем на солнце для сушки. Пока кожа дубится от пламени небесного светила, мы тем временем до отвалу насыщаемся мясом и так распределяем обязанности в предстоящем деле, чтобы один из нас, превосходящий других не столько телесною силой, сколько мужеством духа, к тому же совершенно по доброй воле, покрывшись этой шкурой, уподобился медведице и, будучи нами принесен в дом к Демохару, открыл нам, при благоприятном ночном безмолвии. свободный доступ через двери дома.
15. Nec paucos fortissimi collegii sollers species ad munus obeundum adrexerat. Quorum prae ceteris Thrasyleon factionis optione delectus ancipitis machinae subivit aleam, iamque habili corio et mollitie tractabili vultu sereno sese recondit. Tunc tenui sarcimine summas, oras eius adaequamus et iuncturae rimam, licet gracilem, setae circumfluentis densitate saepimus. Ad ipsum confinium gulae, qua cervix bestiae fuerat exsecta, Thrasyleonis caput subire cogimus, parvisque respiratui et obtutui circa nares et oculos datis foraminibus fortissimum socium nostrum prorsus bestiam factum inmittimus caveae modico praestinatae pretio, quam constanti vigore festinus inrepsit ipse. Ad hunc modum prioribus inchoatis sic ad reliqua fallaciae pergimus.	15. Немало нашлось смельчаков из храброй шайки, которых привлекло исполнение этой искусной затеи, но общим голосованием из них другим предпочтен был Фразилеон, ему достался жребий на рискованное это предприятие. Вот он скрылся с веселым лицом в удобную шкуру, которая сделалась мягкой и гибкой. Тут самые края зашиваем мы тонкою бечевкой и, чтобы не видно было шва, хотя и без того он был еле заметен, напускаем на него густой мех со всех сторон. Не без труда протискиваем мы голову Фразилеона до самого горла зверя, туда, где перерезана была шея, и, проделав отверстия для дыхания против ноздрей и против глаз, сажаем храбрейшего нашего товарища, сделавшегося сущим животным, в купленную нами заранее по дешевке клетку, куда он, не теряя присутствия духа, сам быстро вскочил. Окончив таким

образом предварительные приготовления, мы занялись дальнейшим выполнением проделки.

16. Sciscitati nomen cuiusdam Nicanoris, qui genere Thracio proditur ius amicitiae summum cum illo Demochare colebat, litteras adfingimus, ut venationis suae primitias bonus amicus videretur ornando muneri dedicasse. Iamque provecta vespera abusi praesidio tenebrarum Thrasyleonis caveam Demochari cum litteris illis adulterinis offerimus; qui miratus bestiae magnitudinem suique contubernalis opportuna liberalitate laetatus iubet nobis protinus gaudii sui ut ipse habebat gerulis decem aureos [ut ipse habebat] e suis loculis adnumerari. Tunc, ut novitas consuevit ad repentinas visiones animos hominum pellicere, multi numero mirabundi bestiam confluebant, quorum satis callenter curiosos aspectus Thrasyleon noster impetu minaci frequenter inhibebat; consonaque civium voce satis felix ac beatus Demochares ille saepe celebratus, quod post tantam cladem ferarum novo proventu quoquo modo fortunae resisteret, iubet novalibus suis confestim bestiam [iret iubet] summa cum diligentia reportari. Sed suscipiens ego:

16. Отыскавши имя некоего Никанора, который, происходя родом из Фракии, был связан священными узами дружбы с вышеупомянутым Демохаром, мы состряпали от его имени письмо, будто бы верный друг этот посылает первинки своей охоты в подарок для украшения празднества. Дождавшись, чтобы достаточно стемнело, под прикрытием мрака мы доставили Демохару клетку с Фразилеоном и наше подложное письмо; удивленный величиной зверя и обрадованный щедростью своего товарища, пришедшейся очень кстати, прежде всего отдает он приказ отсчитать нам, как он думал, посредникам в столь радостном деле, десять золотых из своей казны. Так как всякая новинка возбуждает в людях желание посмотреть на неожиданное зрелище, то сбежалось большое количество народа поглазеть на зверя, но наш Фразилеон угрожающими движениями неоднократно довольно ловко сдерживал их любопытство; граждане в один голос прославляют счастье и удачу Демохара, который после подобного падежа животных с новым этим пополнением сможет в какой-то степени спорить с судьбою. И вот он отдает приказ сейчас же отправить со всевозможным тщанием зверя на свои лежавшие под паром земли. Тут я вмешиваюсь.

17. "Caveas," inquam "domine, fraglantia solis et itineris spatio fatigatam coetui multarum et, ut audio, non recte valentium committere ferarum. Quin potius domus tuae patulum ac perflabilem locum immo et lacu aliquoi conterminum refrigerantemque prospicis? An ignoras hoc genus bestiae lucos consitos et specus roridos et fontes amoenos semper incubare?" Talibus monitis Demochares perterritus numerumque perditarum secum recenses non difficulter adsensus ut ex arbitrio nostro caveam locaremus facile permisit. "Sed et nos" inquam "ipsi parati sumus hic ibidem pro cavea ista excubare noctes, ut aestus et vexationis incommodo bestiae fatigatae et cibum tempestivum et potum solitum accuratius offeramus." "Nihil indigemus labore isto vestro," respondit ille "iam paene tota familia per diutinam consuetudinem nutriendis ursis exercitata est."

17. "Остерегись, - говорю, - господин, усталое от солнечного зноя и дальнего пути животное отсылать в стаю ко многим зверям, к тому же, как я слышал, не вполне здоровым. Не лучше ли здесь, около дома, найти для него место достаточно обширное, где было бы много воздуху, а еще лучше по соседству с каким-нибудь прудом, прохладное. Разве ты не знаешь, что эта порода всегда живет близ густых рощ, пещер сырых, приятных источников?"
Испуганный такими доводами и без труда с ним согласившийся, вспомнив о многочисленных потерях, Демохар охотно позволил поставить клетку где нам заблагорассудится. "Мы и сами, - продолжаю, - готовы по ночам спать при этой клетке, чтобы усталому от зноя и тряски животному и пищу вовремя, и питье, к которому он привык, как следует подавать". "Для этой службы в вас нет никакой надобности, - он отвечает, - почти вся прислуга у меня благодаря длительной привычке знакома с уходом за медведями".

18. Post haec valefacto discessimus et portam

18. После этого мы откланялись и ушли.

civitatis egressi monumentum quoddam conspicamur procul a via remoto et abdito loco positum. Ibi capulos carie et vetustate semitectos, quis inhabitabant pulueri et iam cinerosi mortui, passim ad futurae praedae receptacula reseramus, et ex disciplina sectae servato noctis inlunio tempore, quo somnus obvius impetu primo corda mortalium validius invadit ac premit, cohortem nostram gladiis armatam ante ipsas fores Democharis velut expilationis vadimonium sistimus. Nec setius Thrasyleon examussim capto noctis latrocinali momento prorepit cavea statimque custodes, qui propter sopiti quiescebant, omnes ad unum mox etiam ianitorem ipsum gladio conficit, clavique subtracta fores ianuae repandit nobisque prompte convolantibus et domus alveo receptis demonstrat horreum, ubi vespera sagaciter argentum copiosum recondi viderat. Quo protinus perfracto confertae manus violentia, iubeo singulos commilitonum asportare quantum quisque poterat auri vel agenti et in illis aedibus fidelissimorum mortuorum occultare propere rursumque concito gradu recurrentis sarcinas iterare; quod enim ex usu foret omnium, me solum resistentem pro domus limine cuncta rerum exploraturum sollicite, dum redirent. Nam et facies ursae mediis aedibus discurrentis ad proterrendos, siqui de familia forte evigilassent, videbatur opportuna. Quis enim, quamvis fortis et intrepidus, immani forma tantae bestiae noctu praesertim visitata non se ad fugam statim concitaret, non obdito cellae pessulo pavens et trepidus sese cohiberet?	Выйдя за городские ворота, видим мы какую-то усыпальницу, расположенную в стороне от дороги, в уединенном и скрытом от глаз месте. Там вскрываем наудачу, как вместилище будущей нашей добычи, несколько полусгнивших и обветшавших саркофагов, где покоились истлевшие и уже в прах обратившиеся тела усопших; затем, по заведенному в нашей шайке обычаю, дождавшись того часа ночи, когда не светит луна, когда навстречу идущий сон первым своим натиском с силой нападает на сердце смертных и овладевает ими, выстраиваем наш вооруженный мечами отряд, явившийся на грабеж, как будто по повестке, перед самыми воротами Демохара. Со своей стороны, и Фразилеон, улучив воровской час ночи, выходит из клетки, сейчас же всех до единого мечом убивает сторожей, находящихся поблизости и объятых сном, наконец, самого привратника и, вытащив ключ, распахивает ворота и указывает нам, быстро ворвавшимся и наполнившим весь дом, на кладовку, куда спрятано было, как он с вечера предусмотрительно заприметил, множество денег. Едва только общими усилиями немедленно ее взломали, я отдаю распоряжение, чтобы каждый из сотоварищей уносил, сколько может, золота и серебра, прятал его скорее в жилищах верных наших покойников и со всех ног возвращался за следующей порцией; я же для общего блага должен был один остаться у порога дома и за всем тщательно наблюдать, пока те не вернутся. Самый вид медведицы, снующей между зданиями, казалось, способен был навести страх, если бы кто из челяди оказался не спящим. Да и правда, всякий, будь он и храбр и смел, а все же, встретившись с такой звериной громадой, особенно ночью, тотчас пустился бы наутек и со страхом и дрожью заперся бы на засовы у себя в каморке.
19. His omnibus salubri consilio recte dispositis occurrit scaevus eventus. Namque dum reduces socios nostros suspensus opperior, quidam servulus strepitu scilicet vel certe divinitus inquietus proserpit leniter visaque bestia, quae libere discurrens totis aedibus commeabat, premens obnixum silentium vestigium suum replicat et utcumque cunctis in domo visa pronuntiat. Nec mora, cum numerosae familiae frequentia domus tota completur. Taedis lucernis cereis sebaciis et ceteris nocturni luminis instrumentis clarescunt tenebrae. Nec inermis	19. Но всем этим правильным предположениям здравого рассуждения противостала жестокая неудача. Покуда я с нетерпением жду возвращения своих товарищей, какой-то захудалый раб, обеспокоенный шумом или по наитию проснувшийся, осторожно вылезает и видит, что зверь по всему помещению расхаживает свободно взад и вперед. Не проронив ни слова, раб этот возвращается вспfive и всем в доме рассказывает, что он видел. Не прошло и минуты, как весь дом наполнился челядью,

quisquam de tanta copia processit, sed singuli fustibus lanceis destrictis denique gladiis armati muniunt aditus. Nec secum canes etiam venaticos auritos illos et horricomes ad comprimendam bestiam cohortantur.	которой было немалое количество. От факелов, ламп, восковых и сальных свечей и прочих осветительных приспособлений мрак рассеивается. И не с голыми руками вышла эта толпа: у кого что - с кольями, с копьями, с обнаженными, наконец, мечами становятся они охранять входы. Не забыли пустить для облавы на зверя и свору охотничьих собак длинноухих, шерсть дыбом.
20. Tunc ego sensim gliscente adhuc illo tumultu retrogradi fuga domo facesso, sed plane Thrasyleonem mire canibus repugnantem latens pone ianuam ipse prospicio. Quamquam enim vitae metas ultimas obiret, non tamen sui nostrique vel pristinae virtutis oblitus iam faucibus ipsis hiantis Cerberi reluctabat. Scaenam denique quam sponte sumpserat cum anima retinens, nunc fugiens, nunc resistens variis corporis sui schemis ac motibus tandem domo prolapsus est. Nec tamen, quamvis publica potitus libertate, salutem fuga quaerere potuit. Quippe cuncti canes de proximo angiportu satis feri satisque copiosi venaticis illis, qui commodum domo similiter insequentes processerant, se commiscent agminatim. Miserum funestumque spectamen aspexi, Thrasyleonem nostrum catervis canum saevientium cinctum atque obsessum multisque numero morsibus laniatum. Denique tanti doloris impatiens populi circumfluentis turbelis immisceor et, in quo solo poteram celatum auxilium bono ferre commilitoni, sic indaginis principes dehortabar: "O grande" inquam "et extremum flagitium, magnam et vere pretiosam perdimus bestiam."	20. Шум все усиливается, и я помышляю уже обратно убежать восвояси, но, спрятавшись за дверью, смотрю, как Фразилеон чудесно отбивается от собак. Достигший последних пределов жизни, не забыл он ни о себе, ни о нас, ни о прежней своей доблести, но защищался в самой пасти зияющей Цербера. Не покидая мужественно роли, добровольно на себя взятой, но, то убегая, то защищаясь различными поворотами и движениями своего тела, наконец выскользнул он из дому. Но и владея всем доступною свободою, не смог он в бегстве найти спасенья, так как все собаки из ближайшего переулка, достаточно свирепые и многочисленные, гурьбой присоединяются к охотничьей своре, которая тоже сейчас же вырвалась из дому и помчалась в погоню. Какое печальное и зловещее зрелище предстало глазам моим! Фразилеон наш окружен сворой свирепых собак, захвачен и раздираем многочисленными укусами. Не будучи в состоянии выносить такой скорби, я вмешиваюсь в шумную толпу народа и - единственное, чем могу я помочь, не выдавая себя, славному товарищу,обращаюсь к начальникам облавы с такими увещеваниями: "Какое тяжелое и страшное преступление совершим мы, если погубим такого огромного и поистине драгоценного зверя".
21. Nec tamen nostri sermonis artes infelicissimo profuerunt iuveni; quippe quidam procurrens e domo procerus et validus incunctanter lanceam mediis iniecit ursae praecordiis nec secus alius et ecce plurimi, iam timore discusso, certatim gladios etiam de proximo congerunt. Enimuero Thrasyleon egregium decus nostrae factionis tandem immortalitate digno illo spiritu expugnato magis quam patientia neque clamore ac ne ululatu quidem fidem sacramenti prodidit, sed iam morsibus laceratus ferroque laniatus obnixo mugitu et ferino fremitu praesentem casum generoso vigore tolerans gloriam sibi reservavit, vitam fato reddidit. Tanto tamen terrore tantaque formidine coetum illum turbaverat, ut usque	21. Но несчастнейшему юноше мало принесли пользы мои хитрые речи: выбегает из дому какой-то здоровенный верзила и, не раздумывая, прямо под сердце поражает медведицу копьем, за ним другой, и, наконец, многие, оправившись от страха и подойдя поближе, наперерыв наносят раны мечом. Итак, Фразилеон, честь и украшение шайки нашей, потерял свою жизнь, достойную бессмертия; не утратив своего терпения, не нарушив священной клятвы ни единым криком, ни единым воплем, раздираемый уже зубами, пораженный оружием, отвечал он на случившуюся беду, переносимую с благородной стойкостью, лишь глухим воем да звериным рычаньем и отдал душу року, оставив по себе

diluculum immo et in multum diem nemo quisquam fuerit ausus quamvis iacentem bestiam vel digito contigere, nisi tandem pigre ac timide quidam lanius paulo fidentior utero bestiae resecto ursae magnificum despoliavit latronem. Sic etiam Thrasyleon nobis perivit, sed a gloria non peribit. Confestim itaque constrictis sarcinis illis, quas nobis servaverant fideles mortui, Plataeae terminos concito gradu deserentes istud apud nostros animos identidem reputabamus merito nullam fidem in vita nostra reperiri, quod ad manis iam et mortuos odio perfidiae nostrae demigrarit. Sic onere vecturae simul et asperitate viae toti fatigati tribus comitum desideratis istas quas videtis praedas adveximus."

славу. Однако он нагнал такой страх и такой ужас на все это сборище, что до рассвета, даже до бела дня не нашлось такого смельчака, который хотя бы пальцем дотронулся до уже поверженного зверя, пока наконец медленно и робко не подошел какой-то немного осмелевший мясник и, вспоров брюхо зверя, не обнаружил в медведице доблестного разбойника. Так потерян был для нас Фразилеон, но не потерян для славы. Мы же немедленно, увязав добычу, что сохранили для нас верные покойники, спешным маршем покинули платейские пределы, и не раз приходила нам в голову такая мысль: не мудрено, что не находим мы в жизни этой никакой верности, когда она, гнушаясь коварством нашим, перекочевала к душам усопших и к покойникам. Вот, вконец измучившись от тяжести поклажи и трудности пути, потеряв трех товарищей, приносим мы добычу, которую вы видите.

22. Post istum sermonis terminum poculis aureis memoriae defunctorum commilitonum vino mero libant, dehinc canticis quibusdam Marti deo blanditi paululum conquiescunt. Enim nobis anus illa recens ordeum adfatim et sine ulla mensura largita est, ut equus quidem meus tanta copia solus potitus saliares se cenas cenare crederet. Ego vero, numquam alias hordeum crudum sed tunsum minutatim et diutina coquitatione iurulentum semper solitus esse, [rim] rimatus angulum, quo panes reliquiae totius multitudinis congestae fuerant, fauces diutina fame saucias et araneantes valenter exerceo. Et ecce nocte promota latrones expergiti castra commovent instructique varie, partim gladiis armati, partim in Lemures reformati, concito se gradu proripiunt. Nec me tamen instanter fortiter manducantem vel somnus imminens impedire potuit. Et quamquam prius, cum essem Lucius, unico vel secundo pane contentus mensa decederem, tunc ventri tam profundo serviens iam ferme tertium qualum rumigabam. Huic me operi attonitum clara lux oppressit.

22. По окончании этой речи в память усопших соратников совершают возлияния из золотых чаш неразбавленным вином, потом, усладив себя несколькими песнями в честь Марса, немного успокаиваются. Что касается нас, то знакомая наша, вышеупомянутая старуха, засыпала нам свежего ячменю не скупясь, свыше меры, так что конь мой, получив всю эту массу в исключительное свое пользование, мог вообразить себя на пиру салиев[10]. Я же, который до сих пор признавал ячмень только мелко размолотым и хорошо разваренным, стал шарить по углам, где была свалена целая куча хлебных корок, оставшихся от разбойничьих трапез, и пустил в ход свою глотку, уже запекшуюся от долгой голодовки и начавшую покрываться паутиной. Глубокою ночью разбойники просыпаются, снимаются с места и, по-разному перерядившись, кто вооружившись мечами, кто переодевшись в лемуров[11], спешным маршем удаляются. Я же продолжал настойчиво и жадно есть, так что даже одолевающий меня сон не мог меня оторвать от еды. Прежде, когда я был еще Луцием, удовлетворившись одним или двумя хлебцами, я вставал из-за стола, теперь же, при столь глубоком желудке, я жевал уже третью корзину. К моему удивлению, белый день застал меня за этим занятием.

23. Tandem itaque asinali verecundia ductus, aegerrime tamen digrediens rivulo proximo sitim lenio. Nec mora, cum latrones ultra modum anxii atque solliciti remeant, nullam quidem prorsus

23. Наконец-то, руководимый ослиной стыдливостью, но с трудом оторвавшись от своего дела, утоляю я жажду в соседнем ручье. Немного прошло времени, как возвращаются и

sarcinam vel omnino licet vilem laciniam ferentes, sed tantum gladiis totis totis manibus immo factionis suae cunctis viribus munitam unicam virginem filo liberalem et, ut matronatus eius indicabat, summatem regionis, puellam mehercules et asino tali concupiscendam, maerentem et crines cum veste sua lacerantem advehebant. Eam simul intra speluncam ducunt verbisque quae dolebat minora facientes sic adloquuntur: "Tu quidem salutis et pudicitiae secura brevem patientiam nostro compendio tribue, quos ad istam sectam paupertatis necessitas adegit. Parentes autem tui de tanto suarum divitiarum cumulo, quamquam satis cupidi, tamen sine mora parabunt scilicet idoneam sui sanguinis redemptionem."	разбойники, необычайно обеспокоенные и озабоченные, не неся никакого узла, никакой хотя бы ничтожной рухляди, а приволакивают общими усилиями всей шайки, со всеми ее мечами, всеми готовыми к делу руками, всего-навсего одну девушку благородного происхождения, судя по чертам лица, по наряду - высшего сословия, девицу, способную, клянусь Геркулесом, даже в таком осле, как я, возбудить желание, горюющую, рвущую на себе волосы и одежды. Как только привели они ее в пещеру, стараясь уговорить, чтоб не так убивалась, обращаются они к ней с такою речью: - Жизнь и честь твоя в безопасности; потерпи немного, дай нам извлечь свою выгоду; нищета принуждает нас к такому занятию. А родители твои, как ни привязаны они к своим огромным богатствам, без промедления дадут нам подобающий выкуп за свое родное детище.
24. His et his similibus blateratis necquicquam dolor sedatur puellae. Quidni? quae inter genua sua deposito capite sine modo flebat. At illi intro vocatae anui praecipiunt adsidens eam blando quantum posset solaretur alloquio, seque ad sectae sueta conferunt. Nec tamen puella quivit ullis aniculae sermonibus ab inceptis fletibus avocari, sed altius eiulans sese et assiduis singultibus illa quatiens mihi etiam lacrimas excussit. Ac sic: "A ego" inquit "misera tali domo tanta familia tam caris vernulis tam sanctis parentibus desolata et infelicis rapinae praeda et mancipium effecta inque isto saxeo carcere et carnificinae laniena serviliter clausa et omnibus deliciis, quis innata atque innutrita sum, privata sub incerta salutis spe et carnificinae laniena inter tot ac tales latrones et horrendum gladiatorum populum vel fletum desinere vel omnino vivere potero? Lamentata sic et animi dolore et faucium tendore et corporis lassitudine iam fatigata marcentes oculos demisit ad soporem.	24. Но напрасно пытаются подобными россказнями утишить скорбь девушки. Куда там! Опустив голову на колени, плакала она без удержу. Тут они кликнули старуху и, поручив ей сесть рядом с девушкой и ласковым разговором как-нибудь утешить ее, сами отправляются по делам своего ремесла. Но девушка, несмотря на все старухины увещевания, не только не переставала плакать, но все громче причитала; тело ее сотрясалось от непрерывных рыданий, так что меня даже прошибла слеза. А она так восклицает: - О, я, несчастная, из такого дома, такого семейства, лишенная стольких слуг дорогих, столь драгоценных родителей, добыча грабежа злосчастного, пленницей сделавшись, в каменную эту тюрьму, как рабыня, заключенная, со всеми утехами, для которых рождена была, в которых воспитана, разлученная, в жизни не уверенная, в вертепе убийственном, среди толпы жестоких разбойников, среди оравы головорезов ужасных - как могу я прекратить свои слезы, да и жить-то как сумею дальше? Окончив жалобы эти, истощенная душевной скорбью, напряжением горла и усталостью тела, она сомкнула томные глаза и заснула.
25. At commodum coniverat nec diu, cum repente lymphatico ritu somno recussa longe longeque vehementius adflictare sese et pectus etiam palmis infestis tundere et faciem illam luculentam verberare incipit et aniculae, quamquam instantissime causas novi et instaurati maeroris requirenti, sic adsuspirans altius infit:	25. Но ненадолго смежила она глаза; от сна неожиданно пробужденная новым припадком безумной скорби, еще сильнее запричитала и даже руками буйными в грудь себя начала ударять и по прекрасному лицу наносить удары, а когда старушонка настойчиво стала расспрашивать, с чего она заново начала

"Em nunc certe nunc maxime funditus perii, nunc spei salutiferae renuntiavi. Laqueus aut gladius aut certe praecipitium procul dubio capessendum est. Ad haec anus iratior dicere eam saeviore iam vultu iubebat quid, malum, fleret vel quid repente postliminio pressae quietis lamentationes licentiosas refricaret. "Nimirum" inquit "tanto compendio tuae redemptionis defraudare iuvenes meos destinas? Quod si pergis ulterius, iam faxo lacrimis istis, quas parvi pendere latrones consuerunt, insuper habitis viva exurare."	убиваться, та, глубоко вздохнув, отвечала: - Ах, теперь уже наверно, теперь уже бесповоротно погибла я, от всякой надежды на спасение отказалась. Сомнений нет: остается искать мне петли, меча или, наконец, пропасти. На это старуха рассердилась и с грозным лицом потребовала, чтобы та объяснила ей, чего это, пропади она пропадом, она плачет и чего ради, успокоившись было, снова вдруг принялась за неумеренные жалобы. - По всему видно,- говорит,- ты решила парней моих выгоды от выкупа за тебя лишить. Будешь так дальше продолжать, так я не погляжу на эти твои слезы, которые у разбойников дешево стоят, живьем тебя сжечь сумею.
26. Tali puella sermone deterrita manusque eius exosculata: "Parce," inquit "mi parens, et durissimo casui meo pietatis humanae memor subsiste paululum. Nec enim, ut reor, aevo longiore maturae tibi in ista sancta canitie miseratio prorsus exarvit. Specta denique scaenam meae calamitatis. Speciosus adulescens inter suos principalis, quem filium publicum omnis sibi civitas cooptavit, meus alioquin consobrinus, tantulo triennio maior in aetate, qui mecum primis ab annis nutritus et adultus individuo contubernio domusculae immo vero cubiculi torique sanctae caritatis adfectione mutua mihi pigneratus votisque nuptialibus pacto iugali pridem destinatus, consensu parentum tabulis etiam maritus nuncupatus, ad nuptias officio frequenti cognatorum et adfinium stipatus templis et aedibus publicis victimas immolabat; domus tota lauris obsita taedis lucida constrepebat hymenaeum; tunc me gremio suo mater infelix tolerans mundo nuptiali decenter ornabat mellitisque saviis crebiter ingestis iam spem futuram liberorum votis anxiis propagabat, cum irruptionis subitae gladiatorum fit impetus ad belli faciem saeviens, nudis et infestis mucronibus coruscans: non caedi non rapinae manus adferunt, sed denso conglobatoque cuneo cubiculum nostrum invadunt protinus. Nec ullo de familiaribus nostris repugnante ac ne tantillum quidem resistente misera formidine exanimem, saevo pavore trepidam, de medio matris gremio rapuere. Sic ad instar Attidis vel Protesilai dispectae disturbataeque nuptiae.	26. Устрашенная такою речью, девушка осыпает поцелуями ее руки и говорит: - Пощади, родимая, вспомни о жалости человеческой и в жестокой беде моей помоги мне немножечко. Не совсем же, как я полагаю, в тебе, дожившей в долгий свой век до святых седин, жалость иссякла. Взгляни же наконец на картину моих бедствий. Есть юноша редкой красоты, меж сверстниками первый, которого весь город единодушно выбрал в приемные сыновья[12], к тому же приходится он мне двоюродным братом, только на три годочка старше меня; с младенческих лет он воспитывался и рос вместе со мною, живя в одном доме, даже комната одна у нас была, одно ложе, связаны мы с ним взаимным чувством чистой любви, и давно уже назначен был он мне в нареченные обручальным обрядом, с соизволения родителей, даже записан он как мой муж[13]. Уже приносил он предсвадебные жертвы, окруженный густою толпою знакомых и близких, по храмам и общественным местам; весь дом украшен лаврами, блестит от факелов, звенит свадебными песнями; тут мать несчастная, прижав меня к своей груди, украшает, как подобает, венчальным убором и, неоднократно осыпая сладкими поцелуями, уже лелеет в тревожных думах надежду на будущее потомство, как вдруг внезапно происходит набег головорезов, грозный, подобно войне, зловеще сверкают обнаженные лезвия; но стремятся они не к убийству, не к грабежу, а тесным, сомкнутым строем прямо нападают на нашу спальню. Никто из наших домашних не оказал сопротивления, даже защищаться не осмелился, и меня, несчастную, лишившуюся чувств от страха, трепещущую от грозного ужаса, похищают, оторвав от материнского

лона. Так была расстроена и расторгнута свадьба, словно у Аттиса или Протезилая[14].

27. Sed ecce saevissimo somnio mihi nunc etiam redintegratur immo vero cumulatur infortunium meum; nam visa sum mihi de domo de thalamo de cubiculo de toro denique ipso violenter extracta per solitudines avias infortunatissimi mariti nomen invocare, eumque, ut primum meis amplexibus viduatus est, adhuc ungentis madidum coronis floridum consequi vestigio me pedibus fugientem alienis. Utque clamore percito formonsae raptum uxoris conquerens populi testatur auxilium, quidam de latronibus importunae persecutionis indignatione permotus saxo grandi pro pedibus adrepto misellum iuvenem maritum meum percussum interemit. Talis aspectus atrocitate perterrita somno funesto pavens excussa sum."

Tunc fletibus eius adsuspirans anus sic incipit: "Bono animo esto, mi erilis, nec vanis somniorum figmentis terreare. Nam praeter quod diurnae quietis imagines falsae perhibentur, tunc etiam nocturnae visiones contrarios eventus nonnumquam pronuntiant. Denique flere et vapulare et nonnumquam iugulari lucrosum prosperumque proventum nuntiant, contra ridere et mellitis dulciolis ventrem saginare vel in voluptatem veneriam convenire tristitie animi languore corporis damnisque ceteris vexatum iri praedicabunt. Sed ego te narrationibus lepidis anilibusque fabulis protinus avocabo", et incipit:

27. Но вот жестокий сон возобновил и даже усугубил мое несчастье: приснилось мне, будто, грубо отторгнутая из дому, из брачных покоев, из спальни даже, влекомая по непроходимым пустыням, по имени зову я несчастнейшего супруга, а он, так и не изведав моих объятий, но уже овдовев, еще влажный от умащений, с венком на голове бежит следом за мною, увлекаемою в бегство другими. Пока он яростным криком сетует на похищение прекрасной супруги и взывает к народу о помощи, какой-то из разбойников, возмущенный дерзким преследованием, схватив с земли огромный камень, бедняжку молоденького, супруга моего, насмерть им поражает. При виде такой жестокости я пришла в ужас и в страхе от зловещего сна пробудилась. Тут, на слезы ее ответив вздохами, старуха начала так:
- Не тревожься, моя хозяюшка, и не пугайся пустых призраков сна. Не говоря о том, что образы дневного сна считаются ложными, но и ночные сновидения иногда предвещают обратное. В конце концов слезы, побои, иногда и смерть означают удачное и выгодное следствие, а наоборот, смеяться, сладкими кушаньями желудок набивать или любовной страстью наслаждаться предвещает печаль душевную, телесную слабость и прочие неприятности в будущем. Давай лучше я тебя потешу хорошенько сказкой, баснями старушечьими, - и начала:

28. Erant in quadam civitate rex et regina. Hi tres numero filias forma conspicuas habuere, sed maiores quidem natu, quamvis gratissima specie, idonee tamen celebrari posse laudibus humanis credebantur, at vero puellae iunioris tam praecipua tam praeclara pulchritudo nec exprimi ac ne sufficienter quidem laudari sermonis humani penuria poterat. Multi denique civium et advenae copiosi, quos eximii spectaculi rumor studiosa celebritate congregabat, inaccessae formonsitatis admiratione stupidi et admoventes oribus suis dexteram primore digito in erectum pollicem residente ut ipsam prorsus deam Venerem religiosis <venerabantur> adorationibus. Iamque proximas civitates et attiguas regiones fama pervaserat deam quam caerulum profundum pelagi peperit et ros spumantium fluctuum educavit iam numinis sui passim tributa venia in mediis conversari populi coetibus, vel certe rursum novo caelestium stillarum germine non

28. Жили в некотором государстве царь с царицею. Было у них три дочки-красавицы, но старшие по годам хотя и были прекрасны на вид, все же можно было поверить, что найдутся у людей достаточные для них похвалы, младшая же девушка такой была красоты чудной, такой неописанной, что и слов-то в человеческом языке, достаточных для описания и прославления ее, не найти. Так что многие из местных граждан и множество иноземцев, которых жадными толпами собирала молва о необычайном зрелище, восхищенные и потрясенные недосягаемой красой, прикрывали рот свой правою рукою, положив указательный палец на вытянутый большой[15], словно они самой богине Венере священное творили поклонение. И уже по ближайшим городам и смежным областям пошла молва, что богиня, которую лазурная глубина моря породила и влага пенистая волн

maria sed terras Venerem aliam virginali flore praeditam pullulasse.	воздвигла, по своему соизволению являет повсюду милость, вращается в толпе людей, или же заново из нового семени светил небесных не море, но земля произвела на свет другую Венеру, одаренную цветом девственности.
29. Sic immensum procedit in dies opinio, sic insulas iam proximas et terrae plusculum provinciasque plurimas fama porrecta pervagatur. Iam multi mortalium longis itineribus atque altissimis maris meatibus ad saeculi specimen gloriosum confluebant. Paphon nemo Cnidon nemo ac ne ipsa quidem Cythera ad conspectum deae Veneris navigabant; sacra differuntur, templa deformantur, pulvinaria proteruntur, caerimoniae negleguntur; incoronata simulacra et arae viduae frigido cinere foedatae. Puellae supplicatur et in humanis vultibus deae tantae numina placantur, et in matutino progressu virginis, victimis et epulis Veneris absentis nomen propitiatur, iamque per plateas commeantem populi frequentes floribus sertis et solutis adprecantur. Haec honorum caelestium ad puellae mortalis cultum inmodica translatio verae Veneris vehementer incendit animos, et impatiens indignationis capite quassanti fremens altius sic secum disserit:	29. Такое мнение со дня на день безмерно укреплялось, и растущая слава по ближайшим островам, по материкам, по множествам провинций распространялась. Толпы людей, не останавливаясь перед дальностью пути, перед морской пучиною, стекались к знаменитому чуду. Никто не ехал в Пафос, никто не ехал в Книд, даже на самое Киферу для лицезрения богини Венеры никто не ехал[16]; жертвоприношения стали реже, храмы заброшены, священные подушки раскиданы[17], обряды в пренебрежении, не украшаются гирляндами изображения богов и алтари вдовствуют, покрытые холодною золою. К девушке обращаются с мольбами и под смертными чертами чтят величие столь могущественной богини; когда поутру дева появляется, ей приносят дары и жертвы во имя отсутствующей Венеры, а когда она проходит по площадям, часто толпа ей дорогу усыпает цветами и венками. Чрезмерное перенесение божеских почестей на смертную девушку сильно воспламенило дух настоящей Венеры, и в нетерпеливом негодовании, потрясая головой, так в волнении она себе говорит:
30. "En rerum naturae prisca parens, en elementorum origo initialis, en orbis totius alma Venus, quae cum mortali puella partiario maiestatis honore tractor et nomen meum caelo conditum terrenis sordibus profanatur! Nimirum communi nominis piamento vicariae venerationis incertum sustinebo et imaginem meam circumferet puella moritura. Frustra me pastor ille cuius iustitiam fidemque magnus comprobavit Iuppiter ob eximiam speciem tantis praetulit deabus. Sed non adeo gaudens ista, quaecumque est, meos honores usurpaverit: iam faxo eam huius etiam ipsius inlicitae formonsitatis paeniteat." Et vocat confestim puerum suum pinnatum illum et satis temerarium, qui malis suis moribus contempta disciplina publica flammis et sagittis armatus per alienas domos nocte discurrens et omnium matrimonia corrumpens impune committit tanta flagitia et nihil prorsus boni facit. Hunc, quamquam genuina licentia procacem, verbis quoque insuper stimulat et perducit ad	30. "Как, древняя матерь природы! Как, родоначальница стихий! Как, всего мира родительница[18], Венера, я терплю такое обращение, что смертная дева делит со мною царственные почести и имя мое, в небесах утвержденное, оскверняется земною нечистотою? Да неужели я соглашусь делить сомнительные почести со своей заместительницей, принимающей под моим именем искупительные жертвоприношения, и смертная девушка будет носить мой образ? Напрасно, что ли, пастырь пресловутый[19], суд и справедливость которого великий подтвердил Юпитер, предпочел меня за несравненную красоту столь прекрасным богиням? Но не на радость себе присвоила та самозванка, кто бы она ни была, мои почести! Устрою я так, что раскается она даже и в самой своей недозволенной красоте!" Сейчас же призывает она к себе сына своего крылатого, крайне дерзкого мальчика[20], который, в злонравии своем общественным порядком пренебрегая,

illam civitatem et Psychen - hoc enim nomine puella nuncupabatur - coram ostendit,	вооруженный стрелами и факелом, бегает ночью по чужим домам, расторгая везде супружества, и, безнаказанно совершая такие преступления, хорошего решительно ничего не делает. Его, от природной испорченности необузданного, возбуждает она еще и словами, ведет в тот город и Психею[21] - таково было имя девушки, - воочию ему показывает, рассказывает всю историю о соревновании в красоте; вздыхая, дрожа от негодования, говорит она ему:
31. et tota illa perlata de formonsitatis aemulatione fabula gemens ac fremens indignatione: "Per ego te" inquit "maternae caritatis foedere deprecor per tuae sagittae dulcia vulnera per flammae istius mellitas uredines vindictam tuae parenti sed plenam tribue et in pulchritudinem contumacem severiter vindica idque unum et pro omnibus unicum volens effice: virgo ista amore fraglantissimo teneatur hominis extremi, quem et dignitatis et patrimonii simul et incolumitatis ipsius Fortuna damnavit, tamque infimi ut per totum orbem non inveniat miseriae suae comparem." Sic effata et osculis hiantibus filium diu ac pressule saviata proximas oras reflui litoris petit, plantisque roseis vibrantium fluctuum summo rore calcato ecce iam profundi maris sudo resedit vertice, et ipsum quod incipit velle, set statim, quasi pridem praeceperit, non moratur marinum obsequium: adsunt Nerei filiae chorum canentes et Portunus caerulis barbis hispidus et gravis piscoso sinu Salacia et auriga parvulus delphinis Palaemon; iam passim maria persultantes Tritonum catervae hic concha sonaci leniter bucinat, ille serico tegmine flagrantiae solis obsistit inimici, alius sub oculis dominae speculum progerit, curru biiuges alii subnatant. Talis ad Oceanum pergentem Venerem comitatus exercitus.	31. "Заклинаю тебя узами любви материнской, нежными ранами стрел твоих, факела твоего сладкими ожогами, отомсти за свою родительницу. Полной мерой воздай и жестоко отомсти дерзкой красоте, сделай то единственное, чего мне больше всего хочется: пусть дева эта пламенно влюбится в последнего из смертных, которому судьба отказала и в происхождении, и в состоянии, и в самой безопасности, в такое убожество, что во всем мире не нашлось бы более жалкого". Сказав так, она долго и крепко целует сына полуоткрытым ртом и идет к близлежащему краю омываемого морем берега; едва ступила она розовыми ступнями на влажную поверхность шумящих волн, как вот уже покоится на тихой глади глубокого моря, и едва только пожелала, как немедля, будто заранее приготовленная, показалась и свита морская: здесь и Нереевы дочери, хором поющие, и Портун со всклокоченной синей бородой, и Салация, складки одежды которой полны рыбой[22], и маленький возница дельфинов Палемон[23]; вот по морю здесь и там прыгают тритоны: один в звучную раковину нежно трубит, другой от враждебного солнечного зноя простирает шелковое покрывало, третий к глазам госпожи подносит зеркало, прочие на двухупряжных колесницах плавают. Такая толпа сопровождала Венеру, которая держала путь к Океану[24].
32. Interea Psyche cum sua sibi perspicua pulchritudine nullum decoris sui fructum percipit. Spectatur ab omnibus, laudatur ad omnibus, nec quisquam, non rex non regius nec de plebe saltem cupiens eius nuptiarum petitor accedit. Mirantur quidem divinam speciem, sed ut simulacrum fabre politum mirantur omnes. Olim duae maiores sorores, quarum temperatam formositatem nulli diffamarant populi, procis regibus desponsae iam beatas nuptias adeptae, sed Psyche virgo vidua domi residens deflet desertam suam solitudinem aegra corporis animi	32. Между тем Психея, при всей своей очевидной красоте, никакой прибыли от прекрасной своей наружности не имела. Все любуются, все прославляют, но никто не является - ни царь, ни царевич, ни хотя бы кто-нибудь из простого народа, кто бы пожелал просить ее руки. Дивятся на нее, как на божественное явление, но все дивятся, как на искусно сделанную статую. Старшие две сестры, об умеренной красоте которых никакой молвы не распространялось в народе, давно уже были просватаны за женихов из царского

saucia, et quamvis gentibus totis complacitam odit in se suam formositatem. Sic infortunatissimae filiae miserrimus pater suspectatis caelestibus odiis et irae superum metuens dei Milesii vetustissimum percontatur oraculum, et a tanto numine precibus et victimis ingratae virgini petit nuptias et maritum. Sed Apollo, quamquam Graecus et Ionicus, propter Milesiae conditorem sic Latina sorte respondit:	рода и заключили уже счастливые браки, а Психея, в девах вдовица, сидя дома, оплакивает пустынное свое одиночество, недомогая телом, с болью в душе, ненавидя свою красоту, хотя она всех людей привлекала. Тогда злополучный отец несчастнейшей девицы, подумав, что это знак небесного неблаговоления, и страшась гнева богов, вопрошает древнейшее прорицалище - милетского бога[25] - и просит у великой святыни мольбами и жертвами для обездоленной девы мужа и брака. Аполлон же, хотя и грек и даже ионец[26], из уважения к составителю милетского рассказа дает прорицание на латинском языке:
33. "Montis in excelsi scopulo, rex siste puellam ornatam mundo funerei thalami. Nec speres generum mortali stirpe creatum, sed saevum atque ferum vipereumque malum, quod pinnis volitans super aethera cuncta fatigat flammaque et ferro singula debilitat, quod tremit ipse Iovis quo numina terrificantur, fluminaque horrescunt et Stygiae tenebrae." Rex olim beatus affatus sanctae vaticinationis accepto pigens tristisque retro domum pergit suaeque coniugi praecepta soris enodat infaustae. Maeretur, fletur, lamentatur diebus plusculis. Sed dirae sortis iam urget taeter effectus. Iam feralium nuptiarum miserrimae virgini choragium struitur, iam taede lumen atrae fuliginis cinere marcescit, et sonus tibiae zygiae mutatur in querulum Ludii modum cantusque laetus hymenaei lugubri finitur ululatu et puella nuptura deterget lacrimas ipso suo flammeo. Sic adfectae domus triste fatum cuncta etiam civitas congemebat luctuque publico confestim congruens edicitur iustitium.	33. Царь, на высокий обрыв поставь обреченную деву И в погребальный наряд к свадьбе ее обряди; Смертного зятя иметь не надейся, несчастный родитель: Будет он дик и жесток, словно ужасный дракон. Он на крылах облетает эфир и всех утомляет, Раны наносит он всем, пламенем жгучим палит. Даже Юпитер трепещет пред ним и боги боятся. Стиксу внушает он страх, мрачной подземной реке. Услышав ответ святейшего прорицателя, царь, счастливый когда-то, пускается в обратный путь недовольный, печальный и сообщает своей супруге предсказания зловещего жребия. Грустят, плачут, убиваются немало дней. Но ничего не поделаешь, приходится исполнять мрачное веление страшной судьбы. Идут уже приготовления к погребальной свадьбе злосчастнейшей девы, уже пламя факелов чернеет от копоти и гаснет от пепла, звук мрачной флейты переходит в жалобный лидийский лад[27], и веселые гименеи оканчиваются мрачными воплями, а невеста отирает слезы подвенечной фатой. Весь город сострадает печальной участи удрученного семейства, и по всеобщему согласию тут же издается распоряжение об общественном трауре.
34. Sed monitis caelestibus parendi necessitas misellam Psychen ad destinatam poenam efflagitabat. Perfectis igitur feralis thalami cum summo maerore sollemnibus toto prosequente populo vivum producitur funus, et lacrimosa Psyche comitatur non nuptias sed exsequias suas. Ac dum maesti parentes et tanto malo perciti nefarium facinus perficere cunctatur, ipsa illa filia talibus eos adhortatur vocibus: "Quid infelicem	34. Но необходимость подчиниться небесным указаниям призывает бедненькую Психею к уготованной муке. Итак, когда все было приготовлено к торжеству погребального бракосочетания, трогается в путь в сопровождении всего народа, при общей скорби, похоронная процессия без покойника, и заплаканную Психею ведут не как на свадьбу, а как на собственное погребение. И когда

senectam fletu diutino cruciatis? Quid spiritum vestrum, qui magis meus est, crebris eiulatibus fatigatis? Quid lacrimis inefficacibus ora mihi veneranda foedatis? Quid laceratis in vestris oculis mea lumina? Quid canities scinditis? Quid pectora, quid ubera sancta tunditis? Haec erunt vobis egregiae formonsitatis meae praeclara praemia. Invidiae nefariae letali plaga percussi sero sentitis. Cum gentes et populi celebrarent nos divinis honoribus, cum novam me Venerem ore consono nuncuparent, tunc dolere, tunc flere, tunc me iam quasi peremptam lugere debuistis. Iam sentio iam video solo me nomine Veneris perisse. Ducite me et cui sors addixit scopulo sistite. Festino felices istas nuptias obire, festino generosum illum maritum meum videre. Quid differo quid detrecto venientem, qui totius orbis exitio natus est?"	удрученные родители, взволнованные такой бедой, медлили совершать нечестивое преступление, сама их дочка такими словами подбодряет их: "Зачем долгим плачем несчастную старость свою мучаете? Зачем дыхание ваше, которое скорее мне, чем вам, принадлежит, частыми воплями утруждаете? Зачем бесполезными слезами лица, чтимые мною, пятнаете? Зачем темните мой свет в очах ваших? Зачем рвете седины? Зачем грудь, зачем сосцы эти священные поражаете ударами? Вот вам за небывалую красоту мою награда достойная! Поздно опомнились вы, пораженные смертельными ударами нечестивой зависти. Когда народы и страны оказывали нам божеские почести, когда в один голос новой Венерой меня провозглашали, тогда скорбеть, тогда слезы лить, тогда меня, как бы уже погибшую, оплакивать следовало бы. Чую, вижу, одно только название Венеры меня погубило. Ведите меня и ставьте на скалу, к которой приговорил меня рок. Спешу вступить в счастливый этот брак, спешу увидеть благородного супруга моего. Зачем мне медлить, оттягивать приход того, кто рожден всему миру на пагубу?
35. Sic profata virgo conticuit ingressuque iam valido pompae populi prosequentis sese miscuit. Itur ad constitutum scopulom montis ardui, cuius in summo cacumine statutam puellam cuncti deserunt, taedasque nuptiales, quibus praeluxerant, ibidem lacrimis suis extinctas relinquentes deiectis capitibus domuitionem parant. Et miseri quidem parentes eius tanta clade defessi, clausae domus abstrusi tenebris, perpetuae nocti sese dedidere. Psychen autem paventem ac trepidam et in ipso scopuli vertice deflentem mitis aura molliter spirantis Zephyri vibratis hinc inde laciniis et reflato sinu sensim levatam suo tranquillo spiritu vehens paulatim per devexa rupis excelsae vallis subditae florentis cespitis gremio leniter delapsam reclinat.	35. Сказав так, умолкла дева и твердой уже поступью присоединилась к шествию сопровождавшей ее толпы. Идут к указанному обрыву высокой горы, ставят на самой ее вершине девушку, удаляются, оставив брачные факелы, освещавшие ей дорогу и тут же угасшие от потока слез, и, опустив головы, расходятся все по домам. А несчастные родители ее, удрученные такою бедою, запершись в доме, погруженные во мрак, предали себя вечной ночи. Психею же, боящуюся, трепещущую, плачущую на самой вершине скалы, нежное веяние мягкого Зефира, всколыхнув ей полы и вздув одежду, слегка подымает, спокойным дуновением понемногу со склона высокой скалы уносит и в глубокой долине на лоно цветущего луга, медленно опуская, кладет.
LIBER QUINTUS	**КНИГА ПЯТАЯ**
1. Psyche teneris et herbosis locis in ipso toro roscidi graminis suave recubans, tanta mentis perturbatione sedata, dulce conquievit. Iamque sufficienti recreata somno placido resurgit animo. Videt lucum proceris et vastis arboribus consitum,	1. Психея, тихо покоясь на нежном, цветущем лугу, на ложе из росистой травы, отдохнув от такой быстрой перемены в чувствах, сладко уснула. Вдосталь подкрепившись сном, она встала с легкой

videt fontem vitreo latice perlucidum; medio luci meditullio prope fontis adlapsum domus regia est aedificata non humanis manibus sed divinis artibus. Iam scies ab introitu primo dei cuiuspiam luculentum et amoenum videre te diversorium. Nam summa laquearia citro et ebore curiose cavata subeunt aureae columnae, parietes omnes argenteo caelamine conteguntur bestiis et id genus pecudibus occurrentibus ob os introeuntium. Mirus prorsum [magnae artis] homo immo semideus vel certe deus, qui magnae artis suptilitate tantum efferavit argentum. Enimuero pavimenta ipsa lapide pretioso caesim deminuto in varia picturae genera discriminantur: vehementer iterum ac saepius beatos illos qui super gemmas et monilia calcant! Iam ceterae partes longe lateque dispositae domus sine pretio pretiosae totique parietes solidati massis averis splendore proprio coruscant, ut diem suum sibi domi faciant licet sole nolente: sic cubicula sic porticus sic ipsae valvae fulgurant. Nec setius opes ceterae maiestati domus respondent, ut equidem illud recte videatur ad conversationem humanam magno Iovi fabricatum caeleste palatium.	душой. Видит рощу, большими, высокими деревьями украшенную, видит хрустальные воды источника прозрачного. Как раз в самой середине рощи, рядом со струящимся источником, дворец стоит, не человеческими руками созданный, но божественным искусством. Едва вступишь туда, узнаешь, что перед тобою какого-нибудь бога светлое и милое пристанище. Штучный потолок, искусно сделанный из туи и слоновой кости, поддерживают золотые колонны; все стены выложены чеканным серебром с изображением зверей диких и других животных, словно устремившихся навстречу входящим. О, поистине то был удивительный человек, полубог, конечно, или, вернее, настоящий бог, который с искусством великого художника столько серебра в зверей превратил! Даже пол, составленный из мелких кусочков дорогих камней, образует всякого рода картины. Поистине блаженны, дважды и многократно блаженны те, что ступают по самоцветам и драгоценностям. И прочие части дома, в длину и ширину раскинутого, бесценны по ценности: все стены, отягченные массою золота, сияют таким блеском, что, откажись солнце светить, они сами залили бы дом дневным светом; каждая комната, каждая галерея, каждая даже створка дверная пламенеет. Прочее убранство не меньше соответствует величию дома, так что поистине можно подумать, будто великий Юпитер создал эти чертоги небесные для общения со смертными.
2. Invitata Psyche talium locorum oblectatione propius accessit et paulo fidentior intra limen sese facit, mox prolectante studio pulcherrimae visionis rimatur singula et altrinsecus aedium horrea sublimi fabrica perfecta magnisque congesta gazis conspicit. Nec est quicquam quod ibi non est. Sed praeter ceteram tantarum divitiarum admirationem hoc erat praecipue mirificum, quod nullo vinculo nullo claustro nullo custode totius orbis thensaurus ille muniebatur. Haec ei summa cum voluptate visenti offert sese vox quaedam corporis sui nuda et: "Quid," inquit "domina, tantis obstupescis opibus? Tua sunt haec omnia. Prohinc cubiculo te refer et lectulo lassitudinem refove et ex arbitrio lavacrum pete. Nos, quarum voces accipis, tuae famulae sedulo tibi praeministrabimus nec corporis curatae tibi regales epulae morabuntur."	2. Привлеченная прелестью этих мест, Психея подходит ближе; расхрабрившись немного, переступает порог и вскоре с восхищенным вниманием озирает все подробности прекраснейшего зрелища, осматривая находящиеся по ту сторону дома склады, выстроенные с большим искусством, куда собраны великие сокровища. Нет ничего на земле, чего бы там не было. Но, кроме необычайности стольких богатств, было всего дивнее то, что сокровища целого мира никакой цепью, никаким засовом, никаким стражем не охранялись. Покуда она с величайшим наслаждением смотрела на все это, вдруг доносится до нее какой-то голос, лишенный тела. "Что, говорит, госпожа, дивишься такому богатству? Это все принадлежит тебе. Иди же в спальню, отдохни от усталости на постели; когда захочешь, прикажу купание приготовить. Мы, чьи голоса ты слышишь, твои рабыни, усердно будем прислуживать тебе, и как только

3. Sensit Psyche divinae providentiae beatitudinem, monitusque vocis informis audiens et prius somno et mox lavacro fatigationem sui diluit, visoque statim proximo semirotundo suggestu, propter instrumentum cenatorium rata refectui suo commodum libens accumbit. Et ilico vini nectarei eduliumque variorum fercula copiosa nullo serviente sed tantum spiritu quodam impulsa subministrantur. Nec quemquam tamen illa videre poterat, sed verba tantum audiebat excidentia et solas voces famulas habebat. Post opimas dapes quidam introcessit et cantavit invisus et alius citharam pulsavit, quae videbatur nec ipsa. Tunc modulatae multitudinis conserta vox aures eius affertur, ut, quamvis hominum nemo pareret, chorus tamen esse pateret.

4. Finitis voluptatibus vespera suadente concedit Psyche cubitum. Iamque provecta nocte clemens quidam sonus aures eius accedit. Tunc virginitati suae pro tanta solitudine metuens et pavet et horrescit et quovis malo plus timet quod ignorat. Iamque aderat ignobilis maritus et torum inscenderat et uxorem sibi Psychen fecerat et ante lucis exortum propere discesserat. Statim voces cubiculo praestolatae novam nuptam interfectae virginitatis curant. Haec diutino tempore sic agebantur. Atque ut est natura redditum, novitas per assiduam consuetudinem delectationem ei commendarat et sonus vocis incertae solitudinis erat solacium.

Interea parentes eius indefesso luctu atque maerore consenescebant, latiusque porrecta fama sorores illae maiores cuncta cognorant propereque maestae atque lugubres deserto lare certatim ad parentum suorum conspectum adfatumque perrexerant.

5. Ea nocte ad suam Psychen sic infit maritus - namque praeter oculos et manibus et auribus ut praesentius nihil sentiebatur: "Psyche dulcissima et cara uxor, exitiabile tibi periculum minatur fortuna saevior, quod observandum pressiore cautela censeo. Sorores iam tuae mortis opinione turbatae tuumque vestigium requirentes scopulum istum protinus aderunt, quarum si quas forte lamentationes acceperis, neque respondeas immo nec prospicias omnino; ceterum mihi

приведешь себя в порядок, не замедлит явиться роскошный стол".

3. Психея ощутила блаженство от божественного покровительства и, вняв совету неведомого голоса, сначала сном, а затем купаньем смывает остаток усталости и, увидев тут же подле себя появившийся полукруглый стол, накрытый, как о том свидетельствовал обеденный прибор, для ее трапезы, охотно возлегает за него. И тотчас вина, подобные нектару, и множество блюд с разнообразными кушаньями подаются, будто гонимые каким-то ветром, а слуг никаких нет. Никого не удалось ей увидеть, лишь слышала, как слова раздавались, и только голоса имела к своим услугам. После обильной трапезы вошел кто-то невидимый и запел, а другой заиграл на кифаре, которой также она не видела. Тут до слуха ее доносятся звуки поющих многих голосов, и, хотя никто из людей не появлялся, ясно было, что это хор.

4. По окончании развлечений, уступая увещеваниям сумерек, отходит Психея ко сну. В глубокой ночи какой-то легкий шум долетает до ее ушей. Тут, опасаясь за девство свое в таком уединении, робеет она, и ужасается, и боится какой-либо беды, тем более что она ей неизвестна. Но вошел уже таинственный супруг и взошел на ложе, супругою себе Психею сделал и раньше восхода солнца поспешно удалился. Тотчас же голоса, дожидавшиеся в спальне, окружают заботами потерявшую невинность новобрачную. Так продолжалось долгое время. И по законам природы новизна от частой привычки приобретает для нее приятность, и звук неизвестного голоса служит ей утешением в одиночестве. Меж тем родители ее старились в неослабевающем горе и унынии, а широко распространившаяся молва достигла старших сестер, которые все узнали и быстро, покинув свои очаги, поспешили, мрачные и печальные, одна за другой, повидаться и поговорить со своими родителями.

5. В ту же ночь со своей Психеей так заговорил супруг - ведь только для зрения он был недоступен, но не для осязания и слуха: "Психея, сладчайшая и дорогая супруга моя, жестокая судьба грозит тебе гибельной опасностью, к которой, полагаю я, следует отнестись с особым вниманием. Сестры твои, считающие тебя мертвой и с тревогой ищущие следов твоих, скоро придут на тот утес; если услышишь случайно их жалобы, не отвечай им

quidem gravissimum dolorem tibi vero summum creabis exitium." Annuit et ex arbitrio mariti se facturam spopondit, sed eo simul cum nocte dilapso diem totum lacrimis ac plangoribus misella consumit, se nunc maxime prorsus perisse iterans, quae beati carceris custodia septa et humanae conversationis colloquio viduata nec sororibus quidem suis de se maerentibus opem salutarem ferre ac ne videre eas quidem omnino posset. Nec lavacro nec cibo nec ulla denique refectione recreata flens ubertim decessit ad somnum.	и не пытайся даже взглянуть на них, иначе причинишь мне жестокую скорбь, а себе верную гибель". Она кивнула в знак согласия и обещала следовать советам мужа, но, как только он исчез вместе с окончанием ночи, бедняжка весь день провела в слезах и стенаниях, повторяя, что теперь она уж непременно погибнет, накрепко запертая в блаженную темницу, лишенная общения и беседы с людьми, так что даже сестрам своим, о ней скорбящим, никакой помощи оказать не может и даже хоть краткого свидания с ними не дождется. Не прибегая ни к бане, ни к пище, ни к какому другому подкреплению, горько плача, отходит она ко сну.
6. Nec mora, cum paulo maturius lectum maritus accubans eamque etiam nunc lacrimantem complexus sic expostulat: "Haecine mihi pollicebare, Psyche mea? Quid iam de te tuus maritus exspecto, quid spero? Et perdia et pernox nec inter amplexus coniugales desinis cruciatum. Age iam nunc ut voles, et animo tuo damnosa poscenti pareto! Tantum memineris meae seriae monitionis, cum coeperis sero paenitere." Tunc illa precibus et dum se morituram comminatur extorquet a marito cupitis adnuat, ut sorores videat, luctus mulceat, ora conferat. Sic ille novae nuptae precibus veniam tribuit et insuper quibuscumque vellet eas auri vel monilium donare concessit, sed identidem monuit ac saepe terruit ne quando sororum pernicioso consilio suasa de forma mariti quaerat neve se sacrilega curiositate de tanto fortunarum suggestu pessum deiciat nec suum postea contingat amplexum. Gratias egit marito iamque laetior animo: "Sed prius" inquit "centies moriar quam tuo isto dulcissimo conubio caream. Amo enim et efflictim te, quicumque es, diligo aeque ut meum spiritum, nec ipsi Cupidini comparo. Sed istud etiam meis precibus, oro, largire et illi tuo famulo Zephyro praecipe simili vectura sorores hic mihi sistat", et imprimens oscula suasoria et ingerens verba mulcentia et inserens membra cohibentia haec etiam blanditiis astruit: "Mi mellite, mi marite, tuae Psychae dulcis anima." Vi ac potestate Venerii susurrus invitus succubuit maritus et cuncta se facturum spopondit atque etiam luce proxumante de manibus uxoris evanuit.	6. Не прошло и минуты, как на ложе возлег супруг, появившийся немного раньше обыкновенного, и, обняв ее, еще плачущую, так ее вопрошает: "Это ли обещала ты мне, моя Психея? Чего же мне, твоему супругу, ждать от тебя, на что надеяться? И день и ночь, даже в супружеских объятиях, продолжается твоя мука. Ну, делай как знаешь, уступи требованиям души, жаждущей гибели. Вспомни только, когда придет запоздалое раскаяние, о серьезных моих увещеваниях". Тогда она просьбами, угрозами, что иначе она умрет, добилась от мужа согласия на ее желание повидаться с сестрами, умерить их печаль и поговорить с ними. Так уступил супруг просьбам молодой своей жены; больше того, разрешил даже дать им в подарок, что ей захочется, из золотых украшений или драгоценных камней, неоднократно предупреждая при этом и подкрепляя слова свои угрозами, что если она, вняв гибельным советам сестер, будет добиваться увидеть своего мужа, то святотатственным любопытством этим она низвергнет себя с вершины счастья и навсегда впредь лишится его объятий. Она поблагодарила мужа и с прояснившимся лицом говорит: "Да лучше мне сто раз умереть, чем лишиться сладчайшего твоего супружества! Ведь кто б ты ни был, я люблю тебя страстно, как душу свою, и с самим Купидоном не сравняю. Но, молю тебя, исполни еще мою просьбу: прикажи слуге твоему Зефиру так же доставить сюда сестер моих, как он доставил меня. - И, запечатлев поцелуй для убеждения, ведя речь нежную, прильнув всем телом для соблазна, прибавляет к этим ласкам: - "Медовенький мой, муженек мой, твоей Психеи нежная душенька!" Силе и власти

	любовного нашептывания против воли уступил муж и дал обещание, что все исполнит, а как только стал приближаться свет, исчез из рук супруги.
7. At illae sorores percontatae scopulum locumque illum quo fuerat Psyche deserta festinanter adveniunt ibique difflebant oculos et plangebant ubera, quoad crebris earum heiulatibus saxa cautesque parilem sonum resultarent. Iamque nomine proprio sororem miseram ciebant, quoad sono penetrabili vocis ululabilis per prona delapso amens et trepida Psyche procurrit e domo et: "Quid" inquit "vos miseris lamentationibus necquicquam effligitis? Quam lugetis, adsum. Lugubres voces desinite et diutinis lacrimis madentes genas siccate tandem, quippe cum iam possitis quam plangebatis amplecti." Tunc vocatum Zephyrum praecepti maritalis admonet. Nec mora, cum ille parens imperio statim clementissimis flatibus innoxia vectura deportat illas. Iam mutuis amplexibus et festinantibus saviis sese perfruuntur et illae sedatae lacrimae postliminio redeunt prolectante gaudio. "Sed et tectum" inquit "et larem nostrum laetae succedite et afflictas animas cum Psyche vestra recreate."	7. А сестры, расспросив, где находится утес и то место, на котором покинута была Психея, спешат туда и готовы выплакать себе глаза, бьют себя в грудь, так что на частые крики их скалы и камни откликаются ответным звуком. Несчастную сестру свою по имени зовут, пока на пронзительный вопль их причитаний, доносившихся с горы, Психея вне себя, вся дрожа, не выбежала из дому и говорит: "Что вы напрасно себя жалобными воплями убиваете? Вот я здесь, о ком вы скорбите. Прекратите мрачные крики, отрите наконец щеки, мокрые от продолжительных слез, раз в вашей воле обнять ту, которую вы оплакиваете". Тут, призвав Зефира, передает ему приказание мужа. Сейчас же, явившись на зов, он спокойнейшим дуновением доставляет их безопасным образом. Вот они уже обмениваются взаимными объятиями и торопливыми поцелуями, и слезы, прекратившиеся было, снова текут от радостного счастья. "Но войдите, говорит, с весельем под кров наш, к нашему очагу и утешьте с Психеей вашей скорбные души".
8. Sic allocuta summas opes domus aureae vocumque servientium populosam familiam demonstrat auribus earum lavacroque pulcherrimo et inhumanae mensae lautitiis eas opipare reficit, ut illarum prorsus caelestium divitiarum copiis affluentibus satiatae iam praecordiis penitus nutrirent invidam. Denique altera earum satis scrupulose curioseque percontari non desinit, quis illarum caelestium rerum dominus, quisve vel qualis ipsius sit maritus. Nec tamen Psyche coniugale illud praeceptum ullo pacto temerat vel pectoris arcanis exigit, sed e re nata confingit esse iuvenem quendam et speciosum, commodum lanoso barbitio genas inumbrantem, plerumque rurestribus ac montanis venatibus occupatum, et ne qua sermonis procedentis labe consilium tacitum proderetur, auro facto gemmosisque monilibus onustas eas statim vocato Zephyro tradit reportandas.	8. Промолвив так, начинает она и несметные богатства золотого дома показывать, и обращает внимание их слуха на великое множество прислуживающих голосов; щедро подкрепляет их силы прекраснейшим купанием и роскошью стола, достойного бессмертных, так что в глубине их душ, досыта насладившихся пышным изобилием поистине небесных богатств, пробуждается зависть. Наконец одна из них с большой настойчивостью и любопытством принялась расспрашивать, кто же хозяин всех этих божественных вещей, кто такой и чем занимается ее муж? Но Психея, боясь нарушить супружеские наставления, не выдает сокровенной тайны, а наскоро придумывает, что он человек молодой, красивый, щеки которого только что покрылись первым пушком, главным образом занятый охотой по полям и горам; и чтобы при продолжении разговора случайно не нарушить принятого ею решения, нагрузив их золотыми вещами и ожерельями из драгоценных камней, тут же призывает Зефира и передает их ему для доставления обратно.
9. Quo protenus perpetrato sorores egregiae	9. Когда приказание это было без

domum redeuntes iamque gliscentis invidiae felle fraglantes multa secum sermonibus mutuis perstrepebant. Sic denique infit altera: "En orba et saeva et iniqua Fortuna! Hocine tibi complacuit, ut utroque parente prognatae germanae diversam sortem sustineremus? Et nos quidem quae natu maiore sumus maritis advenis ancillae deditae extorres et lare et ipsa patria degamus longe parentum velut exulantes, haec autem novissima, quam fetu satiante postremus partus effudit, tantis opibus et deo marito potita sit, quae nec uti recte tanta bonorum copia novit? Vidisti, soror, quanta in domo iacent et qualia monilia, quae praenitent vestes, quae splendicant gemmae, quantum praeterea passim calcatur aurum. Quodsi maritum etiam tam formonsum tenet ut affirmat, nulla nunc in orbe toto felicior vivit. Fortassis tamen procedente consuetudine et adfectione roborata deam quoque illam deus maritus efficiet. Sic est hercules, sic se gerebat ferebatque. Iam iam sursum respicit et deam spirat mulier, quae voces ancillas habet et ventis ipsis imperat. At ego misera primum patre meo seniorem maritum sortita sum, dein cucurbita calviorem et quovis puero pusilliorem, cunctam domum seris et catenis obditam custodientem."	замедления выполнено, добрые сестры по дороге домой, преисполняясь желчью растущей зависти, много и оживленно между собою толковали. Наконец одна из них так начала: "Вот слепая, жестокая и несправедливая судьба! Нравится тебе, чтобы, рожденным от одного и того же отца, одной матери, столь различный жребий выпал нам на долю! Нас, старших как-никак по возрасту, ты предаешь иноземным мужьям в служанки, отторгаешь от родного очага, от самой родины, так что вдали от родителей влачим мы жизнь изгнанниц; она же, самая младшая, последний плод уже утомленного чадородия, владеет такими богатствами и мужем божественным, а сама и пользоваться-то как следует таким изобилием благ не умеет. Ты видела, сестра, сколько в доме находится драгоценностей, какие сверкающие одежды, какие блестящие перлы, сколько, кроме того, под ногами повсюду разбросано золота. И если к тому же муж ее так красив, как она уверяет, то нет на свете более счастливой женщины. Может быть, как усилится привычка ее божественного мужа, укрепится привязанность, он и ее самое сделает богиней. Клянусь Геркулесом, к тому идет дело! Так она вела себя, так держалась. Да, метит она на небо; богиней держится эта женщина, раз и невидимых служанок имеет, и самими ветрами повелевает. А мне, несчастной, что досталось на долю? Прежде всего муж в отцы мне годится, плешивее тыквы, телосложением тщедушнее любого мальчишки и все в доме держит на замках и запорах".
10. Suscipit alia: "Ego vero maritum articulari etiam morbo complicatum curvatumque ac per hoc rarissimo venerem meam recolente sustineo, plerumque detortos et duratos in lapidem digitos eius perfricans, fomentis olidis et pannis sordidis et faetidis cataplasmatibus manus tam delicatas istas adurens, nec uxoris officiosam faciem sed medicae laboriosam personam sustinens. Et tu quidem soror videris quam patienti vel potius servili - dicam enim libere quod sentio - haec perferas animo: enimuero ego nequeo sustinere ulterius tam beatam fortunam allapsam indignae. Recordare enim quam superbe quam adroganter nobiscum egerit et ipsa iactatione immodicae ostentationis tumentem suum prodiderit animum deque tantis divitiis exigua nobis invita proiecerit confestimque praesentiam nostram gravata propelli et efflari exsibilarique nos iusserit. Nec sum mulier nec omnino spiro, nisi eam pessum de tantis opibus deiecero. Ac si tibi etiam, ut par est,	10. Другая подхватывает: "А мне какого мужа терпеть приходится? Скрюченный, сгорбленный от подагры и по этой причине крайне редко в любви со мной находящийся; большую часть времени растираю его искривленные, затвердевшие, как камень, пальцы и обжигаю эти тонкие руки мои пахучими припарками, грязными тряпками, зловонными пластырями, словно я не законная супруга, а сиделка, для работы нанятая. Видно, что ты, сестра, - я скажу открыто, что чувствую, - переносишь это с полным или даже рабским терпением. Ну, а что касается до меня, так я не могу больше выдержать, что такая блаженная судьба досталась на долю недостойной. Вспомни только, как гордо, как вызывающе вела она себя с нами, самое хвастовство это, неумеренно проявленное, доказывает надменность ее духа; потом от таких несметных богатств скрепя сердце

inacuit nostra contumelia, consilium validum requiramus ambae. Iamque ista quae ferimus non parentibus nostris ac nec ulli monstremus alii, immo nec omnino quicquam de eius salute norimus. Sat est quod ipsae vidimus quae vidisse paenitet, nedum ut genitoribus et omnibus populis tam beatum eius differamus praeconium. Nec sunt enim beati quorum divitias nemo novit. Sciet se non ancillas sed sorores habere maiores. Et nunc quidem concedamus ad maritos, et lares pauperes nostros sed plane sobrios revisamus, diuque cogitationibus pressioribus instructae ad superbiam poeniendam firmiores redeamus."	бросила нам крошку и тотчас, тяготясь нашим присутствием, приказала удалить нас, выдуть, высвистать. Не будь я женщиной, перестань я дышать, если не свергну ее с вершины такого богатства. Если и тебя, что вполне естественно, возмутило это оскорбление, давай обе вместе серьезно посоветуемся и примем решение, что нам делать. Но подарки, которые мы принесли с собою, не будем показывать ни родителям, ни кому другому, также совсем не будем упоминать, что нам известно что-либо о ее спасении. Довольно того, что мы сами видели, чего бы лучше нам не видеть, а не то чтобы нашим родителям и всему народу разглашать о таком ее благополучии. Не могут быть счастливы те, богатство которых никому не ведомо. Она узнает, что не служанки мы ей, а старшие сестры. Теперь же отправимся к супругам и к бедным, но вполне честным очагам нашим; не спеша и тщательно все обдумав, мы более окрепшими вернемся для наказания гордыни".
11. Placet pro bono duabus malis malum consilium totisque illis tam pretiosis muneribus absconditis comam trahentes et proinde ut merebantur ora lacerantes simulatos redintegrant fletus. Ac sic parentes quoque redulcerato prorsum dolore raptim deterrentes vesania turgidae domus suas contendunt dolum scelestum immo vero parricidium struentes contra sororem insontem. Interea Psychen maritus ille quem nescit rursum suis illis nocturnis sermonibus sic commonet: "Videsne quantum tibi periculum? Velitatur Fortuna eminus, ac nisi longe firmiter praecaves mox comminus congredietur. Perfidae lupulae magnis conatibus nefarias insidias tibi comparant, quarum summa est ut te suadeant meos explorare vultus, quos, ut tibi saepe praedixi, non videbis si videris. Ergo igitur si posthac pessimae illae lamiae noxiis animis armatae venerint - venient autem, scio - neque omnino sermonem conferas, et si id tolerare pro genuina simplicitate proque animi tui teneritudine non potueris, certe de marito nil quicquam vel audias vel respondeas. Nam et familiam nostram iam propagabimus et hic adhuc infantilis uterus gestat nobis infantem alium, si texeris nostra secreta silentio, divinum, si profanaveris, mortalem."	11. По душе пришелся злодейский план двум злодейкам; итак, спрятав все богатые подарки, выдирая себе волосы и царапая лицо, чего они и заслуживали, притворно возобновляют они плач. Затем, напугав родителей, рана которых снова открылась, полные безумия, быстро отправляются по своим домам, строя преступный, поистине отцеубийственный замысел против невинной своей сестры. Меж тем неведомый Психее супруг снова убеждает ее в ночных своих беседах: "Видишь ли, какой опасности ты подвергаешься? Судьба издалека начала бой и. если очень крепких ты не примешь мер предосторожности, скоро лицом к лицу с тобой сразится. Коварные девки эти всеми силами готовят против тебя гибельные козни, и главная их цель - уговорить тебя узнать мои черты, которые, как я тебя уже не раз предупреждал, увидевши, не увидишь больше. Итак, если через некоторое время ламии [1] эти негодные, полные злостных планов, придут сюда, - а они придут, знаю это, - то не говори им ни слова. Если же, по прирожденной простоте твоей и по нежности душевной, сделать этого ты не сможешь, то по крайней мере не слушай никаких речей про своего мужа и не отвечай на них. Ведь скоро семья наша увеличится, и детское еще чрево твое носит в себе новое дитя для нас - божественное, если молчанием скроешь нашу тайну, если нарушишь секрет - смертное".
12. Nuntio Psyche laeta florebat et divinae	12. Психея при вести этой от радости

subolis solacio plaudebat et futuri pignoris gloria gestiebat et materni nominis dignitate gaudebat. Crescentes dies et menses exeuntes anxia numerat et sarcinae nesciae rudimento miratur de brevi punctulo tantum incrementulum locupletis uteri. Sed iam pestes illae taeterrimaeque Furiae anhelantes vipereum virus et festinantes impia celeritate navigabant. Tunc sic iterum momentarius maritus suam Psychen admonet: "En dies ultima et casus extremus et! Sexus infestus et sanguis inimicus iam sumpsit arma et castra commovit et aciem direxit et classicum personavit; iam mucrone destricto iugulum tuum nefariae tuae sorores petunt. Heu quantis urguemur cladibus, Psyche dulcissima! Tui nostrique misere religiosaque continentia domum maritum teque et istum parvulum nostrum imminentis ruinae infortunio libera. Nec illas scelestas feminas, quas tibi post internecivum odium et calcata sanguinis foedera sorores appellare non licet, vel videas vel audias, cum in morem Sirenum scopulo prominentes funestis vocibus saxa personabunt."	расцвела и, утешенная божественным отпрыском, в ладоши захлопала, и славе будущего плода своего возвеселилась, и почтенному имени матери возрадовалась. В нетерпении считает она, как идут дни и протекают месяцы, дивится непривычному, неведомому грузу и постепенному росту плодоносного чрева от столь кратковременного укола. А те две заразы, две фурии гнуснейшие, дыша змеиным ядом, торопились снова пуститься в плаванье с преступной поспешностью. И снова на краткое время появляющийся супруг убеждает свою Психею: "Вот пришел последний день, крайний случай; враждебный пол и кровный враг взялся за оружие, снялся с лагеря, ряды выстроил, сигнал протрубил; уже с обнаженным мечом преступные сестры твои подступают к твоему горлу. Увы, какие бедствия грозят нам. Психея нежнейшая! Пожалей себя, пожалей нас и святою воздержанностью спаси дом, мужа, самое себя и нашего младенца от несчастья нависшей гибели. О, если бы тебе негодных женщин этих, которых после смертоубийственной ненависти к тебе, после попранной кровной связи непозволительно называть сестрами, не пришлось ни слышать, ни видеть, когда они наподобие сирен[2] с высокого утеса будут оглашать скалы своими губительными голосами!"
13. Suscipit Psyche singultu lacrimoso sermonem incertans: "Iam dudum, quod sciam, fidei atque parciloquio meo perpendisti documenta, nec eo setius adprobabitur tibi nunc etiam firmitas animi mei. Tu modo Zephyro nostro rursum praecipe fungatur obsequio, et in vicem denegatae sacrosanctae imaginis tuae redde saltem conspectum sororum. Per istos cinnameos et undique pendulos crines tuos per teneras et teretis et mei similes genas per pectus nescio quo calore fervidum sic in hoc saltem parvulo cognoscam faciem tuam: supplicis anxiae piis precibus erogatus germani complexus indulge fructum et tibi devotae dicataeque Psychae animam gaudio recrea. Nec quicquam amplius in tuo vultu requiro, iam nil officiunt mihi nec ipsae nocturnae tenebrae: teneo te, meum lumen." His verbis et amplexibus mollibus decantatus maritus lacrimasque eius suis crinibus detergens facturum spopondit et praevertit statim lumen nascentis diei.	13. Заглушая речь жалобными всхлипываньями. Психея отвечала: "Насколько знаю я, ты имел уже время убедиться в моей верности и неразговорчивости, теперь не меньшее доказательство дам я тебе душевной крепости. Отдай только приказание нашему Зефиру исполнить его обязанность и, в замену отказанного мне лицезрения священного лика твоего, позволь мне хоть с сестрами увидеться. Заклинаю тебя этими благовонными, по обе стороны спадающими кудрями твоими, твоими нежными, округлыми, на мои похожими ланитами, грудью твоей, каким-то таинственным огнем наполненной, - да узнаю я хоть в нашем малютке черты твои! - в ответ на смиренные просьбы и мольбы нетерпеливые доставь мне радость обнять своих сестер и душу верной и преданной тебе Психеи утешь этим счастьем. Ни слова больше не спрошу я о твоем лице, самый мрак ночной мне уже не досаждает, так как при мне свет твой". Зачарованный речами этими и сладкими объятиями, супруг ее, отерев слезы ей своими волосами, обещал ей все исполнить и исчез,

	предупреждая свет наступающего дня.
14. Iugum sororium consponsae factionis ne parentibus quidem visis recta de navibus scopulum petunt illum praecipiti cum velocitate nec venti ferentis oppertae praesentiam licentiosa cum temeritate prosiliunt in altum. Nec immemor Zephyrus regalis edicti, quamvis invitus, susceptas eas gremio spirantis aurae solo reddidit. At illae incunctatae statim conferto vestigio domum penetrant complexaeque praedam suam sorores nomine mentientes thensaurumque penitus abditae fraudis vultu laeto tegentes sic adulant: "Psyche, non ita ut pridem parvula, et ipsa iam mater es. Quantum, putas, boni nobis in ista geris perula! Quantis gaudiis totam domum nostram hilarabis! O nos beatas quas infantis aurei nutrimenta laetabunt! Qui si parentum, ut oportet, pulchritudini responderit, prorsus Cupido nascetur."	14. А чета сестер, связанная заговором, не повидав даже родителей, прямо с кораблей проворно направляется к обрыву и, не дождавшись появления переносившего их ветра, с дерзким безрассудством бросается в глубину. Но Зефир, памятуя царские приказы, принял их, хоть и против воли, на свое лоно и легким дуновением опустил на землю. Они, не мешкая, сейчас же поспешным шагом проникают в дом, обнимают жертву свою, лицемерно прикрываясь именем сестер, и, под радостным выражением храня в себе тайник глубокого скрытого обмана, обращаются к ней со льстивой речью: "Вот, Психея, теперь уже ты не прежняя девочка, сама скоро будешь матерью. Знаешь ли ты, сколько добра ты носишь для нас в этом мешочке? Какой радостью все наше семейство обрадуешь? Для нас-то счастье какое, что будем нянчить это золотое дитятко! Если, как и следует ожидать, ребенок по красоте выйдет в родителей, наверно. Купидона ты на свет произведешь".
15. Sic adfectione simulata paulatim sororis invadunt animum. Statimque eas lassitudinem viae sedilibus refotas et balnearum vaporosis fontibus curatas pulcherrime triclinio mirisque illis et beatis edulibus atque tuccetis oblectat. Iubet citharam loqui: psallitur; tibias agere: sonatur; choros canere: cantatur. Quae cuncta nullo praesente dulcissimis modulis animos audientium remulcebant. Nec tamen scelestarum feminarum nequitia vel illa mellita cantus dulcedine mollita conquievit, sed ad destinatam fraudium pedicam sermonem conferentes dissimulanter occipiunt sciscitari qualis ei maritus et unde natalium secta cuia proveniret. Tunc illa simplicitate nimia pristini sermonis oblita novum commentum instruit atque maritum suum de provincia proxima magnis pecuniis negotiantem iam medium cursum aetatis agere interspersum rara canitie. Nec in sermone isto tantillum morata rursum opiparis muneribus eas onustas ventoso vehiculo reddidit.	15. Так с помощью поддельной нежности они мало-помалу овладевают душою сестры. Как только они отдохнули с дороги на креслах и освежились горячими парами бани, она принялась угощать их в прекраснейшей столовой удивительными совершенными кушаньями и закусками. Велит кифаре играть - звенит, флейте исполнять - звучит, хору выступить - поет. Всеми этими сладчайшими мелодиями невидимые музыканты смягчали души слушателей. Но преступность негодных женщин не успокоилась и от мягкой нежности сладчайшего пения: направляя разговор к заранее обдуманной коварной западне, принимаются они с хитростью расспрашивать, кто ее муж, откуда родом, чем занимается. Она же, по крайней простоте своей забыв, что говорила прошлый раз, заново выдумывает и рассказывает, что муж ее из ближайшей провинции, ведет крупные торговые дела, человек уже средних лет, с редкой проседью. И, не задерживаясь на этом разговоре, снова нагружает их богатыми подарками и передает для отправления ветру.
16. Sed dum Zephyri tranquillo spiritu sublimatae domum redeunt, sic secum altercantes: "Quid, soror, dicimus de tam monstruoso fatuae illis mendacio? Tunc adolescens modo florenti lanugine barbam instruens, nunc aetate media candenti canitie lucidus. Quis ille quem temporis modici spatium	16. Пока, поднятые спокойным дуновением Зефира, возвращаются они домой, так между собою переговариваются: "Что скажешь, сестрица, о такой чудовищной лжи этой дурочки? То юноша, щеки которого покрыты первым пушком, то человек средних лет, у которого уже пробивается седина. Кто же он

repentina senecta reformavit? Nil aliud reperies, mi soror, quam vel mendacia istam pessimam feminam confingere vel formam mariti sui nescire; quorum utrum verum est, opibus istis quam primum exterminanda est. Quodsi viri sui faciem ignorat, deo profecto denupsit et deum nobis praegnatione ista gerit. Certe si divini puelli - quod absit - haec mater audierit, statim me laqueo nexili suspendam. Ergo interim ad parentes nostros redeamus et exordio sermonis huius quam concolores fallacias adtexamus."	такой, что в столь короткий промежуток времени внезапно успел состариться? Не иначе, сестрица, или негодница это все наврала, или мужа в глаза не видела; что бы ни было правдой, прежде всего надо низвергнуть ее с высоты благополучия. Если она не знает лица своего мужа, - значит вышла за какого-нибудь бога[3] и готовится произвести на свет бога. А уж если она (да не случится этого!) прослывет матерью божественного ребенка, я тут же на крепкой петле повешусь. Однако вернемся к родителям нашим и, как начало тех речей, с которыми к Психее обратимся, сплетем подходящую ложь".
17. Sic inflammatae, parentibus fastidienter appellatis et nocte turbata vigiliis, perditae matutino scopulum pervolant et inde solito venti praesidio vehementer devolant lacrimisque pressura palpebrarum coactis hoc astu puellam appellant: "Tu quidem felix et ipsa tanti mali ignorantia beata sedes incuriosa periculi tui, nos autem, quae pervigili cura rebus tuis excubamus, cladibus tuis misere cruciamur. Pro vero namque comperimus nec te, sociae scilicet doloris casusque tui, celare possumus immanem colubrum multinodis voluminibus serpentem, veneno noxio colla sanguinantem hiantemque ingluvie profunda, tecum noctibus latenter adquiescere. Nunc recordare sortis Pythicae, quae te trucis bestiae nuptiis destinatam esse clamavit. Et multi coloni quique circumsecus venantur et accolae plurimi viderunt eum vespera redeuntem e pastu proximique fluminis vadis innatantem.	17. Так, воспламененные, поговорив надменно с родителями, усталые от бессонно проведенной ночи, ранним утром летят они к утесу и, оттуда с помощью обычного ветра быстро снесенные вниз, выжимают из глаз своих слезы и с такой хитростью начинают свою речь к сестре: "Счастливая, ты сидишь, не беспокоясь о грозящей тебе опасности, блаженная в неведении такой беды, а мы всю ночь напролет, не смыкая глаз, думали о твоих делах и горько скорбим о твоих бедствиях. Мы наверняка узнали и не можем скрыть от тебя, разделяя скорбь и горе твое, что тайным образом спит с тобою по ночам огромный змей, извивающийся множеством петель, шея у которого переполнена вместо крови губительным ядом и пасть разинута, как бездна. Вспомни предсказания пифийского оракула[4], что провозвестил тебе брак с диким чудовищем. К тому же многие крестьяне, охотники, поблизости охотившиеся, множество окрестных жителей видели, как он под вечер возвращался с пастбища и переправлялся вброд через ближайшую реку.
18. Nec diu blandis alimoniarum obsequiis te saginaturum omnes adfirmant, sed cum primum praegnationem tuam plenus maturaverit uterus, opimiore fructu praeditam devoraturum. Ad haec iam tua est existimatio, utrum sororibus pro tua cara salute sollicitis adsentiri velis et declinata morte nobiscum secura periculi vivere an saevissimae bestiae sepeliri visceribus. Quodsi te ruris huius vocalis solitudo vel clandestinae veneris faetidi periculosique concubitus et venenati serpentis amplexus delectant, certe piae sorores nostrum fecerimus." Tunc Psyche misella, utpote simplex et animi tenella, rapitur verborum tam tristium formidine: extra terminum mentis suae posita prorsus omnium mariti monitionum suarumque	18. Все уверяют, что недолго он будет откармливать тебя, льстиво угождая кушаньями, но пожрет, отягощенную лучшим из плодов. Теперь тебе представляется выбор: или захочешь послушаться сестер твоих, заботящихся о дорогом твоем спасении, и, избежав гибели, жить с нами в безопасности, или же быть тебе погребенной во внутренностях жесточайшего гада. Если тебе нравится уединение этой деревни, наполненной голосами, или тайные соединения зловонной и опасной любви и объятия змея ядовитого, - дело твое, мы по крайней мере свой долг честных сестер исполнили". На бедняжку Психею, простую душой и нежненькую, ужас напал от таких зловещих

promissionum memoriam effudit et in profundum calamitatis sese praecipitavit tremensque et exsangui colore lurida tertiata verba semihianti voce substrepens sic ad illas ait:	слов: из головы вылетели все наставления супруга, забылись и собственные обещания, и, готовая броситься в бездну несчастий, вся трепеща, покрывшись смертельной бледностью, заикаясь, прерывающимся шепотом начинает она говорить сестрам такие слова:
19. "Vos quidem, carissimae sorores, ut par erat, in officio vestrae pietatis permanetis, verum et illi qui talia vobis adfirmant non videntur mihi mendacium fingere. Nec enim umquam viri mei vidi faciem vel omnino cuiatis sit novi, sed tantum nocturnis subaudiens vocibus maritum incerti status et prorsus lucifugam tolero, bestiamque aliquam recte dicentibus vobis merito consentio. Meque magnopere semper a suis terret aspectibus malumque grande de vultus curiositate praeminatur. Nunc si quam salutarem opem periclitanti sorori vestrae potestis adferre, iam nunc subsistite; ceterum incuria sequens prioris providentiae beneficia conrumpet." Tunc nanctae iam portis patentibus nudatum sororis animum facinerosae mulieres, omissis tectae machinae latibulis, destrictis gladiis fraudium simplicis puellae paventes cogitationes invadunt.	19. "Вы, дражайшие сестры, как и надо было ожидать, исполняете священный долг ваш, и те, по-видимому, не солгали, кто сообщил вам такие сведения. Ведь я никогда в глаза не видала лица своего мужа, совсем не знаю, каков он; лишь по ночам слышу я голос таинственного супруга, и мне приходится мириться с тем, что при появлении света он обращается в бегство, так что я вполне могу поверить вашим утверждениям, что он некое чудовище. Он сам часто и грозно запрещал мне искать его лицезрения и грозил большим бедствием, если я полюбопытствую увидеть его внешность. Если можете вы предпринять что-нибудь для спасения сестры вашей, находящейся в опасности, теперь же делайте, иначе дальнейшая беззаботность уничтожит благодеяние первоначальной предусмотрительности". Тогда, подступив через открытые уже ворота к незащищенной душе сестры своей, преступные женщины отбросили всякое прикрытие тайных ухищрений и, обнажив мечи обмана, нападают на пугливое воображение простодушной девочки.
20. Sic denique altera: "Quoniam nos originis nexus pro tua incolumitate ne periculum quidem ullum ante oculos habere compellit, viam quae sola deducit iter ad salutem diu diuque cogitatam monstrabimus tibi. Novaculam praeacutam adpulsu etiam palmulae lenientis exasperatam tori qua parte cubare consuesti latenter absconde, lucernamque concinnem completam oleo claro lumine praemicantem subde aliquo claudentis aululae tegmine, omnique isto apparatu tenacissime dissimulato, postquam sulcatum trahens gressum cubile solitum conscenderit iamque porrectus et exordio somni prementis implicitus altum soporem flare coeperit, toro delapsa nudoque vestigio pensilem gradum paullulatim minuens, caecae tenebrae custodia liberata lucerna, praeclari tui facinoris opportunitatem de luminis consilio mutuare, et ancipiti telo illo audaciter, prius dextera sursum elata, nisu quam valido noxii serpentis nodum cervicis et capitis abscide. Nec nostrum tibi deerit subsidium; sed cum primum illius morte salutem	20. Наконец одна из них говорит: "Так как кровные узы заставляют нас ради твоего спасения забывать о всякой опасности, мы укажем тебе средство, давным-давно уже обдуманное нами, которое может служить единственным путем к спасению. Возьми отточенную бритву и, проведя медленно для придания большей остроты по ладони, тайно спрячь ее в постели с той стороны, где ты всегда ложишься; затем хорошую лампу, до краев наполненную маслом, ярким пламенем горящую, прикрой каким-нибудь горшочком; все эти приготовления сделай в величайшем секрете. Затем, когда он извилистыми движениями подымется, как обычно, на ложе, растянется и погрузится в глубокий покой, объятый тяжестью первого сна, соскользни с кровати босая, ступая на цыпочках как можно осторожнее, освободи лампу от покрова слепого мрака, воспользуйся для совершения славного подвига твоего помощью света, высоко воздень правую руку с обоюдоострым

tibi feceris, anxie praestolatae advolabimus cunctisque istis ocius tecum relatis votivis nuptiis hominem te iungemus homini."	оружием и сильным ударом голову зловредного змея от туловища отсеки. Не будет тебе недостатка и в нашей помощи: как только убийством его ты спасешь себя, мы поспешим сюда, с нетерпением будем ожидать и, быстро унеся вместе с тобой все это добро, просватаем тебя, принадлежащую к человеческому роду, надлежащим браком за человека".
21. Tali verborum incendio flammata viscera sororis prorsus ardentis deserentes ipsae protinus tanti mali confinium sibi etiam eximie metuentes flatus alitis impulsu solito porrectae super scopulum ilico pernici se fuga proripiunt statimque conscensis navibus abeunt.	21. А сами, зажегши столь пламенными речами огонь в сердце сестры, уже совсем пылающем, быстро ее покидают, сильно боясь оказаться даже поблизости от подобных несчастий, и, принесенные, как обычно, дуновением крылатого ветра на утес, поспешно обращаются в бегство и, тотчас сев на корабли, отъезжают.
At Psyche relicta sola, nisi quod infestis Furiis agitata sola non est aestu pelagi simile maerendo fluctuat, et quamvis statuto consilio et obstinato animo iam tamen facinori manus admovens adhuc incerta consilii titubat multisque calamitatis suae distrahitur affectibus. Festinat differt, audet trepidat, diffidit irascitur et, quod est ultimum, in eodem corpore odit bestiam, diligit maritum. Vespera tamen iam noctem trahente praecipiti festinatione nefarii sceleris instruit apparatum. Nox aderat et maritus aderat primisque Veneris proeliis velitatus in altum soporem descenderat.	Между тем Психея, оставшись одна (хотя злые фурии тревожили ее и не давали покоя), волнуется в скорби, подобно бурному морю; и хотя решение принято и душа непреклонна, все же, готовясь протянуть руку к преступлению, она еще колеблется в нерешительности, и противоречивые чувства отвлекают ее от злого дела. Спешит, откладывает; дерзает, трепещет; отчаивается, гневается и, наконец, в одном и том же теле ненавидит чудовище и любит мужа. Но вечер уже шел к ночи, и Психея в торопливой поспешности делает приготовления к безбожному преступлению. Вот и ночь пришла, супруг пришел и, предавшись сначала любовному сражению, погрузился в глубокий сон.
22. Tunc Psyche et corporis et animi alioquin infirma fati tamen saevitia subministrante viribus roboratur, et prolata lucerna et adrepta novacula sexum audacia mutatur. Sed cum primum luminis oblatione tori secreta claruerunt, videt omnium ferarum mitissimam dulcissimamque bestiam, ipsum illum Cupidinem formonsum deum formonse cubantem, cuius aspectu lucernae quoque lumen hilaratum increbruit et acuminis sacrilegi novaculam paenitebat. At vero Psyche tanto aspectu deterrita et impos animi marcido pallore defecta tremensque desedit in imos poplites et ferrum quaerit abscondere, sed in suo pectore; quod profecto fecisset, nisi ferrum timore tanti flagitii manibus temerariis delapsum evolasset. Iamque lassa, salute defecta, dum saepius divini vultus intuetur pulchritudinem, recreatur animi. Videt capitis aurei genialem caesariem ambrosia temulentam, cervices lacteas genasque purpureas pererrantes crinium globos decoriter impeditos, alios antependulos, alios retropendulos, quorum splendore nimio fulgurante	22. Тут Психея слабеет телом и душою, но, подчиняясь жестокой судьбе, собирается с силами и, вынув светильник, взяв в руки бритву, решимостью преодолевает женскую робость. Но как только от поднесенного огня осветились тайны постели, видит она нежнейшее и сладчайшее из всех диких зверей чудовище - видит самого пресловутого Купидона, бога прекрасного, прекрасно лежащего, при виде которого даже пламя лампы веселей заиграло и ярче заблестело бритвы святотатственной острие. А сама Психея, устрашенная таким зрелищем, не владеет собой, покрывается смертельной бледностью и, трепеща, опускается на колени, стараясь спрятать оружие, но - в груди своей; она бы и сделала это, если бы оружие, от страха перед таким злодейством выпущенное из дерзновенных рук, не упало. Изнемогая, потеряв всякую надежду, чем дольше всматривается она в красоту божественного лица, тем больше собирается с духом. Видит

iam et ipsum lumen lucernae vacillabat; per umeros volatilis dei pinnae roscidae micanti flore candicant et quamvis alis quiescentibus extimae plumulae tenellae ac delicatae tremule resultantes inquieta lasciviunt; ceterum corpus glabellum atque luculentum et quale peperisse Venerem non paeniteret. Ante lectuli pedes iacebat arcus et pharetra et sagittae, magni dei propitia tela.	она золотую голову с пышными волосами, пропитанными амброзией[5], окружающие молочную шею и пурпурные щеки, изящно опустившиеся завитки локонов, одни с затылка, другие со лба свешивающиеся, от крайнего лучезарного блеска которых сам огонь в светильнике заколебался; за плечами летающего бога росистые перья сверкающим цветком белели, и, хотя крылья находились в покое, кончики нежных и тоненьких перышек трепетными толчками двигались в беспокойстве; остальное тело видит гладким и сияющим; так что Венера могла не раскаиваться, что произвела его на свет. В ногах кровати лежали лук и колчан со стрелами - благодетельное оружие великого бога.
23. Quae dum insatiabili animo Psyche, satis et curiosa, rimatur atque pertrectat et mariti sui miratur arma, depromit unam de pharetra sagittam et punctu pollicis extremam aciem periclitabunda trementis etiam nunc articuli nisu fortiore pupugit altius, ut per summam cutem roraverint parvulae sanguinis rosei guttae. Sic ignara Psyche sponte in Amoris incidit amorem. Tunc magis magisque cupidine fraglans Cupidinis prona in eum efflictim inhians patulis ac petulantibus saviis festinanter ingestis de somni mensura metuebat. Sed dum bono tanto percita saucia mente fluctuat, lucerna illa, sive perfidia pessima sive invidia noxia sive quod tale corpus contingere et quasi basiare et ipsa gestiebat, evomuit de summa luminis sui stillam ferventis olei super umerum dei dexterum. Hem audax et temeraria lucerna et amoris vile ministerium, ipsum ignis totius deum aduris, cum te scilicet amator aliquis, ut diutius cupitis etiam nocte potiretur, primus invenerit. Sic inustus exiluit deus visaque detectae fidei colluvie prorsus ex osculis et manibus infelicissimae coniugis tacitus avolavit.	23. Ненасытная, к тому же и любопытная Психея не сводит глаз с мужниного оружия, осматривает и ощупывает его, вынимает из колчана одну стрелу, кончиком пальца пробует острие, но, сделав более сильное движение дрожащим суставом, глубоко колет себя, так что на поверхности кожи выступают капельки алой крови. Так, сама того не зная. Психея воспылала любовью к богу любви. Разгораясь все большей и большей страстью к богу страсти, она, полная вожделения, наклонилась к нему и торопливо начала осыпать его жаркими и долгими поцелуями, боясь, как бы не прервался сон его. Но пока она, таким блаженством упоенная, рассудком своим не владеющая, волнуется, лампа ее, то ли по негоднейшему предательству, то ли по зловредной зависти, то ли и сама пожелав прикоснуться и как бы поцеловать столь блистательное тело, брызгает с конца фитиля горячим маслом на правое плечо богу. Эх ты, лампа, наглая и дерзкая, презренная прислужница любви, ты обожгла бога, который сам господин всяческого огня! А наверное, впервые изобрел тебя какой-нибудь любовник, чтобы как можно дольше ночью пользоваться предметом своих желаний. Почувствовав ожог, бог вскочил и, увидев запятнанной и нарушенной клятву, быстро освободился от объятий и поцелуев несчастнейшей своей супруги и, не произнеся ни слова, поднялся в воздух.
24. At Psyche statim resurgentis eius crure dextero manibus ambabus adrepto sublimis evectionis adpendix miseranda et per nubilas plagas penduli comitatus extrema consequia tandem fessa delabitur solo. Nec deus amator humi iacentem deserens involavit proximam	24. А Психея, как только поднялся он, обеими руками ухватилась за правую его ногу - жалкий привесок в высоком взлете, - но наконец, устав долгое время быть висячей спутницей в заоблачных высях, упала на землю. Влюбленный бог не оставляет ее,

cupressum deque eius alto cacumine sic eam graviter commotus adfatur:

"Ego quidem, simplicissima Psyche, parentis meae Veneris praeceptorum immemor, quae te miseri extremique hominis devinctam cupidine infimo matrimonio addici iusserat, ipse potius amator advolavi tibi. Sed hoc feci leviter, scio, et praeclarus ille sagittarius ipse me telo meo percussi teque coniugem meam feci, ut bestia scilicet tibi viderer et ferro caput excideres meum quod istos amatores tuos oculos gerit. Haec tibi identidem semper cavenda censebam, haec benivole remonebam. Sed illae quidem consiliatrices egregiae tuae tam perniciosi magisterii dabunt actutum mihi poenas, te vero tantum fuga mea punivero." Et cum termino sermonis pinnis in altum se proripuit.

лежащую на земле, и. взлетев на ближайший кипарис, с высокой верхушки его, глубоко взволнованный, так говорит ей: "Ведь я, простодушнейшая Психея, вопреки повелению матери моей Венеры, приказавшей внушить тебе страсть к самому жалкому, последнему из смертных и обречь тебя убогому браку, сам предпочел прилететь к тебе в качестве возлюбленного. Я знаю, что поступил легкомысленно, но, знаменитый стрелок, я сам себя ранил своим же оружием и сделал тебя своей супругой для того, значит, чтобы ты сочла меня чудовищем и захотела бритвой отрезать мне голову за то, что в ней находятся эти влюбленные в тебя глаза. Я всегда то и дело убеждал тебя остерегаться, всегда дружески уговаривал. Почтенные советницы твои немедленно ответят мне за свою столь гибельную выдумку, тебя же я накажу только моим исчезновением". И, окончив речь эту, на крыльях ввысь устремился.

25. Psyche vero humi prostrata et, quantum visi poterat, volatus mariti prospiciens extremis affligebat lamentationibus animum. Sed ubi remigio plumae raptum maritum proceritas spatii fecerat alienum, per proximi fluminis marginem praecipitem sese dedit. Sed mitis fluvius in honorem dei scilicet qui et ipsas aquas urere consuevit metuens sibi confestim eam innoxio volumine super ripam florentem herbis exposuit. Tunc forte Pan deus rusticus iuxta supercilium amnis sedebat complexus Echo montanam deam eamque voculas omnimodas edocens recinere; proxime ripam vago pastu lasciviunt comam fluvii tondentes capellae. Hircuosus deus sauciam Psychen atque defectam, utcumque casus eius non inscius, clementer ad se vocatam sic permulcet verbis lenientibus: "Puella scitula, sum quidem rusticans et upilio sed senectutis prolixae beneficio multis experimentis instructus. Verum si recte coniecto, quod profecto prudentes viri divinationem autumant, ab isto titubante et saepius vaccillante vestigio deque minio pallore corporis et assiduo suspiritu immo et ipsis marcentibus oculis tuis amore minio laboras. Ergo mihi ausculta nec te rursus praecipitio vel ullo mortis accersitae genere perimas. Luctum desine et pone maerorem precibusque potius Cupidinem deorum maximum percole et utpote adolescentem delicatum luxuriosumque blandis obsequiis promerere."

25. А Психея, распростертая на земле, следя, покуда доступно было взору, за полетом мужа, душу себе надрывает горькими воплями. Когда же все увеличивающееся расстояние скрыло от глаз ее супруга, на крыльях стремительно уносившегося, ринулась она к ближайшей реке и бросилась с берега вниз. Но кроткая речка несомненно в честь бога, способного воспламенить даже воду, и из боязни за себя, сейчас же волной своей вынесла ее невредимою на берег, покрытый цветущей зеленью. На береговом гребне случайно сидел деревенский бог Пан, обняв горную богиню Эхо, которую учил он петь на разные голоса; неподалеку от воды на широком пастбище резвились козочки, пощипывая прибрежную травку. Козлиный бог милостиво подзывает к себе измученную, расстроенную Психею и, так как несчастье ее небезызвестно было ему, ласковыми словами успокаивает: "Девушка милая, я деревенский житель, пасу стада, но, благодаря своей глубокой старости, научен долгим опытом. Так вот, если правильно я сужу, - а это именно умные люди и называют даром провиденья, - то неровная, часто колеблющаяся походка, крайняя бледность всего тела, вздохи частые, а главное - заплаканные глаза твои говорят, что от любви чрезмерной ты страдаешь. Послушайся же меня и не старайся вперед погубить себя, снова бросившись в воду или каким-либо другим способом насильственной смерти. Отложи грусть и брось печаль, а лучше обратись с

мольбами к Купидону, величайшему из богов, и так как он юноша избалованный и капризный, то постарайся ласковой предупредительностью расположить его в свою пользу".

26. Sic locuto deo pastore nulloque sermone reddito sed adorato tantum numine salutari Psyche pergit ire. Sed cum aliquam multum viae laboranti vestigio pererrasset, inscia quodam tramite iam die labente accedit quandam civitatem, in qua regnum maritus unius sororis eius optinebat. Qua re cognita Psyche nuntiari praesentiam suam sorori desiderat; mox inducta mutuis amplexibus alternae salutationis expletis percontanti causas adventus sui sic incipit:

"Meministi consilium vestrum, scilicet quo mihi suasistis ut bestiam, quae mariti mentito nomine mecum quiescebat, prius quam ingluvie voraci me misellam hauriret, ancipiti novacula peremerem. Set cum primum, ut aeque placuerat, conscio lumine vultus eius aspexi, video mirum divinumque prorsus spectaculum, ipsum illum deae Veneris filium, ipsum inquam Cupidinem, leni quiete sopitum. Ac dum tanti boni spectaculo percita et nimia voluptatis copia turbata fruendi laborarem inopia, casu scilicet pessumo lucerna fervens oleum rebullivit in eius umerum. Quo dolore statim somno recussus, ubi me ferro et igni conspexit armatam, "Tu quidem" inquit "ob istud tam dirum facinus confestim toro meo divorte tibique res tuas habeto, ego vero sororem tuam" - et nomen quo tu censeris aiebat - "iam mihi confarreatis nuptis coniugabo" et statim Zephyro praecipit ultra terminos me domus eius efflaret."

26. Ничего не ответив на слова пастушеского бога, только поклонившись спасительному божеству. Психея тронулась в путь. Когда она усталой походкой прошла довольно далеко, уже к вечеру какой-то неизвестной тропинкой достигла она некоего города, где был царем муж одной из ее сестер. Узнав об этом. Психея пожелала сообщить сестре о своем присутствии; как только ввели ее, после взаимных объятий и приветствий, на вопрос о причине ее прибытия она начала таким образом: "Ты помнишь ваш совет, а именно, как вы меня уговаривали, чтобы я чудовище, которое под обманным названием мужа проводило со мною ночи, раньше чем оно пожрет меня бедную своей прожорливой глоткой, поразила обоюдоострой бритвой? Но как только, согласно уговору, при свете лампы взглянула я на его лицо, вижу дивное и совершенное, божественное зрелище - самого сына преславного богини Венеры, самого, повторяю, Купидона, сладким сном объятого. И пока, приведенная в восторг видом такой красоты, смущенная таким обилием наслаждений, я страдала от невозможности вкусить от них, в это время по злейшей случайности пылающая лампа брызнула маслом ему на плечо. Проснувшись тотчас же от этой боли, как только увидел меня с лампой и оружием в руках, говорит: "Ты за столь жестокое преступление уходи немедленно с моего ложа и забирай свои пожитки, я же с сестрой твоей, - тут он назвал твое имя, - торжественным браком сочетаюсь", - и сейчас же приказал Зефиру, чтобы он выдул меня из его дома".

27. Necdum sermonem Psyche finierat, et illa vesanae libidinis et invidiae noxiae stimulis agitata, e re concinnato mendacio fallens maritum, quasi de morte parentum aliquid comperisset, statim navem ascendit et ad illum scopulum protinus pergit et quamvis alio flante vento caeca spe tamen inhians, "Accipe me," dicens "Cupido, dignam te coniugem et tu, Zephyre, suscipe dominam" saltu se maximo praecipitem dedit. Nec tamen ad illum locum vel satem mortua pervenire potuit. Nam per saxa cautium membris iactatis atque dissipatis et proinde ut merebatur laceratis visceribus suis alitibus bestiisque obvium ferens pabulum interiit.

27. Не успела еще Психея кончить своей речи, как та, воспламенившись порывом безумного вожделения и губительной зависти, обманув мужа тут же придуманной ложью, будто получила какое-то известие о смерти родителей, сейчас же взошла на корабль, прямо направилась к известному обрыву и, хотя дул совсем не тот ветер, все же она, охваченная слепой надеждой, крикнула: "Принимай меня. Купидон, достойную тебя супругу, а ты, Зефир, поддержи свою госпожу!" - и со всего маху бросилась в бездну. Но до места назначения даже в виде трупа она не добралась. Ударяясь о камни скал, члены ее

Nec vindictae sequentis poena tardavit. Nam Psyche rursus errabundo gradu pervenit ad civitatem aliam, in qua pari modo soror morabatur alia. Nec setius et ipsa fallacie germanitatis inducta et in sororis sceleratas nuptias aemula festinavit ad scopulum inque simile mortis exitium cecidit.	разбились и разлетелись в разные стороны, и она погибла, доставив своими растерзанными внутренностями, как заслуживала этого, легкую добычу для птиц и диких зверей. Так она погибла. Не заставила себя ждать и следующая мстительная кара. Психея, снова пустившись в скитания, дошла до другого города, где, подобно первой, была царицей вторая ее сестра. И эта также поддалась на приманку родной сестры и соперница Психеи поспешила к утесу на преступный брак, но равным образом упала, найдя себе гибель и смерть.
28. Interim, dum Psyche quaestioni Cupidinis intenta populos circumibat, at ille vulnere lucernae dolens in ipso thalamo matris iacens ingemebat. Tunc avis peralba illa gavia quae super fluctus marinos pinnis natat demergit sese propere ad Oceani profundum gremium. Ibi commodum Venerem lavantem natantemque propter assistens indicat adustum filium eius gravi vulneris dolore maerentem dubium salutis iacere, iamque per cunctorum ora populorum rumoribus conviciisque variis omnem Veneris familiam male audire, quod ille quidem montano scortatu tu vero marino natatu secesseritis, ac per hoc non voluptas ulla non gratia non lepos, sed incompta et agrestia et horrida cuncta sint, non nuptiae coniugales non amicitiae sociales non liberum caritates, sed enormis colluvies et squalentium foederum insuave fastidium. Haec illa verbosa et satis curiosa avis in auribus Veneris fili lacerans existimationem ganniebat. At Venus irata solidum exclamat repente: "Ergo iam ille bonus filius meus habet amicam aliquam? Prome agedum, quae sola mihi servis amanter, nomen eius quae puerum ingenuum et investem sollicitavit, sive illa de Nympharum populo seu de Horarum numero seu de Musarum choro vel de mearum Gratiarum ministerio." Nec loquax illa conticuit avis, sed: "Nescio," inquit "domina: puto puellam, si probe memini, Psyches nomine dici: illam dicitur efflicte cupere." Tunc indignata Venus exclamavit vel maxime: "Psychen ille meae formae succubam mei nominis aemulam vere diligit? Nimirum illud incrementum lenam me putavit cuius monstratu puellam illam cognosceret."	28. Меж тем, пока Психея, занятая поисками Купидона, обходит страны, он сам, страдая от ожога, лежал и стонал в самой спальне у своей матери. Тут чайка, птица белоснежная, что по волнам морским на крыльях плавает, поспешно в недра океана глубокого ныряет. Там, сейчас же представ перед Венерой, что купалась и плескалась, докладывает ей, что сын ее обжегся, стонет от боли, причиняемой тяжелой раной, лежит - неизвестно, поправится ли, а что у всех народов из уст в уста уже говор и ропот идет и Венеру со всей ее родней поминают недобрым: сынок, мол, на горах любовью занимаясь, а сама она в океане купаясь, от дел своих отстали, а через то ни страсти нет никакой, ни очарования, ни прелести, а все стало неблаговидно, грубо и дико; ни браков супружеских, ни союзов дружеских, ни от детей почтения, но всеобщее позорище и от грязных соединений горечь и отвращение. Так эта болтливая и любопытная птица верещала в Венерины уши, пороча доброе имя ее сына. А Венера, придя в сильный гнев, вдруг восклицает: "Стало быть, у милого сынка моего подруга завелась какая-то! Ну ты, что одна только и служишь мне от души, скажи, как зовут ту, которая благородного и чистого мальчика соблазнила? Может быть, она из породы Нимф[6], или из числа Ор[7], или из хоровода Муз, или из Граций, моих прислужниц?" Не смолчала говорливая птица и отвечает; "Не знаю, госпожа; думается, что одной девушкой - если память мне не изменяет. Психеей она называется, - крайне он заинтересован". Тут Венера в негодовании громко воскликнула: "Так он на самом деле любит Психею, соперницу мою по красоте, похитительницу моего имени? Наверное, этот шалопай даже сводней считает меня, так как по моему указанию он узнал эту девушку".
29. Haec quiritans properiter emergit e mari suumque protinus aureum thalamum petit et	29. Воззвав таким образом, поспешно выплывает она из глубины моря и сейчас же

reperto, sicut audierat, aegroto puero iam inde a foribus quam maxime boans: "Honesta" inquit "haec et natalibus nostris bonaeque tuae frugi congruentia, ut primum quidem tuae parentis immo dominae praecepta calcares, nec sordidis amoribus inimicam meam cruciares, verum etiam hoc aetatis puer tuis licentiosis et immaturis iungeres amplexibus, ut ego nurum scilicet tolerarem inimicam. Sed utique praesumis nugo et corruptor et inamabilis te solum generosum nec me iam per aetatem posse concipere. Velim ergo scias multo te meliorem filium alium genituram, immo ut contumeliam magis sentias aliquem de meis adoptaturam vernulis, eique donaturam istas pinnas et flammas et arcum et ipsas sagittas et omnem meam supellectilem, quam tibi non ad hos usus dederam: nec enim de patris tui bonis ad instructionem istam quicquam concessum est.	устремляется в золотую свою спальню; найдя там, как ей уже было доложено, больного сына, она прямо с порога завопила во весь голос: "Очень это прилично и достойно и происхождения нашего, и хорошего твоего поведения, что ты, поправши для начала наставления матери твоей, даже госпожи, вместо того чтобы в виде наказания внушить постыдную страсть моей врагине, сам, мальчишка такого возраста, заключаешь ее в свои распутные и преждевременные объятия, думая, что я потерплю своей невесткой ту, которую ненавижу! Или ты считаешь, пустомеля, потаскун противный, что ты один можешь наш род продолжать, а я уже по годам и зачать не могу? Ну так знай же: другого сына рожу, гораздо лучше тебя, или для пущего твоего унижения усыновлю кого-нибудь из рабов и ему передам крылья эти, и факел, и лук, и самые стрелы, и все мое снаряжение, которое я дала тебе не для такого употребления; ведь из имущества твоего отца ничто не было истрачено на это вооружение.
30. Sed male prima a pueritia inductus es et acutas manus habes et maiores tuos irreverenter pulsasti totiens et ipsa matrem tuam, me inquam ipsam, parricida denudas cotidie et percussisti saepius et quasi viduam utique contemnis nec vitricum tuum fortissimum illum maximumque bellatorem metuis. Quidni? cui saepius in angorem mei paelicatus puellas propinare consuesti. Sed iam faxo te lusus huius paeniteat et sentias acidas et amaras istas nuptias. - Sed nunc inrisui habita quid agam? Quo me conferam? Quibus modis stelionem istum cohibeam? Petamne auxilium ab inimica mea Sobrietate, quam propter huius ipsius luxuriam offendis saepius? At rusticae squalentisque feminae conloquium prorsus [adhibendum est] horresco. Nec tamen vindictae solacium undeunde spernendum est. Illa mihi prorsus adhibenda est nec ulla alia, quae castiget asperrime nugonem istum, pharetram explicet et sagittas dearmet, arcum enodet, taedam deflammet, immo et ipsum corpus eius acrioribus remediis coerceat. Tunc iniuriae meae litatum crediderim cum eius comas quas istis manibus meis subinde aureo nitore perstrinxi deraserit, pinnas quas meo gremio nectarei fontis infeci praetotonderit."	30. Впрочем, с ранних лет ты плохо воспитан - на руку проворен, старших всегда толкал без всякого почтения, самое мать свою, меня, говорю, ты, убийца, каждый день раздеваешь и ранишь частенько, ни во что не ставя, словно вдову какую-нибудь, не боясь отчима своего[8], силача знаменитого и великого вояки. Мало того, ему часто, в ущерб моей связи с ним, взял ты в обычай то и дело девиц поставлять в наложницы. Но уж я заставлю тебя пожалеть об этих проказах, увидишь, как тяжело и горько будет твое супружество! Теперь, после такого издевательства, что мне делать? Куда деваться? Какими способами пройдоху этого образумить? Что же, к враждебной мне воздержанности обратиться, которую я так часто из-за распутства этого мальчишки оскорбляла? Но толковать с этой деревенской, неотесанной женщиной - в ужас меня приводит такая мысль! Однако, откуда бы утешительная месть ни приходила, пренебрегать ею не следует. Именно воздержанность окажется мне всего полезнее, чтобы как можно суровее пустомелю этого наказать, колчан забрать, стрел лишить, лук ослабить, факел угасить, да и само тело его обуздать хорошими средствами. Тогда только и сочту я обиду мою заглаженной, когда она кудри его, сверкающее золото которых вот этими руками я так часто перебирала, обреет, а крылья, что я нектарной влагой из груди своей орошала, обкорнает",

31. Sic effata foras sese proripit infesta et stomachata biles Venerias. Sed eam protinus Ceres et Iuno continantur visamque vultu tumido quaesiere cur truci supercilio tantam venustatem micantium oculorum coerceret. At illa: "Opportune" inquit " ardenti prorsus isto meo pectori volentiam scilicet perpetraturae venitis. Sed totis, oro, vestris viribus Psychen illam fugitivam volaticam mihi requirite. Nec enim vos utique domus meae famosa fabula et non dicendi filii mei facta latuerunt."

Tunc illae non ignarae quae gesta sunt palpare Veneris iram saevientem sic adortae: "Quid tale, domina, deliquit tuus filius ut animo pervicaci voluptate illius impugnes et, quam ille diligit, tu quoque perdere gestias? Quod autem, oramus, isti crimen si puellae lepidae libenter adrisit? An ignoras eum masculum et iuvenem esse vel certe iam quot sit annorum oblita es? An, quod aetatem portat bellule, puer tibi semper videtur? Mater autem tu et praeterea cordata mulier filii tui lusus semper explorabis curiose et in eo luxuriem culpabis et amores revinces et tuas artes tuasque delicias in formonso filio reprehendes? Quid autem te deum, qui hominum patietur passim cupidines populis disseminantem, cum tuae domus amores amare coerceas et vitiorum muliebrium publicam praecludas officinam?" Sic illae metu sagittarum patrocinio gratioso Cupidini quamvis absenti blandiebantur. Sed Venus indignata ridicule tractari suas iniurias praeversis illis altrorsus concito gradu pelago viam capessit.

31. Сказавши так, гневно ринулась она вон, но не успокоилась еще желчь Венерина. Навстречу ей попадаются Церера с Юноной и, увидя надутое лицо ее, спрашивают, почему красоту сверкающих глаз ее омрачают сдвинутые брови. А она: "Кстати, отвечает, вы повстречались мне - вы исполните желание моего пылающего сердца. Молю вас, приложите все усилия и найдите мне сбежавшую летунью Психею. От вас, конечно, не укрылись знаменитые происшествия в моем доме, и это натворил тот, кого я не могу больше называть сыном". На это богини, которым известно было все происшедшее, для успокоения пламенного гнева Венеры так начинают: "А что за преступление, госпожа, совершил твой сын, что ты с таким упорством противишься его счастью и хочешь погубить ту, которую он любит? Что за грех, спрашивается, если он охотно улыбается красивой девушке? Разве ты не знаешь, что он уже взрослый юноша, или ты забыла, сколько ему лет? Или потому, что он выглядит моложе своего возраста, тебе он до сих пор кажется мальчиком? Ты - мать и притом женщина рассудительная, а между тем все время старательно разузнаешь обо всех шалостях своего сына, ставишь ему в вину распущенность, препятствуешь в любовных делах и осуждаешь в прекрасном сыне своем свои же ухищрения и удовольствия. Кто же из богов или из смертных допустит, чтобы ты повсюду сеяла в людях вожделение, если ты из своего дома изгоняешь любовь к любви и накрепко запираешь всеобщий рассадник женских слабостей?" Так они, из страха перед стрелами Купидоновыми, старались любезным покровительством угодить ему, хотя бы и заочно. Но Венера пришла в негодование оттого, что они обращают в шутку причиненные ей обиды, и, опередив их, быстрыми шагами направила путь в другую сторону - к морю.

LIBER SEXTUS

КНИГА ШЕСТАЯ

1. Interea Psyche variis iactabatur discursibus, dies noctesque mariti vestigationibus inquieta animi, tanto cupidior iratum licet si non uxoriis blanditiis lenire certe servilibus precibus propitiare. Et prospecto templo quodam in ardui montis vertice: "Unde autem" inquit "scio an istic meus degat dominus?" Et ilico dirigit citatum gradum, quem defectum prorsus adsiduis

1. Меж тем Психея, переходя с места на место, днем и ночью с беспокойством ища своего мужа, все сильнее желала если не ласками супруги, то хоть рабскими мольбами смягчить его гнев. И вот, увидев какой-то храм на вершине крутой горы, подумала: "Как знать, может быть, здесь местопребывание моего владыки!" И тотчас направляет она туда свой

laboribus spes incitabat et votum. Iamque naviter emensis celsioribus iugis pulvinaribus sese proximam intulit. Videt spicas frumentarias in acervo et alias flexiles in corona et spicas hordei videt. Erant et falces et operae messoriae mundus omnis, sed cuncta passim iacentia et incuria confusa et, ut solet aestu, laborantium manibus proiecta. Haec singula Psyche curiose dividit et discretim semota rite componit, rata scilicet nullius dei fana caerimoniasve neglegere se debere sed omnium benivolam misericordiam corrogare.	быстрый шаг, которому надежда и желание вернули утраченное в постоянной усталости проворство. Вот уже, решительно поднявшись по высокому склону, приблизилась она к святилищу. Видит пред собою пшеничные колосья, ворохами наваленные и в венки сплетенные, и колосья[1] ячменя. Были там и серпы, и всевозможные орудия жатвы, но все это лежало по разным местам в беспорядке и без призора, как случается, когда работники во время зноя все побросают. Психея все это по отдельности тщательно разобрала и, старательно разделив, разложила как полагается, думая, что не следует ей пренебрегать ни храмом, ни обрядами никого из богов, но у всех их искать милостивого сострадания.
2. Haec eam sollicite seduloque curantem Ceres alma deprehendit et longum exclamat protinus: "Ain, Psyche miseranda? Totum per orbem Venus anxia disquisitione tuum vestigium furens animi requirit teque ad extremum supplicium expetit et totis numinis sui viribus ultionem flagitat: tu vero rerum mearum tutelam nunc geris et aliud quicquam cogitas nisi de tua salute?"	2. За этой внимательной и усердной работой застает ее кормилица Церера и издали еще восклицает: "Ах, достойная жалости Психея! Венера в тревожных поисках по всему свету, неистовствуя, твоих следов ищет, готовит тебе страшную кару, всю божественную силу свою направляет на месть тебе, а ты заботишься тут о моих вещах и ничего больше для своего спасения не предпринимаешь?"
Tunc Psyche pedes eius advoluta et uberi fletu rigans deae vestigia humumque verrens crinibus suis multiiugis precibus editis veniam postulabat: "Per ego te frugiferam tuam dexteram istam deprecor per laetificas messium caerimonias per tacita secreta cistarum et per famulorum tuorum draconum pinnata curricula et glebae Siculae sulcamina et currum rapacem et terram tenacem et inluminarum Proserpinae nuptiarum demeacula et luminosarum filiae inventionum remeacula et cetera quae silentio tegit Eleusinis Atticae sacrarium, miserandae Psyches animae supplicis tuae subsiste. Inter istam spicarum congeriem patere vel pauculos dies delitescam, quoad deae tantae saeviens ira spatio temporis mitigetur vel certe meae vires diutino labore fessae quietis intervallo leniantur."	Тут Психея бросилась к ее ногам, орошая их горючими слезами, волосами землю и богинины следы подметает и всевозможными просьбами взывает к ее благосклонности: "Заклинаю тебя твоей десницей плодоносной, радостными жатвы обрядами, сокровенными тайнами корзин[2], крылатой колесницей драконов, твоих прислужников, бороздою почвы сицилийской[3], колесницею хищною, землею цепкою[4], к беспросветному браку Прозерпины[5] схождением, светлым обретенной дочери возвращением и прочим, что окружено молчанием в святилище Элевсина аттического[6], - окажи помощь душе несчастной Психеи, к твоей защите прибегающей. Позволь мне схорониться хоть на несколько деньков в этой груде колосьев, покуда страшный гнев столь великой богини с течением времени не смягчится или по крайней мере покуда мои силы, ослабленные долгими муками, от спокойной передышки не восстановятся".
3. Suscipit Ceres: "Tuis quidem lacrimosis precibus et commoveor et opitulari cupio, sed cognatae meae, cum qua etiam foedus antiquum amicitiae colo, bonae praeterea feminae, malam gratiam subire nequeo. Decede itaque istis aedibus protinus et quod a me retenta custoditaque non fueris optimi consule."	3. Церера отвечает: "Слезными мольбами твоими я тронута и хочу помочь тебе, но совсем не намерена вызвать недовольство моей родственницы 7, с которой я связана узами старинной дружбы, и к тому же - женщины доброй. Так что уходи сейчас же из этого помещения и будь довольна, что я не

Contra spem suam repulsa Psyche et afflicta duplici maestitia iter retrorsum porrigens inter subsitae convallis sublucidum lucum prospicit fanum sollerti fabrica structum, nec ullam vel dubiam spei melioris viam volens omittere sed adire cuiscumque dei veniam sacratis foribus proximat. Videt dona pretiosa et lacinias auro litteratas ramis arborum postibusque suffixas, quae cum gratia facti nomen deae cui fuerant dicata testabantur. Tunc genu nixa et manibus aram tepentem amplexa detersis ante lacrimis sic adprecatur:	задержала тебя и не взяла под стражу". Психея, получив, вопреки своим ожиданиям, отказ и удрученная двойной скорбью, снова пускается в путь и видит среди сумеречной рощи в глубокой долине храм, построенный с замечательным искусством; не желая пропускать ни единого, хотя бы и неверного, средства улучшить свою судьбу, наоборот, готовая заслужить милость какого угодно божества, приближается она к святым вратам. Видит и драгоценные приношения, и полотнища с золотыми надписями, развешанные по веткам деревьев и дверным косякам; с изъявлением благодарности значилось в них и имя богини, которой дары посвящались. Тут, отерев прежде всего слезы, она склоняет колени и, охватив руками еще не остывший алтарь, возносит следующую молитву:
4. "Magni Iovis germana et coniuga, sive tu Sami, quae sola partu vagituque et alimonia tua gloriatur, tenes vetusta delubra, sive celsae Carthaginis, quae te virginem vectura leonis caelo commeantem percolit, beatas sedes frequentas, seu prope ripas Inachi, qui te iam nuptam Tonantis et reginam deorum memorat, inclitis Argivorum praesides moenibus, quam cunctus oriens Zygiam veneratur et omnis occidens Lucinam appellat, sis mei extremis casibus Iuno Sospita meque in tantis exanclatis laboribus defessam imminentis periculi metu libera. Quod sciam, soles praegnatibus periclitantibus ultro subvenire." Ad istum modum supplicanti statim sese Iuno cum totius sui numinis angusta dignitate praesentat et protinus: "Quam vellem" inquit "per fidem nutum meum precibus tuis accommodare. Sed contra voluntatem Veneris nurus meae, quam filiae semper dilexi loco, praestare me pudor non sinit. Tunc etiam legibus quae servos alienos profugos invitis dominis vetant suscipi prohibeor."	4. "Сестра и супруга Юпитера великого[8], находишься ли ты в древнем святилище Самоса, что славится как единственный свидетель твоего рождения, младенческого крика и раннего детства[9]; пребываешь ли ты в блаженном пристанище Карфагена высокого, где чтут тебя, как деву, на льве по небу движущуюся[10], или вблизи берегов Инаха, который прославляет уже тебя, как супругу Громовержца и царицу богинь, охраняешь ты славные стены аргосские[11], ты, которую весь Восток чтит как Зигию[12] и везде на западе Луциной[13] именуют, - будь мне в моей крайней нужде Юноной-покровительницей и изнемогшую в стольких переживаемых мною мучениях от страха грозящих опасностей освободи! Насколько знаю я, охотно приходишь ты на помощь беременным женщинам, находящимся в опасности". Когда она взывала таким образом, вдруг предстала ей Юнона во всем величии, приличном столь царственной богине, и сейчас же говорит: "Поверь мне, я охотно склонилась бы к твоим просьбам, но противодействовать воле Венеры, моей невестки[14], которую я всегда, как дочь, любила, мне совесть не позволяет. Да, кроме того, и законы, запрещающие покровительствовать чужим беглым рабам[15] без согласия их хозяев, от этого меня удерживают".
5. Isto quoque fortunae naufragio Psyche perterrita nec indipisci iam maritum volatilem quiens, tota spe salutis deposita, sic ipsa suas cogitationes consuluit: "Iam quae possunt alia meis aerumnis temptari vel adhiberi subsidia, cui	5. Устрашенная новым крушением своих надежд, Психея, не будучи в состоянии достигнуть крылатого своего супруга, отложив всякую надежду на спасение, предалась такому ходу мыслей: "Кто же еще может попытаться

nec dearum quidem quanquam volentium potuerunt prodesse suffragia? Quo rursum itaque tantis laqueis inclusa vestigium porrigam quibusque tectis vel etiam tenebris abscondita magnae Veneris inevitabiles oculos effugiam? Quin igitur masculum tandem sumis animum et cassae speculae renuntias fortiter et ultroneam te dominae tuae reddis et vel sera modestia saevientes impetus eius mitigas? Qui scias an etiam quem diu quaeritas illic in domo matris reperias?" Sic ad dubium obsequium immo ad certum exitium praeparata principium futurae secum meditabatur obsecrationis.	помочь мне в моих бедствиях, кто может оказать мне поддержку, когда никто из богинь, даже при желании, не в силах принести мне пользы? Куда теперь направлю стопы свои, окруженная со всех сторон западнями, и под чьей кровлей, хотя бы во мраке притаившись, укроюсь я от неотвратимых взоров Венеры великой? Вооружись наконец по-мужски присутствием духа, смело откажись от пустой, ничтожной надежды, добровольно отдай себя в распоряжение своей владычице и, может быть, этой, хотя и запоздалой, покорностью ты смягчишь ее жестокое преследование! Кто знает, может быть и того, кого ты так долго ищешь, ты там найдешь, в материнском доме?" Итак, готовая покориться, но не надеясь на успех этой попытки, вернее же - к несомненной гибели готовая, она обдумывала, с чего начать свою просительную речь.
6. At Venus terrenis remediis inquisitionis abnuens caelum petit. Iubet instrui currum quem ei Vulcanus aurifex subtili fabrica studiose poliverat et ante thalami rudimentum nuptiale munus obtulerat limae tenuantis detrimento conspicuum et ipsius auri damno pretiosum. De multis quae circa cubiculum dominae stabulant procedunt quattuor candidae columbae et hilaris incessibus picta colla torquentes iugum gemmeum subeunt susceptaque domina laetae subvolant. Currum deae prosequentes gannitu constrepenti lasciviunt passeres et ceterae quae dulce cantitant aves melleis modulis suave resonantes adventum deae pronuntiant. Cedunt nubes et Caelum filiae panditur et summus aether cum gaudio suscipit deam, nec obvias aquilas vel accipitres rapaces pertimescit magnae Veneris canora familia.	6. А Венера, отказавшись от мысли найти ее земными средствами, устремляется на небо. Она приказывает, чтобы приготовили ей колесницу, которую искусный золотых дел мастер Вулкан с изощренным умением перед совершением брака соорудил ей как свадебный подарок. Тонким напильником выровняв, придал он ей красоту, и сама утрата части золота сделала ее еще более драгоценной. Из множества голубок, что ютятся возле покоев владычицы, отделяются две белоснежные пары, в веселом полете поворачивая переливчатые шейки, впрягаются в осыпанную драгоценными камнями упряжь и, приняв госпожу, радостно взлетают. Сопровождая шумным чириканьем богинину колесницу, резвятся воробышки и прочие звонкоголосые пташки, сладко оглашая воздух нежными трелями, возвещают прибытие богини. Облака расступаются, небо открывается перед своею дочерью, вышний эфир с весельем приемлет богиню, и певчая свита великой Венеры ни встречных орлов, ни хищных ястребов не боится.
7. Tunc se protinus ad Iovis regias arces dirigit et petitu superbo Mercuri dei vocalis operae necessariam usuram postulat. Nec rennuit Iovis caerulum supercilium. Tunc ovans ilico, comitante etiam Mercurio, Venus caelo demeat eique sollicite serit verba: "Frater Arcadi, scis nempe sororem tuam Venerem sine Mercuri praesentia nil unquam fecisse nec te praeterit utique quanto iam tempore delitescentem ancillam nequiverim reperire. Nil ergo superest quam tuo praeconio praemium investigationis publicitus edicere. Fac	7. Тут сейчас же она направляется к царским палатам Юпитера и надменным тоном заявляет, что ей необходимо воспользоваться помощью звучноголосого бога Меркурия[16]. Не выразили отказа темные брови Юпитера[17]. Тут, торжествуя, немедленно, в сопровождении Меркурия, Венера опускается с неба и в волненье так говорит: "Братец мой Аркадией[18], ты ведь знаешь, что никогда Венера, сестра твоя, ничего тайком от Меркурия не предпринимала; небезызвестно тебе также,

ergo mandatum matures meum et indicia qui possit agnosci manifeste designes, ne si quis occultationis illicitae crimen subierit, ignorantiae se possit excusatione defendere"; et simul dicens libellum ei porrigit ubi Psyches nomen continebatur et cetera. Quo facto protinus domum secessit.	сколько уже времени не могу я отыскать скрывающуюся от меня служанку. И мне ничего больше не остается, как через твое глашатайство объявить всенародно, что за указание, где она находится, будет выдана награда. Так вот, поспеши с моим поручением, причем подробно перечисли приметы, по которым можно ее узнать, чтобы провинившийся в недозволенном укрывательстве не мог отговариваться незнанием". С этими словами передает она ему лист, где обозначено имя Психеи и прочее, после чего сейчас же удаляется к себе домой.
8. Nec Mercurius omisit obsequium. Nam per omnium ora populorum passim discurrens sic mandatae praedicationis munus exsequebatur: "Sic quis a fuga retrahere vel occultam demonstrare poterit fugitivam regis filiam, Veneris ancillam, nomine Psychen, conveniat retro metas Murtias Mercurium praedicatorem, accepturus indicivae nomine ab ipsa Venere septem savia suavia et unum blandientis adpulsu linguae longe mellitum." Ad hunc modum pronuntiante Mercurio tanti praemii cupido certatim omnium mortalium studium adrexerat. Quae res nunc vel maxime sustulit Psyches omnem cunctationem. Iamque fores ei dominae proximanti occurrit una de famulitione Veneris nomine Consuetudo statimque quantum maxime potuit exclamat: "Tandem, ancilla nequissima, dominam habere te scire coepisti? An pro cetera morum, tuorum temeritate istud quoque nescire te fingis quantos labores circa tuas inquisitiones sustinuerimus? Sed bene, quod meas potissimum manus incidisti et inter Orci cancros iam ipso haesisti datura scilicet actutum tantae contumaciae poenas",	8. Не замедлил Меркурий послушаться. Обегая все народы, он так провозглашал повсюду, исполняя порученное ему дело: "Если кто-либо вернет из бегов или сможет указать место, где скрывается беглянка, царская дочь, служанка Венеры, по имени Психея, да заявит об этом глашатаю Меркурию за муртийскими метами[19] и в виде награды за сообщение получит тот от самой Венеры семь поцелуев сладостных и еще один самый медвяный с ласковым языка прикосновением". После такого объявления Меркурия желанность подобного вознаграждения побудила всех людей наперебой приняться за поиски. Все это окончательно заставило Психею отбросить всякую медлительность. Она уже приближалась к воротам своей владычицы, как вдруг подбегает Привычка[20], из числа Венериной челяди, и сейчас же кричит что есть мочи: "Наконец-то служанка негоднейшая, уразумела ты, что есть над тобой госпожа! Неужели по свойственной тебе наглости характера твоего начнешь ты прикидываться, будто тебе неизвестно, каких трудов стоило отыскивать тебя? Но хорошо, что ты ко мне именно в руки попалась, словно в самые когти Орка[21] угодила, так что немедленно понесешь наказание за свою строптивость", -
9. et audaciter in capillos eius inmissa manu trahebat eam nequaquam renitentem. Quam ubi primum inductam oblatamque sibi conspexit Venus, latissimum cachinnum extollit et qualem solent furenter irati, caputque quatiens et ascalpens aurem dexteram: "Tandem" inquit "dignata es socrum tuam salutare? An potius maritum, qui tuo vulnere periclitatur, intervisere venisti? Sed esto secura, iam enim excipiam te ut bonam nurum condecet"; et: "Ubi sunt" inquit "Sollicitudo atque Tristities ancillae meae?" Quibus intro vocatis torquendam tradidit eam. At illae sequentes erile praeceptum Psychen	(9.) и, смело вцепившись ей в волосы, потащила ее, меж тем как та не оказывала никакого сопротивления. Как только Венера увидела, что Психею привели и поставили пред лицом ее, она разразилась громким хохотом, как человек, доведенный гневом до бешенства, затрясла головой, принялась чесать правое ухо и говорит: "Наконец-то ты удостоила свекровь посещением! Или, может быть, ты пришла проведать мужа, который мучается от нанесенной тобою раны? Но будь спокойна, я сумею обойтись с тобою, как заслуживает того

misellam flagellis afflictam et ceteris tormentis excruciatam iterum dominae conspectui reddunt. Tunc rursus sublato risu Venus: "Et ecce" inquit "nobis turgidi ventris sui lenocinio commovet miserationem, unde me praeclara subole aviam beatam scilicet faciat. Felix velo ego quae ipso aetatis meae flore vocabor avia et vilis ancillae filius nepos Veneris audiet. Quanquam inepta ego quae frustra filium dicam; impares enim nuptiae et praeterea in villa sine testibus et patre non consentiente factae legitimae non possunt videri ac per hoc spurius iste nascetur, si tamen partum omnino perferre te patiemur."	добрая невестка! - И кричит: - Где тут Забота и Уныние[22], мои служанки?" Им, явившимся на зов, она передала ее на истязание. А те, согласно приказу хозяйки, избив бедняжку Психею плетьми и предав другим мучениям, снова привели ее пред господские очи. Опять Венера покатилась со смеху и говорит: "Наверное, ты рассчитываешь, что во мне вызовет сострадание зрелище вздутого живота твоего, славное отродье которого собирается осчастливить меня званием бабушки? Действительно, большая для меня честь в самом цвете лет называться бабушкой и слышать, как сына рабыни низкой зовут Венериным внуком. Впрочем, я, глупая, напрасно произношу слово "сын": брак был неравен[23], к тому же, заключенный в загородном помещении, без свидетелей, без согласия отца, он не может считаться действительным[24], так что родится от него незаконное дитя, если я вообще позволю тебе доносить его".
10. His editis involat eam vestemque plurifariam diloricat capilloque discisso et capite conquassato graviter affligit, et accepto frumento et hordeo et milio et papavere et cicere et lente et faba commixtisque acervatim confusisque in unum grumulum sic ad illam: "Videris enim mihi tam deformis ancilla nullo alio sed tantum sedulo ministerio amatores tuos promereri: iam ergo et ipsa frugem tuam periclitabor. Discerne seminum istorum passivam congeriem singulisque granis rite dispositis atque seiugatis ante istam vesperam opus expeditum approbato mihi." Sic assignato tantorum seminum cumulo ipsa cenae nuptiali concessit. Nec Psyche manus admolitur inconditae illi et inextricabili moli, sed immanitate praecepti consternata silens obstupescit. Tunc formicula illa parvula atque ruricola certa difficultatis tantae laborisque miserta contubernalis magni dei socrusque saevitiam exsecrata discurrens naviter convocat corrogatque cunctam formicarum accolarum classem: "Miseremini terrae omniparentis agiles alumnae, miseremini et Amoris uxori puellae lepidae periclitanti prompta velocitate succurrite." Ruunt aliae superque aliae sepedum populorum undae summoque studio singulae granatim totum digerunt acervum separatimque distributis dissitisque generibus e conspectu perniciter abeunt.	10. Сказав так, налетает она на ту, по-всякому платье ей раздирает, за волосы таскает, голову ее трясет и колотит нещадно, затем берет рожь, ячмень, просо, мак, горох, чечевицу, бобы - все это перемешивает и, насыпав в одну большую кучу, говорит: "Думается мне, что такая безобразная рабыня ничем другим не могла любовникам угодить, как усердной службой; хочу и я попытать твое уменье. Разбери эту кучу смешанного зерна и, разложив все как следует, зерно к зерну отдельно, до наступления вечера представь мне свою работу на одобрение"[25]. Указавши на множество столь разнообразных зерен, сама отправляется на брачный пир. Психея даже руки не протянула к этой беспорядочной и не поддающейся разбору куче, но, удрученная столь жестоким повелением, молчала и не шевелилась. Вдруг какой-то крошечный деревенский муравьишко, знающий, как трудна подобная работа, сжалившись над сожительницей великого бога и возмутившись ненавистью свекрови, принимается бегать туда-сюда, ревностно сзывает тут все сословие окрестных муравьев и упрашивает их: "Сжальтесь, проворные питомцы земли, всех питающей, сжальтесь над молоденькой красавицей, супругой Амура, придите со всей поспешностью ей, в беде находящейся, на помощь". Ринулись одна за другой волны шестиногих существ, со всем усердием по зернышку всю кучу разбирают и,

	отдельно по сортам распределив и разложив, быстро с глаз исчезают.
11. Sed initio noctis e convivio nuptiali vino madens et fraglans balsama Venus remeat totumque revincta corpus rosis micantibus, visaque diligentia miri laboris: "Non tuum," inquit "nequissima, nec tuarum manuum istud opus, sed illius cui tuo immo et ipsius malo placuisti", et frustro cibarii panis ei proiecto cubitum facessit. Interim Cupido solus interioris domus unici cubiculi custodia clausus coercebatur acriter, partim ne petulanti luxurie vulnus gravaret, partim ne cum sua cupita conveniret. Sic ergo distentis et sub uno tecto separatis amatoribus tetra nox exanclata. Sed Aurora commodum inequitante vocatae Psychae Venus infit talia: "Videsne illud nemus, quod fluvio praeterluenti ripisque longis attenditur, cuius imi frutices vicinum fontem despiciunt? Oves ibi nitentis auri vero decore florentes incustodito pastu vagantur. Inde de coma pretiosi velleris floccum mihi confestim quoquo modo quaesitum afferas censeo."	11. С наступлением ночи прибывает Венера с брачного пира, опьяненная вином, распространяя благоухания, по всему телу увитая гирляндами роз блистающих, и, видя, как тщательно исполнена чудесная работа, восклицает: "Не твоя, негодница, не твоих рук эта работа! Тот это сделал, кому, на его и на твое несчастье, ты понравилась!" И, бросив ей кусок черствого хлеба, пошла спать. Меж тем Купидон, одинокий узник, запертый внутри дома в отдельную комнату, усердно охранялся, отчасти для того, чтобы пылкою резвостью рану себе не разбередил, отчасти чтобы с желанной своей не встретился. Так прошла мрачная ночь для разделенных и под одной крышей разлученных любовников. Но как только Аврора взошла на колесницу, Венера позвала Психею и обратилась к ней с такими словами: "Видишь вон там рощу, что тянется вдоль берега текущей мимо речки? Кусты на краю ее расположены над соседним источником. Там, пасясь без надзора, бродят откормленные овцы, покрытые золотым руном. Я приказываю тебе немедленно принести мне клочок этой драгоценной шерсти, добыв его каким угодно образом".
12. Perrexit Psyche volenter non obsequium quidem illa functura sed requiem malorum praecipitio fluvialis rupis habitura. Sed inde de fluvio musicae suavis nutricula leni crepitu dulcis aurae divinitus inspirata sic vaticinatur harundo viridis: "Psyche tantis aerumnis exercita, neque tua miserrima morte meas sanctas aquas polluas nec vero istud horae contra formidabiles oves feras aditum, quoad de solis fraglantia mutuatae calorem truci rabie solent efferri cornuque acuto et fronte saxea et non nunquam venenatis morsibus in exitium saevire mortalium; se dum meridies solis sedaverit vaporem et pecua spiritus fluvialis serenitate conquieverint, poteris sub illa procerissima platano, quae mecum simul unum fluentum bibit, latenter abscondere. Et cum primum mitigata furia laxaverint oves animum, percussis frondibus attigui nemoris lanosum aurum reperies, quod passim stirpibus conexis obhaerescit."	12. Психея охотно отправляется не для того, чтобы оказать повиновение, но для того, чтобы, бросившись с берега в реку, обрести успокоение от бед своих. Но вдруг из реки, сладчайшей музыки кормилица[26], легким шелестом ветерка нежного свыше вдохновенная, так вещает тростинка зеленая: "Психея, столько бед испытавшая, не пятнай священных вод этих 27 несчастною своею смертью и смотри не приближайся в этот час к ужасным овцам: когда палит их солнечный зной, на них обычно нападает дикое бешенство, и они причиняют гибель смертным то острыми рогами, то лбами каменными, а подчас ядовитыми укусами. Когда же после полудня спадет солнечный жар и приятная речная прохлада стадо успокоит, тогда ты можешь спрятаться под тем широчайшим платаном, что черпает себе влагу из той же реки, что и я. И как только утихнет бешенство овец и они вернутся в свое обычное состояние, ты найдешь золотую шерсть, застрявшую повсюду среди переплетенных ветвей, - стоит лишь потрясти листву соседних деревьев".
13. Sic harundo simplex et humana Psychen aegerrimam salutem suam docebat. Nec	13. Так наставляла простодушная и милосердная тростинка страдалицу Психею, как

auscultatu paenitendo indiligenter instructa illa cessavit, sed observatis omnibus furatrina facili flaventis auri mollitie congestum gremium Veneri reportat. Nec tamen apud dominam saltem secundi laboris periculum secundum testimonium meruit, sed contortis superciliis subridens amarum sic inquit: "Nec me praeterit huius quoque facti auctor adulterinus. Sed iam nunc ego sedulo periclitabor an oppido forti animo singularique prudentia sis praedita. Videsne insistentem celsissimae illi rupi montis ardui verticem, de quo fontis atri fuscae defluunt undae proxumaeque conceptaculo vallis inclusae Stygias inrigant paludes et rauca Cocyti fluenta nutriunt? Indidem mihi de summi fontis penita scaturrigine rorem rigentem hauritum ista confestim defer urnula." Sic aiens crustallo dedolatum vasculum insuper ei graviora comminata tradidit.	избавиться ей от гибели. Она прилежно внимала ее советам, и раскаиваться ей не пришлось: все в точности исполнив, она тайком набирает полную пазуху мягкой золотисто-желтой шерсти и приносит Венере. Однако не вызвало одобрения у госпожи вторичное исполнение вторичного сопряженного с опасностью приказа. Нахмурив брови и злобно улыбнувшись, говорит она: "Небезызвестен мне и этого подвига распутный свершитель! Но вот я испытаю как следует, вполне ли ты обладаешь присутствием духа и особенным благоразумием. Видишь там высящуюся под высочайшей скалой вершину крутой горы, где из сумрачного источника истекают темные воды? Приблизившись к вместительной, замкнутой со всех сторон котловине, они орошают стигийские болота и рокочущие волны Коцита[28] питают. Оттуда, из самого истока глубокого родника, зачерпнув ледяной воды, немедленно принесешь ты ее мне в этой скляночке". Сказав так, она с еще более страшными угрозами передает ей бутылочку из граненого хрусталя.
14. At illa studiose gradum celerans montis extremum petit cumulum certe vel illic inventura vitae pessimae finem. Sed cum primum praedicti iugi conterminos locos appulit, videt rei vastae letalem difficultatem. Namque saxum immani magnitudine procerum et inaccessa salebritate lubricum mediis e faucibus lapidis fontes horridos evomebat, qui statim proni foraminis lacunis editi perque proclive delapsi et angusti canalis exarato contecti tramite proxumam convallem latenter incidebant. Dextra laevaque cautibus cavatis proserpunt ecce longa colla porrecti saevi dracones inconivae vigiliae luminibus addictis et in perpetuam lucem pupulis excubantibus. Iamque et ipsae semet muniebant vocales aquae. Nam et "Discede" et "Quid facis? Vide" et "Quid agis? Cave" et "Fuge" et "Peribis" subinde clamant. Sic impossibilitate ipsa mutata in lapidem Psyche, quamvis praesenti corpore, sensibus tamen aberat et inextricabilis periculi mole prorsus obruta lacrumarum etiam extremo solacio carebat.	14. А та с усердием, ускорив шаг, устремляется к самой вершине горы, думая, не найдет ли хоть там конца горестной своей жизни. Но, добравшись до мест, прилежащих к указанному хребту, видит она смертельную трудность необъятного этого подвига. Невероятная по своей громадности и безнадежная по недоступной крутизне высоченная скала извергала из каменистых теснин приводящие в ужас родники; выброшенные из жерла наклонного отверстия, они сейчас же сбегали по круче и, скрывшись в выбитом русле узкого канала, неприметно для глаза стекали в соседнюю долину; направо и налево из углублений в утесах выглядывали, вытянув длинные шеи, свирепые драконы, глаза которых обречены были на неусыпное бдение и зрачки вечно глядели на свет. К тому же воды, обладающие даром речи и сами себя охраняя, поминутно восклицали: "Назад! Что делаешь? Смотри! Что задумала? Берегись! Беги! Погибнешь!" Окаменела Психея, видя невыполнимость своей задачи, телом была там, но чувствами отсутствовала, и, совершенно подавленная тяжестью безвыходной опасности, была она лишена даже последнего утешения - слез.
15. Nec Providentiae bonae graves oculos innocentis animae latuit aerumna. Nam supremi	15. Но не скрылись от справедливых взоров благостного провидения страдания души невинной. Царственная птица Юпитера

Iovis regalis ales illa repente propansis utrimque pinnis affuit rapax aquila memorque veteris obsequii, quo ductu Cupidinis Iovi pocillatorem Phrygium sustulerat, opportunam ferens opem deique numen in uxoris laboribus percolens alti culminis diales vias deserit et ob os puellae praevolans incipit: "At tu, simplex alioquin et expers rerum talium, sperasne te sanctissimi nec minus truculenti fontis vel unam stillam posse furari vel omnino contingere? Diis etiam ipsique Iovi formidabiles aquas istas Stygias vel fando comperisti, quodque vos deieratis per numina deorum deos per Stygis maiestatem solere? Sed cedo istam urnulam", et protinus adrepta complexaque festinat libratisque pinnarum nutantium molibus inter genas saevientium dentium et trisulca vibramina draconum remigium dextra laevaque porrigens nolentes aquas et ut abiret innoxius praeminantes excipit, commentus ob iussum Veneris petere eique se praeministrare, quare paulo facilior adeundi fuit copia.

всевышнего, хищный орел предстал внезапно, распростерши в обе стороны крылья, и, вспомнив старинную свою службу, когда, по наущению Купидона, похитил он для Юпитера фригийского виночерпия[29], подумал, что, оказав своевременную помощь супруге Купидона в ее трудах, почтит он самого бога, и, покинув высоты стезей Юпитеровых, стал летать над головой девушки и так к ней повел речь: "И ты надеешься, простушка, неопытная к тому же в таких делах, хоть одну каплю достать украдкой или хотя бы приблизиться к этому столь же священному, сколь грозному источнику? Разве ты, хоть понаслышке не знаешь, что эти стигийские воды страшны богам и даже самому Юпитеру, ибо как вы клянетесь обычно вышнею волей богов, так небожители - величием Стикса?[30] Но дай мне твою склянку". Быстро взяв ее в свои когти и приведя в равновесие громаду колеблющихся крыльев, он спешит, уклоняясь то вправо, то влево, средь ряда драконовых пастей с оскаленными зубами и трехжалыми извивающимися языками к противящимся водам, грозно кричащим ему, чтобы удалился он, пока цел. Тогда он отвечает, что стремится к ним по приказанию Венеры, исполняя ее порученье, и выдумка эта немного облегчает ему возможность доступа.

16. Sic acceptam cum gaudio plenam urnulam Psyche Veneri citata rettulit. Nec tamen nutum deae saevientis vel tunc expiare potuit. Nam sic eam maiora atque peiora flagitia comminans appellat renidens exitiabile: "Iam tu quidem magna videris quaedam mihi et alta prorsus malefica, quae talibus praeceptis meis obtemperasti naviter. Sed adhuc istud, mea pupula ministrare debebis. Sume istam pyxidem", et dedit; "protinus usque ad inferos et ipsius Orci ferales penates te derige. Tunc conferens pyxidem Proserpinae: "Petit de te Venus" dicito "modicum de tua mittas ei formonsitate vel ad unam saltem dieculam sufficiens. Nam quod habuit, dum filium curat aegrotum, consumpsit atque contrivit omne". Sed haud immaturius redito, quia me necesse est indidem delitam theatrum deorum frequentare."

16. Так, с радостью получив наполненную скляночку. Психея как можно скорее отнесла ее Венере. Но даже и теперь не могла она снискать одобрения у разгневанной богини. Та со зловещей улыбкой, грозящей еще большими и злейшими бедами, обращается к ней: "Как вижу, ты - великая и прямо-таки опытная колдунья, что так совершенно исполняешь столь трудные задачи. Но вот что, куколка моя, должна ты будешь для меня сделать. Возьми эту баночку, - и вручает ей, - и скорее отправляйся в преисподнюю, в загробное царство самого Орка. Там отдашь баночку Прозерпине и скажешь: "Венера просит тебя прислать ей немножечко твоей красоты, хотя бы на один денек, так как собственную она всю извела и истратила, покуда ухаживала за больным сыном". Но возвращайся не мешкая, так как мне нужно тут же умаститься, чтобы пойти на собрание богов".

17. Tunc Psyche vel maxime sensit ultimas fortunas suas et velamento reiecto ad promptum exitium sese compelli manifeste comperit. Quidni? quae suis pedibus ultro ad Tartarum manesque commeare cogeretur. Nec cunctata divitius pergit

17. Тут, больше чем когда-либо, почувствовала Психея, что настал ее последний час, так как ясно поняла, что без всякого прикрытия посылают ее на верную гибель. Чего же больше? Приказывают ей

ad quampiam turrim praealtam, indidem sese datura praecipitem: sic enim rebatur ad inferos recte atque pulcherrime se posse descendere. Sed turris prorumpit in vocem subitam et: "Quid te" inquit "praecipitio, misella, quaeris extinguere? Quidque iam novissimo periculo laborique isto temere succumbis? Nam si spiritus corpore tuo semel fuerit seiugatus, ibis quidem profecto ad imum Tartarum, sed inde nullo pacto redire poteris. Mihi ausculta.	отправляться в Тартар, к душам усопших, добровольно, на собственных ногах. Не медля более, устремилась она к какой-то высочайшей башне, собираясь броситься оттуда вниз, так как считала, что таким путем лучше и успешнее всего можно сойти в преисподнюю. Но башня неожиданно издает голос и говорит: "Зачем, бедняжка, искать тебе гибели в пропасти? Почему новые опасности и труды так легко удручают тебя? Ведь раз дух твой отделится однажды от тела, конечно, сойдешь ты в глубокий Тартар, но назад оттуда ни при каких условиях не вернешься. Вот послушай-ка меня.
18. Lacedaemo Achaiae nobilis civitas non longe sita est: huius conterminam deviis abditam locis quaere Taenarum. Inibi spiraculum Ditis et per portas hiantes monstratur iter invium, cui te limine transmeato simul commiseris iam canale directo perges ad ipsam Orci regiam. Sed non hactenus vacua debebis per illas tenebras incedere, sed offas polentae mulso concretas ambabus gestare manibus at in ipso ore duas ferre stipes. Iamque confecta bona parte mortiferae viae continaberis claudum asinum lignorum gerulum cum agasone simili, qui te rogabit decidentis sarcinae fusticulos aliquos porrigas ei, sed tu nulla voce deprompta tacita praeterito. Nec mora, cum ad flumen mortuum venies, cui praefectus Charon protenus expetens portorium sic ad ripam ulteriorem sutili cumba deducit commeantes. Ergo et inter mortuos avaritia vivit nec Charon ille Ditis exactor tantus deus quicquam gratuito facit: set moriens pauper viaticum debet quaerere, et aes si forte prae manu non fuerit, nemo eum exspirare patietur. Huic squalido seni dabis nauli nomine de stipibus quas feres alteram, sic tamen ut ipse sua manu de tuo sumat ore. Nec setius tibi pigrum fluentum transmeanti quidam supernatans senex mortuus putris adtollens manus orabit ut eum intra navigium trahas, nec tu tamen inclita adflectare pietate.	18. Неподалеку отсюда находится Лакедемон, знаменитый город Ахайи; по соседству с ним отыщи Тенар[31], скрытый среди безлюдных мест. Там расщелина Дита[32], и через зияющие врата видна дорога непроходимая; лишь только ты ей доверишься и переступишь порог, как прямым путем достигнешь Оркова царства. Но только вступать в этот сумрак должна ты не с пустыми руками: в каждой держи по ячменной лепешке, замешенной на меду с вином, а во рту неси две монеты. Пройдя уже значительную часть смертоносной дороги, встретишь ты хромого осла, нагруженного дровами, и при нем хромого же погонщика; он обратится к тебе с просьбой поднять ему несколько полешек, упавших из вязанки, но ты не говори ни единого слова и молча иди дальше. Вскоре дойдешь ты до реки мертвых, над которой начальником поставлен Харон[33], тут же требующий пошлины и тогда перевозящий путников на другой берег в утлом челне. Значит, и среди умерших процветает корыстолюбие: даже такой бог, как Харон, сборщик податей у Дита, ничего не делает даром, и умирающий бедняк должен запастись деньгами на дорогу, потому что, если нет у него случайно в наличии меди, никто не позволит ему испустить дух. Грязному этому старику ты и дашь в уплату за перевоз один из медяков, которые будут у тебя с собою, но так, чтобы он сам, своей рукой, вынул его у тебя изо рта. Это еще не все: когда будешь ты переправляться через медлительный поток, выплывет мертвый старик на поверхность и, простирая к тебе сгнившую руку, будет просить, чтобы ты втащила его в лодку, но ты не поддавайся недозволенной жалости.
19. Transito fluvio modicum te progressam textrices orabunt anus telam struentes manus	19. Когда, переправившись через реку, ты пройдешь немного дальше, увидишь старых

paulisper accommodes, nec id tamen tibi contingere fas est. Nam haec omnia tibi et multa alia de Veneris insidiis orientur, ut vel unam de manibus omittas offulam. Nec putes futile istud polentacium damnum leve; altera enim perdita lux haec tibi prorsus denegabitur. Canis namque praegrandis teriugo et satis amplo capite praeditus immanis et formidabilis tonantibus oblatrans faucibus mortuos, quibus iam nil mali potest facere, frustra territando ante ipsum limen et atra atria Proserpinae semper excubans servat vacuam Ditis domum. Hunc offrenatum unius offulae praeda facile praeteribis ad ipsamque protinus Proserpinam introibis, quae te comiter excipiet ac benigne, ut et molliter assidere et prandium opipare suadeat sumere. Sed tu et humi reside et panem sordidum petitum esto, deinde nuntiato quid adveneris susceptoque quod offeretur rursus remeans canis saevitiam offula reliqua redime ac deinde avaro navitae data quam reservaveris stipe transitoque eius fluvio recalcans priora vestigia ad istum caelestium siderum redies chorum. Sed inter omnia hoc observandum praecipue tibi censeo, ne velis aperire vel inspicere illam quam feres pyxidem vel omnino divinae formonsitatis abditum curiosius temptare thensaurum."	ткачих, занятых тканьем; они попросят, чтобы ты приложила руку к их работе, но это не должно тебя касаться. Ведь все это и многое еще другое будет возникать по коварству Венеры, чтобы ты выпустила из рук хоть одну лепешку. Не думай, что потерять эти ячменные лепешки пустое, ничтожное дело: если одну хотя бы утратишь, снова света белого не увидишь. Преогромный пес[34] с тремя большими головами, громадный и страшный, извергая громоподобное рычанье из своей пасти и тщетно пугая мертвых, которым зла причинить не может, лежит у самого порога, черных чертогов Прозерпины и постоянно охраняет обширное жилище Дита. Дав ему для укрощения в добычу одну из двух лепешек, ты легко пройдешь мимо него и достигнешь скоро самой Прозерпины, которая примет тебя любезно и милостиво, предложит мягкое сиденье и попросит отведать пышной трапезы. Но ты сядь на землю и возьми только простого хлеба, затем доложи, зачем пришла, и, приняв, что тебе дадут, возвращайся обратно; смягчи ярость собаки оставшейся лепешкой, заплати скупому лодочнику монетой, которую ты сохранила, и, переправившись через реку, снова вступишь на прежнюю дорогу и снова увидишь хоровод небесных светил. Но вот о чем я считаю особенно нужным предупредить тебя прежде всего: не вздумай открывать баночку, которая будет у тебя в руках, или заглядывать в нее, не проявляй любопытства к скрытым в ней сокровищам божественной красоты".
20. Sic turris illa prospicua vaticinationis munus explicuit. Nec morata Psyche pergit Taenarum sumptisque rite stipibus illis et offulis infernum decurrit meatum transitoque per silentium asinario debili et amnica stipe vectori data neglecto supernatantis mortui desiderio et spretis textricum subdolis precibus et offulae cibo sopita canis horrenda rabie domum Proserpinae penetrat. Nec offerentis hospitae sedile delicatum vel cibum beatum amplexa sed ante pedes eius residens humilis cibario pane contenta Veneriam pertulit legationem. Statimque secreto repletam conclusamque pyxidem suscipit et offulae sequentis fraude caninis latratibus obseratis residuaque navitae reddita stipe longe vegetior ab inferis recurrit. Et repetita atque adorata candida ista luce, quanquam festinans obsequium terminare, mentem capitur temeraria curiositate et: "Ecce" inquit "inepta ego divinae formonsitatis gerula, quae nec tantillum quidem indidem mihi	20. Так прозорливая башня изложила свое пророчество. Психея, не мешкая, направляется к Тенару, взяв, как положено, монеты и лепешки, спускается по загробному пути, затем, молча пройдя мимо убогого погонщика ослов, дав монету перевозчику за переправу, оставив без внимания просьбы выплывшего покойника, пренебрегши коварными мольбами ткачих и успокоив страшную ярость пса лепешкой, проникает в чертоги Прозерпины. Не польстившись на предложенное хозяйкой сиденье мягкое и кушанье сладкое, но сев смиренно у ног ее и удовольствовавшись простым хлебом, передала она поручение Венеры. Сейчас же запрятала наполненную и закупоренную баночку и, заткнув глотку лаявшему псу брошенной с хитрым умыслом другой лепешкой, заплатив оставшейся монетой лодочнику, выбралась она из преисподней гораздо веселее, чем шла туда.

delibo vel sic illi amatori meo formonso placitura",	Снова увидела Психея свет белый и поклонилась ему. Но, хотя и торопилась она поскорее исполнить поручение, дерзкое любопытство овладело ею. "Какая я глупая, - говорит она, - что несу с собой божественную красоту и не беру от нее хоть немножечко для себя, чтобы понравиться прекрасному моему возлюбленному".
21. et cum dicto reserat pyxidem. Nec quicquam ibi rerum nec formonsitas ulla, sed infernus somnus ac vere Stygius, qui statim coperculo relevatus invadit eam crassaque soporis nebula cunctis eius membris perfunditur et in ipso vestigio ipsaque semita conlapsam possidet. Et iacebat immobilis et nihil aliud quam dormiens cadaver. Sed Cupido iam cicatrice solida revalescens nec diutinam suae Psyches absentiam tolerans per altissimam cubiculi quo cohibebatur elapsus fenestram refectisque pinnis aliquanta quiete longe velocius provolans Psychen accurrit suam detersoque somno curiose et rursum in pristinam pyxidis sedem recondito Psychen innoxio punctulo sagittae suae suscitat et: "Ecce" inquit "rursum perieras, misella, simili curiositate. Sed interim quidem tu provinciam quae tibi matris meae praecepto mandata est exsequere naviter, cetera egomet videro." His dictis amator levis in pinnas se dedit, Psyche vero confestim Veneri munus reportat Proserpinae.	21. И, сказав так, открывает баночку. Там ничего решительно нет, никакой красоты, только сон подземный, поистине стигийский, сейчас же вырвавшийся из-под крышки, на нее находит; по всему телу разливается густое облако оцепенения и овладевает ею, упавшей в тот же момент на той же тропинке. И лежала она недвижно, словно спящий мертвец. А Купидон, выздоровев от тяжкой своей раны и не перенеся столь долгого отсутствия своей Психеи, ускользнул через высокое окно комнаты, где был заключен, и, с удвоенною быстротой полетев на отдохнувших во время долгого бездействия крыльях, мчится к своей Психее, тщательно снимает с нее сон и прячет его на прежнее место в баночку. Психею же будит безопасным уколом своей стрелы и говорит: "Вот ты, бедняжка, опять чуть не погибла, все из-за того же твоего любопытства. Но пока что усердно исполни поручение, которое мать моя дала тебе своим приказом, а об остальном я позабочусь". С этими словами проворный возлюбленный вспорхнул на крыльях, а Психея поспешила отнести Венере Прозерпинин подарок[35].
22. Interea Cupido amore nimio peresus et aegra facie matris suae repentinam sobrietatem pertimescens ad armillum redit alisque pernicibus caeli penetrato vertice magno Iovi supplicat suamque causam probat. Tunc Iuppiter prehensa Cupidinis buccula manuque ad os suum relata consaviat atque sic ad illum: "Licet tu," inquit "domine fili, numquam mihi concessu deum decretum servaris honorem, sed istud pectus meum quo leges elementorum et vices siderum disponuntur convulneraris assiduis ictibus crebrisque terrenae libidinis foedaveris casibus contraque leges et ipsam Iuliam disciplinamque publicam turpibus adulteriis existimationem famamque meam laeseris in serpentes in ignes in feras in aves et gregalia pecua serenos vultus meos sordide reformando, at tamen modestiae mea memor quodque inter istas meas manus creveris cuncta perficiam, dum tamen scias aemulos tuos cavere, ac si qua nunc in terris puella praepollet pulcritudine, praesentis beneficii	22. Меж тем Купидон, снедаемый сильной любовью и боясь внезапной суровости своей матери, принимается за старые хитрости и, достигнув на быстрых крыльях самой выси небес, со скорбным лицом обращается с мольбами к великому Юпитеру и излагает ему суть дела. Тогда Юпитер, потрепав Купидона по щеке и поднеся к своему лицу его руку, целует и так говорит ему: "Хоть ты, сынок, господин мой, никогда не оказывал мне должного почтения, присужденного мне собранием богов, а наоборот, грудь мою, где предопределяются законы стихий и чередования светил, часто поражал ударами и нередко позорил грехами земных вожделений, так что пятнал мою честь и доброе имя, заставляя нарушать законы, в особенности Юлиев закон[36], и общественную нравственность позорными прелюбодеяниями; унизительным образом ты заставлял меня светлый лик мой менять на вид змеи, огня,

vicem per eam mihi repensare te debere."

зверей, птиц и домашнего скота[37], - но все же, памятуя о своей снисходительности, а также и о том, что ты вырос на моих руках, я исполню все твои желания, сумей только уберечься от своих недоброжелателей. А еще в ответ на это благодеяние должен ты, если на земле в настоящее время находится какая-нибудь девушка несравненной красоты, отдать мне ее в вознаграждение".

23. Sic fatus iubet Mercurium deos omnes ad contionem protinus convocare, ac si qui coetu caelestium defuisset, in poenam decem milium nummum conventum iri pronuntiare. Quo metu statim completo caelesti theatro pro sede sublimi sedens procerus Iuppiter sic enuntiat:

"Dei conscripti Musarum albo, adolescentem istum quod manibus meis alumnatus sim profecto scitis omnes. Cuius primae iuventutis caloratos impetus freno quodam coercendos existimavi; sat est cotidianis eum fabulis ob adulteria cunctasque corruptelas infamatum. Tollenda est omnis occasio et luxuria puerilis nuptialibus pedicis alliganda. Puellam elegit et virginitate privavit: teneat, possideat, amplexus Psychen semper suis amoribus perfruatur." Et ad Venerem conlata facie: "Nec tu," inquit "filia, quicquam contristere nec prosapiae tantae tuae statuque de matrimonio mortali metuas. Iam faxo nuptias non impares sed legitimas et iure civili congruas", et ilico per Mercurium arripi Psychen et in caelum perduci iubet. Porrecto ambrosiae poculo: "Sume," inquit "Psyche, et immortalis esto, nec umquam digredietur a tuo nexu Cupido sed istae vobis erunt perpetuae nuptiae."

23. Сказав так, приказывает он Меркурию немедленно созвать всех богов на заседание и объявить, что на того, кто не явится на небесный совет, будет наложен штраф в десять тысяч нуммов. Боясь этого, небожители быстро наполняют покои, и Юпитер, сидя выше всех на возвышенном седалище, так возглашает: "Боги, внесенные в списки Музами[38], конечно, все вы знаете этого юношу, который вырос у меня на руках. Решил я какой-нибудь уздой сдержать буйные порывы его цветущей молодости; хватит с него, что ежедневно его порочат рассказами о прелюбодеяниях и всякого рода сквернах. Уничтожить надлежит всякий повод к этому и связать мальчишескую распущенность брачными путами. Он выбрал некую девушку и невинности лишил ее; пусть же она останется при нем, пусть он ею владеет и в объятиях Психеи да наслаждается вечной любовью. - И, обратясь к Венере, продолжает: - А, ты, дочка, отбрось всякую печаль и не бойся, что твой знаменитый род и положение пострадают от брака со смертной. Я сделаю так, что союз не будет неравным[39], но законным, сообразным гражданским установлениям". Тут он отдает приказ Меркурию сейчас же схватить Психею и доставить на небо и. протянув ей чашу с амброзией[40], говорит: "Прими, Психея, стань бессмертной. Пусть никогда Купидон не отлучается из объятий твоих, и да будет этот союз на веки веков".

24. Nec mora, cum cena nuptialis affluens exhibetur. Accumbebat summum torum maritus Psychen gremio suo complexus. Sic et cum sua Iunone Iuppiter ac deinde per ordinem toti dei. Tunc poculum nectaris, quod vinum deorum est, Iovi quidem suus pocillator ille rusticus puer, ceteris vero Liber ministrabat, Vulcanus cenam coquebat; Horae rosis et ceteris floribus purpurabant omnia, Gratiae spargebant balsama, Musae quoque canora personabant. Tunc Apollo cantavit ad citharam, Venus suavi musicae superingressa formonsa saltavit, scaena sibi sic concinnata, ut Musae quidem chorum canerent, tibias inflaret Saturus, et Paniscus ad fistulam

24. Немедленно свадебный стол роскошный накрывают. На почетном ложе возлежал новобрачный, прижав к груди своей Психею. Подобным же образом возлежал и Юпитер со своей Юноной, а за ними по порядку и все боги. Чашу с нектаром, что богам вино заменяет, Юпитеру подавал кравчий его, славный отрок сельский[41], остальным гостям подносил Либер[42]. Вулкан кушанья готовил, Оры осыпали всех розами и другими цветами, Грации окропляли благовониями. Музы оглашали воздух пением. Аполлон пел под кифару, прекрасная Венера в такт музыке сладкой плясала в таком сопровождении: Музы

diceret. Sic rite Psyche convenit in manum Cupidinis et nascitur illis maturo partu filia, quam Voluptatem nominamus".	пели хором, Сатир играл на флейте[43], а Паниск[44] дул в свирель. Так надлежащим образом передана была во власть Купидона[45] Психея, и, когда пришел срок, родилась у них дочка, которую зовем мы Наслаждением[46].
25. Sic captivae puellae delira et temulenta illa narrabat anicula; sed astans ego non procul dolebam mehercules quod pugillares et stilum non habebam qui tam bellam fabellam praenotarem. Ecce confecto nescio quo gravi proelio latrones adveniunt onusti, non nulli tamen immo promptiores vulneratis domi relictis et plagas recurantibus ipsi ad reliquas occultatas in quadam spelunca sarcinas, ut aiebant, proficisci gestiunt. Prandioque raptim tuburcinato me et equum vectores rerum illarum futuros fustibus exinde tundentes producunt in viam multisque clivis et anfractibus fatigatos prope ipsam vesperam perducunt ad quampiam speluncam, unde multis onustos rebus rursum ne breviculo quidem tempore refectos ociter reducunt. Tantaque trepidatione festinabat ut me plagis multis obtundentes propellentesque super lapidem propter viam positum deicerent, unde crebris aeque ingestis ictibus crure dextero et ungula sinistra me debilitatum aegre ad exurgendum compellunt.	25. Так рассказывала пленной девушке выжившая из ума и пьяная старушонка, а я, стоя неподалеку, клянусь Геркулесом, жалел, что нет при мне табличек и палочки, чтобы записать такую прекрасную повесть. Тут после какой-то опасной схватки возвращаются разбойники с добычей, но некоторые из них, более задорные, ранены; этих они оставляют дома лечить раны, а сами спешат возвратиться за частью добычи, припрятанной, по их словам, в какой-то пещере. Проглотили второпях обед и, погоняя дубинками, выводят на дорогу меня с лошадью - вьючную силу для предстоящей перевозки; утомленные многочисленными перевалами и кручами, к вечеру добираемся мы до какой-то пещеры; там на нас навьючивают множество всякой поклажи и, ни минуточки не дав передохнуть, тотчас гонят обратно, и так впопыхах торопятся, что я, осыпаемый бесчисленными ударами и толчками, свалился на камень, лежавший при дороге. Опять посыпались на меня частые удары, чтобы я поднялся, хотя я и повредил себе правую голень и левое копыто.
26. Et unus: "Quo usque" inquit "ruptum istum asellum, nunc etiam claudum, frustra pascemus?" Et alius: "Quid quod et pessumo pede domum nostram accessit nec quicquam idonei lucri exinde cepimus sed vulnera et fortissimorum occisiones?" Alius iterum: "Certe ego, cum primum sarcinas istas quanquam invitus pertulerit, protinus eum vulturiis gratissimum pabulum futurum praecipitabo." Dum secum mitissimi homines altercant de mea nece, iam et domum perveneramus. Nam timor ungulas mihi alas fecerat. Tunc quae ferebamus amoliti properiter nulla salutis nostrae cura ac ne meae quidem necis habita comitibus adscitis, qui vulnerati remanserant dudum, recurrunt reliqua ipsi laturi taedio, ut aiebant, nostrae tarditatis. Nec me tamen mediocris carpebat scrupulus contemplatione comminatae mihi mortis; et ipse mecum: "Quid stas, Luci, vel quid iam novissimum exspectas? Mors et haec acerbissima decreto latronum tibi comparata est. Nec magno conatu res indiget; vides istas rupinas proximas et praeacutas in his prominentes silices, quae te penetrantes antequam decideris	26. И один из разбойников говорит: "Долго ли мы будем даром кормить этого никуда не годного осла, который теперь к тому же еще и охромел?" А другой: "Как только этот проклятый завелся у нас в доме, ни в чем настоящей удачи нам нет, самых храбрых то ранят, то насмерть убивают". Еще другой: "Как только он, хочет не хочет, поклажу донесет, я не я буду, если его вниз головой не сброшу, пускай ястребы им досыта питаются". Покуда эти добрейшие люди так между собою о моей смерти переговариваются, мы добрались до дому. От страху у меня на копытах словно крылья выросли. Тут, наскоро свалив с нас груз и перестав заботиться о нашем благополучии, а также о моей смерти, сейчас же вызывают они оставшихся в пещере раненых товарищей и спешат назад, чтобы остаток добычи перенести на руках, так как, по их словам, им до смерти надоела наша медлительность. Меня же охватило немалое беспокойство при мысли о готовящейся мне смерти. И я так раздумывал сам с собою: "Ну что, Луций. стоишь, чего еще худшего ждешь? Смерть, и притом

membratim dissipabunt. Nam et illa ipsa praeclara magia tua vultum laboresque tibi tantum asini, verum corium non asini crassum sed hirudinis tenue membranulum circumdedit. Quin igitur masculum tandem sumis animum tuaeque saluti, dum licet, consulis? Habes summam opportunitatem fugae, dum latrones absunt. An custodiam anus semimortuae formidabis, quam licet claudi pedis tui calce unica finire poteris? - Sed quo gentium capessetur fuga vel hospitium quis dabit? Haec quidem inepta et prorsus asinina cogitatio; quis enim viantium vectorem suum non libenter auferat secum?"	жесточайшая, решена тебе на совете разбойников. Привести это в исполнение не стоит никакого труда: видишь, совсем близко высокие скалы, усеянные острейшими камнями, которые в тело тебе вонзятся раньше, чем умрешь, на клочки тебя раздерут. Ведь эта знаменитая магия твоя, дав тебе образ и тяготы осла, не толстой ослиной кожей тебя снабдила, а тонкой кожицей, как у пиявки[47]. Что же ты не воспрянешь духом и не подумаешь, пока еще возможно, о своем спасении? Пока разбойников нет, все для бегства складывается самым благоприятным образом. Или ты боишься присмотра старухи полуживой? Лягнуть ее разок копытом, даже хромой ногой - вот с ней и покончено! Но к кому направить бег свой, и кто окажет мне гостеприимство? Вот нелепое и поистине ослиное рассуждение! Да любой прохожий охотно прихватит с собой средство к передвижению".
27. Et alacri statim nisu lorum quo fueram destinatus abrumpo meque quadripedi cursu proripio. Nec tamen astutulae anus milvinos oculos effugere potui. Nam ubi me conspexit absolutum, capta super sexum et aetatem audacia lorum prehendit ac me deducere ac revocare contendit. Nec tamen ego, memor exitiabilis propositi latronum, pietate ulla commoveor, sed incussis in eam posteriorum pedum calcibus protinus adplodo terrae. At illa quamvis humi prostrata loro tamen tenaciter inhaerebat, ut me procurrentem aliquantisper tractu sui sequeretur. Et occipit statim clamosis ululatibus auxilium validioris manus implorare. Sed frustra fletibus cassum tumultum commovebat, quippe cum nullus adforet qui suppetias ei ferre posset nisi sola illa virgo captiva, quae vocis excitu procurrens videt hercules memorandi spectaculi scaenam, non tauro sed asino dependentem Dircen aniculam, sumptaque constantia virili facinus audet pulcherrimum. Extorto etenim loro manibus eius me placidis gannitibus ab impetu revocatum naviter inscendit et sic ad cursum rursum incitat.	27. Сейчас же быстрым усилием оборвав привязь, которой я был прикреплен, пускаюсь в бегство со всех четырех ног. Однако я не смог ускользнуть от ястребиного глаза хитрой старухи. Как только она увидела меня на свободе, то, набравшись не по возрасту и не по полу своему дерзости, ухватилась она за привязь и попыталась тащить меня обратно. А я, памятуя о зловещем намерении разбойников, не поддаюсь никакой жалости, но, ударив старуху задними ногами, сейчас же валю ее на землю. Но она, хотя и распростертая ниц, все-таки крепко вцепилась в привязь, так что в своем беге я протащил ее несколько шагов за собою. К тому же она начала громким воем звать к себе на подмогу кого-либо посильнее. Но тщетно воплями поднимала она напрасный шум, так как не было никого, кто мог бы прийти к ней на помощь, разве только одна пленная эта девица, которая, прибежав на крики, видит зрелище, клянусь Геркулесом, достойное памяти, - старушку в виде Дирцеи[48], повисшую не на быке, а на осле. Тогда она, вооружившись мужской стойкостью, решилась на прекраснейшее дело: выхватив у той из рук привязь и сдержав меня успокоительным щебетаньем, она ловко на меня вскакивает и, таким образом, снова побуждает к бегу.
28. Ego simul voluntariae fugae voto et liberandae virginis studio, sed et plagarum suasu quae me saepicule commonebant, equestri celeritate quadripedi cursu solum replaudens virgini delicatas voculas adhinnire temptabam.	28. Одушевленный в одно и то же время добровольным решением бежать и стремлением освободить девицу, к тому же и убеждаемый ударами, которые частенько меня подбадривали, я с лошадиной скоростью

Sed et scabendi dorsi mei simulatione nonnumquam obliquata cervice pedes decoros puellae basiabam. Tunc illa spirans altius caelumque sollicito vultu petens: "Vos", inquit "Superi, tamen meis supremis periculis opem facite, et tu, Fortuna durior, iam saevire desiste. Sat tibi miseris istis cruciatibus meis litatum est. Tuque, praesidium meae libertatis meaeque salutis, si me domum pervexeris incolumem parentibusque et formonso proco reddideris, quas tibi gratias perhibebo, quos honores habebo, quos cibos exhibebo! Iam primum iubam istam tuam probe pectinatam meis virginalibus monilibus adornabo, frontem vero crispatam prius decoriter discriminabo caudaeque setas incuria lavacri congestas et horridas prompta diligentia perpolibo bullisque te multis aureis inoculatum veluti stellis sidereis relucentem et gaudiis popularium pomparum ovantem, sinu serico progestans nucleos et edulia mitiora, te meum sospitatorem cotidie saginabo.	застучал по земле четырьмя копытами, пытаясь даже отвечать ржанием на нежные обращения девушки. Неоднократно даже, повернув шею, будто для того, чтобы почесать спину, я целовал красивые девичьи ноги. Наконец она, глубоко вздыхая и обращая к небу взволнованное лицо, восклицает: - Вы, всевышние боги, помогите же наконец мне в крайней опасности, а ты, столь жестокая судьба, перестань быть ко мне враждебной! Этих достойных сострадания мучений достаточно, чтобы умилостивить тебя. Ты же, опора моей свободы и спасения, если меня невредимой домой приведешь и вернешь родителям и жениху моему прекрасному, уж я тебя своей благодарностью не оставлю, какой почет доставлю, какие кушанья предоставлю! Прежде всего гриву твою, старательно расчесав, моими девичьими драгоценностями украшу; челку же, завив сначала, красиво разделю на две пряди; хвост лохматый и свалявшийся оттого, что долго его не мыли, со всей тщательностью разглажу; весь украшенный золотыми шариками[49], как небесными звездами, заблестишь ты, приветствуемый радостными криками толпы; насыпав в шелковый мешок миндаля и лакомств, каждый день стану кормить тебя до отвала, как спасителя своего.
29. Sed nec inter cibos delicatos et otium profundum vitaeque totius beatitudinem deerit tibi dignitas gloriosa. Nam memoriam praesentis fortunae meae divinaeque providentiae perpetua testatione signabo et depictam in tabula fugae praesentis imaginem meae domus atrio dedicabo. Visetur et in fabulis audietur doctorumque stilis rudis perpetuabitur historia "Asino vectore virgo regia fugiens captivitatem". Accedes antiquis et ipse miraculis, et iam credemus exemplo tuae veritatis et Phrixum arieti supernatasse et Arionem delphinum gubernasse et Europam tauro supercubasse. Quodsi vere Iupiter mugivit in bove, potest in asino meo latere aliqui vel vultus hominis vel facies deorum." Dum haec identidem puella replicat votisque crebros intermiscet suspiratus, ad quoddam pervenimus trivium, unde me adrepto capistro dirigere dextrorsum magnopere gestiebat, quod ad parentes eius ea scilicet iretur via. Sed ego gnarus latrones illac ad reliquas commeasse praedas renitebar firmiter atque sic in animo meo tacitus expostulabam: "Quid facis, infelix puella? Quid agis? Cur festinas ad Orcum? Quid meis pedibus facere contendis? Non enim te tantum	29. Но, кроме нежной пищи, полного покоя и блаженства в течение всей жизни, не будет тебе недостатка и в достойном прославлении. Запечатлею я память о настоящем счастье моем и божественном промысле вечным свидетельством и повешу в атриуме дома картину, изображающую теперешнее мое бегство[50]. И все будут видеть, и в сказках слышать, и палочками ученых людей на вечные времена в книгах записанную читать историю о том, как "девица царской крови из плена на осле убежала". Причислен будешь ты к древним чудесам, и твой живой пример заставит поверить и во Фрикса, переплывшего море на баране[51], и в Дриона, правившего дельфином, и в Европу, возлежавшую на быке[52]. Если правда, что Юпитер мычал, обратившись в быка, может быть, и в моем осле скрывается какое-нибудь человеческое лицо или божеский лик? Пока девушка несколько раз это повторяла и обеты свои прерывала частыми вздохами, добрались мы до некоего перекрестка, откуда, схватив за недоуздок, старалась она изо всей силы повернуть меня направо, где, по ее

verum etiam me perditum ibis." Sic nos diversa tendentes et in causa finali de proprietate soli immo viae herciscundae contendentes rapinis suis onusti coram deprehendunt ipsi latrones et ad lunae splendorem iam inde longius cognitos risu maligno salutant.	мнению, шла дорога к ее родителям. Но я, зная, что разбойники по ней же пошли за остальной своей добычей, крепко заупрямился и так молча в душе своей к ней обращался: "Что делаешь, дева несчастная? Что творишь? Зачем спешишь к Орку? Зачем стремишься насильно направить мои шаги? Ведь не только к своей гибели, но и к моей ведешь ты нас!" Пока мы так тянули в разные стороны и спорили, будто на суде о межевании земельных владений или, вернее сказать, о разделе дороги[53], внезапно являются разбойники, нагруженные своей добычей, и издали еще, узнавши нас при лунном свете, приветствуют злорадным смехом.
30. Et unus e numero sic appellat: "Quorsum istam festinanti vestigio lucubratis viam nec noctis intempestae Manes Larvasque formidatis? An tu, probissima puella, parentes tuos intervisere properas? Sed nos et solitudini tuae praesidium praebebimus et compendiosum ad tuos iter monstrabimus." Et verbum manu secutus prehenso loro retrorsum me circumtorquet nec baculi nodosi quod gerebat suetis ictibus temperat. Tunc ingratis ad promptum recurrens exitium reminiscor doloris ungulae et occipio nutanti capite claudicare. Sed: "Ecce," inquit ille qui me retraxerat "rursum titubas et vacillas, et putres isti tui pedes fugere possunt, ambulare nesciunt? At paulo ante pinnatam Pegasi vincebas celeritatem." Dum sic mecum fustem quatiens benignus iocatur comes, iam domus eorum extremam loricam perveneramus. Et ecce de quodam ramo procerae cupressus induta laqueum anus illa pendebat. Quam quidem detractam protinus cum suo sibi funiculo devinctam dedere praecipitem puellaque statim distenta vinculis cenam, quam postuma diligentia praeparaverat infelix anicula, ferinis invadunt animis.	30. Один из их числа так обращается к нам: - Что это вы по этой дороге спешным шагом по ночам шляетесь, не убоявшись в глухую полночь манов и злых духов? Или ты, честнейшая девица, спешишь увидеться со своими родителями? Но в одиночестве твоем мы будем тебе защитой и к родителям твоим кратчайший путь укажем. За словом последовало и дело. Схватив за привязь, повернул он меня в обратную сторону, не скупясь на привычные для меня удары узловатой палки, которая была у него в руках. Тут против воли вспоминаю я, приближаясь к скорой гибели, о боли в копыте и, мотая головой, принимаюсь хромать. Но тот, что меня тащил обратно, восклицает: - Вот как! Снова ты принялся хромать и шататься, и ноги твои гнилые бегать могут, а идти не умеют? А только что ты крылатого Пегаса быстротой превосходил! Покуда милостивый спутник мой, потрясая палкой, так со мной пошучивал, добрались мы до первой ограды их жилища. И вот видим: на одном суку высокого кипариса висит старуха. Тотчас же ее сняли и так, с веревкой на шее, и бросили в пропасть, затем немедленно заключили девицу в оковы и, как звери, набросились на ужин, посмертный плод заботливости несчастной старухи.
31. Ac dum avida voracitate cuncta contruncant, iam incipiunt de nostra poena suaque vindicta secum considerare. Et utpote in coetu turbulento variae fuere sententiae, ut primus vivam cremari censeret puellam, secundus bestiis obici suaderet, tertius patibulo suffigi iuberet, quartus tormentis excarnificari praeciperet; certe calculo cunctorum utcumque mors ei fuerat destinata. Tunc unus, omnium sedato tumultu, placido sermone sic orsus est:	31. Покуда с жадной прожорливостью они все поедали, начали между собою совещаться, какую казнь придумать нам в отмщение за себя. И, как в каждом бурном собрании, мнения разделились: один считал, что девицу следует сжечь заживо, другой убеждал отдать ее диким зверям, третий требовал распять ее на кресте, четвертый советовал пытками ее замучить; в одном все так или иначе сходились, что обречена она должна быть на смерть. Тут один

"Nec sectae collegii nec mansuetudini singulorum ac ne meae quidem modestiae congruit pati vos ultra modum delictique saevire terminum nec feras nec cruces nec ignes nec tormenta ac ne mortis quidem maturatae festinas tenebras accersere. Meis itaque consiliis auscultantes vitam puellae, sed quam meretur, largimini. Nec vos memoria deseruit utique quid iam dudum decreveritis de isto asino semper pigro quidem sed manducone summo nunc etiam mendaci fictae debilitatis et virginalis fugae sequestro ministroque. Hunc igitur iugulare crastino placeat totisque vacuefacto praecordiis per mediam alvum nudam virginem, quam praetulit nobis, insuere, ut sola facie praeminente ceterum corpus puellae nexu ferino coerceat, tunc super aliquod saxum scruposum insiciatum et fartilem asinum exponere et solis ardentis vaporibus tradere.	из них, когда стих всеобщий шум, спокойно обратился к собранию с такими словами: - Не приличествует ни обычаям нашего товарищества, ни милосердию каждого в отдельности, ни, наконец, моей умеренности, чтобы допустили мы чрезмерную ярость в наказание за проступки и чтобы с помощью диких зверей, креста, огня, пыток и какой бы то ни было преждевременной смерти ускорили нисхождение ее в царство мрака. Итак, последовав моим советам, даруем же девице жизнь, но такую, какой она заслуживает. Из памяти у вас не вылетело, что уже раньше решили вы относительно этого осла, всегда ленивого и к тому же крайне прожорливого, который теперь ложно прикидывается калекой, а между тем оказался посредником и помощником девушки в ее бегстве. Лучше всего зарежем его завтра же и, выпотрошив, зашьем ему в середину живота голую девицу, которую он нам предпочел, так, 'чтобы только одна голова ее была наружу, а все остальное тело девушки скрывалось в звериной шкуре. Затем выставим этого нафаршированного и откормленного осла на какую-нибудь каменистую скалу и предоставим лучам палящего солнца.
32. Sic enim cuncta quae recte statuistis ambo sustinebunt, et mortem asinus quam pridem meruit, et illa morsus ferarum, cum vermes membra laniabunt, et ignis flagrantiam, cum sol nimiis caloribus inflammarit uterum, et patibuli cruciatum, cum canes et vultures intima protrahent viscera. Sed et ceteras eius aerumnas et tormenta numerate: mortuae bestiae ipsa vivens ventrem habitabit, tum faetore nimio nares aestuabit, et inediae diutinae letali fame tabescet, nec suis saltem liberis manibus mortem sibi fabricare poterit." Talibus dictis non pedibus sed totis animis latrones in eius vadunt sententiam. Quam meis tam magnis auribus accipiens quid aliud quam meum crastinum deflebam cadaver?	32. Таким образом, оба будут претерпевать все то, что вы справедливо постановили. Осел подвергнется давно уже заслуженной смерти, а она и зверями будет съедена, так как тело ее будут пожирать черви, и огнем будет сожжена, так как чрезмерная солнечная жара будет палить ослиное брюхо, и на кресте будет мучиться, когда собаки и коршуны потянут внутренности наружу. Но прикиньте, сколько и других еще пыток и мучений предстоит ей: живая, она будет находиться в желудке дохлого животного, мучимая невыносимым зловонием при усилении зноя, изнуряемая смертельным голодом от длительного отсутствия пищи, она даже не сможет сама себе причинить смерть, так как руки ее будут несвободны. После такой речи разбойники не рукой, а всей душой проголосовали за его предложение. Мне же, слушавшему все это своими длинными ушами, что оставалось делать, как не оплакивать себя, который завтра будет не более чем падалью?
LIBER SEPTIMUS	**КНИГА СЕДЬМАЯ**
1. Ut primum tenebris abiectis dies inalbebat et	1. Едва, разогнав мрак, забрезжил день и

candidum solis curriculum cuncta conlustrabat, quidam de numero latronum supervenit; sic enim mutuae salutationis officiorum indicabat. Is in primo speluncae aditu residens et ex anhelitu recepto spiritu tale collegio suo nuntium fecit: "Quod ad domum Milonis Hypatini quam proxime diripuimus pertinet, discussa sollicitudine iam possumus esse securi. Postquam vos enim fortissimis viribus cunctus ablatis castra nostra remeastis, immixtus ego turbelis popularium dolentique atque indignanti similis arbitrabar super investigatione facti cuius modi consilium caperetur et an et quatenus latrones placeret inquiri, renuntiaturus vobis, uti mandaveratis, omnia. nec argumentis dubiis, sed rationibus probabilibus congruo cunctae multitudinis consensu nescio qui Lucios auctor manifestus facinoris postulabatur, qui proximis diebus fictis commendaticiis litteris Miloni sese virum commentitus bonum artius conciliaverat, ut etiam hospitio susceptus inter familiaris intimos haberetur, plusculisque ibidem diebus demoratus falsis amoribus ancillae Milonis animum inrepens ianuae claustra sedulo exploraverat et ipsa membra in quis omne patrimonium condi solebat curiose perspexerat.	сверкающая колесница солнца все кругом осветила, как пришел какой-то человек из числа разбойников (на это указывали приветствия, какими они обменялись друг с другом). Сев у самого входа в пещеру и переведя дух, он сообщил своим товарищам следующее: - Что касается дома Милона Гипатского, который мы на днях разграбили, то тут мы можем, отложив всякую тревогу, успокоиться. После того как вы все имущество с величайшей смелостью растащили и вернулись в наш лагерь, я вмешался в толпу местных жителей и, изображая то горесть, то возмущение, старался узнать, какие меры будут приняты для расследования дела и решат ли они разыскивать разбойников и в какой мере, чтобы обо всем донести вам, как мне и было поручено. Не по сомнительным догадкам, а на основании правдоподобных соображений вся толпа единодушно сходится на том, что виновник преступления - бесспорно некий Луций, который несколько дней назад с помощью подложных рекомендательных писем выдав себя Милону за порядочного человека, добился того, что ему было оказано гостеприимство и что ввели его в самый тесный круг домочадцев; проживши же несколько дней, он вскружил голову Милоновой служанке, прикинувшись влюбленным, и успел внимательно рассмотреть дверные запоры и тщательно исследовать все места, где обычно хранилось хозяйское добро.
2. Nec exiguum scelerati monstrabatur indicium, quippe cum eadem nocte sub ipso flagitii momento idem profugisset nec exinde usquam compareret; nam et praesidium fugae, quo velocius frustratis insecutoribus procul ac procul abderet sese, eidem facile suppeditasse; equum nemque illum suum candidum vectorem futurum duxisse secum. Plane servum eius ibidem in hospitio repertum scelerum consiliorumque erilium futurum indicem per magistratus in publicam custodiam receptum et altera die tormentis vexatum pluribus ac paene ad ultimam mortem excarnificatum nil quicquam rerum talium esse confessum, missos tamen in patriam Luci illis multos numero qui reum poenas daturum sceleris inquirerent." Haec eo narrante veteris fortunae et illius beati Lucii praesentisque aerumnae et infelicis asini facta comparatone medullitus ingemeat subibatque me non de nihilo veteris priscaeque doctrinae viros finxisse ac pronuntiasse caenam et	2. Как на немаловажное доказательство его злодеяния указывалось на то обстоятельство, что в ту же самую ночь, за минуту до нападения, он куда-то бежал и до сих пор не появляется; к тому же ему легко бы найти и средство на случай побега, чтобы как можно быстрее и подальше скрыться от обманутых преследователей, так как вместе с собой он увел и свою белую лошадь, на которой мог бы удрать. Дома остался раб его, от которого надеялись узнать о преступных замыслах хозяина; по приказанию властей его сейчас же схватили, заключили в городскую тюрьму; на следующий день, почти до смерти замученный различными пытками, он тем не менее не признался ни в чем подобном; тогда послали на родину этого самого Луция большое количество уполномоченных, чтобы они нашли виновного, подлежащего наказанию за преступление. Покуда он это рассказывал, сравнил я прежнее

prorsus exoculatam esse Fortunam, quae semper suas opes ad malos et indignos conferat nec unquam iudicio quemquam mortalium eligat, immo vero cum si potissimum deversetur quos procul, si videret, fugere deberet, quodque cunctis est extremius, varias opiniones, immo contrarias nobis attribuat, ut et malus boni viri fama glorietur et innocentissimus contra noxiorum more plectatur.	благоденствие счастливого Луция и нынешнее прискорбное положение злополучного осла, вздохнул из глубины души и подумал, что, право же, не без основания мудрецы седой древности считали Фортуну слепой и даже совсем безглазой и такой ее и изображали. Она всегда дарами своими осыпает дурных и недостойных и никогда рассудительностью не руководится, выбирая себе баловней среди смертных, и с теми больше всего водится, от которых, если бы зрячая была, бежать должна была бы; а что хуже всего - создает превратные и даже противоречащие действительности мнения о нас, так что негодяй увенчан славой порядочного человека, а ни в чем не повинные становятся добычей губительного злоречия.
3. Ego denique, quem saevissimus eius impetus in bestiam et extremae sortis quadripedem deduxerat cuiusque casus etiam quoivis iniquissimo dolendus atque miserandus merito videretur, crimine latrocinii in hospitem mihi carissimum postulabar. Quod crimen non modo latrocinium verum etiam parricidium quisque rectius nominarit. Nec mihi tamen licebat causam meam defendere vel unico verbo saltem denegare. Denique ne mala conscientia tam scelesto crimini praesens viderer silentio consentire, hoc tantum impatientia productus volui dicere: "Non feci." Et verbum quidem praecedens semel ac saepius inmodice clamitavi, sequens vero nullo pacto disserere potui, sed in prima remansi voce et identidem boavi "Non non", quanquam minia rutunditate pendulas vibrassem labias. Sed quid ego pluribus de Fortunae scaevitate conqueror, [quam]quam nec istud puduit me cum meo famulo meoque vectore illo equo factum conservum atque coniugem?	3. Я сам в конце концов, которого жесточайший ее натиск обратил в животное и довел до презренного жребия четвероногого, - участь, способная в самом несправедливом существе возбудить жалость и состраданье, - теперь навлек на себя обвинение в разбойничьем поступке по отношению к моему горячо любимому хозяину. Пожалуй, вернее было бы назвать такой поступок не просто разбойничьим, но поистине отцеубийственным. И у меня не было возможности не только что защищаться, но даже и возражать. И вот, чтобы молчание мое перед лицом столь гнусного обвинения не было истолковано как знак согласия и примета нечистой совести, я, потеряв всякое терпение, хотел воскликнуть только: "Не виновен!.." Но без конца издавал лишь первый слог, последующее же никоим образом не мог выговорить, все оставаясь на том же месте и ревя: "Не, не!" - как ни придавал округлости отвислым губам своим. Но что за польза жаловаться на жестокость судьбы, когда она не постыдилась сделать меня ровней и товарищем моего собственного коня, слуги моего, на котором я прежде ездил верхом?
4. Talibus cogitationibus fluctuantem subit me cura illa potior, qua statuo latronum manibus virginis decretam me victimam recordabar, ventremque crebro suspiciens meum iam misellam puellam parturibam. Sed ille, qui commodum falsam de me notoriam pertulerat, expromptis mille aureum quos insutu laciniae contexerat quosque variis viatoribus detractos, ut aiebat, pro sua frugalitate communi conferebat arcae, infit etiam de salute commilitonum sollicite sciscitari. Cognitoque quosdam, immo vero	4. Среди этих обуревавших меня размышлений одна забота давала о себе знать сильнее других: как только я вспоминал, что решением разбойников осужден быть погребальной жертвой духу девушки, я взглядывал каждый раз на свой живот и, казалось, готов был уже разрешиться от бремени несчастной девицей. Меж тем человек, сообщавший перед тем ложные обо мне сведения, вытащил зашитые у него в край платья тысячу золотых, взятые, по его словам,

fortissimus quemque variis quidem sed impigris casibus oppetisse, suadet tantisper pacatis itineribus omniumque proeliorum servatis indutiis inquisitioni commilitonum potius insisteretur et tirocinio novae iuventutis ad pristinae manus numerum Martiae cohortis facies integraretur: nam et invitos terrore compelli et volentes praemio provocari posse nec paucos humili servilique vitae renuntiantes et instar tyrannicae potestatis sectam suam conferre malle. Se quoque iam dudum pro sua parte quendam convenisse hominem et statu procerum et aetate iuvenem et corpore vastum et manu strenuum, eique suasisse ac denique persuasisse, ut manus hebetatas diutina pigritia tandem referret ad frugem meliorem bonoque secundae, dum posset, frueretur valetudinis, nec manus validam erogandae stipi porrigeret sed hauriendo potuit exerceret auro.	у различных путников, и пожертвовал их, как человек честный, в общую кассу, затем принялся подробно расспрашивать о здоровье своих сотоварищей. Узнав, что иные из них, притом храбрейшие, при различных обстоятельствах, но каждый с неизменной доблестью, погибли, начал он уговаривать на время вернуть проезжим дорогам безопасность и, строго соблюдая перемирие, прекратить всякие стычки, а заняться главным образом тем, чтобы подыскать соратников, призвать молодых новобранцев и довести ряды воинственного ополчения до прежней численности: сопротивляющихся страхом можно принудить, а добровольцев привлечь наградами. К тому же немало найдется людей, которые предпочтут унижениям и рабской жизни вступление в шайку, где каждый облечен властью чуть ли не тиранической. Со своей стороны он давно уже нашел одного человека, и ростом высокого, и возрастом молодого, и телом крепкого, и на руку проворного, которого он убеждал и в конце концов убедил, чтобы тот руки свои, ослабевшие от долгой праздности, приложил наконец к какому-либо более достойному делу и, покуда есть возможность, воспользовался плодами своей силы; чтобы он не протягивал крепкую свою руку за подаянием, а нашел ей лучшее применение в добывании золота.
5. Talibus dictis universi omnes adsensi et illum, qui iam comprobatus videretur, adscisci et alios ad supplendum numerum vestigari statuunt. Tunc profectus et paululum commoratus ille perducit immanem quendam iuvenem, uti fuerat pollicitus, nescio an ulli praesentium comparandum - nam praeter ceteram corporis molem toto vertice cunctos antepollebat et ei commodum lanugo malis inserpebat - sed plane centunculis disparibus et male consarcinatis semiamictum, inter quos pectus et venter crustata crassitie relucitabant. Sic introgressus: "Havete," inquit "fortissimo deo Marti clientes mihique iam fidi commilitones, et virum magnanimae vivacitatis volentem volentes accipite, libentius vulnera corpore excipientem quam aurum manu suscipientem ipsaque morte, quam formidant alii, meliorem. Nec me putetis egenum vel abiectum neve de pannulis istis virtute meas aestimetis. Nam praefui validissimae manui totamque prorsus devastavi Macedoniam. Ego sum praedo famosus Haemus ille Therone cuius totae provinciae nomen horrescunt, patre Therone aeque latrone inclito	5. С его словами все единодушно соглашаются и решают и того принять, который считался как бы уже одобренным, и других искать для пополнения шайки. Тогда говоривший вышел ненадолго и приводит какого-то юношу огромного, как и обещал, с которым вряд ли кто из присутствовавших мог сравниться, - ведь, не говоря уже об общей плотности телосложения, он на целую голову был выше всех, хотя на щеках его едва пробивался первый пушок, - прикрытого еле державшимися на нем пестрыми лохмотьями, через которые просвечивали отличавшиеся дородностью грудь и живот. Вновь пришедший произносит следующее: "Привет вам, клиенты бога сильнейшего. Марса, ставшие для меня уже верными соратниками; мужа великодушного и пылкого, с радостью к вам приходящего, с радостью и примите. Охотнее я грудь под удары подставляю, чем золото себе грабежом доставляю, и сама смерть, что других страшит, мне придает еще больше отваги. Не считайте меня нищим или доведенным до отчаянья и не

prognatus, humano sanguine nutritus interque ipsos manipulos factionis educatur heres et aemulus virtutis paternae.	судите о моих достоинствах по этому рубищу. Я был во главе сильнейшей шайки и опустошал всю Македонию. Я - знаменитый грабитель, тот самый Гем 1, чье имя повергает в трепет все провинции, и отпрыск отца Ферона 2, знаменитого, в свою очередь, разбойника, вспоенный человеческой кровью, воспитанный в недрах шайки, наследник и соперник отцовской доблести.
6. Sed omnem pristinam sociorum fortium multitudinem magnesque illas opes exiguo temporis amisi spatio. Nam procuratorem principis ducenaria perfunctum, dehinc fortuna tristiore decessum, praetereuntem Iove irato fueram adgressus - sed rei noscendae carpo ordinem. Fuit quidam multis officiis in aula Caesaris clarus atque conspicuus, ipsi etiam probe spectatus. Hunc insimulatum quorundam astu proiecit extorrem saeviens invidia. Sed uxor eius Plotina quaedam, rarae fidei atque singularis pudicitiae femina, quae decimo partun stipendio viri familiam fundaverat, spretis atque contemptis urbicae luxuriae deliciis, fugientis comes et infortunii socia, tonso capillo in masculinam faciem reformato habitu pretiosissimis monilium et auro monetali zonis refertis incincta inter ipsas custodientium milium manus et gladios nudos intrepida cunctorum periculorum particeps et pro mariti salute pervigilem curam sustinens aerumnas adsiduas ingenio masculo sustinebat. Iamque plurimis itineris difficultatibus marisque terroribus exanclatis Zacynthum petebat, quam sors et fatalis decreverat temporariam sedem.	6. Но все прежнее множество товарищей храбрых, все богатство великое в короткий промежуток времени утрачены мной. Случилось так, что я совершил нападение на императорского прокуратора[3], получавшего оклад в двести тысяч сестерциев, но дела которого потом пошатнулись, так что впал он в ничтожество. Гнев божества[4] скрестил наши пути... впрочем, так как история вам неизвестна, начну по порядку. Был некий славный муж при дворе Цезаря, известный высоким своим положением, - сам Цезарь взирал на него милостиво. Его-то, оклеветанного по проискам некоторых лиц, свирепая зависть подвергла изгнанию. Супруга его, Плотина, женщина редкой верности и исключительного целомудрия, десятикратно разрешившись от бремени, снабдила крепким основанием дом своего мужа. Презрев и отвергнув услады столичной роскоши, эта спутница в изгнании и подруга в несчастье остригла волосы, сменила свои одежды на мужские, надела на себя пояса со спрятанными в них самыми драгоценными ожерельями и золотыми монетами[5] и среди военной стражи и мечей обнаженных, бестрепетно разделяя все опасности, в неусыпной заботе о спасении супруга непрерывные бедствия, как мужчина, выносила. Претерпев в пути много невзгод на море и на суше, приближались они к Закинфу[6], где роковой жребий назначил прокуратору временное пребывание.
7. Sed cum primum litus Actiacum, quo tunc Macedonia delapsi grassabamur, appulisset - nocte promota tabernulam quandam litori navique proximam vitatis maris fluctibus incubabant - invadimus et diripimus omnia. Nec tamen periculo levi temptati discessimus. Simul namque primum sonum ianuae matrona percepit, procurrens in cubiculum clamoribus inquietis cuncta miscuit milites suosque famulos nominatim, sed et omnem viciniam suppetiatum convocans, nisi quod pavore cunctorum, qui sibi quisque metuentes delitiscebant, effectum est ut impune	7. Но как только достигли они актийского побережья[7] (где в то время, перекочевав из Македонии, мы рыскали) и с приближением ночи, опасаясь морской качки, расположились на ночь в какой-то прибрежной харчевне вблизи своего корабля,-мы напали на них и все разграбили. Однако нельзя сказать, чтобы мы ушли, отделавшись незначительным риском. Лишь только матрона услышала, как заскрипела дверь, принялась она бегать по комнате и беспокойным криком своим всех переполошила, зовя стражников и слуг своих поименно, сзывая всех соседей на помощь, так

discederemus. Sed protinus sanctissima - vera enim dicenda sunt - et unicae fidei femina bonis artibus gratiosa precibus ad Caesaris numen porrectis et marito reditum celerem et adgressurae plenam vindictam impetravit. Denique noluit esse Caesar Haemi latronis collegium et confestim interivit: tantum potest nutus etiam magni principis. Tota denique factione militarium vexillationum indagatu confecta atque concita ipse me furatus aegre solus mediis Orci faucibus ad hunc evasi modum:	что, не попрячься все они кто куда, трепеща за свою безопасность, не уйти бы нам безнаказанно. Но эта достойнейшая (нужно отдать ей справедливость) и исключительной верности женщина, заслужившая замечательными своими качествами милость божественного Цезаря[8], обратилась к нему с прошением и добилась быстрого возвращения из ссылки для своего мужа и полного отомщения за нападение. Как только пожелал Цезарь, чтобы не существовало братства разбойника Гема, - тут же его и не стало; такую власть имеет одно мановение великого императора. Вся шайка, выслеженная отрядами вексиллариев[9], была рассеяна и перебита, лишь я один, с трудом скрывшись, избег Орковой пасти следующим образом.
8. sumpta veste muliebri florida, in sinus flaccidos abundante, mitellaque textili contecto capite, calceis feminis albis illis et tenuibus inductus et et in sequiorem sexum incertatus atque absconditus, asello spicas ordeacias gerenti residens per medias acies infesti militis transabivi. Nam mulierem putantes asinariam concedebant liberos abitus, quippe cum mihi etiam tunc depiles genae levi pueritia splendicarent. Nec ab illa tamen paterna gloria vel mea virtute descivi, quanquam semitrepidus iuxta mucrones Martios constitutus, sed habitus alieni fallacia tectum villas seu castella solus adgrediens viaticulum mihi conrasi et diloricatis statis pannulis in medium duo milia profudit aureorum et: "En" inquit "istam sportulam, immo vero dotem collegio vestro libens meque vobis ducem fidissimum, si tamen non recusarit, offero brevi temporis spatio lapideam istam domum vestram facturus auream."	8. Надев узорное женское платье, спадавшее многочисленными складками, покрыв голову тканой повязкой, обувшись в белые тонкие женские туфли и укрывшись и спрятавшись под личиной слабого пола, я сел на осла, нагруженного ячменными колосьями, и проехал через самую середину вражеского отряда. Солдаты приняли меня за погонщицу ослов и пропустили без малейшей задержки; не надо забывать, что я тогда был безбородым и щеки мои блистали отроческой свежестью. Но при этом я нисколько не посрамил ни отцовской славы, ни своей доблести: хоть и пришлось натерпеться мне страху, видя прямо перед собою убийственные мечи, все же, скрывшись обманным образом под чужою одеждой, в одиночку нападал я на усадьбы и села и сумел сколотить себе деньжонок на дорогу. - И сейчас же, приоткрыв свои лохмотья, он выложил оттуда две тысячи золотых. - Вот, - говорит, - от всего сердца подарок вашей компании, или, вернее сказать, мое приданое, а также предлагаю вам себя, если вы ничего не имеете против, в вернейшие атаманы, причем ручаюсь, что пройдет немного времени, и каменное это ваше жилище я обращу в золотое".
9. Nec mora nec cunctatio, sed calculis omnibus ducatum latrones unanimes ei deferunt vestemque lautiusculam proferunt, sumeret abiecto centunculo divite. Sic reformatus singulos exosculatus et in summo pulvinari locatus cena poculisque magnis inauguratur. Tunc sermonibus mutuis de virginis fuga deque mea vectura et utrique destinata monstruosa morte cognoscit et ubi locorum esset illa percontatus deductusque,	9. Без промедления и задержки разбойники тут же единогласно выбрали его предводителем и принесли довольно нарядное платье, которое он и надел, сбросив свои богатые лохмотья[10]. Преобразившись таким образом, он со всеми перецеловался, возлег во главе стола, и избрание его было отпраздновано ужином и обильной выпивкой. Тут, узнав из разговоров разбойников между собой о попытке девушки убежать, о моем

visa ea, ut erat vinculis onusta, contorta et vituperanti nare discessit et: "Non sum quidem tam brutus vel certe temerarius" inquit " ut scitum vestrum inhibeam, sed malae conscientiae reatum intra me sustinebo si quod bonum mihi videtur dissimulavero. Sed prius fiduciam vestri causa sollicito mihi tribuite, cum praesertim vobis, si sententia haec mea displicuerit, liceat rursus ad asinum redire. Nam ego arbitror latrones, quique eorum recte sapiunt, nihil anteferre lucro suo debere ac ne ipsam quidem saepe et ultis damnosam ultionem. Ergo igitur, si perdiderit in asino virginem, nihil amplius quam sine ullo compendio indignationem vestram exercueritis. Quin ego censeo deducendam eam ad quampiam civitatem ibique venundandam. Nec enim levi pretio distrahi poterit talis aetatula. Nam et ipse quosdam lenones pridem cognitos habeo, quorum poterit unus magnis equidem talentis, ut arbitror, puellam istam praestinare condigne natalibus suis fornicem processuram nec in similem fugam discursuram, non nihil etiam, cum lupanari servierit, vindictae vobis depensuram. Hanc et animo quidem meo sententiam conducibilem protuli; sed vos vestrorum estis consiliorum rerumque domini."

пособничестве и о чудовищной смерти, назначенной нам обоим, спросил он, в каком помещении она находится. Когда его привели туда и он увидел, что она в оковах, он сморщил неодобрительно нос, вернулся обратно и говорит:

- Я, разумеется, не настолько невоспитан и дерзок, чтобы удерживать вас от исполнения вашего решения, но считал бы бессовестным, оставаясь при своем мнении, скрыть от вас то, что мне кажется правильным. Прежде всего прошу верить, что побуждает меня лишь забота о вашей пользе, к тому же, если мнение мое вам не понравится, вы свободно можете снова вернуться к вопросу об осле. Ведь я полагаю, что для разбойников - для тех по крайней мере, кто ясно понимает свое дело, - выше всего должна стоять прибыль, даже выше, чем желание мести, осуществление которой часто связано с убытком. Если же вы уморите эту девушку в этом осле, то всего-навсего удовлетворите свое чувство негодования без всякого иного возмещения. Потому я считаю, что ее нужно отвести в какой-нибудь город и там продать. Девушка в ее возрасте не может пойти по низкой цене. У меня у самого, когда я еще водился со сводниками, был знакомый, который немало талантов[11], полагаю, дал бы за такую девушку, сообразно ее происхождению, чтобы приспособить ее к ремеслу потаскушки; от него бы она уже не убежала, а ваша жажда мщения была бы в какой-то мере удовлетворена, раз она попала бы в публичный дом. Я вам высказываю соображения, которые мне пришли в голову как выгодные; вы же, конечно, вольны в своих мнениях и поступках.

10. Sic ille latronum fisci advocatus nostram causam pertulerat, virginis et asini sospitator egregius. Sed in diutina deliberatione ceteri cruciantes mora consilii mea praecordia, immo miserum spiritum elidentes, tandem novicii latronis accendunt sententiae et protinus vinculis exsolvunt virginem. Quae quidem simul viderat illum iuvenem fornicisque et lenonis audierat mentionem, coepit risu laetissimo gestire, ut mihi merito subiret vituperatio totius sexus, cum videre puellam proci iuvenis amore nuptiarumque castarum desiderio simulato lupanaris spurci sordidique subito delectari nomine. Et tunc quidem totarum mulierum secta moresque de asini pendebant iudicio.

Sed ille iuvenis sermone reperito: "Quin igitur" inquit "supplicatum Marti Comiti pergimus et puellam simul vendituri et socios indagaturi? Sed,

10. Так этот рачитель о разбойничьей прибыли защищал и наше дело - славный спаситель осла и девицы. Остальные, по долгом обсуждении - причем продолжительность этого совещания истерзала мне все внутренности и даже мою несчастную душу, - охотно присоединились к мнению разбойника-новичка и сейчас же освободили деву от оков. А та, едва увидела этого юношу и услышала упоминание про потаскушек да сводников, так радостно начала смеяться, что мне пришло в голову подвергнуть заслуженному осуждению весь женский пол: ведь на моих глазах эта девушка разыграла любовь к жениху молодому и стремление к священному, чистому браку - и вдруг при одном упоминании о публичном доме, гнусном и грязном, приходит в такой восторг. Так что в

ut video, nullum uspiam pecus sacrificatui ac ne vinum quidem potatui adfatim vel sufficiens habemus. Decem mihi itaque legate comites, qui contentus proximum castellum petam, inde vobis epulas saliares comparaturus." Sic eo profecto ceteri copiosum instruunt ignem aramque cespite virenti Marti deo faciunt.	тот момент вся порода женская и нравы их зависели от ослиного суждения. А молодой человек снова обратился с речью к разбойникам: - Почему бы не устроить нам молебствия Марсу Сопутствующему[12], чтобы он помог нам и девицу продать, и товарищей набрать? Да, как вижу, у нас и никакого животного, потребного для жертвоприношения, нет, ни вина в достаточном количестве, чтобы пить вволю. Дайте-ка мне десяток спутников - с меня будет довольно, - я отправлюсь в ближайшую усадьбу и оттуда приволоку вам провизии на салийское пиршество[13]. Он отправился, а оставшиеся разводят огромный костер и из зеленого дерна сооружают жертвенник богу Марсу.
11. Nec multo post adveniunt illi vinarios utres ferentes et gregatim pecua comminantes, unde praelectum grandem hircum annosum et horricomem Marti Secutori Comitique victimant. Et ilico prandium fabricatur opipare. Tunc hospes ille: "Non modo" inquit "exspoliationum praedarumque, verum etiam voluptatum vestrarum ducem me strenuum sentire debetis" et adgressus insigni facilitate naviter cuncta praeministrat. Verrit, sternit, coquit, tucceta concinnat, adponit scitule, sed praecipue poculis celebris grandibusque singulos ingurgitat. Interdum tamen simulatione promendi quae poscebat usus ad puellam commeabat adsidue, partisque subreptas clanculo et praegustatas a se potiones offerebat hilaris. At illa sumebat adpetenter et non numquam basiare volenti promptis saviolis adlubescebat. Quae res oppido mihi displicebat. "Hem oblita es nuptiarum tuique mutui cupitoris, puella virgo, et illi nescio cui recenti marito, quem tibi parentes iunxerunt, hunc advenam cruentumque percussorem praeponis? Nec te conscientia stimulat, sed adfectione calcata inter lanceas et gladios istos scortari tibi libet? Non rursum recurres ad asinum et rursum exitium mihi parabis? Re vera ludis de alieno corio."	11. Вскоре и ушедшие возвращаются, неся мехи с вином и гоня перед собой целое стадо скота. Выбрав большого козла, старого, косматого, приносят его в жертву Марсу Сопутствующему и Сопровождающему. Сейчас же готовят роскошный пир. А пришелец тот и говорит: - Должны вы убедиться, что проворен ваш атаман не только в вылазках и захвате добычи, но и в наслаждениях ваших. - И, взявшись за дело, с необыкновенной ловкостью все искусно приготовляет. Метет, накрывает, варит, колбасу[14] поджаривает, на стол подает красиво, а главным образом - накачивает их всех по очереди то и дело огромными чашами вина. Тем временем, делая вид, будто нужно еще что-то принести, часто заходил он к девушке: то даст ей тайком взятые со стола кушанья, то с веселым видом поднесет ей выпить, сам предварительно пригубив из той же чаши. Девушка все это с жадностью принимала, и случалось, что, когда тот хотел ее поцеловать, она сама быстрыми поцелуями предупреждала его желание. Такое поведение отнюдь мне не нравилось. Ах, девушка невинная, как могла ты забыть свой брак и желанного своего возлюбленного, как могла ты предпочесть едва успевшему стать супругом твоим жениху, которого я не знаю, но с которым сочетали тебя твои родители, этого бродягу и убийцу кровавого? Неужели совесть в тебе молчит, а нравится тебе, поправ чувство, предаваться блуду среди этих мечей и копий? А что если каким-нибудь манером другие разбойники об этом пронюхают? Опять к ослу прибегнешь, опять под смертельный удар меня подведешь? По

	правде сказать, отыгрываешься ты на чужой спине.
12. Dum ista sycophanta ego mecum maxima cum indignatione disputo, de verbis erum quibusdam dubiis sed non obscuris prudenti asino cognosco non Haemum illum praedonem famosum sed Tlepolemum sponsum puellae ipsius. Nam procedente sermone paulo iam clarius contempta mea praesentia quasi vere mortui: "Bono animo es," inquit "Charite dulcissima; nam totis istos hostes tuos statim captivos habebis", et instantia validiore vinum iam inmixtum, sed modico tepefactum vapore sauciis illis et crapula vinolentiaque madidis ipse abstemius non cessat inpingere. Et hercules suspicionem mihi fecit quasi soporiferum quoddam venenum cantharis immisceret illis. Cuncti denique, sed prorsus omnes vino sepulti iacebant, omnes pariter mortui. Tunc nullo negotio artissimis vinculis impeditis ac pro arbitrio suo constrictis illis, imposita dorso meo puella, dirigit gressum ad suam patriam.	12. Покуда я, клевеща на нее, с величайшим негодованием приписываю ей всякие низкие побуждения, вдруг узнаю по некоторым их намекам, достаточно ясным для рассудительного осла, что это не Гем, пресловутый разбойник, а Тлеполем, жених этой самой девушки. И действительно, в ходе разговора он начинает высказываться несколько понятнее, не обращая внимания на мое присутствие, словно я был неживой. - Будь покойна, Харита нежнейшая, скоро все враги эти окажутся твоими пленниками, - и, удвоив свою настойчивость, потчует, не переставая, осовевших и от пьяного дурмана ослабевших разбойников уже совсем не разбавленным, лишь слегка на пару подогретым вином, а сам не пьет. И, клянусь Геркулесом, у меня явилось подозрение, что он им в чаши подмешал какого-нибудь снотворного снадобья. Наконец решительно все от вина свалились с ног, все до одного полегли как мертвые. Тут без всякого затруднения он всех их связал, крепко-накрепко веревками по своему усмотрению стянул и, посадив мне на спину девушку, направился к своему родному городу.
13. Quam simul accessimus, tota civitas ad votivum conspectum effunditur. Procurrunt parentes, affines, clientes, alumni, famuli laeti faciem, gaudio delibuti. Pompam cerneres omnis sexus et omnis aetatis novumque et hercules memorandum spectamen, virginem asino triumphantem. Denique ipse etiam hilarior pro virili parte, ne praesenti negotio ut alienus discreparem, porrectius auribus proflatisque naribus rudivi fortiter, immo tonanti clamore personui. Et illam thalamo receptam commode parentes sui fovebant, me vero cum ingenti iumentorum civiumque multitudine confestim retro Tlepolemus agebat non invitum. Nam et alias curiosus et tunc latronum captivitatis spectator optabam fieri. Quos fidem colligatos adhuc vino magis quam vinculis deprehendimus. Totis ergo prolatis erutisque rebus et nobis auro argentoque et ceteris onustis ipsos partim constrictos, uti fuerant, provolutosque in proximas rupinas praecipites dedere, alios vero suis sibi gladiis obtruncatos reliquere. Tali vindicta laeti et gaudentes civitatem revenimus. Et illas quidem divitas publicae custodelae commisere, Tlepolemo puellam repetitam lege tradidere.	13. Едва мы подъехали к дому, весь город высыпал поглядеть на долгожданное зрелище. Выбежали родители, родственники, клиенты, воспитанники[15], слуги - с веселыми лицами, вне себя от радости. Действительно, для всякого пола и возраста картина была небывалая и. клянусь Геркулесом, достопамятная - как дева в триумфе торжественно въезжает верхом на осле. Я сам в меру моих сил повеселел и. чтобы не сочли, что я в этом деле ни при чем, навострил уши, раздул ноздри и заревел на всю мочь, огласив все кругом громовым криком. Родители приняли девушку в брачный покой, окружив ее лаской и заботами, меня же Тлеполем в сопровождении большого количества вьючного скота и сограждан повернул обратно. Я ничего не имел против этого, так как и вообще отличался любопытством, и теперь очень хотел стать очевидцем поимки разбойников. Мы застаем их связанными больше вином, чем веревками. Отыскав и вытащив из пещеры все имущество и нагрузив нас золотом, серебром и прочим добром, самих их, одних, как были связанными, подкатив к ближайшему обрыву, в пропасть кинули, остальных же, убитых собственными их

мечами, бросили на месте. Радуясь такому мщению, с весельем возвращаемся мы в город. Богатства разбойников были помещены в общественное казнохранилище, а вновь обретенная девица передана по закону Тлеполему.

14. Exin me suum sospitatorem nuncupatum matrona prolixe curitabat ipsoque nuptiarum die praesepium meum ordeo passim repleri iubet faenumque camelo Bactrinae sufficiens apponi. Sed quas ego condignas Photidi diras devotiones imprecarer, quae me formavit non canem, sed asinum, quippe cum viderem largissimae cenae reliquiis rapinisque canes omnes inescatos atque distentos.

Post noctem et rudimenta Veneris recens nupta gratias summas apud suos parentes ac maritum mihi meminisse non destitit, quoad summos illi promitterent honorem habituri mihi. Convocatis denique gravioribus amicis consilium datur, quo potissimum pacto digne remunerarer. Placuerant uni domi me conclusum et otiosum hordeo lecto fabaque et vicia saginari; sed optinuit alius, qui meae libertati prospexerat, suadens ut rurestribus potius campis in greges equinos lasciviens discurrerem daturum dominis equarum inscensu generoso multas alumnas.

14. С этой минуты матрона, объявив меня своим спасителем, начала проявлять большую заботу обо мне и в самый день свадьбы отдает приказание до краев насыпать мне в ясли ячменя и давать столько сена, что хватило бы и на верблюда бактрийского[16]. Но какие страшные проклятия заслуженно посылал я Фотиде, обратившей меня в осла, а не в собаку, когда видел, как домовые псы до отвала наедаются остатками обильнейшей трапезы, похищенными или полученными в виде подачки!

После первой ночи и начатков Венеры новобрачная не переставала с величайшей благодарностью напоминать обо мне своим родителям и супругу, покуда те не обещали ей, что мне будут оказаны величайшие почести. Был собран совет из наиболее уважаемых друзей, чтобы обсудить, каким способом лучше всего отблагодарить меня. Одному из них казалось самым подходящим оставить меня при доме и, не утруждая никакой работой, откармливать отборным ячменем, бобами и викой. Но одержало верх мнение другого, который, заботясь о моей свободе, советовал лучше отпустить меня резвиться среди табунов на деревенских лугах, чтобы хозяева кобылиц от моего благородного покрытия имели приплод в виде множества мулов.

15. Ergo igitur evocato statim armentario equisone magna cum praefatione deducendus adsignor. Et sane gaudens laetusque praecurrebam et ceteris oneribus iam nunc renuntiaturus nanctaque libertate veris initio pratis herbantibus rosas utique reperturus aliquas. Subibat me tamen illa etiam sequens cogitatio, quod tantis actis gratiis honoribusque plurimis asino meo tribuit humana facie recepta multo tanta pluribus beneficiis honestarer.

Sed ubi me procul a civitate gregarius ille perduxerat, nullae deliciae ac ne ulla quidem libertas excipit. Nam protinus uxor eius, avara equidem nequissimae illa mulier, molae machinariae subiugum me dedit frondosoque baculo subinde castigans panem sibi suisque de meo parabat corio. Nec tantum sui cibi gratia me fatigare contenta, vicinorum etiam frumenta mercennariis discursibus meis conterebat, nec

15. Итак, сейчас же призывается табунщик, и с длинными предварительными наставлениями поручают ему увести меня. Вне себя от радости весело побежал я вперед, решив не иметь уже больше дела ни с тюками, ни с другой какой поклажей и рассчитывая, что с получением свободы теперь, в начале весны, мне наверное удастся на зеленых лугах найти где-нибудь розы. Приходило мне в голову и следующее соображение: уж если мне в ослином образе оказываются такие знаки благодарности и почести без конца, то, став человеком, я удостоен буду еще больших благодеяний. Но как скоро мы с пастухом очутились далеко за городом, оказалось, что не только никакие удовольствия, но даже ни намека на свободу меня там не ожидало. Потому что жена его, скупая и негоднейшая женщина, сейчас же приспособила меня

mihi misero statuta saltem cibaria pro tantis praestabantur laboribus. Namque hordeum meum frictum et sub eadem mola meis quassatum ambagibus colonis proximis venditabat, mihi vero per diem laboriosae machinae adtendo sub ipsa vespera furfures apponebat incretos ac sordidos multosque lapide salebrosos.	вертеть мельничный жернов и, взбадривая меня то и дело палкою со свежими еще листьями, за счет моей шкуры приготовляла хлеб на себя и свою семью. Не довольствуясь тем, что, припасая пищу себе, так меня изнуряет, она еще моими трудами молола за плату зерно соседям, а меня, несчастного, после такой работы лишала даже положенного мне корма. Ячмень, предназначенный мне, она тоже пускала в помол и, смолотый моими усилиями, продавала соседним крестьянам, мне же после целого дня такой работы лишь под вечер давала грязных, непросеянных отрубей, обильно сдобренных крупным песком.
16. Talibus aerumnis edomitum novis Fortuna saeva tradidit cruciatibus, scilicet ut, quod aiunt, domi forisque foribus factis adoriae plenae egregius mandati dominici serus auscultator aliquando permisit. At ego tandem liber asinus laetus et tripudians graduque molli gestiens equas opportunissimas iam mihi concubinas futuras deligebam. Sed haec etiam spes hilarior in capitale processit exitium. Mares enim ob amissuram veterem pasti satianter ac diu saginati, terribiles [alios] alioquin et utique quovis asino fortiores, de me metuentes sibi et adulterio degeneri praecaventes nec hospitalis Iovis servato foedere rivalem summo furentes persecuntur odio. Hic elatis in altum vastis pectoribus arduus capite et sublimis vertice primoribus in me pugillatur ungulis, ille terga pulposis torulis obsera convertens postremis velitatur calcibus, alius hinnitu maligno comminatus remulsis auribus dentiumque candentium renudatis asceis totum me commorsicat. Sic apud historiam de rege Thracio legeram, qui miseros hospites ferinis equis suis lacerandos devorandosque porrigebat; adeo ille praepotens tyrannus sic parcus hordei fuit ut edacium iumentorum famem corporum humanorum largitione sedaret.	16. На удрученного такими бедами жестокая судьба обрушила новые мучения - для того, конечно, чтобы я, как говорится, и дома, и на стороне храбрыми подвигами в полную меру мог прославиться. Случилось так, что почтенный пастух мой, исполняя с опозданием хозяйский приказ, надумал пустить меня в кобылий табун. И вот я, наконец-то свободный ослик, весело подпрыгивая и томным шагом выступая, уже принялся выбирать, которые из кобыл всего подходящее для предстоящей случки. Но за сладостной этой надеждой последовала смертельная опасность. Самцы, которых долго и обильною пищей откармливают специально для службы Венере, и вообще-то страшные, да к тому же, во всяком случае, более сильные, чем любой осел, опасаясь моего соперничества и не желая разводить ублюдков, пренебрегая заветами Зевса Гостеприимца[17] и взбесившись, со страшной ненавистью стали меня преследовать. Тот, вздыбив ввысь могучую грудь, подняв голову, вытянув шею, брыкал меня передними ногами, другой, повернувшись ко мне тучным мускулистым крупом, наносил удары задними копытами, третий, грозя зловещим ржанием, прижав уши, оскалив два ряда острых и блестящих, как топоры, зубов, всего меня искусал. Все это очень напоминало читанную мною когда-то историю о фракийском царе, который своих несчастных гостей бросал на растерзание и пожрание диким лошадям[18]: до того этот могущественный тиран скуп был на ячмень, что голод прожорливых кобылиц щедро утолял человеческим мясом.
17. At eundem modum distractus et ipse variis equorum incursibus rursum molares illos circuitus requirebam. Verum Fortuna meis cruciatibus insatiabilis aliam mihi denuo pestem instruxit.	17. Подобным же образом и я был истерзан всевозможными ударами и укусами этих жеребцов и с тоской помышлял, как бы снова вернуться к своим жерновам. Но Фортуна,

Delegor enim ligno monte devehundo, perque mihi praefectus imponitur omnium unus ille quidem puer deterrimus. Nec me montis excelsi tantum arduum fatigabat iugum, nec saxeas tantum sudes incursando contribam ungulas, verum fustium quoque crebris ictibus prolixe dedolabar, ut usque plagarum mihi medullaris insideret dolor; coxaeque dexterae semper ictus incutiens et unum feriendo locum dissipato corio et ulceris latissimi facto foramine, immo fovea vel etiam fenestra nullus tamen desinebat identidem vulnus sanguine delibutum obtundere. Lignorum vero tanto me premebat pondere, ut fascium molem elephanto, non asino paratam putares. Ille vero etiam quotiens in alterum latus praeponderans declinarat sarcina, cum deberet potius gravantis ruinae fustes demere et levata paulisper pressura sanare me vel certe in alterum translatis peraequare, contra lapidibus additis insuper sic iniquitati ponderis medebatur.	поистине не насытившаяся еще этими моими мучениями, снова приготовила мне еще одно наказание. Выбрали меня возить дрова с горы и приставили ко мне погонщиком мальчишку, самого скверного из всех мальчишек. Он не только заставлял меня взбираться на высокую гору по крутому подъему и от такого пути по острым каменьям все копыта сбивать, но к тому же еще, как настоящий злодей, без устали обрабатывал меня дубинкой так, что боль от этих ран проникала до мозга костей; причем он всегда попадал мне по правому бедру и, норовя угодить все в одно и то же место, разодрал мне шкуру, и болячка, делаясь все шире, обратилась из небольшого отверстия в большую дыру и даже в целое окно; и все же он не переставал колотить по этой ране, несмотря на то, что она сочилась кровью. А дров такое множество на меня нагружал он, что можно было подумать, будто вязанки приготовлены для слона, а не для осла. Вдобавок же всякий раз как поклажа на одном боку перевешивала, вместо того чтобы во избежание падения снять несколько поленьев и, облегчив немного тяжесть, дать мне вздохнуть свободнее или по крайней мере переложив часть груза на другую сторону, уравновесить его, он, напротив того, привязывал камни к более легкому боку, таким образом думая возместить отсутствие равновесия.
18. Nec tamen post tantas meas clades inmodico sarcinae pondere contentus, cum fluvium transcenderemus, qui forte praeter viam defluebat, peronibus suis ab aquae madore consulens ipse quoque insuper lumbos meos insiliens residebat, exiguum scilicet et illud tantae molis superpondium. Ac si quo casu limo caenoso ripae supercilia lubricante oneris inpatientia prolapsus deruissem, cum deberet egregius agaso manum porrigere, capistro suspendere, cauda sublevare, certe partem tanti oneris, quoad resurgerem saltem, detrahere, nullum quidem defesso mihi ferebat auxilium, sed occipiens a capite, immo vero et ipsis auribus totum me complicabat [cidit] fusti grandissimo, donec fomenti vice ipsae me plagae suscitarent. Idem mihi talem etiam excogitavit perniciem. Spinas acerrumas et punctu venerato viriosas in fascem tortili nodo constrictas caudae meae pensilem deligavit cruciatum, ut incessu meo commotae incitataeque funestis aculeis infeste me convulnerarent.	18. Не довольствуясь моими муками под непомерным этим грузом, когда мы переправлялись через речку, встречавшуюся по пути, он, беспокоясь, как бы от воды не попортилась обувь, сам еще, вскочив мне на спину, усаживался - этакий незначительный - не правда ли? - привесок к общей тяжести. Когда же случилось мне под непосильным бременем упасть, поскользнувшись на краю грязного, илистого берега, он и не думал, как подобало бы порядочному погонщику, руку мне протянуть, за узду дернуть, за хвост поднять или сбросить часть груза, чтобы я по крайней мере на ноги мог встать; никакой помощи изнемогавшему от усталости ослу он не оказывал, а начиная с головы, как раз с ушей, принимался лупить меня по всему телу...*[* Текст в рукописях испорчен.] здоровенной дубиной, покуда успокоительное это средство не заставляло меня подняться. Вот еще что он придумал мне на погибель: скрутит острейшие колючки с ядовитыми иглами в пучок и привяжет мне к хвосту в виде висячего орудия

	пытки, так что, приведенные в движение, они жестоко ранили меня при ходьбе своими убийственными шипами.
19. Ergo igitur ancipiti malo laboratam. Nam cum me cursu proripueram fugiens acerbissimos incursus, vehementiore nisu spinarum feriebar: si dolori parcens paululum restitissem, plagis compellebar ad cursum. Nec quicquam videbatur aliud excogitare puer ille nequissimus quam ut me quoquo modo perditum iret, idque iurans etiam non numquam comminabatur. En plane fuit, quod eius detestabilem malitiam ad peiores conatus stimularet; nam quadam die nimia eius insolentia expugnata patientia mea calces in eum validas extuleram. Denique tale facinus in me comminiscitur. Stuppae sarcina me satis onustum probeque funiculis constrictum producit in viam deque proxima villula spirantem carbunculum furatus oneris in ipso meditullio reponit. Iamque fomento tenui calescens et enutritus ignis surgebat in flammas et totum me funestus ardor invaserat, nec ullum pestis extremae suffugium nec salutis aliquod apparet solacium, et ustrina talis moras non sustinet et meliora consilia praevertitur.	19. Таким образом, страдал я от двойной беды, потому что, пущусь ли во весь опор, избегая жесточайших его нападений, - тем сильнее ранят меня болтающиеся колючки; остановлюсь ли на мгновение, чтобы убавить боль, - удары бежать заставляют. Оставалось только полагать, что негоднейший этот мальчишка решил так или иначе меня извести, чем он мне неоднократно и грозил клятвенно. И правда, случилось однажды дело, побудившее его отвратительную злокозненность к худшим еще выдумкам; как-то раз, когда крайняя его наглость истощила мое терпение, я здорово его лягнул копытами. Тогда он вот какую каверзу против меня измыслил. Навалив на меня целую гору пакли и накрепко связав ее веревками, погнал он меня вперед, а сам в ближайшей усадебке стащил тлеющий уголь и положил его в самую середину поклажи. И вот уже огонь, найдя для себя в тонких волоконцах хорошую пищу, разгорается, усиливается, наконец обращается в пламя; всего меня объял зловещий зной, и не было видно никакого прибежища в крайней беде этой, ни малейшей утешительной надежды на спасение - такой страшный пожар и никакой проволочки не допускал, и всякую способность соображать из головы у меня выбил.
20. Sed in rebus scaevis adfulsit Fortunae nutus hilarior nescio an futuris periculis me reservans, certe praesente statutaque morte liberans. Nam forte pluviae pridianae recens conceptaculum aquae lutulentae proximum conspicatus ibi memet inprovido saltu totum abicio flammaque prorsus extincta tandem et pondere levatus et exitio liberatus evado. Sed ille deterrimus ac temerarius puer hoc quoque suum nequissimum factum in me retortis gregariisque omnibus adfirmavit me sponte vicinorum foculos transeuntem titubanti gradu prolapsum ignem ultroneum accersisse mihi, et arridens addidit: "Quo usque ergo frustra pascemus inigninum istum?" Nec multis interiectis diebus longe peioribus me dolis petivit. Ligno enim quod gerebam in proximam casulam vendito vacuum me ducens iam se nequitiae meae proclamans imparem miserrimumque istud magisterium rennuens querelas huius modi concinnat:	20. Но в жестоких бедствиях Фортуна ласково мне улыбнулась - может быть, для того, чтобы сохранить меня для будущих опасностей, но во всяком случае, спасая меня от смерти уже предрешенной и стоявшей перед глазами. Увидев вдруг оставшуюся после вчерашнего ливня свежую лужу с грязной водой, я несусь сломя голову и весь погружаюсь в нее и, загасив наконец пламя, освободившись и от груза, и от гибели избавившись, выхожу обратно. Но и тут пакостный и наглый мальчишка этот свои негоднейший поступок свалил на меня и сумел уверить всех пастухов, будто, проходя нетвердой поступью мимо соседних костров, я по своему почину поскользнулся и нарочно зажегся об них; и со смехом прибавил: - До каких же пор мы зря будем кормить огненосца этого? Немного дней спустя придумал он, мне на горе, новую хитрость - куда подлее. Продав в первой попавшейся избушке дрова, которые я вез, и

	пригнав меня пустым, начал говорить, что не может справиться с моим гнусным нравом, отказывается от несчастной службы при мне, и жалобы свои ловко сочинил в таком виде:
21. Videtis istum pigrum tardissimusque et nimis asinum? Me post cetera flagitia nunc novis periculis etiam angit. Ut quemque enim viatorem prospexerit, sive illa scitura mulier seu virgo nubilis seu tener puellus est, ilico disturbato gestamine, non numquam etiam ipsis stramentis abiectis, furens incurrit et homines amator talis appetit et humi prostrati illis inhians illicitas atque incognitas temptat libidines et ferinas voluptates, aversaque Venere invitat ad nuptias. Nam imaginem etiam savii mentiendo ore improbo compulsat ac morsicat. Quae res nobis non mediocris lites atque iurgia, immo forsitan et crimina pariet. Nunc etiam visa quadam honesta iuvene, ligno quod devehebat abiecto dispersoque, in eam furiosos direxit impetus et festivus hic amasio humo sordida prostratam mulierem ibidem omnium gestiebat inscendere. Quod nisi ploratu questuque femineo conclamatum viatorum praesidium accurrisset ac de mediis ungulis ipsius esset erepta liberataque, misera illa compavita atque dirupta ipsa quidem cruciabilem cladem sustinuisset, nobis vero poenale reliquisset exitium."	21. - Полюбуйтесь на этого лентяя нерасторопного, дважды осла. Кроме всех прочих провинностей, теперь он меня новыми опасными выходками вздумал допекать. Как только завидит прохожего - будь то смазливая бабенка, или девушка на выданье, или нежный отрок, - сейчас же, сбросив свою поклажу, иногда и самую попону, пустится, как сумасшедший, догонять людей - странный поклонник, - повалит их на землю, набросившись на них, пытается удовлетворить свою непозволительную похоть и, желая дать выход скотским страстям, делает попытки противоестественного соития. Желая воспроизвести поцелуй, тычет он грязной мордой и кусается. Из-за таких дел возникнут у нас серьезные тяжбы и ссоры, а может случиться и уголовное преступление. Вот и теперь: увидев по дороге какую-то молодую приличного вида женщину, сбросил он дрова, которые вез, раскидал их по сторонам, сам же бешено напал на нее и, как умелый любовник, хотел на глазах у всех влезть на женщину, распростертую на земле в грязи. И если бы на женские вопли и рыдания не сбежались прохожие, чтобы оказать помощь, и не освободили ее, вырвавши из ослиных объятий, несчастная претерпела бы, будучи растоптанной и растерзанной, мучительную кончину, а нам пришлось бы ответить головой перед законом.
22. Talibus mendaciis admiscendo sermones alios, qui meum verecundum silentium vehementius premerent, animos pastorum in meam perniciem atrociter suscitavit. Denique unus ex illis: "Quin igitur publicum istum maritum" inquit "immo communem omnium adulterum illis suis monstruosis nuptiis condignam victimamus hostiam? et ?Heus tu, puer," ait "obtruncato protinus eo intestina quidem canibus nostris iacta, ceteram vero carnem omnem operariorum cenae reserva. Nam corium adfirmavit cineris inspersum dominis referemus eiusque mortem de lupo facile mentiemur." Sublata cunctatione accusator ille meus noxius, ipse etiam pastoralis exsecutor sententiae, laetus et meis insultans malis calcisque illius admonitus, quam inefficacem fuisse mehercules doleo, protinus gladium cotis adtritu parabat.	22. Присоединяя к этим вракам другие речи, чтобы еще сильнее унизить меня с безмолвною моею скромностью, он жесточайшим образом возбудил всех пастухов против меня. Наконец один из них воскликнул: - Почему же не принести в жертву, достойную его чудовищных соитий, этого всенародного супруга или, вернее сказать, прелюбодея, для каждого опасного? - И добавляет: - Эй ты, мальчик, отруби ему сейчас же голову, кишки собакам нашим брось, что останется мяса, прибереги на обед работникам, а шкуру, посыпав золою, чтоб высохла, отнесем к хозяевам, без труда свалив его смерть на волка. Без замедления зловредный мой обвинитель, он же и исполнитель пастушеского решения, радостно, издеваясь над моим несчастьем и не забыв, как я его лягал - жалею, клянусь

Геркулесом, что недостаточно сильно лягнул, - принялся точить нож на оселке.

23. Sed quidam de coetu illo rusticorum: "Nefas? ait "tam bellum asinum sic enecare et propter luxuriem lasciviamque amatoriam criminatum opera servitioque tam necessario carere, cum alioquin exsectis genitalibus possit neque in venerem nullo modo surgere vosque omni metu periculi liberare, insuper etiam longe crassior atque corpulentior effici. Multos ego scio non modo asinos inertes, verum etiam ferocissimo equos nimio libidinis laborantes atque ob id truces vesanoque adhibita tali detestatione mansuetos ac mites exinde factos et oneri ferundo non inhabiles et cetero ministerio patiente. Denique nisi vobis suadeo nolentibus, possum spatio modico interiecto, quo mercatum obire statui, petitis e domo ferramentis huic curare praeparatis ad vos actutum redire trucemque amatorem istum atque insuavem dissitis femoribus emasculare et quovis vervece mitiorem efficere."

23. Но тут один из этой деревенской компании говорит: - Не годится такого прекрасного осла зря губить единственно из-за того, что ему ставят в вину чрезмерную мужскую силу и любовную разнузданность... * [* Текст в рукописях испорчен.] лишаться такого необходимого работника, когда стоит лишь выхолостить его, и он не только не сможет возбуждаться и вы будете освобождены от страха подвергнуться какой бы то ни было опасности, но и сам сделается гораздо жирнее и глаже. Знавал я не то что вялых ослов, а диких и чрезмерною похотью страдавших жеребцов, и даже они, буйные и неукротимые, после холощения делались ручными, кроткими, способными к перевозке грузов и на другую работу годными. Итак, если вы ничего не имеете против моего предложения, подождите немного: мне нужно сходить в соседнее село на рынок, а потом я заверну домой за инструментами, необходимыми для этой операции, сейчас же вернусь к вам обратно и, раздвинув ляжки этому беспокойному и неприятному волоките, оскоплю его, так что он сделается тише всякого барашка.

24. Tali sententia mediis Orci manibus extractus set extremae poenae reservatus maerebam et in novissima parte corporis totum me periturum deflebam. Inedita denique vel praecipiti ruina memet ipse quaerebam extinguere moriturus quidem nihilo minus sed moriturus integer. Dumque in ista necis meae decunctor electione, matutino me rursum puer ille peremptor meus contra montis suetum ducit vestigium, Iamque me de cuiusdam viam supergressus ipse securi lignum, quod deveheret, recidebat. Et ecce de proximo specu vastum attollens caput funesta proserpit ursa. Quam simul conspexi, pavidus et repentina facies conterritus totum corporis pondus in postremos poplites recello arduaque cervice sublimiter elevata lorum quo tenebar rumpo meque protinus pernici fugae committo perque prona non tantum pedibus verum etiam toto proiecto corpore propere devolutus immitto me campis subpatentibus, ex summo studio fugiens immanem ursam ursaque peiorem illum puerum.

24. Такое решение вырвало меня из рук Орка, но с тем лишь, чтобы сберечь для самого худшего наказания. Я загрустил и потерю крайней части тела оплакивал, как полную свою погибель. Обдумывал я, как бы продолжительной голодовкой или добровольным прыжком в бездну найти себе смерть: я и в этом случае умру, конечно, но умру, по крайней мере не подвергаясь при жизни никакому увечью. Пока я не спеша занимался выбором способа смерти, ранним утром мальчишка тот, мой погубитель, снова погнал меня обычной дорогой в горы. Привязав меня к свисавшей ветке большущего дуба, он сам прошел немного дальше, чтобы нарубить топором дров, которые ему нужно было везти. Вдруг из ближайшей пещеры высунула сначала огромную голову, а потом и вся вылезла зловещая медведица. Как только я ее увидел, в страхе и в ужасе от такого неожиданного зрелища, всей тяжестью тела осел на задние ноги, голову задрал как можно выше и, оборвав ремень, которым был привязан, бросился что было духу бежать, не только ноги пустив в ход, но и всем телом стремительно скатываясь по кручам; и наконец оказавшись

	на расстилающихся под горою полях, несусь во всю прыть, стараясь ускользнуть не только от громадной медведицы, но и от худшего, чем сама медведица, - мальчишки.
25. Tunc quidam viator solitarium vagumque me respiciens invadit et properiter inscensum baculo quod gerebat obverberans per obliquam ignaramque me dicebat viam. Nec invitus ego cursui me commodabam relinquens atrocissimam virilitatis lanienam. Ceterum plagis non magnopere commovebar quippe consuetus ex forma concidi fustibus. Sed illa Fortuna meis casibus pervicax tam opportunum latibulum miseria celeritate praeversa novas instruxit insidias. Pastores enim mei perditam sibi requirentes vacculam variasque regiones peragrantes occurrunt nobis fortuito statimque me cognitum capistro prehensum attrahere gestiunt. Sed audacia valida resistens ille fidem hominum deumque testabatur: "Quid me raptatis violenter? Quid invaditis?" "Ain, te nos tractamus inciviliter, qui nostrum asinum furatus abducis? Quin potius effaris ubi puerum eiusdem agasonem, necatum scilicet, occultaris?" Et illico detractus ad terram pugnisque pulsatus et calcibus contusus infit deierans nullum semet vidisse ductorem, sed plane continatum solutum et solitarium ob indicivae praemium occupasse, domino tamen suo restituturum. "Atque unitam ipse asinum", inquit "quem numquam profecto vidissem, vocem quiret humanam dare meaeque testimonium innocentiae perhibere posset: profecto vos huius iniuriae pigeret." Sic adseverans nihil quicquam promovebat. Nam collo constrictum reductum eum pastores molesti contra montis illius silvosa nemora unde lignum puer solebat egerere.	25. Тут какой-то прохожий, видя, что я бегу один без присмотра, поймал меня и, проворно вскочив мне на спину, палкой, что была у него в руках, погнал в сторону по неизвестной мне дороге. Я охотно прибавил шагу, удаляясь от безжалостного ножа, грозившего мне лишением мужественности. Что же касается ударов, то они не особенно тревожили меня, уже успевшего, по своей ослиной должности, привыкнуть к палкам. Но Фортуна, упорно преследовавшая меня, с удивительной быстротой обернула мне во вред удобный случай к спасению и принялась строить новые козни. У пастухов моих пропала телушка, и они, в поисках ее обходя окрестности, случайно попались нам навстречу. Тотчас узнали меня и, схватив за узду, начинают тащить за собой. Но мой новый седок дерзко и упорно возражал, призывая людей и богов в свидетели: - Что хватаете меня насильно? Чего на меня нападаете? - А, так мы с тобой невежливо обращаемся, когда ты сам, укравши у нас осла, уводишь его? Лучше скажи, куда ты запрятал мальчика, его погонщика, которого ты, очевидно, убил? - Сейчас же стащили его на землю, принялись бить кулаками, пинать ногами, а он клянется и божится, что никакого погонщика не видел, но, встретив меня нестреноженного и без присмотра, хотел, в надежде на вознаграждение, вернуть меня владельцу. - Ах, если бы сам осел, - восклицал он, - которого мне лучше бы никогда не встречать, обладал человеческим голосом! Он бы подтвердил мою невиновность, и вам стало бы стыдно за ваше обращение со мною. Но все его уверения нисколько делу не помогли. Непокладистые пастухи набросили ему петлю на шею и повели в густую рощу к той горе, откуда мальчик обыкновенно привозил дрова.
26. Nec uspiam ruris reperitur ille, sed plane corpus eius membratim laceratum multisque dispersum locis conspicitur. Quam rem procul dubio sentiebam ego illius ursae dentibus esse perfectam, et hercules dicerem quod sciebam, si loquendi copia suppeditaret. sed, quod solum poteram, tacitus licet serae vindictae gratulabar. Et cadaver quidem disiectis partibus tandem	26. Нигде его не нашли, а заметили разбросанные повсюду растерзанные части его тела. Я понимал, что это, без всякого сомнения, дело зубов той медведицы, и, клянусь Геркулесом, сказал бы все, что знал, будь у меня дар слова. Но я одно мог делать - молча радоваться возмездию, хотя и запоздалому. Между тем все разъединенные

totum repertum aegreque concinnatum ibidem terrae dedere, meum vero Bellerophontem abactorem indubitatum cruentumque percussorem criminantes, ad casas interim suas vinctum perducunt, quoad renascenti die sequenti deductus ad magistratus, ut aiebant, poenas redderetur.

Interim dum puerum illum parentes sui plangoribus fletibusque querebantur, et adveniens ecce rusticus nequaquam promissum suum frustratus destinatam sectionem meam flagitat. "Non est" in his inquit unus "indidem praesens iactura nostra, sed plane crastino libet non tantum naturam verum etiam caput quoque ipsum pessimo isto asino demere. Nec tibi ministerium deerit istorum."

части трупа были наконец найдены, с трудом составлены вместе и тут же преданы земле, а моего Беллерофонта[19], конокрадство которого не вызывало никаких сомнений и которого к тому же обвиняли в кровавом убийстве, пастухи ведут связанным к своим хижинам, с тем чтобы завтра ранним утром отвести, как они говорили, к властям для наказания. Тем временем, пока родители мальчика горевали, рыдая и плача, приходит крестьянин, верный своему обещанию, и требует, чтобы надо мной была совершена операция, на которую меня обрекли. Кто-то ему отвечает:
- Нет, сегодня постигло нас другое горе, и осел тут ни при чем. А вот завтра - сколько угодно: можешь не только естество мужское, а и голову этому проклятому отрезать. В помощниках у тебя недостатка не будет.

27. Sic effectum est ut in alterum diem clades differetur mea. At ego gratias agebam bono puero quod saltem mortuus unam carnificinae meae dieculam donasset. nec tamen tantillum saltem gratulationi meae quietive spatium datum; nam mater pueri, mortem deplorans acerbam filii, fleta et lacrimosa fuscaque veste contecta, ambabus manibus trahens cinerosam canitiem, heiulans et exinde proclamans stabulum inrumpit meum tunsisque ac diverberatis vehementer uberibus incipit: "Et nunc iste securus incumbens praesepio voracitati suae deseruit et insatiabilem profundumque ventrem semper esitando distendit nec aerumnae meae miseretur vel detestabilem casum defuncti magistri recordatur, sed scilicet senectam infirmitatemque meam contemnit ac despicit et impune se laturum tantum scelus credit. At utcumque se praesumit innocentem; est enim congruens pessimis conatibus contra noxiam conscientiam sperare securitatem. Nam pro deum fidem, quadrupes nequissime, licet precariam vocis usuram sumeret, cui tandem vel ineptissimo persuadere possis atrocitatem istam culpa (tua) carere, cum propugnare pedibus et arcere morsibus misello puero potueris? An ipsum quidem saepius incursare calcibus potuisti, morituram vero defendere alacritate simili nequisti? Certe dorso receptum auferres protinus et infesti latronis cruentis manibus eriperes, postremum deserto derelictoque illo conservo magistro comite pastore non solus aufugeres. An ignoras eos etiam qui morituris auxilium salutare denegarint, quod contra bonos mores id ipsum fecerint, solere puniri? Sed non diutius meis cladibus laetaberis, homicidia. Senties efficiam, misero dolori naturales vires adesse";

27. Этим было достигнуто то, что нанесение увечья мне отложили до следующего дня. И я был благодарен доброму мальчику за то, что он хоть смертью своею на один денечек отсрочил мое мучение. Но даже такого краткого промежутка, чтобы порадоваться и отдохнуть, дано мне не было; мать отрока, оплакивая жестокую смерть сына, обливаясь горючими слезами, одетая в траурные одежды, обеими руками раздирая покрытые пеплом седины, с рыданьями, переходящими в крики, поражая ударами грудь свою, врывается в мое стойло и начинает так:
- А этот, полюбуйтесь, в полной безопасности уткнулся в ясли и свою прожорливость ублажает, только и знает, что набивать свою ненавистную и бездонную утробу жратвой, ни бедам моим не посочувствует, ни об ужасном несчастье со своим покойным хозяином не вспомнит! Нет, он, конечно, презирает и знать не желает мою старость и убожество и полагает, что даром пройдет ему такое злодеяние! Как бы там ни было, а он уже заранее считает себя ни в чем не повинным: ведь преступникам свойственно после самых злодейских покушений, невзирая на упреки нечистой совести, надеяться на безнаказанность. Призываю богов в свидетели, негоднейшая скотина, хотя бы и обрел ты на время дар речи, какого безмозглого дурака сумеешь ты убедить, что ты ни при чем в жестоком деле, когда ты и копытами мог защитить бедного мальчика, и укусами врага отогнать. Мог ты частенько его самого лягать, а от смерти уберечь с таким же жаром не мог? Конечно, ты должен был бы взять его себе на

спину и немедленно унести прочь, вырвав из кровожадных рук этого разбойника; ты не смел, наконец, покинув и бросив своего товарища, наставника, спутника, пастыря, убегать один. Разве тебе не известно, что те, кто даже умирающим в спасительной помощи отказывают, подлежат наказанию, как преступившие добрые нравы? Но недолго, убийца, будешь ты бедам моим радоваться. Скоро я дам тебе почувствовать, какой силой наделяет природа несчастных страдальцев.

28. et cum dicto subsertis manibus exsoluit suam sibi fasceam pedesque meos singillatim inligans indidem constringit artissime, scilicet ne quod vindictae meae superesset praesidium, et pertica qua stabuli fores offirmari solebant adrepta non prius me desiit obtundere quam victis fessisque viribus suopte pondere degravatus manibus eius fustis esset elapsus. Tunc de brachiorum suorum cita fatigatione conquesta procurrit ad focum ardentemque titionem gerens mediis inguinibus obtrudit usque, donec solo quod restabat nisus praesidio liquida fimo strictim egesta faciem atque oculos eius confoedassem. Qua caecitate atque faetore tandem fugata est a mea pernicie: ceterum titione delirantis Althaeae Meleager asinus interisset.

28. Сказав это, она обеими руками распустила свою повязку под грудью и, связав ею мои ноги - заднюю с задней, переднюю с передней, - плотно стянула их для того, разумеется, чтобы лишить меня возможности защищаться, схватила кол, которым обыкновенно подпиралась дверь в стойле, и принялась колотить меня, пока силы ее не иссякли окончательно и палка от собственной своей тяжести не выпала у нее из рук. Тогда, жалея, что так быстро ослабели ее пальцы, подбежала она к очагу и, вытащив оттуда горящую головню, стала совать ее прямо мне в пах, покуда я не принужден был прибегнуть к единственному оставшемуся у меня способу защиты, а именно: пустить ей в лицо и глаза струю жидкого кала. Почти ослепнув и задыхаясь от вони, убежала наконец от меня эта язва, а не то погиб бы ослиный Мелеагр от головни безумствующей Алфеи[20].

LIBER OCTAVUS

КНИГА ВОСЬМАЯ

1. Noctis gallicinio venit quidam iuvenis e proxima civitate, ut quidem mihi videbatur, unus ex famulis Charites, puellae illius, quae mecum aput latrones pares aerumnas exanclaverat. Is de eius exitio et domus totius infortunio mira ac nefanda, ignem propter adsidens, inter conservorum frequentiam sic annuntiabat:

Equisones opilionesque, etiam busequae, fuit Charite nobis, fuit misella et quidem casu gravissimo, nec vero incomitata Manis adivit. Sed ut cuncta noritis, referam vobis a capite quae gesta sunt quaeque possint merito doctiore, quibus stilos fortuna subministrat, in historiae speciem chartis involvere. Erat in proxima civitate iuvenis natalibus praenobilis quo clarus et pecuniae fuit satis locuples, sed luxuriae popinalis scortisque et diurnis potationibus exercitatus atque ob id factionibus latronum male sociatus nec non etiam manus infectus humano cruore, Thrasyllus nomine. Idque sic erat et fama dicebat.

1. На рассвете, с первыми петухами, пришел некий юноша из ближайшего города, как мне показалось, один из слуг Хариты - той девушки, что вместе со мной у разбойников одинаковые беды терпела. Он принес удивительные и ужасные вести о кончине Хариты и о несчастии, постигшем все семейство. Подсев к огню, тесно окруженный товарищами, он начал так:

- Конюхи, овчары и вы, волопасы, нет у нас больше Хариты, страшною смертью погибла, бедняжка, и не без спутников отправилась в царство теней. Но чтобы все вам стало известно, начну сначала, а случай таков, что узнай о нем люди более ученые, которых судьба наградила писательским даром, те могли бы в виде повести передать это все бумаге.

В соседнем городе жил молодой человек благородного происхождения, богатство

	которого не уступало его знатности, но привыкший к кабацкой распущенности, разврату и попойкам среди бела дня. Не удивительно поэтому, что он связался с разбойничьей шайкой и даже обагрил руки человеческой кровью. Звали его Тразилл. Каков он был на самом деле, такова о нем была и слава.
2. Hic, cum primum Charite nubendo maturuisset, inter praecipuos procos summo studio petitionis eius munus obierat et quanquam ceteris omnibus id genus viris antistaret eximiisque muneribus parentum invitaret iudicium, morum tamen improbatus repulsae contumelia fuerat aspersus. Ac dum erilis puella in boni Tlepolemi manum venerat, firmiter deorsus delapsum nutriens amorem et denegati thalami permiscens indignationem, cruento facinori quaerebat accessum. Nactus denique praesentiae suae tempestivam occasionem, sceleri, quod diu cogitarat, accingitur. Ac die quo praedonum infestis mucronibus puella fuerat astu virtutibusque sponsi sui liberata, turbae gratulantium exultans insigniter permiscuit sese salutique praesenti ac futurae suboli novorum maritorum gaudibundus ad honorem splendidae prosapiae inter praecipuos hospites domum nostram receptus, occultato consilio sceleris, amici fidelissimi personam mentiebatur. Iamque sermonibus assiduis et conversatione frequenti nonnumquam etiam cena proculoque communi carior cariorque factus in profundam ruinam cupidinis sese paulatim nescius praecipitaverat. Quidni, cum flamma saevi amoris parva quidem primo vapore delectet, sed fomentis consuetudinis exaestuans inmodicis ardoribus totos amburat homines?	2. Как только Харита созрела для брака, он оказался в числе самых настойчивых искателей ее руки и с большим рвением добивался своего, но, хотя он оставлял далеко за собой всех своих соперников и богатыми подарками старался склонить родителей к соглашению, дурная слава о нем помешала делу, и он, к немалой обиде своей, получил отказ. Когда же хозяйская дочка вышла за доброго Тлеполема, Тразилл, не переставая поддерживать в себе потерянную для него любовь, с которой смешивалось чувство негодования, вызванного отвергнутым предложением, задумал кровавое преступление. Найдя в конце концов удобный случай проникнуть в дом, он приступил к исполнению злодейского плана, давно уже обдуманного им. В тот день, когда девушка благодаря ловкости и доблести своего жениха освобождена была от злодейских ножей разбойников, Тразилл, изъявлениями восторга обращая на себя всеобщее внимание, вмешался в толпу поздравляющих. Как бы радуясь настоящему благополучию и будущему потомству новобрачных и помещенный из уважения к блистательному его роду в ряды самых почетных гостей, он, скрыв злодейский свой замысел, делал вид, будто одушевлен самыми дружественными чувствами. Уже постоянные разговоры и частые беседы, а иногда даже участие в трапезах и пирушках делали его все более близким другом семьи, и незаметно для самого себя стремительно падал он в губительную любовную бездну. И в самом деле, разве пламя жестокой любви не услаждает нас первым легким теплом своим, потом же, когда знакомство, доставляя лишь временное облегчение, раздует его, разве не до конца сжигает оно нас неистовым жаром?
3. Diu denique deliberaverat secum Thrasyllus quod nec clandestinis colloquiis opportunum reperiret locum et adulterinae Veneris magis magisque praeclusos aditus [copia custodientium] cerneret novaeque atque gliscentis affectionis firmissimum vinculum non posse dissociari perspiceret, et puellae, si vellet, quanquam velle non posset, [copia custodientum] furatrinae	3. Уже много времени потратил Тразилл на размышления, не зная, что предпринять. Удобный случай для разговора наедине никак ему не представлялся: все менее и менее казалось ему возможным получить доступ к прелюбодеянию, и, видя на своем пути многочисленную стражу, не находил он способа расторгнуть узы свежего и все крепнущего

coniugalis incommodaret rudimentum; et tamen ad hoc ipsum quod non potest contentiosa pernicie, quasi posset, impellitur. Quod nunc arduum factu putatur, amore per dies roborato facile videtur effectu. Spectate denique, sed, oro, sollicitis animis intendite, quorsum furiosae libidinis proruperit impetus.	чувства, да и сама неискушенность новобрачной, если бы она даже была согласна на то, на что согласиться она не могла, служила бы немалой помехой к нарушению супружеской верности; и все же с гибельным упорством стремился он к невозможному, как будто это было возможным. Ведь если страсть с каждым днем овладевает нами все сильнее и сильнее, то все, что в обычное время мы считали делом трудным, тут кажется нам легко исполнимым; итак, обратите внимание, прошу вас, со всею тщательностью выслушайте, на какие крайности оказалось способным иступленное чувство.
4. Die quadam venatum Tlepolemus assumpto Thrasyllo petebat indagaturus feras, quod tamen in capreis feritatis est; nec enim Charite maritum suum quaerere patiebatur bestias armatas dente vel cornu. Iamque apud frondosum tumulum ramorumque densis tegminibus umbrosum prospectu vestigatorum obseptis capreis canes venationis indagini generosae, mandato cubili residentes invaderent bestias, immittuntur statimque sollertis disciplinae memores partitae totos praecingunt aditus tacitaque prius servata mussitatione, signo sibi repentino reddito, latratibus fervidis dissonisque miscent omnia. Nec ulla caprea nec pavens dammula nec prae ceteris feris mitior cerva, sed aper immanis atque invisitatus exsurgit toris callosae cutis obesus, pilis inhorrentibus corio squalidus, setis insurgentibus spinae hispidus, dentibus attritu sonaci spumeus, oculis aspectu minaci flammeus, impetu saevo frementis oris totus fulmineus. Et primum quidem canum procaciores, quae comminus contulerant vestigium, genis hac illac iactatis consectas interficit, dein calcata retiola, qua primos impetus reduxerat, transabiit.	4. Однажды Тлеполем, взяв с собой Тразилла, отправился на охоту в надежде выследить дичину - если только могут быть названы дикими серны; но дело в том, что Харита не разрешала своему мужу гоняться за зверьми, вооруженными клыками или рогами. И вот они уже у подножья лесистого холма, где в тени тесно переплетавшихся ветвей скрывались от взоров охотников серны; и, чтобы поднять зверя из логова, выпускают охотничьих собак специально предназначенной для облав породы; они, помня выучку, тут же разбиваются на своры и занимают кругом все выходы, вначале ограничиваясь глухим рычаньем, потом по внезапно данному знаку оглашают воздух злобным нестройным лаем. Но показывается вовсе не серна, не робкая козочка, не кротчайшее из всех животных - лань, а огромный, невиданных размеров кабан, с мускулами, горою вздувающимися под толстой шкурой, косматый от вставших дыбом на коже волос, колючий от поднявшейся по хребту щетины, скрежещущий покрытыми пеной зубами, извергающий пламя из грозных глаз и рев из разинутой пасти, весь как молния в диком своем порыве. Прежде всего ударами клыков направо и налево вспорол он животы слишком дерзким собакам, которые следовали за ним по пятам, и они тут же издохли, затем растоптал наши ничтожные сеточки и побежал дальше в том же направлении, куда бросился с самого начала.
5. Et nos quidem cuncti pavore deterriti et alioquin innoxiis venationibus consueti, tunc etiam inermes atque inmuniti tegumentis frondis vel arboribus latenter abscondimus, Thrasyllus vero nactus fraudium opportunum decipulum sic Tlepolemum captiose compellat: "Quid stupore confusi vel etiam cassa formidine similes humilitati servorum istorum vel in modum pavoris feminei	5. Мы же все, пораженные ужасом, с непривычки к таким опасным охотам и вдобавок безоружные и ничем не защищенные, прячемся поглубже под прикрытие листвы и стволов деревьев, меж тем как коварный Тразилл, видя в своем распоряжении столь удобную ловушку, обращается к Тлеполему с такой лукавой речью: "Как! Мы, по примеру

deiecti tam opimam praedam mediis manibus amittimus? Quin equos inscendimus? Quin ocius indipiscimur? En cape venabulum et ego sumo lanceam." Nec tantillum morati protinus insiliunt equos ex summo studio bestiam insequentes. Nec tamen illa genuini vigoris oblita retorquet impetum et incendio feritatis ardescens dentium compulsu quem primum insiliat cunctabunda rimatur. Sed prior Tlepolemus iaculum quod gerebat insuper dorsum bestiae contorsit. At Thrasyllus ferae quidem pepercit, set equi quo vehebatur Tlepolemus postremos poplites lancea feriens amputat. Quadrupes reccidens, qua sanguis effluxerat, toto tergo supinatus invitus dominum suum devolvit ad terram. Nec diu, sed eum furens aper invadit iacentem ac primo lacinias eius, mox ipsum resurgentem multo dente laniavit. Nec coepti nefarii bonum piguit amicum vel suae saevitiae litatum saltem tanto periculo cernens potuit expleri, sed percito atque plagoso ac frustra vulnera contegenti suumque auxilium miseriter roganti per femus dexterum dimisit lanceam tanto ille quidem fidentius quanto crederet ferri vulnera similia futura prosectu dentium. Nec non tamen ipsam quoque bestiam facili manu transadigit.

подлой этой челяди, поддадимся страху и пустому испугу и упустим из рук такую завидную добычу? Мы ведь не бабы! Почему бы нам не вскочить на коней, почему не пуститься в погоню? Ну-ка, бери рогатину, а я захвачу копье". И вот в одну минуту они уже сели на коней и во весь опор пустились преследовать зверя. Но тот, не забыв природной силы своей, оборачивается и, пламенной горя жестокостью, стиснув зубы, на мгновение останавливается, оглядываясь и не зная, на кого первого наброситься. Первый Тлеполем оружие свое всадил в спину зверя, но Тразилл, минуя кабана, копьем подрезает поджилки задних ног у лошади, на которой ехал Тлеполем. Истекая кровью, животное опрокинулось и рухнуло навзничь, невольно сбросив при этом седока на землю. Не медлит неистовый вепрь, но, ринувшись на лежащего, раздирает ему сначала одежду, а когда тот хотел приподняться, - самому ему наносит клыком глубокую рану. Но доброго друга нисколько не смутило это преступное начало; напротив, казалось ему, даже такое опасное положение не может вполне насытить его жестокость, и когда Тлеполем, в смятении стараясь защитить от ударов свои израненные ноги, жалостно взывал к нему о помощи, он поразил его копьем в правое бедро с тем большей уверенностью, что рассчитывал на полное сходство ран от оружия со следами звериных клыков. Затем без труда прикончил и вепря.

6. Ad hunc modum definito iuvene exciti latibulo suo quisque familia maesta concurrimus. At ille quanquam perfecti voto prostrato inimico laetus ageret, vultu tamen gaudium tegit et frontem adseverat et dolorem simulat et cadaver, quod ipse fecerat, avide circumplexus omnia quidem lugentium officia sollerter adfinxit, sed solae lacrimae procedere noluerunt. Sic ad nostri similitudinem, qui vere lamentabamur, conformatus manus suae culpam bestiae dabat.

Necdum satis scelere transacto fama dilabitur et cursus primos ad domum Tlepolemi detorquet et aures infelicis nuptae percutit. Quae quidem simul percepit tale nuntium quale non audiet aliud, amens et vecordia percita cursuque bacchata furibundo per plateas populosas et arva rurestria fertur insana voce casum mariti quiritans. Confluunt civium maestae catervae, secuntur obvii dolore sociato, civitas cuncta vacuatur studio visionis. Et ecce mariti cadaver accurrit labantique spiritu totam se super corpus effudit ac paenissime ibidem, quam devoverat, ei

6. Так он разделался с юношей, а тут и мы, горестные домочадцы, сбегаемся, выйдя каждый из своего убежища. Тразилл же, хоть и радовался в душе, что исполнил свое заветное желание и ниспроверг врага, не дал веселью выступить на своем лице, но наморщил лоб, принял печальный вид и, жадно обняв бездыханное тело того, кого сам лишил жизни, искусно подражал всем действиям удрученного горем человека, вот только слезы не слушались и не показывались на глазах. Напустив на себя горестный вид и уподобившись нам, горевавшим нелицемерно, вину своих рук он свалил на зверя.

Не поспело еще злодеяние свершиться, как уже молва о нем распространяется, прежде всего путь свой направляя к дому Тлеполема, и достигает слуха несчастной супруги. Как только услышала она эту весть, ужаснее которой не суждено ей было ничего в жизни услышать, как, ума лишившись, потеряв рассудок, словно одержимая, бешено пустилась бежать по

reddidit animam. Sed aegre manibus erepta suorum invita remansit in vita, funus vero toto feralem pompam prosequente populo deducitur ad sepulturam.	людным улицам, по полям деревенским, не своим голосом крича о несчастье своего мужа. Стекаются к ней горестные толпы граждан, встречные присоединяются, разделяя ее скорбь, весь город пустует от охватившего всех желания видеть, в чем дело. И вот она подбегает к трупу мужа, без чувств валится на мертвое тело и едва-едва тут же на месте не отдала покойному супругу душу, которую давно уже ему посвятила. С большим трудом родные ее поднимают, и она против волн остается в живых, и погребальная процессия в сопровождении всего народа направляется к усыпальнице.
7. Sed Thrasyllus nimium nimius clamare, plangere et quas in primo maerore lacrimas non habebat iam scilicet crescente gaudio reddere et multis caritatis nominibus Veritatem ipsam fallere. Illum amicum, coaetaneum, contubernalem, fratrem denique addito nomine lugubri ciere, nec non interdum manus Charites a pulsandis uberibus amovere, luctum sedare, heiulatum cohercere, verbis palpantibus stimulum doloris obtundere, variis exemplis multivagi casus solacia nectere, cunctis tamen mentitae pietatis officiis studium contrectandae mulieris adhibere odiosumque amorem suum perperam delectando nutrire. Sed officiis inferialibus statim exactis puella protinus festinat ad maritum suum demeare cunctasque prosus pertemptat vias, certe illam lenem otiosamque nec telis ullis indigentem sed placidae quieti consimilem: inedia denique misera et incuria squalida, tenebris imis abscondita, iam cum luce transegerat. Sed Thrasyllus instantia pervicaci partim per semet ipsum, partim per ceteros familiares ac necessarios, ipso denique puellare parentes extorquet tandem iam lurore et inluvie paene conlapsa membra lavacro, cibo denique confoveret. At illa, parentum suorum alioquin reverens, invita quidem, verum religiosae necessitati subcumbens, vultu non quidem hilaro, verum paulo sereniore obiens, ut iubebatur, viventium munia, prorsus in pectore, immo vero penitus in medullis luctu a maerore carpebat animum; diesque totos totasque noctes insumebat luctuoso desiderio, et imaginem defuncti, quas ad habitum dei Liberi formaverat, adfixo servito divinis percolens honoribus ipso se solacio cruciabat.	7. А Тразилл не переставал вопить, сверх всякой меры рыдал, проливая слезы, что в первые минуты печали отказывались появляться, а теперь - от возрастающей радости, разумеется, - потекли, и самое богиню Истину[1] обманывал, осыпая ласкательными именами покойного. Исполненным скорби голосом называл он его и другом, и сверстником, и товарищем, и даже братом, а тем временем рукам Хариты, бьющей себя в грудь, старался помешать, успокаивал печаль, удерживал от воплей, ласковыми словами смягчал жало горя, плетя утешения, приводя многочисленные примеры разнообразных несчастий, но со всеми своими притворными заботами не упускал желанного случая прикоснуться к женщине, этими похищенными наслаждениями поддерживая ненавистную свою страсть. Как только окончились погребальные обряды, молодая женщина сразу же начинает думать, как бы поскорее вслед за мужем сойти в могилу, и, перебрав все до одного способы, остановилась на самом легком, спокойном, не требующем никаких орудий, но подобном блаженному успокоению,она отказалась от всякой пищи, перестала о себе заботиться и, навек распростившись с дневным светом, удалилась в самый темный покой. Но Тразилл, с упорством и настойчивостью, отчасти собственными убеждениями, отчасти через домочадцев и родственников и, наконец, через самих родителей молодой женщины, достиг того, что она согласилась свое тело, уже смертельно побледневшее и покрытое грязью, освежить баней и пищей подкрепить силы. Она же, всегда почитавшая своих родителей, подчинилась, хотя и против воли, священной необходимости, и с лицом не веселым, конечно, но уже несколько более ясным, возвращается, как от нее требовали, к жизненным привычкам;

	но в груди - нет! - скорее в самой сокровенной глубине сердца таились у нее печаль и скорбь, дни и ночи снедала ее безутешная тоска, и, соорудив статуи, изображавшие покойного в виде бога Либера[2], она в неустанном служении воздавала ему божеские почести, самою этой отрадой терзая себя.
8. Sed Thrasyllus, praeceps alioquin et de ipso nomine temerarium, priusquam dolorem lacrimae satiarent et percitae mentis resideret furor et in sese nimietatis senio lassesceret luctus, adhuc flentem maritum, adhuc vestes lacerantem, adhuc capillos distrahentem non dubitavit de nuptiis convenire et imprudentiae labe tacita pectoris sui secreta fraudesque ineffabiles detegere. Sed Charite vocem nefandam et horruit et detestata est et velut gravi tonitru procellaque sideris vel etiam ipso diali fulmine percussa corruit corpus et obnubilavit animam. Sed intervallo revalescente paulatim spiritu, ferinos mugitus iterans et iam scaenam pessimi Thrasylli perspiciens, ad limam consili desiderium petitoris distulit. Tunc inter moras umbra illa misere trucidati Tlepolemi sanie cruentam et pallore deformem attollens faciem quietem pudicam interpellat uxoris: "Mi coniux, quod tibi prorsus ab alio dici iam licebit: etsi in pectore tuo non permanet nostri memoria vel acerbae mortis meae casus foedus caritatis intercidit. - quovis alio felicius maritare, modo ne in Thrasylli manum sacrilegam conveniam neve sermonem conferas nec mensam accumbas nec toro adquiescas. Fuge mei percussoris cruentam dexteram. Noli parricidio nuptias auspicari. Vulnera illa, quorum sanguinem tuae lacrimae perluerunt, non sunt tota dentium vulnera: lancea mali Thrasylli me tibi fecit alienum" et addidit cetera omnemque scaenam sceleris inluminavit.	8. Меж тем Тразилл. вообще человек порывистый и. как из самого имени его явствует[3], безрассудный, не дождавшись, чтобы печаль досыта насытилась слезами, успокоилось безумие в пораженном рассудке, чтобы чрезмерность горя ослабела и оно само изжило бы себя, без всяких колебаний заговорил о браке с женщиной, все еще продолжавшей оплакивать мужа, раздирать одежды, рвать на себе волосы; с грязным бесстыдством выдал он тайны своей души и невообразимое коварство. При этих нечестивых словах на Хариту находит ужас и отвращение, она падает, лишившись чувств, как бы пораженная громом, солнечным ударом или самою Юпитеровой молнией. Через некоторое время, придя в себя, она испустила несколько раз звериный вой и, теперь уже ясно представляя себе всю подлость Тразилла, попросила отложить ответ на его просьбу, покуда тщательно ее не обдумает. Между тем во время целомудренного ее сна является тень убитого, жалкою смертью погибшего Тлеполема, с лицом, обезображенным бледностью и покрытым сукровицей, и с такими словами обращается к жене: "Супруга моя, пусть никому другому не дано будет называть тебя этим именем; но если в груди твоей память обо .мне уже исчезла или если горькая смерть моя разрушила любовный союз, - с кем угодно сочетайся браком более счастливым, только не доставайся в святотатственные руки Тразилла, речами с ним не обменивайся, трапезы с ним не разделяй, на ложе с ним не покойся. Беги кровавой десницы моего погубителя, воздержись заключать брак с убийцей. Раны те, кровь на которых слезы твои омыли,- не все от клыков раны, злого Тразилла копье разлучило меня с тобою". И, добавляя к этим словам другие, все подряд рассказал, как совершилось преступление.
9. At illa, ut primum maesta quieverat, toro faciem impressa, etiamnunc dormiens,lacrimis emanantibus genas cohumidat et velut quodam tormento inquieta quiete excussa luctu redintegrato prolixum heiulat discissaque interula decora brachia saevientibus palmulis converberat.	9. А она, как прежде погруженная в мрачный покой, уткнувшись лицом в подушку, не просыпаясь, щеки увлажняет слезами и, как будто терпя неожиданную муку от усилившегося горя, испускает протяжные стоны, рубашку раздирает и по прекрасным

Nec tamen cum quoquam participatis nocturnis imaginibus, sed indicio facinoris prorsus dissimulato, et nequissimum percussorem punire et aerumnabili vitate sese subtrahere tacita decernit, Ecce rursus inprovidae voluptatis detestabilis petitor aures obseratas de nuptiis obtundens aderat. Sed illa clementer aspernata sermonem Thrasylli astuque miro personata instanter garrienti summisseque deprecanti: "Adhuc" inquit "tui fratris meique carissimi mariti facies pulchra illa in meius deversatur oculis, adhuc odor cinnameus ambrosei corporis per nares meas percurrit, adhuc formonsus Tlepolemus in meo vivit pectore. Boni ergo et optimi consules, si luctui legitimo miserrimae feminae necessarium concesserit tempus, quoad residuis mensibus spatium reliquum compleatur anni, quae res cum meum pudorem, tum etiam tuum salutare commodum respicit, ne forte inmaturitate nuptiarum indignatione iusta manes acerbos mariti ad exitium salutis tuae suscitemus."	плечам безжалостно бьет ладонями. Ни с одной душой не поделившись ночными своими видениями, но тщательно скрыв все, что стало известно ей о злодеянии, молча решила и убийцу негоднейшего наказать, и себя избавить от бедственной жизни. Вот снова является гнусный искатель безрассудных удовольствий, утруждая ее не желавшие слушать уши разговорами о бракосочетании. Но она, кротко прервав речь Тразилла и с удивительной хитростью играя свою роль, в ответ на назойливую болтовню и униженные просьбы говорит: "Все еще стоит перед моими глазами прекрасный образ брата твоего и любимого моего супруга, все еще ноздри мои обоняют дух киннамона[4] от божественного его тела, все еще Тлеполем прекрасный живет в моем сердце. Хорошо и рассудительно ты поступишь, если предоставишь несчастнейшей женщине необходимое время для законного горя: пусть протекут оставшиеся месяцы, завершая годичный срок, что не только будет соответствовать моему целомудрию, но и для твоего спокойствия будет полезно, чтобы преждевременным браком[5] не поднять нам из гроба, тебе на погибель, горестную тень моего мужа, объятую справедливым негодованием".
10. Nec isto sermone Thrasyllus sobriefactum vel saltem tempestiva pollicitatione recreatus identidem pergit lingua satianti susurros improbos inurgere, quoad simulanter revicta Charite suscipit: "Istud equidem certe magnopere deprecanti concedas necesse est mihi, Thrasylle, ut interdum taciti clandestinos coitus obeamus nec quisquam persentiscat familiarium, quoad reliquos dies metiatur annus." Promissioni fallaciosae mulieris oppressus subcubuit Thrasyllus et prolixe consentit de furtivo concubitu noctemque et opertas exoptat ultro tenebras uno potiundi studio postponens omnia. "Sed heus tu," inquit Charite, quam prope vestre contectus omnique comite viduatus prima vigilia tacitus fores meas accedas unoque sibilo contentus nutricem istam meam opperiare, quae claustris adhaerens excubabit adventui tuo. Nec setius patefactis aedibus acceptum te nullo lumine conscio ad meum perducet cubiculum."	10. Но такие слова не отрезвили Тразилла, и даже обещание, которое должно было вскоре исполниться, не удовлетворило его; снова и снова из взволнованных уст его вылетали нечистые нашептывания, пока Харита, сделав вид, что он ее убедил, не сказала ему: "Хоть в одном придется тебе уступить горячим моим просьбам, Тразилл: необходимо, чтобы, покуда не истекут остальные дни до годичного срока, потихоньку сходились мы на тайные свидания, так чтобы никому из домашних не было ничего известно". Полностью убежденный лживыми обещаниями женщины, Тразилл поддался на них и охотно согласился на тайное сожительство; он уже сам мечтает о ночи и об окутывающем землю мраке, одно стремление ставя выше всего остального - обладание. "Но слушай, - говорит Харита,- закутайся как можно плотнее в плащ, без всяких спутников, молча, в первую стражу ночи[6] приходи к моим дверям, свистни один раз и жди моей кормилицы, которая у самого входа будет тебя караулить. Но и впустив тебя внутрь, она не зажжет огня, а в темноте проведет тебя в мою спальню".
11. Placuit Thrasyllo scaena feralium nuptiarum. Nec sequius aliquid suspicatus sed exspectatione turbidus de diei tantum spatio et	11. Тразиллу понравилась такая мрачная обстановка будущих брачных свиданий. Не подозревая ничего дурного, волнуемый лишь

vesperae mora querebatur. Sed ubi sol tandem nocti decessit, ex imperio Charites adest ornatus et nutricis captiosa vigilia deceptus inrepit cubiculum pronus spei. Tunc anus de iussu dominae blandiens ei furtim depromptis calcibus et oenophoro, quod inmixtum vino soporiferum gerebat venenum, crebris potionibus avide ac secure haurientem mentita dominae tarditatem, quasi parentem adsideret aegrotum, facile sepelivit ad somnum. Iamque eo ad omnes iniurias exposito ac supinato introvocata Charite masculis animis impetumque duro fremens invadit ac supersistit sicarium.	ожиданием, он досадовал только, что так долго тянется день и медлит наступить вечер. Но вот наконец солнечный свет уступил место темноте ночи, и немедленно, одевшись, как приказала ему Харита, и попавшись в силки хитрой старухи, уже стоявшей на страже, полный надежд, проникает он в спальню. Тут старуха, исполняя наставления хозяйки, окружает его заботами и, вытащив тихонько чаши и сосуд с вином, к которому подмешано было снотворное зелье, объясняя отсутствие госпожи тем, что та задержалась будто бы у больного отца, потчует гостя; а он доверчиво и жадно опоражнивает чашу за чашей, так что сон без труда валит его с ног. Вот он уже лежит навзничь, любому враждебному действию доступный; с мужским сердцем в груди, в грозном порыве быстро входит на зов Харита и с криком останавливается над убийцей.
12. "En" inquit "fidus coniugis mei comes, en venator egregius, en carus maritus. Haec est illa dextera quae meum sanguinem fudit, hoc pectus quod fraudulentas ambages in meum concinnavit exitium, oculi isti quibus male placui, qui quodam modo tamen iam futuras tenebras auspicantes venientes poenas antecedunt. Quiesce securus, beate somniare. Non ego gladio, non ferro petam; absit ut simili mortis genere cum marito meo coaequeris: vivo tibi morientur oculi nec quicquam videbis nisi dormiens. Faxo feliciorem necem inimici tui quam vitam tuam sentias. Lucem certe non tenebis, nuptias non frueris, nec mortis quiete recreaberis nec vitae voluptate laetaberis, sed incertum simulacrum errabis inter Orcum et solem, et diu quaeres dexteram quae tuas expugnavit pupulas, quodque est in aerumna miserrimum, nescies de quo queraris. At ego sepulchrum mei Tlepolemi tuo luminum cruore libato et sanctis manibus eius istis oculis parentabo. Sed quid mora temporis dignum cruciatum lucraris et meos forsitan tibi pestiferos imaginaris amplexus? Relictis somnulentis tenebris ad aliam poenalem evigila caliginem. Attolle vacuam faciem, vindictam recognosce, infortunium intellege, aerumnas computa. Sic pudicae mulieri tui placuerunt oculi, sic faces nuptiales tuos illuminarunt thalamos. Ultrices habebis pronubas et orbitatem comitem et perpetuae conscientiae stimulum."	12. "Вот он, - восклицает,- верный спутник мужа моего, вот лихой охотник, вот милый супруг! Вот десница, кровь мою пролившая, вот грудь, где на мою погибель замышлялись лживые козни, вот глаза, которым в недобрый час я приглянулась и которые, предчувствуя каким-то образом тот мрак, что их ожидает, уже теперь вкушают будущие муки. Спокойно почивай, счастливых снов! Ни мечом, ни железом тебя не трону; да не будет того, чтобы одинаковой смертью с мужем моим ты сравнился! Очи умрут у тебя живого, и, кроме как во сне, ничего ты больше не будешь видеть. Так сделаю, что насильственную смерть врага своего сочтешь счастливее своей жизни. Света дневного видеть не будешь, в руке поводыря нуждаться будешь, Хариты обнимать не будешь, браком не насладишься, в смертный покой не погрузишься и жизнью радостной не усладишься, но бледной тенью будешь блуждать меж царством Орка и солнцем, долго искать будешь десницу, которая зениц тебя лишила, и, что в бедствиях тяжелее всего, не узнаешь даже, кто твой обидчик. Я же кровью из глаз твоих на гробнице моего Тлеполема совершу возлияние и душе блаженной его посвящу твои очи. Но зачем пользуешься ты отсрочкой казни, заслуженной тобою, и, быть может, грезишь о моих, губительных для тебя, объятиях! Оставь сумрак сна и проснись для другого мрака, мрака возмездия. Подними незрячее лицо свое, узнай отмщение, пойми свое бедствие, сочти свои беды! Так очи твои понравились целомудренной женщине, так брачные факелы

	осветили свадебный чертог твой! Мстительницы[7] будут у тебя свадебными подружками, а товарищем - слепота и вечные угрызения совести".
13. Ad hunc modum vaticinata mulier acu crinali capite deprompta Thrasylli convulnerat tota lumina eumque prorsus exosculatum relinquens, dum dolore nescio crapulam cum somno discutit, arrepto nudo gladio, quo se Tlepolemus solebat incingere, per mediam civitatem cursu furioso proripit se procul dubio nescio quod scelus gestiens et recta monimentum mariti contendit. At nos et omnis populus, nudatis totis aedibus, studiose consequimur hortati mutuo ferrum vesanis extorquere manibus. Sed Charite capulum Tlepolemi propter assistens gladioque fulgenti singulos abigens, ubi fletus uberes et lamentationes varias cunctorum intuetur, "Abicite" inquit "importunas lacrimas, abicite luctum meis virtutibus alienum. Vindicavi in mei mariti cruentum peremptorem, punita sum funestum mearum [mearum] nuptiarum praedonem. Iam tempus est ut isto gladio deorsus ad meum Tlepolemum viam quaeram."	13. Провещав подобным образом, она вытаскивает из волос головную шпильку и наносит бесчисленные уколы Тразиллу в глаза, затем, оставив его совершенно лишенным зрения, пока тот, страдая от какой-то непонятной боли, стряхивает с себя хмель и сон, схватывает она обнаженный меч, который Тлеполем обычно носил у пояса, как безумная пускается бежать по городу и, без сомнения, замышляя какое-то новое злодеяние, направляется прямо к гробнице мужа. И мы, и весь народ, покинув свои дела, с усердием поспешили вслед за нею, уговаривая друг друга вырвать оружие из ее неистовых рук. Но Харита, встав рядом с гробом Тлеполема и заставя блистающим мечом всех расступиться, как увидела, что все горько плачут и отовсюду раздаются жалобные вопли, говорит: "Оставьте несносные ваши слезы, оставьте горе, недостойное моей доблести. Отомстила я кровавому убийце моего мужа, казнила зловещего похитителя моего счастья. Настает время, когда мечом этим найду дорогу я в загробный мир к моему Тлеполему".
14. Et enarratis ordine singulis quae sibi per somnium nuntiaverat maritus quoque astu Thrasyllum inductum petisset, ferro sub papillam dexteram transadacto corruit et in suo sibi pervolutata sanguine postremo balbuttiens incerto sermone proflavit animam virilem. Tunc propere familiares miserae Charites accuratissime corpus ablutum unita sepultura ibidem marito perpetuam coniugem reddidere. Thrasyllus vero cognitis omnibus, nequiens idoneum exitum praesenti (cladi nisi nova) clade reddere certusque tanto facinori nec gladium sufficere, sponte delatus ibidem ad sepulchrum "Ultronea vobis, infesti Manes, en adest victima" saepe clamitans, valvis super sese diligenter obseratis inedia statuit elidere sua sententia damnatum spiritum."	14. И, рассказав все в подробностях, по порядку, о чем в сонном видении известил ее муж, и, в какую западню завлекши, покарала она Тразилла, вонзив меч себе под правую грудь, рухнула, обливаясь собственной кровью, и, пробормотав напоследок какие-то невнятные слова, испустила мужественный дух. Со старанием и тщанием обмыв тело несчастной Хариты, домочадцы погребли ее в той усыпальнице, навеки возвращая мужу его супругу. А Тразилл, узнав обо всем происшедшем и не в силах найти казни, которая искупила бы это бедствие, но уверенный, что смерть от меча недостаточна для такого преступления, приказал принести себя туда же, к той же гробнице и, неоднократно воскликнув: "Вот вам, зловещие тени, добровольная жертва!" - плотно велел закрыть за собою двери в гробницу, избирая голод средством к уничтожению жизни, осужденный собственным приговором.
15. Haec ille longos trahens suspiritus et nonnumquam inlacrimans graviter adfectis rusticis adnuntiabat. Tunc illi mutati dominii novitatem metuentes et infortunium domus erilis altius	15. Вот что поведал юноша тяжело опечаленным поселянам, прерывая неоднократно свой рассказ глубокими вздохами и слезами. Те, опасаясь за свою участь при

miserantes fugere conparant. Sed equorum magister, qui me curandum magna ille quidem commendatione susceperat, quidquid in casula pretiosum conditumque servabat meo atque aliorum iumentorum dorso repositum asportans sedes pristinas deserit. Gerebamus infantulos et mulieres, gerebamus pullos, passeres, aedos, catellos, et quidquid infirmo gradu fugam morabatur, nostris quoque pedibus ambulabat. Nec me pondus sarcinae, quanquam enormis, urguebat, quippe gaudiali fuga detestabilem illum exsectorem virilitatis meae relinquentem. Silvosi montis asperum permensi iugum rursusque reposita camporum spatia pervecti, iam vespera semitam tenebrante, pervenimus ad quoddam castellum frequens et opulens, unde nos incolae nocturna immo vero matutina etiam prohibebant egressione: lupos enim numerosos grandes et vastis corporibus sarcinosos ac nimia ferocitate saevientes passim rapinis adsuetos infestare cunctam illam regionem iamque ipsas vias obsidere et in modum latronum praetereuntes adgredi, immo etiam vaesana fame rabidos finitimas expugnare villas, exitiumque inertissimarum pecudum ipsis iam humanis capitibus imminere. Denique ob iter illud qua nobis erat commeadum iacere semesa hominum corpora suisque visceribus nudatis ossibus cuncta candere ac per hoc nos quoque summa cautione viam aggredi debere, idque vel in primis observitare ut luce clara et die iam provecto et sole florido vitantes undique latentes insidias, cum et ipso lumine dirarum bestiarum repigratur impetus, non laciniatim disperso, sed cuneatim spirato commeatu difficultates illa transabiremus.	переходе в руки новых владельцев и горько оплакивая несчастье в доме хозяев, собираются бежать. А старший конюх, попечениям которого я был поручен с таким многозначительным наказом, собирает все ценное, что было припрятано у него в домишке, взваливает на спину мне и другим вьючным животным и со всем скарбом покидает прежнее свое жилище. Мы везли на себе ребятишек и женщин, везли кур, воробьев[8], козлят, щенят; вообще все, что не могло достаточно быстро идти и служило помехой в бегстве, передвигалось посредством наших ног. Я не чувствовал тяжести груза, хотя он и был громаден, до такой степени был рад я, что убегаю и оставляю позади себя отвратительного оскопителя моей мужественности. Перевалив через крутую, поросшую лесом гору и снова спустившись на ровное пространство полей, когда дорога в сумерках уже начала темнеть, достигли мы укрепленного поселка, многолюдного и богатого, жители которого отговаривали нас продолжать путь ночью и даже рано утром, так как вся окрестность, самые даже дороги наполнены были стаями огромных, чудовищных волков, отличающихся необычайной яростью и уже привыкших к нападениям и грабежам; подобно разбойникам, набрасывались они на прохожих и, от свирепого голода неистовствуя, совершали набеги на соседние усадьбы, и плачевная участь робких стад угрожает теперь жизни людей. К тому же о предстоящей нам дороге говорили, что она усеяна недоеденными трупами, вокруг белеют обглоданные кости, так что нам пускаться в путь надо с крайней осторожностью; прежде всего, опасаясь засад, которые могут подстерегать нас на каждом шагу, следует нам подождать, пока станет совсем светло, часть дня уже успеет пройти и солнце поднимется высоко, так как сам дневной свет сдерживает ярость нападений диких зверей; притом советовали нам идти не вразброд, а тесно сомкнутым строем, пока не минуем этих опасных мест.
16. Sed nequissimi fugitivi ductores illi nostri caecae festinationis temeritate ac metu incertae insecutionis spreta salubri monitione nec exspectata luce proxuma circa tertiam ferme vigiliam noctis onustos nos ad viam propellunt. Tunc ego metu praedicti periculi, quantum pote, iam turbae medius et inter conferta iumenta latenter absconditus clunibus meis ab	16. Но негоднейшие беглецы, наши вожаки, в слепой и необдуманной поспешности и в страхе перед предполагаемой погоней, пренебрегли полезными советами и, не дождавшись близкого уже рассвета, около третьей стражи ночи навьючили нас и погнали к дороге. Страшась опасностей, о которых нам говорили, я, насколько мог, держался в самой

adgressionibus ferinis consulebam iamque me cursu celeri ceteros equos antecellentem mirabantur omnes. Sed illa pernicitas non erat alacritatis meae, sed formidinis indicium; denique meum ipse reputabam Pegasum inclutum illum metu magis volaticum ac per hoc merito pinnatum proditum, dum in altum at adusque caelum sussilit ac resultat, formidans scilicet igniferae morsum Chimaerae. Nam et illi pastores qui nos agebant in speciem proelii manus obarmaverant: hic lanceam, ille venabulum, alius gerebat spicula, fustem alius, sed et saxa, quae salebrosa semita largiter subministrabat; erant qui sudes praeacutas attollerent; plerique tamen ardentibus facibus proterrebant feras. Nec quicquam praeter unicam tubam deerat quin acies esset proeliaris. Sed necquicquam frustra timorem illum satis inanem perfuncti longe peiores inhaesimus laqueos. Nam lupi, forsitan confertae iuventutis strepitu vel certe nimia luce flammarum deterriti vel etiam aliorsum grassantes, nulli contra nos aditum tulerunt ac ne procul saltem ulli comparverant.	середине толпы, старательно прячась за другими вьючными животными, и оберегал свой круп от звериного нападения; все начали уже удивляться моей прыти, так как я обгонял остальных ослов и лошадей. Но проворство это указывало не на мою быстроту, а скорее на мой испуг; по этому поводу мне пришло в голову, что, может быть, и пресловутый Пегас от страха сделался летучим и за это заслуженно прозван крылатым: прыгая в вышину и взлетая до самого неба, он на самом деле в ужасе уклонялся от укусов огненосной Химеры [9]. Да и сами пастухи, которые подгоняли нас, в предвидении схватки, запаслись оружием: у кого копье, у кого рогатина, один нес дротик, другой дубину, и каждый не забыл набрать камней, которыми обильно снабжала нас неровная дорога; были и такие, которые вооружились заостренными кольями, но большинство несло зажженные факелы, чтобы отпугивать зверей. Не хватало единственно сигнальной трубы, а то совсем был бы готовый к бою военный отряд. Но, отделавшись в этом отношении напрасным и пустым страхом, попали мы в худшую беду. Волки, не то испугавшись шума, поднятого толпой молодежи, или яркого пламени факелов, не то в другом каком-нибудь месте гоняясь за добычей, не предпринимали никакого на нас нападения и даже поблизости не показывались.
17. Villae vero, quam tunc forte praeteribamus, coloni multitudinem nostram latrones rati, satis agentes rerum suarum eximieque trepidi, canes rabidos et immanes et quibusuis lupis et ursis saeviores, quos ad tutelae praesidia curiose fuerant alumnati, iubilationibus solitis et cuiusce modi vocibus nobis inhortantur, qui praeter genuinam ferocitatem tumultu suorum exasperati contra nos ruunt et undique laterum circumfusi passim insiliunt ac sine ullo dilectu iumenta simul et homines lacerant diuque grassati plerosque prosternunt. Cerneres non tam hercules memorandum quam miserandum etiam spectaculum: canes copiosos ardentibus animis alios fugientes arripere, alios stantibus inhaerere, quosdam iacentes inscendere, et per omnem nostrum commeatum morsibus ambulare. Ecce tanto periculo malum maius insequitur. De summis enim tectis ac de proxumo colle rusticani illi saxa super nos raptim devolvunt, ut discernere prorsus nequiremus qua potissimum caveremus clade, comminus canum an eminus lapidum. Quorum quidem unus caput mulieris,	17. Но обитатели какой-то усадьбы, мимо которой пришлось нам проходить, приняв нас за толпу разбойников, насмерть перепугались и, сильно опасаясь за целость своего имущества, выпустили на нас огромных бешеных псов, тщательно выдрессированных для сторожевой службы, более злых, чем волки и медведи, науськивая их обычным улюлюканьем и всевозможными криками. Собаки, злые от природы и к тому же рассвирепевшие от шума, поднятого хозяевами, нападают на нас и, окружив со всех сторон наш отряд, набрасываются и без всякого разбора принимаются яростно терзать вьючный скот и людей и многих сбивают с ног. Клянусь Геркулесом, не столько заслуживает это зрелище упоминания, сколько сострадания: собаки огромными сворами одни хватали убегающих, другие нападали на остановившихся, третьи набрасывались на свалившихся и по всему нашему отряду прошлись зубами. И вот к такой-то опасности присоединяется другая, еще худшая.

quae meum dorsum residebat repente percussit. Quo dolore commota statim fletu cum clamore sublato maritum suum pastorem illum suppetiatum ciet.	Деревенские жители вдруг принялись со своих крыш и с соседнего пригорка бросать в нас камнями, так что мы уже и не знали, какой беды раньше остерегаться: вблизи собаки рвут, издали камни летят. Случилось, что один из камней неожиданно попал в голову женщине, сидевшей у меня на спине. От боли она начала плакать и звать на помощь своего мужа - того самого пастуха, что за мной присматривал.
18. At ille deum fidem clamitans et cruorem uxoris abstergens altius quiritabat: "Quid miseros homines et laboriosos viatores tam crudelibus animis invaditis atque obteritis? Quas praedas inhiatis? Quae damna vindicatis? At non speluncas ferarum vel cautes incolitis barbarorum, ut humano sanguine profuso gaudeatis." Vix haec dicta et statim lapidum congestus cessavit imber et infestorum canum revocata conquievit procella. Unus illinc denique de summo cupressus cacumine: "At nos" inquit "non vestrorum spoliorum cupidine latrocinamur, sed hanc ipsam cladem de vestris protelamus manibus. Iam denique pace tranquilla securi potestis incedere." Sic ille, sed nos plurifariam vulnerati reliquam viam capessimus alius lapidis, alius morsus vulnera referentes, universi tamen saucii. Aliquanto denique viae permenso spatio pervenimus ad nemus quoddam proceris arboribus consitum et pratentibus virectis amoenum, ubi placuit illis ductoribus nostris refectui paululum conquiescere corporaque sua diverse laniata sedulo recurare. Ergo passim prostrati solo primum fatigatos animos recuperare ac dehinc vulneribus medelas varias adhibere festinant, hic cruorem praeterfluentis aquae rore deluere, ille spongeis inacidatis tumores comprimere, alius fasciolis hiantes vincire plagas. Ad istum modum saluti suae quisque consulebat.	18. Он стал призывать богов в свидетели, отирать кровь с лица у жены и кричать еще громче ее: - Что нападаете на несчастных людей, страдальцев-путников, с такой жестокостью? Что нас притесняете? Какой наживы надо вам, за какие проступки мстите нам? Ведь не в звериных пещерах или диких трущобах живете вы, чтобы радоваться пролитию крови. Не успел он это сказать, как прекращается частый град каменьев и утихает, по команде, поднятая зловещими собаками буря. Тут один из крестьян с самой верхушки кипариса говорит: - Мы разбойничали не из желания отнять ваши пожитки, а свои собственные от ваших рук защищали. Теперь же с миром и ничего не опасаясь можете продолжать ваш путь. Так сказал он, и мы тронулись дальше, все по-разному пострадавшие - кто от камней, кто от собак, но целым никто не остался. Пройдя некоторое расстояние, достигли мы какой-то рощи, состоявшей из высоких деревьев, украшенной зелеными лужайками, где нашим погонщикам захотелось остановиться для некоторого подкрепления сил, чтобы ревностно взяться за лечение своих пострадавших по разным причинам тел. И вот, растянувшись на земле, кто где, немного оправились от усталости, а потом спешат ранам оказать помощь различными средствами: тот обмывал кровь водой из протекавшего мимо ручья, один к опухоли смоченные уксусом губки прикладывал, другой обвязывал бинтом зияющие раны. Так каждый по-своему заботился о своей поправке.
19. Interea quidam senex de summo colle prospectat, quem circum capellae pascentes opilionem esse profecto clamabant. Eum rogavit unus e nostris, haberetne venui lactem vel adhuc liquidum vel in caseum recentem inchoatum. At ille diu capite quassanti: "Vos autem" inquit "de cibo vel poculo vel omnino ulla refectione nunc cogitatis? an nulli scitis quo loco consederitis?", et	19. Между тем с вершины холма смотрел на нас какой-то старик, который пас мелкий скот; около него щипали траву козы. Кто-то из наших спросил его, нет ли у него для продажи свежего молока или молодого сыра. Но он долго качал головой и наконец говорит: - И вы еще о еде и питье или вообще о каком-то отдыхе думаете! Неужели вы совсем не

cum dicto conductis oviculis conversus longe recessit. Quae vox eius et fuga pastoribus nostris non mediocrem pavorem incussit. Ac dum perterriti de loci qualitate sciscitari gestiunt nec est qui doceat, senex alius, magnum ille quidem, gravatus annis, totus in baculum pronus et lassum trahens vestigium ubertim lacrimans per viam proximat visisque nobis cum fletu maximo singulorum iuvenum genua contingens sic adorabat:	знаете, в каком месте находитесь? И с этими словами собрал своих овечек и пошел прочь. Речь эта и его бегство немалый страх нагнали на наших пастухов. Покуда в ужасе стараются они догадаться, каким свойством обладает эта местность, и никого не находят, у кого бы спросить, приближается по дороге другой старик, высокий, обремененный годами, всем телом опираясь на палку, еле волоча ноги и обливаясь слезами; увидя нас, он еще пуще заплакал и, касаясь колен всех молодых людей по очереди, так взмолился:
20. "Per Fortunas vestrosque Genios, sic ad meae senectutis spatia validi laetique veniatis, decepto seni subsistite meumque parvulum ab inferis ereptum canis meis reddite. Nepos namque meus et itineris huius suavis comes, dum forte passerem incantantem sepiculae consectatur arripere, delapsus in proximam foveam, quae fruticibus imis subpatet, in extremo iam vitae consistit periculo, quippe cum de fletu ac voce ipsius avum sibi saepicule clamitantis vivere illum quidem sentiam, sed per corporis, ut videtis, mei defectam valetudinem opitulari nequeam. At vobis aetatis et robori beneficio facile est subpetiari miserrimo seni puerumque illum novissimum successionis meae atque unicam stirpem sospitem mihi facere."	20. - Заклинаю вас Фортуной и вашими гениями-хранителями[10], да доживете вы в веселье и здоровье до моего возраста, помогите старцу дряхлому и малютку моего, преисподней похищенного, верните моим сединам! Внучек мой и любезный спутник в этом путешествии захотел поймать воробышка, чирикавшего на заборе, и свалился в соседний ров, заросший сверху кустарником; жизнь его в крайней опасности, так как по стонам его и по тому, как поминутно дедушку зовет он на помощь, слышу я, что он еще жив, но по слабости тела моего, как сами видите, помочь не могу. Вам же, молодостью и силой одаренным, легко оказать поддержку несчастнейшему старцу и доставить мне живым и здоровым самого младшего из моих потомков и единственного отпрыска.
21. Sic deprecantis suamque canitiem distrahentis totos quidem miseruit. Sed unus prae ceteris et animo fortior et aetate iuvenior et corpore validior, quique solus praeter alios incolumis proelium superius evaserat, exsurgit alacer et percontatus quonam loci puer ille decidisset monstrantem digito non longe frutices horridos senem illum inpigre comitatur. Ac dum pabulo nostro suaque cura refecti sarcinulis quisque sumptis suis viam capessunt, clamore primum nominatim cientes illum iuvenem frequenter inclamant, mox mora diutina commoti mittunt e suis arcessitorem unum, qui requisitum comitem tempestivae viae commonefactum reduceret. At ille modicum commoratum refert sese: buxanti pallore trepidus mira super conservo suo renuntiat: conspicatum se quippe supinato illi et iam ex maxima parte consumpto immanem draconem mandentem insistere nec ullum usquam miserrimum senem comparere illum. Qua re cognita et cum pastoris sermone conlata, qui saevum prorsus hunc illum nec alium locorum inquilinum praeminabatur, pestilenti deserta regione velociori se fuga proripiunt	21. Всех охватила жалость при виде того, как он молил, раздирая седины. А один из пастухов, и храбрее по духу, и летами моложе, и телом крепче, к тому же единственный вышедший без увечья из предыдущей схватки, быстро встает и, спросивши, в каком месте упал мальчик, без колебания идет вслед за стариком к густому кустарнику, на который он указал ему пальцем. Тем временем все отдохнули, раны залечили, нас накормили и, собравши пожитки, начали готовиться в дорогу. Сначала долго кликают по имени того юношу, наконец, обеспокоившись долгим его отсутствием, послали человека отыскать товарища, напомнить ему, что пора в путь, и привести с собой. Через некоторое время возвращается посланный, смертельно бледный, весь дрожит и удивительные вещи рассказывает про своего товарища, будто тот лежит навзничь, почти весь съеденный, а над ним - огромный дракон, грызущий его тело, старика же убогого пропал и след. Услышав это и сравнив рассказ посланного со словами пастуха, вожаки наши поняли, что дракон и

nosque pellunt crebris tundentes fustibus.	есть тот самый жестокий обитатель этих мест, о котором их предупреждали, и, покинув опасную местность, проворно пускаются в бегство, погоняя нас частыми ударами палки.
22. Celerrime denique longo itinere confecto pagum quendam accedimus ibique totam perquiescimus noctem. Ibi coeptum facinus oppido memorabile narrare cupio. Servus quidam, cui cunctam familiae tutelam dominus permiserat, suus quique possessionem maximam illam, in quam deverteramus, vilicabat, habens ex eodem famulitio conservam coniugam, liberae cuiusdam extrariaeque mulieris flagrabat cupidine. Quo dolore paelicatus uxor eius instricta cunctas mariti rationes et quicquid horreo reconditum continebatur admoto combussit igne. Nec tali damno tori sui contumeliam vindicasse contenta, iam contra sua saeviens viscera laqueum sibi nectit, infantulumque, quem de eodem marito iam dudum susceperat, eodem funiculo nectit seque per altissimum puteum adpendicem parvulum trahens praecipitat. Quam mortem dominus eorum aegerrime sustinens adreptum servulum, qui causam tanti sceleris luxurie sua praestiterat, nudum ac totum melle perlitum firmiter alligavit arbori ficulneae, cuius in ipso carioso stipite inhabitantium formicarum nidificia bulliebant et ultro citro commeabant multiiuga scaturrigine. Quae simul dulcem ac mellitum corporis nidorem persentiscunt, parvis quidem sed numerosis et continuis morsiunculis penitus inhaerentes, per longi temporis cruciatum ita, carnibus atque ipsis visceribus adesis, homine consumpto membra nudarunt, ut ossa tantum viduata pulpis nitore nimio candentia funestae cohaererent arbori.	22. Пройдя как можно скорее значительное расстояние, достигли мы наконец какого-то селения, где и отдыхали всю ночь. Там произошел случай, весьма достойный упоминания, и о нем я хочу рассказать. Некий раб, который по поручению господина ведал всем его хозяйством и был к тому же управляющим огромного поместья - того самого, где мы остановились, - проживал здесь, женатый на рабыне из того же дома, но сгорал страстью к некой свободной женщине на стороне. Жена его, оскорбленная изменой, дотла сожгла все его расчетные книги и все, что хранилось в амбаре. Но, не чувствуя себя удовлетворенной и считая, что такой убыток - недостаточная месть за оскорбление ее брачного ложа, она обратила свой гнев против собственной плоти и крови и, вдев голову в петлю, привязав малютку, давно уже рожденного ею от того самого мужа, к той же самой веревке, бросилась вместе с младенцем в глубокий колодец. Хозяин очень разгневался, узнав об этой смерти, и, схватив раба, доведшего жену до такого преступления, велел раздеть его, всего обмазать медом и крепко привязать к фиговому дереву. А в дупле этого дерева был муравейник, кишмя кишевший насекомыми, и муравьи тучами сновали туда и сюда. Как только они учуяли сладкий медовый запах, шедший от тела, то, глубоко впиваясь, хотя и мелкими, но бесчисленными и беспрерывными укусами, долго терзали, так что, съевши мясо и внутренности, начисто обглодали все кости, и к зловещему дереву оказался привязанным только сверкающий ослепительной белизной, лишенный всякой мякоти скелет.
23. Hac quoque detestabili deserta mansione, paganos in summo luctu relinquentes, rursum pergimus dieque tota campestres emensi vias civitatem quandam populosam et nobilem iam fessi pervenimus. Inibi larem sedesque perpetuas pastores illi statuere decernunt, quod et longe quaesituris firmae latebrae viderentur et annonae copiosae beata celebritas invitabat. Triduo denique iumentorum refectis corporibus, quo vendibiliores videremur, ad mercatum producimur magnaque voce praeconis pretia singulis nuntiantis equi atque alii asini opulentis emptoribus praestinantur; at me relictum solum	23. Покинув и это отвратительное место нашей стоянки и оставив жителей в глубокой печали, поехали мы дальше и, проведя весь день в пути по равнинам, уже усталые, достигли некоего многолюдного и знаменитого города. Здесь те пастухи решили навсегда обосноваться, рассчитывая найти безопасное убежище от возможных преследований и привлекаемые благоприятной молвой об изобилии продовольствия. Вьючным животным дали три дня на восстановление сил, чтобы вид у нас был получше и легче было нас продать, потом вывели нас на базар, и, после того как

ac subsicivum cum fastidio plerique praeteribant. Iamque taedio contrectationis eorum, qui de dentibus meis aetatem computabant, manum cuiusdam faetore sordentem, qui gingivas identidem meas putidis scalpebat digitis, mordicus adreptam plenissime conterrui. Quae res circumstantium ab emptione mea utpote ferocissimi deterruit animos. Tunc praeco dirruptis faucibus et rauca voce saucius in meas fortunas ridiculos construebat iocos: "Quem ad finem cantherium istum venui frustra subiciemus et vetulum et extritis ungulis debilem et dolore deformem et in hebeti pigritia ferocem nec quicquam amplius quam ruderarium cribrum? Atque adeo vel donemus eum cuipiam, si qui tamen faenum suum perdere non gravatur."

глашатай[11] громким голосом назвал цену каждого в отдельности, лошади и другие ослы были приобретены богатыми покупателями; а мимо меня, оставшегося напоследок в одиночестве, большей частью проходили с пренебрежением. Мне уже надоели все эти прикосновения покупателей, которые по зубам хотели узнать мой возраст, так что, когда кто-то вонючими пальцами уже в который раз принялся ощупывать мои десны, я схватил зубами грязную, зловонную руку и совершенно раздробил ее. Последнее обстоятельство оттолкнуло окружавших нас людей от покупки, так как они сочли меня за дикое животное. Тогда глашатай[12], надорвав горло и охрипнув, принялся за смешные прибаутки, прославляя мои достоинства:
- Долго ли нам еще без толку выводить на продажу такого мерина, старого, ослабевшего, с разбитыми ногами, безобразного от хвори и все же, несмотря на тупость и лень, норовистого, годного только разве что на решето для щебенки? Даже если бы даром его кому-нибудь отдать, так корму на него жалко.

24. Ad istum modum praeco ille cachinnos circumstantibus commovebat. Sed illa Fortuna mea saevissima, quam per tot regiones iam fugiens effugere vel praecedentibus malis placare non potui, rursum in me caecos detorsit oculos et emptorem aptissimum duris meis casibus mire repertum obiecit. Scitote qualem: cinaedum, calvum quidem sed cincinnis semicanis et pendulis capillatum, unum de triviali popularium faece, qui per plateas et oppida cymbalis et crotalis personantes deamque Syriam circumferentes mendicare compellunt. Is nimio praestinandi studio praeconem rogat cuiatis essem; at ille Cappadocum me et satis forticulum denuntiat. Rursum requirit annos aetatis meae; sed praeco lasciviens: "Mathematicus quidem, qui stellas eius disposuit, quintum ei numeravit annum, sed ipse scilicet melius istud de suis novit professionibus. Quanquam enim prudens crimen Corneliae legis incurram, si civem Romanum pro servo tibi vendidero, quin emis bonum et frugi mancipium, quod te et foris et domi poterit iuvare?" Sed exinde odiosus emptor aliud de alio non desinit quaerere, denique de mansuetudine etiam mea percontatur anxie.

24. Такими причитаниями глашатай вызывал хохот у присутствующих. Но жесточайшая судьба моя, от которой не смог я убежать, куда б ни бежал, и гнева которой не смог смягчить перенесенными уже бедствиями, снова обратила на меня слепые свои очи и чудесным образом послала покупателя, самого подходящего для жестоких моих испытаний. Судите сами: развратника, старого развратника, плешивого, но украшенного седеющими висячими локонами, одного из тех отбросов толпы, что, ударяя в систры и кастаньеты, по городам и селам нищенствуют, возя с собою изображение Сирийской богини 12. Воспылав жаждой купить меня, спрашивает он глашатая, откуда я родом; тот сообщает, что родом я из Каппадокии и достаточно крепенький. Тот дальше справляется о моем возрасте; оценщик отвечает шуткой: - Некий астролог, составлявший его гороскоп, выдавал его за пятилетнего; впрочем, лучше всех, конечно, знает об атом он сам - по записям, сделанным его родителями в списках граждан. Хотя я и рискую умышленно погрешить против Корнелиева закона, если вместо раба римского гражданина тебе продам, но купишь ты верного и усердного слугу, который и в дороге, и дома может тебе пригодиться.
Но тут ненавистный покупатель принялся задавать вопрос за вопросом и, наконец, с

	тревогой осведомляется, смирный ли я.
25. At praeco: "Vervecem" inquit "non asinum vides, ad usus omnes quietum, non mordacem nec calcitronem quidem, sed prorsus ut in asini corio modestum hominem inhabitare credas. Quae res cognitu non ardua. Nam si faciem tuam mediis eius feminibus immiseris, facile periclitaberis quam grandem tibi demonstret patientiam." Sic praeco lurchonem tractabat dicacule, sed ille cognito cavillatu similis indignanti: "At te" inquit "cadaver surdum et mutum delirumque praeconem omnipotens et omniparens dea Syria et sanctus Sabazius et Bellona et mater Idaea cum (suo Attide et cum) suo Adone Venus domina caecum reddant, qui scurrilibus iam dudum contra me velitaris iocis. An me putas, inepte, iumento fero posse deam committere, ut turbatum repente divinum deiciat simulacrum egoque miseria cogar crinibus solutis discurrere et deae meae humi iacenti aliquem medicum quaerere?" Accepto tali sermone cogitabam subito velut lymphaticus exsilire, ut me ferocitate cernens exasperatum emptionem desineret. Sed praevenit cogitatum meum emptor anxius pretio depenso statim, quod quidem gaudens dominus scilicet taedio mei facile suscepit, septemdecim denarium, et illico me stomida spartea deligatum tradidit Philebo: hoc enim nomine censebatur iam meus dominus.	25. А глашатай отвечает: - Овечка перед тобой, а не осел, любую работу исполняет спокойно, не кусается, не лягается - ну просто, можно сказать, скромный человек в ослиной шкуре. Это и проверить нетрудно. Всунь лицо ему между ляжек - легко узнаешь, сколь великое окажет он терпение. Так глашатай издевался над этим развратником, но тот, поняв, что над ним насмехаются, притворно вознегодовал: - А тебя, падаль, пусть сделают слепым, глухим и полоумным крикуном всемогущая и всерождающая Сирийская богиня, святой Сабадий[13], Беллона[14], и Идейская матерь[15], и владычица Венера вместе со своим Адонисом[16] за то, что столько времени пристаешь ко мне со своими нелепыми шутками! Что же ты, глупец, думаешь, будто я могу вверить богиню непокорному вьючному животному, чтобы он внезапным толчком сбросил божественное изображение, а я, несчастный, принужден был бегать с растрепанными волосами и искать какого-нибудь лекаря для поверженной наземь богини? При таких речах вдруг пришло мне в голову прыгнуть, как сумасшедшему, чтобы меня приняли за непокорного и дикого и торг не состоялся. Но замысел мой предупредил беспокойный покупатель, поспешивший уплатить семнадцать денариев; желавший отделаться от меня хозяин с удовольствием принял деньги и сейчас же, взяв меня за узду, сплетенную из альфы[17], передал Филебу - этим именем назывался новый мой владелец.
26. At ille susceptum novicium famulum trahebat ad domum statimque illinc de primo limine proclamat: "Puellae, servum vobis pulchellum en ecce mercata perduxi." Sed illae puellae chorum erat cinaedorum, quae statim exsultantes in gaudium fracta et rauca et effeminata voce clamores absonos intollunt, rati scilicet vere quempiam hominem servulum ministerio suo paratum. Sed postquam non cervam pro virgine sed asinum pro homine succidaneum videre, nare detorta magistrum suum varie cavillantur: non enim servum, sed maritum illum scilicet sibi perduxisse. Et "heus," aiunt "cave ne solus exedas tam bellum scilicet pullulum, sed nobis quoque tuis palumbulis nonnumquam inpertias." Haec et huius modi mutuo blaterantes praesepio me proximum deligant. Erat quidam	26. Тот, получив нового слугу, повел меня к своему дому и, едва ступил на порог, закричал: - Девушки, вот я вам с рынка хорошенького раба привел! А девушки эти оказались толпой развратников, которые сейчас же возликовали нестройным хором ломающихся, хриплых, пискливых голосов, думая, что для их услуг действительно припасен какой-нибудь невольник; но, увидя, что не дева подменена ланью, а мужчина - ослом[18], они сморщили носы и стали по-всякому издеваться над своим наставником, говоря, что не раба он купил, а мужа - для себя, конечно. - Смотри только, - твердили, - не слопай один такого восхитительного цыпленочка, дай и нам, твоим голубкам, иногда попользоваться. Болтая между собою таким образом, они привязали меня к яслям возле дома. Был среди

iuvenis satis corpulentus, choraula doctissimus, conlaticia stipe de mensa paratus, qui foris quidem circumgestantibus deam cornu canens adambulabat, domi vero promiscuis operis partiarius agebat concubinus. Hic me simul domi conspexit, libenter adpositis largiter cibariis gaudens adloquitur: "Venisti tamen miserrimi laboris vicarius. Sed diu vivas et dominis placeas et meis defectis iam lateribus consulas." Haec audiens iam meas futuras novas cogitabam aerumnas.

них какой-то юноша, достаточно плотного телосложения, искуснейший в игре на флейте, купленный ими на рабском рынке на те пожертвования, что они собирали, который, когда они носили по окрестностям статую богини, ходил вместе с ними, играя на трубе, а дома без разбора служил общим любовником. Как только он увидел меня в доме, охотно и щедро засыпал мне корма и весело проговорил: - Наконец-то явился заместитель в несчастных моих трудах! Только живи подольше и угоди хозяевам, чтобы отдохнули уже уставшие мои бока. Услышав такие слова, я призадумался об ожидающих меня новых невзгодах.

27. Die sequenti variis coloribus indusiati et deformiter quisque formati facie caenoso pigmento delita et oculis obunctis graphice prodeunt, mitellis et crocotis et carbasinis et bombycinis iniecti, quidam tunicas albas, in modum lanciolarum quoquoversum fluente purpura depictas, cingulo subligati, pedes luteis induti calceis; deamque serico contectam amiculo mihi gerendam imponunt bracchiisque suis umero tenus renudatis, adtollentes immanes gladios ac secures, evantes exsiliunt incitante tibiae cantu lymphaticum tripudium. Nec paucis pererratis casulis ad quandam villam possessoris beati perveniunt et ab ingressu primo statim absonis ululatibus constrepentes fanatice provolant diuque capite demisso cervices lubricis intorquentes motibus crinesque pendulos in circulum rotantes et nonnumquam morsibus suos incursantes musculos ad postremum ancipiti ferro, quod gerebant, sua quisque brachia dissicant. Inter haec unus ex illis bacchatur effusius ac de imis praecordiis anhelitus crebros referens velut numinis divino spiritu repletus simulabat sauciam vecordiam, prorsus quasi deum praesentia soleant homines non sui fieri meliores, sed debiles effici vel aegroti.

27. На следующий день, надев пестрые одежды и безобразно размалевав лицо краской грязно-бурого цвета, искусно подведя глаза, выступили они, украсившись женскими повязками и шафрановыми платьями из полотна и шелка; на некоторых были белые туники, поддерживаемые поясами, разрисованные узкими пурпурными полосками, напоминавшими маленькие копья в полете, ноги обуты в желтые туфли; а изображение богини, закутанное в шелковый покров, водрузили они на меня; сами же, обнажив руки до плеч, несли огромные мечи и секиры и прыгали с криками, возбуждаемые звуками флейты, в бешеном священном танце. Миновали они немало хижин и наконец достигли дома зажиточного хозяина; как только они вступили в него, сейчас же воздух огласился нестройными воплями, и они в исступлении принялись носиться, опустив голову, стремительными движениями поворачивая шею, так что свисающие волосы развевались, образуя круг; некоторые на бегу кусали свои плечи и, наконец, двусторонними ножами, которые при них были, руки себе начали полосовать. Один из них особенно старался: из глубины груди вырывалось у него прерывистое дыхание, и он изображал дикое исступление, словно на него снизошел дух божий, как будто божеское присутствие, вместо того чтобы совершенствовать человека, делает его немощным и больным.

28. Specta denique, quale caelesti providentia meritum reportaverit. Infit vaticinatione clamosa conficto mendacio semet ipsum incessere atque criminari, quasi contra fas sanctae religionis dissignasset aliquid, et insuper iustas poenas noxii facinoris ipse de se suis manibus exposcere. Arrepto denique flagro, quod semiviris illis

28. Но смотри, какое вознаграждение заслужил он от небесного провидения! Притворно начал он громогласным вещанием поносить самого себя и обвинять в том, будто он каким-то образом преступил священные законы религии; потом кричит, что должен от собственных рук получить справедливое

proprium gestamen est, contortis taenis lanosi velleris prolixe fimbriatum et multiiugis talis ovium tesseratum, indidem sese multinodis commulcat ictibus mire contra plagarum dolores praesumptione munitus. Cerneres prosectu gladiorum ictuque flagrorum solum spurcitia sanguinis effeminati madescere. Quae res incutiebat mihi non parvam sollicitudinem videnti tot vulneribus largiter profusum cruorem, ne quo casu deae peregrinae stomachus, ut quorundam hominum lactem, sic illa sanguinem concupisceret asininum. Sed ubi tandem fatigati vel certe suo laniatus satiati pausam carnificinae dedere, stipes aereas immo vero et argenteas multis certatim offerentibus sinu recepere patulo nec non et siliginis aliquid, et nonnullis hordeum deae gerulo donantibus, avidis animis conradentes omnia et in sacculos huic quaestui de industria praeparatos farcientes dorso meo congerunt, ut duplici scilicet sarcinae pondere gravatus et horreum simul et templum incederem.

возмездие. Наконец схватывает бич - своего рода оружие этих полумужчин, одним им свойственное, - сплетенный из полосок лохматой шерсти с длинной бахромой и овечьими косточками различной формы на концах, и принимается наносить себе узелками этими удары, защищенный от боли необычайным присутствием духа. Можно было видеть, как от порезов мечом и от ударов бичом земля увлажнилась нечистой кровью этих скопцов. Обстоятельство это возбудило во мне немалую тревогу; при виде такого количества крови, вытекавшей из многочисленных ран, подумал я: "А вдруг случится так, что желудок странствующей богини пожелает ослиной крови, как некоторые люди бывают охочи до ослиного молока?" Наконец, не то утомясь, не то удовлетворясь бичеванием, прекратили они кровопролитие и стали собирать и складывать за пазуху, где места было довольно, медные и даже серебряные деньги, которые наперебой протягивали им многочисленные жертвователи; кроме того, дали им бочку вина, молока, сыра, немного муки разных сортов, а некоторые подали и ячменя для носителя богини; все это они с жадностью забрали и, запихав в специально для подобной милостыни приготовленные мешки, взвалили мне на спину, так что, выступая под тяжестью двойной поклажи, был я одновременно и храмом, и амбаром.

29. Ad istum modum palantes omnem illam depraedabantur regionem. Sed in quodam castello copia laetati largioris quaesticuli gaudiales instruunt dapes. A quodam colono fictae vaticinationis mendacio pinguissimum deposcunt arietem, qui deam Syriam esurientem suo satiaret sacrificio, probeque disposita cenula balneas obeunt, ac dehinc lauti quendam fortissimum rusticanum industria laterum atque imis ventris bene praeparatum comitem cenae secum adducunt paucisque admodum praegustatis olusculis ante ipsam mensam spurcissima illa propudia ad inlicitae libidinis extrema flagitia infandis uriginibus efferantur, passimque circumfusi nudatum supinatumque iuvenem exsecrandis oribus flagitabant. Nec diu tale facinus mei oculis tolerantibus "Porro Quirites" proclamare gestivi, sed viduatum ceteris syllabis ac litteris processit "O" tantum sane clarum ac validum et asino proprium, sed inopportuno plane tempore. Namque de pago proximo complures iuvenes abactum sibi noctu perquirentes asellum

29. Таким образом, переходя с места на место, они обирали все окрестности. Придя наконец в какое-то селение, на радостях по случаю хорошей поживы решили они устроить веселое пиршество. Посредством ложного предсказания выманили они у какого-то крестьянина самого жирного барана, чтобы удовлетворить этой жертвой алчущую Сирийскую богиню, и, приготовив все как следует к ужину, идут в баню; помывшись там, они приводят с собою как сотрапезника здоровенного мужика, щедро наделенного силой бедер и паха; не поспели они закусить кое-какими овощами, как, не выходя из-за стола, грязные эти скоты почувствовали бесстыдные позывы к крайним выражениям печально знаменитой похоти, окружили толпой парня, раздели, повалили навзничь и принялись осквернять гнусными своими губами. Не могли глаза мои выносить долго такого беззакония, и я попытался воскликнуть: - На помощь, квириты!

nimioque studio cuncta devorsoria scrutantes, intus aedium audito ruditu meo, praedam absconditam latibulis aedium rati, coram rem invasuri suam improvisi conferto gradu se penetrant palamque illos exsecrandas foeditates obeuntes deprehendunt; iamiamque vicinos undique percientes turpissimam scaenam patefaciunt, insuper ridicule sacerdotum purissimam laudantes castimoniam.	Но никаких звуков и слогов у меня не вышло, кроме ясного, громкого, поистине ослиного "о". Раздалось же оно совершенно не ко времени, потому что из соседнего села прошлой ночью украли осленка, и несколько парней отправились его отыскивать, с необыкновенной тщательностью обшаривая каждый закуток; услышав мой рев в закрытом помещении и полагая, что в доме прячут похищенное у них животное, они, чтобы лично наложить руку на свою собственность, неожиданно всей гурьбой вваливаются в комнату, и очам их предстает гнусная пакость; тотчас они сзывают соседей и всем рассказывают про позорнейшее зрелище, поднимая на смех чистейшее целомудрие священнослужителей.
30. Hac infamia consternati, quae per ora populi facile dilapsa merito invisos ac detestabiles eos cunctis effecerat, noctem ferme circa mediam collectis omnibus furtim castello facessunt bonaque itineris parte ante iubaris exortum transacta iam die claro solitudines avias nancti, nulla secum prius conlocuti, accingunt se meo funeri deaque vehiculo meo sublata et humi reposita cunctis stramentis me renudatum ac de quadam quercu destinatum flagro illo pecuinis ossibus catenato verberantes paene ad extremam confecerant mortem; fuit unus, qui poplites meos enervare secure sua comminaretur, quod de pudore illo candido scilicet suo tam deformiter triumphassem: sed ceteri non meae salutis, sed simulacri iacentis contemplatione in vita me retinendum censuere. Rursum itaque me refertum sarcinis planis gladiis minantes perveniunt ad quandam nobilem civitatem, Inibi vir principalis, et alias religiosus et eximie deum reverens, tinnitu cymbalorum et sonu tympanorum cantusque Phrygii mulcentibus modulis excitus procurrit obviam deamque votivo suscipiens hospitio nos omnis intra conseptum domus amplissimae constituit numenque summa veneratione atque hostiis opimis placare contendit.	30. Удрученные таким позором, молва о котором, быстро распространившись, по заслугам сделала их для всех отвратительными и ненавистными, они около полуночи, забрав все свои пожитки, потихоньку покинули селение; проделав добрую часть пути до утренней зари и уже при ярком солнечном свете достигнув какого-то безлюдного места в стороне от дороги, они долго совещались между собой, а затем, решив предать меня смерти, сняли с меня изображение богини и положили ее на землю, освободили меня от всякой сбруи, привязали к какому-то дубу и своим бичом с бараньими косточками так отхлестали, что я едва не испустил дух; был один среди них, который все грозился своей секирой подрезать мне поджилки за то, что я будто бы нагло попрал его целомудрие, на котором не было, разумеется, ни пятнышка, но остальные, думая не столько о моем спасении, сколько о лежащей на земле статуе, сочли за лучшее оставить меня в живых. Итак, снова нагрузив меня и угрожая ударами мечей плашмя, доезжают они до какого-то прославленного города. Одно из первых лиц города, и вообще-то человек благочестивый, но особенно чтивший нашу богиню, заслышав бряцание кимвалов и тимпанов и нежные звуки фригийских мелодий, выбежал навстречу и, по данному им когда-то обету, предложил богине гостеприимство, нас всех разместил внутри ограды просторного своего дома, божество же старался умилостивить знаками самого глубокого почитания и обильными жертвами.
31. Hic ego me potissimum capitis periclitatum memini. Nam quidam colonus partem venationis immanis cervi pinguissimum femus domino illi suo numeri miserat, quod incuriose pone culinae fores	31. Здесь, как помню, жизнь моя подверглась величайшей опасности. Какой-то крестьянин послал в подарок своему господину, у которого мы остановились, часть

non altiuscule suspensum canis adaeque venaticus latenter invaserat, laetusque praeda propere custodientes oculos evaserat. Quo damno cognito suaque reprehensa neglegentia cocus diu lamentatus lacrimis inefficacibus iamiamque domino cenam flagitante maerens et utcumque metuens altius, filio parvulo suo consalutato adreptoque funiculo, mortem sibi nexu laquei comparabat. Nec tamen latuit fidam uxorem eius casus extremus mariti, sed funestum nodum violenter invadens manibus ambabus: "Adeone" inquit "praesenti malo perterritus mente excidisti tua nec fortuitum istud remedium, quod deum providentia subministrat, intueris? Nam si quid in ultimo fortunae turbine resipiscis, expergite me ausculta et advenam insitum asinum remoto quodam loco deductum iugula femusque eius ad similitudinem perditi detractum et accuratius in protrimentis sapidissime percoctum adpone domino cervini vicem." Nequissimo verberoni sua placuit salus de mea morte et multum conservae laudata sagacitate destinatae iam lanienae cultros acuebat.

своей охотничьей добычи - огромный и жирный олений окорок; повесить его имели неосторожность возле кухонных дверей недостаточно высоко, так что какая-то собака, тоже своего рода охотник, тайком его стащила и, радуясь добыче, покуда никто ее не увидел, скорее подальше утащила. Обнаружив пропажу и коря себя за небрежность, повар долгое время проливал бесполезные слезы, а потом, удрученный тем, что хозяин, того и гляди, потребует обеда, и вообще перепуганный сверх всякой меры, простился с малолетним сыном своим и, взяв веревку, собирался повеситься. Несчастный случай с мужем не ускользнул от глаз его верной жены. Крепко ухватившись обеими руками за роковую петлю, она говорит: - Неужели ты так перетрусил из-за этого несчастия, что совсем лишился разума и не видишь простого выхода, который посылает тебе божественный промысел? Если в крайнем этом смятении, воздвигнутом судьбою, сохранил ты хоть каплю здравого смысла, выслушай меня внимательно: отведи этого чужого осла в какое-нибудь скрытое место и там зарежь, отдели его окорок так, чтобы он напоминал пропавший, получше и повкуснее приготовь его с подливой и подай хозяину вместо оленьего.
Негодному плуту улыбнулась мысль спастись ценой моей жизни. И, горячо похвалив свою подругу за находчивость, он принялся точить ножи для живодерства, которое считал уже делом решенным.

LIBER NONUS

КНИГА ДЕВЯТАЯ

1. Sic ille nequissimus carnifex contra me manus impias obarmabat. At ego praecipitante consilium periculi tanti praesentia nec exspectata diutina cogitatione lanienam imminentem fuga vitate statui, protinusque vinculo, quo fueram deligatus, abrupto curso me proripio totis pedibus, ad tutelam salutis crebris calcibus velitatus, ilicoque me raptim transcursa proxima porticu triclinio, in quo dominus aedium sacrificales epulas cum sacerdotibus deae cenitabat, incunctanter immitto, nec pauca rerum adparatus cibarii mensas etiam et ignes impetu meo collido atque disturbo. Qua rerum deformi strage paterfamilias commotus ut importunum atque lascivum me cuidam famulo curiose traditum certo aliquo loco clausum (iussit) cohiberi, ne rursum convivium placidum simili petulantia dissiparem. Hoc astutulo commento

1. Так негоднейший кровопийца готовил против меня оружие, я же, видя настоятельную необходимость принять какое-либо решение в столь опасную минуту и не тратя времени на долгие размышления, почел за лучшее бегством избавиться от надвигающейся гибели и, сейчас же оборвав веревку, которой был привязан, со всех ног пускаюсь удирать, для пущей безопасности поминутно лягаясь. Быстро пробежав ближайший портик, тут же врываюсь я в столовую, где хозяин дома давал жертвенный пир жрецам богини[1], и в своем стремительном беге разбиваю и опрокидываю немало столовой посуды и даже пиршественных столов. Недовольный таким безобразным разгромом, хозяин отдает приказание меня, как животное резвое и норовистое, увести и со всем тщанием запереть

scitule munitus et mediis lanii manibus ereptus custodela salutaris mihi gaudebam carceris. Sed nimirum nihil Fortuna rennuente licet homini natu dexterum provenire nec consilio prudenti vel remedio sagaci divinae providentiae fatalis dispositio subuerti vel reformari potest. Mihi denique id ipsum commentum, quod momentariam salutem reperisse videbatur, periculum grande immo praesens exitium conflavit aliud.	в каком-нибудь надежном месте, чтобы я вторичным буйным появлением не нарушил мирной трапезы. Ловко защитив себя такой хитрой выдумкой и вырвавшись из самых рук палача, я радовался спасительному для меня заточению. Но вот уж правда, что Фортуна никогда не позволяет человеку, родившемуся в несчастливый час, сделаться удачником, и роковое предначертание божественного промысла невозможно отвратить или изменить ни благоразумным решением, ни мудрыми мерами предосторожности. Так и в моем деле: та самая выдумка, что на минуту, казалось, обеспечивала мне спасенье, подвергла меня страшной опасности и, больше того, чуть не довела до настоящей гибели.
2. Nam quidam subito puer mobili ac trepida facile percitus, ut familiares inter se susurrabant, inrumpit tricliniumn suoque annuntia domino de proximo angiportu canem rabidam paulo ante per posticam impetu miro sese direxisse ardentisque prorsus furore venaticos canes invasisse ac dehinc proximum petisse pari saevitia nec postremum saltem ipsis hominibus pepercisse; nam Myrtilum mulionem et Hephaestionem cocum et Hypnophilum cubicularium et Apollonium medicum, immo vero et plures alios ex familia abigere temptantes variis morsibus quemque lacerasse, certe venenatis morsibus contacta non nulla iumenta efferari simili rabie. Quae res omnium statim percussit animos, ratique me etiam eadem peste infectum ferocire arreptis cuiusce modi telis mutuoque ut exitium commune protelarent cohortati, ipsi potius eodem vaesaniae morbo laborantes, persecuntur. Nec dubio me lanceis illis vel venabulis immo vero et bipennibus, quae facile famuli subministraverant, membratim compilassent, ni respecto subiti periculi turbine cubiculum, in quo mei domini devertebant, protinus inrupissem. Tunc clausis obseratisque super me foribus obsidebant locum, quoad sine ullo congressionis suae periculo pestilentiae laetatis pervicaci rabie possessus ac peresus absumerer. Quo facto tandem libertatem nanctus, solitariae fortunae munus amplexus, super constratum lectum abiectus, post multum equidem temporis somnum humanum quievi.	2. В то время как слуги о чем-то перешептывались между собой, вдруг в столовую вбегает какой-то мальчик с перекошенным, трясущимся лицом и докладывает хозяину, что бешеная собака недавно каким-то чудом ворвалась из соседнего переулка к ним во двор через заднюю калитку и с дикой яростью набросилась на охотничьих собак, а потом кинулась в ближайшие конюшни и там с таким же неистовством напала на вьючный скот, наконец даже людей не пощадила: Миртила - погонщика мулов, Гефестиона-повара, Гипатея-спальника, Аполлония-лекаря, да и кроме этих множество других слуг, которые пытались ее прогнать, перекусала и сильно изранила; некоторые животные, пораженные ее ядовитыми укусами, проявляют несомненные признаки такого же бешенства. Известие это всех очень взволновало, так как они решили, что и я буйствовал по той же причине. И вот, вооружившись всякого рода оружием, призывая друг друга отвратить от себя общую смертельную опасность, гонятся они за мной, сами, скорее, страдая тем же недугом - безумием. Несомненно, они бы на куски искрошили меня копьями, рогатинами, а в особенности двусторонними топорами, которые тут же могли бы подать им слуги, если бы я, приняв во внимание всю опасность этой грозной минуты, не бросился в комнату, где расположились мои хозяева. Тогда меня обложили осадой, затворив снаружи двери, чтобы, не подвергаясь опасности схватки со мной, дождаться, пока я постепенно испущу дух во власти неизлечимого, безнадежного бешенства. Таким образом, мне предоставлена

	была наконец свобода, и, получив счастливую возможность остаться в одиночестве, я бросился на приготовленную постель и заснул по-человечески, как не спал уже долгое время.
3. Iamque clara die mollitie cubilis refota lassitudine vegetus exsurgo atque illos qui meae tutelae pervigiles excubias agitaverant ausculto de meis sic altercare fortunis: "Adhucine miserum istum asinum iugi furore iactari credimus?" "Immo vero iam virus increscente saevitia prorsum extinctum. Sic opinionis variae terminum ad exploratione conferunt ac de rima quadam prospiciunt sanum me atque sobrium otiose consistere. Iamque utro foribus patefactis plenius, an iam sim mansuetus, periclitantur. Sed unus ex his, de caelo scilicet missus mihi sospitator, argumentum explorandae sanitatis meae commonstrat ceteris, ut aquae recentis completam pelvem offerent potui meo, ac si intrepidus et more solito sumens aquis adlibescentem, sanum me atque omni morbo scirent expeditum: contra vero si visum contactumque laticis vitarem ac perhorrescerem, pro conperto noxiam rabiem pertinaciter durare; hoc enim libris pristinis proditum observari solere.	3. Было уже совсем светло, когда я, отдохнув от усталости на мягкой постели, бодро вскакиваю и слышу, как те, что провели всю ночь без сна на посту, карауля меня, переговариваются о моей судьбе: - Неужели до сих пор еще несчастный осел этот не сбросил с себя бремени бешенства? - Наоборот, силою припадка яд болезни совсем истощился. Чтобы положить конец таким разногласиям, решили исследовать дело и, заглянув в какую-то щелку, видят, что я спокойно стою, здоров и невредим. Тогда уже сами, открыв дверь пошире, хотят они испытать, и в самом ли деле стал я ручным. Тут один из них, прямо небом ниспосланный мне спаситель, предлагает остальным такой способ проверки моего здоровья: чтобы дали мне для питья полное ведро свежей воды; если я без колебаний, как обычно, буду пить, не проявляя никакого неудовольствия, значит, я здоров и хворь прошла без остатка; если же, наоборот, я в страхе буду избегать вида и прикосновения влаги, тогда, несомненно, зловредное бешенство упорно продолжается; такой способ передан нам еще стародавними книгами и пользуется широким употреблением.
4. Isto placito vas immane confestim atque perlucidae de proximo petitae fonte, cunctantes adhoc, offerunt mihi: at ego sine ulla mora progressum etiam obvio gradu satis sitienter pronus et totum caput immergens salutares vere equidem illas aquas hauriebam. Iamque et plausus manum et aurium flexus et ductum capistri et quiduis aliud periclitantium placide patiebar, quoad contra vesanam eorum praesumptionem modestiam meam liquido cunctis adprobarem. Ad istum modum vitato duplici periculo, die sequenti rursum divinis exuviis onustus cum crotalis et cymbalis circumforaneum mendicabulum producor ad viam. Nec paucis casulis atque castellis oberratis devertimus ad quempiam pagum urbis opulentae quondam, ut memorabant incolae, inter semiruta vestigia conditum et hospitio proxumi stabuli recepti cognoscimus lepidam de adulterio cuiusdam pauperis fabulam, quam vos etiam cognoscatis volo.	4. Предложение это понравилось, и сейчас же поспешно огромный сосуд наполняют прозрачной водой из ближайшего источника и, все еще в нерешительности, приносят ко мне. Я без всякого промедления сам даже иду навстречу и, томясь сильной жаждой, наклоняюсь, погружаю в сосуд всю голову и выпиваю спасительную (вот уже поистине спасительную) воду. Кротко терплю я и похлопыванье рукой, и поглаживанье по ушам, и подергивание за уздечку, и всякие другие испытания, пока, вопреки их безумной подозрительности, ясно не доказал свое послушание. Избегнув, таким образом, двойной опасности, на следующий день, нагруженный священными пожитками, с кастаньетами и кимвалами, пускаюсь я, нищий бродяга, снова в путь. Обойдя немало хижин и усадеб, заворачиваем мы в одно селение, построенное, как говорили старожилы, на развалинах некогда богатого города, и, пристав в ближайшей гостинице, узнаем там забавную историю[2] о любовном

	приключении в семье какого-то бедняка, которой я хочу и с вами поделиться.
5. Is gracili pauperie laborans fabriles operas praebendo parvis illis mercedibus vitam tenebat. Erat ei tamen uxorcula etiam satis quidem tenuit et ipsa, verum tamen postrema lascivia famigerabilis. Sed die quadam, dum matutino ille ad opus susceptum proficiscitur, statim latenter inrepti eius hospitium temerarius adulter. Ac dum Veneris conluctationibus securius operantur, maritus ignarus rerum ac nihil etiam tum tale suspicans inprovisus hospitium repetit. Iam clausis et obseratis foribus uxoris laudata continentia ianuam pulsat, sibilo etiam praesentiam suam denuntiante. Tunc mulier callida et ad huius modi flagitia perastutula tenacissimis amplexibus expeditum hominem dolio, quod erat in angulo semiobrutum, sed alias vacuum, dissimulanter abscondit, et patefactis aedibus adhuc introeuntem maritum aspero sermone accipit: "Sinice vacuus et otiosus insinuatis manibus ambulabis mihi nec obito consueto labore vitae nostrae prospicies et aliquid cibatui parabis? At ego misera pernox et perdia lanificio nervos meos contorqueo, ut intra cellulam nostram saltem lucerna luceat. Quanto me felicior Daphne vicina, quae mero et prandio matutino saucia cum suis adulteris volutatur!"	5. Жил один ремесленник в крайней бедности, снискивая пропитание скудным своим заработком. Была у него женка, у которой тоже за душой ничего не было, но которая пользовалась, однако, известностью за крайнее свое распутство. В один прекрасный день, только что выходит он утром на свою работу, как в дом к нему потихоньку пробирается дерзкий любовник. И пока они беззаботно предаются битвам Венеры, неожиданно возвращается муж, ничего не знавший о таких делах, даже не подозревавший ничего подобного. Найдя вход закрытым и запертым, он еще похвалил осторожность своей жены, стучит в дверь и даже свистит, чтобы дать знать о своем присутствии. Тут продувная баба, очень ловкая в таких проделках, выпустив любовника из своих крепких объятий, незаметно прячет его в бочку, которая стояла в углу, наполовину зарытая в землю, но совсем пустая. Потом она отворяет дверь, и не поспел муж переступить порог, как она набрасывается на него с руганью: - Чего же ты у меня праздно слоняешься попусту, сложивши руки? Чего не идешь, как обычно, на работу? О жизни нашей не радеешь? О пропитании не заботишься? А я, несчастная, день и ночь силы свои надрываю за пряжей, чтобы хоть лампа в нашей конуре светила! Насколько счастливее меня соседка Дафна, которая с утра, наевшись досыта и напившись допьяна, с любовниками валяется!
6. Sic confutatus maritus: "Et quid istic est?" ait "Nam licet forensi negotio officinator noster attentus ferias nobis fecerit, tamen hodiernae cenulae nostrae propexi. Vide sis ut dolium, quod semper vacuum, frustra locum detinet tantum et re vera praeter impedimentum conversationis nostrae nihil praestat amplius. Istud ego sex denariis cuidam venditavi, et adest ut dato pretio secum rem suam ferat. Quin itaque praecingeris mihique manum tantisper accommodas, ut exobrutum protinus tradatur emptori.? E re nata fallaciosa mulier temerarium tollens cachinnum: "Magnum" inquit "istum virum ac strenuum negotiatorem nacta sum, qui rem, quam ego mulier et intra hospitium contenta iam dudum septem denariis vendidi, minoris distraxit." Additamento pretii laetus maritus: "Et quis est ille" ait "qui tanto praestinavit?" At illa: "Olim, inepte," inquit "descendit in dolium sedulo	6. Муж, сбитый с толку подобным приемом, отвечает: - В чем дело? Хозяин, у которого мы работаем, занят в суде и нас распустил; но все-таки, как нам пообедать сегодня, я промыслил. Видишь эту бочку? Всегда она пустая, только место даром занимает, и пользы от нее, право, никакой нет, только что в доме от нее теснота. Ну, вот я и продал ее за пять денариев одному человеку, он уже здесь, расплатится сейчас и свою собственность унесет. Так что ты подоткнись и немного помоги мне - надо вытащить ее из земли, чтобы отдать покупателю. Услышав это, обманщица, сразу сообразив, как воспользоваться подобным обстоятельством, с дерзким смехом отвечает: - Вот муженек-то достался мне так муженек! Бойкий торговец: вещь, которую я, баба, дома

soliditatem eius probaturus."	сидя, когда еще за семь денариев продала, за пять спустил! Обрадовавшись надбавке, муж спрашивает: - Кто это тебе столько дал? Она отвечает: - Да он, дурак ты этакий, давно уже в бочку залез посмотреть хорошенько, крепкая ли она.
7. Nec ille sermoni mulieris defuit, sed exurgens alacriter: "Vis" inquit "verum scire, mater familias? Hoc tibi dolium nimis vetustum est et multifariam rimis hiantibus quassum" ad maritumque eius dissimulanter conversus: "Quin tu, quicumque es, homuncio, lucernam" ait "actutum mihi expedis, ut erasis intrinsecus sordibus diligenter aptumne usui possim dinoscere, nisi nos putas aes de malo habere?" Nec quicquam moratus ac suspicatus acer et egregius ille maritus accensa lucerna: "Discere," inquit "frater, et otiosus adsiste, donec probe percuratum istud tibi repraesentem"; et cum dicto nudatus ipse delato numine scabiem vetustam cariosae testae occipit exsculpere. At vero adulter bellissimus ille pusio inclinatam dolio pronam uxorem fabri superincurvatus secure dedolabat. Ast illa capite in dolium demisso maritum suum astu meretricio tractabat ludicre; hoc et illud et aliud et rursus aliud purgandum demonstrat digito suo, donec utroque opere perfecto accepit septem denariis calamitosus faber collo suo gerens dolium coactus est ad hospitium adulteri perferre.	7. Любовник не пропустил мимо ушей слов женщины и, быстро высунувшись, говорит: - Хочешь ты правду знать, хозяйка? Бочка у тебя чересчур стара и много трещин дала,- затем, обратясь к мужу и как будто не узнавая его, добавляет: - Дай-ка мне сюда, любезный, кто б ты там ни был, поскорей лампу, чтобы я, соскоблив грязь внутри, мог видеть, годится ли она на что-нибудь - ведь деньги-то у меня не краденые, как, по-твоему? Недолго думая и ничего не подозревая, усердный и примерный супруг этот зажег лампу и говорит: - Вылезай-ка, брат, и постой себе спокойно, покуда я тебе сам ее хорошенько вычищу. - С этими словами, скинув платье и забрав с собою светильник, принимается он отскребать многолетнюю корку грязи с гнилой посудины. А любовник, молодчик распрекрасный, нагнул жену его к бочке и, пристроившись сверху, безмятежно обрабатывал. Да к тому же распутная эта пройдоха просунула голову в бочку и, издеваясь над мужем, пальцем ему указывает, где скрести, в том месте да в этом месте, да опять в том, да опять в этом, пока не пришли оба дела к концу, и, получив свои семь денариев, злополучный ремесленник принужден был на своей же спине тащить бочку на дом к любовнику своей жены.
8. Pauculis ibi diebus commorati et munificentia publica saginati vaticinationisque crebris mercedibus suffarcinati purissimi illi sacerdotes novum quaestus genus sic sibi comminiscuntur. Sorte unica pro casibus pluribus enotata consulentes de rebus variis plurimos ah hunc modum cavillatum. Sors haec erat: "ideo coniuncti terram proscindunt boves, ut in futurum laeta germinent sata." Tum si qui matrimonium forte coaptantes interrogarent, rem ipsa responderi aiebant: iungendos conubio et satis liberum procreandis, si possessionem praestinaturus quaereret, merito boves [ut] et iugum et arva sementis florentia pronuntiari; si qui de profectione sollicitus divinum caperet auspicium, iunctos iam paratosque quadripedum cunctorum mansuetissimos et lucrum promitti de glebae germine; si proelium capessiturus vel latronum factionem persecuturus	8. Чистейшие священнослужители, пробыв там несколько дней, откормившись за счет общественной щедрости и набив кошельки обильной данью за свои предсказания, придумали новый способ добывать деньги. Установив одно общее прорицание на различные случаи жизни, таким манером дурачили они многих людей, спрашивавших у них совета по самым разнообразным поводам. Прорицание гласило следующее: Быки в запряжке пашут землю для того, Чтобы посевам впредь привольно зеленеть. Случалось ли, что желающие вступить в брак спрашивали совета, они уверяли, что ответ попадет как раз в цель: сопряженные супружеством произведут многочисленное потомство; если запрашивал их человек, собирающийся приобрести именье, то оракул говорил правильно о быках, запряжке и полях с

utiles necne processus sciscitaretur, addictam victoriam forti praesagio contendebat, quippe cervices hostium iugo subactum iri et praedam de rapinis uberrimam fructuosaque captum iri. Ad istum modum divinationis astu captioso conraserat non parvas pecunias.	цветущими посевами; хотел ли кто получить божественное указание, беспокоясь насчет предстоящего путешествия, - вот уже готова ему упряжка самых смирных четвероногих, а посев сулит барыш; добивался ли кто ответа, удачно ли окончится предстоящее сражение или преследованье разбойничьей шайки, они утверждали, что прорицание благоприятно и знаменует полную победу, так как головы врагов склонятся под ярмо и будет захвачена обильная и богатая добыча. Этим мошенническим прорицанием вытянули они немало денег.
9. Sed adsiduis interrogationibus argumenti satietate iam defecti rursum ad viam prodeunt via tota, quam nocte confeceramus, longe peiorem, quidni? lacunosis incilibus voraginosam, partim stagnanti palude fluidam et alibi subluvie caenosa lubricam. Crebris denique offensaculis et assiduis lapsibus iam contusis cruribus meis vix tandem ad campestrem semitas fessus evadere potui. Et ecce nobis repente de tergo manipulus armati supercurrit equitis aegreque cohibita equorum curruli rabie Philebum ceterosque comites eius involant avidi colloque constricto et sacrilegos impurosque compellantes interdum pugnis obverberant nec non manicis etiam cunctos coartant et identidem urgenti sermone comprimunt, promerent potius aureum cantharum, promerent auctoramentum illud sui sceleris, quod simulatione sollemnium, quae in operto factitaverant, ab ipsis pulvinaribus matris deum clanculo furati, prosus quasi possent tanti facinoris evadere supplicium tacita profectione, adhuc luce dubia pomerium pervaserint.	9. Но так как от слишком частых обращений за советами толкования их истощались, они снова пустились в дорогу, но в какую дорогу! - гораздо хуже той, которою шли мы как-то ночью. Посудите сами: была она вся перерыта глубокими канавами, частью залита стоячей водой, в других местах скользкая от липкой грязи. То и дело ушибаясь и беспрерывно падая, искалечил я себе все ноги и с большим трудом смог наконец выбраться на ровную дорогу, как вдруг неожиданно сзади нагоняет нас отряд всадников, вооруженных дротиками. С трудом сдержав своих разгоряченных скакунов, они стремительно набрасываются на Филеба и прочих спутников и, схватив их за горло, принимаются избивать, называя гнусными святотатцами; всем надевают ручные кандалы и наседают на них, беспрерывно осыпая угрозами: - Подавайте-ка, подавайте лучше сюда золотую чашу, которая соблазнила вас и толкнула на преступление! Под предлогом тайного богослужения вы потихоньку стянули ее прямо со священных подушек Матери Богов и сразу же, как будто можно избежать кары за такое злодеяние, едва забрезжил рассвет, никого не предупредив, покинули стены города.
10. Nec defuit qui manu super dorsum meum iniecta in ipso deae, quam gerebam, gremio scrutatus reperiret atque incoram omnium aureum depromeret cantharum. nec isto saltem tam nefario scelere impuratissima illa capita confutari terrerive potuere, sed mendoso risu cavillantes: "En" inquiunt "indignae rei scaevitatem! Quam plerumque insontes periclitantur homines! Propter unicum caliculum, quem deum mater sorori suae deae Syriae hospitale munus optulit, ut noxius religionis antistites ad discrimen vocari capitis." Haec et alias similis afannas frustra blaterantis eos retrorsus abducunt pagani statimque vinctos	10. Нашелся человек, который стал шарить у меня на спине и, запустив руку под одежды самой богини, которую я нес, у всех на глазах нашел и вынул золотую чашу. Но даже столь гнусное преступление не смогло смутить или испугать эту грязную шайку; с притворным смехом стали они придумывать отговорки: - Что за странное и недостойное дело! Как часто подвергаются опасностям невинные люди! Из-за какой-то одной чашечки, которую Мать Богов[3] преподнесла в подарок своей сестре. Сирийской богине, возводить уголовное обвинение на служителей божества! Но напрасно несли они этот и тому подобный

in Tullianum conpingunt cantharoque et ipso simulacro quod gerebam apud fani donarium redditis ac consecratis altera die productum me rursum voce praeconis venui subiciunt, septemque nummis carius quam prius me comparaverat Philebus quidam pistor de proximo castello praestinavit, protinusque frumento etiam coempto adfatim onustum per inter arduum scrupis et cuiusce modi stirpibus infestum ad pistrinum quod exercebat perducit.

вздор: крестьяне поворачивают их обратно и, немедленно связав, бросают в Туллианум[4], чашу же и само изображение богини, которое я возил, поместили в храмовую сокровищницу как пожертвование, а меня на следующий день вывели снова на базар и, воспользовавшись услугами глашатая, продали на семь нуммов дороже той цены, за которую прежде купил меня Филеб, некоему мельнику из ближайшего местечка. Он сейчас же как следует нагрузил меня тут же купленным зерном и по тяжелой дороге, заваленной острыми каменьями и заросшей всевозможными корнями, погнал к мельнице, где он работал.

11. Ibi complurium iumentorum multivii circuitus intorquebant molas ambage varia nec die tantum verum perperi etiam nocte prorsus instabili machinarum vertigine lucubrabant pervigilem farinam. Sed mihi, ne rudimentum servitii perhorrescerem scilicet, novus domitus loca lautia prolixe praebuit. nam et diem primum illum feriatum dedit et cibariis abundanter instruxit praesepium. Nec tamen illa otii saginaeque beatitudo duravit ulterius, sed die sequenti molae quae maxima videbatur matutinus adstituor et illico velata facile propellor ad incurva spatia flexuosi canalis, ut in orbe termini circumfluentis reciproco gressu mea recalcans vestigia vagarer errore certo. Nec tamen sagacitatis ac prudentiae meae prorsus oblitus facilem me tirocinio disciplinae praebui; sed quanquam frequenter, cum inter homines agerem, machinas similiter circumrotari vidissem, tamen ut expertes et ignarus operis stupore mentito defixus haerebam, quod enim rebar ut minus aptum et huius modi ministerio satis inutilem me ad alium quempiam utique leviorem laborem legatum iri vel otiosum certe cibatum iri. Sed frustra sollertiam damnosam exercui. Complures enim protinus baculis armati me circumsteterunt atque, ut eram luminibus obtectis securus etiamnunc, repente signo dato et clamore conserto, plagas ingerentes acervatim, adeo me strepitu turbulentant ut cunctis consiliis abiectis ilico scitissime taeniae spartae totus innixus discursus alacres obirem.

11. Там непрерывно ходило по нескольким кругам множество вьючного скота, вращением своим приводя в движение разные жернова; машины безостановочно вертелись, не зная отдыха, и размалывали зерно на муку не только целый день, но и всю ночь напролет. Но меня новый хозяин, вероятно, для того чтобы я с самого начала не испугался своей службы, поместил роскошно, как знатного иностранца. Первый день позволил он мне провести в праздности и в ясли обильно засыпал корм. Но дольше дня не продолжалось это блаженное состояние праздности и сытной кормежки: на следующий день с утра ставят меня к самому большому на вид жернову и гонят с завязанными глазами по дну кривой, извилистой борозды, чтобы, описывая бесконечное количество раз один и тот же круг, я не сбивался с проторенного пути. Не совсем еще забыв свою хитрость и благоразумие, я притворился непонятливым к своей новой задаче; хотя в бытность свою человеком я видывал не раз, как приводятся в движение подобные машины, однако прикинулся, будто остолбенел, ничего не зная и не понимая: я рассчитывал, что меня признают совершенно неспособным и бесполезным к такого рода занятиям и отошлют на какую-нибудь более легкую работу или просто оставят в покое и будут кормить. Но напрасно я выдумал эту зловредную хитрость. Так как глаза у меня были завязаны, то я не подозревал, что окружен был целой толпой, вооруженной палками, и вдруг по данному знаку со страшным криком все стали наносить мне удары, и до того был я перепуган их воплем, что, отбросив все рассуждения, налег что было мочи на лямку, сплетенную из альфы, и пустился со всех ног по кругу. Такая внезапная перемена образа мыслей вызвала

	общий хохот у присутствующих.
12. At subita sectae commutatione risum toto coetu commoveram. Iamque maxima diei parte transacta defunctum alioquin me, helcio sparteo dimoto, nexu machinae liberatum adplicant praesepio. At ego, quanquam eximie fatigatus et reflectione virium vehementer indiguus et prorsus fame perditus, tamen familiare curiositate attonitus et satis anxius, postposito cibo, qui copiosus aderat, inoptabilis officinae disciplinam cum delectatione quadam arbitrabar. Dii boni, quales illic homunculi vibicibus lividis totam cutem depicti dorsumque plagosum scissili centunculo magis inumbrati quam obtecti, nonnulli exiguo tegili tantum modo pubem iniecti, cuncti tamen sic tunicati ut essent per pannulos manifesti, frontes litterati et capillum semirasi et pedes anulati, tum lurore deformes et fumosis tenebris vaporosae caliginis palpebras adesi atque adeo male luminanti et in modum pugilum, qui pulvisculo perspersi dimicant, farinulenta cinere sordide candidati.	12. Когда большая часть дня уже прошла и я совсем выбился из сил, меня освободили от постромок, отвязали от жернова и отвели к яслям. Хотя я падал от усталости, настоятельно нуждался в восстановлении сил и умирал от голода, однако присущее мне любопытство тревожило меня и не давало покоя, так что я, не притронувшись к корму, в изобилии мне предоставленному, не без интереса принялся рассматривать неприглядное устройство всего заведения. Великие боги, что за жалкий люд окружал меня! Кожа у всех была испещрена синяками, драные лохмотья скорее бросали тень на исполосованные спины, чем прикрывали их, у некоторых короткая одежонка до паха едва доходила, туники у всех такие, что тело через тряпье сквозит, лбы клейменые[5], полголовы обрито, на ногах цепи, лица землистые, веки разъедены дымом и горячим паром, все подслеповаты, к тому же на всех мучная пыль, как грязно-белый пепел, словно на кулачных бойцах, что выходят на схватку не иначе, как посыпавшись мелким песком[6].
13. Iam de meo iumentario contubernio quid vel ad quem modum memorem? Quales illi muli senes vel cantherii debiles. Circa praesepium capita demersi contruncabant moles palearum, cervices cariosa vulnerum putredine follicantes, nares languidas adsiduo pulsu tussedinis hiulci, pectora copulae spartae tritura continua exulcerati, costas perpetua castigatione ossium tenus renudati, ungulas multivia circumcursione in enorme vestigium porrecti totumque corium veterno atque scabiosa macie exasperati. Talis familiae funestum mihi etiam metuens exemplum veterisque Lucii fortunam recordatus et ad ultimam salutis metam detrusus summisso capite maerebam. Nec ullum uspiam cruciabilis vitate solacium aderat, nisi quod ingentia mihi curiositate recreabat, dum praesentiam meam parvi facientes libere, quae volunt, omne et agunt et loquuntur. Nec inmerito priscae poeticae divinus auctor apud Graios summae prudentiae virum monstrare cupiens multarum civitatium obitu et variorum populorum cognito summas adeptum virtutes cecinit. Nam et ipse gratas gratias asino meo memini, quod me suo celatum tegmine variisque fortunis exercitatum, etsi minus prudentem, multiscium reddidit.	13. Что же я скажу, какими красками опишу моих сотоварищей по стойлам? Что за старые мулы, что за разбитые клячи! Столпившись вокруг яслей и засунув туда морды, они пережевывали кучи мякины; шеи, покрытые гнойными болячками, были раздуты, дряблые ноздри расширены от постоянных приступов кашля, груди изранены от постоянного трения лямки из альфы, непрерывные удары бича по бокам обнажили ребра, копыта безобразно расплющены вечным кружением по одной и той же дороге, я вся их иссохшая шкура покрыта застарелой коростой. Испуганный зловещим примером такой компании, вспомнил я былую судьбу Луция и, дойдя до границ отчаяния, поник головой и загрустил. И в мучительной жизни моей одноединственное осталось мне утешение: развлекаться по врожденному мне любопытству, глядя на людей, которые, не считаясь с моим присутствием, свободно говорили и действовали как хотели. Не без основания божественный творец древней поэзии у греков, желая показать нам мужа высшего благоразумия, воспел человека 7, приобретшего полноту добродетели в путешествиях по многим странам и в изучении разных народов. Я сам вспоминаю свое существование в ослином виде с большой благодарностью, так как под прикрытием этой

шкуры, испытав превратности судьбы, я сделался если уж не благоразумным, то по крайней мере многоопытным. Вот, например, прекрасная история, забавная, лучше всех прочих, которую я решил довести до вашего слуха.

14. Fabulam denique bonam prae ceteris, suave comptam ad arvis vestras adferre decrevi, et en occipio. Pistor ille, qui me pretio suum fecerat, bonus alioquin vir et adprime modestus, pessimam et ante cunctas mulieres longe deterrimam sortitus coniugam poenas extremas tori larisque sustinebat, ut hercules eius vicem ego quoque tacitus frequenter ingemescerem. Nec enim vel unum vitium nequissimae illi feminae deerat, sed omnia prorsus ut in quandam caenosam latrinam in eius animum flagitia confluxerant: saeva scaeva viriosa ebriosa pervicax pertinax, in rapinis turpibus avara, in sumptibus foedis profusa, inimica fidei, hostis pudicitiae. Tunc spretis atque calcatis divinis numinibus in viceram certae religionis mentita sacrilega praesumptione dei, quem praedicaret unicum, confictis observationibus vacuis fallens omnis homines et miserum maritum decipiens matutino mero et continuo corpus manciparat.

14. Мельнику этому, который приобрел меня в свою собственность, человеку хорошему и чрезвычайно скромному, досталась на долю жена прескверная, гораздо хуже всех остальных женщин, до такой степени нарушавшая законы брачного ложа и семейного очага, что, клянусь Геркулесом, даже я втихомолку о хозяине не раз вздыхал. Не было такого порока, с которым не зналась бы эта негоднейшая женщина, но все гнусности в нее стекались, словно в смердящую выгребную яму: злая, шальная, с мужиками шляется, пьяная валяется, упорная, непокорная, в гнусных хищениях жадная, в позорном мотовстве щедрая, ненавистница верности, враг скромности. Презирая и попирая священные законы небожителей, исполняя вместо этого пустые и нелепые обряды какой-то ложной и святотатственной религии и утверждая, что чтит единого бога[8], всех людей и несчастного мужа своего вводила она в обман, сама с утра предаваясь пьянству и постоянным блудом оскверняя свое тело.

15. Talis illa mulier miro me persequebatur odio. Nam et antelucio, recubans adhuc, subiungi machinae novicium clamabat asinum et statim, ut cubiculo primum processerat, insistens iubebat incoram sui plagas mihi quam plurima irrogari, et cum tempestivo prandio laxarentur iumenta cetera, longe tardius applicari praesagio iubebat. Quae saevitia multo mihi magis genuinam curiositatem in suos mores ampliaverat. Nam et assiduo plane commeantem in eius cubiculum quendam sentiebam iuvenem, cuius et faciem videre cupiebam ex summo studio, si tamen velamentum capitis libertatem tribuisset meis aliquando luminibus. Nec enim sollertia defuisset ad detergenda quoquo modo pessimae feminae flagitia. Sed anus quaedam stuprorum sequestra et adulterorum internuntia de die cotidie inseparabilis aderat. Cum qua protinus ientaculo ac dehinc vino mero mutuis vicibus velitata scaenas fraudulentas in exitium miserrimi mariti subdolis ambagibus construebat. At ego, quanquam graviter suscensens errori Photidis, quae me, dum avem fabricat, perfecit asinum, isto tamen vel unico solacio aerumnabilis deformitatis meae recreabar, quod auribus

15. Эта почтенная женщина преследовала меня с какой-то удивительной ненавистью. Чуть свет, еще лежа в пастели, кричала она, чтобы привязывали к жернову недавно купленного осла; не поспеет выйти из спальни - приказывает, чтобы в ее присутствии доставалось мне как можно больше ударов; когда настанет время кормежки и прочие вьючные животные отдыхают, отдает приказание, чтобы меня подальше не подпускали к яслям. Такой жестокостью она еще больше усилила мое природное любопытство, направив его на себя самое и на свой характер. Я слышал, что очень часто к ней в спальню ходит один молодой человек, и мне да крайности хотелось увидеть его в лицо, но повязка на моих глазах лишала их прежней свободы действия. Если бы не эта повязка, уж у меня хватило бы хитрости разоблачить каким-нибудь способом преступления этой подлой женщины. Ежедневно с утра при ней находилась некая старуха, посредница в ее прелюбодеяниях, посыльная ее любовников. Сначала они с ней позавтракают, затем, потчуя друг друга неразбавленным вином, друг друга

grandissimis praedibus cuncta longule etiam dissita facillime sentiebam.	подозревая, начинают замышлять коварные планы насчет того, как бы хитрыми обманами погубить несчастного мужа. И я, хотя и сильно негодовал на ошибку Фотиды, которая меня вместо птицы обратила в осла, утешался в горестном превращении моем единственно тем, что благодаря огромным ушам отлично все слышал, даже если говорили довольна далеко от меня.
16. Denique die quadam timidae illius amiculae sermo talis meas adfertur auris: "De isto quidem, mi erilis tecum ipsa videris, quem sine meo consilio pigrum et formidolosum familiarem istum sortita es, qui insuavis et odiosi mariti tui caperratum supercilium ignaviter perhorrescit ac per hoc amoris languidi desidia tuos volentes amplexus discruciat. Quanto melior Philesitherus adulescens et formosus et liberalis et strenuus et contra maritorum inefficaces diligentias constantissimus! Dignus hercules solus omnium matronarum deliciis perfrui, dignus solus coronam nuper in quendam zelotypum maritum eximio studio commento est. Audi denique amatorum diversus ingenium compara.	16. В один прекрасный день до моих ушей донеслись такие речи бесчестной этой старушонки: - Ну уж сама суди, хозяюшка, какой, без моих-то советов, достался тебе дружок - ленивый да трусливый, стоит постылому и ненавистному твоему мужу нахмурить брови, у того и душа в пятки; терзает он через то твою любовную жажду своею вялою робостью. Насколько лучше Филезитер: и молод, и хорош, щедр, устали не знает, а уж как ловко мужей обходит - все их меры предосторожности бесполезны! Клянусь Геркулесом, он единственный, кто достоин пользоваться благосклонностью всех женщин, единственный, кого следует увенчать золотым венком, хотя бы даже за ту необыкновенную проделку, что на днях устроил он очень ловко с одним ревнивым супругом. Да вот послушай и сравни, все ли любовники одинаковы.
17. Nostri quendam Barbarum nostrae civitatis decurionem, quam Scorpionem prae morum acritudine vulgus appellat. Hic uxorem generosam et eximia formositate praeditam mira custodela munitam domi suae quam cautissime cohibebat." Ad haec ultima pistoris illa uxor subiciens: "Quidni?" inquit "Novi diligenter. Areten meam condiscipulam memoras." "Ergo" inquit anus "nostri totam Philesitheri et ipsius fabulam?" "Minime gentium," inquit "sed nosse valde cupio et oro, ordine mihi singula retexe." Nec commorata illa sermocinatrix immodica sic anus incipit: "Barbarus iste cum necessariam profectionem pararet pudicitiamque carae coniugis conservare summa diligentia cuperet, servulum suum Myrmecem fidelitate praecipua cognitum secreto commonet suaque dominae custodelam omnem permittit, carcerem et perpetua iuncula, mortem denique illam lentam de fame comminatur, si quisquam hominum vel in transitu digito tenus eam contigisset, idque deierans etiam confirmat per omnia divina numina. Ergo igitur summo pavore perculsum Myrmecem acerrimum relinquens uxori secutorem securam dirigit profectionem.	17. Ты знаешь некоего Барбара, декуриона [9] нашего города, которого народ за язвительность и жестокость называет Скорпионом? Жену свою благородного происхождения и одаренную замечательной красотою он оберегает с таким удивительным рвением, что из дому почти не выпускает. Тут мельничиха прерывает ее: - Как же, прекрасно знаю. Ты имеешь в виду Арету, мы с нею в школе вместе учились! - Значит, - говорит старуха, - ты и всю ее историю с Филезитером знаешь? - Ничего подобного, - отвечает, - но сгораю желанием узнать ее и молю тебя, матушка, все по порядку мне расскажи. Неутомимая болтунья не заставила себя просить и начинает так: - Пришлось Барбару этому отправиться в дорогу, и желал он целомудрие супруги своей дражайшей оградить от всяких опасностей как можно лучше. Призывает он к себе тайком раба Мирмекса, известного своею необычайной преданностью, и ему одному поручает весь присмотр за хозяйкой; пригрозив тюрьмой, пожизненными оковами и, наконец,

Tunc obstinato animo vehementer anxius Myrmex nec usquam dominam suam progredi sinebat et lanificio domestico districtam inseparabilis adsidebat ac tantum necessario vespertini lavacri progressu adfixus atque conglutinatus, extremas manu prendes lacinias, mira sagacitate commissae provinciae fidem tuebatur.	насильственной позорной смертью, если какой-либо мужчина даже мимоходом хоть пальцем дотронется до нее, слова свои подкрепляет он клятвою, вспоминая всех богов. Оставив перепуганного Мирмекса неотступным провожатым при хозяйке, он спокойно отправляется в путь. Крепко запомнив все наставления, неугомонный Мирмекс не позволял никуда и шагу ступить своей хозяйке. Займется ли она домашней пряжей - он тут же сидит неотлучно, необходимо ли ей на ночь пойти помыться - только тогда и выходила она из дома,- он идет за ней по пятам, будто прилип, держась рукою за край ее платья; с таким удивительным рвением исполнял он порученное ему дело.
18. Sed ardentem Philesitheri vigilantiam matronae nobilis pulchritudo latere non potuit. Atque hac ipsa potissimum famosa castitate et insignis tutelae nimietate instinctus atque inflammatus, quiduis facere, quiduis pati paratus, ad expugnandam tenacem domus disciplinam totis accingitur viribus, certusque fragilitatis humanae fidei et quod pecuniae cunctae sint difficultates perviae auroque soleant adamantinae etiam perfringi fores, opportune nanctus Myrmecis solitatem, ei amorem suum aperit et supplex eum medellam cruciatui deprecatur: nam sibi statutam decretamque mortem proximae, ni maturis cupido potiatur; nec eum tamen quicquam in re facili formidare debere, quippe cum vespera solus fide tenebrarum contectus atque absconditus introrepere et intra momentum temporis remeare posset, his et huiusce modi suadelis validum addens ad (postremum) cuneum, qui rigentem prorsus servi tenacitatem violenter diffinderet; porrecta enim manu sua demonstrat ei novitate nimia candentes solidos aureos, quorum viginti quidem puellae destinasset, ipsi vero decem libenter offerret.	18. Но от пылкой зоркости Филезитера не могла укрыться прославленная красота этой женщины. Возбужденный и воспламененный в особенности молвой о ее целомудрии и невероятной бдительностью надзора, он, готовый что угодно сделать, чему угодно подвергнуться, решил пустить в ход все средства, чтобы завоевать этот дом с его непоколебимо строгими порядками. Уверенный в хрупкости человеческой верности и зная, что деньги прокладывают себе дорогу через все трудности и что даже стальные двери могут быть сломлены золотом, он нашел случай встретить Мирмекса наедине, открылся ему в своей любви и умолял оказать помощь ему в его мучениях; он говорил, что близкая смерть для него твердо решена, если он не добьется своего в самом скором времени, а раб не должен ничего опасаться в таком простом деле: вечером, без спутников, под надежным покровом мрака он может пробраться в дом и через короткое время выйти обратно. К этим и подобного рода просьбам он добавляет могучий клин, способный своим неудержимым натиском расщепить упрямую непоколебимость раба: он протягивает руку и показывает блестящие, новенькие полновесные золотые, из которых двадцать предназначались молодой женщине, а десять он охотно предлагал ему.
19. Exhorruit Myrmex inauditum facinus et occlusis auribus effugit protinus. Nec auri tamen splendor flammeus oculos ipsius exire potuit, sed quam procul semotus et domum celeri gradu pervectus, videbat tamen decora illa monetae lumina et opulentam praedam iam tenebat animo miroque mentis salo et cogitationum dissentione misellus in diversas sententias carpebatur ac distrahebatur: illic fides, hic lucrum, illic cruciatus,	19. Мирмекс, придя в ужас от неслыханного преступного замысла, заткнул уши и убежал прочь. Но перед глазами его все стоял пламенный блеск золота; хотя он был уже очень далеко и быстрым шагом дошел до дому, все ему чудилось прекрасное сияние монет, и богатая добыча, которой в своем воображении он уже владел, привела ум его в страшное расстройство; мысли у бедняги разбежались в

hic voluptas. Ad postremum tamen formidinem mortis vicit aurum. Nec saltem spatio cupido formonsae pecuniae leniebatur, sed nocturnas etiam curas invaserat pestilens avaritia, ut quamvis erilis eum comminatio domi cohiberet, aurum tamen foras evocaret. Tunc, devorato pudore et dimota cunctatione, sic ad aures dominae mandatum perfert. Nec a genuina levitate descivit mulier, sed exsecrando metallo pudicitiam suam protinus auctorata est. Ita gaudio perfusus advolat ad suae fidei praecipitium Myrmex, non modo capere verum saltem contigere quam exitio suo viderat pecuniam cupiens, et magnis suis laboribus perfectum desiderium Philesithero laetitia percitus nuntiat statimque destinatum praemium reposcit, et tenet nummos aureos manus Myrmecis, quae nec aereos norat.	разные стороны и разрывали его на части: там - верность, тут - нажива, там - муки, тут - наслаждение. Наконец страх смерти был побежден золотом. Страсть его к прекрасным монетам нисколько не уменьшилась с течением времени, но даже во сне мысли наполнены были губительной алчностью, и хотя хозяйские угрозы не позволяли ему отлучаться из дому, золото звало его за двери. Тут, поборов стыдливость и отбросив нерешительность, передает он предложение хозяйке. Та не отступает от обычного женского легкомыслия и живо обменивает свое целомудрие на презренный металл. Исполненный радости, спешит Мирмекс окончательно погубить свою верность, мечтая даже не получить, но хотя бы прикоснуться к тем деньгам, которые на горе себе увидел. С восторгом извещает он Филезнтера, что его усиленными стараниями желание юноши исполнено, сейчас же требует обещанной платы, и вот золотые монеты у него в руке, которая и медных-то не знавала.
20. Iamque nocte promota solum perducit ad domum probeque capite contectum amatorem strenuum infert adusque dominae cubiculum. Commodum novis amplexibus Amore rudi litabant, commodum prima stipendia Veneri militabant nudi milites: et contra omnium opinionem captata noctis opportunitate inprovisus maritus adsistit suae domus ianuam. Iam pulsat, iam clamat, iam saxo fores verberat et ipsa tarditate magis magisque suspectus dira comminatur Myrmeci supplicia. At ille repentino malo perturbatus et misera trepidatione ad inopiam consilii deductus, quod solum poterat, nocturnas tenebras sibi causabatur obsistere quin clavem curiose absconditam reperiret. Interdum Philesitherus cognito strepitu raptim tunicam iniectus sed plane prae turbatione pedibus intectis procurrit cubiculo. Tunc Myrmex tandem clave pessulis subiecta repandit fores et recepit etiam tunc fidem deum boantem dominum eoque propere cubiculum petente clandestino transcursu dimittit Philesitherum. Quo iam pro limite liberato securus sui clausa domo rursum se reddidit quieti.	20. Когда совсем смерклось, провел он ретивого любовника одного с плотно закутанной головой к дому, а потом и в спальню хозяйки. Только что не испытанными еще объятиями начали чествовать они новорожденную любовь, только что, обнаженные ратоборцы, начали они свою службу под знаменами Венеры, как вдруг, против всякого ожидания, воспользовавшись мраком ночи, у дверей своего дома появляется муж. И вот он уже стучит, кричит, камни бросает в ворота, и так как промедление кажется ему все более и более подозрительным, грозит Мирмексу жестокой расправой. А тот, насмерть перепуганный внезапной бедою и в жалком своем трепете потеряв последнее соображенье, ничего не мог придумать лучшего, как сослаться на то, что он тщательно запрятал куда-то ключ и в темноте не может его найти. Меж тем Филезитер, услышав шум, наскоро накинул тунику и, совершенно забыв впопыхах обуться, босиком выбежал из спальни. Наконец Мирмекс вкладывает ключ в скважину, открывает двери и впускает изрыгающего проклятья хозяина; тот немедленно бросается в спальню, а Мирмекс тем временем потихоньку выпускает Филезитера. Почувствовав себя в безопасности, после того как юноша переступил порог, он запер двери и пошел снова спать.
21. Sed dum prima luce Barbarus procedit	21. Барбар же выходит чуть свет из своей

cubiculo, videt sub lectulo soleas incognitas, quibus inductus Philesitherus inrepserat, suspectisque a re nata quae gesta sunt, non uxori non ulli familiarum cordolio patefacto, sublatis iis et in sinum furtim absconditis, iusso tantum Myrmece per conservos vincto forum versus adtrahi, tacitos secum mugitus iterans rapidum dirigit gressum, certum solearum indicio vestigium adulteri posse se perfacile indipisci. Sed ecce per plateam dum Barbarus vultu turgido subductisque superciliis incedit iratus ac pone eum Myrmex vinculis obrutus, non quidem coram noxae prehensus, conscientia tamen pessima permixtus lacrimis uberibus ac postremis lamentationibus inefficacem commovet miserationem, opportune Philesitherus occurrens, quanquam diverso quodam negotio destinatus, repentina tamen facie permotus, non enim deterritus, recolens festinationis suae delictum et cetera consequenter suspicatus sagaciter extemplo sumpta familiari constantia, dimotis invadit cum summo clamore Myrmecem pugnisque malas eius clementer obtundens: "At te," inquit "nequissimum et periurum caput, dominus iste tuus et cuncta caeli numina, quae deierando temere devocasti, pessimum pessime perduit, qui de balneis soleas hesterna die mihi furatus es: dignus hercules, dignus, qui et ista vincula conteras et insuper carceris etiam tenebras perferas." Hac opportuna fallacia vigorati iuvenis inductus immo sublatus et ad credulitatem delapsus Barbarus, postliminio domum regressus, vocato Myrmece, soleas illas offerens et ignovit ex animo et, uti domino redderet, cui surripuerat, suasit."	комнаты и видит под кроватью чужие сандалии - те, в которых Филезитер к нему прокрался. Догадываясь по этой улике, в чем дело, он никому, ни жене, ни домочадцам, ничего не сказал о своем огорчении, а взял эти сандалии и спрятал их потихоньку за пазуху. Только приказал рабам связать Мирмекса и вывести на базарную площадь, и сам, то и дело подавляя рычания, не раз рвавшиеся из его груди, поспешил туда же, будучи уверен, что по этим сандалиям он очень легко может напасть на след прелюбодея. Идут они по улице, Барбар в гневе, с раздраженным лицом, нахмуренными бровями, и позади него связанный Мирмекс, который, не будучи пойман с поличным, но мучимый угрызениями совести, заливается слезами и напрасно старается горькими жалобами вызвать к себе сострадание. К счастью, случайно навстречу им попался Филезитер, шедший совсем по другому делу. Взволнованный, но не испуганный неожиданным зрелищем, он вспомнил, какую второпях совершил оплошность, сразу сообразил возможные последствия и со свойственным ему присутствием духа, растолкав рабов, со страшным криком набрасывается на Мирмекса и бьет его кулаком по лицу (но не больно), приговаривая: - Ах ты негодная душа, ах ты мошенник! Пусть твой хозяин и все боги небесные, которых ты ложными клятвами оскорбляешь, погубят тебя, подлого, подлою смертью! Ты ведь вчера в бане сандалии у меня украл! Заслужил, клянусь Геркулесом, заслужил ты того, чтобы и эти веревки на тебе сгнили, и сам ты в темнице света не видел. С помощью этой ловкой лжи энергичного юноши Барбар был обманут, больше того - утешен и снова полон доверия; удалившись восвояси, он дома подозвал Мирмекса и, отдав ему сандалии, сказал, что прощает его от души, а что украденную вещь надо вернуть владельцу.
22. Hactenus adhuc anicula garriente suscipit mulier: "Beatam illam, quae tam constantis sodalis libertate fruitur! At ego misella molae etiam sonum et ecce illius scabiosi asini faciem timentem familiarem incidi." Ad haec anus: "Iam tibi ego prope suasum et confirmatum animi amatorem illum alacrem vadimonium sistam" et insuper condicta vespertina regressione cubiculo facessit. At pudica uxor statim cenas saliares comparat, vina pretiosa defaecat, pulmenta recentia tuccetis	22. Старушонка продолжала еще болтать, как женщина ее прерывает: - Счастье той, у кого такой крепкий и бесстрашный приятель, а мне, несчастной, на долю достался дружок, что всего боится, жернов ли зашумит, паршивый ли осел этот морду покажет. Старуха на это: - Уж доставлю я тебе, как по судебной повестке, такого любовника, надежного, да отважного, да неутомимого! - И с этими

temperat. Mensam largiter instruit; denique, ut dei cuiusdam adventus, sic exspectatur adulteri. Nam et opportune maritus fortis apud naccam proximum cenitabat. Ergo igitur metis die propinquante helcio tandem absolutus refectuique secure redditus non tam hercules laboris libertaten gratulabar quam quod revelatis luminibus libere iam cunctas facinorosae mulieris artes prospectare poteram. Sol ipsum quidem delapsus Oceanum subterrenas orbis plagas inluminabat, et ecce nequissimae anus adhaerens lateri temerarius adulter adventat, puer admodum et adhuc lubrico genarum splendore conspicuus, adhuc adulteros ipse delectans. Hunc multis admodum saviis exceptum mulier cenam iubet paratam adcumbere.

словами выходит из комнаты, сговорившись, что к вечеру еще раз придет. А супруга добродетельная сейчас же принялась готовить поистине салийский ужин, дорогие вина процеживать, свежими соусами колбасы приправлять. Наконец, уставив богато стол, начала ждать прихода любовника, словно появления какого-нибудь бога. Кстати, и муж отлучился из дому на ужин к соседу-сукновалу. Когда время приближалось к урочному сроку, я был наконец освобожден от лямки и получил возможность без забот подкрепиться, но я, Геркулесом клянусь, радовался не столько освобождению от трудов моих, сколько тому, что теперь, без повязки, мог как угодно наблюдать за всеми проделками злокозненной этой женщины. Солнце, уже погрузившись в океан, освещало подземные области мира, как является мерзкая старуха бок о бок с безрассудным любовником, еще не вышедшим почти из отроческого возраста; его безбородое лицо было столь миловидно, что сам бы он еще мог составить усладу любовникам. Женщина, встретив его бесчисленными поцелуями, сейчас же пригласила сесть за накрытый стол.

23. Sed ut primum occursoriam potionem et inchoatum gustum extremis labiis contingebat adulescens, multo celerius opinione rediens maritus adventat. Tunc uxor egregia diras devotiones in eum deprecata et crurum ei fragium amborum ominata, exsangui formidine trepidantem adulterum alveo ligneo, quo frumenta contusa purgari consuerant, temere propter iacenti suppositum abscondit, ingenitaque astutia dissimulato tanto flagitio, intrepidum mentita vultum, percontatur de marito cur utique contubernalis artissimi deserta cenula praematurus adforet. At ille dolenti prorsum animo suspirans adsidue:

"Nefarium" inquit "et extremum facinus perditae feminae tolerare nequiens fuga me proripui. Hem qualis, dii boni, matrona, quam fida quamque sobria turpissimo se dedecore foedavit! Iuro per istam ego sanctam Cererem me nunc etiam meis oculis de tali muliere minus credere."

Hic instincta verbis mariti audacissima uxor noscendae rei cupiens non cessat optundere, totam prorsus a principio fabulam promeret. Nec destitit, donec eius voluntati succubuit maritus et sic, ignarus suorum, domus alienae percenset infortunium:

23. Но не успел юноша пригубить первой вступительной чаши и узнать, какой вкус у вина, как приходит муж, вернувшийся гораздо раньше, чем его ожидали. Тут достойнейшая супруга, послав мужу всяческие проклятия и пожелав ему ноги себе переломать, прячет дрожащего, бледного от ужаса любовника под случайно находившийся здесь деревянный чан, в котором обыкновенно очищали зерно; затем с прирожденным лукавством, ничем не выдавая своего позорного поступка, делает спокойное лицо и спрашивает у мужа, почему и зачем он раньше времени ушел с ужина от закадычного своего приятеля. Тот, не переставая горько вздыхать из самой глубины души, отвечает:
- Не мог я вынести безбожного и неслыханного преступления этой потерянной женщины и обратился в бегство! Боги благие! Какая почтенная матрона, какая верная, какая воздержанная - и каким гнусным срамом она себя запятнала! Такая женщина!.. Нет, клянусь вот этой богиней Церерой, я даже теперь не верю своим глазам!
Заинтересовавшись словами мужа и желая узнать, в чем дело, нахалка эта до тех пор не отставала, пока не добилась, чтобы ей рассказали всю историю с самого начала. Муж не мог устоять и, уступая ее желанию, так начал, не ведая о своих, повесть о бедствиях

	чужой семьи[10]:
24. Contubernalis mei fullonis uxor, alioquin servati pudoris ut videbatur femina, quae semper secundo rumore gloriosa larem mariti pudice gubernabat, occulta libidine prorupit in adulterum quempiam. Cumque furtivos amplexus obiret adsidue, ipso illo denique momento quo nos lauti cenam petebamus, cum eodem illo iuvene miscebatur in venerem. Ergo nostra repente turbata praesentia, subitario ducta consilio, eundem illum subiectum contegit viminea cavea, quae fustium flexu tereti in rectum aggerata cumulum lacinias circumdatas suffusa candido fumo sulpuris inalbabat, eoque iam ut sibi videbatur tutissime celato mensam nobiscum secura participat. Interdum acerrimo gravique odore sulpuris iuvenis inescatus atque obnubilatus intercluso spiritu diffluebat, utque est ingenium vivacis metalli, crebras ei sternutationes commovebat.	24. - Жена приятеля моего, сукновала, женщина, как казалось до сей поры, безупречного целомудрия и, по общим лестным отзывам, добродетельная хранительница домашнего очага, вдруг предалась тайной страсти с каким-то любовником. Секретные свиданья у них бывали постоянно, и даже в ту минуту, когда мы после бани явились к ужину, она с этим молодым человеком упражнялась в любострастии. Потревоженная нашим внезапным появлением, следуя первой пришедшей в голову мысли, она своего любовника сажает под высокую корзину, сплетенную из тонких прутьев, увешанную со всех сторон материей, которую отбеливал выходивший из-под корзины серный дым. Считая, что юноша спрятан надежным образом, сама преспокойно садится с нами за ужин. Меж тем молодой человек, нанюхавшись серы, невыносимо острый и тяжелый запах которой облаком окружал его, с трудом уже переводит дыхание и, по свойству этого едкого вещества, принимается то и дело чихать.
25. Atque ut primum e regione mulieris pone tergum eius maritus acceperat sonum sternutationis - quod enim putaret ab ea profectum - solito sermone salutem ei fuerat imprecatus et iterato rursum et frequentato saepius, donec rei nimietate commotus quod res erat tandem suspicatur. Et impulsa mensa protenus remotaque cavea producit hominem crebros anhelitus aegre reflantem inflammatusque indignatione contumeliae, gladium flagitans, iugulare moriturum gestiebat, ni respecto communi periculo vix eum ab impetu furioso cohibuissem adseverans brevi absque noxa nostri suapte inimicum eius violentia sulpuris periturum. Nec suadela mea, sed ipsius rei necessitate lenitus, quippe iam semivivum, illum in proximum deportat angiportum. Tum uxorem eius tacite suasi ac denique persuasi, secederet paululum atque ultra limen tabernae ad quampiam tantisper (deverteret) familiarem sibi mulierem, quoad spatio fervens mariti sedaretur animus, qui tanto calore tantaque rabie perculsus non erat dubius aliquid etiam de re suaque coniuge tristius profecto cogitare. Talium contubernalis epularum taedio fugatus larem reveni meum."	25. Когда муж в первый раз услышал звук чиханья, донесшийся со стороны жены, прямо из-за ее спины, он подумал, что этот звук издала она, и, как принято, говорит: "Будь здорова!" Но чиханье повторяется еще раз и затем снова раздается все чаще и чаще, пока такой чересчур сильный насморк не показался ему подозрительным и он не стал догадываться, в чем дело. Отталкивает он стол, тотчас приподымает плетенку и обнаруживает мужчину, уже едва дышавшего. Воспламенившись негодованием при виде такого бесчестья, он требует меч, собираясь убить этого умирающего; насилу я удержал его для предотвращения общей опасности от бешеного порыва, выставив на вид то обстоятельство, что враг его все равно скоро погибнет от действия серы, не подвергая ни меня, ни его никакому риску. Смягчившись не столько вследствие моих уговоров, сколько в силу самих обстоятельств, он выносит полуживого любовника в ближайший переулок. Тут я потихоньку стал убеждать и наконец убедил его жену на время удалиться и уйти из дому к какой-нибудь знакомой женщине, чтобы тем временем остыл жар ее мужа, так как не могло быть сомнения, что он, распаленный такой неистовой яростью, задумывает какое-нибудь зло себе и своей жене. Покинув с отвращением подобный дружеский ужин, я

вернулся восвояси.

26. Haec recensete pistore iam dudum procax et temeraria mulier exsecrantibus fullonis illius detestabatur uxorem: illam perfidam, illam impudicam, denique universi sexus grande dedecus, quae suo pudore postposito torique genialis calcato foedere larem mariti lupanari maculasset infamia iamque perdita nuptae dignitate prostitutae sibi nomen adsciverit; addebat et talis oportere vivas exuri feminas. Et tamen taciti vulneris et suae sordidae conscientiae commonita, quo maturius stupratorem suum tegminis cruciatu liberaret, identidem suadebat maritum temperius quieti decedere. At ille utpote intercepta cena, profugus et prorsus ieiunus, mensam potius comiter postulabat. Adponebat ei propere, quamvis invita, mulier quippini destinatam alii. Sed mihi penita carpebantur praecordia et praecedens facinus et praesentem deterrimae feminae constantiam cogitanti mecumque sedulo deliberabam, si quo modo possem detectis ac revelatis fraudibus auxilium meo perhibere domino illumque, qui ad instar testudinis alveum succubabat, depulso tegmine cunctis palam facere.

26. Слушая рассказ мельника, жена его, уже давно погрязшая в наглости и бесстыдстве, принялась ругательски ругать жену сукновала: и коварная-то она, и бессовестная, поношение для всего женского пола, наконец! Забыв стыд и нарушив узы супружеского ложа, запятнать очаг своего мужа позорной славой притона! Погубить достоинство законной жены, чтобы получить имя продажной твари! - Таких женщин следует живьем сжигать! - прибавила она. Но все же тайные муки нечистой совести не давали ей покоя, и, чтобы как можно скорее освободить из заточения своего соблазнителя, она несколько раз принималась уговаривать мужа пораньше пойти спать. Но тот, уйдя из гостей не поевши и чувствуя голод, заявил ей ласково, что он с большой охотой оказал бы честь ужину. Жена быстро подает на стол, хотя и не очень охотно, так как кушанья были для другого приготовлены. Меня же до глубины души возмущали и недавнее злодеяние, и теперешнее наглое упорство негоднейшей этой женщины, и я ломал себе голову, как бы изловчиться и разоблачить обман, оказать помощь моему хозяину, и, опрокинув чан, выставить на всеобщее обозрение того, кто скрывался под ним, как черепаха.

27. Sic erili contumelia me cruciatum tandem caelesti respexit providentia. Nam senex claudus, cui nostra tutela permissa fuerat, universa nos iumenta, id hora iam postulante, ad lacum proximum bibendi causa gregatim prominabat. Quae res optatissimam mihi vindictae subministravit occasionem. Namque praetergrediens observatos extremos adulteri digitos, qui per angustias cavi tegminis prominebant, obliquata atque infesta ungula compressos usque ad summam minutiem contero, donec intolerabili dolore commotus, sublato flebili clamore repulsoque et abiecto alveo, conspectui profano redditus scaenam propudiosae mulieris patefecit.

Nec tamen pistor damno pudicitiae magnopere commotus exsangui pallore trepidantem puerum serena fronte et propitiata facie commulcens incipit: "Nihil triste de me tibi, fili, metuas. Non sum barbarus nec agresti morum squalore praeditus nec ad exemplum naccinae truculentiae sulpuris te letali fumo necabo ac ne iuris quidem severitate lege de adulteris ad discrimen vocabo capitis tam venustum tamque pulchellum puellum, sed plane cum uxore mea partiario tractabo. Nec

27. На эти мои муки из-за хозяйской обиды небесное провидение наконец обратило внимание. Наступило урочное время, когда хромой старик, которому поручен был присмотр за всеми вьючными животными, всем табуном повел нас на водопой к ближайшему пруду. Обстоятельство это доставило мне желанный случай к отмщению. Проходя мимо чана, заметил я, что концы пальцев у любовника высовываются, не помещаясь, из-под края; шагнув в сторону, я наступил со злобой копытом на его пальцы и раздробил их на мелкие кусочки. Издав от невыносимой боли жалобный стон, он отталкивает и сбрасывает с себя чан и, обнаружив себя непосвященным взглядам, выдает все козни бесстыдной женщины. Но мельник, не особенно тронутый нарушением супружеской верности, ласково, с ясным и доброжелательным выражением лица, обращается к дрожащему и смертельно бледному отроку:
- Не бойся, сынок, для себя никакого зла с моей стороны. Я не варвар и не такая уж заскорузлая деревенщина, чтобы изводить тебя, по примеру свирепого сукновала,

herciscundae familiae sed communi dividundo formula dimicabo, ut sine ulla controversia vel dissensione tribus nobis in uno conueniat lectulo. Nam et ipse semper cum mea coniugem tam concorditer vixi ut ex secta prudentium eadem nobis ambobus placerent. Sed nec aequitas ipsa patitur habere plus auctoritatis uxorem quam maritum."	смертоносным дымом серы или обрушивать на голову такого хорошенького и миленького мальчика суровую кару закона о прелюбодеянии, нет, я попросту произведу дележ с женою. Прибегну я не к разделу имущества, а к форме общего владения, чтобы без спора и препирательств все втроем поместились мы в одной постели. Да я и всегда жил с женою в таком согласии, что у нас, как у людей благоразумных, вкусы постоянно сходились. Но сама справедливость не допускает, чтобы жена имела преимущества перед мужем.
28. Tali sermonis blanditie cavillatum deducebat ad torum nolentem puerum, sequentem tamen; et pudicissima illa uxore alterorsus disclusa solus ipse cum puero cubans gratissima corruptarum nuptiarum vindicta perfruebatur. Sed cum primum rota solis lucida diem peperit, vocatis duobus e familia validissimis, quam altissime sublato puero, ferula nates eius obverberans: "Tu autem," inquit "tam mollis ac tener admodum puer, defraudatis amatoribus aetatis tuae flore, mulieres adpetis atque eas liberas et conubia lege sociata conrumpis et intempestivum tibi nomen adulteri vindicas?" His et pluribus verbis compellatum et insuper adfatim plagis castigatum forinsecus abicit. At ille adulterorum omnium fortissimus, insperata potitus salute, tamen nates candidas illas noctu diuque dirruptus, maerens profugit. Nec setius pistor ille nuntium remisit uxori eamque protinus de sua proturbavit domo.	28. С подобными милыми шуточками вел он отрока к ложу; тот не очень охотно, но следовал за ним. Затем, заперев отдельно целомудренную свою супругу, лег он вдвоем с молодым человеком и воспользовался наиболее приятным способом отмщения за попранные супружеские права. Но как только блистающая колесница солнца привела с собою рассвет, мельник позвал двух работников посильнее и, приказав им поднять отрока как можно выше, розгой по ягодицам его отстегал, приговаривая: - Ах ты! Сам еще мальчишка, нежный да молоденький, а любовников цвета своей юности лишаешь и за бабами бегаешь, да к тому же - за свободными гражданками, нарушая законы супружества и преждевременно стараясь присвоить себе звание прелюбодея. Осрамив его такими и многими другими речами, да и побоями наказав достаточно, выбрасывает он его за дверь. И этот образец бесстрашного любовника, неожиданно выйдя из опасности невредимым, если не считать белоснежных ягодиц, пострадавших и ночью, и поутру, печально поспешил удалиться. Тем не менее мельник сообщил своей жене о разводе и немедленно выгнал ее из дому.
29. At illa praeter genuinam nequitiam contumelia etiam, quamvis iusta, tamen altius commota atque exasperata ad armillum revertit et ad familiares feminarum artes accenditur magnaque cura requisitam veteratricem quandam feminam, quae devotionibus ac maleficiis quiduis efficere posse credebatur, multis exorat precibus multisque suffarcinat muneribus, alterum de duobus postulans, vel rursum mitigato conciliari marito vel, si id nequiverit, certe larva vel aliquo diro numine immisso violenter eius expugnari spiritum. Tunc saga illa et divini potens primis adhuc armis facinerosae disciplinae suae velitatur	29. Она, и от природы будучи негодяйкой, к тому же возмущенная и раздосадованная обидой, хотя и заслуженной, но тем более горькой, снова принимается за старое и, прибегнув к обычным женским козням, с большим трудом отыскивает какую-то старую ведьму, про которую шла молва, будто своими наговорами и чарами она может сделать что угодно. Осаждая ее бесконечными мольбами и осыпая подарками, она просит одного из двух: или чтобы муж, смягчившись, снова помирился с нею, или, если это невозможно, причинить ему по крайней мере насильственную смерть,

et vehementer offensum mariti flectere atque in amorem impellere conatur animum. Quae res cum ei sequius ac rata fuerat proveniret, indignata numinibus et praeter praemii destinatum compendium contemptione etiam stimulata ipsi iam miserrimi mariti incipit imminere capiti umbramque violenter peremptae mulieris ad exitium eius instigare.	напустив на него какого-нибудь выходца из преисподней или злого духа. Тогда колдунья эта, облеченная божественной властью, сначала пускает в ход первые приемы своей преступной науки и изо всех сил старается смягчить дух сильно оскорбленного мужа и направить его к любви. Но когда дело оборачивается совсем не так, как она ожидала, она вознегодовала на богов и, не только рассчитывая на обещанную плату, но и в виде возмездия за пренебрежение к себе, замышляет уже гибель несчастного мужа и для этой цели насылает на него тень некой умершей насильственной смертью женщины.
30. Sed forsitan lector scrupulosum reprehendes narratum meum sic argumentaberis: "Unde autem tu, astutule asine, intra terminos pistrini contentus, quid secreto, ut adfirmas, mulieres gesserint scire potuisti?". Accipe igitur quem ad modum homo curiosus iumenti faciem sustinens cuncta quae in perniciem pistoris mei gesta sunt cognovi. Diem ferme circa mediam repente intra pistrinum mulier reatu miraque tristitie deformis apparuit, flebili centunculo semiamicta, nudis et intectis pedibus, lurore buxeo macieque foedata, et discerptae comae semicanae sordentes inspersu cineris pleramque eius anteventulae contegebant faciem. Haec talis manu pistori clementer iniecta, quasi quippiam secreto conlocutura, in suum sibi cubiculum deducit eum et abducta fore quam diutissime demoratur. Sed cum esset iam confectum omne frumentum, quod inter manus opifices tractaverant, necessarioque peti deberet aliud, servuli cubiculum propter adstantes dominum vocabant operique supplementum postulabant. Atque ut illis (iterum et) saepicule [et inter] vocaliter clamantibus nullus respondit dominus, iam forem pulsare validius, et, quod diligentissime fuerat oppessulata, maius peiusque aliquid opinantes, nisu valido reducto vel diffracto cardine, tandem patefaciunt aditum. Nec uspiam reperta illa muliere vident e quodam tigillo constrictum iamque exanimem pendere dominum, eumque nodo cervicis absolutum detractumque summis plangoribus summisque lamentationibus atque ultimo lavacro procurant, peractisque feralibus officiis, frequenti prosequente comitatu, tradunt sepulturae.	30. Но, может быть, придирчивый читатель, ты прервешь мой рассказ и возразишь: "Откуда же, хитрый ослик, не выходя за пределы мельницы, ты мог проведать, что втайне, как ты утверждаешь, замышляли женщины?" Ну так послушай, каким образом, и под личиной вьючного животного оставаясь человеком любопытным, я узнал, что готовится на пагубу моему мельнику. Почти что ровно в полдень на мельнице появилась какая-то женщина, полуприкрытая жалким рубищем, с босыми ногами, изжелта-бледная, исхудалая, с лицом, почти целиком закрытым распущенными, свисающими наперед волосами, полуседыми, грязными от пепла, которым они были осыпаны; черты ее были искажены следами преступления и необычайной скорбью. Явившись в таком виде, она кладет тихонько руку на плечо мельнику, словно желает с ним поговорить наедине, уводит его в спальню и, заперев дверь, остается там долгое время. Между тем работники смололи все зерно, что было у них под рукою, и, так как нужно было получить еще, рабы пошли к хозяйской комнате и стали его кликать, прося добавочной выдачи зерна. Не раз они его громко звали - хозяин ничего не отвечал; тогда принялись стучаться в двери - они накрепко заперты изнутри. Подозревая какую-то немалую беду, они поднажали и, отворив или, вернее, выломав дверь, прокладывают себе путь. Как ни искали, никакой женщины там не оказалось, а на одной из балок висел с петлей на шее хозяин, уже без дыхания. Они сняли его, вынув из петли, с громким плачем и рыданиями омыли тело и, исполнив погребальные обряды, в сопровождении большой толпы похоронили.
31. Die sequenti filia eius accurrit e proxumo castello, in quod quidem denupserat, maesta	31. На следующий день спешно прибывает его дочь из соседнего селения, куда она

atque crines pendulos quatiens et interdum pugnis obtundens ubera, quae nullo quidem domus infortunium nuntiante cuncta cognorat, sed ei per quietem obtulit sese flebilis patris sui facies adhuc nodo revincta cevice, eique totum novercae scelus aperuit de adulterio, de maleficio, et quem ad modum larvatus ad inferos demeasset. Ea cum se diutino plangore cruciasset, concursu familiarum cohibita tandem pausam luctui fecit. Iamque nono die rite completis apud tumulum sollemnibus familiam supellectilemque et omnia iumenta ad hereditariam deducit auctionem. Tunc unum larem varie dispergit venditionis incertae licentiosa fortuna. Me denique ipsum pauperculus quidam hortulanus comparat quinquaginta nummis, magno, ut aiebat, sed ut communi labore victum sibi quaereret.

недавно была выдана замуж, вся в трауре, терзая распущенные волосы, от времени до времени ударяет себя кулаками в грудь. Ей было все известно о домашнем несчастье, хотя никто ее не извещал; но во время сна предстала ей горестная тень ее отца, все еще с петлей на шее, и открыла все злодейства мачехи: рассказала и о прелюбодеянии, и о злых чарах, и о том, как, погубленный привидением, низошел он в преисподнюю. Долго она рыдала и убивалась, пока домочадцы не уговорили ее положить предел скорби. Исполнив у могилы на девятый день установленные обряды, она пустила с молотка наследство: рабов, домашнюю утварь и весь вьючный скот. Таким-то образом прихотливая случайность открытой продажи разбросала в разные стороны целое хозяйство. Меня самого купил какой-то бедный огородник за пятьдесят нуммов. По его словам, для него это была большая сумма, но с моею помощью он надеялся добывать себе средства к жизни.

32. Res ipsa mihi poscere videtur ut huius quoque serviti mei disciplinam exponam. Matutino me multis holeribus onustum proxumam civitatem deducere consuerat dominus atque ibi venditoribus tradita merce, dorsum insidens meum, sic hortum redire. Ac dum fodiens, dum irrigans, ceterosque incurvus labore deservit, ego tantisper otiosus placita quiete recreabar. Sed ecce siderum ordinatis ambagibus per numeros dierum ac mensuum remeans annus post mustulentas autumni delicias ad hibernas Capricorni pruinas deflexerat, et adsiduis pluviis nocturnisque rorationibus sub dio et intecto conclusus stabulo continuo discruciabar frigore, quippe cum meus dominus prae nimia paupertate ne sibi quidem nedum mihi posset stramen aliquod vel exiguum tegimen parare, sed frondoso casulae contentus umbraculo degeret. Ad hoc matutino lutum nimis frigidum gelusque praeacuta frusta nudis invadens pedibus enicabar ac ne suetis saltem cibariis ventrem meum replere poteram. Namque et mihi et ipso domino cena par ac similis oppido tamen tenuis aderat, lactucae veteres et insuaves illae, quae seminis enormi senecta ad instar scoparum in amaram caenosi sucus cariem exolescunt.

32. Самый ход рассказа, думается, требует, чтобы я сообщил, в чем состояли мои новые обязанности.

Каждое утро хозяин нагружал меня разными овощами и гнал в соседнее село, затем, оставив свой товар продавцам, садился мне на спину и возвращался в свой огород. Пока он то копал, то поливал и гнул спину над остальной работой, я отдыхал и наслаждался покоем. Но вот, вместе с правильным течением светил, чередованием дней и месяцев, и год, свершая свой круг, после вином обильной, радостной осени склонялся к зимнему инею Козерога [11]; все время дождь, по ночам росы, и, находясь под открытым небом в стойле без крыши, я постоянно мучился от холода, так как у хозяина моего, по крайней бедности, не только для меня, для самого себя не было ни подстилки, ни покрышки, а обходился он защитой шалаша из веток. К тому же по утрам приходилось мне голыми ногами месить очень холодную грязь, наступая на чрезвычайно острые кусочки льда, да и желудок свой не мог я наполнять привычной ему пищей. И у меня, и у хозяина стол был один и тот же, но очень скудный: старый и невкусный латук, что оставлен был на семена и из-за чрезмерного возраста своего стал похож на метлу, с горьким, грязным и гнилым соком.

33. Nocte quadam paterfamilias quidam e pago proximo tenebris inluniae caliginis impeditus et imbre nimio madefactus atque ob id ab itinere

33. Случилось однажды, что некий почтенный человек из соседнего селенья, застигнутый темнотою безлунной ночи и

directo cohibitus ad hortulum nostrum iam fesso equo deverterat, receptusque comiter pro tempore licet non delicato necessario tamen quietis subsidio, remunerari benignum hospitem cupiens, promittit ei de praediis suis sese daturum et frumenti et olivi aliquid et amplius duos vini cados. Nec moratus meus sacculo et utribus vacuis secum adportatis nudae spinae meae residens ad sexagesimum stadium profectionem comparat. Eo iam confecto viae spatio pervenimus ad praedictos agros ibique statim meum dominum comis hospes opipari prandio participat. Iamque iis poculis mutuis altercantibus mirabile prorsus evenit ostentum. Una de cetera cohorte gallina per mediam cursitans aream clangore genuino velut ovum parere gestiens personabat. Eam suus dominus intuens: "O bona" inquit "ancilla et satis fecunda, quae multo iam tempore cotidianis nos partubus saginasti. Nunc etiam cogitas, ut video, gustulum nobis praeparare." Et "heus", inquit "puer calathum fetui gallinaceo destinatum angulo solito collocato." Ita, uti fuerat iussum, procurante puero gallina consuetae lecticulae spreto cubili ante ipsius pedes domini praematurum sed magno prorsus futurum scrupulo partum. Non enim ovum, quod scimus, illud; sed pinnis et unguibus et oculis et voce etiam perfectum edidit pullum, qui matrem suam coepit continuo comitari.	насквозь промокший от ливня, к тому же сбившийся с дороги, повернул порядком усталую лошадь к нашему огороду. Будучи по обстоятельствам гостеприимно встречен и получив не слишком роскошный, но необходимый ему отдых, он пожелал отблагодарить ласкового хозяина и обещал дать ему зерна, масла из своих угодий и даже два бочонка вина. Мой-то, не медля, забирает с собой мешок и пустые мехи и, сев на меня без седла, пускается в путь за шестьдесят стадий[12]. Проделав это расстояние, прибыли мы к указанному нам имению, где сейчас же хозяина моего радушный владелец приглашает к обильному завтраку. Уже чаши переходили у них из рук в руки, как вдруг случилась диковинная вещь - настоящее чудо: по двору бегала курица, отбившись от остальных, и кудахтала, как обычно кудахчут куры, чтобы оповестить о том, что они сейчас снесут яйцо. Посмотрев на нее, хозяин говорит: - Верная ты служанка, а какая плодовитая! Сколько времени уж ты каждодневными родами доставляешь нам продовольствие! И теперь, как видно, готовишь нам закусочку. - Затем кричит: - Эй, малый, поставь, как всегда, в уголок корзинку для наседки[13]. Слуга исполнил приказание, но курица, пренебрегши обычным гнездом, прямо у ног хозяина снесла преждевременный, но способный навести немалый страх плод. Не яйцо она снесла, как можно было ожидать, а готового цыпленка с перьями, когтями, глазами, который уже умел пищать и сейчас же принялся бегать за матерью.
34. Nec eo setius longe maius ostentum et quod omnes merito perhorrescerent exoritur. Sub ipsa enim mensa, quae reliquias prandii gerebat, terra dehiscens imitus largissimum emicuit sanguinis fontem; hic resultantes uberrimae guttae mensam cruore perspergunt. Ipsoque illo momento quod stupore defixi mirantur ac trepidant divina praesagia, concurrit unus e cella vinaria nuntians omne vinum, quod olim diffusum fuerat, in omnibus doliis ferventi calore et prorsus ut igne copioso subdito rebullire. Visa est interea mustela etiam mortuum serpentem forinsecus mordicus adtrahens, et de ore pastoricii canis virens exsiluit ranula, ipsumque canes qui proximus consistebat aries adpetitum unico morsu strangulavit. Haec tot ac talia ingenti pavore domini illius et familiae totius ad extremum stupore deiecerant animos, quid prius quidve posterius, quid magis quid minus numinum	34. Вскоре вслед за этим случается еще большая диковинка, которая всех, разумеется, до крайности испугала: под самым столом, на котором стояли еще остатки завтрака, разверзлась земля, и из глубины забила сильным ключом кровь, так что множество брызг, летевших кверху, покрыли кровавыми пятнами весь стол. В ту же минуту, когда все, остолбенев от ужаса, трепещут и дивятся божественным предзнаменованиям, прибегает кто-то из винного погреба и докладывает, что все вино, давно уже разлитое по бочкам, нагрелось, заклокотало и начало кипеть, словно на сильном огне. Заметили также и ласочку, вышедшую на улицу, держа в зубах издохшую уже змею; у сторожевой собаки изо рта выскочил зеленый лягушонок, а на самое собаку набросился стоявший поблизости баран и, вцепившись ей в глотку, тут же задушил.

caelestium leniendis minis quid et qualibus procuraretur hostiis.	Хозяина и всех его домашних столько ужасных знамений повергли в крайнее замешательство: что сначала делать, что потом? Кого из небожителей умилостивлять больше, кого меньше, чтобы отвратить их угрозы? Сколько жертв и какие жертвы надо приносить?[14]
35. Adhuc omnibus exspectatione taeterrimae formidinis torpidis accurrit quidam servulus magnas et postremas domino illi fundorum clades adnuntians. Namque is adultis iam tribus liberis doctrina instructis et verecundia praeditis vivebat gloriosus. His adulescentibus erat cum quodam paupere modicae casulae domino vetus familiaritas. At enim casulae parvulae conterminos magnos et beatos agros possidebat vicinus potens et dives et iuvenis (splendidae) prosapiae (sed) maiorum gloria male utens pollensque factionibus et cuncta facile faciens in civitate; (hic) hostili modo vicini tenuis incursabat pauperiem pecua trucidando, boves abigendo, fruges adhuc immaturas obterendo. Iamque tota frugalitate spoliatum ipsis etiam glebulis exterminare gestiebat finiumque inani commota questione terram totam sibi vindicabat. Tunc agrestis, verecundus alioquin, avaritia divitis iam spoliatus, ut suo saltem sepulchro paternum retineret solum, amicos plurimos ad demonstrationem finium trepidans eximie corrogarat. Aderant inter alios tres illi fratres cladibus amici quantulum quantulum ferentes auxilium.	35. Покуда все, скованные ужасом, находились в ожидании самого страшного несчастья, прибегает какой-то раб и докладывает о великих, чудовищных бедствиях, обрушившихся на владельца имения. Гордость его жизни составляли трое уже взрослых сыновей, получивших образование и украшенных скромностью. Эти юноши были связаны старинной дружбой с одним бедным человеком, владельцем маленькой хижины. Крошечная хижина эта соприкасалась с обширными и благоустроенными владениями влиятельного и богатого молодого соседа, который, злоупотребляя древностью своего славного рода, имел множество сторонников и делал в городе все, что хотел. К скромному соседу своему он относился враждебно и разорял его убогую усадьбу: мелкий скот избивал, быков угонял, травил хлеб, еще не созревший. Когда же он лишил его всех достатков, решил и вовсе согнать бедняка с его участка и, затеяв какую-то пустую тяжбу о межевании, потребовал всю землю себе. Крестьянин был человек скромный, но, видя, что алчность богача лишила его всего имущества, и желая удержать за собою хотя бы место для могилы в родном поле, в сильном страхе призвал очень многих из своих друзей в свидетели по этому делу о поземельных границах. В числе других пришли и эти три брата, чтобы хоть чем-нибудь помочь своему другу в его бедственном положении.
36. Nec tamen ille vaesanus tantillum praesentia multorum civium territus vel confusus, licet non rapinis, saltem verbis temperare voluit, sed illis clementer expostulantibus fervidosque eius mores blanditiis permulcentibus repente suam suorumque carorum salutem quam sanctissime adiurans adseverat parvi se pendere tot mediatorum praesentiam, denique vicinum illum auriculis per suos servulos sublatum de casula longissime statimque proiectum iri. Quo dicto insignis indignatio totos audientium pertemptavit animos. Tunc unus et tribus fratribus incunctanter et paulo liberius respondit frustra eum suis opibus confisum tyrannica superbia comminari, cum alioquin pauperes etiam liberali	36. Но тот сумасброд нисколько не испугался и даже не смутился от присутствия стольких граждан и не то, что от грабительских намерений отказаться - языка своего обуздать не пожелал. Когда те мирно изложили свои пожелания и ласковой речью старались смягчить буйный его нрав, он сейчас же, призывая всех богов, клянется своим спасеньем и жизнью дорогих ему людей и решительно заявляет, что ему дела никакого нет до присутствия стольких посредников, а соседушку этого велит своим рабам взять за уши и немедленно вышвырнуть из его хижины, да подальше. Слова эти страшно возмутили всех присутствующих. Тогда один из трех

legum praesidio de insolentia locupletium consueverint vindicari. Quod oleum flammae, quod sulpur incendio, quod flagellum Furiae, hoc et iste sermo truculentiae hominis nutrimento fuit. Iamque ad extremam insaniam vecors, suspendium sese et totis illis et ipsis legibus mandare proclamans, canes pastoricios, villaticos feros atque immanes, adsuetos abiecta per agros essitare cadavera, praeterea etiam transeuntium viatorum passivis morsibus alumnatos, laxari atque in eorum exitium inhortatos immitti praecepit. Qui simul signo solito pastorum incensi atque inflammati sunt, furiosa rabie conciti et latratibus etiam absonis horribiles eunt in homines eosque variis adgressi vulneribus distrahunt ac lacerant nec fugientibus saltem compercunt, sed eo magis inritatiores secuntur.	братьев незамедлительно и довольно независимо ответил, что напрасно тот, надеясь на свои богатства, угрожает с такою тиранической спесью, меж тем как и бедняки от наглости богачей находят обыкновенно защиту в справедливых законах. Масло для пламени, сера для огня, бич для фурии - вот чем были для ярости этого человека подобные слова. Дойдя до крайней степени безумия, он закричал, что на виселицу пошлет и всех собравшихся, и сами законы, и отдал приказание, чтобы спустили с цепи диких дворовых овчарок огромного роста, питавшихся падалью, выбрасываемою на поля, даже нападавших иной раз на проходящих путников, и велит науськать их на собравшихся. Как только услышали псы привычное улюлюканье пастухов, воспламенившись и разъярившись, впав в бурное бешенство, с хриплым, ужасным лаем кидаются на людей и, набросившись, терзают и рвут их на части, нанося всевозможные раны, не щадят даже тех, кто ищет спасения в бегстве, наоборот - тем яростнее их преследуют.
37. Tunc inter confertam trepidae multitudinis stragem e tribus iunior offenso lapide atque obtunsis digitis terrae prosternitur saevisque illis et ferocissimis canibus instruit nefariam dapem; protenus enim nancti praedam iacentem miserum illum adolescentem frustatim discerpunt. Atque ut eius letalem ululatum cognovere ceteri fratres, accurrunt maesti suppetias obvolutisque lacinia laevis manibus lapidum crebris iactibus propugnare fratri atque abigere canes adgrediuntur. Nec tamen eorum ferociam vel conterere vel expugnare potuere, quippe cum miserrimus adulescens ultima voce prolata, vindicarent de pollutissimo divite mortem fratris iunioris, ilico laniatus interisset. Tunc reliqui fratres non tam hercules desperata quam ultro neglecta sua salute contendunt ad divitem atque ardentibus animis impetuque vaesano lapidibus crebris in eum velitantur. At ille cruentus et multis ante flagitiis similibus exercitatus percussor iniecta lancea duorum alterum per pectus medium transadegit. Nec tamen peremptus ac prorsus exanimatus adulescens ille terrae concidit; nam telum transvectum atque ex maxima parte pone tergum elapsum soloque nisus violentia defixum rigore librato suspenderat corpus. Sed et quidam de servulis procerus et validus sicario ille ferens auxilium lapide contorto tertii illius iuvenis dexterum brachium longo iactu petierat, sed impetu casso per extremos digitos transcurrens	37. Тут, в самой гуще перепуганной толпы, младший из трех братьев, споткнувшись о камень и повредив себе пальцы ног, падает наземь, доставляя ужасную трапезу диким и жестоким собакам: увидев лежащую перед ними добычу, они немедленно растерзали в клочья несчастного юношу. Когда остальные братья услышали его предсмертный вопль, в горести поспешили они ему на помощь и, обернув левую руку полой плаща, пытаются градом камней отбить брата у собак и разогнать их. Однако не удалось им ни смягчить ярость псов, ни отогнать их, и несчастный юноша, воскликнув напоследок, чтобы они отомстили этому богатому злодею за смерть своего младшего брата, умирает, разорванный на куски. Оставшиеся в живых братья, не столько, клянусь Геркулесом, отчаявшись в собственном спасении, сколько не заботясь о нем, бросаются на богача и пламенно, в безумном порыве принимаются осыпать его камнями; но этот кровожадный разбойник, и раньше совершавший немало подобных преступлений, ударив одного копьем в середину груди, пронзает его насквозь. Однако пораженный и сейчас же испустивший дух юноша не падает на землю, так как копье, пронзив его и почти все выйдя из спины, силой удара впилось в землю и, зашатавшись, поддерживало тело в воздухе. Высокий и

lapis contra omnium opinionem deciderat innoxius.

сильный раб пришел убийце на помощь и, размахнувшись, запустил в третьего юношу камнем, целясь в правую руку, но не рассчитал силы броска, и камень против всякого ожидания задел только край пальцев и упал, не причинив никакого вреда.

38. Non nullam tamen sagacissimo iuveni proventus humanior vindictae speculam subministravit. Ficta namque manus usae debilitate sic crudelissimum iuvenem compellat: Fruere exitio totius nostrae familiae et sanguine trium fratrum insatiabilem tuam crudelitatem pasce et de prostratis tuis civibus gloriose triumpha, dum scias, licet privato suis possessionibus paupere fines usque et usque proterminaveris, habiturum te tamen vicinum aliquem. Nam haec etiam dextera, quae tuum prorsus amputasset caput, iniquitate fati contusa decidit." Quo sermone, alioquin exasperatus, furiosus latro rapto gladio sua miserrimum iuvenem manu perempturus invadit avidus. Nec tamen sui molliorem provocat; quippe insperato et longe contra eius opinionem resistens iuvenis complexu fortissimo arripit eius dexteram magnoque nisu ferro librato multis et crebris ictibus impuram elidit divitis animam et, ut accurrentium etiam familiarium manu se liberaret, confestim adhuc inimici sanguine delibuto mucrone gulam sibi prorsus exsecuit.

Haec erant quae prodigiosa praesagaverant ostenta, haec quae miserrimo domino fuerant nuntiata. Nec ullum verbum ac ne tacitum quidem fletum tot malis circumventus senex quivit emittere, sed adrepto ferro, quo commodum inter suos epulones caseum atque alias prandii partes diviserat, ipse quoque ad instar infelicissimi sui filii iugulum sibi multis ictibus contrucidat, quoad super mensam cernulus corruens portentosi cruoris maculas novi sanguinis fluvio proluit.

38. Но благоприятный этот случай даровал сообразительному молодому человеку какую-то надежду на мщение. Сделав вид, будто рука у него повреждена, так обращается он к тому невиданно жестокому юноше: - Наслаждайся гибелью всего нашего семейства, насыщай неуемную свою жестокость кровью трех братьев, покрывайся славой, убив стольких своих сограждан, - все равно увидишь, что, сколько бы ни отбирал ты имений у бедняков, до каких бы пределов ни расширял своих владений, какой-нибудь сосед у тебя найдется. О, если бы рука эта по несправедливости судьбы не выбыла из строя, уж она снесла бы тебе голову тотчас же! Неистовый разбойник, выведенный из себя этими словами, схватив свой меч, с жаром набросился на несчастного юношу, чтоб убить его. Но попал он на противника не слабее себя. Совершенно для него неожиданно молодой человек оказал сопротивление, которого тот не мог предвидеть: крепко стиснув его правую руку и с огромной силой взмахивая его мечом, он быстрыми и частыми ударами заставил богача расстаться со своею гнусною жизнью, а сам, чтобы не попасться в руки подоспевшим уже слугам, тут же перерезал себе горло еще обагренным вражеской кровью лезвием. Вот что предзнаменовали вещие чудеса, вот что объявлено было злосчастному хозяину. Но старец, на которого обрушилось столько бедствий, не произнес ни слова, не пролил даже безмолвной слезы: схватив нож, которым только что разрезал для своих сотрапезников сыр и прочие кушанья за завтраком, он, по примеру злосчастного своего сына, наносит множество ран себе в шею, покуда, упав ничком на стол, не смывает обагрявшие стол зловещие пятна свежим потоком крови.

39. Ad istum modum puncto brevissimo dilapsae domus fortunam hortulanus ille miseratus suosque casus graviter ingemescens, depensis pro prandio lacrimis vacuasque manus complodens saepicule, protinus inscenso me retro quam veneramus viam capessit. Nec innoxius ei saltem regressus evenit. Nam quidam procerus et, ut indicabat habitus atque habitudo, miles e legione, factus nobis obvius, superbo atque

39. Расстроенный гибелью целого дома в одну минуту и о своей собственной неудаче тяжко вздыхая, огородник, отблагодарив за завтрак одними слезами и частенько всплескивая пустыми руками, сейчас же садится на меня и пускается в обратный путь по той же дороге, по которой мы прибыли. Но возвращение не обошлось без неприятностей. Встретился нам какой-то верзила, судя по

adroganti sermone percontatur, quorsum vacuum duceret asinum? At meus, adhuc maerore permixtus et alias Latini sermonis ignarus, tacitus praeteribat. Nec miles ille familiarem cohibere quivit insolentiam, sed indignatus silentio eius ut convicio, viti quam tenebat obtundens eum dorso meo proturbat. Tunc hortulanus subplicue respondit sermonis ignorantia se quid ille disceret scire non posse. Ergo igitur Graece subiciens miles: "Ubi" inquit "ducis asinum istum?". Respondit hortulanus petere se civitatem proximam. "Sed mihi" inquit "opera eius opus est; nam de proximo castello sarcinas praesidis nostri cum ceteris iumentis debet advehere"; et iniecta statim manu loro me, quo ducebar, arreptum incipit trahere. Sed hortulanus prioris plagae vulnere prolapsum capite sanguinem detergens rursus deprecatur civilius atque mansuetius versari commilitonem idque per spes prosperas eius orabat adiurans. "Nam et hic ipse" aiebat "iners asellus et nihilo minus (mordax) morboque detestabili caducus vix etiam paucos holerum maniculos de proximo hortulo solet anhelitu languido fatigatus subvehere, nedum ut rebus amplioribus idoneus videatur gerulus."	платью и по внешности - солдат-легионер, и надменно, даже нагло спрашивает: - Куда ведешь осла без поклажи? А мой-то, еще от горя не успокоившись, да и латинского языка не понимая, едет себе дальше, ничего не ответив. Тогда солдат в негодовании, молчание его приняв за оскорбление и не сдержав обычного солдатского нахальства, стукнул хозяина жезлом из виноградной лозы[15], что был у него в руках, и согнал с моей спины. Огородник оправдывается смиренно тем, что по незнанию языка не может понять, о чем тот говорит. Тогда солдат по-гречески повторяет: - Куда ведешь этого осла? Огородник говорит, что направляется в соседний город. - А мне, - говорит тот, - требуется его помощь; нужно, чтобы он с прочим вьючным скотом перевез из соседней крепости вещи нашего командира, - и сейчас же схватывает меня за повод, на котором меня водили, и тащит за собою. Но огородник, утерши с лица кровь из раны, оставшейся у него на голове после удара, стал упрашивать служивого быть поласковее и помягче, заклиная его при этом надеждами на счастливую судьбу. - Ведь ослишко этот, - говорит он, - еле ходит да к тому же от отвратительной болезни падает то и дело и даже из соседнего огорода едва несколько охапок овощей дотаскивает, чуть не задохнувшись от усталости, а уж чтобы потяжелее чего-нибудь свезти - и думать нечего.
40. Sed ubi nullis precibus mitigari militem magisque in suam perniciem advertit efferari iamque inversa vite de vastiore nodulo cerebrum suum diffindere, currit ad extrema subsidia simulansque sese ad commovendam miserationem genua evis velle contigere, summissus atque incurvatus, arreptis eius utrisque pedibus sublimem terrae graviter adplodit et statim qua pugnis qua cubitis qua morsibus, etiam de via lapide correpto, totam faciem manusque eius et latera converberat. Nec ille, ut primum humi supinatus est, vel repugnare vel omnino munire se potuit, sed plane identidem comminabatur, si surrexisset, sese concisurum eum machaera sua frustatim. Quo sermone eius commonefactus hortulanus eripit ei spatham eaque longissime abiecta rursum saevioribus eum plagis adgreditur. Nec ille prostratus et praeventus vulneribus reperire saluti quiens subsidium, quod solum restabat, simulat sese mortuum. Tunc spatham illam secum asportans	40. Но, заметив, что никакими просьбами солдата не уломать, а ему самому грозит еще большая опасность, потому что солдат совсем рассвирепел и, повернув жезл толстым концом вперед, того и гляди раскроит ему череп, огородник прибегает к крайнему средству: сделав вид, что, словно для того, чтобы вызвать сострадание к себе, он хочет коснуться его колен, он приседает, нагибается, схватывает его за обе ноги, поднимает их высоко вверх - и солдат с грохотом шлепается наземь. И тотчас же мой хозяин принимается колотить его по лицу, по рукам, по бокам, работая кулаками, и локтями, и зубами да подхватив еще камень с дороги. Тот, едва очутился на земле, не мог ни отбиваться, ни вообще защищаться, но лишь, не переставая, грозился, что как только подымется - в куски мечом его изрубит. Огородник не пропустил этого мимо ушей: отняв и отбросив как можно дальше широкий его меч, снова нападает на

hortulanus inscenso me concito gradu recta festinat ad civitatem nec hortulum suum saltem curans invisere ad quempiam sibi devertit familiarem. Cunctisque narratis deprecatur, periclitanti sibi ferret auxilium seque cum suo sibi asino tantisper occultaret, quoad celatus spatio bidui triduive capitalem causam evaderet. Nec oblitus ille veteris amicitiae prompte suscipit, meque per scalas complicitis pedibus in superius cenaculum adtracto hortulanus deorsus in ipsa tabernula derepit in quandam cistulam et supergesto delitiscit orificio.

него и колотит еще сильнее. Тот, лежа на спине и уже обессилев от ран, не видит другого способа спастись, как прикинуться мертвым, - одно это ему и оставалось. Тогда огородник, вскочив на меня и забравши с собою меч, скорым шагом направляется в город, не заезжая даже проведать свой огород, и останавливается у одного своего приятеля. Рассказав всю свою историю, он умоляет, чтобы тот оказал ему помощь в столь опасных обстоятельствах и спрятал на некоторое время его и осла, чтобы пробыть в затворе дня два-три, пока не пройдет опасность судебного преследования, угрожающего ему смертной казнью. Тот не забыл старой дружбы и охотно согласился ему помочь; мне подогнули ноги и втащили по лестнице на второй этаж, а сам огородник внизу, в самой лачужке, заполз в какую-то корзинку и спрятался там, закрыв ее сверху крышкой.

41. At miles ille, ut postea didici, tandem velut emersus gravi crapula, nutabundus tamen et tot plagarum dolore saucius baculoque se vix sustinens, civitatem adventat confususque de impotentia deque inertia sua quicquam ad quemquam referre popularium, sed tacitus iniuriam devorans quosdam commilitones nanctus is tantum clades enarrat suas. Placuit ut ipse quidem contubernio se tantisper absconderet - nam praeter propriam contumeliam militaris etiam sacramenti genium ob amissam spatham verebatur -, ipsi autem signis enotatis investigationi vindictaeque sedulam darent operam. Nec defuit vicinus perfidus, qui nos ilico occultari nuntiaret. Tunc commilitones accersitis magistratibus mentiuntur sese multi pretii vasculum argenteum praesidis in via perdidisse idque hortulanum quendam reperisse nec velle restituere, sed apud familiarem quendam sibi delitescere. Tunc magistratus et damno et praesidis nomine cognito veniunt ad deversori nostri fores claraque voce denuntiant hospiti nostro nos, quos occultaret apud se certo certius, dedere potius quam discrimen proprii subiret capitis. Nec ille tantillum conterritus salutique studens eius, quem in suam receperat fidem, quicquam de nobis fatetur ac diebus plusculis nec vidisse quidem illum hortulanum contendit. Contra commilitones ibi nec uspiam illum delitescere adiurantes genium principis contendebant. Postremum magistratibus placuit obstinate denegantem scrutinio detegere. Immissis itaque lictoribus ceterisque publicis ministeriis angulatim cuncta sedulo perlustrari iubent, nec quisquam

41. Между тем солдат, как я потом узнал, словно после большого похмелья, поднялся наконец, хотя и пошатываясь, и, тяжело страдая от многочисленных и болезненных ран, еле-еле, опираясь на палку, отправился в город; стыдясь своей немощи и непредприимчивости, он никому в городе не рассказал о случившемся, молча проглотил обиду и, только встретив каких-то своих товарищей, сообщил им о постигшей его беде. Было решено, что некоторое время пострадавший будет скрываться в казармах, так как, кроме личного оскорбления, он боялся еще, потеряв меч, ответственности за бесчестие, причиненное Гению, которому приносил воинскую присягу[16], а товарищи его, узнав наши приметы, прилагали тем временем все усилия, чтобы отыскать нас и расквитаться. Конечно, среди соседей нашелся предатель, который тотчас нас выдал и указал, где мы скрываемся. Тогда товарищи солдата призвали властей и сделали ложное заявление, будто в дороге они потеряли очень дорогой серебряный сосудец своего начальника, какой-то огородник его нашел и возвращать не хочет, а скрывается у одного своего близкого знакомого. Чиновники, наведя справки об убытке и о том, как зовут начальника, пришли к воротам нашего убежища и громко начали требовать от хозяина, чтобы он нас, тех, что скрывает у себя, - и это вернее верного! - выдал, а в противном случае вина падет на его собственную голову. Но тот, нисколечко не испугавшись и стараясь о спасении того, кто

mortalium ac ne ipse quidem asinus intra comparere nuntiatur.

ему доверился, ни в чем не признается и решительно заявляет, что вот уже сколько дней он огородника этого и в глаза-то не видывал. Солдаты, наоборот, решительно утверждали, клянясь Гением императора, что виновный скрывается именно здесь, а не в ином каком месте. Наконец власти решили произвести у упорно отпиравшегося человека обыск. Отправленным с этой целью ликторам и другим служителям был отдан приказ, чтобы они тщательнейшим образом обшарили все уголки. Но те докладывают после обыска, что ни одной живой души и даже никакого осла в доме не обнаружено.

42. Tunc gliscit violentior utrimquesecus contentio, militum pro comperto de nobis adseverantium fidemque Caesaris identidem implorantium, at illius negantis adsidueque deum numen obtestantis. Qua contentione et clamoso strepitu cognito, curiosus alioquin et inquieti procacitate praeditus asinus, dum obliquata cervice per quandam fenestrulam quidquam sibi vellet tumultus ille prospicere gestio, unus e commilitonibus casu fortuito conlimatis oculis ad umbram meam cunctos testatur incoram. Magnus denique continuo clamor exortus est et emensis protinus scalis iniecta manu quidam me velut captivum detrahunt. Iamque omni sublata cunctatione scrupulosius contemplantes singula, cista etiam illa revelata, repertum productumque et oblatum magistratibus miserum hortulanum poenas scilicet capite pensurum in publicum deducunt carcerem summoque risu meum prospectum cavillari non desinunt. Unde etiam de prospectu et umbra asini natum est frequens proverbium.

42. Тут спор с обеих сторон разгорелся еще жарче: солдаты настаивали, что мы тут - это им доподлинно известно, - и к имени Цезаря неоднократно взывали, а тот, беспрестанно призывая богов в свидетели, все отрицал. Услышав этот спор, шум и крик, я, как осел любопытный, беспокойный и назойливый, вытянув и склонив набок шею, стараюсь в какое-то окошечко посмотреть, что этот галдеж означает; как вдруг один из солдат случайно бросил взор в сторону моей тени и сразу же призывает всех взглянуть на нее. Немедленно поднялся страшный крик, и, в одну минуту взобравшись по лестнице, какие-то люди берут меня и, как пленника, тащат вниз. Тут, отложив всякие проволочки, еще тщательнее осматривают каждую щелку, открывают ту корзину и обнаруживают злосчастного огородника; его выводят, передают в руки властей и ведут в городскую тюрьму - наверное, чтобы в скором времени предать казни. Над моим же появлением в качестве наблюдателя не переставали хохотать и издеваться. Отсюда и пошла распространенная поговорка о взгляде и тени осла[17].

LIBER DECIMUS

КНИГА ДЕСЯТАЯ

1. Die sequenti meus quidem dominus hortulanus quid egerit nescio, me tamen miles ille, qui propter eximiam impotentiam pulcherrime vapularat, ab illo praesepio nullo equidem contradicente dictum abducit atque a suo contubernio - hoc enim mihi videbatur - sarcinis propriis onustum et prorsum exornatum armatumque militariter producit ad viam. Nam et galeam nitore praedicantem et scutum gerebam longius relucens, sed etiam lanceam longissimo hastili conspicuam, quae scilicet non disciplinae

1. Не знаю, что сталось с моим хозяином-огородником на следующий день, меня же этот самый солдат, крепко поплатившийся за свое редкостное слабосилие, забрал из стойла и, не встретив ни с чьей стороны возражения, привел к своей казарме (как мне по крайней мере казалось) и, нагрузив своими пожитками совсем по-военному, вооружив меня и разукрасив, погнал в дорогу. Нес я и шлем, блеском сияющий, и щит, сверкавший еще ярче, и в довершение всего копье с

tunc quidem causa, sed propter sarcinarum cumulo ad instar exercitus sedulo composuerat. Confecta campestri nec adeo difficili via quandam civitatulam pervenimus nec in stabulo, sed in domo cuiusdam decurionis devertimus. Statimque me commendato cuidam servulo ipse ad praepositum suum, qui mille armatorum ducatum sustinebat, sollicite proficiscitur.

предлинным древком, бросавшимся в глаза, - все это он старательно выложил, как принято в боевом походе, на самое видное место, поверх всей поклажи, разумеется, не столько ради военной доблести, сколько для устрашения несчастных прохожих. Дорога шла полем, и, проделав не слишком трудный путь, мы добираемся до какого-то городка и останавливаемся не в гостинице, а в доме одного декуриона. Сейчас же меня солдат сдал на руки какому-то слуге, а сам поспешно отправился к своему начальнику, у которого под командой находилась тысяча вооруженных воинов.

2. Post dies plusculos ibidem dissignatum scelestum ac nefarium facinus memini, sed ut vos etiam legatis, ad librum profero. Dominus aedium habebat iuvenem filium prope litteratum atque ob id consequenter pietate modestia praecipuum, quem tibi quoque provenisse cuperes vel talem. Huius matre multo ante defuncta rursum matrimonium sibi reparaverat ductaque alia filium procreaverat alium, qui adaeque iam duodecimum annum aetatis supergressus erat. Sed noverca forma magis quam mortibus in domo mariti praepollens, seu naturaliter impudica seu fato ad extremum impulsa flagitium, oculos ad privignum adiecit. Iam ergo, lector optime, scito te tragoediam, non fabulam legere et a socco ad coturnum ascendere.

Sed mulier illa, quamdiu primis elementis Cupido parvulus nutriebat, imbecillis adhuc eius viribus facile ruborem tenuem deprimens silentio resistebat. At ubi completis igne vaesano totis praecordiis inmodice bacchatus Amor exaestuabat, saevienti deo iam succubuit, et languore simulato vulnus animi metitur [in] corporis valetudinem. Iam cetera salutis vultusque detrimenta et aegris et amantibus examussim convenire nemo qui nesciat: pallor deformis, marcentes oculi, lassa genua, quies turbida et suspiritus cruciatus tarditate vehementior. Crederes et illam fluctuare tantum vaporibus febrium, nisi quod et flebat. Heus medicorum ignarae mentes, quid venae pulsus, quid coloris intemperantia, quid fatigatus anhelitus et utrimquesecus iactatae crebiter laterum mutuae vicissitudines? Dii boni, quam facilis licet non artifici medico cuivis tamen docto Veneriae cupidinis comprehensio, cum videas aliquem sine corporis calore flagrantem!

2. Через несколько дней в этой местности произошло необыкновенное, ужасное и нечестивое злодеяние; оно осталось у меня в памяти, и я заношу его в книгу, чтобы и вы могли прочитать о нем. У домохозяина был молодой сын, прекрасно воспитанный, а потому чрезвычайно почтительный и скромный, так что и ты, читатель, пожелал бы иметь такого сына. Мать его уже давно умерла, и отец вновь связал себя узами брака; женившись на другой, он родил и другого сына, которому к этому времени как раз пошел тринадцатый год. Мачеха главенствовала в доме скорее вследствие своей наружности, чем в силу добрых своих правил, и вот, не то по прирожденному бесстыдству, не то судьбою побуждаемая к неслыханному сраму, обратила она свои очи на пасынка. Но знай, любезный читатель, что я рассказываю тебе трагическую историю, а не побасенки, и сменим-ка поэтому комедийные башмаки на котурны[1]. Женщина эта, пока первой своей пищей питался еще крошка Купидон, могла противостоять слабым его силам, легкий огонь в молчании подавляя. Когда же неистовый Амур безмерно начал сжигать все ее внутренности, безумным пламенем их наполнив, покорилась она яростному божеству и, чтобы скрыть душевную рану, сделала вид, будто занемогла телесно. Всякому известно, что резкие перемены во внешности и состоянии здоровья у больных и влюбленных точно совпадают: мертвенная бледность, усталые глаза, слабость в коленях, тревожный сон и тяжелые вздохи, тем более мучительные, что они лишь с трудом вырываются из груди. Можно было подумать, что и этой женщине не дает покоя только горячечный жар, - если бы не ее слезы. Как невежественны врачи, не ведающие, что это значит, когда у человека

	учащенный пульс, цвет лица то и дело меняется, дыхание затруднено и больной постоянно ворочается с боку на бок, не находя себе места! Боги благие, зачем быть искусным доктором? Достаточно иметь хоть некоторое представление о любви, чтобы понять, что происходит с человеком, который пылает, не будучи в жару.
3. Ergo igitur impatientia furoris altius agitata diutinum rupit silentium at ad se vocari praecipit filium - quod nomen in eo, si posset, ne ruboris admoneretur, libenter eraderet. Nec adulescens aegrae parentis moratus imperium, senili tristitie striatam gerens frontem, cubiculum petit, uxori patris matrique fratris utcumque debitum sistens obsequium. Sed illa cruciabili silentio diutissime fatigata et ut in quodam vado dubitationis haerens omne verbum, quod praesenti sermoni putabat aptissimum, rursum improbans nutante etiam nunc pudore, unde potissimum caperet exordium, decunctatur. At iuvenis nihil etiam tunc sequius suspicatus summisso vultu rogat ultro praesentis causas aegritudinis. Tunc illa nacta solitudinis damnosam occasionem prorumpit in audaciam et ubertim adlacrimans laciniamque contegens faciem voce trepida sic eum breviter adfatur: "Causa omnis et origo praesentis doloris set etiam medela ipsa et salus unica mihi tute ipse es. Isti enim tui oculi per meos oculos ad intima delapsi praecordia meis medullis acerrimum commovent incendium. Ergo miserere tua causa pereuntis nec te religio patris omnino deterreat, cui morituram prorsus servabis uxorem. Illius enim recognoscens imaginem in tua facie merito te diligo. Habes solitudinis plenam fiduciam, habes capax necessarii facinoris otium. Nam quod nemo novit, paene non fit."	3. Наконец, доведенная невыносимою страстью до ужасного возбуждения, нарушает она молчание, что хранила до сих пор, и велит позвать к себе сына,- как бы охотно она лишила его этого имени, чтобы не приходилось краснеть, вспоминая о позоре! Молодой человек не замедлил исполнить приказание больной мачехи и, по-стариковски мрачно наморщив лоб, идет в ее спальню, оказывая должное повиновение супруге своего отца и матери своего брата. Та же, измучившись и измаявшись от долгого молчания, и теперь медлит, как бы севши на мель сомнения, и не умолкшая еще стыдливость не позволяет ей произнести ни одного слова из тех, которые она считала наиболее подходящими для начала этой речи. А юноша, все еще не подозревающий ничего дурного, потупив взор, сам почтительно осведомляется о причинах ее теперешней болезни. Тогда, воспользовавшись пагубной случайностью, оставившей их с глазу на глаз, набралась она храбрости и, заливаясь слезами, закрыв лицо полою платья, так говорит ему в кратких словах и дрожащим голосом: - Вся причина, весь источник моих теперешних страданий и в то же время лекарство и единственное мое спасение, все это - ты один! Твои глаза в мои глаза проникли до глубины души и в сердце моем жестокий пожар разожгли. Сжалься над той, что гибнет из-за тебя! Да не смущает тебя нисколько уважение к отцу - ты сохранишь ему жизнь супруги, твердо решившейся умереть. В твоих чертах его признавши образ, по праву я люблю тебя. Доверься! Мы одни, и времени для необходимого действия достаточно. Ведь того, о чем никто не знает, почти что и вовсе не существует.
4. Repentino malo perturbatus adulescens, quanquam tale facinus protinus exhorruisset, non tamen negationis intempestiva severitate putavit exasperandum, sed cautae promissionis dilatione leniendum. Ergo prolixe pollicetur et bonum caperet animum refectionique se ac saluti redderet impendio suadet, donec patris aliqua	4. Молодого человека привела в смятение неожиданная беда, но, хотя в первую минуту он пришел в ужас от такого злодейского поступка, однако решил лучше не доводить мачеху до отчаяния неуместным и суровым отказом, а образумить ее осторожным предложением отсрочки. Итак, он ласково дает

profectione liberum voluptati concederetur spatium, statimque se refert a noxio conspectu novercae. Et tam magnam domus cladem ratus indigere consilio pleniore ad quendam compertae gravitatis educatorem senem protinus refert. Nec quicquam diutina deliberatione tam salubre visum quam fuga celeri procellam fortunae saevientis evadere. Sed impatiens vel exiguae dilationis mulier ficta qualibet causa confestim marito miris persuadet artibus ad longissime dissitas festinare villulas. Quo facto maturae spei vesania praeceps promissae libidinis flagitat vadimonium. Sed iuvenis, modo istud modo aliud causae faciens, exsecrabilem frustratur eius conspectum, quoad illa, nuntiorum varietate pollicitationem sibi denegatam manifesto perspiciens, mobilitate lubrica nefarium amorem ad longe deterius transtulisset odium. Et adsumpto statim nequissimo et ad omne facinus emancipato quodam dotali servulo perfidiae suae consilia communicat; nec quicquam melius videtur quam vita miserum privare iuvenem. Ergo missus continuo furcifer venenum praesentarium comparat idque vino diligenter dilutum insontis privigni praeparat exitio.

ей обещание, но горячо уговаривает ее собраться с духом, поправиться, окрепнуть, пока какая-нибудь отлучка отца не предоставит им свободу для удовлетворения своей страсти. А сам поскорее удаляется с опасного свидания с мачехой. Считая, что такое семейное бедствие заслуживает особенно тщательного обсуждения, он немедленно направляется к своему старому воспитателю, человеку испытанному и достойному. По долгом размышлении они пришли только к тому выводу, что всего спасительнее будет для него скорее бежать от грозы, воздвигнутой жестоким роком. Но женщина, не будучи в состоянии терпеливо вынести даже малейшую отсрочку, выдумав какой-то повод, начинает с удивительным искусством уговаривать мужа немедленно отправиться в свои самые отдаленные поместья. После этого, опьяненная близившейся к осуществлению надеждой, нетерпеливо требует она, чтобы юноша явился и дал доказательства своей страсти, как обещал. Молодой человек то под тем, то под другим предлогом уклоняется от этого гнусного свидания. Тогда она из его сбивчивых ответов ясно увидела, что не получит обещанного, и со всей стремительностью непостоянства сменила преступную любовь гораздо более опасной ненавистью. Сейчас же берет она в сообщники негодного раба, что когда-то был дан за нею в приданое, готового на всякое грязное дело, и сообщает ему коварные свои планы; они не нашли ничего лучшего, как извести бедного юношу. Итак, подлец этот без промедления был послан раздобыть сильно действующего яда и, искусно подлив отраву в вино, готовит гибель невинному пасынку.

5. Ac dum de oblationis opportunitate secum noxii deliberant homines, forte fortuna puer ille iunior, proprius pessimae feminae filius, post matutinum laborem studiorum domum se recipiens, prandio iam capto sitiens repertum vini poculum, in quo venenum latebat inclusum, nescius fraudis occultae continuo perduxit haustu. Atque ubi fratri suo paratam mortem ebibit, examinis terrae procumbit, ilicoque repentina pueri pernicie paedagogus commotus ululabili clamore matrem totamque ciet familiam. Iamque cognito casu noxiae potionis varie quisque praesentium auctorem insimulabant extremi facinoris. Sed dira illa femina et malitiae novercalis exemplar unicum non acerba filii morte, non parricidii conscientia, infortunio domus, non luctu mariti vel aerumna funeris commota cladem

5. Покуда злодеи совещались, когда удобней всего поднести отраву, случилось, что младший мальчик, родной сын этой негодной женщины, вернувшись домой после утренних занятий и позавтракав уже, захотел пить; находит он бокал с вином, в котором заключен был невидимый для глаза яд, и, не подозревая о таящейся там губительной отраве, залпом его выпивает. Как только выпил он смертельного снадобья, приготовленного для брата, сейчас же бездыханным падает наземь, а дядька, пораженный внезапной смертью мальчика, принимается вопить, сзывая мать и всех домочадцев. И вот сообразили уже, что мальчик умер от яда, и каждый из присутствующих принялся строить различные догадки, кто бы мог совершить это ужасное

familiae in vindictae compendium traxit, missoque protinus cursore, qui vianti marito domus expugnationem nuntiaret, ac mox eodem ocius ab itinere regresso personata nimia temeritate insimulat privigni veneno filium suum interceptum. Et hoc quidem non adeo mentiebatur, quod iam destinatam iuveni mortem praevenisset puer, sed fratrem iuniorem fingebat ideo privigni scelere peremptum, quod eius probrosae libidini, qua se comprimere temptaverat, noluisset succumbere. Nec tam immanibus contenta mendacis addebat sibi quoque ob detectum flagitium eundem illum gladium comminari. Tunc infelix duplici filiorum morte percussum magnis aerumnarum procellis aestuat. Nam et iuniorem incoram sui funerari videbat et alterum ob incestum parricidiumque capitis scilicet nimium mentitis lamentationibus ad extremum subolis impellebatur odium.	преступление. Но жестокая эта женщина, редкий образчик коварства мачехи, не тронулась ни лютой смертью сына, ни своею нечистой совестью, ни несчастьем всего дома, ни скорбью супруга, ни хотя бы горестью похорон, а семейной бедою воспользовалась, как удобным случаем для мести. Сейчас же она посылает вестника вдогонку за мужем, который был в дороге, чтобы сообщить ему о беде, ворвавшейся в их дом, и не поспел он вернуться, как она, вооружившись беспримерной наглостью, принимается обвинять пасынка в том, что он отравил ее сына. В утверждении этом была доля правды, так как мальчик предупредил своею гибелью ту смерть, на которую был уже обречен молодой человек, но она-то уверяла, будто пасынок потому пошел на преступление и погубил младшего брата, что она не согласилась на гнусное сожительство, к которому он хотел ее принудить. Не довольствуясь такой чудовищной ложью, она добавила, что он и ей угрожает мечом за то, что она раскрыла его преступления. Несчастный муж, удрученный гибелью обоих сыновей, был подавлен тяжестью обрушившихся на него бедствий. Он видел на погребальном одре тело младшего сына и наверное знал, что смертная казнь угрожает старшему за кровосмешение и убийство. К тому же лицемерные вопли слишком уж горячо любимой супруги возбуждали в нем жесточайшую ненависть к собственному детищу.
6. Vixdum pompae funebres et sepultura filii fuerant explicatae, et statim ab ipso eius rogo senex infelix, ora sua recentibus adhuc rigans lacrimis trahensque cinere sordentem canitiem, foro se festinus immittit. Atque ibi tum fletu tum precibus genua etiam decurionum contingens nescius fraudium pessimae mulieris in exitium reliqui filii plenis operabatur affectibus: illum incestum paterno thalamo, illum parricidam fraterno exitio et in comminata novercae caede sicarium. Tanta denique miseratione tantaque indignatione curiam sed et plebem maerens inflammaverat, ut remoto iudicandi taedio et accusationis manifestis probationibus et responsionis meditatis ambagibus cuncti conclamarint lapidibus obrutum publicum malum publice vindicari. Magistratus interim metu periculi proprii, ne de parvis indignationis elementis ad exitium disciplinae civitatisque seditio procederet, partim decuriones deprecari, partim populares compescere, ut rite et more maiorum iudicio	6. Едва закончилось погребальное шествие и обряды над телом его сына, прямо от могилы мальчика несчастный старик со слезами, еще не высохшими на щеках, и посыпая седины свои пеплом, спешно направляется на городскую площадь. Не зная об обмане негодной жены своей, он плачет, молит, припадает даже к коленям декурионов, упорно и неотступно требуя осуждения оставшегося в живых сына, осквернителя отцовского ложа, убийцы собственного брата, злодея, покушавшегося на жизнь своей мачехи. В скорби своей он возбудил такое сострадание и негодование в сенате и даже в самой толпе, что все присутствовавшие высказались за то, чтобы, отбросив судейскую волокиту, пренебрегши строгими доказательствами обвинения и заранее подготовленными уловками защиты, тут же на месте всем обществом побить камнями эту общественную заразу.

reddito et utrimquesecus allegationibus examinatis civiliter sententia promeretur, nec ad instar barbaricae feritatis vel tyrannicae impotentiae damnaretur aliquis inauditus et in pace placida tam dirum saeculo proderetur exemplum.

7. Placuit salubre consilium et ilico iussus praeco pronuntiat, patres in curiam convenirent. Quibus protinus dignitatis iure consueta loca residentibus rursum praeconis vocatu primus accusator incendit. Tunc demum clamatus inducitur etiam reus, et exemplo legis Atticae Martiique iudicii causae patronis denuntiat praeco neque principia dicere neque miserationem commovere.

Haec ad istum modum gesta compluribus mutuo sermocinantibus cognovi. Quibus autem verbis accusator urserit, quibus rebus diluerit reus ac prorsus orationes altercationesque neque ipse absens apud praesepium scire neque ad vos, quae ignoravi, possim enuntiare, sed quae plane comperi, ad istas litteras proferam.

Simul enim finita est dicentium contentio, veritatem criminum fidemque probationibus certis instructi nec suspicionibus tantam coniecturam permitti placuit, atque illum potissimum servum, qui solus haec ita gesta esse scire diceretur, sisti modis omnibus oportere. Nec tantillum cruciarius ille vel fortuna tam magni indicii vel confertae conspectu curiae vel certe noxia conscientia sua deterrimus, quae ipse finxerat, quasi vera adseverare atque adserere incipit: quod se vocasset indignatus fastidio novercae iuvenis, quod, ulciscens iniuriam, filiis eius mandaverit necem, quod promisisset grande silentii praemium, quod recusanti mortem sit comminatus, quod venenum sua manu temperatum dantum fratri reddiderit, quod ac criminis probationem reservatum poculum neclexisse (se) suspicatus sua postremum manu porrexit puero.

Haec eximie nimis ad veritatis imaginem verberone illo simulata cum trepidatione proferente finitum est indicium.

Между тем власти, сообразив, какая опасность грозит им самим, если слабые искры негодования вызовут крушение общественного порядка и мятеж, к декурионам применяют меры увещевания, по отношению же к толпе - меры насильственные, для того чтобы судопроизводство происходило должным образом и по обычаям предков, чтобы приговор был вынесен юридически правильно, после того как будут выслушаны обе стороны, чтобы ни один человек не мог быть осужден невыслушанным, как в странах, где господствует варварская жестокость или тиранический произвол, и не был бы дан грядущим векам пример столь дикого явления в мирное время.

7. Благоразумное мнение одержало верх, и сейчас же было отдано приказание глашатаю, чтобы он созывал сенаторов в курию 2. Когда они по чину и по обычаю без промедления заняли свои места, снова раздается зов глашатая, и первым выступает обвинитель. Только тут вызвали и ввели обвиняемого, и, по закону Аттики и Марсова судилища[3], глашатай объявляет защитникам, чтобы они воздержались от вступлений и не взывали к милосердию. О том, как это все происходило, я узнал из многочисленных разговоров, которые вели между собою люди. Но в каких выражениях нападал обвинитель, что говорил в свое оправдание обвиняемый и вообще каковы были прения сторон, я и сам сведений не имею, так как там не присутствовал, а стоял в стойле, и вам докладывать о том, чего не знаю, не могу; что мне доподлинно известно, то и записываю сюда. После того, как кончилось судоговорение, было решено, что справедливость обвинения должна быть подтверждена надежными доказательствами и что недопустимо основывать решение такой важности на одних подозрениях: поэтому надлежит во что бы то ни стало вызвать главного свидетеля, того раба, который, по-видимому, один только и знает, как все происходило. Висельник этот нисколько не был смущен ни сомнениями в исходе такого крупного дела, ни видом сената в полном составе, ни хотя бы упреками нечистой совести, а начал плести свои выдумки, будто чистую правду. По его словам, его позвал к себе молодой человек, возмущенный неприступностью своей мачехи, и, чтобы отомстить за оскорбление, поручил ему убить ее сына, обещая щедро заплатить за молчание,

	а в случае отказа грозил смертью; что юноша передал ему собственноручно приготовленную отраву, но затем взял обратно, боясь, как бы он, не исполнив поручения, не сохранил кубок как вещественное доказательство, и сам потом дал яд мальчику. Все, что с притворной дрожью говорил этот негодяй, было удивительно похоже на истину, и после его показаний судебное разбирательство окончилось.
8. Nec quisquam decurionum tam aequus remanserat iuveni, quin eum evidenter noxae compertum insui culleo pronuntiaret. Cum iam sententiae pares, cunctorum stilis ad unum sermonem congruentibus, ex more perpetuo in urnam aeream deberent coici, quo semel conditis calculis, iam cum rei fortuna transacto, nihil postea commutari licebat, sed mancipabatur potestas capitis in manum carnificis, unus e curia senior prae ceteris compertae fidi atque auctoritatis praecipuae medicus orificium urnae manu contegens, ne quis mitteret calculum tenere, haec ad ordinem pertulit: "Quod aetatis sum, vobis adprobatum me vixisse gaudeo, nec patiar falsis criminibus petito reo manifestum homicidium perpetrari nec vos, qui vire iurando adstrictis, inductos servuli mendacio peierare. Ipse non possum calcata numinum religione conscientiam meam fallens perperam pronuntiare. Ergo, ut res est, de me cognoscite.	8. Не было никого из декурионов, кто продолжал бы относиться благожелательно к молодому человеку; было очевидно, что в преступлении он уличен и приговор ему один: быть зашитым в мешок[4]. Уже сенаторам предстояло по стародавнему обычаю опустить в бронзовую урну свои решения - все одинаковые, так как каждый написал одно и то же[5]; а раз голоса собраны, участь подсудимого решена, ничего нельзя уже изменить, и власть над его жизнью передается в руки палача. Вдруг один из старейших сенаторов, врач, человек испытанной честности, пользующийся большим влиянием, закрыл рукою отверстие урны, чтобы кто опрометчиво не подал своего мнения, и обратился к сенату с такой речью: - Гордый тем, что в течение всей своей жизни я снискивал ваше одобрение, я не могу допустить, чтобы, осудив оклеветанного подсудимого, мы совершили явное убийство и чтобы вы, связанные клятвой судить справедливо, будучи введены в обман лживым рабом, оказались клятвопреступниками. И сам я, произнеся суждение заведомо ошибочное, попрал бы свое уважение к богам и погрешил бы против моей совести. Итак, узнайте от меня, как было дело.
9. Furcifer iste, venenum praesentarium comparare sollicitus centumque aureos solidos offerens pretium, me non olim convenerat, quod aegroto cuidam dicebat necessarium, qui morbi inextricabilis veterno vehementer implicitus vitate se cruciatui subtrahere gestiret. At ego, perspiciens malum istum verberonem blaterantem atque inconcinne causificantem certusque aliquod moliri flagitium, dedi quidem potionem, dedi; sed futurae quaestioni praecavens non statim pretium, quod offerebatur, accepi, aureorum nequam vel adulter reperiatur, in hoc ipso sacculo conditos eos anulo tuo praenota, donec altera die nummulario praesente comprobentur". Sic inductus signavit pecuniam, quam exinde, ut iste repraesentatus est iudicio, iussi de meis aliquem curriculo taberna promptam adferre et en	9. Не так давно этот мерзавец пришел ко мне, чтобы купить сильнодействующего яду, и предлагал мне плату в сто полновесных золотых; объяснял он, что яд нужен для какого-то больного, изнемогающего от тяжелой и неисцелимой болезни, который хочет избавиться от мучительного существования. Болтовня этого негодяя и нескладные объяснения внушили мне подозрения, и, в полной уверенности, что замышляется какое-то преступление, я дать-то отраву дал, но, предвидя в будущем возможность допроса, предлагаемую плату не тотчас принял, а так ему сказал: - Чтобы среди тех золотых, которые ты мне предлагаешь, не оказалось случайно негодных или фальшивых, положи их в этот мешочек и

ecce perlatam coram exhibeo. Videat et suum sigillum recognoscat. Nam quem ad modum eius veneri frater insimulari potest, quod iste comparaverit?"	запечатай своим перстнем, а завтра мы их проверим в присутствии какого-нибудь менялы. Он согласился и запечатал деньги. Как только его привели в суд, я немедленно послал одного из своих слуг на лошади к себе домой за этими деньгами. Теперь их принесли, и я могу представить их вашему вниманию. Пусть он посмотрит и признает свою печать. В самом деле, каким образом можно приписывать брату приготовление отравы, которую покупал этот подлый раб?
10. Ingens exinde verberonem corripit trepidatio et in vicem humani coloris succedit pallor infernus perque universa membra frigidus sudor emanabat: tunc pedes incertis alternationibus commovere, modo hanc, modo illam capitis partem scalpere et ore semiclauso balbuttiens nescio quas afannas effutire, ut eum nemo prorsus a culpa vacuum merito crederet; sed revalescente rursus astutia constantissime negare et accersere mendacii non desinit medicum. Qui praeter iudicii religionem cum fidem suam coram lacerari videret, multiplicato studio verberonem illum contendit redarguere, donec iussu magistratuum ministeria publica contrectatis nequissimi servi manibus anulum ferreum deprehensum cum signo sacculi conferunt, quae comparatio praecedentem roboravit suspicionem. Nec rota vel eculeus more Graecorum tormentis eius apparata iam deerant, sed offirmatus mira praesumptione nullis verberibus ac ne ipso quidem succumbit igni.	10. Тут на негодяя этого нападает немалый трепет, естественный цвет лица сменяется смертельной бледностью, по всему телу выступает холодный пот, то нерешительно переступает он с ноги на ногу, то затылок, то лоб почешет, сквозь зубы бормочет какие-то непонятные слова, так что ни у кого не могло оставаться сомнения, что он причастен к преступлению; но скоро снова хитрость в нем заговорила, и он принялся упорно от всего отпираться и уверять, что показания врача ложны. Тот, видя, как попирается достоинство правосудия, да и собственная его честность всенародно пятнается, с удвоенным усердием стал опровергать мерзавца, пока наконец, по приказу властей, служители, осмотрев руки негоднейшего раба и отобрав у него железный перстень, не сличили его с печаткой на мешочке; и это сравнение укрепило прежнее подозрение. Не избежал он, по греческим обычаям, ни колеса, ни дыбы,[6] но, вооружившись небывалым упорством, выдержал все удары и даже пытку огнем.
11. Tunc medicus: "Non patiar" inquit "hercules, non patiar vel contra fas de innocente isto iuvene supplicium vos sumere vel hunc ludificato nostro iudicio poenam noxii facinoris evadere. Dabo enim rei praesenti evidens argumentum. Nam cum venenum peremptorium comparare pessimus iste gestiret nec meae sectae crederem convenire causas ulli praebere mortis nec exitio sed saluti hominum medicinam quaesitam esse didicissem, verens ne, si daturum me negassem, intempestiva repulsa viam sceleri subministrarem et ab alio quopiam exitiabilem mercatus hic potionem vel postremum gladio vel quovis telo nefas inchoatum perficeret, dedi venenum, sed somniferum, mandragoram illum gravedinis compertae famosum et morti simillimi soporis efficacem. Nec mirum desperatissimum istum latronem certum extremae poenae, quae more maiorum in eum competit, cruciatus istos ut leviores facile tolerare. Sed si vere puer meis	11. Тогда врач: - Не допущу, - говорит, - клянусь Геркулесом, не допущу, чтобы, вопреки божеским установлениям, вы подвергли наказанию этого не повинного ни в чем юношу, как и того, чтобы раб, издевавшийся над нашим судопроизводством, избегнул кары за свое гнусное преступление. Сейчас я очевидное доказательство представлю вам по поводу настоящего дела. Когда этот подлец старался купить у меня смертельного яда, я считал, что несовместимо с правилами моей профессии причинять кому бы то ни было гибель, так как твердо знаю, что медицина призвана спасать людей, а не губить их; но, боясь, в случае если я не соглашусь исполнить его просьбу, как бы несвоевременным этим отказом я не открыл путь преступлению, как бы кто другой не продал ему смертоносного напитка или сам он не прибег бы в конце концов к мечу или к

temperatam manibus sumpsit potionem, vivit et quiescit et dormit et protinus marcido sopore discusso remeabit ad diem lucidam. Quod [sive peremtus est] si morte praeventus est, quaeratis licet causas mortis eius alias."	любому другому орудию для довершения задуманного злодеяния, дать-то я дал ему снадобье, но снотворное, мандрагору 7, знаменитую своими наркотическими свойствами и вызывающую глубокий сон, подобный смерти. Нет ничего удивительного в том, что, доведенный до пределов отчаяния разбойник этот выдерживает пытки, которые представляются ему более легкими, чем неизбежная казнь, по обычаю предков ему угрожающая. Но если только мальчик выпил напиток, приготовленный моими руками, он жив, отдыхает, спит и скоро, стряхнув томное оцепенение, вернется к свету белому. Если же он погиб, если унесен смертью, причины его гибели вам следует искать в другом месте.
12. Ad istum modum seniore adorante placuit, et itur confestim magna cum festinatione ad illud sepulchrum quo corpus pueri depositum iacebat. Nemo de curia, de optimatibus nemo ac ne de ipso quidem populo quisquam, qui non illuc curiose confluxerit. Ecce pater, suis ipse manibus coperculo capuli remoto, commodum discusso mortifero sopore surgentem postliminio mortis deprehendit filium eumque complexum artissime, verbis impar praesenti gaudio, producit ad populum. Atque ut erat adhuc feralibus amiculis instrictus atque obditus deportatur ad iudicium puer. Iamque liquido servi nequissimi atque mulieris nequioris patefactis sceleribus procedit in medium nuda veritas et novercae quidem perpetuum indicitur exsilium, servus vero patibulo suffigitur et omnium consensu bono medico sinuntur aurei, opportuni somni pretium. Et illius quidem senis famosa atque fabulosa fortuna providentiae divinae condignum accepit exitum, qui momento modico immo puncto exiguo post orbitatis periculum adulescentium duorum pater repente factus est.	12. Всем эта речь старца показалась очень убедительной, и тут же с великой поспешностью отправляются к усыпальнице, где положено было тело отрока; не было ни одного человека из сенаторов, ни одного из знати, ни одного даже из простого народа, кто с любопытством не устремился бы к тому месту. Вот отец собственноручно открывает крышку гроба как раз в ту минуту, когда сын, стряхнув с себя смертельное оцепенение, возвращается из царства мертвых; крепко обнимая мальчика и не находя слов, достойных такой радости, отец выводит его к согражданам. Как был отрок еще увит и обмотан погребальными пеленами, так и несут его в судилище. Преступление гнуснейшего раба и еще более гнусной женщины было ясно изобличено, истина во всей наготе своей предстает, и мачеху осуждают на вечное изгнание, а раба пригвождают к кресту. Деньги же по единодушному решению остаются у доброго врача (как плата за столь уместное снотворное снадобье. Такой-то конец обрела эта знаменитая, чудесная история старика, который в малый промежуток времени, чуть ли даже не в один краткий миг, испытав опасность остаться бездетным, неожиданно оказался отцом двух юношей.
13. At ego tunc temporis talibus fatorum fluctibus volutabar. Miles ille, qui me nullo vendente comparaverat et sine pretio suum fecerat, tribuni sui praecepto debitum sustinens obsequium, litteras ad magnum scriptas principem Romam versus perlaturus, vicinis me quibusdam duobus servis fratribus undecim denariis vendidit. Hic erat dives admodum dominus. At illorum alter pistor dulciarius, qui panes et mellita concinnabat edulia, alter cocus,	13. А меня меж тем вот как бросали волны судьбы. Солдат тот, что, не спросив продавца, меня купил и без всякой платы присвоил, по приказу своего трибуна, исполняя долг службы, должен был отвезти письма к важному начальнику в Рим и продал меня за одиннадцать денариев соседям, каким-то двум братьям, находившимся в рабстве у очень богатого господина. Один из них был кондитером, выпекавшим хлеб разных сортов и

qui sapidissimis intrimentis sucuum pulmenta condita vapore mollibat. Unico illi contubernio communem vitam sustinebant meque ad vasa illa compluria gestanda praestinarant, quae domini religiones plusculas pererrantis variis usibus erant necessaria. Adsciscor itaque inter duos illos fratres tertius contubernalis, haud ullo tempore tam benivolam fortunam expertus. Nam vespera post opiparas cenas earumque splendidissimo apparatus multas numero partes in cellulam suam mei solebant reportare domini: ille porcorum, pullorum, piscium et cuiusce modi pulmentorum largissima reliquias, hic panes, crustula, lucunculos, hamos, lacertulos et plura scitamenta mellita. Qui cum se refecturi clausa cellula balneas petissent, oblatis ego divinitus dapibus adfatim saginabar. Nec enim tam stultus eram tamque vere asinus, ut dulcissimi illis relictis cibis cenarem asperrimum faenum.	печенья на меду; Другой - поваром, тушившим сочные мясные блюда с необыкновенно вкусными приправами. Жили они вместе, вели общее хозяйство, а меня предназначали для перевозки огромного количества посуды, которая по разным причинам была необходима их хозяину в его многочисленных путешествиях. Так что я вступил третьим в товарищество к этим двум братьям, и никогда до сих пор не была ко мне судьба так благосклонна. Хозяева мои имели обыкновение каждый вечер приносить в свою каморку множество всяких остатков от обильных и роскошно устроенных пиршеств; один приносил огромные куски свинины, курятины, рыбы и Других всевозможных кушаний того же рода; другой - хлеб, пирожки, блинчики, булочки, печенье и множество сладостей на меду. Заперев свое помещение, они отправлялись в баню освежиться, а я досыта наедался свалившимися с неба яствами, потому что я не был так уж глуп и не такой осел на самом деле, чтобы, не притронувшись к этим лакомствам, ужинать колючим сеном.
14. Et diu quidem pulcherrime mihi furatrinae procedebat artificium, quippe adhuc timide et satis parce subripienti de tam multis pauciora nec illis fraudes ullas in asino suspicantibus. At ubi fiducia latenti pleniore capta partes opimas quasque devorabam et iucundiora eligens abligurribam dulcia, suspicio non exilis fratrum pupugit animos, et quanquam de me nihil etiam tum tale crederent, tamen cotidiani damni studiose vestigabant reum. Illi vero postremo etiam mutuo sese rapinae turpissimae criminabantur, iamque curam diligentiorem at acriorem custodelam et dinumerationem adhibebant partium. Tandem denique rupta verecundia sic alter alterum compellat: "At istud iam neque aequum ac ne humanum quidem cotidie te partes electiores surripere atque iis divenditis peculium latenter augere, de reliquis aequam vindicare divisionem, Si tibi denique societas ista displicet, possumus omnia quidem cetera fratres manere, ab isto tamen nexu communionis discidere. Nam videro in immensum damni procedentem querelam nutrire nobis immanem discordiam." Subicit alvis: "Laudo istam tuam mehercules et ipse constantiam, quod cotidie furatis clanculo partibus praevenisti querimoniam, quam diutissime sustinens tacitus ingemescebam, ne viderer rapinae sordidae meum fratrem arguere. Sed bene, quod utrimquesecus sermone prolato	14. Долгое время эти воровские проделки мне отлично удавались, так как я брал еще довольно робко и притом незначительную часть из многочисленных запасов, да и хозяева никак не могли заподозрить осла в таких поступках. Но вот, твердо уверенный в невозможности разоблачения, я принялся увеличивать свою порцию, выбирать все самое лучшее, пожирая кусочки пожирнее и лакомясь сладостями, так что братьев стало тревожить сильное подозрение, и хотя им все еще в голову не приходило, чтобы я был способен на что-либо подобное, тем не менее они старались выследить виновника ежедневных пропаж. Наконец они стали обвинять один другого в гнусном воровстве, усилили слежку, удвоили бдительность и даже пересчитывали куски. В конце концов один из них перестал стесняться и говорит другому: - С твоей стороны это очень справедливо и человеколюбиво так поступать - лучшие части каждый день красть и, продавши их, втихомолку денежки прикапливать, а потом требовать, чтобы остаток поровну делили. Если тебе не нравится вести общее хозяйство, можно в этом пункте разделиться, а в остальном сохранить братские отношения. Потому что, как посмотрю я, если мы чересчур долго так будем дуться друг на друга из-за пропаж, то можем и совсем поссориться.

iacturae remedium quaeritur, ne silentio procedens simultas Eteocleas nobis contentiones pariat."	Другой отвечает: - Клянусь Геркулесом, мне нравится такая наглость: ты у меня изо рта выхватил эти жалобы на ежедневные покражи; хоть я и был огорчен, но молчал все это время, потому что мне стыдно было обвинять родного брата в мелком воровстве. Отлично, оба мы высказались, теперь нужно искать, как помочь беде, чтобы наша безмолвная вражда не довела нас до боев Этеокла с Полиником 8.
15. His et similibus altercati conviciis deierantur utrique nullam se prorsus fraudem, nullam denique subreptionem factitasse, sed plane debere cunctis artibus communis dispendii latronem inquiri; nam neque asinum, qui solus interesset, talibus cibis adfici posse, et tamen cotidie partis electiles comparere nusquam, nec utique cellulam suam tam immanes involare muscas, ut olim Harpyiae fuere, quae diripiebant Phineias dapes. Interea liberalibus cenis inescatus et humanis adfatim cibis saginatus corpus obesa pinguitie compleveram, corium arvina suculenta molliveram, pilum liberali nitore nutriverat. Sed iste corporis mei decor pudori peperit grande dedecus. Insolita namque tergoris vastitate commoti, faenum prorsus intactum cotidie remanere cernentes, iam totis ad me dirigunt animos. Et hora consueta velut balneas petituri clausis ex more foribus per quandam modicam cavernam rimantur me passim expositis epulis inhaerentem. Nec ulla cura iam damni sui habita mirati monstruosas asini delicias risu maximo dirumpuntur vocatoque uno et altero ac dein pluribus conservis gulam. Tantum denique ac tam liberatis cachinnus cunctos invaserat, ut ad aures quoque praetereuntis perveniret domini.	15. Обменявшись такими упреками, оба клятвенно заявили, что не совершали никакого обмана, никакой кражи, и решили соединенными усилиями найти разбойника, причиняющего им убытки; казалось невозможным, чтобы осел, который один только оставался дома, мог питаться такими кушаньями, или чтобы в каморку их залетали мухи величиною с гарпий, похищавших некогда яства Финея[9], а между тем лучшие части не переставали ежедневно пропадать. Тем временем, вдоволь вкушая от щедрых трапез и досыта наедаясь людскими кушаньями, я достиг того, что тело мое раздобрело, кожа от жира стала мягкой, шерсть благородно залоснилась. Но подобное улучшение моей внешности сослужило плохую службу моему честному имени. Обратив внимание на необыкновенную ширину моей спины и замечая, что сено каждый день остается нетронутым, они стали неусыпно за мною следить. В обычное время они заперли, как всегда, двери и сделали вид, будто идут в бани, сами же через какую-то маленькую дырочку принялись наблюдать, и, увидя, как я набросился на стоявшие повсюду кушанья, они, забыв о своих убытках, в удивлении от ослиного чревоугодия, разразились громким смехом. Зовут одного, другого, наконец собрали целую толпу товарищей-рабов полюбоваться неслыханной прожорливостью бессмысленного вьючного скота. Такой на всех напал неудержимый хохот, что он достиг даже ушей проходившего невдалеке хозяина.
16. Sciscitatus denique, quid bonum rideret familia, cognito quod res erat, ipse quoque per idem prospiciens forarem delectatur eximie; ac dehinc risu ipse quoque latissimo adusque intestinorum dolorem redactum, iam patefacto cubiculo proxime consistens coram arbitratur. Nam et ego tandem ex aliqua parte mollius mihi renidentis fortunae contemplatum faciem, gaudio praesentium fiduciam mihi subministrante, nec tantillum commotus securus esitabam, quoad	16. Заинтересовавшись, над чем это смеется челядь, и узнав, в чем дело, он и сам, взглянув в ту же дырку, получил немалое удовольствие, и сам смеялся до того долго, что у него нутро заболело, а потом, открывши дверь, вошел в комнату, чтобы поближе посмотреть. Я же, видя, что судьба в какой-то мере улыбается мне ласковее, чем прежде, - веселое настроение окружающих внушало мне доверие, - нисколечко не смутившись, преспокойно

novitate spectaculi laetus dominus aedium duci me iussit, immo vero suis etiam ipse manibus ad triclinium perduxit mensaque posita omne genus edulium solidorum et inlibata fercula iussit adponi. At ergo quanquam iam bellule suffarcinatus, gratiosum commendatioremque me tamen ei fare cupiens esurienter exhibitas escas adpetebam. Nam et quid potissimum abhorreret asino excogitantes scrupulose ad explorandam mansuetudinem id offerebant mihi, carnes lasere infectas, altilia pipere inspersa, pisces exotico iure perfusos. Interim convivium summo risu personabat. Quidam denique praesentes scurrula: "Date? inquit "sodali huic quippiam meri."

Quod dictum dominus secutus: "Non adeo" respondit "absurde iocatus es, furcifer; valde enim fleri potest, ut contubernalis noster poculum quoque mulsi libenter adpetat." Et "heus", ait " puer, lautum diligenter ecce illum aureum cantharum mulso contempera et offer parasito meo; simul, quod ei praebiberim, commoneto."

Ingens exin oborta est epulonum exspectatio. Nec ulla tamen ego ratione conterritus, otiose ac satis genialiter contorta in modum linguae postrema labia grandissimum illum calicem uno haustum perduxi. Et clamor exsurgit consola voce cunctorum salute me prosequentium.

продолжал есть, пока хозяин, развеселившись от такого небывалого зрелища, не отдал приказ вести меня в дом, больше того - собственноручно ввел меня в столовую и, когда стол был накрыт, велел поставить передо мной целые блюда всевозможных кушаний, к которым никто еще не прикасался. Хоть я уже порядочно подзакусил, но, желая заслужить его внимание и расположение, с жадностью набрасываюсь на поданную еду. Тогда начинают ломать голову, придумывая, какие блюда меньше всего могут быть по вкусу ослу, и для испытания, насколько я послушен и кроток, предлагают мне мяса с пряностями, наперченную птицу, изысканно приготовленную рыбу. По всему залу раздается оглушительный хохот. Наконец какой-то шутник кричит:
- Дайте же нашему сотрапезнику выпить чего-нибудь! Хозяин поддерживает:
- Шутка не так глупа, мошенник. Очень может статься, что гость наш не откажется осушить чашу вина на меду. - Затем: - Эй, малый! - продолжает, - вымой хорошенько этот золотой бокал, наполни его медовым вином и поднеси моему нахлебнику; да передай заодно, что я первым выпил за его здоровье. Ожидание сотрапезников дошло до крайнего напряжения. Я же, нисколько не испугавшись, спокойно и даже довольно весело подобрал нижнюю губу, сложив ее наподобие языка, и одним духом осушил огромную чашу. Поднимается крик, и все в один голос желают мне доброго здоровья.

17. Magno denique delibutus gaudio dominus, vocatis servis suis, emptoribus meis, iubet quadruplum restitui pretium meque cuidam acceptissimo liberto suo et satis peculiato magnam praefatus diligentiam tradidit. Qui me satis humane satisque comiter nutriebat et, quo se patrono commendationem faceret, studiosissime voluptates eius per meas argutias instruebat. Et primum me quidem mensam accumbere suffixo cubito, dein adluctari et etiam saltares sublatis primoribus pedibus perdocuit, quodque esset adprime mirabile, verbis nutum commodare, ut quod nollem relato, quod vellem deiecto capite monstrarem, sitiensque pocillatore respecto, ciliis alterna conivens, bibere flagitarem. Atque haec omnia perfacile oboediebam, quae nullo etiam monstrante scilicet facerem. Sed verebar ne, si forte sine magistro humano ritu ederem pleraque, rati saevum praesagium portendere, velet monstrum ostentumque me

17. Хозяин остался очень доволен, позвал своих рабов, купивших меня, и, приказав заплатить им вчетверо, передал меня любимому своему вольноотпущеннику, человеку зажиточному, и поручил ему с большим вниманием ухаживать за мною. Тот обращался со мной довольно ласково, кормил свойственной людям пищей и, чтобы еще больше угодить патрону, с чрезвычайной старательностью обучал меня разным хитрым штукам, приводившим хозяина в восторг. Прежде всего - лежать за столом, опершись на локоть, затем бороться и даже танцевать, встав на задние ноги, наконец, что было всего удивительнее, отвечать кивками на вопросы, наклоняя голову вперед в случае моего желания, откидывая ее назад в противном случае; если же мне хотелось пить, я смотрел на виночерпия и, подмигивая ему то одним, то другим глазом, требовал чашу. Конечно,

obtruncatum vulturiis opimum pabulum redderent. Iamque rumor publice crebruerat, quo conspectum atque famigerabilem meis miris artibus affeceram dominum: hic est, qui sodalem conivamque possidet asinum luctantem, asinum saltantem, asinum voces humanas intellegentem, sensum nutibus exprimentem.

научиться всему этому мне было нетрудно, даже если бы никто мне не показывал. Но я боялся, как бы в случае, если бы я без учителя усвоил себе человеческие повадки, большую часть моих поступков не сочли за дурное предзнаменование[10] и, изрубив на куски, как какое-то чудовищное знамение, не выбросили на богатую поживу ястребам. Повсюду пошла уже молва обо мне, так что мои удивительные способности приносили честь и славу моему хозяину. "Вот, - говорили про него, - владелец осла, разделяющего с ним трапезу, осла борющегося, осла танцующего, осла, понимающего человеческую речь и выражающего свои чувства знаками".

18. Sed prius est ut vobis, quod initio facere debueram, vel nunc saltem referam, vis iste vel unde fuerit: Thiasus - hoc enim nomine meus nuncupabatur dominus - oriundus patria Corintho, quod caput est totius Achaiae provinciae, ut eius prosapia atque dignitas postulabat, gradatim permensis honoribus quinquennali magistratui fuerat destinatus, et ut splendori capessendorum responderet fascium, munus gladiatorum triduani spectaculi pollicitus latius munificentiam suam porrigebat. Denique gloriae publicae studio tunc Thessaliam etiam accesserat nobilissimas feras et famosos inde gladiatores comparaturus, iamque ex arbitrio dispositis coemptisque omnibus domuitionem parabat. Spretis luculentis illis suis vehiculis ac posthabitis decoris raedarum carpentis, quae partim contecta partim revelata frustra novissimis trahebantur consequiis, equis etiam Thessalicis et aliis iumentis Gallicanis, quibus generosa suboles perhibet pretiosa dignitatem, me phaleris aureis et fucatis ephippis et purpureis tapetis et frenis argenteis et pictilibus balteis et tintinnabulis perargutis exornatum ipse residens amantissime nonnumquam commisit adfatur sermonibus atque inter alia pleraque summe se delectari profitebatur, quod haberet in me simul et convivam et vectorem.

18. Но прежде всего следует вам сообщить хоть теперь - что я должен был бы сделать вначале, - кто был мой хозяин и откуда родом. Звали его Тиазом, и род свой он вел из Коринфа, столицы всей Ахайской провинции; соответственно своему происхождению и высокому положению он переходил от должности к должности и, наконец, облечен был магистратурой на пятилетие и для достойного принятия столь блестящей должности обещал устроить трехдневные гладиаторские игры, собираясь особенно широко проявить свою щедрость. Заботясь о своей славе и популярности, он отправился в Фессалию закупить самых лучших зверей и знаменитых гладиаторов, и теперь, выбравши все по своему вкусу и расплатившись, собирался в обратный путь. Он не воспользовался роскошными своими колесницами, пренебрег красивыми повозками, открытыми и закрытыми, которые тащились в самом конце обоза пустыми, не захотел он даже ехать на фессалийских лошадях и на других своих верховых конях - галльских скакунах, благородное потомство которых ценится так высоко, а украсив меня золотыми фалерами, цветным чепраком, попоной пурпуровой, уздечкой серебряной, подпругой вышитой и звонкими бубенчиками, сел на меня, любезнейшим образом ласково приговаривая, что больше всего доставляет ему удовольствия то обстоятельство, что я могу и везти его, и трапезу с ним разделять.

19. At ubi partim terrestri partim maritimo itinere confecto Corinthum accessimus, magnae civium turbae confluebant, ut mihi videbatur, non tantum Thiasi studentes honori quam mei conspectus cupientes. Nam tanta etiam ibidem de me fama pervaserat, ut non mediocri questui

19. Когда, совершив путь частью по суше, частью по морю, прибыли мы в Коринф, то большие толпы граждан начали стекаться не столько, как мне казалось, для того, чтобы оказать почтение Тиазу, сколько из желания посмотреть на меня. Да, потому что вплоть до

praeposito illo meo fuerim. Qui cum multos videret nimio favore lusus meos spectare gestientes, obserata fore atque singulis eorum sorsus admissis, stipes acceptans non parvas summulas diurnas corradere consuerat. Fuit in illo conventiculo matrona quaedam pollens et opulens. Quae more ceterorum visum meum mercata ac dehinc multiformibus ludicris delectata per admirationem adsiduam paulatim in admirabilem mei cupidinem incidit; nec ullam vaesanae libidini medelam capiens ad instar asinariae Pasiphaae complexus meos ardenter exspectabat, grandi denique praemio cum altore depecta est noctis unius concubitum; at ille nequaquam <anxius, ecquid> posset de me suave provenire, lucro suo tantum contentus, adnuit.	этих мест такая громкая обо мне распространилась молва, что я оказался для своего надсмотрщика источником немалого дохода. Как только он заметил, что множество людей с большим жаром желает полюбоваться на мои штучки, сейчас же двери на запор и впускал их поодиночке за плату, ежедневно загребая хорошенькую сумму. Случилось, что в толпе любопытных была одна знатная и богатая матрона. Заплатив, как и прочие, за вход и налюбовавшись на всевозможные мои проказы, она постепенно от изумления перешла к необыкновенному вожделению и, ни в чем не находя исцеления своему недугу безумному, страстно желала моих объятий, как ослиная Пасифая[11]. За крупное вознаграждение она сговорилась с моим сторожем и получила разрешение провести со мною одну ночь. Тот, нисколько не заботясь о том, какое такое удовольствие может она от меня получить, и думая только о своем барыше, согласился.
20. Iam demique cenati a triclinio domini decesseramus et iam dudum praestolantem cubiculo meo matronam offendimus. Dii boni, qualis ille quamque praeclarus apparatus! Quattuor eunuchi confestim pulvillis compluribus ventose tumentibus pluma delicata terrestrem nobis cubitum praestruunt, sed et strangula veste auro ac murice Tyrio depicta probe consternunt ac desuper brevibus admodum, sed satis copiosis pulvillis aliis nimis modicis, quis maxillas et cervices delicatae mulieres suffulcire consuerunt, superstruunt. Nec dominae voluptates diutina sua praesentia morati, clavis foribus facessunt. At intus cerei praeclara micantes luce nocturnas nobis tenebras inalbabant.	20. Отобедавши, мы перешли из хозяйской столовой в мое помещение, где застали уже давно дожидавшуюся меня матрону. Боги благие, как чудны, как прекрасны были приготовления! Немедленно четверо евнухов для нашего ложа по полу раскладывают множество небольших пышно взбитых подушечек из нежного пуха, тщательно расстилают покрывало золотое, разукрашенное тирским пурпуром, а поверх него разбрасывают другие подушечки, очень маленькие, но в огромном количестве и необыкновенно мягкие, те, что неженки-женщины любят подкладывать себе под щеку и под затылок. Не желая долгим своим пребыванием задерживать час наслаждения госпожи, они запирают двери в комнату и удаляются. Внутри же ясный свет блестящих свечей разгонял для нас ночной мрак.
21. Tunc ipsa cuncto prorsus spoliata tegmine, taenia quoque, qua decoras devinxerat papillas, lumen propter adsistens, de stagneo vasculo multo sese perungit oleo balsamino meque indidem largissime perfricat, sed multo tanta impensius (cura) etiam nares perfundit meas. Tunc exosculata pressule, non qualia in lupanari solent basiola vel meretricum poscinummia vel adventorum negantinummia, sed pura atque sincera instruit et blandissimos adfatus: "Amo" et "Cupio" et "Te solum diligo" et "Sine te iam vivere nequeo" et cetera, quis mulieres et alios inducunt et suas testantur adfectationes, capistroque me	21. Тогда она, сбросив все одежды, распустив даже ленту, что поддерживала прекрасные груди, становится поближе к свету и из оловянной баночки обильно натирается благовонным маслом, потом и меня оттуда же щедро умастила по всем местам, даже ноздри мои натерла. Тут крепко меня поцеловала, не так, как в публичном доме обычно целуется корыстная девка со скупым гостем, но от чистого сердца, сладко приговаривая: "Люблю, хочу, один ты мил мне, без тебя жить не могу", - и прочее, чем женщины выражают свои чувства и в других возбуждают страсть. Затем,

prehensum more, quo didiceram, reclinat facile, quippe cum nil novi nihilque difficile facturus mihi viderer, praesertim post tantum temporis tam formosae mulieris cupiens amplexus obiturus; nam et vino pulcherrimo atque copioso memet madefeceram et ungento flagrantissimo prolubium libidinis suscitaram.	взяв меня за узду, без труда заставляет лечь, как я уже был приучен: я не думал, что мне придется делать что-либо трудное или непривычное, тем более при встрече, после столь долгого воздержания, с такой красивой и жаждущей любви женщиной. К тому же и чудеснейшее вино, выпитое в огромном количестве, ударило мне в голову и возбуждала сладострастие пламенная мазь.
22. Sed angebar plane non exili metu reputans, quem ad modum tantis tamque magis cruribus possem delicatam matronam inscendere vel tam lucida tamque tenera et lacte ac melle confecta membra duris ungulis complecti labiasque modicas ambroseo rore purpurantes tam amplo ore tamque enormi et saxeis dentibus deformi saviari, novissime quo pacto, quanquam ex unguiculis perpruriscens, mulier tam vastum genitale suscipet: heu me, qui dirrupta nobili femina bestiis obiectus munus instructurus sim mei domini! Molles interdum voculas et adsidua savia et dulces gannitus commorsicantibus oculis iterabat illa, et in summa: "Teneo te" inquit "teneo, meum palumbulum, meum passerem" et cum dicto vanas fuisse cogitationes meas ineptumque monstrat metus. Artissime namque complexa totum me prorsus, sed totum recepit. Illa vero quotiens ei parcens nates recellebam, accendes toties nisu rabido et spinam prehendes meam adplicitiore nexu inhaerebat, ut hercules etiam deesse mihi aliquid ad supplendam eius libidinem crederem, nec Minotauri matrem frustra delectatam putarem adultero mugiente. Iamque operosa et pervigili nocte transacta, vitata lucis conscientia facessit mulier condicto pari noctis futurae pretio.	22. Но на меня напал немалый страх при мысли, каким образом с такими огромными и грубыми ножищами я могу взобраться на нежную матрону, как заключу своими копытами в объятия столь белоснежное и хрупкое тело, сотворенное как бы из молока и меда, как маленькие губки, розовеющие душистой росой, буду целовать я огромным ртом и безобразными, как камни, зубами и, наконец, каким манером женщина, как бы ни сжигало до мозга костей ее любострастие, может принять детородный орган таких размеров. Горе мне! придется, видно, за увечье, причиненное благородной гражданке, быть мне отданным на растерзание диким зверям и, таким образом, участвовать в празднике моего хозяина. Меж тем она снова осыпает меня ласкательными Именами, беспрерывно целует, нежно щебечет, пожирая меня взорами, и заключает все восклицанием: "Держу тебя, держу тебя, мой голубок, мой воробышек". И с этими словами доказывает мне, как несостоятельны были мои рассуждения и страх нелеп. Тесно прижавшись ко мне, она всего меня, всего без остатка приняла. И даже когда, щадя ее, я отстранялся слегка, она в неистовом порыве всякий раз сама ко мне приближалась и, обхватив мою спину, теснее сплеталась, так что, клянусь Геркулесом, мне начало казаться, что у меня чего-то не хватает для удовлетворения ее страсти, и мне стало понятным, что не зря сходилась с мычащим любовником мать Минотавра. Так всю ночь, без сна провели мы в трудах, а на рассвете, избегая взоров зари, удалилась женщина, сговорившись по такой же цене о следующей ночи.
23. Nec gravate magister meus voluptates ex eius arbitrio largiebatur partim mercedes amplissimas acceptando, raptim novum spectaculum domino praeparando. Incunctanter ei denique libidinis nostrae totam detegit scaenam. At ille liberto magnifice munerato destinat me spectaculo publico. Et quoniam neque egregia illa uxor mea propter dignitatem neque prorsus ulla alis inveniri potuerat grandi praemio, quae	23. Воспитатель мой, ничего не имея против ее желания продолжить эти любострастные занятия - отчасти из-за большого барыша, который он получал с них, отчасти из желания приготовить своему хозяину новое зрелище,незамедлительно раскрывает перед ним во всех подробностях картину нашей любви. А тот, щедро наградив вольноотпущенника, предназначает меня для

mecum incoram publicans pudicitiam populi caveam frequentaret. Eius poenae talem cognoveram fabulam. Maritum habuit, cuius pater peregre proficiscens mandavit uxoris suae, matri eiusdem iuvenis - quod enim sarcina praegnationis oneratam eam relinquebat - ut, si sexus sequioris edidisset fetum, protinus quo esset editum necaretur. At illa, per absentiam mariti nata puella, insita matribus pietate praeventa descivit ab obsequio mariti eamque prodidit vicinis alumnandam, regressoque iam marito natam necatamque nuntiavit. Sed ubi flos aetatis nuptialem virgini diem flagitabat nec ignaro marito dotare filiam pro natalibus quibat, quod solum potuit, filio suo tacitum secreto aperuit. Nam et oppido verebatur ne quos casu, caloris iuvenalis impetu lapsus, nescius nesciam sororem incurreret. Sed pietatis spectatae iuvenis et matris obsequium et sororis officium religiose dispensat et arcanis domus venerabilis silentii custodiae traditis, plebeiam facie tenus praetendes humanitatem, sic necessarium sanguinis sui munus adgreditur ut desolatam domus suae tutela receptaret ac mox artissimo multumque sibi dilecto contubernali, largius de proprio dotem, liberalissime traderet.	публичного представления. Но так как достоинство моей замечательной супруги не позволяло ей принимать в нем участие, а другой ни за какие деньги найти нельзя было, отыскали какую-то жалкую преступницу, осужденную по приговору наместника на съедение зверям, которая и должна была вместе со мной появиться в театре на глазах у всех зрителей. Я узнал, что проступок ее заключался в следующем. Был у нее муж, отец которого, некогда отправляясь в путешествие и оставляя жену свою, мать этого молодого человека, беременной, велел ей, в случае если она разрешится ребенком женского пола, приплод этот немедленно уничтожить. Родив в отсутствие мужа девочку, движимая естественным материнским чувством, она преступила наказ мужа и отдала ребенка соседям на воспитание; когда же муж вернулся, она сообщила ему, что дочь убита. Но вот девушка достигает цветущего возраста, когда нужно ее выдавать замуж; тут мать, понимая, что ни о чем не подозревающий муж не может дать приданого, которое соответствовало бы их происхождению, ничего другого не находит, как открыть эту тайну своему сыну. К тому же она сильно опасалась, как бы случайно, исполненный юношеского жара, не совершил он ошибки и, при обоюдном неведении, не стал бы бегать за собственной сестрой. Юноша, как примерный, почтительный сын, свято чтит и долг повиновения матери, и обязанности брата по отношению к сестре. Достойным образом сохраняя семейную тайну, делая вид, что одушевлен лишь обыкновенным милосердием, выполняет он непреложные обязательства кровного родства, приняв под свою защиту соседку, горькую сиротку, и в скором времени выдает ее замуж за своего ближайшего и любимого друга, наделив щедрым приданым из собственных средств.
24. Sed haec bene atque optime plenaque cum sanctimonia disposita feralem Fortunae nutum latere non potuerunt, cuius instinctu domum iuvenis protinus se direxit saeva Rivalitas. Et illico haec eadem uxor eius, quae nunc bestiis propter haec ipsa fuerat addicta, coepit puellam velut aemulam tori succubamque primo suspicari, dehinc detestari, dehinc crudelissimis laqueis mortis insidiari, Tali denique comminiscitur facinus. Anulo mariti surrepto rus profecta mittit quendam servulum sibi quidem fidelem, sed de	24. Но все это прекрасное и превосходное дело, выполненное с полной богобоязненностью, не укрылось от зловещей воли судьбы, по наущению которой вскоре в дом юноши вошел дикий Раздор. Через некоторое время жена его, та, что теперь за это самое преступление осуждена на съедение дикими зверями, принялась сначала подозревать девушку как свою соперницу и наложницу мужа, потом возненавидела и, наконец, готовит ей гибель, прибегнув к самым ужасным козням. Вот какое придумывает она

ipsa Fide pessime merentem, qui puellae nuntiaret quod eam iuvenis profectus ad villulam vocarent ad sese, addito ut sola et sine ullo comite quam maturissime perveniret. Et ne qua forte nasceretur veniendi cunctatio, tradit anulum marito subtractum, qui monstratus fidem verbis adstipularetur. At illa mandatu fratris obsequens - hoc enim nomen sola sciebat - respecto etiam signo eius, quod offerebatur, naviter, ut praeceptum fuerat, incomitata festinabat. Sed ubi fraudis extremae lapsa decipulo laqueos insidiarum accessit, tunc illa uxor egregia sororem mariti libidinosae furiae stimulis efferata primum quidem nudam flagris ultime verberat, dehinc quod res erat, clamantem quodque frustra paelicatus indignatione bulliret fratrisque nomen saepius iterantem velut mentitam atque cuncta fingentem titione candenti inter media femina detruso crudelissimae necavit.	злодейство. Стащив у мужа перстень и уехав за город, она посылает одного раба, верного своего слугу и уже в силу самой верности готового на все худшее, чтобы он известил молодую женщину, будто юноша, уехав в усадьбу, зовет ее к себе, прибавив, что пусть она приходит одна, без спутников и как можно скорее. И для подтверждения этих слов, чтобы она явилась тут же, без всякой задержки, передает перстень, похищенный у мужа. Та, послушная наказу брата - она одна только знала, что может называть его этим именем, - и взглянув также на его печать, которая ей была показана, сразу же пускается в дорогу, согласно приказу без всяких провожатых. Но, подло обманутая, не заметила она ловушки и попалась в сети коварства; тут почтенная эта супруга, охваченная бешеной и разнузданной ревностью, прежде всего обнажает сестру своего мужа и зверски ее бичует, затем, когда та с воплями объясняет, как обстоит дело, и, без конца повторяя имя брата, уверяет, что золовка негодует и кипятится из-за мнимого прелюбодеяния, - эта женщина, не веря ни одному ее слову и считая все выдумкой, всунув несчастной между бедер горящую головню, мучительной предает ее смерти.
25. Tunc acerbae mortis exciti nuntiis frater et maritus accurrunt variisque lamentationibus defletam puellam tradunt sepulturae. Nec iuvenis sororis suae mortem tam miseram et qua minime par erat inlatam aequo quivit animo, sed medullitus dolore commotus acerrimaeque bilis noxio furore perfusus exin flagrantissimi febribus ardebat, ut ipsi quoque iam medela videretur esse necessaria. Sed uxor, quam iam pridem nomen uxoris cum fide perdiderat, medicum convenit quendam notae perfidiae, qui iam multarum palmarum spectatus proeliis magna dexterae suae tropaea numerabat, eique protinus quinquaginta promittit sestertia, ut ille quidem momentarium venenum venderet, ipsa autem emeret mortem mariti sui. Quo compecto simulatur necessaria praecordiis leniendis bilive subtrahendae illa praenobilis potio, quam sacram doctiores nominant, sed in eius vicem subditur alia Proserpinae sacra Saluti. Iamque praesente familia et nonnullis amicis et adfinibus aegroto medicus poculum probe temperatum manu sua porrigebat.	25. Узнав от вестников об этой ужасной смерти, прибегают брат и муж умершей и, оплакав ее, с горькими рыданиями тело молодой женщины предают погребению. Но молодой человек не мог спокойно перенести такой жалкой и менее всего заслуженной гибели своей сестры; до мозга костей потрясенный горем, он тяжело заболевает разлитием желчи, горит в жестокой лихорадке, так что сам по всем признакам нуждается в помощи. Супруга же его, давно уже, если судить по справедливости, утратившая право на это название, сговаривается с одним лекарем, известным своим вероломством, который уже стяжал себе славу многочисленными победами в смертельных боях и мог бы составить длинный список своих жертв, сулит ему сразу пятьдесят тысяч сестерциев, с тем чтобы он продал ей какого-нибудь быстродействующего яда, и сама покупает смерть для своего мужа. Столковавшись, они делают вид, будто приготовляют известное питье для облегчения боли в груди и удаления желчи, которое у людей ученых носит название "священного", но вместо него подсовывают другое - священное

разве только в глазах Прозерпины. Уже домочадцы собрались, некоторые из друзей и близких, и врач, тщательно размешав снадобье, сам протягивает чашу больному.

26. Sed audax illa mulier, ut simul et conscium sceleris amoliretur et quam desponderat pecuniam lucraretur, coram detento calice: "Non prius", inquit "medicorum optime, non prius carissimo mihi marito trades istam potionem quam de ea bonam partem hauseris ipse. Unde enim scio an noxium in eam lateat venenum? Quae res utique te tam prudentem tamque doctum virum nequaquam offendet, si religiosa uxor circa salutem mariti sollicita necessariam adfero pietatem."

Qua mira desperatione truculentae feminae repente perturbatus medicus excussusque toto consilio et ob angustiam temporis spatio cogitandi privatus, antequam trepidatione aliqua vel cunctatione ipsa daret malae conscientiae suspicionem, indidem de potione gustavit ampliter. Quam quidem secutus adulescens etiam, sumpto calice, quod offerebatur hausit. Ad istum modum praesenti transacto negotio medicus quam celerrime domum remeabat, salutifera potione pestem praecedentis veneni festinans extinguere. Nec eum obstinatione sacrilega, qua semel coeperat, truculenta mulier ungue latius a se discere passa est - "priusquam" inquit "digesta potione medicinae proventus appareat" - sed aegre precibus et ostentationibus eius multum ac diu fatigata tandem abire concessit. Interdum perniciem caenam totis visceribus furentem medullae penitus adtraxerant, multum denique saucius et gravedine somnulenta iam demersus domum pervadit aegerrime. Vixque enarratis cunctis ad uxorem mandato saltem promissam mercedem mortis geminatae deposceret, sic elisum violenter spectatissimus medicus effundit spiritum.

26. Но наглая женщина, желая и от свидетеля своего преступления освободиться, и обещанные деньги оставить при себе, видя чашу уже протянутой, говорит: - Не прежде, почтеннейший доктор, не прежде дашь ты дражайшему моему мужу это питье, чем сам отопьешь изрядную часть его. Почем я знаю, может быть, там подмешана какая-нибудь отрава? Такого мудрого и ученого мужа не может оскорбить, что я, как любящая жена, тревожась о своем супруге, проявляю должную и необходимую заботу о его спасении. Такая удивительная беззастенчивость бесчеловечной женщины была для врача неожиданностью, и он в смятении, потеряв всякое соображение и лишенный от недостатка времени возможности обдумать свои действия, боясь, что малейшая дрожь или колебание могут дать пищу подозрениям, делает большой глоток из чаши. Последовав этому убедительному примеру, молодой человек взял поднесенную ему чашу и выпил ее до дна. Видя, какой оборот принимает дело, врач как можно скорей хотел уйти домой, чтобы поспеть принять какого-нибудь противоядия и обезвредить отраву. Но бесчеловечная женщина, с нечестивым упорством стараясь довести до конца раз начатое дело, ни на шаг его от себя не отпускала. - Прежде, - говорит, - следует увидеть целебное действие этого снадобья. - Насилу уж, когда он надоел ей бесчисленными и бесконечными мольбами и просьбами, разрешила она ему уйти. Меж тем притаившаяся смерть, опаляя все внутренности, проникала все глубже и подбиралась к самому сердцу; совсем больной и уже одолеваемый тяжелой сонливостью, еле добрел он до дому. Едва поспел он обо всем рассказать жене, поручив ей, чтобы по крайней мере обещанную плату за эту двойную смерть она вытребовала, - и в жестоких страданиях испускает дух славный доктор.

27. Nec ille tamen iuvenis diutius vitam tenuerat, sed inter fictas mentitasque lacrimas uxoris pari casu mortis fuerat extinctus. Iamque eo sepulto, paucis interiectis diebus, quis feralia mortuis litantur obsequia, uxor medici pretium geminae mortis petens aderat. Sed mulier usquequaque sui similis, fidei supprimens faciem,

27. Молодой человек тоже оставался в живых не дольше и, сопровождаемый притворным и лживым плачем жены, умирает в таких же мучениях. После его похорон, выждав несколько дней, необходимых для исполнения заупокойных обрядов, является жена лекаря и требует платы за двойное убийство. Женщина

praetendes imaginem, blandicule respondit et omnia prolixe adcumulateque pollicetur et statutum praemium sine mora se reddituram constituit, modo pauxillum de ea potione largiri sibi vellet ad incepti negotii persecutionem. Quid pluribus? Laqueis fraudium pessimarum uxor inducta medici facile consentit et, quo se gratiorem locupleti feminae faceret, properiter domo petitam totam prorsus veneri pyxidem mulieri tradidit. Quae grandem scelerum nancta materiam longe lateque cruentas suas manus porrigit.

остается себе верной, попирая все законы честности и сохраняя видимость ее; она отвечает очень ласково, дает широкие и щедрые обещания, уверяет, что немедленно выплатит условленную сумму, но добавляет, что ей хотелось бы только получить еще немножко этого питья, чтобы завершить начатое дело. К чему распространяться? Жена лекаря, запутавшись в сетях подлого коварства, быстро соглашается и, желая угодить богатой женщине, поспешно отправляется домой и вскоре вручает ей всю шкатулочку с ядом. Она же, получив такое могучее средство для совершения злодеяний, далеко простирает свои кровавые руки.

28. Habebat filiam parvulam de marito, quem nuper necaverat. Huic infantulae quod leges necessariam patris successionem deferrent, sustinebat aegerrime inhiansque toto filiae patrimonio imminebat et capiti. Ergo certa defunctorum liberorum matres sceleratas hereditates excipere, talem parentem praebuit, pro tempore et uxorem medici simul et suam filiam venero eodem percutit. Sed parvulae quidem tenuem spiritum et delicata ac tenera praecordia conficit protinus viris infestum, at uxor medici, dum noxiis ambagibus pulmones eius pererrat tempestas detestabilis potionis, primum suspicata, quod res erat, mox urgente spiritu iam certo certior contendit ad ipsam praesidis domum magnoque fidem eius protestata clamore et populi concitato tumultu, utpote tam immania detectura flagitia, efficit, statim sibi simul et domus et aures praesidis patefierent. Iamque ab ipso exordio crudelissimae mulieris cunctis atrocitatibus diligenter expositis, repente mentis nubilo turbine correpta semihiantes adhuc compressit labias et, attritu dentium longo stridore reddito, ante ipso praedis pedes examinis corruit. Nec ille vir, alioquin exercitus, tam multiforme facinus excetrae venenatae dilatione languida passus marcescere confestim cubiculariis mulieris adtractis vi tormentorum veritatem eruit atque illam, minus quidem quam merebatur, sed quod dignus cruciatus alius excogitari non poterat, certe bestiis obiciendam pronuntiavit.

28. От недавно убитого ею мужа была у нее маленькая дочка. Трудно было ей переносить, что, по законам, часть состояния отца переходит к младенцу, и, позарившись на все наследство целиком, она решила посягнуть и на жизнь дочери. Будучи осведомлена, что после смерти детей им наследуют и преступные матери, эта столь же достойная родительница, сколь достойной выказала себя супругой, устраивает, не долго думая, завтрак, на который приглашает жену лекаря, и ее вместе с собственной дочкой губит одной и той же отравой. С малюткой, у которой и дыхание было слабее, и внутренности нежные и не окрепшие, смертельный яд быстро справляется, но лекарева жена, как только почувствовала, что ужасный напиток кругами расходится по легким, поднимая в них губительную бурю, сразу догадалась, в чем дело. Когда же, чуть позже, затрудненное дыхание подтвердило ее подозрение, она направляется к дому самого наместника и с громким криком, взывая к нему о защите, окруженная взволнованной толпой, обещает раскрыть ужасные преступления и добивается того, что перед нею сейчас же открываются и двери дома, и внимательный слух наместника. Она уже успела подробно с самого начала рассказать о всех жестокостях свирепейшей женщины, как вдруг в глазах у нее потемнело, полуоткрытые губы сомкнулись, издали продолжительный скрежет зубы, и она рухнула бездыханной к самым ногам наместника. Муж этот, человек бывалый, не мог допустить ни малейшей проволочки в наказании столь многочисленных злодеяний ядовитой этой ехидны; тут же, схватив прислужниц этой женщины, он пытками вырывает у них признание, и она приговаривается к

	растерзанию дикими зверями - не потому, чтобы это представлялось достаточным наказанием, а потому, что другой, более достойной ее проступков, кары он не в силах был выдумать.
29. Talis mulieris publicitus matrimonium confarreaturus ingentique angore oppido suspensus exspectabam diem muneris, saepius quidem mortem mihimet volens consciscere, priusquam scelerosae mulieris contagio macularer vel infamia publici spectaculi depudescerem. Sed privatus humana manu, privatus digitis, ungula rutunda atque mutila gladium stringere nequaquam poteram. Plane tenui specula solabar clades ultimas, quod ver in ipso ortu iam gemmulis floridis cuncta depingeret et iam purpureo nitore praeta vestiret et commodum dirrupto spineo tegmine spirantes cinnameos odores promicarent rosae, quae me priori meo Lucio redderent. Dies ecce numeri destinatus aderat. Ad conseptum caveae prosequente populo pompatico favore deducor. Ad dum ludicris scaenicorum choreis primitiae spectaculi dedicantur, tantisper ante portam constitutus pabulum laetissimi graminis, quod in ipso germinabat aditu, libens adfectabam, subinde curiosos oculos patente porta spectaculi prospectu gratissimo reficiens. Nam puelli puellaeque virenti florentes aetatula, forma conspicui veste nitidi, incessu gestuosi, Graecanicam saltaturi pyrricam dispositis ordinationibus decoros ambitus inerrabant nunc in orbem rotatum flexuosi, nunc in obliquam seriem conexi et in quadratum patorem cuneati et in catervae discidium separati. Ad ubi discursus reciproci multinodas ambages tubae terminalis cantus explicuit, aulaeo subductu et complicitis siparis scaena disponitur.	29. Будучи обречен публично сочетаться законным браком с подобной женщиной, я с огромной тревогой ожидал начала празднества, не раз испытывая желанье лучше покончить с собой, чем запятнать себя прикосновением к такой преступнице и быть выставленным на позор пред всем народом. Но, лишенный человеческих рук, лишенный пальцев, круглыми культяпками своих копыт никак не мог я обнажить меч. В пучине бедствий еще светила мне маленькая надежда, что весна, которая теперь как раз начинается, все разукрашивая цветочными бутонами, одевает уже пурпурным блеском луга, и скоро, прорвав свою покрытую шипами кору, источая благовонное дыхание, покажутся розы, которые обратят меня в прежнего Луция. Вот и наступил день, назначенный для открытия игр; меня ведут с большой торжественностью под рукоплескания толпы, следовавшей за нами, до самого цирка. В ожидании, пока кончится первый номер программы, заключавшийся в хоровой пляске, меня поставили у ограды, и я с аппетитом щипал веселую травку, росшую перед самым входом, то и дело бросая любопытные взоры в открытую дверь и наслаждаясь приятнейшим зрелищем. Юноши и девушки, блистая первым цветом молодости, прекрасные по внешности, в нарядных костюмах, с красивыми жестами двигались взад и вперед, исполняя греческий пиррический танец; то прекрасными хороводами сплетались они в полный круг, то сходились извилистой лентой, то квадратом соединялись, то группами врозь рассыпались. Но вот раздался звук трубы и положил конец этим сложным сочетаниям сближений и расхождений. Опустился главный занавес, сложены были ширмы, и сцена открывается перед глазами зрителей[12].
30. Erat mons ligneus, ad instar incliti montis illius, quem vates Homerus Idaeum cecinit, sublimi instructus fabrica, consitus virectis et vivis arboribus, summo cacumine, de manibus fabri fonti manante, fluvialis aquas eliquans. Capellae pauculae tondebant herbulas et in modum Paridis, Phrygii pastoris, barbaricis amiculis umeris defluentibus, pulchre indusiatus simulabat	30. На сцене высоким искусством художника сооружена была деревянная гора, наподобие той знаменитой Идейской горы[13], которую воспел вещий Гомер; усажена она была живыми зелеными деревьями, источник, устроенный на самой вершине руками строителя, ручьями стекал по склонам, несколько козочек щипали травку, и юноша,

magisterium. Adest luculentus puer nudus, nisi quod ephebica chlamida sinistrum tegebat umerum, flavis crinibus usquequaque conspicuus, et inter conas eius aureae pinnulae colligatione simili sociatae prominebant; quem [caduceum] et virgula Mercurium indicabat, Is saltatorie procurrens malumque bracteis inauratum dextra gerens (adulescentis), qui Paris videbatur, porrigit, qui mandaret Iuppiter nutu significans, et protinus gradum scitule referens et conspectu facessit. Insequitur puella vultu honesta in deae Iunonis speciem similis: nam et caput stringebat diadema candida, ferebat et sceptrum. Inrupit alia, quam putares Minervam, caput contecta fulgenti galea - et oleaginea corona tegebatur ipsa galea - clypeum attollens et hastam quatiens et qualis illa, cum pugnat.	одетый на фригийский манер в красивую верхнюю тунику и азиатский плащ, который складками ниспадал по его плечам, с золотой тиарой на голове изображал пастуха, присматривающего за стадом. Вот показался прекрасный отрок, на котором, кроме хламиды эфебов на левом плече, другой одежды нет, золотистые волосы всем на загляденье, и сквозь кудри пробивается у него пара совершенно одинаковых золотых крылышек; кадуцей[14] указывает на то, что это Меркурий. Он приближается, танцуя, протягивает тому, кто изображает Париса, позолоченное яблоко, которое держал в правой руке, знаками передает волю Юпитера и, изящно повернувшись, исчезает из глаз. Затем появляется девушка благородной внешности, подобная богине Юноне: и голову ее окружает светлая диадема, и скипетр она держит. Быстро входит и другая, которую можно принять за Минерву: на голове блестящий шлем, а сам шлем обвит оливковым венком, щит несет и копьем потрясает - совсем как та богиня в бою.
31. super has introcessit alia, visendo decore praepollens, gratia coloris ambrosei designans Venerem, qualis fuit Venus, cum fuit virgo, nudo et intecto corpore perfectam formositatem professa, nisi quod tenui pallio bombycino inumbrabat spectabilem pubem. Quam quidem laciniam curiosulus ventus satis amanter nunc lasciviens reflabat, ut dimota pateret flos aetatulae, nunc luxurians aspirabat, ut adhaerens pressule membrorum voluptatem graphice liniaret. Ipse autem color deae diversus in speciem, corpus candidum, quod caleo demeat, amictus caerulus, quod mari remeat. Iam singulas virgines, quae deae putabantur, (sui tutabantur) comites, Iunonem quidem Castor et Pollux, quorum capita cassides ovatae stellarum apicibus insignes contegebant, sed et isti Castores erant scaenici pueri. Haec puella varios modulos Iastia concinente tibia procedens quieta et inadfectata gesticulatione nutibus honesti pastori pollicetur, si sibi praemium decoris addixisset, sese regnum totius Asiae tributuram. At illam quam cultus armorum Minervam fecerat duo pueri muniebant, proeliaris deae comites armigeri, Terror et Metus, nudis insultantes gladiis. At pone tergum tibice Dorium canebat bellicosum et permiscens bombis gravibus tinnitus acutos in modum tubae saltationis agilis vigorem suscitabat. Haec inquieto capite et oculis in aspectum minacibus citato et intorto genere gesticulationis alacer demonstrabat Paridi, si sibi formae victoriam tradidisset, fortem	31. Вслед за ними выступает другая, блистая красотою, чудным и божественным обликом своим указуя, что она - Венера, такая Венера, какой была она еще девственной, являя совершенную прелесть тела обнаженного, непокрытого, если не считать легкой шелковой материи, скрывавшей восхитительный признак женственности. Да и этот лоскуток ветер нескромный, любовно резвяся, то приподымал, так что виден был раздвоенный цветок юности, то, дуя сильнее, плотно прижимал, отчетливо обрисовывая сладостные формы. Самые краски в облике богини были различны: тело белое - с облаков спускается, покрывало лазурное- в море возвращается. За каждой девой, изображающей богиню, идет своя свита: за Юноной - Кастор и Поллукс[15], головы которых покрыты яйцевидными шлемами, сверху украшенными звездами (но близнецы эти тоже были молодыми актерами). Под звуки различных мелодий, исполнявшихся на флейте в ионийском ладу[16], девушка приблизилась степенно и тихо и благородными жестами дала понять пастуху, что, если он присудит ей награду за красоту, она отдаст ему владычество над всей Азией. С тою же, которую воинственный наряд превратил в Минерву, была стража - двое отроков, оруженосцев войнолюбивой богини, Страх и Ужас; они пританцовывали, держа в руках обнаженные мечи. За спиною у нее - флейтист,

tropaeisque bellorum inclitum suis adminiculis futurum.	исполнявший дорийский боевой напев, и, перемежая гуденье низких звуков со свистом высоких тонов, игрой своей подражал трубе, возбуждая желание к проворной пляске. Нетерпеливо встряхивая головою, она выразительными жестами, резкими и стремительными, показала Парису, что если он сделает ее победительницей в этом состязании красавиц, то станет героем и знаменитым завоевателем.
32. Venus ecce cum magno favore caveae in ipso meditullio scaenae, circumfuso populo laetissimorum, dulce subridens constitit amoene: illos teretes et lacteos puellos diceres tu Cupidines veros de caelo vel mari commodum involasse; nam et pinnulis et sagittulis et habitu cetero formae praeclare congruebant et velut nuptialis apulas obiturae dominae coruscis praelucebant facibus. Et influunt innuptarum puellarum decorae subole, hinc Gratiae gratissimae, inde Horae pulcherrimae, quae iaculis foris serti et soluti deam suam propitiantes scitissimum construxerant chorum, dominae voluptatum veris coma blandientes. Iam tibiae multiforabiles cantus Lydios dulciter consonant. Quibus spectatorum pectora suae mulcentibus, longe suavior Venus placide commoveri cunctantique lente vestigio et leniter fluctuante spinula et sensim adnutante capite coepit incedere mollique tibiarum sono delicatis respondere gestibus et nunc mite coniventibus nunc acre comminantibus gestire pupulis et nonnumquam saltare solis oculis. haec ut primum ante iudicis conspectum facta est, nisu brachiorum polliceri videbatur, si fuisset deabus ceteris antelata, daturam se nuptam Paridi forma praecipuam suique consimilem. Tunc animo volenti Phrygius iuvenis malum, quod tenebat, aureum velut victoriae calculum puellae tradidit.	32. Но вот Венера, сопровождаемая восторженными криками толпы, окруженная роем резвящихся малюток, сладко улыбаясь, остановилась в прелестной позе по самой середине сцены; можно было подумать, что и в самом деле эти кругленькие и молочно-белые мальчуганы только что появились с неба или из моря: и крылышками, и стрелками, и вообще всем видом своим они точь-в-точь напоминали купидонов; в руках у них ярко горели факелы, словно они своей госпоже освещали дорогу на какой-нибудь свадебный пир. Стекаются тут вереницы прелестных невинных девушек, отсюда - Грации грациознейшие, оттуда - Оры красивейшие, - бросают цветы и гирлянды, в угоду богине своей сплетают хоровод милый, госпожу услад чествуя весны кудрями. Уже флейты со многими отверстиями нежно звучат напевами лидийскими. Сладко растрогались от них сердца зрителей, а Венера, несравненно сладчайшая, тихо начинает двигаться, медленно шаг задерживает, медлительно спиной поводит и мало-помалу, покачивая головою, мягким звукам флейты вторить начинает изящными жестами и поводить глазами, то томно полузакрытыми, то страстно открытыми, так что временами только одни глаза и продолжали танец. Едва лишь очутилась она перед лицом судьи, движением рук, по-видимому, обещала, что если Парис отдаст ей преимущество перед остальными богинями, то получит в жены прекрасную женщину, похожую на нее самое. Тогда фригийский юноша от всего сердца золотое яблоко, что держал в руках, как бы голосуя за ее победу, передал девушке.
33. Quid ergo miramini, vilissima capita, immo forensia pecora, immo vero togati vulturii, si totis nunc iudices sententias suas pretio nundinantur, cum rerum exordio inter deos et homines agitatum indicium corruperit gratia et originalem sententiam magni Iovis consiliis electus iudex rusticanus et opilio lucro libidinis vendiderit cum totis etiam suae stirpis exitio? Sic hercules et aliud	33. Чего же вы дивитесь, безмозглые головы, да нет! - скоты судейские, да что там! - коршуны в тогах, что теперь все судьи торгуют своими решениями, когда в начале мира в деле, возникшем между людьми и богами, замешано было лицеприятие, и самое первое решение судья, выбранный по совету великого Юпитера, человек деревенский, пастух,

sequensque iudicium inter inclito Achivorum duces celebratum, [vel] eum falsis insimulationibus eruditione doctrinaque praepollens Palamedes proditionis damnatur, virtute Martia praepotenti praefertur Ulixes modicus Aiaci maximo. Quale autem et illud iudicium apud legiferos Athenienses catos illos et omnis scientiae magistros? Nonne divinae prudentiae senex, quem sapientia praetulit cunctis mortalibus deus Delphicus, fraude et invidia nequissimae factionis circumventus velut corruptor adulescentiae, quam frenis cohercebat, herbae pestilentis suco noxio peremptus est relinquens civibus ignominiae perpetuae maculam, cum nunc etiam egregii philosophi sectam eius sanctissimam praeoptent et summo beatitudinis studio iurent in ipsius nomen? Sed nequis indignationis meae reprehendat impetum secum sic reputans: "Ecce nunc patiemur philosophantem nobis asinum?", rursus, unde decessi, revertar ad fabulam.

прельстившись наслаждениями, продал, обрекая вместе с тем весь свой род на гибель? Не иначе, Геркулесом клянусь, и впоследствии бывало: возьмите хоть знаменитое судилище, прославленных ахейских вождей[17] - тогда ли, когда они по лживым наветам обвинили в измене мудрейшего и ученейшего Паламеда[18], или когда в вопросе о воинской доблести величайшему Аяксу предпочли невзрачного Улисса[19]. А что вы скажете о том пресловутом решении, принятом законолюбивыми афинянами, людьми тонкими, наставниками во всяческом знании? Разве старец божественной мудрости[20], которого сам дельфийский бог провозгласил мудрейшим из смертных, по злобным наветам негоднейшей шайки не подвергался преследованию как развратитель юношества - того юношества, которое он удерживал от излишеств? Разве не был он погублен смертельным соком ядовитой травы, оставив несмываемое позорное пятно на своих согражданах? А ведь теперь даже самые выдающиеся философы приняли его святейшее учение и клянутся его именем в своем стремлении к высшему блаженству. Но чтобы кто-нибудь не упрекнул меня за порыв негодования, подумав: вот теперь еще философствующего осла должны мы выслушать, вернусь к тому месту рассказа, на котором мы остановились.

34. Postquam finitum est illud Paridis iudicium, Iuno quidem cum Minerva tristes et iratis similes e scaena redeunt, indignationem repulsae gestibus professae, Venus vero gaudens et hilaris laetitiam suam saltando toto cum choro professa est. Tunc de summo montis cacumine per quandam latentem fistulam in excelsum prorumpit vino crocus diluta sparsique deflens pascentis circa capellas odoro perpluit imbre, donec in meliorem maculatae speciem canitiem propriam luteo colore mutarent. Iamque tota suae fraglante cavea montem illum ligneum terrae vorago decepit.

Ecce quidam miles per mediam plateam dirigit cursum petiturus iam populo postulante illam de puplico carcere mulierem, quam dixi propter multiforme scelus bestis esse damnatam meisque praeclaris nuptiis destinatam. Et iam torus genialis scilicet noster futurus accuratissime disternebatur lectus Indica testudine perlucidus, plumea congerie tumidis, veste serica floribus. At ego praeter pudorem obeundi publice concubitus, praeter contagium scelerae pollutaeque feminae, metu iam mortis maxime cruciabar sic ipse mecum reputans, quod in amplexus Venerio

34. После того как окончился суд Париса, Юнона с Минервой, печальные и обе одинаково разгневанные, уходят со сцены, выражая жестами негодование за то, что их отвергли. Венера же, в радости и веселии, ликованье свое изображает пляской со всем хороводом. Тут через какую-то потаенную трубку с самой вершины горы в воздух ударяет струя вина, смешанного с шафраном, и, широко разлившись, орошает благовонным дождем пасущихся коз, покуда, окропив их, не превращает белую от природы шерсть в золотисто-желтую - гораздо более красивую. Когда весь театр наполнился сладким ароматом, деревянная гора провалилась сквозь землю.

Но вот какой-то солдат выбегает на улицу и направляется к городской тюрьме, чтобы от имени всего народа потребовать привести в театр ту женщину, о которой я уже рассказывал, - за многочисленные преступления осужденную на съедение зверям и предназначенную к славному со мною бракосочетанию. Начали уже тщательно

scilicet nobis cohaerentibus, quaecumque ad exitium mulieris bestia fuisset immissa, non adeo vel prudentia sollers vel artificio docta vel absistentia frugi posset provenire, ut adiacentem lateri meo laceraret mulierem, mihi vero quasi indemnato et innoxio parceret.	готовить брачное для нас ложе, индийской черепахой блистающее, груды пуховиков вздымающее, шелковыми покрывалами расцветающее. Мне же было не только стыдно при всех совершить соитие, не только противно мне было прикасаться к этой преступной и порочной женщине, но и страх смерти нестерпимо мучил меня. "А что если, - рассуждал я сам с собой, - во время наших любовных объятий выпущен будет какой-нибудь зверь из тех, на съедение которым осуждена эта преступница? Ведь нельзя рассчитывать, что зверь будет так от природы сообразителен, или так искусно выучен, или отличается такой воздержанностью и умеренностью, чтобы женщину, лежавшую рядом со мной, растерзать, а меня самого, как неосужденного и невинного, оставить нетронутым".
35. Ergo igitur non de pudore iam, sed de salute ipsa sollicitus, dum magister meus lectulos probe coaptando districtus inseruit et tota familia partim ministerio venationis occupata partim voluptario spectaculo adtonita meis cogitationibus liberum tribuebatur arbitrium, nec magnoque quisquam custodiendum tam mansuetum putabat asinum, paulatim furtivum pedem proferens portam, quae proxima est, potitus iam cursu memet celerrimo proripio Cenchreas pervado, quod oppidum audit quidem nobilissimae coloniae Corinthiensium, adluitur autem Aegaeo et Saronico mari. Inibi portus etiam tutissimum navium receptaculum magno frequentatur populo. Vitatis ergo turbulis et electo secreto litore prope ipsa fluctuum aspergines in quodam mollissimo harenae gremio lassum corpus porrectus refovero. Nam et ultimam diei metam curriculum solis deflexerat et vespertinae me quieti traditum dulcis somnus oppresserat.	35. Заботился я уже не столько о своей стыдливости, сколько о спасении жизни. Между тем наставник мой погрузился в хлопоты о том, чтобы должным образом устроить ложе, прочая челядь - кто занялся приготовлениями к охоте, кто глазел на увлекательное зрелище; мне были предоставлены все возможности осуществить свои планы: ведь никому и в голову не приходило, что за таким ручным ослом требуется присмотр. Тогда я осторожно крадусь к ближайшей двери, достигнув которой, пускаюсь во весь опор и, так промчавшись целых шесть миль, достигаю Кенхрея[21], который считается лучшей коринфской колонией и омывается Эгейским и Сароническим морями. Гавань его - одно из надежнейших пристанищ для кораблей и всегда полна народу. Но я избегаю многолюдства и, выбрав уединенное место на берегу у самой воды, усталое тело на лоне мягкого песка распростерши, силы свои подкрепляю. Колесница солнца уже обогнула последний столб на ипподроме дня[22], и в тишине вечера охватил меня сладкий сон.
LIBER DECIMUS PRIMUS	**КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ**
1. Circa primam ferme noctis vigiliam experrectus pavore subito, video praemicantis lunae candore nimio completum orbem commodum marinis emergentem fluctibus; nanctusque opacae noctis silentiosa secreta, certus etiam summatem deam praecipua maiestate pollere resque prorsus humanas ipsius regi providentia, nec tantum pecuina et ferina,	1. Около первой ночной стражи, внезапно в трепете пробудившись, вижу я необыкновенно ярко сияющий полный диск блестящей луны, как раз поднимающийся из морских волн. Невольно посвященные в немые тайны глубокой ночи, зная, что владычество верховной богини простирается особенно далеко и всем миром нашим правит ее

verum inanima etiam divino eius luminis numinisque nutu vegetari, ipsa etiam corpora terra caelo marique nunc incrementis consequenter augeri, nunc detrimentis obsequenter imminui, fato scilicet iam meis tot tantisque cladibus satiato et spem salutis, licet tardam, subministrante, augustum specimen deae praesentis statui deprecari; confestimque discussa pigra quiete <laetus et> alacer exsurgo meque protinus purificandi studio marino lavacro trado septiesque summerso fluctibus capite, quod eum numerum praecipue religionibus aptissimum divinus ille Pythagoras prodidit, [laetus et alacer] deam praepotentem lacrimoso vultu sic adprecabar:

промысел, что чудесные веления этого божественного светила приводят в движение не только домашних и диких зверей, но даже и бездушные предметы, что все тела на земле, на небе, на море, то, сообразно ее возрастанию, увеличиваются, то, соответственно ее убыванию, уменьшаются, полагая, что судьба, уже насытившись моими столь многими и столь тяжкими бедствиями, дает мне надежду на спасение, хотя и запоздалое, решил я обратиться с молитвой к царственному лику священной богини[1], пред глазами моими стоявшему. Без промедления, сбросив с себя ленивое оцепенение, я бодро вскакиваю и, желая тут же подвергнуться очищению, семикратно погружаю свою голову в морскую влагу, так как число это еще божественным Пифагором признано было наиболее подходящим для религиозных обрядов[2]. Затем, обратив к богине могущественной орошенное слезами лицо, так начинаю:

2. "Regina caeli, - sive tu Ceres alma frugum parens originalis, quae, repertu laetata filiae, vetustae glandis ferino remoto pabulo, miti commonstrato cibo nunc Eleusiniam glebam percolis, seu tu caelestis Venus, quae primis rerum exordiis sexuum diversitatem generato Amore sociasti et aeterna subole humano genere propagato nunc circumfluo Paphi sacrario coleris, seu Phoebi soror, quae partu fetarum medelis lenientibus recreato populos tantos educasti praeclarisque nunc veneraris delubris Ephesi, seu nocturnis ululatibus horrenda Proserpina triformi facie larvales impetus comprimens terraeque claustra cohibens lucos diversos inerrans vario cultu propitiaris, - ista luce feminea conlustrans cuncta moenia et udis ignibus nutriens laeta semina et solis ambagibus dispensans incerta lumina, quoquo nomine, quoquo ritu, quaqua facie te fas est invocare: tu meis iam nunc extremis aerumnis subsiste, tu fortunam collapsam adfirma, tu saevis exanclatis casibus pausam pacemque tribue; sit satis laborum, sit satis periculorum. Depelle quadripedis diram faciem, redde me conspectui meorum, redde me meo Lucio, ac si quod offensum numen inexorabili me saevitia premit, mori saltem liceat, si non licet vivere."

2. - Владычица небес[3], будь ты Церерою, благодатною матерью злаков, что, вновь дочь обретя[4], на радостях упразднила желуди - дикий древний корм, - нежную, приятную пищу людям указав, ныне в Элевсинской земле ты обитаешь; будь ты Венерою небесною, что рождением Амура в самом начале веков два различных пола соединила и, вечным плодородием человеческий род умножая, ныне на Пафосе священном[5], морем омываемом, почет получаешь; будь сестрою Феба, что с благодетельной помощью приходишь во время родов и, столько племен взрастившая, ныне в преславном эфесском святилище чтишься; будь Прозерпиною, ночными завываниями ужас наводящею[6], что триликим образом своим[7] натиск злых духов смиряешь и над подземными темницами властвуешь, по различным рощам бродишь, разные поклонения принимая; о, Прозерпина[8], женственным сиянием своим каждый дом освещающая, влажными лучами[9] питающая веселые посевы и, когда скрывается солнце, неверный свет свой нам проливающая; как бы ты ни именовалась[10], каким бы обрядом, в каком бы обличии ни надлежало чтить тебя, - в крайних моих невзгодах ныне приди мне на помощь, судьбу шаткую поддержи, прекрати жестокие беды, пошли мне отдохновение и покой; достаточно было страданий, достаточно было скитаний! Совлеки с меня образ дикий четвероногого животного, верни меня взорам моих близких, возврати меня моему Луцию! Если же гонит меня с неумолимой жестокостью

	какое-нибудь божество, оскорбленное мною, пусть мне хоть смерть дана будет, если жить не дано.
3. Ad istum modum fusis precibus et adstructis miseris lamentationibus rursus mihi marcentem animum in eodem illo cubili sopor circumfusus oppressit. Necdum satis conixeram, et ecce pelago medio venerandos diis etiam vultus attollens emergit divina facies; ac dehinc paulatim toto corpore perlucidum simulacrum excusso pelago ante me constitisse visum est. Eius mirandam speciem ad vos etiam referre conitar, si tamen mihi disserendi tribuerit facultatem paupertas oris humani vel ipsum numen eius dapsilem copiam elocutilis facundiae subministraverit. Iam primum crines uberrimi prolixique et sensim intorti per divina colla passive dispersi molliter defluebant. Corona multiformis variis floribus sublimen destrinxerat verticem, cuius media quidem super frontem plana rotunditas in modum speculi vel immo argumentum lunae candidum lumen emicabat, dextra laevaque sulcis insurgentium viperarum cohibita, spicis etiam Cerialibus desuper porrectis <conspicua. Tunica> multicolor, bysso tenui pertexta, nunc albo candore lucida, nunc croceo flore lutea, nunc roseo rubore flammida et, quae longe longeque etiam meum confutabat optutum, palla nigerrima splendescens atro nitore, quae circumcirca remeans et sub dexterum latus ad umerum laevum recurrens umbonis vicem deiecta parte laciniae multiplici contabulatione dependula ad ultimas oras nodulis fimbriarum decoriter confluctuabat.	3. Излив таким образом душу в молитве, сопровождаемой жалобными воплями, снова опускаюсь я на прежнее место, и утомленную душу мою обнимает сон. Но не успел я окончательно сомкнуть глаза, как вдруг из средины моря медленно поднимается божественный лик, самим богам внушающий почтение. А затем, выйдя мало-помалу из пучины морской, лучезарное изображение всего тела предстало моим взорам. Попытаюсь передать и вам дивное это явленье, если позволит мне рассказать бедность слов человеческих или если само божество ниспошлет мне богатый и изобильный дар могучего красноречья. Прежде всего густые длинные волосы, незаметно на пряди разобранные, свободно и мягко рассыпались по божественной шее; самую макушку окружал венок из всевозможных пестрых цветов, а как раз посредине, надо лбом, круглая пластинка излучала яркий свет, словно зеркало или, скорее, верный признак богини Луны. Слева и справа круг завершали извивающиеся, тянущиеся вверх змеи, а также хлебные колосья[11], надо всем приподнимавшиеся...* [* Пропуск нескольких слов в рукописях.] многоцветная, из тонкого виссона, то белизной сверкающая, то, как шафран, золотисто-желтая, то пылающая, как алая роза. Но что больше всего поразило мое зрение, так это черный плащ[12], отливавший темным блеском. Обвившись вокруг тела и переходя на спине с правого бедра на левое плечо, как римские тоги[13], он свешивался густыми складками, а края были красиво обшиты бахромою.
4. Per intextam extremitatem et in ipsa eius planitie stellae dispersae coruscabant earumque media semenstris luna flammeos spirabat ignes. Quaqua tamen insignis illius pallae perfluebat ambitus, individuo nexu corona totis floribus totisque constructa pomis adhaerebat. Nam dextra quidem ferebat aereum crepitaculum, cuius per angustam lamminam in modum baltei recurvatam traiectae mediae paucae virgulae, crispante brachio trigeminos iactus, reddebant argutum sonorem. Laevae vero cymbium dependebat aureum, cuius ansulae, qua parte conspicua est, insurgebat aspis caput extollens arduum cervicibus late tumescentibus. Pedes ambroseos tegebant soleae palmae victricis foliis	4. Вдоль каймы и по всей поверхности плаща здесь и там вытканы были мерцающие звезды, а среди них полная луна излучала пламенное сияние. Там же, где волнами ниспадало дивное это покрывало, со всех сторон была вышита сплошная гирлянда из всех цветов и плодов, какие только существуют. И в руках у нее были предметы, один с другим совсем несхожие. В правой держала она медный погремок[14], узкая основа которого, выгнутая в кольцо, пересекалась тремя маленькими палочками, и они при встряхивании издавали все вместе пронзительный звон. На левой же руке висела золотая чаша в виде лодочки[15], на ручке

intextae. Talis ac tanta, spirans Arabiae felicia germina, divina me voce dignata est:	которой, с лицевой стороны, высоко подымал голову аспид с непомерно вздутой шеей. Благовонные стопы обуты в сандалии, сделанные из победных пальмовых листьев[16]. В таком-то виде, в таком убранстве, дыша ароматами Аравии счастливой, удостоила она меня божественным вещанием:
5. "En adsum tuis commota, Luci, precibus, rerum naturae parens, elementorum omnium domina, saeculorum progenies initialis, summa numinum, regina manium, prima caelitum, deorum dearumque facies uniformis, quae caeli luminosa culmina, maris salubria flamina, inferum deplorata silentia nutibus meis dispenso: cuius numen unicum multiformi specie, ritu vario, nomine multiiugo totus veneratus orbis. Inde primigenii Phryges Pessinuntiam deum matrem, hinc autochthones Attici Cecropeiam Minervam, illinc fluctuantes Cyprii Paphiam Venerem, Cretes sagittiferi Dictynnam Dianam, Siculi trilingues Stygiam Proserpinam, Eleusinii vetusti Actaeam Cererem, Iunonem alii, Bellonam alii, Hecatam isti, Rhamnusiam illi, et qui nascentis dei Solis <et occidentis inclinantibus> inlustrantur radiis Aethiopes utrique priscaque doctrina pollentes Aegyptii caerimoniis me propriis percolentes appellant vero nomine reginam Isidem. Adsum tuos miserata casus, adsum favens et propitia. Mitte iam fletus et lamentationes omitte, depelle maerorem; iam tibi providentia mea inlucescit dies salutaris. Ergo igitur imperiis istis meis animum intende sollicitum. Diem, qui dies ex ista nocte nascetur, aeterna mihi nuncupavit religio, quo sedatis hibernis tempestatibus et lenitis maris procellosis fluctibus navigabili iam pelago rudem dedicantes carinam primitias commeatus libant mei sacerdotes. Id sacrum nec sollicita nec profana mente debebis opperiri.	5. - Вот я пред тобою, Луций, твоими тронутая мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшее из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная. Там фригийцы, первенцы человечества[17], зовут меня Пессинунтской матерью богов[18], тут исконные обитатели Аттики[19] - Минервой Кекропической[20], здесь киприяне, морем омываемые, - Пафийской Венерой, критские стрелки[21] - Дианой Диктиннской[22], трехъязычные сицилийцы[23] - Стигийской Прозерпиной[24], элевсинцы - Церерой, древней богиней, одни - Юноной, другие - Беллоной[25], те - Гекатой[26], эти - Рамнузией[27], а эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца[28], арии и богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем - царственной Изидой[29]. Вот я пред тобою, твоим бедам сострадая, вот я, благожелательная и милосердная. Оставь плач и жалобы, гони прочь тоску - по моему промыслу уже занимается для тебя день спасения. Слушай же со всем вниманием мои наказы. День, что родится из этой ночи, день этот издавна мне посвящается. Зимние непогоды успокаиваются, волны бурные стихают, море делается доступным для плаванья, и жрецы мои, спуская на воду судно, еще не знавшее влаги, посвящают его мне, как первину мореходства[30]. Обряда этого священного ожидай спокойно и благочестиво.
6. Nam meo monitu sacerdos in ipso procinctu pompae roseam manu dextera sistro cohaerentem gestabit coronam. Incunctanter ergo dimotis turbulis alacer continuare pompam mea volentia fretus et de proximo clementer velut manum sacerdotis osculabundus rosis decerptis pessimae mihique iam dudum detestabilis belvae istius corio te protinus exue. Nec quicquam rerum mearum	6. Знай, что, по моему наставлению, как раз во время шествия у жреца в правой руке будет вместе с систром венок из роз[31]. Итак, не медли ни минуты, но, раздвинув толпу, бодро присоединяйся к процессии, полагаясь на мое соизволение, и, подойдя совсем близко, осторожно, будто ты хочешь поцеловать руку у жреца, сорви розы и сбрось с себя в тот же миг

reformides ut arduum. Nam hoc eodem momento, quo tibi venio, simul et ibi praesens, quae sunt sequentia, sacerdoti meo per quietem facienda praecipio. Meo iussu tibi constricti comitatus decedent populi, nec inter hilares caerimonias et festiva spectacula quisquam deformem istam quam geris faciem perhorrescet vel figuram tuam repente mutatam sequius interpretatus aliquis maligne criminabitur. Plane memineris et penita mente conditum semper tenebis mihi reliqua vitae tuae curricula adusque terminos ultimi spiritus vadata. Nec iniurium, cuius beneficio redieris ad homines, ei totum debere, quod vives. Vives autem beatus, vives in mea tutela gloriosus, et cum spatium saeculi tui permensus ad inferos demearis, ibi quoque in ipso subterraneo semirutundo me, quam vides, Acherontis tenebris interlucentem Stygiisque penetralibus regnantem, campos Elysios incolens ipse, tibi propitiam frequens adorabis. Quodsi sedulis obsequiis et religiosis ministeriis et tenacibus castimoniis numen nostrum promerueris, scies ultra statuta fato tuo spatia vitam quoque tibi prorogare mihi tantum licere."

эту отвратительную и давно уже мне ненавистную звериную шкуру. Не бойся ничего: исполнить мои наставления будет нетрудно. Ведь в эту же самую минуту, что я являюсь к тебе, я нахожусь и в другом месте, подле моего жреца, во сне предупреждаю его о том, что случится, и указываю, как нужно действовать. По моему повелению густая толпа расступится и даст тебе дорогу, безобразная внешность твоя никого не смутит во время веселого шествия и праздничных зрелищ, а неожиданное твое превращение не внушит никому подозрения[32] и неприязни. Но запомни крепко-накрепко и навсегда сохрани в своем сердце: весь остаток своей жизни, вплоть до последнего вздоха, ты посвятишь мне. Справедливость требует, чтобы той, чье благодеяние снова вернет тебя людям, принадлежала и вся твоя жизнь. Ты будешь жить счастливо, ты будешь жить со славою под моим покровительством, и когда, совершив свой жизненный путь, сойдешь ты в царство мертвых, то, как видишь меня сегодня здесь, так и там, в этом подземном полукружии, найдешь ты меня просветляющей мрак Ахеронта[33], царствующей над стигийскими тайниками и, сам обитая в полях Елисейских[34], мне, к тебе милостивой, усердно будешь поклоняться. Если же примерным послушанием, исполнением обрядов, непреклонным целомудрием ты угодишь нашей божественной воле, знай, что в моей только власти продлить твою жизнь сверх установленного судьбою срока.

7. Sic oraculi venerabilis fine prolato numen invictum in se recessit. Nec mora, cum somno protinus absolutus pavore et gaudio ac dein sudore nimio permixtus exsurgo summeque miratus deae potentis tam claram praesentiam, marino rore respersus magnisque imperiis eius intentus monitionis ordinem recolebam. Nec mora, cum noctis atrae fugato nubilo sol exsurgit aureus, et ecce discursu religioso ac prorsus triumphali turbulae complent totas plateas, tantaque hilaritudine praeter peculiarem meam gestire mihi cuncta videbantur, ut pecua etiam cuiusce modi et totas domos et ipsum diem serena facie gaudere sentirem. Nam et pruinam pridianam dies apricus ac placidus repente fuerat insecutus, ut canorae etiam aviculae prolectatae verno vapore concentus suaves adsonarent, matrem siderum, parentem temporum orbisque totius dominam blando mulcentes adfamine. Quid quod arbores etiam, quae pomifera subole

7. Доведя до конца свое внушающее благоговение предсказание, непобедимое божество исчезло. Немедленно вместе со сном всякий страх меня покидает, и я вскакиваю в такой радости, что даже пот ручьями по мне льется. Глубоко потрясенный столь очевидным присутствием могущественной богини, я вновь погружаюсь в морскую влагу и, чтобы не забыть великих ее повелений, возобновляю по порядку в памяти все, что она мне внушала. Вскоре исчез тукан темной ночи, выходит золотое солнце, и вот уже все улицы наполняют благочестивые толпы, ликующие, прямо как во время триумфального шествия. Не говоря уже о приподнятости духа моего, мне казалось, что и все вокруг как-то особенно весело. Животные всякого рода, каждый дом, сам ясный день кажутся мне исполненным радости. После вчерашнего холода вдруг настала солнечная спокойная погода,

fecundae quaeque earum tantum umbra contentae steriles, austrinis laxatae flatibus, germine foliorum renidentes, clementi motu brachiorum dulces strepitus obsibilabant, magnoque procellarum sedato fragore ac turbido fluctuum tumore posito mare quietas adluvies temperabat, caelum autem nubilosa caligine disiecta nudo sudoque luminis proprii splendore candebat.

зазвучали сладостные хоры прельщенных весенним теплом певчих птичек, нежными трелями прославляющих мать звезд, родительницу времен года, владычицу всего мира. Даже сами деревья, и плодоносные, приносящие обильный урожай, и бесплодные, довольствующиеся только тем, что дают тень, под дыханием южного ветра поблескивают свежими листочками, тихо качают ветками, издавая мягкий шелест; утих шум великих бурь, улеглись неистово вздувавшиеся волны, море спокойно набегает на берег, разошлись темные тучи, и небо, безоблачное и ясное, сияет лазурью.

8. Ecce pompae magnae paulatim praecedunt anteludia votivis cuiusque studiis exornata pulcherrume. Hic incinctus balteo militem gerebat, illum succinctum chlamide crepides et venabula venatorem fecerant, alius soccis obauratis inductus serica veste mundoque pretioso et adtextis capite crinibus incessu perfluo feminam mentiebatur. Porro alium ocreis, scuto, galea ferroque insignem e ludo putares gladiatorio procedere. Nec ille deerat, qui magistratum fascibus purpuraque luderet, nec qui pallio baculoque et baxeis et hircino barbitio philosophum fingeret, nec qui diversis harundinibus alter aucupem cum visco, alter piscatorem cum hamis induceret. Vidi et ursam mansuem <quae> cultu matronali sella vehebatur, et simiam pilleo textili crocotisque Phrygiis Catamiti pastoris specie aureum gestantem poculum et asinum pinis adglutinatis adambulantem cuidam seni debili, ut illum quidem Bellerophontem, hunc autem diceres Pegasum, tamen rideres utrumque.

8. Вот появляются первые участники величественной процессии, каждый прекрасно разодетый по своему вкусу и выбору[35]. Тот с военным поясом изображал солдата; этого подобранный кверху плащ, сандалии и рогатина превратили в охотника; другой в позолоченных туфлях, в шелковом платье, драгоценных уборах, с заплетенными в косы волосами плавной походкой подражал женщине. Дальше в поножах, в шлеме, со щитом и мечом кто-то выступает, будто сейчас пришел с гладиаторского состязания; был и такой, что, в пурпурной одежде, с ликторскими связками, играл роль должностного лица, и такой, что корчил из себя философа в широком плаще, плетеных сандалиях[36], с посохом и козлиной бородкой; были здесь и птицелов и рыбак - оба с тростинками: у одного они смазаны клеем, у другого с крючками на конце. Тут же и ручную медведицу, на носилках сидевшую, несли, как почтенную матрону, и обезьяна в матерчатом колпаке и фригийском платье шафранового цвета, протягивая золотой кубок, изображала пастуха Ганимеда; шел и осел с приклеенными крыльями рядом с дряхлым стариком: сразу скажешь - вот Беллерофонт, а вот Пегас, впрочем, оба одинаково возбуждали хохот.

9. Inter has oblectationes ludicras popularium, quae passim vagabantur, iam sospitatricis deae peculiaris pompa moliebatur. Mulieres candido splendentes amicimine, vario laetantes gestamine, verno florentes coronamine, quae de gremio per viam, qua sacer incedebat comitatus, solum sternebant flosculis, aliae, quae nitentibus speculis pone tergum reversis venienti deae obvium commonstrarent obsequium et quae pectines eburnos ferentes gestu brachiorum flexuque digitorum ornatum atque obpexum crinium regalium fingerent, illae etiam, quae

9. В то время как забавные эти маски переходили с места на место, развлекая народ, уже двинулось и специальное шествие богини-спасительницы. Женщины, блистая белоснежными одеждами, радуя взгляд разнообразными уборами, украшенные весенними венками, одни из подола цветочками усыпали путь, по которому шествовала священная процессия, у других за спинами были повешены блестящие зеркала, чтобы подвигающейся богине был виден весь священный поезд позади нее; некоторые,

ceteris unguentis et geniali balsamo guttatim excusso conspargebant plateas; magnus praeterea sexus utriusque numerus lucernis, taedis, cereis et alio genere facticii luminis siderum caelestium stirpem propitiantes. Symphoniae dehinc suaves, fistulae tibiaeque modulis dulcissimis personabant. Eas amoenus lectissimae iuventutis veste nivea et cataclista praenitens sequebatur chorus, carmen venustum iterantes, quod Camenarum favore sollers polta modulatus edixerat, quod argumentum referebat interim maiorum antecantamenta votorum. Ibant et dicati magno Sarapi tibicines, qui per oblicum calamum, ad aurem porrectum dexteram, familiarem templi deique modulum frequentabant, et plerique, qui facilem sacris viam dari praedicarent.	держа гребни из слоновой кости, движением рук и сгибанием пальцев делали вид, будто расчесывают и прибирают волосы владычице; были и такие, что дивным бальзамом и другими благовониями окропляли улицы. Тут же большая толпа людей обоего пола с фонарями, факелами, свечами и всякого рода искусственными светильниками в руках прославляла источник сияния звезд небесных. Свирели и флейты, звуча сладчайшими мелодиями, очаровательную создавали музыку. За музыкантами - прелестный хор избранных юношей в сверкающих белизною роскошных одеждах повторял строфы прекрасной песни, слова и мелодию которой сочинил благоволением Камен искусный поэт; песнопение это заключало в себе между прочим зачин более величественного гимна с молитвами и обетами. Шли и флейтисты, великому Серапису[37] посвященные, и на своих изогнутых трубах, поднимавшихся вверх, к правому уху, исполняли по нескольку раз напевы, принятые в храме их бога. Затем шло множество прислужников, возвещавших, что надо очистить путь для священного шествия.
10. Tunc influunt turbae sacris divinis initiatae, viri feminaeque omnis dignitatis et omnis aetatis, linteae vestis candore puro luminosi, illae limpido tegmine crines madidos obvolutae, hi capillum derasi funditus verticem praenitentes, magnae religionis terrena sidera, aereis et argenteis immo vero aureis etiam sistris argutum tinnitum constrepentes, et antistites sacrorum proceres illi, qui candido linteamine cinctum pectoralem adusque vestigia strictum iniecti potentissimorum deum proferebant insignis exuvias. Quorum primus lucernam claro praemicantem porrigebat lumine non adeo nostris illis consimilem, quae vespertinas illuminant epulas, sed aureum cymbium medio sui patore flammulam suscitans largiorem. Secundus vestitum quidem similis, sed manibus ambabus gerebat altaria, id est auxilia, quibus nomen dedit proprium deae summatis auxiliaris providentia. Ibat tertius attollens palmam auro subtiliter foliatam nec non et Mercuriale caduceum. Quartus aequitatis ostendebat indicium deformatam manum sinistram porrecta palmula, quae genuina pigritia, nulla calliditate nulla sollertia praedita, videbatur aequitati magis aptior quam dextera; idem gerebat et aureum vasculum in modum papillae rutundatum, de quo lacte libabat. Quintus auream vannum laureis congestam ramulis, sextus ferebat amphoram.	10. Тут движется толпа посвященных в таинства- мужчины и женщины всякого положения и возраста, одетые в сверкающие льняные одежды белого цвета[38]; у женщин умащенные волосы покрыты прозрачными покрывалами, у мужчин блестят гладко выбритые головы; земные светила великой религии, они потрясают медными, серебряными и даже золотыми систрами, извлекая из них пронзительный звон. Наконец - высшие служители таинств; в своих узких белых льняных одеждах, подпоясанных у груди и ниспадающих до самых пят, несут они знаки достоинства могущественнейших божеств. Первый держал лампу, горевшую ярким светом и нисколько не похожую на наши лампы, что зажигают на вечерних трапезах; это была золотая лодка с отверстием посредине, через которое выходил очень широкий язык пламени. Второй был одет так же, как первый, но в каждой руке нес он по алтарю, называемому "помощником",-это имя дал им быстро приходящий на помощь промысел верховной богини. За ним шел третий, неся пальмовую ветвь с тонко сделанными из золота листьями, а также Меркуриев кадуцей[39]. Четвертый показывал символ справедливости в виде левой руки с протянутой ладонью, - она слаба от природы, ни хитростью, ни ловкостью не

одарена и потому скорее, чем правая, может олицетворять справедливость: он же нес и закруглявшийся, наподобие сосца, золотой сосудик, из которого совершал возлияние молоком. У пятого - золотая веялка[40], наполненная лавровыми веточками; последний нес амфору[41].

11. Nec mora, cum dei dignati pedibus humanis incedere prodeunt; hic horrendus ille superum commeator et inferum, nunc atra, nunc aurea facie sublimis, attollens canis cervices arduas, Anubis, laeva caduceum gerens, dextera palmam virentem quatiens. Huius vestigium continuum sequebatur bos in erectum levata statum, bos, omniparentis deae fecundum simulacrum, quod residens umeris suis proferebat unus e ministerio beato gressu gestuosus. Ferebatur ab alio cista secretorum capax penitus celans operta magnificae religionis. Gerebat alius felici suo gremio summi numinis venerandam effigiem, non pecoris, non avis, non ferae ac ne hominis quidem ipsius consimilem, sed sollerti repertu etiam ipsa novitate reverendam, altioris utcumque et magno silentio tegendae religionis argumentum ineffabile, sed ad istum plane modum fulgente auro figuratum; urnula faberrime cavata, fundo quam rutundo, miris extrinsecus simulacris Aegyptiorum effigiata; eius orificium non altiuscule levatum in canalem porrectum longo rivulo prominebat, ex alia vero parte multum recedens spatiosa dilatione adhaerebat ansa, quam contorto nodulo supersedebat aspis squameae cervicis striato tumore sublimis.

11. Вскоре показалась и процессия богов, соблаговоливших воспользоваться человеческими ногами для передвижения. Вот наводящий ужас посредник между небесным и подземным миром, с величественным ликом, то темным, то золотым, высоко возносит свою песью голову Анубис, в левой руке держа кадуцей, правою потрясая зеленой пальмовой ветвью. Сразу же вслед за ним - корова[42], ставшая на дыбы, воплощенное плодородие всеродительницы богини; неся ее на плечах, один из священнослужителей легко и красиво выступал под блаженной ношей. Другой нес закрытый ларец, заключающий в себе нерушимую тайну великого учения[43]. Третий на счастливое лоно свое принял почитаемое изображение верховного божества; не было оно похоже ни на домашнее животное, ни на птицу, ни на дикого зверя, ни даже на самого человека; но, по мудрому замыслу самой необычностью своей возбуждая почтение,- лишь сущность неизреченная высочайшей веры, сокрытая в глубоком молчании. Сделано оно было из ярко блестевшего золота следующим образом: это была искусно выгнутая урна[44] с круглым дном, снаружи украшенная дивными египетскими изображениями; над отверстием ее подымалось не очень высокое горлышко с длинным, далеко выступавшим носиком, а с другой стороны была приделана широкая ручка, на которой свернулась в клубок змея, раздувая поднятую вверх чешуйчатую шею, покрытую морщинами.

12. Et ecce praesentissimi numinis promissa nobis accedunt beneficia et fata salutemque ipsam meam gerens sacerdos adpropinquat, ad ipsum praescriptum divinae promissionis ornatum dextera proferens sistrum deae, mihi coronam -- et hercules coronam consequenter, quod tot ac tantis exanclatis laboribus, tot emensis periculis deae maximae providentia adluctantem mihi saevissime Fortunam superarem. Nec tamen gaudio subitario commotus inclementi me cursu proripui, verens scilicet ne repentino quadripedis impetu religionis quietus turbaretur ordo, sed placido ac prorsus humano gradu cunctabundus paulatim obliquato corpore, sane divinitus

12. И вот подходит миг свершения обещанных мне всемилостивейшей богиней благодеяний, приближается жрец, несущий мне назначенное судьбою спасение, держа в правой руке, точь-в-точь как гласило божественное обещание, прекрасный систр для богини и для меня венок - венок, клянусь Геркулесом, заслуженный; ведь, вытерпев столько тяжких страданий, подвергнувшись стольким опасностям, я теперь, с соизволения великого божества, в борьбе с жестокой судьбой выходил победителем. Но, несмотря на охватившую меня внезапную радость, я не бросаюсь со всех ног, боясь, как бы

decedente populo, sensim inrepo.	неожиданное появление четвероногого животного не нарушило чинности священнодействия, но тихо, медленно, подражая человеческой походке, бочком через расступившуюся, конечно, не без божеской воли, толпу мало-помалу пробираюсь.
13. At sacerdos, ut reapse cognoscere potui, nocturni commonefactus oraculi miratusque congruentiam mandati muneris, confestim restitit et ultro porrecta dextera ob os ipsum meum coronam exhibuit. Tunc ego trepidans, adsiduo cursu micanti corde, coronam, quae rosis amoenis intexta fulgurabat, avido ore susceptam cupidus promissi devoravi. Nec me fefellit caeleste promissum: protinus mihi delabitur deformis et ferina facies. Ac primo quidem squalens pilus defluit, ac dehinc cutis crassa tenuatur, venter obesus residet, pedum plantae per ungulas in digitos exeunt, manus non iam pedes sunt, sed in erecta porriguntur officia, cervix procera cohibetur, os et caput rutundatur, aures enormes repetunt pristinam parvitatem, dentes saxei redeunt ad humanam minutiem, et, quae me potissimum cruciabat ante, cauda nusquam! Populi mirantur, religiosi venerantur tam evidentem maximi numinis potentiam et consimilem nocturnis imaginibus magnificentiam et facilitatem reformationis claraque et consona voce, caelo manus adtendentes, testantur tam inlustre deae beneficium.	13. Жрец же, предупрежденный, как мог я убедиться на деле, ночным откровением и удивленный, как все в точности совпадает с поручением, которое он получил, тотчас остановился и, протянув правую руку, к самому рту моему поднес венок. Тут я, трепеща, с сильно бьющимся сердцем, венок, сверкающий вплетенными в него прекрасными розами, жадно хватаю губами и пожираю, стремясь к исполнению обещанного. Не обмануло божественное предсказание - тут же спадает с меня безобразная личина животного: прежде всего исчезает грязная, свалявшаяся шерсть, толстая шкура становится тоньше, огромный живот уменьшается, на ступнях ног копыта разделяются на отдельные пальцы, руки перестают быть ногами, но поднимаются для исполнения своих высоких обязанностей, длинная шея укорачивается, пасть и голова округляются, огромные уши принимают прежние размеры, зубы, подобные камням, снова делаются небольшими, как у людей, и хвост, который доставлял мне больше всего мучений, исчезает без следа! Народ удивляется, люди благочестивые преклоняются при столь очевидном доказательстве великого могущества верховного божества, подобном чудесному сновидению, и при виде быстрого превращения громогласно и единодушно, воздев руки к небу, свидетельствуют об этой столь славной милости богини.
14. At ego stupore nimio defixus haerebam, animo meo tam repentinum tamque magnum non capiente gaudium, quid potissimum praefarer primarium, unde novae vocis exordium caperem, quo sermone nunc renata lingua felicius auspicarer, quibus quantisque verbis tantae deae gratias agerem. Sed sacerdos utcumque divino monitu cognitis ab origine cunctis cladibus meis, quamquam et ipse insigni permotus miraculo, nutu significato prius praecipit tegendo mihi linteam dari laciniam; nam me cum primum nefasto tegmine despoliaverat asinus, compressis in artum feminibus et superstrictis accurate manibus, quantum nudo licebat, velamento me naturali probe muniveram. Tunc e cohorte religionis unus inpigre superiorem exutus tunicam supertexit me celerrume. Quo facto sacerdos	14. А я, остолбенев от немалого изумления, стоял неподвижно и молча, не зная, от переполнившей душу мою неожиданной и великой радости, с чего лучше всего начать, откуда подступить к звукам, сделавшимся мне непривычными, как удачнее всего воспользоваться первинами возвращенного мне дара речи, какими словами и выражениями возблагодарить богиню за ее благодеяние. Но жрец, очевидно, свыше извещенный обо всех моих несчастьях с самого начала, хотя и сам был потрясен великим чудом, знаком приказывает, чтобы прежде всего дали мне льняную одежду для прикрытия, потому что, как спала с меня зловещая ослиная оболочка, так я и стоял, тесно сжав бедра и сплетенными руками скрывая, насколько мог, наготу свою

vultu geniali et hercules inhumano in aspectum meum attonitus sic effatur:	естественной завесой. Один из почитателей святыни сейчас же снял с себя верхнюю тунику и поскорее набросил на меня. Тогда жрец, ласково глядя на меня и. Геркулесом клянусь, божественным проникнутый изумлением, так начинает:
15. "Multis et variis exanclatis laboribus magnisque Fortunae tempestatibus et maximis actus procellis ad portum Quietis et aram Misericordiae tandem, Luci, venisti. Nec tibi natales ac ne dignitas quidem, vel ipsa, qua flores, usquam doctrina profuit, sed lubrico virentis aetatulae ad serviles delapsus voluptates curiositatis inprosperae sinistrum praemium reportasti. Sed utcumque Fortunae caecitas, dum te pessimis periculis discruciat, ad religiosam istam beatitudinem inprovida produxit malitia. Eat nunc et summo furore saeviat et crudelitati suae materiem quaerat aliam; nam in eos, quorum sibi vitas <in> servitium deae nostrae maiestas vindicavit, non habet locum casus infestus. Quid latrones, quid ferae, quid servitium, quid asperrimorum itinerum ambages reciprocae, quid metus mortis cotidianae nefariae Fortunae profuit? In tutelam iam receptus es Fortunae, sed videntis, quae suae lucis splendore ceteros etiam deos illuminat. Sume iam vultum laetiorem candido isto habitu tuo congruentem, comitare pompam deae sospitatricis inovanti gradu. Videant inreligiosi, videant et errorem suum recognoscant: en ecce pristinis aerumnis absolutus Isidis magnae providentia gaudens Lucius de sua Fortuna triumphat. Quo tamen tutior sis atque munitior, da nomen sanctae huic militiae, cuius non olim sacramento etiam rogabaris, teque iam nunc obsequio religionis nostrae dedica et ministerii iugum subi voluntarium. Nam cum coeperis deae servire, tunc magis senties fructum tuae libertatis."	15. - Вот, Луций, после стольких всевозможных страданий, после великих гроз, воздвигнутых Судьбою, пережив величайшие бури, достиг наконец ты спокойной пристани Отдохновения, алтарей Милосердия. Не впрок пошло тебе ни происхождение, ни положение, ни даже сама образованность, которая тебя отличает, потому что, сделавшись по страстности своего молодого возраста рабом сластолюбия, ты получил роковое возмездие за несчастное свое любопытство. Но все же слепая Судьба, злобно терзая тебя и подвергая самым страшным опасностям, сама того не зная, привела тебя к сегодняшнему блаженству. Пусть же идет она и пышет неистовой яростью, придется ей искать для своей жестокости другой жертвы. Ведь над теми, кого величие нашей богини призвало посвятить жизнь служению ей, не имеет власти губительная случайность. Разбойники, дикие звери, рабство, тяжкие пути и скитания без конца, ежедневное ожидание смерти - чего достигла всем этим свирепая Судьба? Вот тебя приняла под свое покровительство другая Судьба, но уже зрячая, свет сиянья которой озаряет даже остальных богов. Пусть же радость отразится на твоем лице в соответствии с праздничной этой одеждой. Ликуя, присоедини свой шаг к шествию богини-спасительницы. Пусть видят безбожники, пусть видят и сознают свое заблуждение: вот избавленный от прежних невзгод, радующийся промыслу великой Изиды Луций празднует победу над своей судьбой! Но чтобы защититься еще надежнее и крепче, запишись в святое это воинство (веление принять такую присягу и прозвучало для тебя недавно), посвяти себя уже отныне нашему служению и наложи на себя ярмо добровольного подчинения. Начав служить богине, насладишься ты в полной мере великим плодом своей свободы.
16. Ad istum modum vaticinatus sacerdos egregius fatigatos anhelitus trahens conticuit. Exin permixtus agmini religioso procedens comitabar sacrarium totae civitati notus ac conspicuus, digitis hominum nutibusque notabilis. Omnes in me populi fabulabantur: "Hunc omnipotentis	16. Провещав таким образом, почтенный жрец, с трудом переводя дыхание, умолк. Я же, присоединившись к священным рядам, двинулся вслед за святыней. Всем гражданам я стал известен, сделался предметом всеобщего внимания, на меня указывали пальцами, кивали

hodie deae numen augustum reformavit ad homines. Felix hercule et ter beatus, qui vitae scilicet praecedentis innocentia fideque meruerit tam praeclarum de caelo patrocinium ut renatus quodam modo statim sacrorum obsequio desponderetur." Inter haec et festorum votorum tumultum paulatim progressi iam ripam maris proximamus atque ad ipsum illum locum quo pridie meus stabulaverat asinus pervenimus. Ibi deum simulacris rite dispositis navem faberrime factam picturis miris Aegyptiorum circumsecus variegatam summus sacerdos taeda lucida et ovo et sulpure, sollemnissimas preces de casto praefatus ore, quam purissime purificatam deae nuncupavit dedicavitque. Huius felicis alvei nitens carbasus litteras [votum] <auro> intextas progerebat: eae litterae votum instaurabant de novi commeatus prospera navigatione. Iam malus insurgit pinus rutunda, splendore sublimis, insigni carchesio conspicua, et puppis intorta chenisco, bracteis aureis vestita fulgebat omnisque prorsus carina citro limpido perpolita florebat. Tunc cuncti populi tam religiosi quam profani vannos onustas aromatis et huiusce modis suppliciis certatim congerunt et insuper fluctus libant intritum lacte confectum, donec muneribus largis et devotionibus faustis completa navis, absoluta strophiis ancoralibus, peculiari serenoque flatu pelago redderetur. Quae, postquam cursus spatio prospectum sui nobis incertat, sacrorum geruli sumptis rursum quae quisque detulerant, alacres ad fanum reditum capessunt simili structu pompae decori.	головой, и весь народ переговаривался: - Вон тот, кого царственная воля всемогущей богини сегодня вернула к человеческому образу. Клянусь Геркулесом, счастлив он и трижды блажен: несомненно, незапятнанностью предшествовавшей жизни и верою заслужил он такое преславное покровительство свыше, так что сейчас же после второго, до некоторой степени, рождения вступает он на путь священного служения. Среди подобных восклицаний, среди праздничных пожеланий и молитв толпы мало-помалу подвигаясь, приближаемся мы к морскому берегу и доходим как раз до того места, где накануне лежал я в виде осла. Расставили там в должном порядке священные изображения богов, и верховный жрец, произнеся пречистыми устами священнейшие молитвы, горящим факелом, яйцом и серою очищает высшим очищением корабль, искусно сделанный и со всех сторон удивительными рисунками на египетский лад пестро расписанный, и посвящает богине этот жертвенный дар. На сверкающем парусе счастливого судна вытканы были золотом буквы, которые складывались в пожелание удачных плаваний в пору новых выходов в море. Мачтою была круглая сосна, блестящая, с превосходным топом[45], так что смотреть было приятно; корма, выгнутая в виде гусиной шеи[46] и покрытая листовым золотом, ярко блестела, и корпус, весь из светлой, полированной туи, радовал взор. Тут вся толпа, как посвященные, так и непосвященные, наперебой подносит корзины с ароматными травами и другими дарами в таком же роде, над водами совершают возлияния молочной похлебкой; наконец, когда корабль наполнен был щедрыми приношениями и сулящими счастье пожертвованиями, обрезают якорные канаты и, предоставив судно попутному и спокойному ветру, пускают в море. Когда оно было уже на таком расстоянии, что почти скрылось из наших глаз, носильщики снова взяли священные предметы, которые они принесли, и, по-прежнему образуя великолепную процессию, все быстрым шагом возвращаются к храму.
17. At cum ad ipsum iam templum pervenimus, sacerdos maximus quique divinas effigies progerebant et qui venerandis penetralibus pridem fuerant initiati intra cubiculum deae recepti disponunt rite simulacra spirantia. Tunc ex	17. Когда приблизились мы уже к самому храму, великий жрец, носильщики священных изображений и те, что ранее уже были посвящены в высоко почитаемые таинства, войдя в святилище богини, расположили там в

his unus, quem cuncti grammatea dicebant, pro foribus assistens coetu pastophorum - quod sacrosancti collegii nomen est - velut in contionem vocato indidem de sublimi suggestu de libro de litteris fausta vota praefatus principi magno senatuique et equiti totoque Romano populo, nauticis navibusque quae sub imperio mundi nostratis reguntur, renuntiat sermone rituque Graeciensi ploiaphesia. Quam vocem feliciter cunctis evenire signavit populi clamor insecutus. Exin gaudio delibuti populares thallos verbenas corollas ferentes exosculatis vestigiis deae, quae gradibus haerebat argento formata, ad suos discedunt lares. Nec tamen me sinebat animus ungue latius indidem digredi, sed intentus <in praesentis> deae specimen pristinos casus meos recordabar.	должном порядке изображения, казавшиеся одушевленными. Тут один из них, которого все называли писцом, стоя против дверей, созвал пастофоров[47] - так именовалась эта святейшая коллегия - как бы на собрание, и, взойдя на возвышение подле тех же дверей, стал читать по книге написанные в ней молитвы о благоденствии императора, почтенного сената, всадников и всего народа римского, о кораблях и корабельщиках, обо всем, что подвластно нашей державе, закончив чтение по греческому обряду греческим возгласом... *[* Текст испорчен: рукописи не дают удовлетворительного чтения.] В ответ раздались крики народа, выражавшие пожелание, чтобы слова эти всем принесли удачу. Исполненные радости граждане, держа в руках ветви священных деревьев[48] и веночки, поцеловав ступни серебряной статуи богини, стоявшей на храмовой лестнице, отправились по домам. Я же не мог решиться ни на шаг отойти от этого места и, не спуская глаз с изображения богини, перебирал в памяти испытанные мною бедствия.
18. Nec tamen Fama volucris pigra pinnarum tarditate cessaverat, sed protinus in patria deae providentis adorabile beneficium meamque ipsius fortunam memorabilem narraverat passim. Confestim denique familiares ac vernulae quique mihi proximo nexu sanguinis cohaerebant, luctu deposito, quem de meae mortis falso nuntio susceperant, repentino laetati gaudio varie quisque ad meum festinant ilico diurnum reducemque ab inferis conspectum. Quorum desperata ipse etiam facie recreatus oblationes honestas aequi bonique facio, quippe cum mihi familiares, quo ad cultum sumptumque largiter succederet, deferre prospicue curassent.	18. Летучая молва меж тем не ленилась и не давала отдыха своим крыльям, и сейчас же у меня на родине пошли разговоры о несравненной милости ко мне божественного промысла и о моей достопримечательной судьбе. И немедленно мои друзья, любимые рабы и те, кто связан был со мной узами близкого родства, отложив скорбь, в которую их погрузило ложное известие о моей смерти, во власти неожиданной радости спешат ко мне с разными подарками, чтобы взглянуть на вернувшегося к свету дня из преисподней. Я уже потерял надежду их увидеть, а потому очень им обрадовался и с удовольствием принимал их достойные подношения: ведь близкие мои предусмотрительно позаботились щедро снабдить меня всем необходимым для безбедного существования.
19. Adfatis itaque ex officio singulis narratisque meis propere et pristinis aerumnis et praesentibus gaudiis me rursum ad deae gratissimum mihi refero conspectum aedibusque conductis intra conseptum templi larem temporarium mihi constituo, deae ministeriis adhuc privatis adpositus contuberniisque sacerdotum individuus et numinis magni cultor inseparabilis. Nec fuit nox una vel quies aliqua visu deae monituque ieiuna, sed crebris imperiis sacris suis me, iam dudum destinatum, nunc saltem censebat initiari. At ego quanquam cupienti voluntate praeditus tamen	19. Поговорив с каждым из них, как полагается, и все рассказав о прежних моих бедствиях и теперешней радости, я снова все свое благодарное внимание устремляю на богиню; наняв внутри храмовой ограды помещение, устраиваю себе временное жилище, посещаю богослужения, пока еще - низшего разряда, не разлучаюсь с жрецами, неотступный почитатель великого божества. Ни одна ночь, ни один сон у меня не проходил без того, чтобы я не лицезрел богини и не получал от нее наставлений; частыми повелениями она

religiosa formidine retardabar, quod enim sedulo percontaveram difficile religionis obsequium et castimoniorum abstinentiam satis arduam cautoque circumspectu vitam, quae multis casibus subiacet, esse muniendam. Haec identidem mecum reputans nescio quo modo, quanquam festinans, differebam.	убеждала меня принять наконец посвящение в ее таинства, к которым давно уже был я предназначен. Хотя я и пылал страстным желанием подчиниться этим приказам, но меня удерживал священный трепет, так как я находил весьма трудным делом беспрекословное подчинение святыне и нелегкой казалось мне задачей соблюдение обета целомудрия и воздержания - ведь жизнь исполнена всяческих случайностей, она требует осторожности и осмотрительности. Обдумывая все это вновь и вновь, я, хотя и стремился поскорее принять посвящение, все как-то откладывал исполнение своего решения.
20. Nocte quadam plenum gremium suum visus est mihi summus sacerdos offerre ac requirenti, quid utique istud, respondisse partes illas de Thessalia mihi missas, servum etiam meum indidem supervenisse nomine Candidum. Hanc experrectus imaginem diu diuque apud cogitationes meas revolvebam, quid rei protenderet, praesertim cum nullum unquam habuisse me servum isto nomine nuncupatum certus essem. Utut tamen sese praesagium somni porrigeret, lucrum certum modis omnibus significari partium oblatione credebam. Sic anxius et in proventum prosperiorem attonitus templi matutinas apertiones opperiebar. Ac dum, velis candentibus reductis in diversum, deae venerabilem conspectum adprecamur, et per dispositas aras circumiens sacerdos, rem divinam procurans supplicamentis sollemnibus, de penetrali fontem petitum spondeo libat; rebus iam rite consummatis incohatae lucis salutationibus religiosi primam nuntiantes horam perstrepunt. Et ecce superveniunt Hypata quos ibi reliqueram famulos, cum me Photis malis incapistrasset erroribus, cognitis scilicet fabulis meis, nec non et equum quoque illum meum reducentes, quem diversae distractum notae dorsualis agnitione recuperaverant. Quare sollertiam somni tum mirabar vel maxime, quod praeter congruentiam lucrosae pollicitationis argumento servi Candidi equum reddidisset colore candidum.	20. Однажды ночью приснилось мне, что приходит ко мне верховный жрец, неся что-то в полном до краев подоле, и на мой вопрос, что это и откуда, отвечает, что это моя доля из Фессалии, а также что оттуда вернулся раб мой по имени Кандид. Проснувшись, я очень долго думал об этом сновидении, размышляя, что у меня никогда не было раба с таким именем. Но все-таки я полагал, что присланная доля во всяком случае обозначает какую-то прибыль. Обеспокоенный и встревоженный надеждой на какую-то удачу и доход, я ожидал утреннего открытия храма. Когда раздвинулись белоснежные завесы, мы обратились с мольбами к досточтимому изображению богини; жрец обошел все алтари, совершая богослужение и произнося торжественные молитвы, наконец, зачерпнув из сокровенного источника воды, совершил возлияние из чаши[49]; исполнив все по священному обряду, благочестивые служители богини, приветствуя восходящее солнце[50], громким криком возвестили о первом часе дня. И в этот самый момент являются узнавшие о моих приключениях слуги - прямо из Гипаты, где я их оставил, еще когда Фотида уловила меня в коварные сети, и приводят с собою даже мою лошадь, которая неоднократно уже переходила из рук в руки и была наконец отыскана по особой отметине на спине. Вещему смыслу моего сновидения я тем более дивился, что, кроме в точности выполненного обещания касательно прибыли, рабу Кандиду соответствовал возвращенный мне конь, который был белой масти[51].
21. Quo facto idem sollicitius sedulum colendi frequentabam ministerium, spe futura beneficiis praesentibus pignerata. Nec minus in dies mihi magis magisque accipiendorum sacrorum cupido gliscebat, summisque precibus primarium	21. После этого случая я еще усерднее принялся за исполнение религиозных обязанностей, так как надежда на будущее поддерживалась во мне сегодняшними благодеяниями. Со дня на день все более и

sacerdotem saepissime conveneram petens ut me noctis sacratae tandem arcanis initiaret. At ille, vir alioquin gravis et sobriae religionis observatione famosus, clementer ac comiter et ut solent parentes inmaturis liberorum desideriis modificari, meam differens instantiam, spei melioris solaciis alioquin anxium mihi permulcebat animum: nam et diem, quo quisque possit initiari, deae nutu demonstrari et sacerdotem, qui sacra debeat ministrare, eiusdem providentia deligi, sumptus etiam caerimoniis necessarios simili praecepto destinari. Quae cuncta nos quoque observabili patientia sustinere censebat, quippe cum aviditati contumaciaeque summe cavere et utramque culpam vitare ac neque vocatus morari nec non iussus festinare deberem; nec tamen esse quemquam de suo numero tam perditae mentis vel immo destinatae mortis, qui, non sibi quoque seorsum iubente domina, temerarium atque sacrilegum audeat ministerium subire noxamque letalem contrahere; nam et inferum claustra et salutis tutelam in deae manu posita, ipsamque traditionem ad instar voluntariae mortis et precariae salutis celebrari, quippe cum transactis vitae temporibus iam in ipso finitae lucis limine constitutos, quis tamen tuto possint magna religionis committi, silentia, numen deae soleat elicere et sua providentia quodam modo renatos ad novae reponere rursus salutis curricula; ergo igitur me quoque oportere caeleste sustinere praeceptum, quanquam perspicua evidentique magni numinis dignatione iam dudum felici ministerio nuncupatum destinatumque; nec secus quam cultores ceteris cibis profanis ac nefariis iam nunc temperarem, quo rectius ad arcana purissimae religionis secreta pervaderem.	более проникало в меня желание принять посвящение, и я не отставал от верховного жреца со своими горячими просьбами, чтобы он посвятил меня наконец в таинства священной ночи[52]. Он же, муж степенный и известный строгим соблюдением религиозных обрядов, кротко и ласково, как отцы обыкновенно сдерживают несвоевременные желания своих детей, отклонял мою настойчивость, утешая и успокаивая меня в моем смятении добрыми надеждами. - Ведь и день, - говорил он, - в который данное лицо можно посвящать, указывается божественным знамением, и жрец, которому придется совершать таинство, избирается тем же промыслом, даже необходимые издержки на церемонию устанавливаются таким же образом. - Ввиду всего этого он полагал, что мне нужно вооружиться немалым терпением, остерегаясь жадности и заносчивости, и стараться избегать обеих крайностей: будучи призванным - медлить и без зова - торопиться. Да и едва ли найдется из числа жрецов человек, столь лишенный рассудка и, больше того, готовый сам себя обречь на погибель, который осмелился бы без специального приказания богини совершить столь дерзостное и святотатственное дело и подвергнуть себя смертельной опасности: ведь и ключи от преисподней, и оплот спасения - в руках у богини. Да и самый обычай этот установлен в уподобление добровольной смерти и дарованного из милости спасения, так как богиня имеет обыкновение намечать своих избранников из тех, которые, уже окончив путь жизни и стоя на пороге последнего дыхания, тем лучше могут хранить в молчании великую тайну небесного учения: промыслом ее в какой-то мере вторично рожденные, они обретают возможность еще раз начать путь к спасению. Вот так же и мне следует ждать небесного знамения, хотя совершенно ясно, что высоким суждением великого божества я давно уже призван и предназначен к блаженному служению. Тем не менее я должен уже теперь наряду с остальными служителями храма воздерживаться от недозволенной и нечистой пищи[53], чтобы тем скорее достигнуть скрытых тайн чистейшей веры.
22. Dixerat sacerdos, nec inpatientia corrumpebatur obsequium meum, sed intentus miti quiete et probabili taciturnitate sedulum quot dies obibam culturae sacrorum ministerium. Nec me fefellit vel longi temporis prolatione cruciavit	22. Таковы были слова жреца, и послушание мое уже не нарушалось нетерпением, но, погруженный в тихий покой и в похвальную молчаливость, усердными ежедневными поклонениями воздавал я почитание святыне.

deae potentis benignitas salutaris, sed noctis obscurae non obscuris imperiis evidenter monuit advenisse diem mihi semper optabilem, quo me maximi voti compotiret, quantoque sumptu deberem procurare supplicamentis, ipsumque Mithram illum suum sacerdotem praecipuum divino quodam stellarum consortio, ut aiebat, mihi coniunctum sacrorum ministrum decernit. Quis et ceteris benivolis praeceptis summatis deae recreatus animi necdum satis luce lucida, discussa quiete, protinus ad receptaculum sacerdotis contendo atque eum cubiculo suo commodum prodeuntem prodeuntem continatus saluto. Solito constantius destinaveram iam velut debitum sacris obsequium flagitare. At ille statim ut me conspexit, prior: "O" inquit "Luci, te felicem, te beatum, quem propitia voluntate numen augustum tantopere dignatur"; et "Quid" inquit "iam nunc stas otiosus teque ipsum demoraris? Adest tibi dies votis adsiduis exoptatus, quo deae multinominis divinis imperiis per istas meas manus piissimis sacrorum arcanis insinueris." Et iniecta dextera senex comissimus ducit me protinus ad ipsas fores aedis amplissimae rituque sollemni apertionis celebrato ministerio ac matutino peracto sacrificio de opertis adyti profert quosdam libros litteris ignorabilibus praenotatos, partim figuris cuiusce modi animalium concepti sermonis compendiosa verba suggerentes, partim nodosis et in modum rotae tortuosis capreolatimque condensis apicibus a curiositate profanorum lectione munita. Indidem mihi praedicat, quae forent ad usum teletae necessario praeparanda.	И не обманула мои ожидания спасительная благость могущественной богини: не мучила меня долгой отсрочкой, но в одну из темных ночей отнюдь не темными повелениями ясно открыла мне, что настает для меня долгожданный день, когда она осуществит величайшее из моих желаний, и сколько я должен потратить на искупительное молебствие, и что для исполнения священных обрядов назначается тот самый Митра, верховный ее жрец, которого связывает со мною, - вещала она, - какое-то божественное сродство светил[54]. Возрадовавшись в душе от этих и тому подобных благоприятных сообщений верховной богини, я при первом свете зари, стряхнув с себя сон, сразу же направляюсь к жилищу жреца и, встретив его как раз на пороге, - он уже выходил из дому, - приветствую и следую за ним. Я уже намеревался настойчивее, чем все прошлые разы, требовать у него посвящения как должного, но он сам, едва увидел меня, воскликнул: - О Луций мой, счастлив ты и блажен, - какой великой милости удостоила тебя небесная владычица! Что же ты теперь стоишь праздно, что же теперь ты сам медлишь? Вот наступает для тебя давно желанный день, в который, по божественному повелению многоименной богини, своими руками введу я тебя в пречистые тайны священного служения! Тут любезнейший старец, положив свою правую руку мне на плечо, немедленно ведет меня к самым вратам обширного здания; там, по совершении пышного обряда открытия дверей, исполнив утреннее богослужение, он выносит из недр святилища некие книги, написанные непонятными буквами; эти знаки, то изображением всякого рода животных[55] сокращенно передавая слова торжественных текстов, то всевозможными узлами причудливо переплетаясь и наподобие колеса изгибаясь[56], тайный смысл чтения скрывали от суетного любопытства. Из этих книг он прочел мне о приготовлениях, необходимых для посвящения.
23. Ea protinus naviter et aliquanto liberalius partim ipse, partim per meos socios coлmenda procuro. Iamque tempore, ut aiebat sacerdos, id postulante stipatum me religiosa cohorte deducit ad proximas balneas et prius sueto lavacro traditum, praefatus deum veniam, purissime circumrorans abluit, rursumque ad templum reductum, iam duabus diei partibus transactis, ante ipsa deae vestigia constituit secretoque	23. Сейчас же ревностно и даже с некоторым избытком закупается все, что требовалось для обряда, - частью мною самим, частью моими друзьями. Наконец жрец объявляет, что час настал, и ведет меня, окруженного священным воинством, в ближайшие бани; там после обычного омовения, призвав милость богов, он со всей тщательностью очищает меня окроплением и снова приводит к храму. Две

mandatis quibusdam, quae voce meliora sunt, illud plane cunctis arbitris praecepit, decem continuis illis diebus cibariam voluptatem colrcerem neque ullum animal essem et invinius essem. Quis venerabili continentia rite servatis, iam dies aderat divino destinatus vadimonio, et sol curvatus intrahebat vesperam. Tum ecce confluunt undique turbae sacrorum ritu vetusto variis quisque me muneribus honorantes. Tunc semotis procul profanis omnibus linteo rudique me contectum amicimine arrepta manu sacerdos deducit ad ipsius sacrarii penetralia. Quaeras forsitan satis anxie, studiose lector, quid deinde dictum, quid factum; dicerem, si dicere liceret, cognosceres, si liceret audire. Sed parem noxam contraherent et aures et lingua, <ista impiae loquacitatis>, illae temerariae curiositatis. Nec te tamen desiderio forsitan religioso suspensum angore diutino cruciabo. Igitur audi, sed crede, quae vera sunt. Accessi confinium mortis et calcato Proserpinae limine per omnia vectus elementa remeavi, nocte media vidi solem candido coruscantem lumine, deos inferos et deos superos accessi coram et adoravi de proximo. Ecce tibi rettuli, quae, quamvis audita, ignores tamen necesse est. ergo quod solum potest sine piaculo ad profanorum intellegentias enuntiari, referam.	трети дня были уже позади, когда он, поставив меня у самых ног богини и прошептав мне на ухо некоторые наставления, благостное значение которых нельзя выразить словами, перед всеми свидетелями наказывает мне воздержаться от чревоугодия, десять дней подряд не вкушать никакой животной пищи, а также не прикасаться к вину[57]. Исполняю свято этот наказ о воздержании, а между тем наступает уж и день посвящения, и солнце, склоняясь к закату, привело на землю вечер. Тут со всех сторон стекаются толпы народа, и, по стародавнему священному обычаю, каждый приносит мне в знак почтения какой-нибудь подарок. Но вот жрец, удалив всех непосвященных, облачает меня в плащ из грубого холста и, взяв за руку, вводит в сокровенные недра храма. Может быть, ты страстно захочешь знать, усердный читатель, что там говорилось, что делалось? Я бы сказал, если бы позволено было говорить, ты бы узнал, если бы слышать было позволено. Но одинаковой опасности подвергаются в случае такого дерзкого любопытства и язык и уши. Впрочем, если ты объят благочестивой жаждой познания, не буду тебя дальше томить. Итак, внимай и верь, ибо это - истина. Достиг я рубежей смерти, переступил порог Прозерпины и вспять вернулся, пройдя через все стихии; в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстал пред богами подземными и небесными и вблизи поклонился им. Вот я тебе и рассказал, а ты, хотя и выслушал, должен остаться в прежнем неведении. Но передам то единственное, что могу открыть я, не нарушая тайны, непосвященным слушателям.
24. Mane factum est, et perfectis sollemnibus processi duodecim sacratus stolis, sed effari deo eo nullo vinculo prohibeor, quippe quod tunc temporis videre praesentes plurimi. Namque in ipso aedis sacrae meditullio ante deae simulacrum constitutum tribunal ligneum iussus superstiti byssina quidem sed floride depicta veste conspicuus. Et umeris dependebat pone tergum talorum tenus pretiosa chlamida. Quaqua tamen viseres, colore vario circumnotatis insignibar animalibus; hinc dracones Indici, inde grypes Hyperborei, quos in speciem pinnatae alitis generat mundus alter. Hanc Olympiacam stolam sacrati nuncupant. At manu dextera gerebam flammis adultam facem et caput decore corona cinxerat palmae candidae foliis in modum	24. Настало утро, и по окончании богослужения я тронулся в путь, облаченный в двенадцать священных стол[58]; хотя это относится к святым обрядам, но я могу говорить об этом без всякого затруднения, так как в то время масса народа могла все видеть. И действительно, повинуясь приказанию, я поднялся на деревянное возвышение в самой середине храма, против статуи богини, привлекая взоры своей одеждой - виссоновой, правда, но ярко расписанной. С плеч за спину до самых пят спускался у меня драгоценный плащ, и со всех сторон, откуда ни взгляни, был я украшен разноцветными изображениями животных: тут индийские драконы, там гиперборейские грифоны[59], порожденные

radiorum prosistentibus. Sic ad instar Solis exornato me et in vicem simulacri constituto, repente velis reductis, in aspectum populus errabat. Exhinc festissimum celebravi natalem sacrorum, et suaves epulae et faceta convivia. Dies etiam tertius pari caerimoniarum ritu celebratus et ientaculum religiosum et teletae legitima consummatio. Paucis dehinc ibidem commoratus diebus inexplicabili voluptate simulacri divini perfruebar, inremunerabili quippe beneficio pigneratus. Sed tandem deae monitu, licet non plene, tamen pro meo modulo supplicue gratis persolutis, tardam satis domuitionem comparo, vix equidem abruptis ardentissimi desiderii retinaculis. Provolutus denique ante conspectum deae et facie mea diu detersis vestigiis eius, lacrimis obortis, singultu crebro sermonem interficiens et verba devorans aio:

другим миром и подобные крылатым птицам. Стола эта у посвященных называется олимпийской. В правой руке я держал ярко горящий факел; голову мою окружал великолепный венок из листьев ослепительно прекрасной пальмы, расходившихся в виде лучей. Вдруг завеса отдернулась, и, разукрашенный наподобие Солнца, словно воздвигнутая статуя, оказался я пред взорами народа. После этого я торжественно отпраздновал день своего духовного рождения, устроив обильное и веселое пиршество. Третий день был отмечен повторением тех же торжественных обрядов, и священная трапеза была надлежащим завершением моего посвящения. Я пробыл там еще несколько дней, вкушая невыразимую сладость созерцания священного изображения, связанный чувством благодарности за бесценную милость. Наконец, по указанию богини, воздав ей благодарность, далеко не достаточную, конечно, но лишь соответствующую моим скромным силам, я начал готовиться к возвращению домой, столь запоздалому, с великим трудом расторгая узы пламенных стремлений. И вот, повергнувшись ниц перед богиней и прижимаясь лицом к стопам ее, обливаясь слезами, голосом, прерываемым частыми рыданиями, глотая слова, я начал:

25. "Tu quidem sancta et humani generis sospitatrix perpetua, semper fovendis mortalibus munifica, dulcem matris adfectationem miserorum casibus tribuis. Nec dies nec quies nulla ac ne momentum quidem tenue tuis transcurrit beneficiis otiosum, quin mari terraque protegas homines et depulsis vitae procellis salutarem porrigas dexteram, qua fatorum etiam inextricabiliter contorta retractas licia et Fortunae tempestates mitigas et stellarum noxios meatus cohibes. Te superi colunt, observant inferi, tu rotas orbem, luminas solem, regis mundum, calcas tartarum. Tibi respondent sidera, redeunt tempora, gaudent numina, serviunt elementa. Tuo nutu spirant flamina, nutriunt nubila, germinant semina, crescunt germina. Tuam maiestatem perhorrescunt aves caelo meantes, ferae montibus errantes, serpentes solo latentes, beluae ponto natantes. At ego referendis laudibus tuis exilis ingenio et adhibendis sacrificiis tenuis patrimonio; nec mihi vocis ubertas ad dicenda, quae de tua maiestate sentio, sufficit nec ora mille linguaeque totidem vel indefessi sermonis aeterna series. Ergo quod solum potest religiosus

25. - О святейшая, человеческого рода избавительница вечная, смертных постоянная заступница, что являешь себя несчастным в бедах нежной матерью! Ни день, ни ночь одна, ни даже минута краткая не протекает, твоих благодеяний лишенная: на море и на суше ты людям покровительствуешь, в жизненных бурях простираешь десницу спасительную, которой рока нерасторжимую пряжу распускаешь[60], ярость Судьбы смиряешь, зловещее светил течение укрощаешь. Чтут тебя вышние боги, и боги теней подземных поклоняются тебе; ты круг мира вращаешь, зажигаешь Солнце, управляешь Вселенной, попираешь Тартар. На зов твой откликаются звезды, ты чередования времен источник, радость небожителей, госпожа стихий. Мановением твоим огонь разгорается, тучи сгущаются, всходят посевы, подымаются всходы. Силы твоей страшатся птицы, в небе летающие, звери, в горах блуждающие, змеи, в земле скрывающиеся, чудовища, по волнам плывущие. Но я для воздания похвал тебе - нищ разумом, для жертв благодарственных - беден имуществом:

quidem, sed pauper alioquin, efficere curabo: divinos tuos vultus numenque sanctissimum intra pectoris mei secreta conditum perpetuo custodiens imaginabor." Ad istum modum deprecato summo numine complexus Mithram sacerdotem et meum iam parentem colloque eius multis osculis inhaerens veniam postulabam, quod eum condigne tantis beneficiis munerari nequirem.	и всей полноты речи не хватает, чтобы выразить чувства, величием твоим во мне рожденные, и тысячи уст не хватило бы, тысячи языков и неустанного красноречья потока неиссякаемого! Что же, постараюсь выполнить то единственное, что доступно человеку благочестивому, но неимущему: лик твой небесный и божественность святейшую в глубине моего сердца на веки вечные запечатлею и сберегу. Помолившись таким образом верховной богине, я бросаюсь на шею жрецу Митре, ставшему для меня вторым отцом, и, осыпая его поцелуями, прошу прощенья, что не могу отблагодарить его как следует за его благодеяния.
26. Diu denique gratiarum gerendarum sermone prolixo commoratus, tandem digredior et recta patrium larem revisurus meum post aliquam<?> multum temporis contendo paucosque post diebus deae potentis instinctu raptim constrictis sarcinulis, nave conscensa, Romam versus profectionem dirigo, tutusque prosperitate ventorum ferentium Augusti portum celerrime <pervenio> ac dehinc carpento pervolavi, vesperaque, quam dies insequebatur Iduum Decembrium, sacrosanctam istam civitatem accedo. Nec ullum tam praecipuum mihi exinde studium fuit quam cotidie supplicare summo numini reginae Isidis, quae de templi situ sumpto nomine Campensis summa cum veneratione propitiatur. Eram cultor denique adsiduus, fani quidem advena, religionis autem indigena. Ecce transcurso signifero circulo Sol magnus annum compleverat, et quietem meam rursus interpellat numinis benefici cura pervigilis et rursus teletae, rursus sacrorum commonet. Mirabar, quid rei temptaret, quid pronuntiaret futurum; quidni? <Qui> plenissime iam dudum videbar initiatus.	26. Я долго и пространно изливал ему свою благодарность, наконец расстаюсь с ним и сразу пускаюсь в путь, чтобы вновь увидеть отеческий дом после столь долгого отсутствия. Но остаюсь я там всего несколько дней, потому что, по внушению великой богини, поспешно собрав свои пожитки, сажусь на корабль и отправляюсь в Рим. Вполне благополучно, при попутном ветре, я быстро достигаю Августовой гавани[61]; пересев там в повозку, лечу дальше и к вечеру, накануне декабрьских ид[62], прибываю в святейший этот город[63]. С тех пор главным моим занятием стали ежедневные молитвы верховной богине, Изиде-владычице, которую там с глубочайшим благоговением чтили под названием Полевой[64] - по местоположению ее храма; был я усердным ее почитателем-в этом храме хотя и пришелец, но в учении свой человек. Вот великое Солнце, пройдя весь круг зодиака, уже завершило свой годовой путь, как вдруг неусыпная забота благодетельного божества снова прерывает мой покой, снова напоминает мне о посвящении, снова - о таинствах. Я очень удивился: в чем дело, что предвещают слова богини? Да и как не изумляться! Ведь я уже давно считал себя вполне посвященным.
27. Ac dum religiosum scrupulum partim apud meum sensum disputo, partim sacratorum consiliis examino, novum mirumque plane comperior: deae quidem me tantum sacris imbutum, at magni dei deumque summi parentis invicti Osiris necdum sacris inlustratum; quanquam enim conexa, immo vero unita ratio numinis religionisque esset, tamen teletae discrimen interesse maximum; prohinc me quoque peti magno etiam deo famulum sentire deberem. Nec diu res in ambiguo stetit. Nam proxuma nocte vidi quendam de sacratis linteis	27. Покуда я религиозные сомнения эти отчасти своим умом разбирал, отчасти подвергал рассмотрению служителей святыни, я узнаю совершенно неожиданную для себя новость: что только в таинства богини был я посвящен, но обрядами Озириса непобедимого, великого бога и верховного родителя богов, никогда просвещен не был, и что хотя сущности этих божеств и их учений тесно соприкасаются между собою и даже едины, но в посвящениях имеются огромные отличия; поэтому мне должно быть понятно, что я

iniectum, qui thyrsos et hederas et tacenda quaedam gerens ad ipsos meos lares collocaret et occupato sedili meo religionis amplae denuntiaret epulas. Is ut agnitionem mihi scilicet certo aliquo sui signo subministraret, sinistri pedis talo paululum reflexo cunctabundo clementer incedebat vestigio. Sublata est ergo post tam manifestam deum voluntatem ambiguitatis tota caligo et ilico deae matutinis perfectis salutationibus summo studio percontabar singulos, ecqui vestigium similis ut somnium. Nec fides afuit. Nam de pastophoris unum conspexi statim praeter indicium pedis cetero etiam statu atque habitu examussim nocturnae imagini congruentem, quem Asinium Marcellum vocitari cognovi postea, reformationis meae <minime> alienum nomen. Nec moratus conveni protinus eum sane nec ipsum futuri sermonis ignarum, quippe iam dudum consimili praecepto sacrorum ministrandorum commonefactum. Nam sibi visus est quiete proxima, dum magno deo coronas exaptat, * * * et de eius ore, quo singulorum fata dictat, audisse mitti sibi Madaurensem, sed admodum pauperem, sui statim sua sacra deberet ministrare; nam et illi studiorum gloriam et ipsi grande compendium sua comparari providentia.

призван сделаться служителем и этого великого бога. Дело недолго оставалось в неопределенности. В ближайшую же ночь увидел я какого-то жреца в полотняном одеянии; в руках у него тирсы, плющ[65] и еще нечто, чего я не имею права называть; все это он кладет пред моими ларами, а сам, заняв мое сиденье, говорит мне, чтобы я приготовлял обильную священную трапезу. И для того, разумеется, чтобы я лучше мог узнать его, он отличался одной особенностью, а именно: левая пятка у него была несколько искривлена, так что при ходьбе в его поступи была заметна легкая неуверенность. После такого ясного выражения божественной воли всякая тень неопределенности исчезла, и я тотчас после утренних молитв богине стал с величайшим вниманием наблюдать за каждым жрецом, нет ли у кого такой походки, как та, что я видел во сне. Ожидания мои оправдались. Вскоре я заметил одного из пастофоров, у которого не только походка, но вдобавок и осанка и внешность точь-в-точь совпадали с моим ночным видением; звали его, как я потом узнал, Азинием Марцеллом - имя, не чуждое моим превращениям[66]. Я не стал медлить и тут же подошел к нему; он и сам уже, разумеется, знал о предстоящем разговоре, так как, подобно мне, давно уже был предупрежден свыше, что речь пойдет о посвящении в таинства. Накануне ночью ему приснилось, что когда он возлагал венки на статую великого бога...*[* В рукописях пропуск нескольких слов.] и из уст его, изрекающих судьбы каждого в отдельности, услышал, что послан будет к нему уроженец Мадавры[67], человек очень бедный, над которым сейчас же нужно свершить священные обряды, так как, по божественному его промыслу, и посвящаемый прославится своими подвигами, и посвятитель получит высокое вознаграждение.

28. Ad istum modum desponsus sacris sumptuum tenuitate contra votum meum retardabar. Nam et viriculas patrimonii peregrinationis adtriverant impensae et erogationes urbicae pristinis illis provincialibus antistabant plurimum. Ergo duritia paupertatis intercedente, quod ait vetus proverbium, inter sacrum ego et saxum positus cruciabar, nec setius tamen identidem numinis premebar instantia. Iamque saepicule non sine magna turbatione stimulatus, postremo iussus, veste ipsa mea quamvis parvula distracta, sufficientem contraxi summulam. Et id ipsum praeceptum fuerat

28. Предназначенный, таким образом, к божественному посвящению, я медлил, вопреки своему желанию, из-за недостатка средств. Жалкие крохи моего наследства были истрачены на путешествие, да и столичные издержки значительно превышали расходы тех дней, когда я жил в провинции. Так как неумолимая бедность стояла у меня на пути, а внушения божества все настойчивее меня торопили, то я очутился, по пословице, между молотом и наковальней. Все чаще и чаще, побуждаемый божеством, я терял спокойствие, наконец убеждения перешли в приказания.

specialiter: "An tu" inquit "si quam rem voluptati struendae moliris, laciniis tuis nequaquam parceres: nunc tantas caerimonias aditurus impaenitendae te pauperiei cunctaris committere?" Ergo igitur cunctis adfatim praeparatis, decem rursus diebus inanimis contentus cibis, insuper etiam deraso capite, principalis dei nocturnis orgiis inlustratus, plena iam fiducia germanae religionis obsequium divinum frequentabam. Quae res summum peregrinationi meae tribuebat solacium nec minus etiam victum uberiorem subministrabat, quidni? Spiritu faventis Eventus quaesticulo forensi nutrito per patrocinia sermonis Romani.	Тогда я, распродав свой запас одежды, довольно скудный правда, кое-как наскреб требуемую небольшую сумму. На это мне было особое увещевание. - Неужели ты, - так говорилось мне, - хоть одну минуту пожалел бы о своих платьях, если бы дело шло о каком-нибудь предстоящем удовольствии? Теперь же, на пороге таких церемоний, ты не решаешься предаться нищете, в которой не будешь раскаиваться? Итак, все было приготовлено в достаточном количестве; снова я десять дней не вкушал животной пищи, даже голову выбрил вдобавок[68], и, наконец, просвещенный ночными бдениями, со всею доверчивостью предался святым обрядам этой родственной религии. Она не только служила мне большим утешением в моем положении чужеземца, но даже доставила мне довольно значительные средства к пропитанию; в самом деле, кем как не благодательной Удачей был ниспослан мне тот заработок адвоката, что я получил, ведя дела на латинском языке?
29. Et ecce post pauculum tempus inopinatis et usquequaque mirificis imperiis deum rursus interpellor et cogor tertiam quoque teletam sustinere. Nec levi cura sollicitus, sed oppido suspensus animi mecum ipse cogitationes exercitius agitabam, quorsus nova haec et inaudita se caelestium porrigeret intentio, quid subsicivum, quamvis iteratae iam, traditioni remansisset: "Nimirum perperam vel minus plene consuluerunt in me sacerdos uterque"; et hercules iam de fide quoque eorum opinari coeptabam sequius. Quo me cogitationis aestu fluctuantem ad instar insaniae percitum sic instruxit nocturna divinatione clemens imago: "Nihil est" inquit "quod numerosa serie religionis, quasi quicquam sit prius omissum terreare. Quin adsidua ista numinum dignatione laetus capesse gaudium et potius exsulta ter futurus, quod alii vel semel vix conceditur, teque de isto numero merito praesume semper beatum. Ceterum futura tibi sacrorum traditio pernecessaria est, si tecum nunc saltem reputaveris exuvias deae, quos in provincia sumpsisti, in eodem fano depositas perseverare nec te Romae diebus sollemnibus vel supplicare iis vel, cum praeceptum fuerit, felici illo amictu illustrari posse. Quid felix itaque ac faustum salutareque sit, animo gaudiali rursum sacris initiare deis magnis auctoribus."	29. И вот прошло всего несколько дней, как неожиданно, к великому моему удивлению, снова раздается зов свыше, приказывающий мне в третий раз подвергнуться посвящению. Обеспокоенный немалой заботой и придя в сильное волнение, я крепко задумался: куда клонится это новое и неслыханное намерение небожителей? что еще осталось неисполненным, хотя я подвергался дважды посвящению? "Ну конечно, - говорил я себе, - и тот и другой жрецы допустили какую-нибудь ошибку или чего-нибудь недоделали". И, клянусь Геркулесом, я начал уже сомневаться в их добросовестности, Благостное видение ночным вещанием вывело меня из этих беспорядочно бушевавших мыслей, напоминавших рассуждения безумца. - Нечего тебе,- сказано мне было, - опасаться многочисленных посвящений и думать, что в предыдущих было что-нибудь опущено. Этим доказательством неоскудевающей божественной к тебе милости в радости гордись и, скорее уж, ликуй, что трижды назначено тебе то, чего другие едва единожды удостаиваются. Ты же из самого числа посвящении[69] должен почерпнуть уверенность в вечном своем блаженстве. Впрочем, предстоящее тебе посвящение вызвано крайней необходимостью. Вспомни только, что облачение богини, которое возложил ты на свои плечи в провинции, там в храме и

осталось лежать, и в Риме ты не сможешь ни участвовать в торжественных богослужениях, когда требуется это одеяние, ни украсить себя счастливою тою ризою, если получишь такое приказание. Итак, с радостной душой приступай по воле богов великих к новому посвящению, и да будет оно тебе на благо, счастие и спасение!

30. Hactenus divini somnii suada maiestas, quod usus foret, pronuntiavit. Nec deinceps postposito vel in supinam procrastinationem reiecto negotio, statim sacerdoti meo relatis quae videram, inanimae protinus castimoniae iugum subeo et lege perpetua praescriptis illis decem diebus spontali sobrietate multiplicatis instructum teletae comparo largitus, <omnibus> ex studio pietatis magis quam mensura rerum <mearum> collatis. Nec hercules laborum me sumptuumque quidquam tamen paenituit, quidni? Liberali deum providentia iam stipendiis forensibus bellule fotum. Denique post dies admodum pauculos deus deum magnorum potior et potiorum summus et summorum maximus et maximorum regnator Osiris non in alienam quampiam personam reformatus, sed coram suo illo venerando me dignatus adfamine per quietem recipere visus est: quae nunc, incunctanter gloriosa in foro redderem patrocinia, nec extimescerem malevolorum disseminationes, quas studiorum meorum laboriosa doctrina ibidem exciverat. Ac ne sacris suis gregi cetero permixtus deservirem, in collegium me pastophorum suorum immo inter ipsos decurionum quinquennales adlegit. Rursus denique quaqua raso capillo collegii vetustissimi et sub illis Syllae temporibus conditi munia, non obumbrato vel obtecto calvitio, sed quoquoversus obvio, gaudens obibam.

30. Затем божественное видение - величественный мой увещеватель - возвещает мне обо всем, что необходимо сделать. Сразу же после этого, не откладывая и попусту не затягивая дела, я сообщаю своему жрецу обо всем виденном, принимаю на себя ярмо воздержания от мясной пищи, в благоразумии своем добровольно увеличив десятидневный срок поста, предписанный вечным законом, и, не жалея издержек, готовлюсь к посвящению, более руководствуясь благочестивым рвением, чем необходимою мерою. И, клянусь Геркулесом, не пожалел я о хлопотах и издержках: по щедрому промыслу богов, выступления в суде стали приносить мне изрядный доходец. Наконец, через несколько деньков бог среди богов, среди могучих могущественнейший, среди верховных высший, среди высших величайший, среди величайших владыка, - Озирис, не приняв чужого какого-либо образа, а в собственном своем божественном виде удостоил и почтил меня своим явлением. Он сказал мне, чтобы я бестрепетно продолжал свои славные занятия в суде, не боясь сплетен недоброжелателей, которые вызваны отличающими меня трудолюбием и ученостью. А чтобы я, не смешиваясь с толпой остальных посвященных, мог ему служить, избрал меня в коллегию своих пастофоров, назначив даже одним из пятилетних декурионов. Снова обрив голову, я вступил в эту стариннейшую коллегию, основанную еще во времена Суллы[70], и хожу теперь, ничем не осеняя и не покрывая своей плешивости, радостно смотря в лица встречных.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лукиан

ЛУКИЙ, ИЛИ ОСЕЛ

1. Однажды я отправился в Фессалию; у меня было какое-то поручение от отца к одному местному человеку. Лошадь везла меня и мои вещи, и сопровождал меня один слуга. Ехал я большой проезжей дорогой; во время пути встретились мне также другие путники, направляющиеся в Гипату, город Фессалии, откуда они были родом. Угощая друг друга, мы таким образом одолели трудный путь и были уже близко от города, когда я спросил

фессалийцев, не знают ли они жителя Гипаты по имени Гиппарха, - я вез ему письмо из дому и думал остановиться у него. Они ответили, что знают этого Гиппарха и в каком месте города он живет, и что денег у него довольно, но он содержит только одну служанку и свою жену: он страшно скуп. Когда мы приблизились к городу, то нашли какой-то сад и в нем приличный домик; здесь и жил Гиппарх.

2. Спутники мои, обняв меня, уехали, а я, подойдя к двери, стучу; не скоро и с трудом меня услыхала служанка и наконец вышла. Я спросил, дома ли Гиппарх. "Дома, - сказала она, - но кто ты, что тебе нужно?" - "Я приехал к нему с письмом от Декриана, патрейского софиста". - "Подожди меня здесь", - сказала она и снова ушла в дом, заперев дверь. Потом, вернувшись, пригласила нас войти. Войдя к Гиппарху, я обнял его и передал письмо. Это было в начале ужина; он лежал на узком ложе, жена сидела рядом, и перед ними стоял стол, на котором ничего не было. Прочтя письмо, Гиппарх сказал: "Декриан - мой лучший друг и самый выдающийся эллин. Он прекрасно делает, смело посылая ко мне своих друзей. Ты видишь, Лукий, как мой домик невелик, но он радушен, ты будешь чувствовать себя в нем так же, как если бы мирно жил в большом доме". Тут он обратился к девушке: "Палестра, дай комнату приятелю моему и сложи в ней вещи, какие он привез, потом отведи его в баню: ведь он проделал немалый путь".

3. По этому приказанию Палестра увела меня и показала прекрасную комнату, сказав: "Ты будешь спать на этой кровати, а слуге твоему я устрою постель рядом и положу ему подушку". Потом мы отправились мыться, давши ей денег на ячмень для лошади, а она принесла наши вещи и положила их в комнату.

Вернувшись из бани, мы тотчас присоединились к хозяевам. Гиппарх, взяв меня за руку, пригласил меня занять место рядом с ним за столом. Ужин был не плох, вино вкусное и старое. Когда ужин был окончен, мы стали пить, и пошли разговоры, как это всегда бывает, когда принимают гостя; проведя таким образом вечер за вином, мы отправились спать. На следующий день Гиппарх спросил меня, какой путь мне теперь предстоит и проведу ли я все дни у него. "Я поеду в Лариссу, - ответил я, - но, вероятно, пробуду в городе от трех до пяти дней".

4. Но это было притворство; мне страшно хотелось, задержавшись здесь, разыскать какую-нибудь женщину, знающую магию, и быть свидетелем каких-нибудь чудес, вроде летающего человека или обращенного в камень. Охваченный желанием увидеть подобное зрелище, я бродил по городу, не зная, как приступить к поискам, но все же бродил. Вдруг, вижу, навстречу идет женщина, еще молодая, богатая, насколько можно судить по внешности: цветное платье, толпа слуг и множество золота. Когда я подошел ближе, она обратилась ко мне с приветом, и я ответил ей тем же. "Я Аброя, - сказала она, - ты должен меня знать, если слышал о друзьях своей матери. И вас, ее детей, я люблю, как тех, которых сама родила. Что же ты, мой мальчик, не у меня остановился?" - "Большое тебе спасибо, - сказал я, - но мне совестно уходить из дома друга, раз мне не в чем его упрекнуть, но от души я хотел бы быть с тобой". - "Где же ты живешь?" - спросила она. "У Гиппарха". - "У этого скупца?" - "Не говори этого, матушка, - ответил я, - он был щедр и очень радушен ко мне, так что скорее его можно упрекнуть в роскоши". Улыбнувшись, она взяла меня за руку и, отведя в сторону, сказала: "Остерегайся всяких уловок со стороны жены Гиппарха: она страшная колдунья и развратница и обращает свое внимание на каждого молодого человека. А кто ей не поддается, тому она мстит своим искусством: многих она превратила в животных, а иных и совсем погубила. Ты же, мой мальчик, еще молод и так красив, что тотчас же понравишься этой женщине, к тому же ты чужестранец, и по отношению к тебе все разрешается".

5. Но я, узнав, что то, что так давно искал, находится у меня дома, уже не обращал внимания на Аброю и, как только она отпустила меня, пошел домой, болтая сам с собою по дороге: "Ну, вот ты все повторял, что жаждешь такого необыкновенного зрелища, встряхнись же и найди хитрый способ, которым мог бы добиться того, чего желаешь: подберись к служанке, к Палестре, - нельзя же сближаться с женой своего хозяина и друга, - обхаживай ее, возись с ней, и, соединясь с ней, ты легко все узнаешь, будь уверен: ведь слуги знают все про господ, и дурное и хорошее".

Рассуждая с собою таким образом, я пришел домой. Ни Гиппарха, ни его жены я не застал

дома, а Палестра хлопотала у очага, приготовляя нам ужин.
6. И я тут же, не упуская случая, сказал: "Как ловко ты, прекрасная Палестра, свой задок вместе с горшком вертишь и покачиваешь. У меня от нежности даже бедра сводит: счастлив, кто сумеет в горшок окунуться". Палестра была очень задорная и полная прелести девочка. "Беги, мальчишечка, - сказала она, - если у тебя есть ум и ты хочешь остаться в живых: горшок полон огня и угара. Если ты хоть раз его коснешься, ты у меня останешься здесь с пылающей раной, и никто тебя не исцелит, даже бог-целитель, а только одна я, которая тебя обожгла. Но, что всего страннее, я заставлю тебя желать того же все сильнее, и, хотя мое ухаживание будет лишь обновлять твою боль, ты стерпишь все, и даже камнями тебя не отгонишь от сладкой боли. Что ты смеешься? Ты видишь перед собой настоящую людоедку, ведь я не только такие простые блюда приготовляю. Я знаю кое-что получше и побольше: человека резать, кожу с него сдирать и на куски крошить, а особенно люблю касаться внутренностей и сердца". - "Ты правду говоришь, - сказал я. - Хоть я и близко не подходил к тебе, но ты издали меня - не обожгла, клянусь Зевсом, нет - ты ввергла в самый огонь. Через глаза мои ты влила мне в грудь свое невидимое пламя и жжешь меня, а я ничем перед тобой не виноват. Поэтому, ради богов, исцели меня своим жестоким и сладким лечением, о котором сама говорила... Возьми меня, я уже без ножа зарезан, снимай с меня кожу, как сама хочешь". Она громко и весело расхохоталась в ответ и стала во всем моей. Между нами было условлено, что она придет ко мне, когда уложит спать господ, и проведет со мной ночь.
7. Спустя некоторое время пришел Гиппарх, и мы, совершив омовение, легли ужинать, и много было выпито во время нашей беседы. Наконец, притворившись, что хочу спать, я встал и ушел в свою комнату. Все в ней было устроено прекрасно: слуге было постлано за дверью, а у моей постели стоял стол с чашей. Тут были и вино и вода наготове, холодная и горячая,- все это было дело Палестры. На ложе было разбросано множество роз, полных и осыпавшихся и заплетенных в венки. Найдя все готовым к пиру, я стал ждать подругу.
8. Уложив свою госпожу, она поспешно пришла ко мне, и пошло у нас веселье, вино сменялось поцелуями, и мы пили за здоровье друг друга. Когда же хмель вполне нас подготовил к предстоящей ночи. Палестра мне сказала: "Помни, юноша, больше всего, что ты наткнулся на Палестру, и тебе придется теперь показать, был ли ты искусным эфебом и много ли заучил упражнений". - "Ты увидишь, что я не отступлю перед таким вызовом: итак, раздевайся и давай состязаться". - "Ну, вот тебе испытание, - сказала Палестра, - посмотрим, выполнишь ли ты у меня его так, как я хочу: я, как учитель и наставник, буду придумывать упражнения, какие захочу, а ты будешь готов повиноваться и исполнять все мои приказания". - "Ну, приказывай, - ответил я, - увидишь, как сильны, ловки и крепки будут мои приемы".

9. Она сняла с себя одежду и, став передо мной совсем нагая, начала приказывать: "Юноша, разденься и, натеревшись маслом, обхвати соперника; стисни его обеими ногами, вали его навзничь, затем налегая сверху и раздвигая его колени, встань, подними кверху его ноги и не отпускай и, совладавши с ним, нажимай, дави и толкай его всячески, пока не устанешь. Пусть бедра твои окрепнут, тогда, вытащив оружие, нанеси широкую рану, снова толкай в стену, потом бей. Когда увидишь, что он слабеет, хватай его и, связав узлом ноги, поддерживай его, только старайся не спешить, а бороться с некоторой выдержкой. Теперь довольно".
10. Когда я все это исполнил с легкостью, и упражнениям нашим пришел конец, я оказал Палестре, смеясь: "Ты видишь, учитель, как ловко и послушно я боролся; смотри же, не предлагай упражнения без меры; ты отдаешь одно приказание за другим". Но она ударила меня по щеке. "Что за вздорного ученика я приняла, - сказала она. - Берегись, как бы тебе не получить еще больше ударов, если ты станешь делать что-нибудь без приказания". С этими словами она встала и, приведя себя в порядок, сказала: "Теперь ты покажешь, молод ли ты и крепкий ли боец и умеешь ли бороться с колена". И, упав в постели на колено: "Ну-ка, боец, - сказала она, - места заняты, так что нападай и борись смело. Видишь, вот перед тобой обнаженный противник, пользуйся этим. Первое по порядку, обхвати его, как кольцом, потом, наклонив его, навались, держи крепко и не отпускай его. Когда он ослабеет, тотчас же приподнявшись, подвинься ближе и овладевай им и смотри не отпускай раньше, чем получишь приказание, а, изогнувшись, веди нападение снизу и старайся изо всех сил; теперь отпусти врага: он обессилен и весь в поту".

Тут уж я со смехом сказал: "Я тоже хочу, учитель, приказать тебе сделать кое-какие упражнения, а ты слушайся: поднимись и сядь, потом ляг в мои объятья, прильнув всем телом, и, обняв меня, ласкай и усыпи меня, ради Геракла".

11. Стараясь превзойти друг друга в таких удовольствиях и забавах борьбы, мы увенчали себя венками в знак побед на наших ночных состязаниях, и столько было в этом наслаждения, что я совсем забыл о пути в Лариссу. Однако как-то мне пришло на ум узнать то, ради чего я состязался, и сказал Палестре: "Покажи мне, дорогая, свою госпожу за чарами или превращениями. Я давно уж жажду такого необыкновенного зрелища. А еще лучше, если умеешь, сделай сама что-нибудь магическое и явись мне в разных образах. Ведь, я думаю, и ты имеешь немалый опыт в этом искусстве. Я это знаю не понаслышке от других, а испытал на своем собственном сердце, так как прежде, как говорили женщины, я был "стальным" и не бросал ни на кого влюбленных взглядов, а ты все-таки овладела мной при помощи этого искусства, и теперь я твой пленник, соблазненный любовной борьбой". Но она ответила: "Перестань шутить. Какое заклинание может приворожить любовь, когда она сама владеет этим искусством? А я, мой дорогой, ничего подобного не умею, клянусь твоей жизнью и этим блаженным ложем. Я не училась заклинаньям, а госпожа моя ревнива в своем искусстве. Но, если придется случай, я постараюсь дать тебе посмотреть на ее превращения". На этом мы заснули.

12. Несколько дней спустя Палестра мне объявила, что госпожа ее собирается превратиться в птицу и улететь к любовнику. "Вот случай, милая Палестра, - сказал я, - показать мне твое расположение: ты можешь теперь удовлетворить давнишнее мое желание, о котором я просил тебя". - "Будь спокоен", - отвечала она. Когда наступил вечер, она повела меня к дверям комнаты, где спали муж с женой, и приказала мне прильнуть к небольшой щели в двери и смотреть, что происходит внутри. Я увидел жену Гиппарха, которая раздевалась, потом обнаженная подошла к свету и, взяв две крупинки ладана, бросила их в огонь светильника и долго приговаривала над огнем. Потом открыла объемистый ларец, в котором находилось множество баночек, и вынула одну из них. Что в ней заключалось, я не знаю, но по запаху мне показалось, что это было масло. Набрав его, она вся им натерлась, начиная с пальцев ног, и вдруг у нее начали вырастать перья, нос стал вороньим и кривым - словом, она приобрела все свойства и признаки птиц: сделалась она не чем иным, как ночным вороном. Когда она увидела, что вся покрылась перьями, она страшно каркнула и, подпрыгнув, как ворона, вылетела в окно.

13. Думая, что я вижу все это во сне, я тер себе пальцами веки, не веря собственным глазам, что они видят, что все это наяву. С большим трудом я убедился наконец, что не сплю, и стал просить Палестру окрылить меня и, смазав этим же снадобьем, дать и мне возможность полететь: я хотел на опыте узнать, не стану ли я, превратившись из человека в птицу, и душой пернатым. Приоткрыв дверь в комнату. Палестра достала ящичек, а я, уже раздевшись, поспешно весь натерся мазью, но я сделался, несчастный, не птицей: сзади у меня вырос хвост, пальцы мои исчезли неизвестно куда, а ногтей у меня сделалось всего четыре,- но вот уже это только копыта, руки и ноги у меня становятся ногами вьючного животного, уши длинными и лицо громадным. Когда я огляделся кругом, я увидел, что превратился в осла, и, чтобы упрекнуть Палестру, не имел человеческого голоса. Только вытянутой нижней губой и всем своим обликом, глядя, как осел, исподлобья, я жаловался ей, как мог, на то, что превратился в осла, а не в птицу.

14. Палестра била себя по лицу руками. "Ах, я несчастная, - говорила она, - такую беду я наделала. Я заторопилась и ошиблась баночкой из-за их сходства, взяла не ту, которая выращивает крылья, а другую. Но не беспокойся, мой дорогой. Это легко поправить. Если ты поешь роз, с тебя тотчас спадет личина зверя, и ты снова вернешь мне моего любовника. Но, голубчик, на одну эту ночь тебе придется остаться ослом, а поутру я прибегу и принесу тебе роз, ты поешь их и исцелишься". Говоря мне это, она ласкала мне уши и шерсть.

15. А я, хоть во всем остальном стал ослом, душой и умом остался человеком, тем же Лукием, за исключением голоса.

Итак, в душе сильно упрекая Палестру за ее ошибку и кусая себе губу, я пошел туда, где, как я знал, стояли моя лошадь и настоящий осел Гиппарха. Но они, почуяв, что я подошел, и

боясь, чтобы я не подобрался к их сену, прижали уши и приготовились копытами защищать свои животы. А я, сообразив это, подальше отодвинулся к конюшне и стоял, смеясь, но смех мой был ржанием. - Что за неумеренное любопытство! - говорил я себе. - Что, если заберется волк или иной зверь? Я могу погибнуть, хоть не сделал ничего дурного. - Рассуждая так, я не подозревал, несчастный, грядущей беды.

16. Уже глубокой ночью, когда наступила полная тишина и все погрузилось в сладкий сон, вдруг затрещала стена снаружи, как будто ее проламывали. И в самом деле проламывали. Дыра была уже такая, что человеку можно было пролезть, и вот через нее проходит один, за ним другой тем же путем, и вот их уже много внутри, и у всех мечи. Связав в комнатах Гиппарха, Палестру и моего раба, они без боязни опустошили дом и вытащили наружу деньги, платье и вещи. После того как в доме больше ничего не осталось, они взяли меня, другого осла и лошадь, нагрузили нас и все награбленное связали. С таким большим грузом они нас погнали в гору ударами палок, стараясь бежать по малоезженной дороге. Что другие животные испытывали, не могу сказать, но я, не подкованный и не привыкший к ходьбе по острым камням, просто погибал, неся такие тяжести. Часто я спотыкался, но падать было нельзя, так как тотчас же сзади кто-нибудь ударял меня палкой по бедрам. Не раз я хотел закричать: "О, Цезарь", но испускал только рев. "О" я кричал сильно и звонко, но "Цезарь" не выходило. Между тем за это меня били, так как я выдавал разбойников своим ревом. Сообразив, что я кричу напрасно, я решил далее идти молча и выгадать по крайней мере на ударах.

17. Между тем настал день. Мы перебрались уже через несколько гор. Рты наши были завязаны, чтобы мы, срывая траву по пути, не теряли времени, так что и на этот день я остался ослом. Когда прошла половина этого дня, мы остановились во дворе у каких-то знакомых наших грабителей, судя по всему происходившему: они встретили их объятиями, просили остановиться и угостили обедом, а нам, животным, засыпали ячменю. Другие пообедали, а мне пришлось голодать самым жалким образом. И так как в то время я никогда еще не получал на обед сырого ячменя, я стал посматривать, не найдется ли чего-нибудь более съедобного. Вдруг вижу сад тут же за двором; в нем было много прекрасных овощей, а за ними виднелись розы. Потихоньку от всех, беспечно сидевших внутри за обедом, я вошел в сад, отчасти чтобы наесться сырых овощей, отчасти ради роз, так как я полагал, что, поев этих цветов, я снова стану человеком. Итак, вступив в сад, я набил себе живот репой, петрушкой, латуком - всем, что только ест сырым человек; но розы эти были не настоящие розы, а те, что цветут на диком лавре, - люди называют его рододендрон, - плохое кушанье для всякого осла или лошади: говорят, что съевший его тотчас умирает.

18. Тут садовник, почуяв беду и схватив палку, вошел в сад и, обнаружив врага и порчу овощей, возомнил себя каким-то грозным судьей, карающим преступника, и так избил меня палкой, не щадя ни боков моих ни бедер, что даже разбил мне уши и лицо поранил. Но я, потеряв терпение, ударил его обеими ногами и свалил навзничь прямо в овощи, а сам побежал вверх в гору. Когда он увидел, что я быстро удаляюсь, он закричал, чтобы выпустили собак за мной. А собак было много и очень больших, которые могли бы сцепиться с медведем. Я сообразил, что если они поймают меня, то растерзают, и, отбежав несколько в сторону, решил по совету пословицы: "лучше вернуться назад, чем плохо бежать". Итак, я повернулся и возвратился прямо в стойло. Тогда разбойники удержали собак, бросившихся в погоню, и привязали их, а меня начали бить и остановились не раньше, чем я от боли извергнул все съеденные овощи обратно.

19. Когда пора было отправляться в путь, на меня навалили больше всего награбленных вещей и самых тяжелых. И таким образом мы двинулись отсюда. Так как я уже был доведен до отчаяния ударами, изнемогал под бременем поклажи и изранил в пути все свои копыта, я решил тут же свалиться и не вставать, хотя бы они меня убили своими палками. Я надеялся получить большую выгоду от этого решения, так как думал, что грабители во всяком случае покорятся обстоятельствам, разделят мой груз между лошадью и мулом, а меня оставят лежать на съедение волкам. Но какой-то завистливый дух, проникнув в мои мысли, обратил все это против меня. Внезапно другой осел, может быть, рассуждавший совершенно так же, как я, падает на дороге. Разбойники побуждают несчастного встать сначала ударами палок, когда же он не слушается ударов, то одни берут его за уши, другие за хвост и стараются заставить его

очнуться. Так как ничего не выходило и осел оставался лежать без движения на дороге, как камень, то они, придя к мысли, что напрасно стараются и тратят время, нужное для бегства, на возню с дохлым ослом, распределили между мной и конем все вещи, которые он нес, а несчастного нашего товарища по плену и грузу, подрезав ему мечом ноги, сталкивают, еще содрогающегося, в пропасть. И он скатывается вниз, отплясывая пляску смерти.

20. Видя на примере моего спутника, каков был бы конец моих расчетов, я решил твердо переносить свое положение и бодро шагал дальше, в надежде когда-нибудь наткнуться на розы и с их помощью спастись, ставши самим собой.

От воров я слышал, что уж немного пути осталось и что мы отдохнем там, где остановимся; поэтому всю поклажу мы тащили рысью и до наступления вечера достигли дома. В нем сидела старая женщина; пылал большой огонь. Разбойники сложили в доме все, что мы привезли. Потом спросили старуху: "Чего это ты сидишь себе этак и не готовишь обеда?" - "Да все для вас припасено, - сказала она, - хлеба достаточно много, много кадок старого вина, и у меня приготовлена для вас жареная дичь". Похвалив старуху, они разделись, натерлись у огня салом и, доставши котел горячей воды, обмылись в этой наскоро устроенной бане.

21. Потом, немного времени спустя, пришло много молодых людей, которые принесли множество вещей, все золотых и серебряных, и кучу одежды, и нарядов мужских и женских. Они присоединились к ворам и, когда сложили все это в доме, также вымылись; затем последовали обильный обед и длинные беседы разбойников за попойкой. А мне и лошади старуха положила ячменя. Лошадь поспешно съела ячмень, боясь, как и следует, найти во мне сотрапезника. Но я, как только видел, что старуха выходит из дому, тотчас ел хлеб. На следующий день все остальные ушли из дому на работу, а старухе оставили одного юношу на подмогу. Я изнывал от такой тщательной охраны. Я мог не заботиться о старухе и имел возможность ускользнуть от ее надзора, но юноша был силен и смотрел весьма свирепо, всегда носил меч и двери держал на запоре.

22. Три дня спустя среди ночи возвратились разбойники, не неся ни золота, ни серебра, ни других вещей, а привели только девушку в расцвете лет, очень красивую; она плакала и рвала на себе платье и волосы. Посадив ее в доме на подстилку, они уговаривали ее не бояться, а старухе приказали постоянно оставаться дома, держать девушку под надзором. Но девушка не хотела ничего ни есть ни пить, а все плакала и рвала на себе волосы, так что я сам, стоя близко у стойла, плакал вместе с этой прекрасной девушкой. Между тем разбойники ужинали в передней дома. Близился уже день, когда кто-то из дозорных, которому выпал жребий сторожить дорогу, пришел и сказал, что какой-то чужестранец собирается проехать этой дорогой и везет с собой большие деньги. Разбойники, как были, вскочили оставив ужин и, вооружившись и оседлав меня и лошадь, погнали вперед. Но я, несчастный, сознавая, что меня гонят на бой и на грабеж, подвигался лениво, а так как они спешили, то били меня палками. Когда же мы дошли до дороги, где путешественник должен был проехать, разбойники, напав на повозки, убили и его самого и слугу его, а все, что было самого ценного, похитили и взвалили на коня и меня; остальные вещи спрятали тут же в лесу. Потом погнали нас таким же образом обратно и меня опять погоняли и били палкой; я ударился копытом об острый камень и от ушиба получил мучительную рану, так что остальную дорогу я ступал, хромая. Тут разбойники стали говорить между собой:

"К чему кормить этого осла, который постоянно спотыкается? Сбросим его с обрыва, этого вестника несчастья". "Да, - сказал другой, - сбросим его как очистительную жертву нашего отряда". И они уже сговорились покончить со мной, но я, слыша это, зашагал, как будто отныне рана принадлежала не мне, а кому-то другому: страх смерти сделал меня нечувствительным к боли.

23. Когда мы дошли туда, где была наша стоянка, разбойники сложили в доме вещи, снятые с наших плеч, а сами, повалившись за стол, стали ужинать. Когда наступила ночь, они отправились снова, чтобы перевезти домой остальные вещи, оставленные в лесу. "К чему нам уводить с собой этого несчастного осла, - сказал кто-то из них, - ведь он из-за своего копыта для нас бесполезен? А вещи частью потащим мы, частью лошадь". - "Чего же ты еще ожидаешь здесь, несчастный? Тобой поужинают коршуны и их птенцы. Разве ты не слышал, что с тобой решили сделать? Не хочешь ли и ты скатиться с обрыва? Теперь уже ночь и полная луна; они

уходят из дому; спасайся бегством от кровожадных хозяев".

Размышляя так с самим собою, я заметил, что я ни к чему не привязан, а повод, на котором меня тащили в пути, висит у меня на боку свободно. Это меня побудило еще больше к бегству, и я бегом пустился прочь. Старуха, увидев, что я готов убежать, схватила меня за хвост и стала держать. Но быть задержанным старухой - значило для меня свержение с обрыва или другую смерть в этом роде, я и потащил ее за собой, а она громко закричала, зовя пленную девушку. Та вышла из дому и, видя старуху, уцепившуюся за хвост осла, решилась на благородную смелость, достойную отчаявшегося юноши: она вспрыгнула на меня и, усевшись мне на спину, стала погонять. А я, увлеченный желанием спасти себя и девушку, усердно пустился конской рысью. Старуха осталась позади. Девушка молила богов дать убежать. Мне же она сказала: "Если ты отвезешь меня к отцу, о мой красавец, я освобожу тебя от всякой работы, и на обед тебе будет каждый день мера ячменя". А я, чтобы убежать от моих убийц и надеясь на полную заботу и попечение от спасенной мною девушки, бежал, не обращая внимания на рану.

24. Когда мы достигли места, где дорога разветвлялась натрое, нам попались навстречу наши враги, возвращавшиеся назад, и при луне издали тотчас же узнали своих несчастных пленников и, подбежав к нам, схватили меня: "Ах ты, добрая красавица, куда, бедняжка, ты отправляешься в такой поздний час? Разве ты не боишься привидений? Иди-ка сюда, к нам, мы тебя твоим родным отдадим", - говорили они со злобным смехом. И, повернув меня, потащили обратно. Тут я вспомнил о своей ноге и ране и стал хромать.

"Теперь ты стал хромать, - говорили они, - как только тебя поймали на побеге? А когда тебе хотелось бежать, ты выздоровел и стал проворнее коня, как будто у тебя выросли крылья". За этими словами следовали удары, и вот у меня уж вскочили волдыри на бедре от таких наставлений.

Вернувшись обратно домой, мы нашли старуху повесившейся на веревке: испугавшись гнева хозяев из-за побега девушки, она задушила себя, затянув себе петлю на шее. Разбойники удивлялись такому достоинству старухи, отвязали ее от скалы, чтобы она могла упасть с обрыва вниз, как была с петлей на шее, а девушку привязали внутри дома; потом сели за ужин, и у них была обильная попойка.

25. Между прочим они рассуждали между собой относительно девушки.

"Что нам делать с беглянкой?" - спросил один из них. "Что же иное, - сказал другой, - как не сбросить ее вниз вслед за старухой, раз она лишила нас больших денег, которые мы за ней считали, и выдала наше убежище? Будьте уверены, друзья, если бы она убежала к себе домой, ни один из нас не остался бы в живых: мы все были бы схвачены, если враги напали бы на нас подготовленными. Итак, уничтожим злодейку. Но, чтобы она не погибла слишком скоро, свалившись на камни, придумаем ей смерть самую мучительную и продолжительную, которая подвергла бы ее длительной пытке и только потом погубила бы". Туг они стали придумывать смерть, и кто-то сказал: "Я знаю, что вы похвалите мою выдумку. Нужно истребить осла, так как он ленив, а теперь вдобавок еще притворяется хромым, к тому же он оказался пособником в бегстве девушки. Итак, мы его спозаранку убьем, разрежем ему живот и выбросим вон все внутренности, а эту добрую девушку поместим внутрь осла, головой наружу, чтобы она не задохлась сразу, а все туловище оставим засунутым внутри. Уложив ее таким образом, мы хорошенько зашьем ее в трупе осла и выбросим обоих на съедение коршунам, как новоизобретенный обед. Обратите внимание, друзья, на весь ужас пытки: во-первых, находиться в трупе издохшего осла, потом - томиться зашитой в животном летней порой под знойным солнцем, умирать от вечно губительного голода и не иметь возможности умереть. О том, что ей еще придется вытерпеть от запаха разлагающегося осла и быть оскверненной червями, я уже не говорю. Наконец коршуны доберутся и до внутренности осла, и как его, так потом и ее растерзают, может быть еще живую".

26. Эту чудовищную выдумку все встретили громкими восклицаниями, как нечто превосходное, а я уже оплакивал себя как приговоренный к смерти; даже мертвым я не буду лежать мирно: в меня поместят несчастную девушку, и я стану гробницей ни в чем не повинного ребенка. Уж близился рассвет, как вдруг появляется множество солдат, посланных против этих злодеев, и быстро всех заковывают в цепи и уводят к начальнику этой местности. Среди пришедших был и суженый девушки; он-то и указал убежище разбойников. Итак,

получив обратно девушку, он усадил ее на меня и повез домой. Их односельчане, завидев нас еще издали, догадались о счастливом исходе дела, ибо я объявлял им радостную весть веселым ржанием, и, выбежав навстречу, приветствовали нас и повели домой.

27. Девушка чувствовала ко мне большую признательность, видя во мне, по справедливости, товарища по плену и бегству и по грозившей нам обоим смерти. Мне дали от хозяйки на обед меру ячменя и столько сена, сколько хватило бы верблюду. И тут я в особенности проклинал Палестру за то, что она превратила меня колдовством в осла, а не в собаку. Потому что я видел, как собаки, проникнув на кухню, пожирали множество всякой всячины, которая бывает на свадьбах богатых молодых.

Немного дней спустя после свадьбы, так как госпожа сказала отцу, что чувствует ко мне благодарность и желает произвести справедливую перемену в моем положении, отец приказал меня отпустить на волю пастись под открытым небом с табунами лошадей. "Пусть он живет на свободе, - сказал он, - и гоняется за кобылицами". Это казалось тогда самой справедливой переменой, если бы дело попало судье-ослу. Итак, призвав одного из табунщиков, он передал меня ему, а я радовался, что больше не буду носить тяжестей; когда мы пришли на место, табунщик присоединил меня к кобылицам и повел весь табун на пастбище.

28. И нужно же было, чтобы и здесь со мной случилось то же, что с Кандавлом. Надсмотрщик за лошадьми оставил меня своей жене Мегаполе, а она запрягла меня в мельницу, чтобы молоть ей пшеницу и неочищенный ячмень. Это еще небольшой труд для благородного осла - молоть зерно для своих господ. Но почтеннейшая Мегапола и от всех других живших в этих местах - а их было очень много - хотела получать муку в качестве платы и закабалила мою несчастную шею. Даже ячмень, назначенный мне к обеду, она поджаривала и меня же заставляла молоть, а сделанные из него ячменные лепешки съедала сама, мне же к обеду оставались отруби. Если когда-нибудь надсмотрщик и подпускал меня к кобылам, то я погибал от ударов и укусов жеребцов. Они постоянно подозревали меня в незаконных отношениях к кобылам, их женам, и преследовали меня, лягаясь обеими ногами, так что я не мог долго выдержать этой конской ревности. Таким образом за короткое время я стал худ и безобразен и не имел покоя ни дома с моей мельницей, ни на пастбище под открытым небом, где меня преследовали сотабунщики.

29. Между прочим я часто должен был подниматься в гору и нести дрова. Это было главное из моих зол: во-первых, приходилось взбираться на высокую гору по ужасно отвесной дороге, затем я был неподкован, а место было каменистое. К тому же вместе со мной посылали погонщика, негодного мальчишку. Он всякий раз мучил меня на новый лад: сначала он сильно бил меня, даже если я бежал рысью, не простой палкой, а с твердыми и острыми сучьями, и все время ударял в одно и то же место, так что в бедре от ударов открывалась рана, а он продолжал по ней бить. Потом он накладывал на меня тяжесть, которую даже слону трудно было бы снести. В особенности сверху спускаться было очень мучительно, а он и тут бил меня. Если же мальчишка видел, что ноша у меня спадает и переваливается на сторону и следовало бы снять часть дров и переложить на легкую сторону, чтобы уравнять их, он никогда этого не делал, а поднимал с горы громадные камни и наваливал на более легкую и неуравновешенную часть груза. И я спускался, несчастный, неся вместе с дровами и ненужные камни. На пути лежал невысыхающий ручей: жалея свою обувь, он садился на меня позади дров и так переезжал через ручей.

30. Если же я когда-нибудь падал от изнеможения и тяжести, тогда беда становилась совсем нестерпимой. Ведь погонщик тогда должен был слезать с меня, поддерживать при спуске, поднимать с земли и снимать ношу, если понадобится, а он сидел и не помогал, но избивал меня палкой, начиная с головы и ушей, пока удары не заставляли встать. К тому же он придумал другую злую шутку, нестерпимую для меня. Он перемешивал мою ношу с колючими репейниками и, перевязав все это веревкой, свешивал сзади с хвоста; естественно, что подвешенные колючки ударяли меня на ходу и уколами своими ранили мне весь зад. Защититься мне было невозможно, так как иглы были привешены и все время преследовали меня и ранили. Если я, остерегаясь размаха репейников, подвигался вперед шагом, я изнемогал под ударами палки, а если избегал палки, тогда беда мучила меня сзади. Вообще мой погонщик всячески старался погубить меня.

31. Если же я когда-нибудь, терпя всякие беды, не выдерживал и лягал его, он этот удар всегда держал в памяти. Как-то погонщику приказано было перевезти пряжу с одного места на другое. Он привел меня и, собрав множество пряжи, навалил на меня и крепкой веревкой хорошо привязал ко мне ношу, замышляя мне большую беду. Когда надо было отправляться в путь, он утащил из очага пылавшую еще головешку и, как только мы очутились вдали от двора, засунул угли в пряжу. Пряжа тотчас же вспыхнула, - что же другое могло случиться - и вот я несу на себе уже не что иное, как огромный костер.

Понимая, что сейчас я загорюсь, и встретив в пути глубокий ручей, я бросился в самое многоводное место.

Потом опрокидываю там пряжу и, вертясь и барахтаясь в тине, заливаю огонь и мою жестокую ношу, и таким образом с большой безопасностью совершаю остальной путь; мальчишке было невозможно еще раз зажечь пряжу, смешанную с мокрой тиной. Но, конечно, наглый мальчишка по возвращении оклеветал меня, говоря, что я по доброй воле, проходя мимо, бросился в очаг.

32. Но проклятый мальчишка изобрел для меня гораздо большую беду: он повел меня на гору и навалил на меня тяжелый груз дров и продал их земледельцу, жившему поблизости. Приведя меня домой налегке и без дров, он стал клеветать на меня перед своим господином, обвиняя в безбожном деле. "Я не знаю, господин, - говорил он, - для чего мы кормим этого осла, который страшно ленив и тяжел на подъем. К тому же он теперь обнаруживает и иное: как только он завидит женщину или девушку прекрасную и взрослую, или юношу, он, брыкаясь, бегом преследует их и ведет себя как мужчина с любимой женщиной, кусает их, точно целует, и старается приблизиться к ним. Он тебе доставит много хлопот и тяжб, так как всех оскорбляет и пугает. Вот и теперь, неся дрова и завидев женщину, идущую на работу в поле, он сбросил и рассыпал все дрова на землю, а женщину повалил на дорогу и хотел вступить с нею в брак, пока сбежавшиеся кто откуда не защитили ее от опасности быть растерзанной этим красавцем-любовником".

33. Услышав об этом, надсмотрщик сказал: "Ну если осел не хочет ни двигаться, ни поднимать тяжести и человеческой любовью влюбляется в женщин и детей, беснуясь при виде их, тогда убейте его, внутренности отдайте собакам, а тело сохраните для рабочих. И если спросят, как он умер, свалите это на волка".

Туг этот проклятый мальчишка, мой погонщик, обрадовался и тотчас же хотел меня убить. Но в это время случился здесь кто-то из соседних землевладельцев, он спас меня от смерти, посоветовав страшную вещь. "Отнюдь не убивайте осла, - сказал он, - который способен молоть и возить тяжести, не велико это дело. Если он бросается на людей от любви и похоти, возьмите его и оскопите. Лишенный любовного влечения, он немедленно станет спокойным и жирным и будет носить большие тяжести, не уставая. Если же ты несведущ в этом деле, то я приду сюда через три-четыре дня и сделаю его послушнее ягненка". Все домашние одобрили этот совет, говоря, что он хорошо сказал, а я уже оплакивал себя, как обреченного на гибель мужчину под видом осла, и повторял, что больше жить не хочу, если стану евнухом. Я думал даже совсем отказаться впредь от пищи или броситься с горы, свалившись с которой, я умер бы хотя и весьма жалкой смертью, но по крайней мере труп мой был бы цел и не изуродован.

34. Когда наступила глубокая ночь, прибыл какой-то вестник из усадьбы в селение и во двор к нам и сообщил, что молодая новобрачная, бывшая в плену у разбойников, и ее муж - оба, гуляя под вечер по берегу моря, были захвачены морским приливом и исчезли в волнах. Так кончились смертью их приключения. Раз дом лишился молодых господ, то слуги решили не оставаться больше в рабстве, а все в доме расхватать и спасаться бегством.

Мной завладел табунщик и, захватив все, что было возможно, нагрузил на меня и на коней. Мне было тяжело нести ношу настоящего осла, но все-таки я радовался помехе в ожидавшем меня оскоплении. Целую ночь мы шли трудной дорогой и, проведя в пути еще три других дня, достигли Берреи, большого и многолюдного города Македонии.

35. Наши люди решили здесь остановиться и дать нам отдых. И тут же устроили распродажу всех животных и вещей: зычный глашатай, стоя посреди площади, объявлял цены. Проходившие покупатели, желая нас осмотреть, открывали нам рты и смотрели каждому в зубы для определения возраста; всех раскупили - этого один, того - другой, а меня, оставшегося

последним, глашатай приказал снова увести домой. "Видишь, - говорил он, - этот один не нашел себе господина". Но Немезида, многократно переворачивающая и изменяющая судьбу, привела и мне господина, какого я меньше всего хотел. Это был старый греховодник, один из тех, которые носят по селам и деревням Сирийскую богиню и заставляют ее просить милостыню. Меня продали ему за тридцать драхм - действительно, большая цена. Со стоном последовал я за моим господином, который меня повел к себе.

36. Когда мы пришли туда, где жил Филеб, - так звали моего покупателя, - он тотчас же громко закричал перед дверью:

"Эй, девочки, я купил вам раба, красивого и крепкого и родом из Каппадокии". "Девочки" - это была толпа распущенных пособников Филеба, и все они в ответ на его крик захлопали в ладоши: они подумали, что и вправду куплен был человек. Когда же увидели, что этот раб - осел, тут они стали насмехаться над Филебом. "Это не раба, а жениха ты себе ведешь. Откуда ты его взял? Да будет счастлив этот прекрасный брак и да родишь ты нам скорее таких же ослят".

37. И все смеялись. На следующий день они собрались "на работу", как сами говорили, и, нарядив богиню, поместили на меня. Потом мы вышли из города и стали обходить страну. Когда мы вступали в какое-нибудь село, я останавливался в качестве богоносца, толпа флейтистов вызывала божественное исступление, и все, сбросив митры и запрокидывая назад головы, разрезывали себе мечами руки, и каждый, сжимая зубами язык, так ранил его, что мгновенно все было полно жертвенной крови. Видя все это, я в первое время стоял, дрожа, как бы не оказалась нужна богине и ослиная кровь. Изувечив себя таким образом, они собирали оболы и драхмы со стоящих кругом зрителей. Иной давал в придачу смоквы, сыру или кувшин вина, меру пшеницы и ячменя для осла. А они этим кормились, и служили богине, которую я вез на себе.

38. Однажды, когда мы попали в какую-то деревню, они завлекли взрослого юношу из поселян и привели его туда, где мы остановились, а потом воспользовались от него всем, что обычно и приятно таким безбожным развратникам. А я ужасался перемене своей судьбы. "До сих пор я терплю несчастья, о жестокий Зевс", - хотел я воскликнуть, но из моей глотки вышел не мой голос, а ослиный крик, и я громко заревел. Случилось так, что в это время какие-то поселяне потеряли осла и, отправившись на поиски пропавшего, услышали мой громкий вопль, проникли к нам во двор, никому не говоря ни слова, как будто я был их ослом, и застигли развратников при совершении их непристойностей. Громкий хохот поднялся среди нежданных посетителей. Выбежав вон, они сообщили всей деревне о бесстыдстве жрецов. Последние в большом смятении от того, что все это обнаружилось, как только настала ночь, уехали прочь и, когда очутились в глухом месте, излили на мне гнев и злобу за то, что я разоблачил их таинство. Было еще терпимо слышать их ужасные слова, но что за ними последовало - было совсем уже невтерпеж. Сняв с меня богиню и положив на землю, они стащили с меня все ковры и совсем уже обнаженного привязали к большому дереву, потом своим бичом, составленным из костяшек, стали меня истязать и чуть не убили, наставляя на будущее время быть безмолвным богоносцем. После бичевания жрецы даже обсуждали, не умертвить ли меня за то, что я набросил на них позор и выгнал из деревни прежде, чем они окончили свою работу. Но вид богини, лежащей на земле и не имеющей возможности продолжать путь, сильно их устыдил, так что они меня не убили.

39. Таким образом, после бичевания я отправился в путь с богиней на спине, и к вечеру мы уже остановились в усадьбе одного богатого человека. Последний был дома и с большой радостью принял богиню в свой дом и принес ей жертвоприношение. Я помню, что здесь я подвергся большой опасности: один из друзей прислал владельцу усадьбы в подарок бедро дикого осла; повар взял его, чтобы приготовить, но по небрежности утерял, так как собаки потихоньку пробрались в кухню. Боясь ударов и пытки из-за пропажи бедра, повар решил повеситься. Но жена его, несчастье мое, сказала: "Не убивай себя, мой дорогой, не предавайся такому отчаянию. Если ты меня послушаешься, ты будешь вполне благополучен. Уведи осла жрецов в укромное место и там убей его и, отрезав эту самую часть тела, бедро, принеси сюда и приготовь его, подай хозяину, а труп осла сбрось где-нибудь в пропасть. Все подумают, что он убежал куда-нибудь и исчез. Ведь ты посмотри: он в теле и во всяком случае лучше этого

дикого осла". Повар одобрил совет жены. "Это великолепно, жена, - сказал он, - и я только таким образом могу избежать плетей. Так и будет у меня сделано". Вот как мой безбожный повар, стоя рядом со мной, во всем согласился с женой.

40. Зная заранее о том, что готовится, и решив, что важнее всего для меня спастись из-под ножа, я оборвал ремень, на котором меня водили, и бросился прыжками бежать в дом, где ужинали жрецы с владельцем имения. Вбежав туда, я все опрокидываю одним ударом - и подсвечники, и столы. Я думал, что изобрел для своего спасения нечто хитрое и что хозяин усадьбы прикажет меня, как взбесившегося осла, куда-нибудь запереть и строго сторожить. Но эта хитрость принесла мне крайнюю опасность. Сочтя меня бешеным, они уже схватились за мечи и копья, и большие палки и намеревались меня убить. Но я, увидя размеры опасности, пробежал вскачь внутрь дома, где мои хозяева должны были лечь спать. Заметив это, они заперли тщательно дверь снаружи.

41. Когда рассвело, подняв опять богиню на спину, я удалился отсюда вместе со своими бродячими жрецами, и мы прибыли в другую деревню, большую и многолюдную, в которой они придумали новую шутку, именно: чтобы богиня не входила в человеческое жилище, а поселилась в храме местной богини, весьма почитаемой среди населения. Поселяне приняли чужую богиню и даже очень радостно, и поместили ее вместе со своей, а нам отвели для ночлега дом бедных людей.

Проведя здесь несколько дней подряд, хозяева мои решили уехать в соседний город и потребовали у поселян свою богиню. Войдя сами в святилище, они вынесли ее и, поместив на меня, поехали прочь. Но оказалось, что нечестивцы, проникнув в это святилище, украли приношение, посвященное местной богине, - золотую чашу, - и унесли ее под одеждой богини. Обнаружив это, поселяне тотчас же бросились в погоню и, очутившись близко, спрыгнули с лошадей и задержали похитителей на дороге, называли их нечестивцами, требуя обратно украденное приношение.

Обыскав всех, они нашли его за пазухой у богини. Тогда, связав этих изуверов, они привели их обратно и бросили в тюрьму, а богиню, которую я вез, сняли и отдали в другой храм. Золото вернули обратно местной богине.

42. На следующий день решили продать и меня и всю поклажу. Меня отдали земляку - человеку, жившему в соседней деревне, ремеслом которого было печь хлеб. Этот хлебопек взял меня и, купив десять мер пшеницы, взвалил на меня и поехал к себе домой по тяжелой дороге. Когда мы приехали, он привел меня на мельницу, и я увидел в ней множество подъяремных животных, собратьев по рабству; там было много жерновов, которые все приводились ими в движение, и все было полно муки. На этот раз, так как я был новичком, нес очень тяжелую ношу и прошел трудный путь, то меня отпустили отдохнуть, но на следующий день, закрыв мне глаза тряпкой, они припрягли меня к стержню жернова и стали погонять. Я отлично знал, как нужно молоть, так как проделывал это много раз, но притворился, что не умею. Однако я напрасно надеялся: толпа людей с мельницы с палками стала кругом меня, который даже ничего не подозревал, так как ничего не видел, и стала осыпать меня градом ударов так, что я завертелся сразу как волчок и на опыте убедился" что раб для исполнения нужной работы не должен ожидать руки господина.

43. И вот я так сильно исхудал и ослабел телом, что хозяин решил меня продать и отдал меня огороднику по ремеслу. Он содержал огород, который сам возделывал. Работа у него состояла в следующем: поутру хозяин, навьючив на меня овощи, отправлялся на рынок и, распродав их покупателям, гнал меня обратно в огород. Тут хозяин копал, садил и поливал водой растения, а я все это время стоял без дела. Но эта жизнь была мне страшно тяжела, во-первых, потому, что уже была зима, а он и себе не мог купить что-нибудь, чтобы покрыться, не то что мне. Кроме того я ходил неподкованный по мокрой грязи и острому твердому льду, а на еду у нас обоих был только горький и жесткий латук.

44. Однажды, когда мы вышли, чтобы направиться в город, нам встретился рослый мужчина, одетый в одежду воина, и сначала заговорил с нами на италийском языке и спросил садовника, куда он ведет осла, то есть меня. Огородник, по-видимому, не понимая этого языка, ничего не ответил. Тот рассердился, полагая, что его хотели обидеть, и ударил садовника кнутом. Садовник обхватил его и, подставив подножку, растянул на дороге и стал бить лежачего и

руками, и ногами, и камнем, поднятым с дороги. Солдат сначала отбивался и грозился, если встанет, убить его мечом, но тот, узнав от него, в чем заключается опасность, вырвал у него меч и отбросил подальше и потом снова стал бить лежачего. Солдат, видя неминуемую беду, притворился мертвым от ударов. Садовник, испугавшись этого, оставил его лежать на месте, как он был, и, захвативши меч, верхом на мне помчался в город.

45. Когда мы приехали, хозяин передал обработку своего огорода какому-то своему соседу, а сам, опасаясь последствий приключения на дороге, укрылся вместе со мной у одного из городских знакомых. На следующий день они решили устроить так: хозяина моего спрятали в сундук, а меня поскорей подняли и потащили вверх по лестнице на чердак и там наверху заперли.

Между тем солдат, с трудом поднявшись с дороги, как говорили, так как у него голова кружилась от ударов, пришел в город и, встретив своих сослуживцев, рассказал им о дерзости огородника. Те пошли за ним, узнали, где мы спрятаны, и взяли с собой городские власти. Послав внутрь дома одного из понятых, они велели всем бывшим в доме выйти вон. Все вышли, но садовника нигде не было видно. Солдаты утверждали, что хозяин и я, его осел, находятся здесь. Но те говорили, что в доме никого не осталось - ни человека, ни осла. На дворе стоял сильный шум и крик. Возбужденный этим и любопытный от природы, я высунулся сверху и заглянул вниз через дверцу, желая узнать, кто были кричавшие. Солдаты, увидя меня, тотчас подняли крики; обитатели дома были уличены во лжи, и власти, войдя в дом и все обыскав, нашли моего хозяина, лежащего в сундуке, взяли его и отправили в тюрьму, чтобы он дал ответ за свое дерзкое поведение. Меня же, стащив вниз, отдали солдатам. Все смеялись над обличителем с чердака и предателем своего хозяина. С этого времени с меня первого пошла среди людей эта поговорка: "из-за осла, который высунулся".

46. Что на следующий день испытал огородник, мой хозяин, я не знаю, но меня воин решил продать и уступил меня за двадцать пять аттических драхм. Купил меня слуга очень богатого человека из Фессалоник, самого большого города Македонии. Его ремесло состояло в том, что он приготовлял пищу своему господину, а брат его, тоже раб, умел печь хлебы и замешивать медовые пряники. Оба брата всегда жили вместе, спали в одной комнате, и приспособления для их ремесла были у них общие. Поэтому и меня они поставили тут же, где сами спали. После господского ужина они оба принесли множество остатков - один мяса и рыбы, другой - хлеба и печений. Заперев меня внутри со всем этим добром и поставив меня на стражу, сладчайшую из всех, они удалились мыться. Тут я, пожелав надолго провалиться засыпанному мне жалкому ячменю, весь отдался искусству и роскоши господина и не скоро вдоволь наелся человеческой пищи. Вернувшись домой, они сначала совсем не заметили моего обжорства, так как припасов было множество, и я еще со страхом и осторожностью украл обед. Когда же я вполне убедился в их неведении, я стал пожирать лучшие части и всякую всячину. Заметив наконец ущерб, они сначала оба подозрительно стали поглядывать друг на друга и называть один другого вором и грабителем общего добра и человеком без совести, а потом сделались оба внимательны и завели счет остаткам.

47. А я проводил жизнь в радости и наслаждении, и тело мое от привычной пищи снова стало красивым, и шкура лоснилась свежей шерстью. Наконец почтеннейшие мои хозяева, видя, что я делаюсь рослым и толстым, а ячмень не расходится и остается в том же количестве, начинают подозревать мои дерзкие проделки и, удалившись, как будто с целью пойти в баню, запирают за собой двери, а сами, припав глазом к щели в дверях, наблюдают, что происходит внутри. Я, ничего не зная о такой хитрости, приступаю к обеду. Они сначала смеются, видя этот невероятный обед, потом зовут других на это зрелище, и поднимается громкий хохот, так что даже господин услышал их смех, такой шум стоял на дворе, и спросил кого-то, чего они так хохочут. Услышав, в чем дело, он встает из-за стола и, заглянув в комнату, видит, как я уничтожаю кусок дикого кабана, и, громко завопив от хохота, вбегает ко мне. Я был сильно раздосадован тем, что был уличен перед хозяином в воровстве и обжорстве. Но он громко хохотал надо мной и сначала приказал привести меня в дом к своему столу, потом распорядился, чтобы передо мной поставили множество вещей, которые другой осел не мог бы есть: мяса, устриц, подливок, рыбы в масле и приправленной горчицей. Видя, что судьба теперь мне улыбается приветливо, и понимая, что меня спасет только такая забава, я

стал обедать, стоя перед столом, хотя уже был сыт. Все помещение дрожало от смеха. "Он даже будет пить вино, этот осел, - сказал кто-то, - если смешают вино и подадут ему". Хозяин распорядился, и я выпил принесенное.

48. Видя во мне, естественно, животное необыкновенное, господин приказал приказчику уплатить купившему меня его цену и еще столько же, а меня отдал своему отпущеннику, молодому человеку, и поручил научить меня таким вещам, которыми я мог бы его особенно повеселить. Для меня все это не было трудно: я тотчас же повиновался и всему научился. Сначала он заставлял меня ложиться за стол, как человек, опираясь на локоть, потом бороться с ним и даже плясать, стоя на двух ногах, кивать и качать отрицательно головой на вопросы и прочее, что я мог бы делать и без учения. Об этом стали говорить кругом: "осел моего господина, который пьет вино и умеет бороться, осел, который танцует". А самое замечательное, что я на вопросы весьма кстати качал головой в знак согласия или несогласия, и если хотел пить, то просил об этом виночерпия движением глаз. Не зная, что в осле заключен человек, все удивлялись этому, как чему-то необычайному; а я их неведение обращал на свое благополучие. Кроме того, я учился, везя господина на спине, идти шагом и бегать рысью, наименее тряской и ощутительной для всадника. Сбруя у меня была великолепная, на меня было накинуто покрывало, я был взнуздан удилами, украшенными серебром и золотом, и обвешан бубенцами, издававшими чистейшие звуки.

49. Менеклэ, наш господин, приехал, как я сказал, из Фессалоник сюда по следующей причине: он обещал своей общине устроить зрелище с участием людей, сражающихся в одиночном бою. Люди уже подготовлялись для поединка, и подходило время отъезда. Мы выехали поутру, и я вез хозяина в тех местах, где дорога была неудобна и тяжела для езды на повозке. Когда мы прибыли в Фессалоники, не было никого, кто бы не поспешил на зрелище и не явился посмотреть на меня, потому что задолго еще меня опередила слава о моих разнообразных и совсем человеческих танцах и штуках. Мой господин показывал меня за выпивкой знатнейшим согражданам и предложил им за обедом необычайные развлечения, которые я доставлял.

50. Мой надзиратель нашел во мне источник больших денег. Он держал меня взаперти в доме и открывал дверь за плату тем, кто желал видеть меня и мои удивительные подвиги. Посетители приносили каждый что-нибудь съестное, что им казалось самым вредным для ослиного желудка, а я съедал это. Таким образом в несколько дней, обедая с господином и горожанами, я сделался большим и страшно толстым. И вот однажды какая-то приезжая женщина, необыкновенно богатая и недурная на вид лицом, придя посмотреть, как я обедаю, пламенно в меня влюбилась, отчасти видя красоту осла, отчасти вследствие необычайного моего поведения, и дошла до желания вступить со мной в связь. Она повела переговоры с моим надзирателем и обещала ему богатое вознаграждение, если он позволит ей провести со мной ночь. А тот, ничуть не заботясь, добьется ли она чего-нибудь, или нет, эти деньги взял.

51. Когда наступил вечер и господин наш отпустил нас после ужина, мы возвратились туда, где мы спали, и нашли женщину, давно уже пришедшую к моей постели. Для нее были принесены мягкие подушки и покрывала и разостланы в комнате, так что ложе у нее было великолепное. Потом слуги ее улеглись где-то тут же поблизости, за дверьми, а она зажгла в комнате большой светильник, сверкавший пламенем, и, раздевшись, стала близ него вся обнаженная и, вылив благовония из алебастрового сосуда, натерла ими и себя, и меня, в особенности наполнила ими мне ноздри. Потом она стала целовать меня и говорить со мной как с любимым ею человеком, схватила меня за повод и потянула к ложу. Я не нуждался ничуть в настояниях для этого: одурманенный старым вином, выпитым в большом количестве, и возбужденный запахом духов, видя перед собой молодую и во всех отношениях красивую женщину, я лег, но был сильно смущен, как покрыть женщину. Ведь с тех пор, как я превратился в осла, я не испытал любви, свойственной ослам, и не имел дела с ослицами. Притом меня приводило в немалое затруднение, как бы не изуродовать ее и не понести наказания за убийство женщины.

Но я не знал, что опасался без нужды. Женщина, видя, что я не обнимаю ее, поцелуями и всякими ласками привлекла меня к себе, лежа как с мужчиной, обняла меня и, приподнявшись, приняла всего меня. Я все еще не решался и из осторожности тихонько отстранялся от нее, но

она крепко сжимала меня в объятиях, не давала мне отойти и ловила уходящего. Поняв наконец вполне, чего недостает для ее наслаждения и удовольствия, я уже без страха исполнил остальное, думая про себя, что я ничем не хуже любовника Пасифаи. Женщина эта была так неутомима и ненасытна в любви, что всю ночь напролет расточала мне свои ласки.

52. Встав с рассветом, она ушла, сговорившись с моим надзирателем об уплате такого же вознаграждения за новую ночь. Богатея через меня и желая показать господину мои новые способности, он опять оставил меня с этой женщиной, которая страшно мною злоупотребляла. Между тем надзиратель рассказал господину эту историю, как будто сам научил меня этому, и без моего ведома привел его по наступлении вечера туда, где мы спали, и сквозь щель в двери показал меня в то время, когда я лежал рядом с молодой женщиной. Хозяин мой очень веселился при этом зрелище и задумал показать меня всенародно за таким занятием. Приказав никому из посторонних об этом не рассказывать, он сказал: "Мы приведем осла в день представления в театр с какой-нибудь осужденной женщиной, и пусть он на глазах всех овладеет ею". Они ввели ко мне женщину, которая была осуждена на растерзание зверями, и приказали ей подойти ко мне и погладить меня.

53. Наконец, когда настал день, в который господин мой должен был дать городу свой праздник, решили меня привести в театр. Я вошел таким образом: было устроено большое ложе, украшенное индийской черепахой и отделанное золотом; меня уложили на нем и рядом со мной приказали лечь женщине. Потом в таком положении нас поставили на какое-то приспособление и вкатили в театр, поместив на самую середину, а зрители громко закричали, и шум всех ладошей дошел до меня. Перед нами расположили стол, уставленный всем, что бывает у людей на роскошных пирах. При нас состояли красивые рабы-виночерпии и подавали нам вино в золотых сосудах. Мой надзиратель, стоя сзади, приказывал мне обедать, но мне стыдно было лежать в театре и страшно, как бы не выскочил откуда-нибудь медведь или лев.

54. Между тем проходит кто-то мимо с цветами, и среди прочих цветов я вижу листья свежесорванных роз. Не медля долго, соскочив с ложа, я бросаюсь вперед. Все думают, что я встал, чтобы танцевать, но я перебегаю от одних цветов к другим и обрываю и поедаю розы. Они еще удивляются моему поведению, а уж с меня спала личина скотины и совсем пропала, и вот нет больше прежнего осла, а перед ними стоит голый Лукий, бывший внутри осла. Пораженные таким чудесным и неожиданным зрелищем, все подняли страшный шум, и театр разделился на две стороны. Одни думали, что я - чудовище, умеющее принимать различные виды и знающее ужасные чары, и хотели меня тут же сжечь на огне; другие же говорили, что нужно обождать сначала моей речи и расследования, а потом уже судить об этом. А я побежал к управляющему округом, который оказался на этом представлении, и рассказал ему о самого начала, как фессалийская женщина, рабыня фессалиянки, превратила меня в осла, смазав магическим снадобьем, и просил его взять меня и держать под стражей, пока он не убедится, что я не лгу, что все так случилось.

"Скажи нам, - говорит архонт, - имена - твое и родителей и родственников твоих, если, по твоим словам, у тебя есть близкие по роду, и существует твой город". - "Отца моего зовут *,[* В данном месте текста пропуск (Прим. переводчика.)] а меня Лукий, - сказал я, - брата моего - Гай. Остальные два имени у нас у обоих общие. Я составитель историй и других сочинений, а он элегический поэт и хороший прорицатель. Родина наша - Патры в Ахее". Услышав это, правитель сказал: "Ты сын моих друзей, связанных со мной обетом гостеприимства, которые меня принимали в своем доме и почтили меня дарами, и я уверен, что ты ничего не солгал, раз ты их сын". И, соскочив с своей двуколки, он обнял меня и поцеловал много раз и повел меня к себе домой. Между тем прибыл и мой брат и привез мне денег и все прочее. Тогда архонт освободил меня всенародно, так что все слышали. Пройдя к морю, мы нашли корабль и погрузили вещи.

55. Я решил, что с моей стороны самое лучшее пойти к женщине, которая была влюблена в меня, когда я был ослом, полагая, что теперь, став человеком, я ей покажусь еще красивее. Она приняла меня с радостью, очарованная, по-видимому, необычайностью приключения, и просила поужинать и провести ночь с ней. Я согласился, считая достойным порицания после того, как был любим в виде осла, отвергать ее и пренебречь любовницей теперь, когда я стал человеком.

Я поужинал с ней и сильно натерся миррой и увенчал себя милыми розами, спасшими меня и вернувшими к человеческому образу. Уже глубокой ночью, когда нужно было ложиться спать, я поднимаюсь из-за стола, с гордостью раздеваюсь и стою нагой, надеясь быть еще более привлекательным по сравнению с ослом. Но, как только она увидела, что я во всех отношениях стал человеком, она с презрением плюнула на меня и сказала: "Прочь от меня и из дома моего! Убирайся спать подальше!" - "В чем я так провинился перед тобой?" - спросил я. "Клянусь Зевсом, - сказала она, - я любила не тебя, а осла твоего, и с ним, а не с тобой проводила ночи; я думала, что ты сумел спасти и сохранить единственно приятный для меня и великий признак осла. А ты пришел ко мне, превратясь из этого прекрасного и полезного существа в обезьяну!" И тотчас она позвала рабов и приказала им вытащить меня из дома на своих спинах. Так, изгнанный, обнаженный, украшенный цветами и надушенный, я лег спать перед домом ее, обняв голую землю. С рассветом я голым прибежал на корабль и рассказал брату мое смехотворное приключение. Потом, так как со стороны города подул попутный ветер, мы немедленно отплыли, и через несколько дней я прибыл в родной город. Здесь я принес жертвоприношение богам-спасителям и отдал в храм приношения за то, что спасся не "из-под собачьего хвоста", как говорится, а из шкуры осла, попав в нее из-за чрезмерного любопытства, и вернулся домой спустя долгое время и с таким трудом.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первый перевод "Золотого осла" на русский язык был сделан в XVIII веке Ермилом Костровым, впоследствии переводчиком "Илиады". Вслед за "Золотым ослом" Е. Кострова в том же XVIII в. появилась "Душенька" Богдановича - стихотворное переложение сказки об Амуре и Психее. Сказка пользовалась большим успехом на Западе, подвергалась многочисленным литературным переработкам и служила сюжетом многих произведений изобразительного искусства. Из наиболее знаменитых можно назвать фрески Рафаэля на вилле Фарнезина в Риме и роман Лафонтена "Любовь Психеи и Купидона".

В России роман Апулея появился вновь лишь в конце XIX в. в переводе Н. М. Соколова. Однако лучшим переводом Апулея на русский язык считается перевод, сделанный поэтом Михаилом Кузминым, изданный впервые в Ленинграде в 1929 году.

В настоящем издании роман Апулея печатается в пер. М. Кузмина по книге: Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел. Издательство "Художественная литература". Москва. 1969 г.; примечания С. Маркиша к изданию Апулея в серии "Литературные памятники" 1956 г. с небольшими изменениями.

Книга I

1. ....на милетский манер разные басни... - Рассказы любовного или сатирического содержания, объединенные единой рамкой, наподобие рассказов писателя II в. до н. э. Аристида из Милета, известного лишь из упоминаний. Популярность его рассказов была так велика, что "милетская манера" приобрела значение нарицательной.

2. ...острием нильского тростника. - Остроотточенная тростниковая палочка заменяла древним перо.

3. Гиметта - невысокая гора близ Афин. Апулей употребляет это название в женском роде, так же, как и Тенара (см. ниже).

Эфирейский перешеек - Коринфский перешеек.

Тенара (Тенар) - мыс на полуострове Пелопоннес к югу от Спарты.

...аттическим наречием... - греческим языком. Как и его герой, Апулей научился латинскому языку, по-видимому, уже будучи взрослым; родной его язык - греческий.

...в столицч Лациума... - в Рим.

Квириты - полноправные римские граждане. Апулей нередко употребляет это слово просто в значении "граждане".

Начинаем греческую басню. - Апулей следует греческому образцу (см. приложение: Лукиан. Лукий, или Осел).

Плутарх - греческий писатель и философ-моралист (конец 1-начало II века н. э.); был родом не из Фессалии, а из Беотии, но вполне возможно, что его родня жила в Фессалии - области на севере Греции. Секст - философ II века н. э., наставник императора Антонина Пия.

Пестрый портик - портик в Афинах, украшенный стенной живописью знаменитого греческого художника V века до н. э. Полигнота.

...узловатый жезл бога врачевания: - Жезл с обвившейся вокруг него змеей был эмблемой бога врачевания Эскулапа (Асклепия).

Эгина - остров в Сароническом заливе.

...уже оплакали и... окликали - Один из погребальных обрядов у древних заключался в том, что близкие покойного несколько раз окликали его по имени, прежде чем вынести тело из дома.

Ларисса - город в Фессалии, ныне носящий то же название.

Медея - легендарная волшебница, героиня многих мифов, один из которых рассказывает, что, когда муж ее, Ясон, захотел жениться вторично, его будущий тесть, коринфский царь Креонт, решил изгнать Медею из страны. Получив день отсрочки, Медея преподнесла невесте в подарок венок, погубивший и дочь Креонта, и самого царя.

13. Ларисса - город в Фессалии, ныне носящий то же название.

14. ...берегись... вещей жены! - Колдовство и предсказания были в античности звеньями одной цепи.

15. ...опусти трагический занавес и сложи эту театральною ширму... - Во времена Апулея театральный занавес перед началом представления не раздвигали, а убирали под сценическую площадку. Ширмой в переводе назван дополнительный занавес, которым пользовались в перерывах между действиями.

16. ...жителей... обеих Эфиопий... - По представлениям древних, Эфиопия была сказочной страной, простиравшейся к западу и к востоку до краев земли и разделявшейся на две части рекою Нилом.

17. Антихтоны - жители противоположного полушария, для древних такие же сказочные существа, как эфиопы.

18. Беременность у слоних продолжается 22 месяца; согласно же народным преданиям, этот срок мог увеличиться до 10 лет.

19. Медея - легендарная волшебница, героиня многих мифов, один из которых рассказывает, что, когда муж ее, Ясон, захотел жениться вторично, его будущий тесть, коринфский царь Креонт, решил изгнать Медею из страны. Получив день отсрочки, Медея преподнесла невесте в подарок венок, погубивший и дочь Креонта, и самого царя.

20. ...совершив над ямой погребальные моления... - Древние верили, что колдуны, совершая над ямой особые обряды, вызывают из преисподней богов подземного мира и души усопших.

21. ...к третьей страже... - Ночь у римлян делилась на четыре стражи (с шести часов вечера до шести часов утра) - соответственно времени пребывания на посту солдата при несении караульной службы. Третья стража начиналась приблизительно в полночь.

22. Эндимион - по преданию, прекрасный юноша, погруженный в вечный сон, возлюбленный богини Луны.

23. ..как хитрым Улиссом брошенная, вроде Калипсо...- Нимфа Калипсо семь лет удерживала на своем острове Одиссея (Улисса), не давая ему вернуться на родину. Впрочем, Одиссей покинул Калипсо не тайком и не хитростью, а открыто, повинуясь приказу богов.

24. Вакханки - спутницы Диониса (Вакха). По преданию, вакханками был растерзан фиванский царь Пенфей.

25. ...бойся, в море рожденная, через реку переправляться! - Смысл этого заклинания раскрывается ранее, в гл. 19.

26. Ламии - сказочные чудовища, пожиравшие по ночам юношей и пившие их кровь. Так же назывались в народных преданиях злые колдуньи.

27. Этолия - область в Средней Греции, к Северо-западу от Аттики.

28. По древнему обычаю, мужчины за столом лежали, а женщины сидели. В императорскую эпоху обычая этот был почти забыт.

29. ...Тезею... который не пренебрег... гостеприимством... Гекалы. - Легендарный герой Тезей ночевал однажды в доме бедной старушки Гекалы, принявшей его ласково и гостеприимно.

30. ...вместо ста нуммов уступили за двадцать денариев. - Сто нуммов (или сестерциев) были равны двадцати пяти денариям, или одному золотому.

31. Ликторы - почетная охрана, сопровождавшая важных должностных лиц. За Пифием, разумеется, шли простые служители, но, подобно ликторам, они держали в руках связки прутьев.
32. ...исполняем обязанности эдила. - В обязанности эдилов в Римской империи входил надзор за порядком в городе, в частности на рынках.
33. ...о нашем правителе... - о римском наместнике провинция Ахайя (так называлась покоренная римлянами Греция), резиденцией которого был Коринф.

Книга II

1. Многие древние писатели называли Фессалию страной ведьм и колдовства (Гораций, Эподы, V, 45).
2. ...украшенной изображением богини с пальмовой ветвью. - Богиня победы.
3. Миф рассказывает, что охотник Актеон, который увидел богиню Диану нагой во время купания, был в наказание превращен богиней в оленя и растерзан собственными собаками.
4. ...голосуя... за свое предложение - Члены римского сената голосовали не поднятием руки, а вставая со своих мест и присоединяясь к той или иной группе сенаторов; таким образом, все, поддерживающие одинаковое предложение, оказывались в одном месте. В оригинале говорится: "направляю свои ноги к своему мнению".
5. Вулкан (Гефест) - бог кузнечного ремесла, здесь - образец влюбленного и снисходительного мужа.
6. Либер - одно из имен Вакха (Диониса). Здесь иносказательно - вино.
7. Авернское озеро в Италии, расположено в кратере вулкана и выделяет вредные испарения, от которых погибают пролетающие над ним птицы. Древние верили, что возле этого озера находится вход в подземное царство.
8. Сивиллы - так в Древней Греции назывались странствующие пророчицы, о которых существовало множество легенд, как греческих, так и римских.
9. ...помнят... о том великом небесном огне... - В качестве философской основы эмпиромантин (гаданию по огню) Луций излагает стоическое учение о небесном огне как начале всего сущего.
10. Халдеи - древний народ семитского происхождения, обитавший в Нижнем Двуречье (между реками Евфратом и Тигром). Уже в древности словом "халдей" обозначали предсказателей и колдунов, независимо от племени, к которому они принадлежали.
11. ...потерял оба кормила... - Корабль у древних управлялся с помощью двух кормовых весел - по одному с каждой стороны корпуса.
12. У Луция было с собой несколько слуг, что говорит о его социальном положении.
13. ...долили воды... - Древние всегда смешивали вино с водою (приблизительно одна часть вина на две части воды). Пить неразбавленное вино считалось признаком грубости и неумеренности.
14. ...с отверстием, прорубленным пошире... - Вино хранилось в глиняных бутылках с узким горлышком. Устье такой бутылки запечатывалось гипсом, а открывали ее с помощью топора.
15. ...наподобие Венеры, входящей в волны морские... - Согласно одному из мифов, Афродита (Венера) родилась из морской пены; отсюда ее имя Анадиомена, то есть "поднимающаяся из воды".
16. Оригинал текста показывает, что Луций просил у нее не просто совета, а разрешения. Ауспиции - гадание по полету птиц - производилось особой жреческой коллегией - авгурами.
17. Войска наместника - местные воинские формирования, несшие полицейскую службу.
18. Туя - дерево, родственное кипарису. Древесина туи, с прожилками, образовывавшими красивый узор, издавала запах лимона и ценилась очень высоко.
19. Разрезальщики - рабы, обязанностью которых было разрезать мясо, накладывать кушанья на блюда и разносить гостям.
20. ...остатки и клочки трупов... - По всей видимости, существовало поверье, что маг, завладевший какой-нибудь частицей трупа, может заставить дух покойного служить себе.
21. ...наподобие ораторов... - Ораторы древности, произнося речь, оживленно

жестикулировали, причем важную роль в этой жестикуляции играли пальцы рук.
22. Знаменитая провинция - Акайя. Телефрон из Милета сушей проехал на север до Геллеспонта и через Фракию, Македонию и Фессалию направлялся к югу, в Олимпию - западную часть Пелопоннеса.
23. ...очи... самой Справедливости... - Древние представляли себе богиню Справедливости вечно бодрствующей и замечающей все, что происходит в мире.
24. Линцей (Линкей) - герой многих греческих мифов, отличавшийся такой остротой зрения, что видел сквозь землю. Аргус - сказочный стоглазый богатырь.
25. ...заносил ее слова на таблички. - Древние писали острой палочкой (стилем) на покрытых воском табличках.
26. Убирайся к мышам - они тебе компания... - В латинском языке слова "ласка" и "мышь" одного корня.
27. Дельфиец - бог Аполлон, чей оракул находился в Дельфах.
28. Филодеспот - имя, типичное для раба и означающее: любящий господина (греч.).
29. ...зловещее предзнаменование... - Римляне и греки верили, что оброненное случайно слово может иметь силу предсказания для тех, кто его услышал.
30. Аонийский юноша - Пентей (Пенфей), царь города Фив в Бестии, области Средней Греции (Аония - поэтическое название Беотии).
31. Пиплейский певец - легендарный фракийский певец Орфей из города Пипла (или Пимпла) во Фракии, растерзанный женщинами за отказ принять участие в вакхической оргии.
32. ...с гладко выбритой головой. - Египетские жрецы обычно брили голову.
33. ...и даже колен касаясь... - Прикосновение к коленям было у древних знаком самой горячей мольбы.
34. ...коптских... мемфисских... фаросских. - Все эти прилагательные употреблены здесь в значении "египетских". Тайны мемфисские - какие-то мистерии, связанные с культом египетских богов. Систр - атрибут богослужения в культе Исиды.
35. Лета и Стикс - река в царстве мертвых и ручей с водопадом в Аркадии, вода которого считалась смертельной.
36. ...возлияние богу Смеха... - видимо, Мому. Однако упоминаний о празднованиях в честь бога Смеха, наподобие описанных далее в III книге, у других античных авторов не встречается.
37. Герион - сказочный герой с тремя туловищами и тремя головами. Геракл похитил стада Гериона и убил его в бою.

Книга III

1. Фалеры - здесь: металлические бляхи, украшавшие конскую сбрую.
2. ...животных, предназначенных для искупительных жертв. - Греки и римляне верили, что жертвенное животное должно принять на себя все несчастья, которые угрожают каждому кварталу или дому в отдельности. Для этого его и водили по всем закоулкам.
3. Трибунал - возвышение, на котором сидели должностные лица во время исполнения ими своих обязанностей.
4. Просцениум (проскения) - высокая площадка, на которой играли актеры. Орхестра - полукруглая ровная площадка между просцениумом и первым рядом амфитеатра.
5. ...каком-то сосудец,... - Речь идет о клепсидре, водяных часах, которые были необходимы в суде, так как стороны имели право говорить ограниченное количество времени.
6. ...около третьей стражи... - Ночь делилась на 4 стражи - соответственно времени пребывания на посту солдата при несении караула; третья стража означала приблизительно полночь. См. прим. 21 к кн. I.
7. Оливковая ветвь - символ просьбы.
8. Пытка колесом была специфически греческой: человека с раздвинутыми ногами и раскинутыми руками привязывали к колесу.
9. Прозерпина - богиня и царица подземного царства.
Орк - римский бог подземного царства, отождествляемый с Плутоном.
10. ...в число его патронов. - Покоренные Римом города и провинции избирали себе патронов -

покровителей из числа римской знати, что считалось весьма почетным для патрона.
11. ...божеством - покровителем сегодняшнего дня... - то есть богом Смеха.
12. Апулей охотно применяет в лексике судебный лексикон, в разных контекстах и с разными целями, напоминающий о его юридических познаниях.
13. Маны - души усопших.
14. ...унести волосы его... - Древние верили, что маги получают власть над теми, чьи волосы, ногти или какая-либо частица тела окажутся в их руках.
15. "...отправлю тебя к властям!" - Занятия магией в Римской империи были строжайше запрещены законами.
16. Узел - символ нерасторжимой связи, непременный атрибут при любовных наговорах.
17. ...наподобие бесноватою Аякса... - Миф об Аяксе, сыне Теламона, великом греческом герое, сражавшемся под Троей, рассказывает, что, когда после смерти Ахилла вожди ахейцев отдали его оружие Одиссею, Аякс, обезумев от обиды и горя, в бешенстве перерезал стадо овец, воображая, что убивает своих обидчиков.
18. Цербер - трехглавым пес, страж подземного царства. Геркулес, спустившись в преисподнюю, связал Цербера и вынес его наверх.
19. Вера в волшебную мазь традиционно для многих сказок о ведьмах и отличается удивительной стойкостью во времени.
20. ...будь я самим орлом... - Орел считался у древних священной птицей Юпитера (Зевса).
21. ...о сокровенное божество Верности! - Древние полагали, что Верность, как и Справедливость, держится вдали от дел человеческих.
22. Эпона - богиня, покровительница лошадей, ослов и мулов; ее изображения ставились в конюшнях.
23. ...воспользовавшись почитаемым именем императора. - Как полноправный римский гражданин, Луций хочет подать жалобу на имя императора.
24. ... возгласил:. только "а"...- Луций хотел крикнуть по-гречески: "О, Кайсар!" (Цезарь),

Книга IV

1. Луций ищет уединения, ибо его превращение могло быть признано противозаконным из-за запрета заниматься магией и могло быть расценено как злое предзнаменование.
2. К римскому божеству счастливого исхода и доброй удачи - к Bonus Eventus.
3. Лавровые розы - олеандр. Растение это действительно ядовито.
4. ...лапифов полузверских и кентавров получеловеческих. - Намек на знаменитый миф о битве полулюдей-полулошадей, кентавров, с диким племенем лапифов.
5. Ламах - по-гречески "непобедимый". О воинских доблестях говорят имена и других разбойников, встречающиеся в этом эпизоде (Алцим - отважный, Фразилеон - храбрый, как лев).
6. Хризерос - буквально: жадный до золота. Еще одно из имен-кличек, дающих определенную характеристику носящему его.
7. Лары - боги домашнего очага.
8. Здесь имеются в виду, помимо гладиаторских боев, такие развлечения, как борьба человека с дикими животными и зрелище растерзания животными преступника.
9. Для упомянутых зрелищ строились специальные приспособления (Сенека. Письма к Луцилию 88, 22).
10. Салии - коллегия жрецов бога Марса. Салиями (то есть плясунами) они назывались потому, что во время длившихся несколько дней празднеств в честь Марса проходили с плясками по всему Риму. Каждый день праздника завершался пиром, пышность и изобилие которого вошли в пословицу.
11. Лемуры - по верованиям древних, все вообще души усопших;
ларвы - души злых людей, которые не обрели покоя в подземном царстве и блуждают по земле, пугая живых.
12. ...город единодушно выбрал в приемные сыновья... - Жениху девушки был преподнесен согражданами почетный титул сына города.

13. ...записан он как мой муж. - Речь идет о брачном договоре, который родители девушки уже заключили с женихом, не дожидаясь свадьбы.
14. ...словно у Аттиса или Протезилая. - По преданию, Аттис оскопил себя на собственном брачном пиру. Протезилай - легендарный царь города Филака в Фессалии, первый из греков погибший под Троей; отправляясь на войну, он покинул молодую жену, с которой успел провести лишь один день.
15. ...прикрывали рот свой правою рукою... - В знак благочестивого восхищения и поклонения древние подносили правую руку к губам и целовали ее.
16. Пафос - город на острове Кипр; Книд - приморский город в Малой Азии; Кифера - остров у южного побережья Пелопоннеса. В этих местах находились самые знаменитые храмы Афродиты.
17. Священные подушки - подушки, на которых расставлялись изображения богов во время особого жертвоприношения, когда статуи богов помещали перед накрытым столом.
18. Эти слова Венеры напоминают слова Изиды (Исиды) о себе (XI, 5), с которой ее отождествлял религиозный синкретизм II в.
19. ...пастырь пресловутый... - Парис, сын троянского царя Приама. Рождение его сопровождалось дурными знамениями, и отец приказал бросить новорожденного на горе Иде, но его подобрал и воспитал пастух. Парис был судьей в знаменитом споре Геры, Афины и Афродиты о том, кто из них прекраснее.
20. Крылатый мальчик - сын Венеры Амур (греч. Эрот) изображался юношей или мальчиком с золотыми крылышками, с луком и стрелами, колчаном и иногда с факелом.
21. Психея - от греческого слова psyche - душа.
22. Нереевы дочери - нереиды, морские нимфы, дочери Нерея.
Портун - римский бог портов и пристаней.
Салация - богиня бурного моря.
23. ...возница дельфинов Палемон...- Миф рассказывает, что царь Атамант, которого богиня Гера лишила рассудка, хотел убить свою жену Ино, но та вместе с сыном Меликертом бросилась в море. Оба почитались как морские божества-спасители (Меликерт - под именем Палемона). Возницей дельфинов он назван потому, что труп мальчика, по преданию, был вынесен на берег дельфином. Тритоны - второстепенные морские божества, изображавшиеся в виде полулюдей-полурыб.
24. ...держала путь к Океану. - По представлениям древних. Океан - огромная река, окружающая весь мир.
25. ...милетского бога...- то есть Аполлона, один из оракулов которого находился в селении Дидим близ Милета.
26. Иониец - житель Ионии, той части побережья Малой Азии, где находились греческие колонии.
27. Лидийский лад...- Древние греки и римляне различали в музыке несколько тонов, или ладов; о них сам Апулей пишет во "Флоридах" так: "Простота эолийского лада, богатство ионийского, грусть лидийского, благочестие фригийского, воинственность дорийского" (отрывок 4-й).

Книга V

1. Ламии - см. прим. 26 к кн. I.
2. Сирены - сказочные девы, завлекавшие своим пением на остров проплывающих мимо моряков, чтобы их погубить. Во времена Апулея их представляли сидящими на утесе, о который разбиваются корабли зачарованных мореплавателей.
3. Если она не знает лица своего мужа, - значит вышла за какого-нибудь бога... - Мифы рассказывают, что, соединяясь со смертными женщинами, боги обыкновенно скрывали свое настоящее обличье.
4. ...предсказания пифийского оракула. - Оракул, предсказавший судьбу Психеи, назван здесь пифийским потому, что самое знаменитое прорицалище находилось в храме Аполлона Пифийского в Дельфах, и сам Аполлон часто называется Пифийцем.

5. Амброзия - пища богов; таково содержание этого понятия в древнейшую эпоху. Ко времени Апулея под словом "амброзия" стали понимать напиток, дарующий бессмертие, или благовонную жидкость, которой умащаются боги.
6. Нимфы - многочисленные божества в облике юных дев, олицетворяющие силы и явления природы. Они могли быть морскими, речными; были нимфы долин, лугов, деревьев.
7. Оры (Горы) - богини времен года, олицетворение порядка в природе.
8. ...отчима своего... - Имеется в виду Марс, возлюбленный Венеры, которого та, забыв о своем законном супруге Вулкане, называет отчимом Амура.

Книга VI

1. Видит пред собою пшеничные колосья... - Психея находится перед храмом Цереры (Деметры), богини - покровительницы земледелия.
2. ...сокровенными тайнами корзин... - В корзинах находились священные предметы. Во время Элевсинских мистерий их показывали посвященным; этот торжественный обряд был важной частью празднества.
3. ...бороздою почвы сицилийской. - По некоторым мифам, дочь Деметры Персефона была похищена богом подземного царства Аидом в Сицилии.
4. ...землею цепкою... - Земля названа здесь цепкой, вероятно, потому, что упорно не выпускала из своих недр увезенную на "хищной колеснице" Персефону.
5. Персефона (Прозерпина) - дочь Деметры и Зевса, похищенная Аидом - богом подземного царства, могла лишь часть года находиться на земле, а в остальное время, как жена Аида, в подземном царстве.
6. Элевсин, Элевсинские мистерии - культ Деметры и Персефоны в аттическом городке Элевсине (поблизости от Афин).
7. ...недовольство моей родственницы... - Афродита - дочь Деметры, сестра Зевса.
8. Сестра и супруга Юпитера Великого... - богиня Юнона (Гера).
9. Салос - остров у западного побережья Малой Азии; был, согласно некоторым мифам. Местом рождения Геры. На острове находился знаменитый храм богини.
10. ...деву, на льве по небу движущуюся... - Верховную богиню Карфагена Танит римляне отождествляли с Юноной и почитали под именем Юноны Небесной или Небесной девы.
11. ...стены аргосские... - Аргос в Пелопоннесе - центр культа Геры.
12. Зигией (Соединительницей) Геру называли потому, что она была покровительницей браков.
13. Луцина - так называли Юнону, приходящую на помощь роженицам. Восток и Запад противопоставляются здесь как страны греческого и латинского языка.
14. ...но противодействовать воле... моей невестки. - Муж Венеры Вулкан (Гефест) - сын Юноны.
15. ...законы, запрещающие покровительствовать чужим беглым рабам... - Принявший под свой кров беглого раба был обязан вернуть его хозяину вместе с собственным рабом такой же ценности и вдобавок уплатить хозяину двадцать золотых.
16. ...звучноголосого бога Меркурия. - Эпитет бога-глашатая, вестника богов (в греч. миф. - Гермеса).
17. Не выразили отказа темные брови Юпитера. - Юпитер (Зевс) выражает свою волю движением бровей.
18. Аркадиец - Гермес; по преданию, он родился на горе Киллене в Аркадии (местность в центре Пелопоннесского полуострова).
19. ...за муртийскими метами... - Между Авентином и Палатином, двумя из семи холмов, на которых расположен Рим, пролегала Муртийская долина, где находился Великий цирк, часто служивший ипподромом (отсюда "меты" - столбы, вокруг которых объезжали колесницы во время скачек). За этим цирком стоял храм Венеры; возле него всегда собирались продажные женщины. По некоторым сведениям, здесь был также храм Меркурия.
20. Привычка - служанка с двусмысленным именем, которое в оригинале могло означать также любовную связь. Намек на любвеобилие Венеры.
21. Орк - римский бог подземного царства, тождественен Плутону у греков.

22. Забота и Уныние - божества, персонифицирующие чувства, которые сопутствуют любви.
23. ...брак был неравен... - Психея, рабыня Венеры, вышла замуж за сына богини - Амура.
24. Даже если бы Психея и не была рабыней, брак не считался бы действительным, так как был заключен без свидетелей и без согласия родителей.
25. Это задание, как и последующие, - распространеннейшие мотивы и в сказках нового времени.
26. ...сладчайшей музыки кормилица... - Из тростника делались свирели.
27. ...не пятнай священных вод этих... - Воды реки священны потому, что в них обитает нимфа, богиня этой реки.
28. Коцит (Кокит) - река в царстве мертвых.
29. Фригийский виночерпий - Ганимед.
30. Стикс - ручей в подземном царстве, воды которого смертельны.
31. См. прим. 3 к кн. I.
32. Дит - бог подземного царства.
33. Харон - старик-перевозчик в царстве мертвых; он переправляет души усопших через реки подземного царства. Древние верили, что Харон взимает со своих пассажиров плату за перевоз, и клали в рот покойнику медную монету.
34. Преогромный пес - Цербер (Кербер), трехголовый пес, охраняющий выход из подземного царства.
35. Рассказ о четвертом поручении - мистическая аллегория о странствиях и страданиях души.
36. Юлиев закон - закон, изданный по предложению императора Августа (Гая Юлия Цезаря Октавиана Августа) и направленный против прелюбодеев.
37. ...заставлял меня светлый лик мой менять... - Боги, соединяясь со смертными женщинами, меняли свой облик.
38. "Боги, внесенные в списки Музами..." - шутливое сравнение богов с сенаторами, а муз с цензорами; сенатские списки находились в ведении цензоров, которые должны были пополнять их новыми именами, а в случае надобности вычеркивать имена недостойных.
39. ...союз не будет неравным... - Психея, получив бессмертие, станет "свободной".
40. см. прим. 5 к кн. V.
41. ...славный отрок сельский... - Ганимед.
42. Либер - см. прим. 6 к кн. II.
43. Сатир. - Сатиры - низшие лесные божества, составляющие свиту Диониса (Вакха).
44. Паниски (буквально: маленькие Паны) - то же самое, что сатиры; молодые сельские божки.
45. Выходя замуж, женщина из-под власти отца переходит под власть мужа.
46. Наслаждение - такая богиня почиталась в Риме и имела свой храм.
47. Луций хочет сказать, что острые камни пробьют его ослиную шкуру, как тонкую кожу пиявки.
48. Дирцея (Дирка) - жена фиванского царя Лика; близнецы Зет и Амфион, чью мать жестоко притесняла Дирцея, привязали ее к рогам быка, и тот разнес Дирцею в клочья.
49. Имеются в виду амулеты - средство от дурного глаза.
50. Картины с изображением опасности и избавлением от нее жертвовались в храм того бога, которого человек считал своим спасителем.
51. Фрикс - сын богини облаков Нефелы и смертного Атаманта, жена которого, ненавидя пасынка, уговорила мужа принести его в жертву богам. Но Нефела спасла сына, послав златорунного барана, который увез Фрикса за море, в Колхиду.
52. Имеется в виду миф об Арионе - поэте и музыканте, чудесным образом спасшемся в море на дельфине от разбойников, и миф о Зевсе, который влюбился в финикийскую красавицу Европу и превратился в быка, чтобы перевезти ее на своей спине через море на остров Крит.
53. ...о разделе дороги...- Речь идет о таком случае, когда соседи, между участками которых пролегает дорога, начинают судиться, чтобы установить, какая часть ее должна отойти к каждому из них.

Книга VII

1. Гем - имя, сопоставимое с греческим словом "haima" - кровь.
2. Ферон - имя, однокоренное с греческим словом "зверь". Как предыдущее, содержит в себе характеристику; фольклорная традиция охотно используемая в литературе, особенно сказочной и сатирической.
3. Прокураторы - чиновники, ведавшие главным образом финансами. Императорские прокураторы, управлявшие провинциями и частями провинций, собирали налоги в пользу личной казны императора.
4. Гнев божества... - то есть бога Марса, которого разбойники считают своим покровителем.
5. Деньги и ценности разбойники обычно носили в поясе.
6. Закинф - остров о Ионическом море у западного берега Пелопоннеса, ныне Занте.
7. ...актийского побережья... - Акциум - мыс у входа в Амбракийскнй залив на западном берегу Средней Греции.
8. ...божественного Цезаря... - Римские императоры еще при жизни обожествлялись.
9. Вексилларии - ветераны, прослужившие более шестнадцати или двадцати лет и в ожидании отставки продолжавшие службу в особых войсковых соединениях.
10. ...богатые лохмотья... - намек на золото, которое было спрятано в лохмотьях Гема.
11. Талант - крупная греческая денежная единица.
12. ...Марсу Сопутствующему... - Сопутствующими называли богов-хранителей, которые сопровождают людей и следят за их поступками. Разбойники считают своим сопутствующим богом Марса.
13. Салийское пиршество - см. прим. 10 к кн. IV.
14. Колбаса - особым образом приготовленное блюдо, которое можно было хранить как консервы. Перевод условный.
15. Воспитанники - рабы, выросшие в доме.
16. Бактрия - одна из северных сатрапий персидского царства (на территории современного Афганистана). Бактрийскими назывались двугорбые верблюды.
17. Одна из обязанностей Юпитера (Зевса) - охрана священных прав гостя.
18. ...историю о фракийском царе, который своих несчастных гостей бросал на растерзание... диким лошадям. - По преданию, такое "гостеприимство" оказывал путникам фракийский царь Диомед, по другой версии - Ликург.
19. Беллерофонт - герой, с помощью крылатого коня Пегаса победивший Химеру - изрыгавшее огонь трехглавое чудовище. Осел иронически сравнивается с Пегасом, а наездник с Беллерофонтом.
20. Мелеагр - герой многих греческих мифов. Когда ему было семь дней, в дом его отца пришли богини судьбы и сказали, что Мелеагр умрет, как только сгорит лежащее в очаге полено. Мать Мелеагра, Алфея, вынула полено из очага и спрятала его. Много лет спустя Мелеагр поссорился с братьями своей матери и убил их. Тогда Алфея сожгла спрятанное полено, и Мелеагр тотчас умер.

Книга VIII

1. Богиня Истина - дочь Зевса, кормилица Аполлона.
2. Либер - Вакх; см. прим. 6 к кн. II.
3. ...как из самого имени его явствует... - Имя Тразилл одного корня с греческим прилагательным, имеющим значение "отважный, дерзкий, наглый".
4. Киннамон - коричное дерево.
5. ...преждевременным браком...- Минимальный срок траура вдовы был десять месяцев.
6. ...в первую стражу ночи... - между шестью и десятью часами вечера.
7. Мстительницы - фурии.
8. Мы везли на себе... воробьев... - Прирученные воробьи были любимой забавой детей и женщин.
9. См. прим. 19 к кн. VII.
10. Гений-хранитель. - Римляне верили, что каждого человека от колыбели до могилы сопровождает особое божество, добрый дух-хранитель, который назывался гением.

11. Глашатай - этим словом обозначали, между прочим, посредника, бравшего на себя ведение аукциона.
12. Сирийская богиня. - Имя этой богини точно не установлено. Сирийской она называлась потому, что центром ее культа был Гиераполь в Сирии. Празднества в честь богини носили характер оргий, во время которых многие ранили себя мечами, бичевали и даже оскопляли. Скопцами были и жрецы богини.
13. Сабадий - азиатский бог, отождествляемый с Дионисом, а также с Аттисом, любимцем и жрецом богини Кибелы.
14. Беллона - каппадокийская богиня войны, фанатичный и кровавый культ которой был перенесен в Рим.
15. Идейская матерь - Рея, супруга Кроноса, мать олимпийских богов.
16. Адонис - божество восточного происхождения, символизирующее умирание и пробуждение природы. Миф рассказывает, что Адонис был возлюбленным богинь Афродиты (Венеры) и Персефоиы (Прозерпины).
17. Альфа - трава, служившая для изготовления плетеных изделий.
18. ...не дева подменена ланью, а мужчина - ослом... - иронический намек на миф об Ифигении, которую должны были принести в жертву богам (без этого боги не давали попутного ветра, и греки, во главе с Агамемноном, отцом Ифигении, не могли начать поход на Трою). Но в момент жертвоприношения богиня Артемида заменила девушку ланью.

Книга IX

1. Жертвенный пир - пир, устраивавшийся в честь какого-нибудь бога после жертвоприношения ему; при этом кушанья приготовлялись из мяса жертвенного животного.
2. ...узнаем там забавную историю... - Далее следует новелла, которую почти без изменений заимствовал у Апулея Боккаччо "Декамерон" (день VII, новелла 2).
3. Мать Богов - то же, что Идейская матерь. Рея, супруга Кроноса, мать олимпийских богов; она была отождествлена с Кибелой, азиатской богиней, чей культ был подобен культу сирийской богини.
4. Туллианум - подземная часть государственной тюрьмы в Риме. Апулей пользуется этим названием как синонимом тюрьмы вообще.
5. У рабов, совершивших проступок, на лбу выжигалось клеймо.
6. Работа на мельнице была одним из самых тяжких наказаний; рабы вращали жернова наравне со скотом. Мельники держали обычно и пекарню - отсюда упоминание о дыме и паре.
7. Апулей говорит об Одиссее, которого воспел Гомер (Одиссея I, 1-4).
8. ...утверждая, что чтит единого бога...- Из этих слов явствует, что жена мельника исповедовала какую-то монотеистическую религию, возможно, христианскую, или иудейскую. Апулей, ревностный поклонник Исиды, высмеивает здесь каких-то своих религиозных противников.
9. Декурионы - члены местных сенатов; такие сенаты во времена императоров имелись уже почти во всех провинциальных городах.
10. ...так начал... повесть о бедствиях чужой семьи. - Эта новелла также попала в "Декамерон" (день V, новелла 10).
11. ...год... склонялся к зимнему инею Козерога. - Солнце вступает в созвездие Козерога в начале зимы.
12. Шестьдесят стадий - 9,5 километра.
13. Для несушки.
14. Римляне были очень суеверны; любое необычное явление могли принять за дурное предзнаменование.
15. ...жезлом из виноградной лозы... - Такой жезл был отличительным знаком центуриона и служил для расправы с провинившимися солдатами.
16. ...он боялся... ответственности за бесчестие, причиненное Гению, которому приносил... присягу... - В Римской империи существовал официальный культ гения-хранителя императора. Этому божеству присягали на верность солдаты. Поэтому потеря меча была не просто военным

преступлением, но святотатством и оскорблением императора.
17. ...поговорка о взгляде и тени осла. - Речь идет не об одной, а о двух случайно смешанных греческих поговорках. Первая - (судиться) "из-за ослиного взгляда". Ее применяли к тем, кто возбуждал судебное дело из-за пустяков, или в тех случаях, когда ничтожные причины вызывали серьезные последствия. Вторая - (говорить, спорить) "о тени осла", то есть интересоваться пустяками, спорить из-за пустяков.

Книга X

1. ...сменим-ка... комедийные башмаки на котурны. - Обувь комических актеров - сокк - была синонимом комического стиля, а котурны - трагического.
2. Куриями назывались здания, в которых заседал римский сенат. Подобная терминология, как видно, была принята и в провинциальных сенатах.
3. .. по закону Аттики и Марсова судилища... - то есть ареопага, древнейшего судебного учреждения в Афинах, получившего свое название от места, где заседал этот суд (холм Ареса, то есть римского Марса). Ведению ареопага подлежали, между прочим, дела об убийстве.
4. ...быть зашитым в мешок. - Виновных в убийстве ближайших родственников секли розгами до крови, а затем зашивали в кожаный мешок вместе с собакой, петухом, обезьяной и змеей и топили в море.
5. Каждый судья выражал свое мнение в одной из трех формул: 1) осуждаю; 2) оправдываю; 3) вопрос не ясен (таблички, на которых это писалось, собирались затем в урну).
6. ...ни колеса, ни дыбы...- Дыба - бревно на четырех ножках, на котором пытаемому вытягивали конечности.
7. Мандрагора - из корней и плодов этого растения добывался сок, который в смеси с тремя частями вина употреблялся как снотворное и обезболивающее средство. Легенды о волшебных свойствах корней мандрагоры, напоминающих своими очертаниями человеческую фигуру, были распространены в древности.
8. Этеокл и Полиник - сыновья Эдипа, затеявшие братоубийственную войну из-за власти в Фивах.
9. Финей - легендарный фракийский царь, ослепивший, по наущению жены, своих сыновей от первого брака. В наказание за это гарпии (крылатые чудовища с девичьими лицами) похищали его пищу и марали своими нечистотами все, что не могли унести.
10. См. прим. 14 к кн. IX.
11. ...как ослиная Пасифая. - Бог Посейдон, разгневавшись на критского царя Миноса, заставил его жену Пасифаю влюбиться в быка. Плодом этой страсти был человекобык - Минотавр.
12. ...сцена открывается перед глазами зрителей. - Следует знаменитое описание пантомима - наиболее популярного вида театральных представлений эпохи Римской империи. Обыкновенно танцы и игра актеров сопровождались песнями хора, объяснявшего зрителю, что происходит на сцене.
13. Идейская гора. - Ида - горный хребет в Малой Азии, у подножия которого лежало древнее Троянское царство.
14. Кадуцей - атрибут бога-глашатая Меркурия в виде стержня, обвитого двумя змеями.
15. Кастор и Поллукс (Полидевк) - близнецы, сыновья Леды. Отцом Кастора был смертный, а отцом Поллукса (Полндевка) - Зевс.
16. См. прим. 27 к кн. IV.
17. Прославленные ахейские вожди - вожди греков, сражавшихся под Троей.
18. Паламед - один из героев троянского цикла мифов. Одиссей и Агамемнон, завидовавшие его хитрости и уму, подбросили в его палатку золото и подложное письмо от троянского царя Приама, а затем обвинили Паламеда в предательстве, и народ побил его камнями.
19. Намек на миф об Аяксе, который перерезал от обиды и горя стадо, когда ахейцы после смерти Ахилла отдали его оружие не ему, а Одиссею (Улиссу).
20. Старец божественной мудрости - Сократ, который был обвинен а нечестии и развращении молодежи и приговорен к смерти.
21. Кенхрей - главная гавань Коринфа, в двух часах пути от города.

22. Колесница солнца уже обогнула последний столб на ипподроме дня... - Во время скачек колесницы должны были огибать столбы (меты), стоявшие на противоположных концах ипподрома.

Книга XI

1. ...к царственному лику священной богини - то есть к Луне, которую в эпоху поздней античности отождествляли с Исидой.
2. Число "семь" священно не только для пифагорейцев, но и для других религий и мистических учений.
3. Обращение владычица небес к Исиде совпадает с христианским обращением к Богородице, что не случайно, так как Исида с младенцем Гором на руках была одним из прообразов Богоматери.
4. ...вновь дочь обретя... - Прозерпина (Персефона), дочь богини земледелия Цереры (Деметры), похищенная богом подземного царства, была возвращена матери по приказу Зевса, но половину каждого года она должна была проводить с супругом в преисподней.
5. Пафос - город на Кипре. Здесь находился храм Афродиты.
6. Прозерпина (Персефона) отождествлялась с Гекатой, владычицей призраков и злых духов; вместе с ними носится она ночью повсюду, и испуганные собаки всех извещают о ее приближении.
7. ...триликим образом своим... - Геката изображалась трехглавой. Возможно, это намек на слияние в одном божестве трех богинь: небесной - Луны, земной - Артемиды и подземной - Персефоны.
8. ...о, Прозерпина, ...неверный свет свой... проливающая... - Эта часть молитвы обращена к Луне (Селене).
9. ...влажными лучами питающая... посевы... - Луна считалась причиной и источником ночной росы.
10. ...как бы ты ни именовалась... - Божество имело много имен, и такая оговорка при торжественной молитве была необходима.
11. Змеи, хлебные колосья - атрибуты Цереры.
12. Черный плащ мог быть эмблемой Луны, часть которой всегда покрыта тенью, подземной богини Прозерпины или оплакивающей Прозерпину Цереры.
13. Римская тога собиралась в складки у левого плеча.
14. Медный погремок - систр (см. прим. 34 к кн. II).
15. ...чаша в виде лодочки... - Корабль был священным символом Исиды - богини моря и покровительницы мореплавателей. Возможно также, что он символизировал разливы Нила.
16. ...победных пальмовых листьев. - Пальма - эмблема победы.
17. ...фригийцы, первенцы человечества... - намек на знаменитый рассказ о египетском фараоне Псамметихе, который, желая установить, какое из человеческих племен самое древнее, приказал, чтобы двое новорожденных мальчиков были изолированы от людей и выкормлены козами. Первым словом, сказанным этими детьми, было "бекос" - "хлеб" по-фригийски. Это убедило фараона, что самый древний народ на земле - фригийцы.
18. Пессинунт - древний город Малой Азии: здесь чтили азиатскую богиню Кибелу, которая была отождествлена с Реей, великой матерью богов.
19. ...исконные обитатели Аттики... - Считалось, что афиняне - исконное население Аттики, в то время как большинство племен, населяющих Грецию, - переселенцы из других мест.
20. ...Минервой кекропической.... - Минерва (Афина), покровительница Афин, называется по имени Кекропа, легендарного основателя и первого царя Афин.
21. ...критские стрелки... - Критяне славились меткостью стрельбы из лука.
22. Диктинна - Артемида, которой критское предание приписывало изобретение рыбацких сетей (сети - по-гречески "диктюон").
23. Трехъязычные сицилийцы - говорящие на местном сицилийском наречии, по-гречески и по-латыни.
24. Стигийской Прозерпиной... - Каждое божество имело много имен, и каждый народ свою

главную богиню видел то в одном, то в другом обряде.
25. Беллона - см. прим. 14 к кн. VIII.
26. Геката отождествлялась с Прозерпиной-Персефоной.
27. Рамнузия (Немезида) - богиня справедливого возмездия, главный храм которой находился в аттическом селении Рамнунт.
28. ...Эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца... - По представлению древних, Эфиопия была сказочной страной и простиралась к востоку и западу от Нила.
29. Изида (Исида) - первоначально египетская богиня, олицетворяющая плодородие Нильской долины, позднее - также богиня Луны. С распространением ее культа за пределы Египта, ее постепенно отождествляют с самыми разнообразными божествами, и, наконец, в глазах своих многочисленных почитателей она становится верховной владычицей всего сущего.
30. Корабль был священным символом Исиды.
31. Роза была священным цветком богини Исиды.
32. ...твое превращение не внушит никому подозрения... - Неожиданное превращение могло вызвать подозрение в преступных занятиях магией или могло быть расценено как злое предзнаменование.
33. Ахеронт - река в царстве мертвых; в переносном смысле (как здесь) - подземное царство.
34. Елисейские поля, или Острова блаженных, по представлениям, характерным для поздней античности, - место, где пребывают души людей, праведно проживших свою жизнь.
35. Для многих культов характерно участие ряженых в священных процессиях. Возможно, первоначально маски имели символическое значение.
36. Сандалии плелись из листьев пальмы, папируса, ивовой коры и даже соломы.
37. Серапис - египетско-эллинистическое божество, отождествляемое с Осирисом, Зевсом, Плутонием, Асклепием.
38. Лен употреблялся для облачения египетских жрецов.
39. Пальмовая ветвь и Меркуриев кадуцей - эмблемы бога Анубиса, как видно из описания этого бога в следующей главе. Египетский Анубис, проводник душ умерших в подземное царство, был отождествлен с Гермесом-Меркурием (отсюда - кадуцей). Пальма у египтян - эмблема астрологии и магии (Анубис, как и Гермес,- покровитель магов).
40. Веялка - символ плодородия и в то же время чистоты.
41. Амфора с чистой водой посвящена олицетворяющему Нил и вообще воду Озирнсу (Осирису), супругу Исиды, разделяющему с нею власть над миром.
42. Сразу же вслед за ним - корова...- В образе коровы почиталась древняя египетская богиня Хатхор, отождествленная с Иснднй.
43. Что именно было в ларце, неизвестно.
44. ...искусно выгнутая урна... - Большинство ученых видит в этой урне символ соединения Исиды (в образе змеи) с Осирисом (полагают, что в урну была налита вода, может быть, даже нильская).
45. Превосходный топ - специальный морской термин; так называлась верхняя часть мачты.
46. Корма корабля часто оканчивалась украшением в форме гусиной головы.
47. Пастофоры - египетские жрецы среднего ранга, во время религиозных процессий носившие изображения богов.
48. ...держа в руках ветви священных деревьев... - ветви лавра, мирта, оливы, розмарина.
49. См. выше прим. 41.
50. ...приветствуя восходящее солнце... - Осириса отождествляли с богом Солнца.
51. ...рабу Кандиду соответствовал возвращенный мне конь, который был белой масти. - "Кандидус" - по-латыни "белоснежный".
52. Об этой ночи Апулей рассказывает дальше, в гл. 23.
53. ...воздерживаться от недозволенной и нечистой пищи... - Посвященные в таинства Исиды не употребляли в пищу мясо некоторых животных, отдельные части туши и т. п.
54. Очевидна связь культа Иснды с астрологией. Может быть, именно через движение светил, как думали древние, богиня управляет судьбой человека.
55. Изображения животных - египетские иероглифы.
56. ...узлами... переплетаясь и наподобие колеса загибаясь... - По-видимому, демотическое

письмо - поздняя форма древнеегипетской скорописи.
57. В оригинале игра слов: в латинском языке слова "есть" и "жить" - омонимы.
58. Стола - длинное просторное платье; в Риме его носили обыкновенно женщины. Число двенадцать указывает, вероятно, на двенадцать знаков Зодиака (ведь Исида - Луна, а Осирис - Солнце).
59. ....гиперборейские грифоны... - Древние помещали сказочную страну гипербореев на Севере, туда не долетает холодный ветер Борей.
60. ...простираешь десницу... которой рока нерасторжимую пряжу распускаешь... - намек на знаменитый греческий миф о трех богинях судьбы, которые прядут нить жизни человека и решения которых непреложны.
61. Августова гавань - Остия, в устье Тибра, порт Рима.
62. ...накануне декабрьских ид... - 12 декабря.
63. ...в святейший этот город - В Риме было огромное количество храмов самых разнообразных богов.
64. ...чтили под названием Полевой... - по местоположению ее храма. Храм Исиды находился на Марсовом поле.
65. Тирс (жезл, увитый плющом и листьями винограда и увенчанный сосновой шишкой) и плющ - эмблемы Диониса, отождествляемого с Осирисом.
66. ...имя, не чуждое моим превращениям. - Осел по-латыни "азинус".
67. Мадавра - небольшой город в Северной Африке, родина Апулея. Судя по тому, что герой романа превратился в уроженца Мадавры, Апулей говорит теперь о себе самом. Таким образом, в начале следующей главы речь идет, по-видимому, о путешествии писателя в Афины, где он изучал философию, а затем в Рим.
68. ...голову выбрил вдобавок... - См. кн. XI, гл. 10.
69. ...из самого числа посвящений... - Представление о священном значении числа "три" характерно для многих религий (в том числе, христианской) и мистических философских учений.
70. ...во времена Суллы... - 70-е годы 1 века до н. э.

С. Маркиш